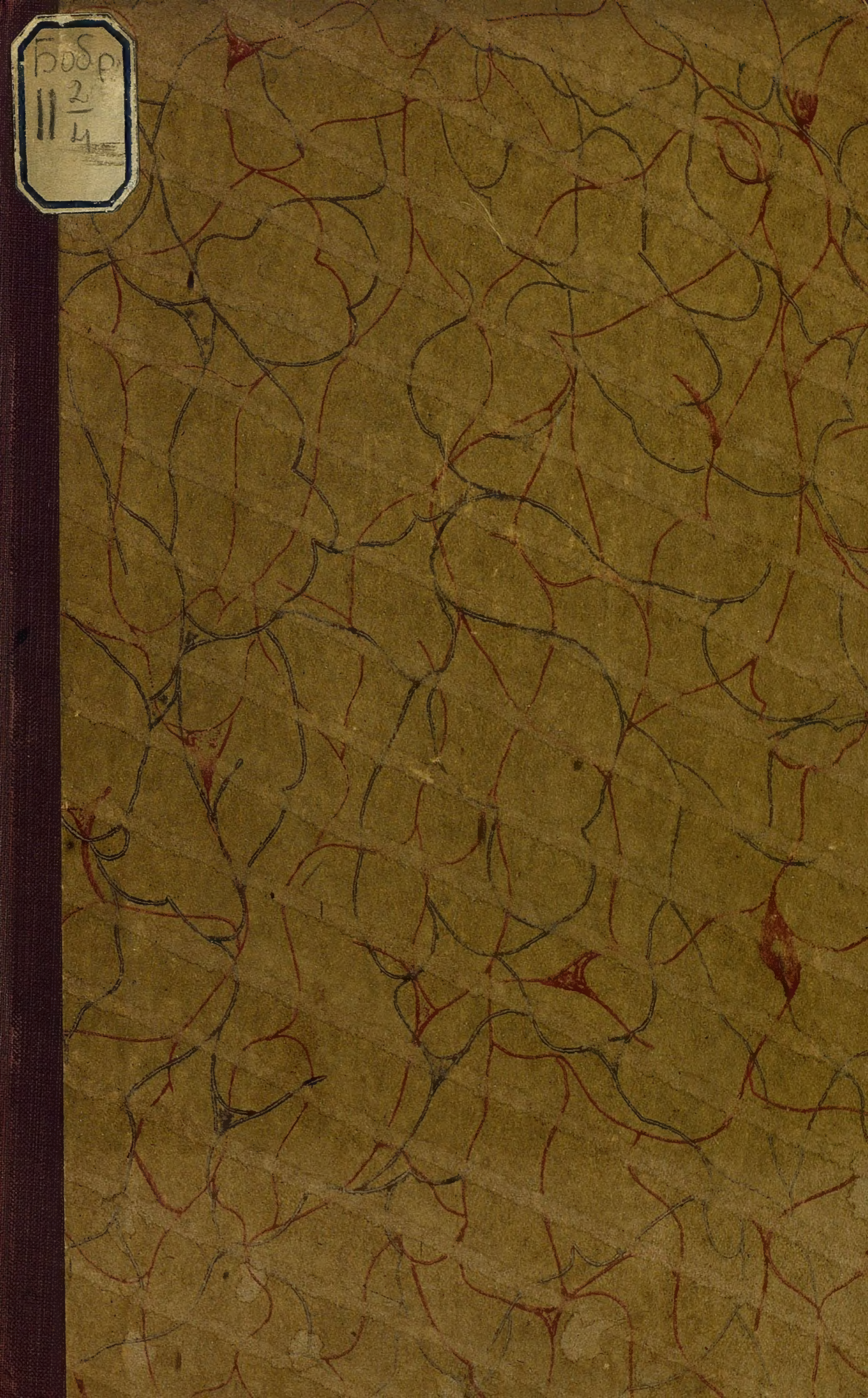
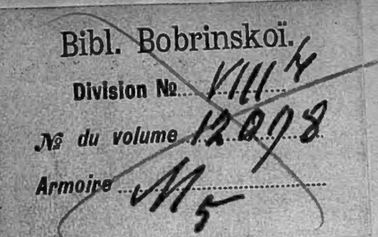

Бобр.
II 2/4

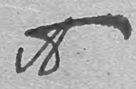
ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XXXVII. Вып. 1.
Подъ редакціею д. чл. А. А. Шахматова.

Ю. А. ЯВОРСКІЙ.

ПАМЯТНИКИ ГАЛИЦКО-РУССКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I. Легенды. II. Сказки. III. Разсказы и анекдоты.

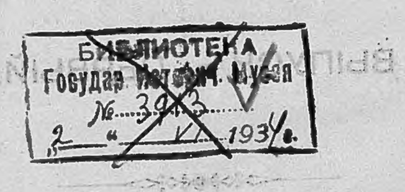
ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

КІЕВЪ.
Тип. „С. В. Кульженко", Пушкинская ул., собств. домъ, № 4.
1915.

БИБЛИОТЕКА
Госудаp. Истоpич. Музея
№ 3913
2 VI 1934 г.

По сложившимся временно, въ связи съ переживаемыми историческими событіями, особымъ обстоятельствамъ, лишающимъ издателя на продолжительное время возможности непосредственнаго личнаго наблюденія за дальнѣйшимъ печатаніемъ настоящаго сборника,—Отдѣленіемъ Этнографіи признано своевременнымъ и цѣлесообразнымъ выпустить отпечатанные уже листы послѣдняго теперь-же, въ видѣ перваго выпуска XXXVII-го тома „Записокъ“ Отдѣленія, съ тѣмъ, что остальная часть сборника, содержащая, кромѣ окончанія начатаго уже въ этомъ выпускѣ обзора литературныхъ темъ и мотивовъ и свода параллелей къ нимъ, также еще библіографическій указатель использованной литературы, словарь областныхъ словъ и общее предисловіе и оглавленіе къ цѣлому сборнику, будетъ издана, въ качествѣ второго выпуска того-же тома, при первой возможности отдѣльно.

Январь 1915 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ: ЛЕГЕНДЫ.

1.

Люди изъ яицъ.

За то́е, що Эва скусы́ла Ада́ма, Богъ прокля́ў йи, щобы́ она́ на зэмлы́ ро́дыла ди́ты въ бо́ляхъ, а по смэ́рты абы́ ко́ждого дня нэсла́ ти́лько яе́цъ, ки́лько людэ́й на́-дэнь умыра́е, такъ до ви́ку. Тай бэрэ́ Богъ тоти́ я́йця, розкра́вуе на дви половы́ци и мэ́чэ на зэ́млю. Зъ едно́и половы́ци ро́дытся хло́пэць, а зъ дру́гои ди́ўка, и оны́ ся пото́му, якъ пидросту́тъ, жэ́нятъ. Алэ то й такъ бува́е, що една́ половы́ця яйця́ ўпа́дэ на мо́рэ, а дру́га на зэ́млю, а́бо що едну́ половы́цю зъйи́стъ які́й зьвиръ, то вжэ той человикъ зъ то́и дру́гои половы́ци, що нэ пропа́ла, нэ ма́е своéи па́ры и лыша́ется цилэ́ жытьé па́робкомъ а́бо ди́ўкою.

(Отъ Татьяны Голубъ въ Борусовѣ.)

2.

Великаны и маленькіе люди.

Даўно́ (отъ, видъ насъ такъ трэ́того поколи́ння) бу́лы таки́ вэ́лыты, що пода́ў зъ Йи́лова чэ́рэзъ гору́ сокы́ру сюды́, таку́ ру́ку маў. То въ Коха́вынн въ косьцёли стои́ть щэ ны́нька така́ нога́ вэ́лыта, видъ зэмли́ ажъ до пова́лы.

А якъ щэ бу́ло ма́ло таки́хъ малы́хъ людэ́й, отъ, якъ мы, то разъ вы́йшоў ора́ты чолови́къ на по́лэ. А винъ надійшо́ў, той вэ́лытъ, тай такъ взяў на пры́горщи то́го господа́ря, и во́лы, й плугъ, и пры́носытъ до ма́мы: „Дывы́ся, ма́мо, ка́жэ, яки́ ту хробачки́ ры́ютъ по́лэ!"

А по насъ знову таки́ бу́дутъ маля́ньки лю́дэ, що со́рокъ ихъ мо́жэ въ пьецу молоты́ты. Алэ то вжэ мо́жэ ажъ тогды́, якъ які́й по́топъ бу́дэ, а́бо що́,—хто то мо́жэ зна́ты Бо́жу во́лю?

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

3.

Премудрый Соломонъ.

Маў ци́саръ едно́го сы́на, тай той сынъ ду́жэ му́дрый ся вы́вчыў, ещэ́ мудрі́йшій, якъ самъ та́то. И той хло́пэць вы́йшоў пидъ ха́ту и зробы́ў сы важкі́ зъ бля́хи и взяў ва́жыты ба́бынъ ро́зумъ и пэ́сье гивно́. И вы́йшла акура́тъ идъ нё́му цисаро́ва, его́ ма́ты власты́ва, и пыта́еся его́: „Що́ ты ту ро́бышь, сыну́ню?“ — „Ва́жу, ка́жэ, ба́бськый ро́зумъ и пэ́сье гивно́“. —„А котрэ́ тя́жшэ?“ —„Пэ́сье гивно́ тя́жшэ“. А ма́ты ка́жэ: „Оў, сыну́ню, та́-жэ и я ба́ба!“ — „Вшы́стко ру́вно!“

По́тимъ винъ узя́ў тай ся забра́ў съ тымъ тай пишо́ў помэ́жы ха́ты. А она́ ёго́ каза́ла шука́ты и зйима́ты и вы́вэсты въ лисъ. Тай тамъ каза́ла ёго́ зари́заты и прынэ́сты йій сэ́рцэ и мизэ́рный па́лэць зъ руки́ на знакъ. Алэ винъ маў пэска́, и той пэсо́къ съ нымъ разъ-на́-разъ ходы́ў. И якъ го слу́гы взя́лы въ лисъ тра́тыты, то пэсо́къ пишо́ў исъ нымъ у лисъ. Тамъ у ли́си винъ ка́жэ: „Лю́дэ, не ри́жтэ мэнэ́, лышэ́ возьми́тъ зъ пэска́ сэ́рцэ, а мизэ́рный па́лэць вжэ вамъ му́шу да́ты!“ И тымъ слуга́мъ ся жаль зробы́ло и оны ёго́ послу́халы: зари́залы пэска́ и взя́лы зъ нёго сэ́рцэ, а потому винъ сы вжэ самъ видри́заў па́лэць. И оны́ то понэ́слы ёго́ ма́тэры на знакъ.

А винъ тогды́ забра́ўся и пишо́ў, нэ вка́зуваўся до сво́го витця́ а́ни до сво́йи ма́тэры. Купы́ў сы квочку съ ку́рятамы и взяў, позолоты́ў ихъ, и тогды́ прыйшо́ў до то́го ми́ста, дэ маў витця́ и ма́тирь, и си́въ сы на ми́сти и ко́ло сэ́бэ розпусты́ў кво́чку и ку́рята и даў йимъ йисты. Якъ ту лю́дэ то повы́дилы, да́лы зна́ты до ци́сара, що які́й-сь паны́чъ ма́е таки́ ку́ры, що таки́хъ щэ нихто́ нэ вы́диў. Прыхо́дытъ до

нёго ёгó мáты и кáжэ: „Щó панъ хóчэ за ти кýры?“ А винъ кáжэ: „Ницъ нэ хóчу, лышэ́ щобы́ пáни однý ничь зо мноў спáла!“ А онá кáжэ: „Нэ хóчу!“ Якъ онá то сказáла, що нэ хóчэ, винъ тогды́ тоты́ кýры тамъ подарувáў якóму-сь би́дному и забрáўся зноў у сьвитъ.

Тай вы́мыслыў зворцьéдла, таки́, що сутъ ны́ни. Прыйшóў до тóго ми́ста зноў, обстáвыўся наўкóла ны́мы. Тамъ лю́дэ повы́дилы тотó, — хто подывытся, вы́дытъ сэбэ́ кóждый, — то дáлы зноў знáты до ци́сара. А мáты зноў пишлá идъ нёмý, áлэ винъ ся видмины́ў зноў инáкшэ. Кáжэ цисарóва: „Щó хóчэтэ за тоты́ зворцьéдла?“ А винъ кáжэ: „Ницъ нэ хóчу, лышэ́ абы́ пáни зо мноў однý ничь спáла!“ Тогды́ онá кáжэ: „Бýду!“ И ляглá кóло нёго вжэ въ ночы́ спáты и взя́ла ёгó рýку и прытýлювала до сэ́бэ кóло пýпця, а винъ кáжэ: „Я ту нóсомъ порóў!“ А взя́ла го пидъ грудьмы́, а винъ кáжэ: „Я на тимъ сэ́рцы лэжáў!“ А онá здуми́лася дýжэ. Рáно винъ ся умывáў, а онá то увы́дила, що винъ пáльця нэ мáе, тай кáжэ до нёго: „Чомý ты пáльця нэ мáешь?“ А винъ кáжэ: „Я малы́мъ хлóпцёмъ бáвыўся съ дитьмы́, та мы ди́ты пáлэць обтя́лы“. А онá кáжэ: „Въ мэ́нэ е пáлэць, мóжэ бы ся тоби́ прыдáў?“ Тогды́ онá побиглá до дóму, пáлэць прынэ́сла, прытулы́ла ёмý до руки́, и пáлэць ся зáразъ прыхóпыў, прыри́съ до руки́. А онá тогды́ почáла крыкъ и йимы́ла го, хоти́ла го ўтры́маты, бо вжэ повы́дила, щó то ей сынъ буў. Алэ винъ ся вы́рваў видъ нэ́и и ўтикъ. И зноў пишóў сы въ сьвитъ.

Онá взя́ла, спрáвыла комáшню и заклы́кала людэ́й и дáла имъ таки́ лы́жки дóўги, ажъ пидъ стэ́лю. И кáжэ: „Якъ нэ вы́йистэ тотý стрáву, то бýдэтэ вси потрáчэни!“—Хто вóзьмэ йи́сты, запрэ́ лы́жкоў о стэ́лю, нэ мóжутъ йи́сты. Алэ той прэмýдрый Соломóнъ о тимъ знаў о всимъ тай ўбигъ тай кáжэ: „Лю́дэ, одэ́нъ дрýгого годýйтэ: ты зъ-за столá давáй тóму на той бикъ йи́сты, а зъ тамтóго бóку най зачырáе тай тóму най дае́ видъ стины́!“ Ухóдытъ она, а мы́ски сухи́. Кáжэ: „Хто васъ такъ порáдыў?“ Кáжутъ йи́й лю́дэ: „Ту які́й-сь панъ ўбигъ тай насъ такъ порáдыў.“ Онá кáжэ: „То мі́й сынъ буў, чомý-сьтэ нэ йимáлы?“—„Мы нэ знáлы!“

Тогды́ онá взя́ла, насы́пала по помóсти грóши. И кáжэ людёмъ: „Абы́-сьтэ позбырáлы и нэ згынáлыся, а якъ нэ позбырáетэ, вси потрáчэни бýдэтэ!“ Оны́ ся ту мý-

чатъ, нэ мо́жутъ. А винъ ся ўхо́пыў тай ка́жэ: „Смоло́ў ходаки́ намастьі и по гро́шохъ ходьі и пидоймьі едну́ но́гу, а на дру́гій стій; якъ познима́ешь гро́ши зъ то́и ногьі, то зно́ву да́льшэ по гро́шохъ ходьі и збыра́й!" И самъ ся забра́ў и ўтикъ. Ухо́дытъ тота́ цисаро́ва—гро́ши позбьірани. Пыта́еся: „Хто васъ такъ нара́дыў?"—„Які́й-сь панъ!" „Чому́-сьтэ нэ йималы? то мій сынъ!"—„Мы нэ зна́лы!"—И лю́дэ повидправля́лыся и пишлы́ гэтъ.

Тогды́ каза́ла зробы́ты золоты́й плугъ и золоти́ колэсня́та. И каза́ла двомъ хло́памъ тягну́ты, а трэ́тому иты́ за плу́гомъ, сьвитъ обтягну́ты тымъ плу́гомъ.—„Хто ўгада́е, що́ то ко́шту́е гро́шэй, абы́-сьтэ то́го бра́лы, то мій сынъ!"—Оны́ обтягну́лы сьвитъ, нихто́ нэ ўгада́ў. Такъ блы́зько ко́ло то́го ми́ста буў гостынецъ чэ́рэзъ лисъ. А винъ то повы́диў, той прэму́дрый Соломо́нъ, и взяў, сиў для сэ́бэ въ тимъ ли́си и взяў сы́ра и хли́ба и йисть. И ся пыта́ютъ тоты́ его́: „Мо́жэ вы ўгада́етэ, що́ той плугъ ко́шту́е тай колэсня́та?" А винъ ка́жэ: „Якъ нэ бу́дэ бэ́рэзня вэ́рэмя, а ма́я дощу́, то той плугъ нэ ва́рта й то́го, що я на нимъ сы́джу!" И оны́ ся забра́лы съ тымъ плу́гомъ и прыйшлы́ ажъ до до́му, до цисаро́вои. И пыта́еся она́: „Цы ўгада́ў хто?"—„Нэ ўгада́ў, ка́жутъ, нихто́, лышь ту недалэ́ко въ ли́си сыди́ў які́й-сь для сэ́бэ тай сказа́ў: якъ нэ бу́дэ бэ́рэзня вэ́рэмя, а ма́я дощу́, то той плугъ ницъ нэ ва́рта!"—„Чому́-сьтэ го нэ бра́лы, то мій сынъ!"—„Мы нэ зна́лы."—И она́ вжэ да́ла по́кій всёму.

А винъ забра́уся тогды́, наймы́ў сы два орлы́ и годува́ў ихъ. И зробы́ў сы скры́ню и зари́заў два волы́ и запакува́ў мя́со до скры́ни. И тогды́ орлы́ запря́гъ и лети́ў такъ до нэ́ба. Хоти́ў змьэ́ряты, якъ за высо́ко видъ зэмли́ до нэ́ба. Що котры́й зисла́бнэ орэ́лъ, то винъ ўри́жэ ку́сныкъ мя́са и вэ́ржэ орло́вы въ пы́сокъ и лэты́тъ да́ли. Ви́дтамъ зача́лы сьвяти́ крыча́ты: „Прему́дрый Соломо́нэ, вэрны́ся! бо, ка́жутъ, ту такъ со́нцэ палы́тъ, що твои́мъ орла́мъ кры́ла опалы́тъ, и ты ви́дты упа́дэшь и ся розы́бьешь!" И винъ послу́хаў ихъ и вэрну́ўся. Щэ на долы́ну трэ́ба бу́ло да́ты разъ йи́сты орла́мъ, а вжэ нэ бу́ло мя́са. Тогды́ винъ ззуў чо́битъ и видри́заў зъ своеи ногы́ лы́тки и даў имъ йи́сты, и тогды́ злэти́ў вжэ на зэ́млю. И тогды́ орлы́ пусты́ў у сьвитъ, а самъ пишо́ў.

Хоти́ў змье́ряты мо́рэ, якъ за глубо́ке. Купы́ўсы ланцъ на 1200 сяжэ́нь до́ўгый, казаў коваля́мъ зробы́ты стоўпъ зели́зный на 150 ли́ктиў гру́бый, а 90 сяжэ́нь до́ўгый. И казаў той стоўпъ забы́ты въ зэ́млю надъ тымъ мо́рэмъ. И зла́дыў сы щэ таку́ бо́чку, абы́ тамъ маў дэ сыди́ты. И тогды́ пишо́ў да́ли, такъ нэдалэ́ко, подывы́тыся, чы нэ повы́диў бы его́ очы́ма, якъ оно́ за до́ўгэ, тото́ мо́рэ. А тамъ мала́ диты́на чэ́рпае во́ду вары́шкоў у това́рячій слидъ. А тото́ нэ диты́на була́, ай самъ Го́сподь. Винъ ка́жэ: „Що́ ты, малэ́ дзье́цко, ро́бышь?" А диты́на ка́жэ: „Чэ́рпаю во́ду у тоту́ я́мку, абы́-мъ йи вы́чэрпаў всю!" А винъ ся о́сьмихнуў и повида́е: „Малэ́ дзье́цко, яке́ ты глу́пэ, жэ ты хо́чэшь таку́ во́ду вэлы́ку вы́чэрпаты въ таку́ малэ́ньку я́мку!"

И обэрну́ўся тогды́ наза́дъ и купы́ўсы ку́рку и когута́. И пишо́ў и до то́и бо́чки всады́ў ку́рку и когута́: якъ ку́рка на розсьви́тю жу́рытся, абы́ знаў, котра́ пора́, цы ничь, цы дэнь, тай якъ когу́тъ піе. И у́пяў ланцъ до стоўпа́ и до бо́чки и пусты́ўся въ бо́чци въ прэспо́дни. На розсьви́тю ку́рка ся жу́рытъ, когу́тъ пі́е. И якъ вжэ въ прэспо́дни стаў на дни́, прыйшо́ў мо́рській ракъ и пэрэтя́ў ланцъ. Такъ винъ тамъ пла́чэ, бо ся на гору́ нэ диста́нэ.

Тогды́ прыхо́дытъ идъ нёму злый дія́вулъ и ка́жэ: „Вы́дышь, прэму́дрый Соломо́нэ, які́й-есь му́дрый, а ны́нька-сь дурны́й! Алэ, ка́жэ, пидпышы́мы ся, то тя вы́нэсу на гору́!" Винъ ся пидпыса́ў и дія́вулъ го вы́нисъ на гору́. Якъ го вы́нисъ на гору́, тогды́ прэму́дрый Соломо́нъ такъ ка́жэ до дія́вола: „Ты зна́ешь, яка́ въ мэни́ е сы́ла, бо-сь мя вжэ нисъ, а́лэ я нэ зна́ю, яка́ сы́ла въ то́би. Ходы́, ка́жэ, я тэбэ́ бэ́ру въ шки́ряный михъ и бу́ду нэ́сты бэзъ ку́сэнь доро́гы, а хто ся бу́дэ пыта́ты, що я нэ́су, я бу́ду каза́ты, що дзвинъ. А якъ бы хто у́дарыў въ тэ́бэ, то абы́ ты тамъ дзвоны́ў!" Идэ́, нэсэ́ его́. Хто ся пыта́е: „що нэсэ́шь въ ми́ху?" винъ ка́жэ: „дзвинъ!" И такъ идэ́, а тры молоти́льныки пэ́рэдъ стодо́лоў моло́тятъ, а винъ ка́жэ: „Я ма́ю ту тро́ха жы́та въ ми́ху, абы́ вы мэни́ вы́молотылы!" Тогды́ молоти́льныки ка́жутъ: „Клади́тъ!" Якъ оны́ зача́лы молоты́ты, той дія́вулъ зача́ў тамъ ду́жэ ґваўтова́ты, ка́жэ: „Всё ты видпуща́ю, лышэ́мы дару́й жытье́!" Тогды́ молоти́льныки ся у́пуды́лы и ка́жутъ: „Що панъ намъ таке́ даў молоты́ты?" А Соломо́нъ ка́жэ: „Молоти́тъ, нэ пыта́йтэ, я вамъ за то вэлы́ки

гро́ши заплачу́!“ Оны́ ста́лы молоты́ты, збы́лы на ро́пу. Винъ тогды́ взяў михъ, вы́трясъ ро́пу, заплаты́ў имъ и пишо́ў.

Пото́му винъ собі́ сиў на коня́, хоти́ў конёмъ увэ́сь сьвитъ обийхаты. Йидэ чэ́рэзъ лисъ, якъ тра́фыў на гылю́ дубо́ву, ўда́рыла го гыля́ по шы́йи, зломы́ў сы ϒаркъ. И тогды́ вжэ скиньчы́ў свое́ жытье́.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

4.

Почему жиды не ѣдятъ свинины.

Сусъ Хрысто́съ ходы́ў по сьви́ти съ сьвяты́мъ Пэтро́мъ. Жыды́ вжэ зна́лы, що то Сусъ Хрысто́съ, а всэ нэ вье́рылы. Тай разъ жыдъ до жы́да ка́жэ: „Колы́ винъ такі́й проро́къ, то положи́мо жыди́ўку съ диты́ноў пидъ коры́то (бо жыди́ўка була́ въ поло́зи), най ўгада́е“. Тай жыдъ ка́жэ до Су́са: „Ану́, ты такі́й проро́къ, то ўгада́й, що́ ту е пидъ коры́томъ?“ А Сусъ Хрысто́съ ка́жэ: „Лёха съ пацье́тьомъ!“ Тай видслоны́лы коры́то, то жыди́ўка ся зробы́ла лёхоў, а жыдя́ пацьётьомъ. То тому́ жыды́ тэпэ́рь нэ йидя́тъ свыни́.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

5.

Почему жиды цѣлуютъ косякъ двери.

То у жы́да служы́ла зъ на́шои вье́ры ди́ўка. Тай всэ си жыды́ збыткува́лы надъ нэў, тай всэ йий дэ́-що говоры́лы. Разъ жыды́ ка́жутъ: „Що тото́ за проро́къ? Ану́, колы́ ты ка́жешь, що Сусъ Хрысто́съ по зэмлы́ хо́дытъ, то най винъ зро́бытъ, абы́ зъ тыхъ пэчэ́ныхъ яе́цъ ку́рята вы́лизлы, а той звари́ный когу́тъ абы́ запи́ў!“ Алэ она́ ка́жэ до ныхъ: „Яки́ вы, жыды́, дурни́! Якъ бы такъ Го́сподь даў, то́ бы такъ було!“ А жыдъ взяў тай у ню вэргъ ножо́мъ.

Алэ она́ утика́ла́ въ два́ри, а нижъ застря́гъ у о́двиро́къ. А ку́рята за́разъ вы́лизлы зъ тыхъ яе́цъ пэчэ́ныхъ тай заци́пкалы, а когу́тъ варэ́ный запи́ў. Жыды́ тогды́ стоўпо́мъ постава́лы. Тай той о́двирокъ тэпэ́рь жыды́ цилу́ютъ, тоту́ ра́ну, що тамъ жыдъ вэргъ за ди́ўкоў ножо́мъ.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

6.

Ангелъ между людьми.

Такъ Го́сподь Богъ вы́правыў по едну́ ду́шу а́нгэла. И той а́нгэлъ пишо́ў та́мка и маў бра́ты ма́му, а́лэ тамъ ду́жэ булы́ дрибни́ ди́ты и ду́жэ пла́калы, а винъ пожа́луваў и нэ браў имъ ма́мы. Прыйшо́ў до Бо́га и ка́жэ: „Я нэ взяў души́, бо тамъ сами́ дрибни́ ди́ты, такъ пла́чутъ!“ Тогды́ Го́сподь Богъ ка́жэ: „На́-тоби́ пруто́къ и йды у мо́рэ и уда́рышь нымъ по мо́рахъ. И тамъ е такі́й камэнэ́ць на спо́ди, той камэнэ́ць вы́ймэшь и на́-тоби́ дру́гый пруто́къ—и уда́рышь тымъ прутко́мъ по каминьцы́: що́ въ тимъ каминьцы́ бу́дэ?“ И винъ такъ зробы́ў, прыйшо́ў до Бо́га и ка́жэ: „Буў въ каминьцы́ хробачо́къ“.— „Вы́дышь, ка́жэ Го́сподь, я знаў за то́го хробачка́, що тамъ е, то я бы и за тоты́ ди́ты буў знаў. Иды́-жъ ты соби́, ка́жэ, гэть, за то, що ты мэнэ́ нэ послу́хаў, на цилы́й рикъ. Шука́й души́ яко́и, якъ на́йдэшъ, то ту прыйдэ́шь зноў!“ А по ту ду́шу вы́правыў Го́сподь Богъ глухо́го а́нгэла, и ту ду́шу взяў.

А той а́нгэлъ пишо́ў и наймы́ўся у едно́го ксё́ндза. И прыйшло́ такъ разъ, вы́йшло, що йи́халы до ми́ста. Йи́дутъ, прыйиждж́ають до едно́го сэла́. Тамъ цэ́рковь така́ вэлы́ка, бога́та ду́жэ, а въ тій цэ́ркві була́ видпра́ва, мо́лятся. А той слуга́ ксё́ндзивъ злизъ зъ во́за и набра́ў соби́ ками́ня и мэта́ў ны́мы у цэ́рковь. И йи́дутъ зноў, прыйиждж́ають до дру́гого сэла́. Тамъ сэло́ таке́ малэ́ньке и цэ́рковь вжэ би́дна, малэ́нька, а въ тій цэ́ркві сами́ убо́ги ся мо́лятъ. А той злизъ изъ во́за, помолы́ўся пидъ тоў цэ́рковьоў и пойи́хаў. Йи́дутъ-йи́дутъ, а въ

однимъ сэли́ вэсильé идэ́; богача́ одного́, такé гучнэ́, спива́ютъ. А той набра́ў ками́ня тай мэ́чэ въ ныхъ. И пойихаў. Прыйиждджа́ютъ да́льше, а тамъ би́днэ вэсильé йдэ, тако́й и бэзъ музы́ки. А винъ встаў, изли́зъ, помолы́ўся, абы́ имъ ся до́брэ вэло́, и ихъ поблагословы́ў, сиў и пойихаў. Зноў до одно́го сэла́ прыйиждджа́ютъ, тамъ вэзу́тъ умэрло́го, и людэ́й ду́жэ бога́то идэ́,—то богача́ хова́лы. А винъ мэ́чэ ками́нье и въ тыхъ, въ то́го ўмэрло́го. Прыйиждджа́ютъ зноў до одно́го сэла́—вэзу́тъ ўмэрло́го, тако́го би́дного, на́вить ксёндза нэма́. А винъ стаў, помолы́ўся и пойихаў вжэ до ми́ста. Та́мки покупы́лы дэ́-що и прыйихалы до до́му вжэ. И ксёндзъ его́ ся ужэ́ нэ пыта́ў самъ, лышэ́ заста́выў дру́гого ксёндза, абы́ го ся запыта́ў, на́-що винъ такé робы́ў въ доро́зи. А самъ пидъ двэрмы́ слу́хаў.

А винъ ка́жэ: „Тамъ, дэ така́ бога́та цэ́рковь була́, сами́ богачи́ ся молы́лы, то на даху́ на цэ́рквы чорты́ сыди́лы, то я ихъ зганя́ў. А тамъ така́ малэ́нька цэ́рковь була́, тамъ сами́ убо́ги ся молы́лы, то та цэ́рковь счислы́ва, то й я ся помолы́ў. А тамъ, ка́жэ, гучнэ́ вэсильé ишло́, то я мэта́ў ками́нёмъ, бо тамъ сами́ чорты́ йшлы за ны́мы. А ишло́ би́днэ вэсильé, то булы́ до́бри, счислы́ви лю́дэ, то я помолы́ўся и ихъ поблагословы́ў. А тамъ вэзлы́ богача́ на катафа́льку, а то чортъ той бога́чъ, то я взя́ў тай мэта́ў ками́нёмъ. А тамъ би́дного вэзлы́ мэрло́го, то я помолы́ўся, бо то счислы́вый умэ́ръ“.

Тогды́ вжэ той ксёндзъ, що го ся допы́туваў, ка́жэ му: „Иды́-жъ тэпэ́рь, каза́ў твiй ксёндзъ, до ми́ста и купы́ для нёго таки́ чо́боты, абы́ въ ныхъ цилы́й рикъ мо́жна ходы́ты!“ А той а́нгэлъ тогды́ ка́жэ: „На́-що мо́му ксёндзовы чоби́тъ, колы́ винъ вжэ ўмэръ!“ И такъ бу́ло. Ксёндзъ лэжа́ў мэрлы́й пидъ двэрмы́: ўмэръ за́разъ тогды́, якъ стаў слу́хаты пидъ двэрмы́. И той а́нгэлъ тогды́ соби́ взяў тоту́ ксёндзову ду́шу, сиў на викно́, спэрхну́ў крыламы и полэ́тиў на нэ́бо.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

7.

Смерть кума.

а). Бyў бидный чоловикъ и ёмý даў Пáнъ-бигъ гарáздъ. Винъ ходыў по сэли всюда, просыў, щобы му хто дэржáў до хрэстý дитыну, áлэ нихтó нэ пишóў.—„Чогó тамъ пиду до нэго, кáжутъ, нэмá чогó!“—Два дны вжэ тотá дитына булá нэхрэщэна, и прыйшóў той бидный до жинки тай кáжэ: „Ходыў-емъ за кумáмы вжэ вчóра, нынька, и нихтó нэ пидэ!“ А жинка тогды кáжэ такъ: „Иды-но на дрýгэ сэлó, мóжэ хоть звидтамъ когó прывэдэшь; а ни, то мóжэ дэ на дорóзи дида здыблэшь, áбо когó, щобы дитына нэ булá такъ бэзъ хрэстý!“ И винъ идэ на дрýгэ сэлó.

Здыбáе ёгó кобита. „Дэ ты йдэшь, чоловичэ?“—пытáеся. Взяў винъ йій оповидáты: „Даў мы, кáжэ, Пáнъ-бигъ гарáздъ, и вжэ дрýгый дэнь дитына нэхрэщэна, нихтó нэ хóчэ йты за кумá!“ А онá кáжэ такъ: „Вэрныся, я ты бýду самá за кумý!“ И вэрнýлася съ нымъ до дóму, щэ здыбалы однóго бидного чоловика и взялы го съ собóў и охрэстылы вжэ тотý дитыну. Вжэ тогды буў въ хáти и хлибъ, и мукá: такъ Пáнъ-бигъ даў, що ся вжэ зъявыло. Булá тотá кобита у ныхъ два дны. Кáжэ: „Ну, що-жъ, тэпэрь я вжэ, кýмэ, мýшу йты. Алэ я тэбэ зрóблю вэлыкимъ дóхторёмъ, кáжэ, бо то я е смэрть! Ты соби якóго зиля накопáй, якóго-бýдь, жэбы-сь йно маў, а якъ я прыйдý по дýшу брáты, то найпэрэдъ бýдэшь ся дывыў: якъ я бýду хóрому въ головáхъ, то жэбы-сь зáразъ тымъ зилёмъ личыў, и кажы, що той чоловикъ выйдэ. А якъ я бýду въ ногáхъ, то кажы: шкóда личыты и всёго, бо той чоловикъ вжэ умрэ. А щобы булó, кáжэ щэ, й сто душъ въ хáти, то я ся никóму нэ покáжу, йно тоби!“ Тогды забрáлася и пишлá.

Нэзадóўго потóму захорувáў въ сэли едэнъ богáчъ. Дохтóриў звóжуютъ, рижнэ, кáжутъ: „Нэ выйдэ вжэ, умрэ!“ Той тогды накопáў зиля и пишóў до тóго богачá. Прыхóдытъ до хáты, а тамъ люде плáчутъ, завóдятъ. Дывытся винъ, а смэрть стоитъ въ головáхъ слабóго. Винъ тогды кáжэ: „Хоть казáў дóхторъ, що той вжэ нэ выйдэ, а я ёмý тáки порáджу!“ Пишóў, тóго зиля наварыў, даў му

ся напыты, -э-э, вжэ той за тры-чотыры годы́ны встае́, хо́дытъ, гэтъ здоро́ў. Тогды́ ёму́ да́лы па́ру ко́рциў збі́жа, па́ру ры́ньскихъ,—ну, вжэ́ би́дный ся запоми́гъ. Тогды́ винъ ся вжэ взяў и до пани́ў личы́ты. Такі́й вжэ винъ найли́пшый до́хторъ буў, найслаўні́йшый видъ уси́хъ. А таки́мъ ся па́номъ зробы́ў, паля́цы повыставля́ў, гро́ши, мае́тки таки́, що и ди́дыча тако́го нэ бу́ло, якъ винъ.

Ажъ-ту даля́ко дэсь ци́саръ захорува́ў. И той тогды́ пусты́ўся йи́хаты до то́го ци́сара. Цилы́й дэнь йи́хаў-йи́хаў, нигдэ́ нэ можъ бу́ло сэла́ здыбаты, ни ми́ста. И въ ночы́ вжэ йи́хаў бэзъ лисъ. Йи́хаў, а тамъ зда́лэку сьви́тытся сьви́тло. Ка́жэ винъ тогды́ до фи́рмана: „Йи́дьмо тамъ, вжэ тамъ будэ́мъ ночува́ты.“ И прыйи́хаў тамъ до то́го сьви́тла, тай гай зъ брычки, и идэ́ вжэ тамъ до то́и хаты́ны. Ды́вытся бэзъ викно́, а тамъ ти́лько сьвичо́къ горы́тъ, якъ на нэ́би зьви́зды, а́лэ нэ вси една́ко: една́ вжэ догара́е, дру́га и́но-що засьвиты́лася, а и́нчи до половы́ны, то-якъ. И винъ ды́вытся, а тамъ сыды́тъ тота́ сама́ кобі́та, що ёму́ дитыну до хрэсту́ тры-ма́ла. Тай винъ тогды́ клы́чэ, щобы́ ёму́ отворы́ла. Тай она́ вы́йшла и отворы́ла му. И винъ соби́ сиў ко́ло нэ́и тай сыды́тъ. Пыта́е йи ся за ти сьви́чки: що́ то е тако́го? А она́ ёму́ такъ повида́е: „Вы́дышь, ку́мэ, то сутъ всё лю́дськи ду́ши; тота́ сьви́чка, що и́но засьви́тытся тай за́разъ клы́пнэ, то е душа́ дитыны, що якъ ся уро́дытъ тай за́разъ ўмрэ, на́вить цыцьки нэ во́зьмэ ма́мынои; а тота́, що до половы́ны горы́тъ, то чолови́къ въ сэрэ́дныхъ лита́хъ щэ, щэ будэ́ жы́ты до́ўго; а та, ка́жэ, що ца́лкомъ вы́горытъ, то вжэ стары́й чолови́къ, нэзадо́ўго вжэ ма́е ўмэ́рты!“ А винъ тогды́ пыта́ется: „Ну, колы́-жъ ту такъ ду́ши вси е, то кажы́, котра́ е моя́ сьви́чка?“ А она́ ка́жэ: „Дывы́ся, твоя́ вжэ та́ки догара́е ца́лкомъ, ось щэ зъ мину́ту, тай згоры́тъ!“ Вэрта́йся, ка́жэ, наза́дъ до до́му, нэ йидь нигдэ́, бо тако́й на доро́зи умрэ́шь!“ А винъ ся взяў просы́ты, ка́жэ: „Я такъ пэ́ршэ би́дуваў, я нэ маў ку́сныка хли́ба, тай жыў, а тэпэ́рь ма́ю таке́ па́нство, тай вмыра́й? Щэ щобы́-мъ, ка́жэ, хоть рикъ-два прожы́ў тай ди́ты пидхова́ў!“—„То́ ты, ка́жэ смэрть, ницъ нэ помо́жэ, и́но ся вэрта́й, бо му́сышь ўмыра́ты!“

Тогды винъ ся назадъ навэрнуў до дому. Тай прыйижджáе до дóму, казаў склыкаты майстриў: такé сы ли́жко зробы́ты кáжэ, що якъ ногóў рýшытъ, то онó ся будэ́ обэртáты, ки́лько хочь, чы разъ, чы два, абы́ и́но ногóў рýшыў. И зáразъ захорувáў, то му зáразъ майстры́ ли́жко зробы́лы, и винъ въ тимъ ли́жку вжэ лэжы́тъ хóрый. И ды́вытся, а тотá кумá прыйшлá и сыды́тъ ёмý въ ногáхъ, вжэ хóчэ брáты. А той тогды́ рýшыў ногóў, а то ли́жко до нэ́и ся обэрнýло головóў, а туды́ погáмы. Онá зноў пэрэйшлá въ нóгы и си́ла, а винъ знóву покруты́ў и зноў прыйшóў до нэ́и головóў. И такъ мýчылася съ нымъ смэрть цилы́й дэнь. А потóму ўхóпыла го вжэ за шы́ю, задушы́ла тай кáжэ: „Ой, кýмэ, кудá вэрты́, тудá вэрты́, трэ́ба ўмэ́рты!"

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

б). Такъ буў би́дный едэ́нъ чолови́къ. Тай маў диты́ну, ўрóдыла му жи́нка. То винъ ходы́ў по кумы́, и нихтó нэ хоти́ў иты́ кýмыты. Понэслы́ до ксёндза хрэсты́ты, здыбáе винъ бáбу, а то смэрть булá. А онá ся пытáе до тóго хлóпа: „Та чомý вы инó бáба тай вы идэ́тэ до хрэстý?" Винъ кáжэ: „Бо я би́дный чолови́къ, то нихтó нэ хоти́ў иты́!" Тотá бáба кáжэ до нéго: „То я пи́ду!"—„Та ходи́тэ!"

Прыйшлы́ вжэ видъ хрэстý до дóму, тай засады́ў тотý кумý за стиў, áлэ ницъ нэ даé йíй йи́сты ни пы́ты. Ажъ бáба кáжэ до нéго: „Та иди́тэ, γáздо, дáйтэ щó йи́сты тай пы́ты, ба а я́къ-жэ-жъ?"—„Зъ щы́рого бы-мъ вамъ сэ́рци даў, та нэмá ницъ, нэмá на язы́къ щó положы́ты!"—„Иди́тъ лышэ́ до комóры, тамъ е, ки́лько хочь, а вы такъ кáжэтэ."—Винъ пійшóў до комóры, а тамъ и вынó е, гори́вка, мя́со, хлибъ. Тай винъ то ўнисъ до хáты, зачáў гóстыты. А онá кáжэ: „Я то йи́сты нэ бýду, áни пы́ты, бо я, кáжэ, е смэрть! Вы́дышь, то я тобі́ дáла ти́лько всéго, колы́ ты мэнэ́ заклы́каў въ кумý; то щэ мы ся пидпышы́, то бýдэшь мáты всéго маéтку мнóго, ки́лько хóчэшь!" Тай винъ йі́й ся пидпысáў. Тогды́ онá кáжэ: „Я ти зрóблю дóхторомъ: то бýдэшь по слабы́хъ лю́дёхъ ходы́ў, якъ я бýду

въ голови́, то бу́дэшь каза́ты, що умрэ́, а якъ въ ногáхъ, то подýжае!“

То вжэ винъ такъ всэ ходы́ў съ нэў. Якъ дэ буў слабы́й хрэстьяны́нъ, то всэ йи́халы по нéго. Единóму даў рáду, дрýгому, тай такы́й ся богáчъ зробы́ў вэлы́кій, страхъ! Тай винъ исъ нэў хóдытъ тай хóдытъ, тай разъ пытáеся ей: „Смэ́ртэ, щó бы тоби́ зробы́ты, абы́ ты людэ́й нэ пожырáла?“ А онá кáжэ такъ до нéго: „Мэни́ бы нихтó ницъ нэ зробы́ў изъ людэ́й, хибá бы хто мэнэ́ спóсобомъ на чэрвóну я́блоню вы́садыў и тэ́рнёмъ обложы́ў, то я бы вжэ, кáжэ, ни́гды нэ злúзла!“ Тай у нéго булá забáва вэлы́ка тай смэрть булá въ нéго. Винъ соби́ взяў тай вы́лизъ на я́блинку тай клы́чэ до смэ́рты: „Кýмо, та ходи́тэ й вы на я́блинку, туй вы́дно всё такъ фáйно, ходи́тъ!“ Такъ смэрть вы́лизла на я́блинку, а винъ борзэ́нько тай излúзъ, обложы́ў я́блинку тэ́рнёмъ тай тамъ йи лышы́ў. Смэрть такá голóдна, що-сь два рóки сыды́тъ на я́блонци. Такá голóдна, такъ страхъ прóситъ ёгó: „Кýмэ, пусты́ мьи, бо я вжэ нэ мóжу ды́хаты!“ Алэ винъ йи нэ хотúў пусты́ты. Тогды́ онá до нéго кáжэ: „Якъ ты мэнэ́ пýстышь, то бýдэ цилы́й сьвитъ твій.“ Тай онá злúзла и ёгó на сáмый пэ́рэдъ хоти́ла затя́ты. Тай кáжэ до нéго: „Я вжэ дýжэ зголодни́ла, то мáю ся твои́мъ ти́ломъ пожывы́ты, а крóвью напои́ты!“ Алэ винъ ся щэ вы́просыў на едэ́нъ дэнь жы́ты.

Тогды́ винъ сы зробы́ў такý колы́ску, такъ, що ся обэртáе. Якъ смэрть прыйдэ до головы́, то винъ ся ногáмы обэ́рнэ. Тай всэ ся такъ обэртáў, а смэрть такá голóдна, що страхъ! А ту никóго нэ вóльно йій брáты, йно ёгó. Тай винъ всэ такъ робы́ў, що-сь чы тры рóки, чы шты́ры. А потóму онá взя́ла тай зробы́ла такъ, абы́ винъ би́дный буў. Такъ збидни́ў циўкóмъ, якъ пэ́ршэ буў. Тай якъ вжэ такъ би́дный стаў, то йій ся тогды́ даў тай зáразъ ýмэръ. Тай вжэ тогды́ такъ лю́дэ умырáлы, що-дня́ по двайцятэ́ро, по трыйцятэ́ро, такъ ся дýжэ смэрть розъйи́ла. Тай такъ вжэ умырáютъ и до ны́нишнёго дня.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

8.

Солдатъ получилъ отъ Бога карты и сумку.

Такъ буў жо́ўняръ у во́йську. Видслужы́ў своé, що маў служы́ты, а потóму щэ служы́ў за гро́ши дви капэталя́цьи. Тай якъ видслужы́ў, то́ты гро́ши ўзяў, тай нэ йшоў до дóму, áлэ такъ у ка́рты програ́ў вси гро́ши; нэ лышы́лося му ницъ, лышь една́ шу́стка му ся въ кэшэ́ны затрясла́, а винъ о ній нэ знаў. Тай винъ пишо́ў собі́ такъ по сьві́ти и бану́е ду́жэ за ты́мы грищмы́ и Бо́га ду́жэ про́сытъ. И зды́балы его́ сьвяты́й Пэтро́ и Павло́ и самъ Го́сподь, вси тры. Тай прыйшлы́ вси шты́ры вжэ до воды́, до тако́и вэлы́кои, тай жу́рятся: якъ-жэ мы ту пэрэйдэ́мо? А той жо́ўняръ зняў пантылёны зъ сэ́бэ тай ка́жэ: „Я васъ пэрэнэ́су!" Тай попэрэносы́ў уси́хъ трохъ.

Прыйшлы́ вжэ до ко́рчмы, тай той жо́ўняръ зача́ў шука́ты по кэшэнёхъ тай найшо́ў тоту́ шу́стку. Взяў за нэ́й квáты́рку горі́вки тай хлибэня́, вы́пыў самъ тай часту́е и йихъ, тай ему́ ся здава́ло, жэ й оны́ пы́лы, а то винъ усю́ самъ вы́пыў. Тай ся розійшлы́, а Пэтро́ ка́жэ: „Бо́жэ, винъ такі́й биднэ́нькій, а такі́й щы́рый: маў тоту́ едну́ шу́стку, тай щэ и насъ частува́ў!" Алэ Го́сподь ка́жэ: „Ну, що-жъ я ёму́ ма́ю да́ты, колы́ винъ ничо́го нэ жада́ў?" Алэ ся зійшлы́ зноў съ тымъ самы́мъ ўразъ. Тай пыта́еся го Го́сподь: „Що-жъ ты жада́ешь, до́брый человíчэ, за то, що ты насъ чэ́рэзъ во́ду пэрэни́съ тай есь насъ частува́ў?" А винъ ка́жэ: „Ницъ нэ жада́ю, лышь жада́ю ка́рты такі́, абы́-мъ дэ пишо́ў ка́рты гра́ты, абы́-мъ уси гро́ши вы́граў!" Тай му Го́сподь даў такі́ ка́рты, а́лэ щэ зняў зъ сэ́бэ то́рбу и та́кой му даў. И ка́жэ: „Ма́ешь то́ты ка́рты, якъ пи́дэшь, то вси гро́ши вы́граешь; а съ тоў то́рбоў то ся нигдэ́ ницъ нэ бій съ нэў, бо якъ бы тя хто хтиў бы́ты, бы-сь то́рбу отворы́ў и каза́ў: гопъ до то́рбы! А зъ сэ́бэ, ка́жэ, абы́-сь ни́гды тоту́ то́рбу нэ зняў!"

Идэ́ винъ доро́гоў, шморну́ў у кэшэ́ню, а тамъ шты́ры сри́бни ма́е у кэшэ́ны: такъ му Па́нъ-бигъ даў. Прыхо́дытъ до едно́го мі́ста, тамъ въ едни́мъ до́ми такъ паны́ ка́рты гра́ютъ, страхъ! И ка́жутъ ёму́ паны́: „Мо́жэ хочь, ди́ду, ка́рты

гра́ты?“—„Чому́ нье?“—Тай го взя́лы до сэ́бэ, винъ ка́жэ: „Я ма́ю свои ка́рты!“ Якъ ста́лы гра́ты, пригра́ў винъ всё, нэ лышы́лося ёму́ зъ тыхъ штыро́хъ сри́бныхъ ницъ, лышь пять шу́стокъ щэ, всё програ́ў. Винъ щэ тыхъ 5 шу́стокъ якъ поста́выў, в с и г р о́ ш и в ы́ г р а ў д о с э́ б э. Тай гра́лы щэ цилу́ до́бу, п р и г р а́ л ы п а н ы́ в с ё с в о́ е па́нство, а на оста́тку щэ на фирма́ны тай на ко́ни поста́вылы, ка́жутъ: „Му́сымо сво́е видогра́ты!“ Пригра́лы фирма́ны и ко́ни. Винъ тогды́ спро́даў то всё, що вы́граў, а самъ г р о́ ш и з а б р а́ ў у кэшэ́ню и п и ш о́ ў с ы. Тоты́ паны́ ра́да-въ-ра́ду, ка́жутъ: „Ходи́мъ мы, ёго́ за́бьемо и видбэ́рэмо свою́ пра́цю!“ Пэрэйшлы́ оны́ ёго́, з а с и́ л ы с я б ы́ т ы, а́лэ винъ увы́диў тай ка́жэ: „Гопъ до то́рбы!“ П о с к а к а́ л ы п а н ы́ д о т о́ р б ы, а винъ якъ зача́ў бы́ты ихъ тамъ у то́рби! Оны́ ся про́сятъ: „Пусты́ насъ!“ Пусты́ў ихъ, оны́ ся забра́лы тай пишлы́.

Винъ п р ы й ш о́ ў т а к ъ д о е д н о́ г о п а́ н а, а́лэ той панъ ка́жэ: „Ту е в ъ м о́ й и м ъ д о́ м и 2 4 б и́ д ы, нэ мо́жу сы ра́ды съ ны́мы да́ты. Я к ъ м ы в ы́ ж э н э ш ь т и б и́ д ы, т о с я б у д э́ ш ь с ъ м о е́ ў д о н ь к о́ ў п о б ы р а́ т ы!“ Винъ ся пыта́е: „Дэ ти би́ды сыдя́тъ?“—„Ту́тка запакува́лыся въ едни́мъ поко́йы!“—Винъ пишо́ў до то́го поко́ю, ка́жэ: „Гопъ до то́рбы!“ Б и́ д ы п о с к а к а́ л ы д о т о́ р б ы, винъ зача́ў бы́ты, гэтъ и з б ы́ ў в с ё н а р о́ п у. Тай тогды́ винъ ся п и б р а́ ў с ъ т о ў д о н ь к о́ ў, о с т а́ ў в ж э п а́ н о м ъ.

А л э п р ы й ш л а́ с м э р т ь п о н е́ г о тай ка́жэ: „Ходы́, вжэ ты часъ иты́ до до́му!“ А винъ ка́жэ: „Гопъ до то́рбы!“ С м э р т ь ў с к о́ ч ы л а д о т о́ р б ы, винъ зача́ў бы́ты, такъ и з б ы́ ў, лэ́двэ щэ дри́бку пыщы́тъ. Тай тогды́ йи пусты́ў гэтъ, и она́ п о л э́ т и л а. Тай той соби́ такъ ж ы́ ў д о́ ў г ы й в и к ъ, ажъ Го́сподь ка́жэ до смэ́рты: „Иды́ вжэ по не́го, вжэ часъ!“ Алэ смэрть ка́жэ: „Я нэ пи́ду, бо винъ ду́жэ бье!“ П р ы й ш о́ ў Г о́ с п о д ь с а м ъ, т а й г о п х н у ў н а т а м т о́ й с ь в и т ъ в ъ п э́ к л о. Та́мки зли его́ повы́дилы тай ка́жутъ: „Що ты ту хочь у насъ? ты насъ тамъ бы́ў, щэ й ту бу́дэшь бы́ты; забыра́йся, ка́жутъ, гэтъ ви́дты!“ А винъ ка́жэ: „Я ся забэ́ру, лышэ́нь мы о-ты́хъ сухари́ў да́йтэ!“ Д а́ л ы о н ы́ м у с у х а р и́ ў, в ы́ н и с ъ в и н ъ з ъ п э́ к л а, а т о с я п о р о б ы́ л ы д у́ ш и. Винъ тогды́ з а т ы́ м ы д у́ ш а м ы п и ш о́ ў, вжэ го П а́ н ъ - б и г ъ п р ы й м ы́ ў с ъ т и́ л о м ъ д о ц а́ р с т в а.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

9.

Божій судъ.

Такъ булы́ два бра́тьи: едэ́нъ буў би́дный, а дру́гый богáчъ. Тай би́дный пишóў до богачá, абы́ му даў пшэны́ци на сьвяты́й вэ́чиръ. А той кáжэ: „Робы́ на пшэны́цю, я свóи ди́ты мáю.“ Тай му нэ даў. Посидáлы вжэ у тóго би́дного на сьвяты́й вэ́чиръ, а винъ кáжэ: „Гэй-гэй! нэ знáты, чы дочэкáю до дру́гого св. вэ́чэра? я тóго вэ́чэра пшэны́ци нэ йиў!“ Тай кáжэ: „Гóсподы, кобы́ ся мэни́ пшэны́ця ўрóдыла, я бы й ёму́ щэ даў!“

Тай той би́дный умэ́ръ, áлэ му ся ду́жэ пшэны́ця ўрóдыла, а у тóго богачá ся нэ ўрóдыла; а булы́ такъ пóбичъ на едні́й ны́ви. И богáчъ кáжэ до тóи вдовы́ци: „То мóя ны́ва, то ся на мóйій ны́ви пшэны́ця такъ ўрóдыла.“—„Та дэ́ твóя, тá-жэ то мóя пшэны́ця!“ Тай ся вжэ такъ на тій пшэны́цы грызу́тъ. Винъ кáжэ: „мóя“, а онá кáжэ: „мóя.“ Ажъ той кáжэ: „Почкáй, пидэ́мо зáўтра вэ́чиръ на ны́вы: якъ будэ́ ся що обзывáты, чыя́ то ны́ва, то будэ́ áбо твóя, áбо мóя.“ А винъ взяў свóго сы́на тай закопáў тамъ на ны́ви въ зэ́млю, таку́ я́му вы́копаў.— „Абы́-сь, кáжэ, якъ я ся бу́ду пытáты: „чы то мóя ны́ва?“ казáў: „твóя,“ а якъ онá ся будэ́ пытáты, то абы́-сь казáў, що то нэ ейи́.“

Тай оны́ вы́йшлы, а вдовы́ця кáжэ: „Бóжэ, Бóжэ, чыя́ пшэны́ця?“ А той хлóпэць-зъ я́мы кáжэ: „То нэ твóя!“ Ажъ той ся богáчъ пытáе: „Бóжэ, Бóжэ, чыя́ пшэны́ця?“—„Твоя́!“

Выхóдытъ богáчъ дру́гои дны́ны, хóчэ хлóпця видкóпуваты, а хлóпця нэмá. А хлóпэць ся зробы́ў кэрты́ноў тай доны́ни ры́е.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

10.

Нива богатаго и бѣднаго.

Було́ два бра́тьи и ма́лы богатство тай ся подилы́лы тымъ бога́тствомъ. Ста́ршый братъ сі́е, тай му ся ро́дытъ, всэ зъ копы́ выдае́ коре́ць. А моло́дшому ницъ ся нэ хо́чэ ро́дыты, тай нэ ма́ютъ що́ ййсты его́ ди́ты. Тай винъ за кі́лька ро́киў спро́даў всё сво́му бра́ту. А видта́къ пишо́ў до то́го бра́та тай хо́чэ ся наймы́ты за слугу́. Алэ братъ нэ хоти́ў го прыймы́ты тай щэ кажэ сво́имъ слу́гамъ: „Возьми́тъ, найлюті́йши псы видо́пни́тъ, най го роздэру́тъ!“

Той пишо́ў до до́му, такъ пла́чэ, тай ка́жэ до сво́го а́нгола: „Иды́, спыта́йся до Го́спода Бо́га, що я тэпэ́рь бу́ду робы́ты?“ Ангэлъ пишо́ў до Го́спода и ему́ такъ Го́сподь сказа́ў: „Иды́ и кажы́ му, най идэ́ до сво́го бра́та молоты́ты, лышэ́ за таку́ запла́ту, що́ му упа́дэ за ходакъ пшэны́ци.“ Тай той пишо́ў и го братъ прыймы́ў. Молоты́ў винъ цилы́й рикъ, намолоты́ў прыгорщу пшэны́ци. Тогды́ винъ прыйшо́ў и пыта́ется а́нгола: „Иды́, кажы́ до Го́спода Бо́га, що́ я тэпэ́рь бу́ду робы́ты съ тоу́ пшэны́цэў?“ Го́сподь ка́жэ: „Иды́, най му бога́чъ дасть ти́лько ны́вы, абы́ засі́яты ту пшэны́цю.“ Тай той пишо́ў до сво́го бра́та просы́ты ны́вы на ту пшэны́цю. Тогды́ братъ зача́ў ся сьмі́яты зъ него́, гада́е сы: що́ винъ тоу́ пры́горщэў пшэны́ци засі́е? Тай ка́жэ: „Ну, иды́, вы́бэры сы що найби́льшу ны́ву.“ Винъ пишо́ў, зача́ў сі́яты, сі́яў тоту́ пшэны́цю цилы́й дэнь и щэ му ся лышы́ла цила́ пры́горща, що сы заробы́ў у бра́та. И пото́му его́ ся братъ пыта́е: „Цы засі́яў-есь пшэны́цю?“ Винъ ка́жэ: Засі́яў-емъ цилу́ вэлы́ку ны́ву и щэ́ мы ся та пры́горща лышы́ла“. Тогды́ братъ пишо́ў, подывы́ўся: засі́яна вся ны́ва.

Тай то́му би́дному така́ ся пшэны́ця фа́йна показа́ла зъ зэмли́, а въ то́го бога́ча́ вжэ нэ такъ зроды́ла. Тогды́ бога́чъ ка́жэ: „Я тоби́ то́и пшэны́ци нэ дамъ, ты сы возьмы́ мо́ю!“ Тогды́ винъ пишо́ў до а́нгола сво́го: „Иды́ ся пыта́й до Го́спода, що́ я тэпэ́рь ма́ю робы́ты?“ Го́сподь ка́жэ: „Кажы́ му, най винъ бэрэ́ ту пшэны́цю.“ А самъ спусты́ў Го́сподь градъ и вы́быў то́го бога-

ча́ пшэны́цю, тоту́ файну, що видобра́ў би́дному. Тогды́ бога́чъ ка́жэ: „Я тэпэ́рь то́и пшэны́ци нэ хо́чу, возьмы́ сы наза́дъ свою́!“ Тогды́ Го́сподь зача́ў дощь спуща́ты на то́го би́дного пшэны́цю, що гра́домъ була́ побы́та, тай тота́ пшэны́ця ста́ла дэ́сять разі́ў ли́пша, нижъ у богача́.

Тай видтогды́ зача́ў той бога́чъ бидни́ты, а той би́дный зача́ў богати́ты. Тай ста́ў ди́дычомъ той би́дный, а той бога́чъ му́сиў иты́ за жэ́бранымъ хли́бомъ. Тогды́ той жэбра́къ прыйшо́ў просы́ты слу́жбы у сво́го бра́та. Алэ той подилы́ўся съ нымъ ґру́нтомъ и прыймы́ў го на свое́ господа́рство.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

11.

Кровосмѣситель.

Бу́лы стари́ лю́дэ, нэ ма́лы дитэ́й. Тай ду́жэ Бо́га просы́лы, абы́ имъ Па́нъ-бигъ дитэ́й да́ў. Алэ потому ба́ба зайшла́ въ тяжь и ма́ла вжэ роды́ты. Тай въ ночы́ прылэ́тилы а́нгэлы тай ка́жуть: „Якъ бы дыты́на бу́ла въ тій годы́ни, то́ бы бу́ла вэлы́кимъ богачо́мъ“. Алэ дыты́на ся щэ нэ ўроды́ла. Тай пото́му зно́ў прылэ́тилы тай ка́жуть: „Якъ бы ся тэпэ́рь дыты́на ўроды́ла, то витця́ за́бье, а съ ма́тирью ґаздува́ты бу́дэ.“ Тай тогды́ ся хло́пэць уро́ды́ў, а́лэ стары́й отэ́ць ся ду́жэ засмуты́ў, бо винъ чу́ў, що а́нгэлы говоры́лы. Та жи́нка его́ ся пыта́е: „Ты чо́го, чолови́че, та́къ-есь ся засмуты́ў?“ —„Бо а́нгэлы каза́лы, ка́жэ, жэ той хло́пэць мэнэ́ за́бье, а съ тобо́ў ґаздува́ты бу́дэ.“

Тай тогды́ оны́ взя́лы, вы́льлялы зъ во́ску скры́ню, тай тоту́ дыты́ну положы́лы въ скры́ню, тай замклы́, тай прыбы́лы папи́ръ, жэ хло́пцёвы имя́: Грынь. Тай пусты́лы тоту́ скры́ню на Дуна́й. Прыплыло́ то дэсь на дру́гэ чы на трэ́тэ сэло́, тай та́мки го йимы́лы. Тамъ бу́ў едэ́нъ ґа́зда, то сы купы́ў тоту́ дыты́ну тай да́ў дыты́ну до ма́мки.

Вы́плэкалы, тай вжэ вы́рисъ, пасту́хъ ся зробы́ў. Тай винъ пасъ това́ръ, а ди́ты му разъ ка́жуть:

„Потопле́нныку, иды́ това́ръ заверны́!“ Винъ прыйшо́ў до до́му тай ка́жэ: „Та́ту, чому́ мэне́ такъ ди́ты называ́ютъ потопле́нныкомъ?“ А той ка́жэ: „Бо я тэбе́ купы́ў, тэбе́ йимы́лы на води́, я́къ-есь въ скры́ны плыў“. Тогды́ винъ ка́жэ: „Заплати́тъ мы за той часъ, що я туй робы́ў, най я соби́ йду гэтъ, абы́ мэне́ нэ прозыва́лы потопле́нныкомъ.“ Винъ ему́ заплаты́ў, тай хло́пэць пишо́ў.

Прыйшо́ў до ми́ста тай сы купы́ў фу́зью. Тай прыйшо́ў до само́го то́го сэла́, дэ его́ оте́ць буў, до ко́рчмы. А та́мка въ ко́рчми буў его́ оте́ць, а́лэ оны́ ся нэ зна́ютъ оба́. А его́ оте́ць ся ду́жэ мае́тный зробы́ў, вжэ й па́сику ма́е, а́лэ му все хо́дытъ дыкъ до па́сики мидъ йисты. Тай винъ ка́жэ въ ко́рчми, що въ нэ́го дыкъ до па́сики хо́дытъ, а той хло́пэць ка́жэ: „О-то́, я пи́ду на нэ́го на полюва́нье!“ Тай пишо́ў до то́и па́сики пыльнува́ты. А самъ оте́ць пишо́ў до ха́ты тай ка́жэ до жи́нки: „Прыви́ўемъ сы яко́го-сь подоро́жного паныча́, каза́ў, жэ ды́ка за́бье въ па́сици“. Алэ жи́нка ка́же: „Иды́-йды, отъ, пэ́ўнэ які́й-сь зло́ді́й, мо́жэ й стриля́ты нэ вміе. Ану́, ка́жэ, завы́ньса въ кожу́хъ тай лизь до па́сики, чы́ ты що́ зро́бытъ?“ Винъ ся завы́ў у кожу́хъ, поли́зъ у па́сику тай всэ гуркоты́тъ. А той сы наладова́ў фу́зью, стри́лыў тай витця́ за́быў,—гада́ў сы, що то дыкъ. Вхо́дытъ до ха́ты и ка́жэ до ґазды́ни, жэ ды́ка за́быў. А она́ вжэ ницъ нэ каза́ла ему́. Выхо́дятъ ра́но, а то винъ ґазду за́быў. Га́зду похова́лы, а пото́му оны́ обо́е ра́зомъ ґаздува́лы цилы́й рикъ, на вье́ру сыди́лы. Ажъ у рикъ она́ ся его́ пыта́е: „Що́ ты е за еде́нъ?“ А винъ ка́жэ: „Я плыў на води́, а мэне́ еде́нъ ґа́зда взяў, зъ мало́и дыты́ны вы́плэкаў, а́лэ пото́му-мъ пишо́ў гэтъ, якъ мы ґа́зда сказа́ў, що я нэ его́ сынъ“. Тогды́ она́ ка́жэ: „Та то ты е мій сынъ!“

Винъ тогды́ пишо́ў до коваля́, каза́ў сы зробы́ты зэли́зный обру́чъ, забы́ты на го́лову и прыбы́ты у го́лову штырма́ цьве́камы. Тай тогды́ такъ забра́ўся и пишо́ў. Пры доро́зи здыбаў каплы́цю тай тамъ пишо́ў до то́и каплы́ци и цилы́й рикъ нэ мыў́ся, нэ йиў, лышь ся Бо́гу молы́ў. Тай въ рикъ розско́чыў му ся на голови́ обру́чъ, тай вжэ винъ ся зробы́ў сьвяты́мъ, тай та́ки съ ти́ломъ взяў го Богъ до ца́рства.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

12.

Заколдованный охотникъ.

Буў едэ́нъ злі́сный, ходы́ў по лі́си. И ду́жэ быў такъ дэ́-що, цы за́яця, цы що́, що́ пидъ ру́ки. Алэ разъ ёго́ чортъ пэрэби́гъ, тай ка́жэ ёму́: „Ты щэ ду́жчэ будэ́шь бы́ты, а́лэ, ка́жэ, якъ будэ́шь бра́ты прыча́стые, то абы́-съ тото́ плю́нуў въ ру́ки и вы́нисъ у лисъ на ду́ба и въ тото́ будэ́шь стриля́ты. Якъ, ка́жэ, въ тото́ стри́лышь, то потому́ щэ ду́жчэ будэ́шь всё бы́ты.“

И винъ такъ зробы́ў. Пишо́ў до спо́виды и вы́сповидаўся и браў прыча́стые. И браў и плю́нуў въ ру́ку тото́ прыча́стые. Тай взяў сы стрильбу́ и пони́съ тото́ въ лисъ и тамъ положы́ў на ду́ба, у са́мый вэрхъ мэ́жы гыльэ́. И взяў тогды́ въ тото́ стриля́ты и стри́лыў. Алэ тогды́ му ся такъ стэмэни́ло въ оча́хъ и то́го вжэ гы нэ вы́диў. И такъ потому́ зійшо́ў зъ розу́му, нэ спамята́ўся, дэ винъ е.

И винъ такъ ходы́ў, гы дурны́й, по лі́си и бье ри́жнэ, а́лэ що у́бье, прыхо́дытъ дъ то́му, а ту нэма́ ницъ. Симь литъ такъ ходы́ў по лі́си. А въ 7 литъ такъ булы́ едно́и дны́ны ду́жэ дощі́, грымо́ты, блы́скае ду́жэ, а́лэ винъ собі́ стаў за ду́ба тай стои́тъ, ды́вытся. Тай увы́диў таку́ плы́тку на зэмлы́, а зъ-пидъ то́и плы́тки всэ такі́й малы́й чортъ вы́хопытся тай ся глу́мытъ всэ до то́го, що блы́скае. Алэ той злі́сный прыдывы́ўся тай собі́ стрильбу́ нала́дыў тай у то́го чо́ртыка—баўхъ! Тай за́быў ёго́. Тай тогды́ йдэ дъ то́му—вжэ ко́ло то́и плы́тки лышэ́ ропа́. Алэ тогды́ вжэ такъ ся вы́ясныло, зробы́лося на двори́ фа́йно.

И винъ тогды́ вжэ пропамята́ўся, жэ винъ въ лі́си блука́е и жэ такъ и такъ зробы́ў. Тай пишо́ў вжэ до до́му, вжэ тогды́ пизна́ў доро́гу. Тай пишо́ў видра́зу и вы́сповидаўся и вжэ тогды́ буў зноў такъ, якъ е́нчи лю́дэ.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

13.

Великій грѣшникъ.

Буў едэ́нъ купэ́цъ тай винъ гандлюва́ў по цили́мъ краю, ма́ло колы́ й до́ма буў, всэ йи́здыў. И винъ вжэ до́брэ знаў свою́ доро́гу. А ра́зъ въ ночы́ йи́дэ тоў доро́гоў само́ў, а тамъ му ся така́ вода́ зробы́ла, Днистэ́ръ, що й пэрэйи́хаты нэ мо́жна. А тамъ нико́лы жа́днои воды́ нэ бу́ло, ажъ тэпэ́рь. И винъ злизъ, а ту пэ́рэдъ нымъ така́ вода́ шумы́тъ, и винъ тогды́ ка́жэ: „Ой-ой-о́й, кобы́ мэнэ́ звидсы хто вы́ратуваў, вжэ бы-мъ му нэ-зна́ты-що даў!“ Ино винъ то вы́мовыў, за́разъ ся ко́ло нэ́го зъявы́ў панъ. Тай той панъ ка́жэ до нэ́го: „Я тя вы́ратую, а́лэ ты мэни́ му́сышь то да́ты, що ты ма́ешь у до́му, а́лэ ницъ о тимъ щэ нэ зна́ешь.“ А винъ сы гада́е: „Що-жъ, я о всимъ, що ма́ю, до́брэ зна́ю, и худо́бу, и збі́жэ, и чэ́лядь; а то, що нэ зна́ю, най винъ соби́ тото́ во́зьмэ.“ И винъ ёму́ тогды́ тамъ пидпыса́ў, що му то дае́, що е въ до́ми, а винъ ёго́ нэ зна́е. Тай той го вы́ратуваў чэ́рэзъ во́ду и винъ пойи́хаў сы да́ли. Вэрта́е винъ вжэ наза́дъ тоў доро́гоў до до́му, а тамъ така́ доро́га чы́ста и ри́ўна, нэма́ вжэ нигдэ́ воды́.

Прыйи́хаў до до́му, оповида́е жи́нци свою́ ока́зью, а жи́нка му тогды́ ка́жэ: „Ой, злэ ты зробы́ў, злэ! Ты пэ́ўно запыса́ў му тоту́ дыты́ну, що я бу́ду ма́ты.“ Бо она́ за той часъ зайшла́ въ цьо́нжы. И прыйшо́ў вжэ той часъ, народы́ўся хло́пэцъ. Такъ той хло́пэцъ ростэ́, якъ зъ воды́. Даў го вжэ та́то до шко́лы, такъ ся винъ ўчытъ, такъ ся ўчытъ, падъ усі́ школярі́. Вжэ ся вы́ўчыў гэтъ-гэтъ, вжэ туй-туй ма́е вы́йты за ксе́ндза, а ту а́ни-рушъ, оста́тныхъ слиў нэ го́дэнъ ся доўчы́ты. А ему́ ся въ сни прысны́ло, що винъ ся нэ вы́ўчытъ нико́лы на ксё́ндза, бо винъ щэ въ ма́мыній утро́би запы́саный ді́яволовы, то нэ го́дэнъ бу́ты ксё́ндзомъ. Прыйи́здытъ винъ до до́му, повида́е та́товы, що нэ го́дэнъ ся доўчы́ты и що́ му ся въ сни прысны́ло: що́ то въ тимъ е? А та́то взяў и пови́ў му всю пра́вду.—„Нэ зна́ў-емъ, ка́жэ, що то тэбэ́, тай запыса́ў-емъ скýсьныковы.“ Тогды винъ йи́дэ наза́дъ до ми́ста, ра́дытыся ксё́ндзи́ў, що́ ёму́ тэпэ́рь робы́ты? Обра́дылыся оны́ тай ка́жутъ: „Таку́ бы найтвэ́рдшу во́ду, яка́ е, осьвя-

тыты, тогды возьмэшь тотў воду и пийдэшь до того чорта по пысьмо." Вжэ му повилы, якъ мае йты, всё.

Тай винъ взяў тотў воду и пишоў до того мисця, дэ е тоти дiяволы. Прыйшоў тамъ, покропыў тоў твэрдоў водоў, и заразъ му ся отворылы едни двэри, и други, и трэти двэри. Взяў тамъ кропыты тоў водоў чортиў, а той найстаршый чортъ вжэ му просытся: „Що хочэшь, то ты дамо, йно насъ нэ пэчы такъ." А винъ кажэ: „Ницъ нэ хочу, йно мы то пысьмо виддай!" Заразъ му той пысьмо виддаў. Прыйиждже вжэ до дому, сказаў татовы, а потому пойихаў до миста, выўчыўся вжэ до киньця и стаў за ксёндза.

И буў вжэ ксёндзомъ. Трафыло му ся такъ разъ, въ дорогу йихаў. Йидэ бэзъ дэнь, до пиўночы, и нигдэ нэ можэ сэла здыбаты. Ажъ дывытся, въ лиси е хатчына и тамъ сьвитытся. Винъ тамъ прыйиждже до того сьвитла тай до хаты пишоў. А тамъ стара кобита сыдытъ на лавци. Пизнала, жэ то ксёндзъ, тай кажэ: „Ой-ой, то вы ту, еҁомость, дўжэ злэ трафылы до тои хаты!" А тамъ гайдамахи жылы въ тiй хати. И якъ она то говорытъ, прыходытъ той найстаршый гайдамаха. Тай тота стара взяла просыты ёго, абы вжэ того ксёндза нэ забыў. А той кажэ такъ до ксёндза: „Якъ мы дашъ розгришэнье, то тя пўщу, а якъ ни, то тя забью!" Тогды ксёндзъ пытае го ся: „Ну, повиджъ-жэ ты мэни, яки ты грихы на сьвити заробыў?" А винъ каже: „Я вжэ видъ пятнайцятого року зачаў-емъ гайдамашыты". Тай взяў повидаты, килько винъ людэй забыў, бэзъ лику, дэ кого здыбаў. Тай кажэ: „А я щэ й тата и маму забыў! О-тоў палыцэў вси-мъ людэ побыў, тоў самоў!" И ксёндзъ тогды взяў ёго и кажэ: „Ходы-жъ ты зо мноў!" И видвиў го 20 крокиў видъ тои хаты и казаў му тамъ тотў палыцю пхаты въ зэмлю, килько можэ. И тогды му кажэ такъ: „Тэпэрь маешь ту тотў палыцю пидлываты, и якъ она ся прыймэ и ябка зродытъ, тогды ты дамъ розгришэнье." Тай по тимъ ксёндзъ взяў тай пойихаў.

Дэсь такъ за 10 литъ трафылося тому ксёндзу зноў разъ йихаты тоў самоў дорогоў, дэ той жыў гайдамаха. Йихаў тамда, а о тимъ гайдамаци и о палыцы вжэ й забуў. И помынуў тотў хатку. Ажъ ту въ лиси такъ яблока пахнутъ, якъ бы дэ въ сади. Тай ксёндзъ тогды

кáжэ до фи́рмана: „Стáнь-но!“—Стáнуў.—„Зли́зь-но, кáжэ, подывы́ся, щó то за я́бка?“ Той злизъ, пишóў, а тамъ е таки́ фáйни я́блока, а пидъ я́блонэў сыды́тъ сы́вый дидъ, такі́й вжэ стары́й, що ся ажъ трясэ́. И той прыхóдытъ фи́рманъ, повидáе ксёндзовы: „Е тамъ фáйни я́блока, а пидъ дэ́рэвомъ сыды́тъ які́й-сь дидъ стары́й, сы́вый, якъ гóлубь.“ Той тогды́ ксёндзъ нагадáў сы за тóго гайдамáху, зирвáўся зъ вóза тай идэ́ вжэ до тóго ди́да. А то та пáлыця ся прыйм́ыла тай зроды́ла я́бка. Тай ксёндзъ тамъ прыйшóў, а той дидъ кáжэ: „Ой, то я дóўго на васъ, ɣóмость, чэкáю.“—„Ставáй, кáжэ му ксёндзъ, трясы́ тоти́ я́бка!“ Винъ тогды́ взяў, якъ потря́съ, вси я́бка облэ́тилы, и́но дви я́бци ся лышы́лы. И трясэ́, и трясэ́, ни́цъ нэ хóчутъ упáсты. Тогды́ ксёндзъ кáжэ: „О, вы́дышь, тó ты Пáнъ-бигъ вси грихы́ видпустыў, и́но тáта й мáму нэ видпустыў“. Тай тогды́ взяў, вы́сповидаў го, и тогды́ зъ нэ́го ся вжэ стаў и́но пóрохъ.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

14.

Панщина.

Даў хлопъ сы́на ўчы́ты до шкóлы. И всэ тамъ возы́ў ри́жного, хли́ба, муки́, грóши, и всэ казáў: „Учи́тъ го, та нэ бы́йтэ!“ И такъ 15 литъ ўчы́ўся той сынъ въ ми́сти. И тамъ ёгó ницъ нэ бы́лы, и винъ ничóго нэ ўмиў. Якъ вжэ тоти́ литá вы́йшлы, щó вжэ тамъ вси покиньчы́лы свойи́ шкóлы, тогды́ и ёгó вжэ выганя́ютъ, а винъ ничóго нэ ўмі́е, ницъ-áни-разъ. Тогды́ прыйшóў винъ до тáта. Буў дóма ми́сяць, áбо й два, робы́ты дóма ницъ нэ рóбытъ, бо нэ ўмі́е ницъ, змáлэньку нэ буў пры ɣосподáрстви. До слýжбы жáднои такóжъ нэ мóжэ йты, бо ницъ пысьмá нэ знáе. То забрáўся, пишóў гайдамáшыты.

Пишóў сы въ лисъ и тамъ, якъ лю́дэ йшлы зъ торгý áбо щó, то рабувáў и здырáў зъ ныхъ всё. И такъ ходы́ў-ходы́ў лисáмы ки́лька литъ, тай зноў разъ вы́йшоў пидъ то сэлó, дэ ёгó тáто буў. А тáто тогды́ акурáтъ буў въ ли́си,

пойихаў собі за дровáмы. И тамъ ся обыдвá здыбалы въ лíси. Сынъ тáта пизнáў, а той вжэ ёгó нье. Тай сынъ взяў крычáты на старóго, якъ-бы якый лисничый: „Щó ту хóдышь по лíси, чогó?“ А старый взяўся просыты: „Пáноньку, я за патычомъ шукáю, я ницъ!“ Прóсытся. Алэ той ганьбытъ-ганьбытъ, а потóму кáжэ: „Я тэбэ зáбью!“ А дáли вжэ кáжэ: „А ты знáешь, що я твій сынъ, а ты мій тáто?“—„Ну, кáжэ старый, то я твій тáто, а ты мэнэ зáбьешь?“ Кáжэ винъ тогды до старóго: Абы-сь знаў, що тя зáбью! За тóе тя зáбью, що ты всэ казáў въ школи, абы мэнэ нэ былы!“ Отъ-тогды той старый кáжэ такъ: „Та ходы до дóму, е тры ɣрýнты, бýдэшь ɣосподáрыў, нáщо тобі по лíси лáзыты?“ Алэ той кá-жэ: „А якъ-жэ я тэпэрь бýду ɣосподáрыў, колы нэ учыўся? вжэ за пізно!“ Тай взяў тогды старóго, прывіў до грáба, такóго, що щэ тонкый буў, миркувáў сы, абы старый мигъ го прыгнýты до зэмлі. Тай той старый тóго грабкá прыгнуў до самóи зэмлі. Прывіў го тогды сынъ до грý-бого грáба, алэ старый мýчытся-мýчытъ, нэ мóжэ вжэ прыгнýты. Тогды сынъ кáжэ до нэго такъ: „Отъ, ды-выся, тóнкого-сь прыгнýў, а грýбого ни; а ты мэнэ за-мáлку ницъ нэ ўчыў и щэ дрýгымъ нэ давáў учыты, а тэпэрь хóчешь, абы я ся браў до ɣоспо-дáрства?“ Тай тогды взяў, пáлыцэў тарáхнуў, тай зáбыў тáта, загрэбáў тáта пидъ лыстье. Тай по тимъ щэ такъ пять литъ ходыў по лисáхъ, гайдамáшыў. Тай щэ наконэць ййхаў чэрэзъ той лисъ ксёндзъ, тай винъ тамъ щэ тóго ксёндза зáбыў.

А вжэ пóтимъ му ся змэрзыло и вжэ пэрэстáў гайдамáшыты. Тай тогды пишóў такъ до дворá тай стаў въ двори служыты. И разъ го панъ писláў съ кóшомъ до міста по мясо. Винъ прынісъ, постáвыў у кýхны тай выйшоў. Бэрэ кýхаръ мясо, хóчэ варыты, а ту мяса нэмá, й-но ксёндзова головá ся зробыла зъ тóго мяса. Идýтъ за нымъ: щó такé стáлося? Винъ кáжэ: „Тá-жэ-мъ мясо файнэ прынісъ, якъ мáе бýты“. А то ёмý такъ Панъ-бигъ пэрэ-миныў на ксёндзову гóлову, грихы му ёгó прыга-дáў. Взялы ёгó тамъ прытыскáты, тай винъ ся прызнáў, вжэ нэ мигъ ся видпырáты. Розповіў всё: „Тíлько, кáжэ, убыў-емъ люда, й тáта, а вжэ на самімъ киньцы тóго ксёндза, тáй вжэ-мъ тогды пэрэстáў гайдамáшыты.“ Посклыкáў тогды панъ рáду,

ксёндзиў, па́нство: що́ бы съ нымъ тэпэ́рь робы́ты, яку́ бы му ка́ру да́ты? Взя́лы суды́ты, такъ му ўсуды́лы таку́ ка́ру: таки́ то́рбы му каза́лы ўшы́ты шкиря́ни и ти́лько въ ныхъками́ня накла́сты, абы́ йно мигъ тя́гатыся съ тымъ по сьви́ти. И прывяза́лы му ти то́рбы на плэ́чи мотуза́мы зъ ба́йволиў и ка́жуть такъ: „Носы́-жъ ты ти то́рбы такъ до́ўго, по́ки оны́ сами́ нэ облэ́тятъ; якъ вжэ облэ́тятъ сами́, тогды́ вжэ ма́ешь розгришэ́нье за твои́ грихы́!“

И винъ такъ ходы́ў съ ты́мы торба́мы по сьви́ти вжэ пять литъ. Тай тогды́ до едно́го сэла́ тра́фыў, и въ тимъ сэли́ була́ сла́бисть. И тамъ ти́лько людэ́й поўмыра́ло, що и па́нщыны па́новы нэ видбу́лы. И панъ зо-зло́сты чэ́рэзъ то набы́ў гумэ́нного, а той пишо́ў до ко́рчмы тай ся напы́ў гори́ўки и пото́му пишо́ў на цмы́нтарь и бье па́лыцэў по гроба́хъ, го́нытъ мэрлы́хъ на па́нщыну. А той надійшо́ў съ торба́мы тай ся ды́вытъ на тото́. Тай гада́е сы: „А то що́? вжэ-мъ ти́лько сьви́та зійшо́ў, а щэ-мъ нэ вы́диў, абы́ хто мэрлы́хъ на па́нщыну гоны́ў; до́сыть, ка́жэ, вжэ ма́ю грихи́ў на душы́, а́лэ вжэ то́го нэ вы́трымаю, щэ й то́го за́бью!“ Идэ́ про́сто на цмы́нтарь, тара́хъ, и то́го за́быў. Якъ его́ за́быў, тогды́ зъ нэ́го вжэ то́рбы пообли́та́лы, а зъ нэ́го само́го зробы́ўся и́но по́рохъ, ницъ нэ бу́ло ни костэ́й, ни ти́ла, всё ся въ зэ́млю розсы́пало. Такъ му Па́нъ-бигъ даў розгришэ́нье щэ на ти́мъ сьви́ти.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

15.

Когда лучше страдать: съ молоду или на старость?

Такъ бу́лы бога́цьки ди́ты и ся обо́е пожэны́лы. Стари́ побудува́лы ихъ, да́лы имъ тамъ худо́бу, дэ́-що, а́лэ оны́ нэ моглы́ ся ничо́го доробы́ты: худо́ба имъ гы́бла, всё въ долы́ну имъ па́дало. Тай оны́ циўко́мъ збидни́лы, до ра́зу, жэ вжэ нэ ма́ютъ чымъ жы́ты, бо вжэ нэ хотя́тъ ихъ

запомагáты витцú. Зибрáлы онú ся и пишлú до ворóжки. Тотá ворóжка самá нэ казáла, áлэ свóго ворожбúта мáла въ комóри. И пытáе ихъ ся той ворожбúтъ: „Въ котрúмъ викý онú хотятъ бидувáты?“ Винъ повидáе: „На стáристь“. Алэ жúнка пэрэхóпыла тай кáжэ: „Я нэ хóчу на стáристь. хтó насъ бýдэ заходúты на стáристь?“—„Або въ сэрэ́днимъ викý“, кáжэ чоловúкъ. Алэ жúнка нэ хóчэ и въ сэрэ́днимъ.—„Въ молодúмъ викý, кáжэ, хóчу бидувáты!“

Забрáлы онú ся и пишлú въ сьвитъ. И ходúлы собú, кóшыки плэлú такъ изъ прýтья, абú жúлы. Такъ оны дóўгый часъ жúлы. Алэ йдутъ онú гостúнцёмъ, такъ надйúхаў панъ, ёмý сакéўку-грóши вэргъ, а жúнку ўхóпыў на визъ тай пойúхаў. Зистáў винъ ся тогдú самъ-едэ́нъ, áлэ всэ тотú грóши съ собóў нóсытъ, абú нэ згубúў. Алэ лягъ водú пúты, сакéвокъ положúў кóло сэ́бэ, прылэтúў крукъ, хóпыў грóши и полэ́тиў. Хóдытъ винъ такъ по сьвúти бúдный бэзъ дóўгый часъ. И прыхóдытъ до еднóго мúста, а тамъ майштрúў дванáйцять будýе димъ. Мэ́жы тымы майштрáмы едэ́нъ найстáршый: якъ той найстáршый нэ рóбытъ, и онú нэ рóбятъ. Винъ кáжэ: „Мóжэ бы я съ вáмы щó робúў?“ —„А що-жъ ты ўмíешь?“—„Майштровáты нэ ўмíю.“—„То що-жъ бýдэшь робúты?“ — „Бýду вамъ файкú запикáты.“—„Що-жъ ты за то хóчэшь плáты?“ А винъ кáжэ: „Такъ, абú-мъ жыў.“ Онú ёгó прыймúлы. Такъ винъ ся дúвытъ, якъ онú то рóбятъ, ўчытся за нымы. Дэ-сь найстáршый мáйштэръ пишóў на забáву, а дрýги вжэ ницъ нэ рóбятъ. Винъ тогдú кáжэ: „Йой, людэ, якъ вы дармýетэ!“ А онú ёмý кáжутъ: „Отъ, закурú фáйку тай покажú намъ дорóгу!“ Винъ тогдú вúлизъ на дахъ, зачáў робúты. Такъ ся той дахъ дýжэ ўдаў, жэ щэ такóго дахý нэ бýло. Выхóдытъ той найстáршый зъ забáвы, ажъ ся забýў.—„Хто тотó такъ изробúў?“ Онú повидáютъ: „Той намъ показáў, що файкú запикáе.“ Винъ повидáе тогдú до нёго: „Но, то робú ты тэпэ́рь съ нáмы!“ Рóбятъ онú такъ по мúсти фуртъ, будýютъ.

Прыхóдятъ онú до еднóго мúста, до тóго пáна, що тамъ ёгó жúнка бýла. Алэ винъ ей нэ знáе, а онá ёгó нэ знáе, бо вжэ дóўгый часъ. Въ тóго пáна мáлы стáвыты двирь, áлэ дýбы рубáты пишлú самú въ лисъ. Рубáютъ онú дýбы, порубáлы. Алэ той увúдиў щэ еднóго дýба звúдного (такóго, що е два вэрхú) и кáжэ: „Щэ тóго дýба трэ́ба“. Винъ зрубáў,

тай дубъ упáў, а тамъ грóши егó, тоты́ съ сакéўкоў лэжáтъ. Винъ узя́ў, кáжэ: „То мои́ грóши!“ Пры́ходятъ до тóго пáна, áлэ той-панъ пойи́хаў на забáву, на дрýгэ сэлó. И тоты́ повидáютъ майштры́ до тóи пáни, жэ той найшóў грóши у ли́си. А онá до нéго такъ повидáе: „Якъ то твои́ грóши?“ Алэ винъ кáжэ: „Грóши мои́!“ Тай розпови́ў йій всё, якъ емý панъ ти грóши вэргъ, а жи́нку ўзяў, тай тоты́ грóши потóму крукъ хóпыў тай пони́съ. А онá тогды́ встáла, кáжэ: „Колы́ то такъ твои́ грóши, то ты мій чолови́къ!“ Пры-хóдытъ зъ дрýгого сэлá ви́домость, жэ панъ тáмой на забáви ўмэръ. И оны́ ся вжэ обóе тáмой въ тыхъ дóбрахъ зистáлы и γаздувáлы.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

16.

Какъ чертъ соблазнилъ праведника въ церкви.

Буў одэ́нъ пáрубокъ, котры́й маў 20 литъ и нэ буў áни рáзу въ цэ́ркви. Зачáлы лю́дэ гудкувáты, що такы́й вэлы́кый, а до цэ́рквы нэ хóдытъ. Отэ́ць и мáты напэ́рлы на нэ́го, щобы́ конэ́чнэ ишóў до цэ́рквы. Послýхаў винъ отцá и мáтэры тай зибрáўся до цэ́рквы. Трэ́ба бýло пэрэходы́ты чэ́рэзъ вóду, áлэ винъ нэ ззувáўся, а тáки пэрэйшóў чэ́рэзъ вэрхъ воды́ и нэ замочы́ў ходаки́ў. Прыйшóў у цэ́рковь, стáнуў соби́ зъ-бóку тай щы́ро ся Бóгу мóлытъ. Посходы́лыся и лю́дэ, прыйшóў ксёндзъ, зачáлася слýжба-бóжа. Ажъ ту вы́лизъ изъ кýтыка чóртыкъ съ волóвоў ски́роў и зачáў на ній всё запы́суваты, що лю́дэ робы́лы: якъ ся сьміялы, одни́ дрýгыхъ обмавля́лы, обзырáлыся на вси бóки и т. и. Такъ дóўго запы́суваў, ажъ му и скиры нэ стáло. Тогды́ чóртыкъ прыступы́ў скиру ногáмы, а дрýгый конэ́ць взяў у зýбы и хоти́ў ей натягнýты, щобы́ бýло би́льшэ ми́сця, а скирá вы́хопыла му ся изъ зуби́ў; и винъ пэрэвэрнýўся горины́ць. Той пáрубокъ нэ мигъ вы́трыматы тай засьмія́ўся тай ужэ нэ вы́диў би́льшэ чóртыка. Якъ ся

слу́жба-бо́жа скиньчы́ла, вэртáеся до до́му, хо́чэ зно́ву пэрэйты́ во́ду чэ́рэзъ вэрхъ, áлэ упáў ужэ́ по сáми коли́на и замочы́ўся. И кáжэ: „Отжэ-жъ такъ! по́ки-мъ нэ ходы́ў до цэ́рквы, лышь до́ма щы́ро ся Бо́гу молы́ў, то бу́ў-емъ сьвяты́й, а пишо́ў разъ до цэ́рквы, тай согришы́ў!“

(Отъ Антона Лазоревича въ Крушельницѣ.)

17.

Какъ выходитъ душа изъ тѣла.

Служы́ў едэ́нъ хлопъ 12 литъ пры во́йську. И вы́служыў 12 литъ и нэ йшоў до до́му. Такъ пишо́ў по сэ́лахъ: що́ въ сьви́ти ся діе? И обходы́ў усі́й сьвитъ и знаў вжэ, що дэ ді́еся, и тогды́ прыйшо́ў до сво́го сэлá, до до́му. Прыйшо́ў и такъ самъ до сэ́бэ гадáе: „Я всё вжэ знáю, що́ ся въ сьви́ти діе, лышэ́ нэ знáю, якъ то зъ чолови́ка душá выхо́дытъ?“ И пишо́ў пытáтыся до ксёндза; якъ зъ чолови́ка душá выхо́дытъ? И ксёндзъ му такъ сказáў: „Я тоби́ заўдáмъ на цилы́й рикъ пистъ; якъ ты той пистъ вы́жыешь, то бу́дэшь то знáты.“ И вы́сповидалы го, дáлы прычáстіе и кáжутъ такъ: „Цилы́й рикъ мáешь такъ по́стыты: лышэ́ ку́сныкъ хли́ба и лы́жку воды́ на до́бу мáешь мáты!“

И винъ такъ цилы́й рикъ вы́постыў той пистъ. И прыйшо́ў тогды́ до ксёндза и вы́сповидаўся зноў. Тогды́ ксёндзъ кáжэ: „Иды́, тамъ и тамъ въ хáти бу́дэ умырáты чолови́къ; тамъ пры́йдэшь до то́и хáты и ся́дэшь соби́ мэ́жы ви́кна, то тэбэ́ нихто́ нэ увы́дытъ, а ты бу́дэшь вы́диты, якъ зъ то́го чолови́ка бу́дэ душá выходы́ты.“ И винъ тамъ пишо́ў, си́ў сы мэ́жы ви́кна и его́ нихто́ нэ вы́диў. Ды́вытся, ды́вытся, а го́лубь прылэ́тиў сы́вый крузь викно́ и полэ́тиў за образы́. И зъ-за образи́ў вы́лэтиў и си́ў до то́го слабо́го на тварь и цилю́е его́: то вжэ браў го́лубь ду́шу видъ нёго. То вжэ той вы́диў, якъ зъ едно́го чолови́ка душá выхо́дытъ.

И кáжэ му ксёндзъ: „Тэпэ́рь иды́ щэ до тако́и хáты, тамъ бу́дэ еднá бáба умырáты; то сы зноў такъ сядь мэ́жы ви́кна и

дывы́ся!“ И винъ пишо́ў до тои ха́ты и ды́вытся. А го́лубь чо́рный вы́лэтиў зъ ко́мына и на ту ба́бу сиў, на тварь, и такъ крыламы ду́жэ бье и куса́е.

И винъ пишо́ў тогды́ до ксёндза, той чоловикъ. И сказа́ў ксёндзу, що́ вы́диў. А ксёндзъ ёму́ сказа́ў такъ: „То, вы́дышь, такъ: тамъ, дэ той сы́вый го́лубь цилюва́ў хло́па, то душа́ счислы́ва выходы́ла зъ нёго; а зъ то́и ба́бы, що го́лубь чо́рный йи куса́ў, то вжэ нэчы́ста душа́, то чортъ бра́ў ей ду́шу.“ И винъ вжэ потому́ пишо́ў. „Вжэ, ка́жэ, зна́ю всё, що́ ся ді́е въ сьви́ти!“

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

18.

Въ гостяхъ у мертвеца.

Ходы́лы два па́рубки до едно́и ди́ўки, оба́ ей любы́лы. И ка́жэ едэ́нъ до дру́гого: „Мы оба́ нэ бу́демъ ей бра́ты, лышэ́ едэ́нъ зъ насъ; то, ка́жэ, якъ бы я пэ́ршэ ўмэръ, то абы́ ты мэнэ́ на вэсилье́ просы́ў зъ гро́бу, а якъ бы ты пэ́ршэ ўмэръ, то я тэбэ́ бу́ду просы́ты.“ И такъ, цы за ты́ждэнь, цы що́, едэ́нъ ўмэръ. А той дру́гый взяў ся жэны́ты и ходы́ў по хата́хъ, просы́ў на вэсилье́. А за то́го умэрло́го забу́ў. И якъ вжэ иду́тъ до шлю́бу, ма́лы йты вжэ до цэ́ркви, прыгада́ў сы.—„Йой, ка́жэ, що я зробы́ў? я маў просы́ты сво́го камра́та на вэсилье́, та-мъ забу́ў; я, ка́жэ, би́жу по нёго!“

И пишо́ў по нёго на цвы́нтарь. И грибъ ся отворы́ў, и винъ тамъ пишо́ў до сэрэды́ны. И про́сытъ то́го умэрло́го, и оны́ ся тамъ звыта́лы оба́, и тамъ взя́лося пэ́рэдъ ны́мы по скля́нци вына́ и по бу́лци. Оны́ вы́пылы тото́ выно́ и бу́лки ззилы. Тогды́ зно́ў идэ́ дру́га скля́нка и щэ по бу́лци. И вжэ оны́ й дру́гу вы́пылы и ззи́лы.—„Ой, ка́жэ той, това́рышу, я вжэ йду, я ся вжэ ту заба́выў зо́-тры годы́ны у тэ́бэ, трэ́ба йты!“

Вы́йшоў винъ зъ гро́бу и пишо́ў. Прыхо́дытъ до сэла́, вжэ нэ спизнае́, дэ́ винъ е. Вжэ тогды́ ся пыта́е людэ́й.

А тоты́ лю́дэ, що винъ маў бра́ты шлюбъ, ди́вка й сваты́, вси вжэ й поумыра́лы. То винъ въ гро́би у сво́го камра́та буў 30 литъ. Тогды́ каза́лы му лю́дэ: „Иды́ ся вы́сповидай!“ И винъ пишо́ў пэ́рэдъ ксе́ндза, вы́сповидаў ся и пото́му ўпаў и зробы́ўся зъ нэ́го самы́й по́рохъ.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

19.

Нерожденныя дѣти.

Зачыны́ла сы ба́ба ди́ты, ходы́ла по ксёндза́хъ по штыры ра́зы на́-рикъ до спо́виды. Нэ хоти́лы йій нигдэ́ ксёндзы́ розгришэ́ня да́ты, ажъ свій ксёндзъ даў йій розгришэ́нье. И каза́ў йій на поку́ту тры но́чы въ цы́ркви ночува́ты: „Якъ ты, ка́жэ, нэ бу́дэ трэ́тои но́чы нычъ, то грыху́ вжэ жа́дного нэ ма́ешь!“

Прыйшла́ вжэ ба́ба до паламаря́, кобы́ йшоў, йій цы́рковь розимкну́ў, абы́ вжэ́ йшла пэ́ршу ничь ночува́ты. Вы́йшоў паламаръ, розимо́къ цы́рковь, запалы́ў йій дви сьви́чки ко́ло прэсто́ла, пото́му замо́къ цы́рковь, и ба́ба сыди́ла ца́лу ничь. Ра́но розимо́къ цы́рковь и вы́пустыў йи. Прыйшла́ она́ до ксе́ндза, пыта́еся йи ксёндзъ, чы нэ бу́ло йій тамъ що въ цы́ркви? Она ка́жэ: „Нычъ-имъ нэ вы́дила.“ Зробы́ўся вы́чиръ, пишла́ она́ до паламаря́, абы́ йій йшоў розимкну́ты цы́рковь. Вы́йшоў винъ, йій цы́рковь розимо́къ, запалы́ў йій дви сьви́чки ко́ло прэсто́ла; она́ собі́ си́ла, а винъ замо́къ цы́рковь и пишо́ў домі́. Вжэ она́ сыды́тъ. Вы́йшла гу́ска зъ-пидъ мо́сту исъ гу́сяты, походы́ла ко́ло нэ́и, походы́ла, нычъ йій нэ каза́ла и спря́талася. Вчыны́ўся дэнь, пишла́ она́ до ксе́ндза. Пыта́е йи ся ксёндзъ: „Ну, що́-жъ, ба́бо, вы́дила ты що́?“ Она ёму́ вжэ повила, якъ бу́ло, а ксёндзъ йій ка́жэ: „Ну, до́брэ! щэ ма́ешь одну́ ничь спа́ты; якъ ты нычъ нэ бу́дэ, то нэ ма́ешь грыху́.“ Вжэ зробы́ўся вы́чиръ, вжэ идэ́ она́ на трэ́ту ничь ночува́ты въ цы́рковь. Вы́йшоў паламаръ, розимо́къ йій цы́рковь, запалы́ў йій дви сьви́чки ко́ло прэсто́ла, по́тимъ замо́къ и пишо́ў домі́. Сыды́тъ она́, сыды́тъ, ды́вытся: идэ́ гу́ска зъ-пидъ мо́сту, така́ вэлы́ка, би́ла,

съ гу́сяты, хо́дять ко́ло нэ́и, хо́дять, якъ я́лы йи дзю́баты дзю́бкамы, я́лы йій прыповида́ты: „я́ бы бы́ў собі́ замолоты́ў, закосы́ў, я́ бы быў у сьвйти жыў!“ а гу́ски: „я бы бы́ла собі́ запря́ла, я́ бы бы́ла собі́ зашы́ла, я́ бы собі́ въ сьвйти жы́ла.“ Тай якъ я́лы йи скубсты́, рва́ты, то такъ йи розты́рмалы, що ны́чъ ся нэ лышы́ло, лышь го́ли ко́сты. Зробы́ўся дэнь, вы́йшлы вжэ йи выпуска́ты зъ цы́рквы, а тамъ нэма́ ны́чъ, лышь го́ли ко́сты зъ ба́бы. . . . .

(Отъ Татьяны Михайловичъ въ Головецкѣ.)

20.

Скатерть, баранчикъ и коробъ.

Було́ два бра́тьи, едэ́нъ буў бі́дный, а дру́гый бога́тый. Бога́чъ зарі́заў свыню́, а бі́дный прыйшо́ў тай ка́жэ: „Бра́тэ, дай мэні́ тро́ха солоны́ны!“ Такъ го ду́жэ про́сыть, а́лэ бога́чъ нэ хо́чэ да́ты. А пото́му вжэ урі́заў ку́снычъ солоны́ны, даў бі́дному и ка́жэ: „Нэсы́ до ді́дька!“

Тай винъ узя́ў ту солоны́ну тай понісъ йи до ді́дька. Нэсэ́-нэсэ́, ажъ прыхо́дытъ до воды́: така́ вода́ вэлы́ка, жэ ніякъ нэ мо́жна пэрэйты́. Тай винъ стаў и стойтъ. Ды́вытся, а дъ нёму идэ́ стары́й дидъ сы́вый. Тай пытáе го ся той дидъ: „Чого́ ты ту стоїшь?“ — „Та даў мы, ка́жэ, братъ солоны́ны, абы́-мъ нисъ до ді́дька, тай нэсу́, а́лэ ту пэрэйты́ нэ мо́жна чэ́рэзъ во́ду.“ Тогды́ дидъ ка́жэ: „Сида́й на мэ́нэ, я тя пэрэвэ́зу.“ Винъ сиў на ді́да, пэрэйи́хаў чэ́рэзъ во́ду тай тамъ вжэ злизъ. А дидъ тогды́ ка́жэ до нёго: „Якъ тамъ дашь ді́дьковы солоны́ну, то винъ тобі́ за то будэ́ дава́ты гро́ши, а́лэ абы́-сь то́го нэ браў; будэ́шь, ка́жэ, каза́ты, абы́ тобі́ даў баранця́ и таку́ кобі́вочку стару́ и обру́сыкъ, тай щэ абы́ тобі́ тры ра́зы у подо́локъ шква́ркиў вэргъ.“

И винъ понісъ тогды́ ту солоны́ну и даў само́му найста́ршому ді́дьковы. Такъ ся тамъ зли ду́хи тоў солоны́ноў утішылы тай зача́лы ся балюва́ты. А пото́му вжэ даютъ

ему́ бога́то гро́шэй, ска́рбы ри́жни, а́лэ винъ то́го нэ хо́чэ бра́ты. То оны́ ся ёго́ пыта́ютъ: „А що́-жъ бы тоби́ да́ты?“—„Да́йтэ мы, ка́жэ, баранця́, коби́вочку и обру́сыкъ и тры ра́зы въ полу́ шква́ркиў.“ Алэ чорты́ нэ хоти́лы ёму́ то́го да́ты. Тогды́ винъ ка́жэ: „Ну, то е́нчого ницъ нэ хо́чу!“ Тай хоти́ў вжэ иты́ гэтъ. Тогды́ той найста́ршый ди́дько ка́жэ: „Та да́йтэ му, да́йтэ, най сы вжэ бэ́рэ, що́ хо́чэ!“ Тай тогды́ ёму́ да́лы то́го баранця́ и коби́вочку и обру́сыкъ, тай вэ́рглы му тры пры́горщи шква́ркиў у полу́.

И винъ съ тымъ пишо́ў тай прыйшо́ў идъ тій води́ зно́ву. А той дидъ та́мки вжэ буў ко́ло воды́ и ка́жэ: „Сида́й на мэ́нэ, я тя пэрэвэ́зу!“ И пэрэви́зъ ёго́ и ка́жэ: „Якъ схо́чэшь гро́шэй, то ска́жэшь: потрясы́ся, бара́нцю!—то ты бара́нъ натрясэ́ гро́шэй, ки́лько хочь; а якъ схо́чэшь ййсты чы пы́ты, то ска́жэшь: пристры́ся, обру́сыку!—то на тимъ обру́сыку всё бу́дэшь ма́ты; а якъ бу́дэшь въ якій пры́го́ди, то ска́жэшь: па́ўки зъ коба́ўки!—то за́разъ ты помо́жутъ; а тоты́ шква́рки, ка́жэ, то та́кой нэсы́ въ то́рби до до́му!“

Тай тогды́ дидъ счэзъ, а винъ соби́ пишо́ў да́ли своёў доро́гоў. Идэ́-идэ́, тай му ся схоти́ло спа́ты. Винъ лягъ тай приспа́ўся тро́ха, а́лэ проха́пуеся, а ту ко́ло нёго ти́лько бара́ни́ў тай овэ́ць—цилэ́ по́лэ ўкры́лы; а то зъ тыхъ шква́ркиў поробы́лыся бараны́ й ви́ўци, бо то булы́ всё ду́ши. Алэ винъ ся ду́жэ напу́дыў тай зача́ў утика́ты видъ ныхъ, а оны́ за нымъ лэтя́тъ. Тогды́ той самы́й дидъ зъявы́ўся, а то буў самъ Го́сподь. Тай ка́жэ: „Чого́ ты такъ бижы́шь?“—„А-о́, ка́жэ, яки́-сь ся бараны́ мэнэ́ ўчипы́лы, щэ бу́дутъ лю́дэ каза́ты, що-мъ ўкрая́ў.“—Тогды́ Го́сподь ка́жэ: „Стань на мо́ю но́гу тай дывы́ся до-горы́ до нэ́ба!—вы́дышь що́?“—„Вы́жу драбы́ну.“—Тай тоты́ бараны́ и ви́ўци вси, едно́ за дру́гымъ, такъ го́ри тоў драбы́ноў ска́чутъ, тай поскака́лы вси до нэ́ба. Тогды́ Го́сподь ка́жэ до нёго: „То ты, якъ умрэ́шь, за ти ду́ши пидэ́шь до ца́рства!“ Тай тогды́ вжэ счэзъ и тота́ драбы́на за нымъ счэ́зла. А винъ пишо́ў соби́ до-до́му.

Прыхо́дытъ до-до́му, а жи́нка ка́жэ: „Та дэ́ ты буў таки́ ви́ки? йой, вжэ ди́ты зъ-го́лоду умыра́ютъ!“ Алэ винъ ка́жэ: „Цы́тьтэ, ди́ты! змо́ўтэ молытвы́, за́разъ будэ́мо ййсты!“ И поси-

да́лы за стиў. Винъ положы́ў обру́сыкъ на стиў и ка́жэ: „Пристры́ся, обру́сыку!“ Тай обру́сыкъ ся простэ́ръ и бу́ло тамъ ри́жного йи́диня и пытья́ до́ста. Якъ ся найи́лы й напы́лы, тогды́ винъ сказа́ў: „Закоты́ся, обру́сыку!“ И закоты́ўся наза́дъ. Пото́му винъ пысла́ў жи́нку до бра́та, до то́го богача́, абы́ прыйшо́ў, и его́ жи́нка и ди́ты, то ся бу́дуть балюва́ты. Привэла́ она́ бра́та съ жи́нкоў тай съ дитьмы́. Тогды́ винъ ихъ посады́ў за сти́ў и ка́жэ: „Пристры́ся, обру́сыку!“ И бу́ло бога́то йи́сты и пы́ты, до́брый буў баль. А пото́му братъ ся пыта́е: „А ви́дки ты то диста́ў?“ Тогды́ винъ му сказа́ў, жэ пони́съ тоту́ солоны́ну до ди́дька тай диста́ў за то обру́сыкъ. Алэ ка́жэ: „Я щэ й баранця́ диста́ў.“ И каза́ў до баранця́: „Потрясы́ся, бара́нцю!“ И натря́съ бара́нъ цилу́ ку́пу гро́шэй. Даў тоты́ гро́ши бра́товы, и братъ пишо́ў.

Алэ за́разъ пишо́ў и даў зна́ты до па́на, що той би́дный ма́е такі́й обру́сыкъ и баранця́, то бы то до́брэ бу́ло для па́на. Тай панъ пысла́ў слугу́ до то́го хло́па, абы́ прыни́съ обру́сыкъ и баранця́, абы́ му то показа́ў. И винъ пишо́ў до па́на, тай тамъ вжэ на нэ́го чэка́ло мно́го пани́ў, позйижджа́лыся на баль. Винъ положы́ў той обру́сыкъ на стиў и зача́ў тоты́ паны́ балюва́ты. А пото́му зноў поста́вы́ў баранця́ и насы́паў имъ гро́шэй. Тай вжэ хо́чэ иты́ до-до́му, а́лэ паны́ тогды́ го нэ пусты́лы, а́лэ видобра́лы му обру́сыкъ и баранця́, а его́ набы́лы-набы́лы тай вы́вэрглы его́ на-дви́ръ. Тогды́ винъ вжэ розлю́тыўся тай пишо́ў до до́му, взяў сы тоту́ коби́ўку и вэрну́ўся мэ́жы пани́ў. Тай ка́жэ: „Видда́йтэ мэни́ обру́сыкъ тай баранця́!“ Паны́ ся зноў до нэ́го ўзя́лы бы́ты, а винъ тогды́ кры́кнуў: „Па́ўки зъ коба́ўки!“ Якъ ся вы́хопылы тры хлопы́, якъ зача́лы пани́ў бы́ты, тогды́ му вжэ видда́лы всё. И винъ соби́ пишо́ў до-до́му,—и вжэ спо́кій.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ: СКАЗКИ.

21.

Волшебный конь.

Маў едэ́нъ та́то двана́йцять сыни́ў. Якъ вжэ тоти́ сыны́ дійшлы́ до литъ, пишлы́ и наймы́лыся вси 12 до двора́ на слу́жбу. Съ тымъ ся па́номъ такъ згоды́лы, щобы́ винъ за рикъ слу́жбы ко́ждому даў по конэ́вы. Якъ оны́ вжэ вы́служылы той рикъ, ка́жэ имъ панъ: „Ну, выбыра́йтэ соби́ ко́ждый по конэ́вы!“ Тай оны́ пишлы́ на по́лэ, дэ ся па́ньски ко́ни па́слы, и вы́браў соби́ ко́ждый коня́, яко́го хтиў. А наймолодшый братъ буў тро́ха гы дурны́й, то винъ соби́ вы́браў найги́ршого коня́, тако́го сухо́го, що лэ́дво ды́хаў.

Тогды́ оны́ вжэ пойи́халы до сво́го та́та тай ка́жуть до нёго такъ: „Та́ту, шука́й намъ тэпэ́рь 12 сэстэ́ръ, абы́ мы ся съ ны́мы пожэны́ли.“ Тай стары́й пишо́ў шука́ты. Идэ́-идэ́ тай зды́бue яку́-сь па́ню на доро́зи. Тай тота́ па́ни ка́жэ: „Дэ ты йдэшь, чолови́чэ?“ Винъ тогды́ ка́жэ: „Ма́ю 12 сыни́ў и оны́ хотя́тъ жэны́тыся, а́лэ такъ хотя́тъ, абы́-мъ имъ знайшо́ў 12 сэстэ́ръ ра́зомъ.“ Тогды́ па́ни ка́жэ: „Я ма́ю 12 доне́къ, то най у мэ́нэ сва́таютъ!“ Стары́й ся ўти́шыў тай пытае́ся: „А дэ-жъ вы мэ́шкаетэ?“ А па́ни ка́жэ: „Ходи́тъ до мо́го паля́цу, тамъ ся поды́вытэ на диўча́та, чы вамъ ся сподо́баютъ?“ Тай винъ пишо́ў съ нэў до тыхъ паля́циў, тай го тамъ вжэ тота́ па́ни зача́ла прыйма́ты, да́ла йи́сты, пы́ты, якъ ся налэ́жытъ. А пото́му показа́ла му свои до́ньки: одына́йцять бу́лы таки́, якъ ма́е бу́ты, лышэ́ наймоло́дша—вжэ симна́йцять литъ ма́е, а щэ лэжы́тъ въ колы́сци. А па́ни ка́жэ: „То будэ́ для ва́шого дурно́го сы́на жи́нка!“ Якъ ся вжэ стары́й отэ́ць тамъ тро́ха побалюва́ў, пишо́ў тогды́ до до́му за сына́мы.

Прыхо́дытъ до-до́му, пыта́ются го за́разъ сыны́: „А що́, та́ту, найшлы́-сьтэ?“—„Найшо́ў-емъ, ка́жэ, збыра́йтэся жы́во тай йи́дьтэ!“—Тай пови́ў имъ всё—дэ и якъ ма́ютъ йи́хаты. Тогды́ оны́ ся вы́бралы въ доро́гу тай йи́дутъ. Одына́йцять бра́тиў поубыра́лы соби́ ко́ни красно́, йи́дутъ, якъ паны́, а дур-

ный на своїій сухїй шкапи лэдво лизэ, гэтъ лышыўся сзаду за братима. Тогды той ёго кинь до нэго промовыў: „Спыны своихъ братиў, абы зачэкалы на тэбэ, бо тота пани, дэ вы йидэтэ свататы, е опырыця, зийисты васъ хочэ. То, кажэ, якъ прыйидэтэ до нэи, то она вышлэ 12 лёкалиў до конэй,—абы-жъ вы тымъ лёкалямъ конэй нэ далы въ руки. Потому вышлэ вамъ тры бутэлци вына и тры бохонци хлиба, алэ абы вы тилько два бохонци зийилы и дви бутэлци выпылы, а трэтои ни, тай абы на зэмлю ни дрибка хлиба ни вына нэ упала!" Тогды дурный зачаў на братиў крычаты: „Зачэкайтэ, но-о-о!" Алэ братья кажуть: „Та чого мы будэмъ на нёго чэкаты, на дурного?" Тай йихалы дали, нэ чэкалы. Тогды винъ зноў клычэ: „Та чэкайтэ, но-о!" А найстаршый братъ кажэ: „Э, почкаймо, можэ винъ намъ що скажэ?" Тай зачэкалы на нёго. Винъ имъ заразъ всё тото розповиў, що му кинь наказуваў, абы зналы, що робыты, якъ прыйидутъ тамъ до опырыци.

Тай оны прыйиждж аютъ вжэ тамъ пидъ ти паляцы. Заразъ до ныхъ выбиглы 12 лёкалиў, кождый до коня йшоў. Алэ оны кажутъ: „Мы соби сами лёкали до своихъ кониў." Тай сами прывязалы кони до жолоба тай далы имъ йисты. Тогды вжэ опырыця выслала имъ тры фляшки вына и тры бохонци хлиба. Оны йно дви фляшки выпылы и двое хлиба ззилы, а рэшту видослалы йий назадъ; тай уважалы, абы ни дрибка на зэмлю нэ ўпала. Потому ихъ вжэ опырыця заклыкала до покойиў, посадыла за стиў и дала имъ йисты, пыты, що потрэба.

Якъ вжэ понайидалыся, понапывалыся, тогды вжэ кождого спарувала съ еднoў донькоў и поклала ихъ всихъ на пидлози спаты, а того дурного положыла въ колыску до наймолодшои доньки; алэ кожду доньку клала у ливый бикъ, а зятя у правый. Тай кажэ: „Спитъ кождый съ своёў, чы вамъ ся сподобае?" Якъ вжэ вси полягалы, взяла и загасыла сьвички, а сама полэтила на граныцю, тамъ дэ ся вси опыри и чариўныки злитаютъ. И тоти братья заснулы, алэ кинь того дурного брата прыйшоў пэрэдъ двэри и тры разы заирзаў. Тай той встаў зъ колыски и выйшоў. Тогды кинь промовыў до нёго: „Кажы своимъ братьимъ, абы ся пэрэминялы съ жинкамы на мисця: сами абы ля-

глы на ливый бикъ, а ихъ абы на правый поклалы."
Винъ тогды побудыў братиў и сказаў имъ, то ся вси заразъ пэрэминялы на ливый бикъ. Тай тота опырыця прылитае вжэ назадъ, взяла сы мэчъ и на-потэмки всимъ донькамъ, що вжэ лэжалы у правимъ боци, головы постынала, гадала сы, що то зятьимъ. Тогды пишла щэ до колыски и тамъ хотила голову стяты, алэ вжэ нэ стынала, погадала сы такъ: „Ни, тому дурному вжэ нэ буду, най ся лышытъ, то можэ мы хоть воды подастъ!" Тай тогды вжэ полэтила зноў на границю до опырийў. А кинь зноў прыйшоў пидъ двэри и тры разы заирзаў. Винъ выйшоў зъ колыски, а кинь му кажэ: „Утикайтэ тэпэрь гэтъ, що можэтэ, бо якъ опырыця вэрнэ тай увыдытъ, що то она свои доньки поризала, то вамъ щэ гиршэ будэ!" Тай оны вси зирвалыся, посидалы на конэй и пигналы. А дурный ся сзаду лишыў, бо кинь нэ годэнъ буў бичы.

Тай она прылэтила вжэ съ граници, засьвитыла въ покою, дывытся, а ту тыхъ братиў нэма, йно вси ей доньки лэжатъ бэзъ голоў, тилько тота въ колысци жыва една. Тай она мала такого коня, що на трёхъ ланьцухахъ буў ўпнятый, то сила на того коня и пигнала за братьямы. Тай взяла съ собоў съ золотои качки пюро и съ тои наймолодшои доньки золотый волосъ, абы йий ся видъ того въ дорози выдко було, бо то сьвитыло такъ, якъ соньцэ. Тай гонытъ за нымы, алэ вжэ тоты старши братья пэрэйихалы за ей границю, то ихъ вжэ нэ могла дистаты. Тилько той дурный щэ ся сзаду лышыў, алэ ся сховаў въ корчи, то го нэ ўвыдила тай мынула. И по-дорози, якъ лэтила, загубыла той золотый волосъ и то пюро золотэ, а ей кинь загубыў золоту пидкову. Тай вэрнулася назадъ до свого дому.

А той дурный йидэ и здыбае на дорози той волосъ — блыщытся, якъ у дэнь. И злизъ и хочэ ёго браты, алэ кинь до нэго такъ промовыў: „Нэ бэры тото, бо будэ бида!" Нэ слухаў, взяў волосъ. Йидэ дали, здыбае пюро. Знову злизае и бэрэ, а кинь кажэ: „Эй, нэ бэры, будэ бида!" Взяў и пойихаў дали, здыбаў пидкову золоту. Зноў кинь кажэ: „Ой, нэ бэры, бо будэ вэлыка бида!" Винъ нэ послухаў, взяў и пид-

кову. Тай прыйихаў ажъ до-дому, а братья вжэ тамъ е. И зачалы му тогды братья дяковаты, що ихъ видъ смэрты видкупыў.

Потому тоты братья ся вжэ лышылы дома, а дурный пишоў соби до одного пана на службу. И такъ ся згодыў у пана, абы й ёго кинь пры нимъ буў, тай стаў тогды тамъ на службу. Алэ повисыў сы въ свойий стайны золотэ пюро и вжэ николы нэ потрэбуваў ани лятарни, ани съвички, такъ ажъ блыскъ быў видъ того пюра. Тогды слугы то пидозрилы, и якъ обачылы у нэго тото пюро, пишлы до пана и ўповилы му. Казаў го панъ заклыкаты до сэбэ и кажэ: „Абы ты мэни то пюро сюда прынисъ!“ Винъ клэнэся, що нэ мае жадного пюра, видпыраеся, якъ можэ. Алэ ницъ нэ помогло, а панъ кажэ такъ: „Якъ мэни то заразъ нэ прынэсэшь, то тя страчу!“ Тай винъ вжэ пишоў до стайни, взяў пюро тай прынисъ до пана. Тогды панъ кажэ: „Мусышь мэни щэ ту качку прынэсты, що зъ нэи то пюро е!“ Прыходытъ винъ до свого коня тай плачэ. А кинь му кажэ: „А выдышь, нэ послухаў-есь мэнэ, то тэпэрь биду маешь; ну, алэ що робыты? пойидэмо!“ Тай пойихалы до тои самои опырыци, що видъ нэи ўтиклы. Прыйихалы пидъ той паляцъ, тогды кинь кажэ: „Бухнэшь въ едни двэри — оны тоби ся отворутъ, бухнэшь въ други — зноў ся отворутъ, а въ трэтимъ покою е тота качка у койцы; алэ, кажэ, справуйся тыхо, абы ся опырыця нэ збудыла!“ Тай винъ такъ пишоў, качку пидъ паху забраў, тай выбигъ на-двиръ, на коня тай въ ногы. Тогды прывизъ качку до пана и даў му. Панъ ся дужэ ўтишыў, даў ёму богато грошэй тай видослаў го зноў до службы до стайни.

А винъ взяў тай соби тоту пидкову золоту повисыў въ стайны, абы му сьвитыла. Тогды слугы зноў пидбачылы, пишлы до пана тай ўповилы. Панъ казаў му показаты ту пидкову, а потому кажэ: „Томусышь мэни щэ дистаты того коня, що видъ нэго пидкова!“ Тай винъ пишоў до коня тай плачэ. А кинь тогды кажэ: „Ой, тэпэрь бида, бо якъ-жэ того коня взяты, колы винъ на трехъ ланцахъ ўпнятый? алэ, кажэ, иды ты до пана, най тоби дастъ 12 шкиръ и 12 бочокъ смолы, то пойидэмо по того коня.“ Панъ даў ёму 12 шкиръ и 12 бочокъ смолы, тогды винъ вжэ пойихаў до опырыци за конёмъ. Прыйиха-

лы тамъ пидъ па́ляцъ, тогды́ кинь ка́жэ: „Бэры́ лопа́ту и копа́й таку́ я́му, абы́ я по са́ми коли́на стоя́ў въ тій я́ми.“ Винъ вы́копаў, тогды́ кинь влизъ по коли́на въ я́му и стои́тъ. Тогды́ ка́жэ: „Поклады́ тэпэ́рь на мэ́нэ едну́ шки́ру и лій едну́ бо́чку смолы́ на ту шки́ру!“ И такъ винъ тыхъ 12 шкиръ, едну́ за дру́гоў, на нёго положы́ў и на ко́жду шки́ру вы́ліяў бо́чку смолы́. Тогды́ кинь ка́жэ: „Ты лизь тэпэ́рь на дэ́рэво, а я заржу́, то той кинь за́разъ прылэ́тытъ.“ Винъ вы́лизъ, а кинь заирза́ў разъ, то тамто́му конэ́вы урва́ўся едэ́нъ ланцъ; заирза́ў дру́гый разъ—урва́ўся дру́гый ланцъ; якъ заирза́ў трэ́тый разъ, то тамто́му урва́ўся вжэ трэ́тый ланцъ, тай за́разъ кинь прылэ́тиў. А винъ маў на ло́коть зу́бы, то ке́нуўся на то́го коня́ въ я́ми и запусты́ў зу́бы въ нёго чэ́рэзъ вси 12 шкиръ, ажъ до-спо́ду. Алэ го нэ мигъ укусы́ты, ті́лько такъ загря́зъ зуба́мы въ смолу́, що ихъ вжэ нэ мигъ вы́тягнуты. Рва́ўся, рваў, а́лэ зму́чыўся и ста́нуў. А той за́разъ злизъ съ дэ́рэва тай сиў сы на сво́го коня́ и пои́хаў, а тамто́й кинь му́сиў вжэ йты тако́жъ за ны́мы сбо́ку, бо щэ зуби́ў нэ мигъ вы́ймыты. Тай такъ прывэзлы́ до па́на то́го золото́го коня́. Тогды́ му панъ вжэ даў гро́шэй па́ру сото́къ, тай винъ зноў пишо́ў до сво́йи ста́йни.

Тогды́ винъ вжэ собі́ той золоты́й во́лосъ въ ста́йны пови́сыў. Слу́гы зноў о тимъ па́ну пови́лы и панъ каза́ў му прынэ́сты той во́лосъ. Винъ прынисъ, тогды́ панъ ка́жэ: „Щэ мэні́ доко́ньчэ прывэзы́ тоту́ па́нну, що той во́лосъ згубы́ла!“ Винъ прыйшо́ў до коня́, такъ пла́чэ. А кинь ка́жэ: „То всё чэ́рэзъ то, що-сь мэнэ́ нэ слу́хаў; тэпэ́рь йи́дьмо за па́нноў!“ Тай пойи́халы. Прыйи́халы пидъ па́ляцъ до опыры́ци. Тогды́ кинь ка́жэ: „Иды́ до поко́ю, дэ тота́ па́нна въ колы́сци лэжы́тъ, тота́ тво́я жи́нка; а́лэ абы́-сь йи нэ браў, по́ки я нэ заржу́ пидъ викно́мъ, а якъ я заржу́, бэры́ йи и нэ бі́йся ницъ!“ Тай винъ пишо́ў, ста́нуў тамъ ко́ло колы́ски и чэка́е. Ажъ ту кинь заирза́ў, тогды́ винъ у́хопы́ў па́нну съ колы́скоў пидъ па́ху, вы́нисъ на-дви́ръ, сиў на коня́ тай пойи́хаў.

Тай прыви́зъ йи до па́на, а́лэ му йи нэ хоти́ў да́ты, лышэ́ ка́жэ такъ: „Па́нова ка́чка и па́ниў кинь, а́лэ па́н-

на то моя́, бо то моя́ жи́нка!“ А панъ ся на тимъ сло́ви ду́жэ застановы́ў тай ка́жэ такъ: „Я ка́жу зо все́и сталны́ны молоко́ вы́цэркаты, у вэлы́кій котэ́лъ нальяты и зо всихъ сторо́нъ пидъ тымъ китло́мъ палы́ты, абы́ то молоко́ ажъ кипи́ло, ажъ ся пэрэвэрта́ло; якъ ты въ тимъ молоци́ ся скупа́ешь и вы́лизэшь жыввы́й, тогды́ бу́дэ та па́нна твоя́!“ Винъ пишо́ў съ тымъ до коня́ тай му то розповида́е.—„Вжэ мэни́, ка́жэ, смэрть ажъ тэпэ́рь бу́дэ!“—А кинь ка́жэ: „Нэ бі́йся ницъ, лизь у котэ́лъ, а́лэ абы́ я бу́ў пры тимъ!“ Тай винъ пишо́ў до то́го китла́ и прыпрова́дыў сво́го коня́, ка́жэ: „Най хоть мій кинь мо́ю смэрть вы́дытъ!“ Якъ винъ вжэ ся розибра́ў, вжэ маў у молоко́ ли́зты, тогды́ кинь фо́ркнуў надъ тымъ молоко́мъ, разъ, и дру́гый, и трэ́тый, а молоко́ за́разъ засты́гло. Винъ тогды́ ско́чыў, скупа́ўся въ тимъ молоци́ и вы́лизъ щэ ладні́йшый, якъ пэ́ршэ бу́ў. Тогды́ панъ собі́ гада́е: „Оў, колы́ винъ щэ ладні́йшый вы́лизъ зъ кипя́чого молока́, то и я ся скупа́ю, мо́жэ видмолоднію видъ то́го.“ Тай за́разъ ся панъ розибра́ў и ско́чыў у молоко́, а кинь тогды́ зноў тры ра́зы фо́ркнуў, и то молоко́ зноў ста́ло таке́ горя́чэ, якъ окри́пъ, ажъ пидска́куе. За́разъ ся панъ спа́рыў на-смэ́рть, лышэ́ зъ нэ́го кистки́ повытяга́лы. Тогды́ той ся вжэ съ своёў па́нноў ожэны́ў и зоста́лыся обо́е на па́ньскихъ мае́euткахъ.

Тай вжэ потому ка́жэ кинь до не́го: „Я тэбэ́ зробы́ў таки́мъ па́номъ, то тэпэ́рь ты мэни́ що-сь зробы́: вы́вэды мэнэ́, ка́жэ, на по́лэ, тай застри́ль мэнэ́!“ А винъ стаў пла́каты и ка́жэ: „Та дэ бы я тэбэ́ стриля́ў? ты мій найли́пшый прыя́тиль!“ Алэ кинь ка́жэ: „Якъ ты мэнэ́ нэ за́бьешь, то и самъ нэ бу́дэшь жыў!“ Тогды́ винъ го вжэ вы́виў въ по́лэ и за́стрилыў. Тай тогды́ ся зъ коня́ по́рохъ зробы́ў тай розлэ́тиўся съ ви́тромъ.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

22.

Джунджаловичъ и сыроѣдъ.

Маў еденъ богачъ 12 сыніў. Кажэ до ныхъ: „Я нэ буду васъ жэныты, покинэнайду 12 донекъ у едного ґазды, абы-мъ васъ всихъ разомъ пожэныў.“ Пишлы сыны шукаты, ходылы по сьвити, ажъ найшлы 12 донекъ у едного сыройида. *) Тай засадыў ихъ сыройидъ за стиў, даў имъ йисты й пыты. Повэчэрялы тай полягалы спаты, кождый съ едноў диўкоў; тай хлопци спалы въ шапкахъ, а диўки въ хусткахъ. Въ ночы той сыройидъ кажэ: „Чы спышь, Джунджаловычъ?“ А то ся найстаршый братъ называў Джунджаловычъ. Тай винъ кажэ: „Ой, нэ спью, я думки гадаю!“ Зноў за якій-сь часъ кажэ сыройидъ: „Джунджаловычъ, чы спышь?“ А той нэ спаў, алэ ся нэ видзываў ницъ. Тогды кажэ сыройидъ до сыройидыхи: „Острімо ножи, бо вжэ уснулы, то ихъ будэмъ ризаты!“ Пишлы острыты ножи, а Джунджаловычъ то чуў тай борзэнько шапки съ братиў позакручуваў на диўки, а братьимъ пообвываў хустки; тай соби такъ зробыў тай лягъ спаты. Прыйшоў сыройидъ съ сыройидыхоў, поризалы свои доньки, бо гадалы сы, що то хлопци въ шапкахъ. А потому ляглы обое спаты тай заснулы. Тогды той братиў побудыў, тай вси кризь викно поскакалы и утиклы гэтъ до-дому.

Алэ видтакъ кажэ той Джунджаловычъ: „Я иду щэ до сыройида, щэ ёго жинку зарижу!“ Пишоў до сыройида тай кажэ: „То я твои доньки зaризаў!“ Кажэ сыройидъ: „То я тэбэ тэпэрь зарижу!“—„Ни, ты мэнэ тэпэрь нэ рижь, бо я сухый; годуй мэнэ волоскими орихамы, булкамы й цукромъ, абы я буў тлустый, то тогды вжэ будэшь маў добру пэчэню зъ мэнэ.“ Тай сыройидъ послухаў: годуваў го файно, выгодуваў такого тлустого. Вжэ хочэ ризаты, робыты комашню: Тай лышыў жинку, абы ёго спэкла, а самъ пишоў за гостима. Тогды кажэ сыройидыха до нёго: „Лягай у

---

*) На вопросъ: что такое сыройидъ?—разсказчица отвѣтила: „такый сыройидъ, жэ съ еднымъ окомъ,“—но больше ничего о немъ сказать не умѣла.

возо́къ, най тя заве́зу у пичь!" Тай лягъ винъ, а́лэ всэ то ца́пки ста́нэ, то на-попэрэ́къ ся кладэ́, тай нэ мо́жэ ся влі́зты въ пичь. Тогды́ она́ влі́зла сама́ въ тачкі́ тай ка́жэ: „О-та́къ лягаі́й, якъ я!" А винъ тогды́ взяў, шаркнуў йи́ въ пичь тай спикъ ба́бу. Тай покра́яў йи на тарі́ль и покла́ў на стиў, а самъ утікъ. Прыйшо́ў сыройи́дъ съ дру́гымы сыройи́дамы на кома́шню, позасида́лы за стиў тай йидя́тъ тоту́ пэчэ́ню, балю́ются. А пото́му едэ́нъ ка́жэ до то́го сыройи́да: „Та клы́чтэ куму́ до сто́лу!" — „Э, она́ ся змучыла съ тымъ Джунджало́вычомъ, то ся пэ́вно положы́ла тро́хи спа́ты." Алэ йдэ, ды́вытся до лі́жка — нэма́; шука́е, клы́чэ — нэма́! — „Ой, ка́жэ, то мы ба́бу зйи́лы!"

А Джунджало́вычъ зноў до́ма ка́жэ: „Я щэ піду, щэ сыройи́да зако́плю жыво́го въ зэ́млю." Прыйшо́ў винъ до то́го сыройи́да пэ́рэдъ ха́ту тай руба́е ялы́цю. Руба́е тай клы́чэ сыройи́да: „Ходы́-но ялы́цю руба́ты на то́го Джунджало́вча, бо винъ тобі́ зарі́заў 12 донёкъ тай ба́бу спикъ, а щэ й тэбэ́ хо́чэ закопа́ты." А той выйшоў, нэ знаў, що то е самъ той Джунджало́вычъ. Вы́йшоў сыройи́дъ, помі́гъ му руба́ты ялы́цю, ка́жэ: „До́брэ, я бы ты гро́шэй даў, кі́лько схо́чэшь, лышэ́ его́ въ тру́мну забы́й!" Тай пишо́ў до коваля́, тото́ тру́мно окова́лы. Тогды́ той ка́жэ до сыройи́да: „Нэ-зна́ў, котры́й мицні́йшый, чы ты, чы винъ?" — „О, та́-же я!" — „Ану́, лягаі́й въ тру́мно, спрубу́й, чы го рози́бьешь? щобы́ той Джунджало́вычъ щэ нэ розбы́ў, бо бы бу́ла біда́!" Лягъ сыройи́дъ, а той го тамъ замкну́ў тай пусты́ў го такъ доли́ водо́ў.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

23.

Волшебный волкъ.

а). Едэ́нъ ци́саръ маў золоту́ гру́шку, а́лэ що-но́чы прылитаў до нэ́и золоты́й птахъ и всэ краў зъ нэ́и едну́ гру́шку. А той ци́саръ маў доньку́. И прыйшлы́ до то́и доньки́ тры царэ́вычи, хоти́лы йи сва́таты: два бу́лы розу́мни, а едэ́нъ буў мэ́жы ны́мы гэй дурны́й. Тогды́ имъ ци́саръ ка́жэ такъ: „Вси тры ся съ мо́еў доньќоў жэны́ты нэ мо́жэтэ; то котры́й мині́ диста́нэ пта́ха, що мы грушки́ крадэ́, той будэ́ ся съ нэў жэны́ў.“

Тогды́ оны́ забра́лыся вси тры и пойи́халы за тымъ пта́хомъ. Тоти́ два му́дри ма́лы до́бри ко́ни и гро́ши, а дурны́й нэ маў ницъ, инó старо́го коня́, пса и кота́. Оны́ такъ йи́хали бэзъ дэнь, а пэ́рэдъ вэ́чэромъ тра́фыў имъ ся лисъ. Йи́дутъ по тимъ ли́си—тай ничь ся зробы́ла циўко́мъ. А ту нэма́ а́ни ха́ты, а́ни ничо́го. Тогды́ вжэ пора́дылыся ночува́ты въ ли́си. Накла́лы сы огню́, ко́ни прыпня́лы до дэ́рэва, звары́лы соби́ йи́сты и ля́глы спа́ты. А дурно́го дъ со́би нэ пусты́лы и йи́сты му нэ да́лы. Тай винъ такъ на-бо́ци сво́го коня́ прыпня́ў и вжэ соби́ лэжы́тъ. Ажъ въ ночы́ прыхо́дытъ до нэ́го воўкъ и ка́жэ: „Я тэбэ́ ззимъ!“ А винъ ка́жэ: „Нэ йижъ ты мэнэ́, на-тоби́ пса!“ Воўкъ взяў пса, ззиў и пишо́ў соби́ гэтъ. Якъ имъ ся вжэ дэнь зробы́ў, ру́шылыся и пойи́халы да́ли; ти два впэрэ́дъ, а дурны́й сза́ду. И зноў заблуды́лыся въ ли́си, а на́-ничь зноў на самэ́ то ми́сцэ тра́фылы. Накла́лы огню́, зи́йлы вэчэ́ру тай полига́лы. А дурны́й соби́ на-бо́ци лягъ, якъ вчо́ра. Той воўкъ прыхо́дытъ зно́ву и ка́жэ: „Я тэбэ́ ззимъ!“ — „Нэ йижъ ты мэнэ́, я тоби́ дамъ кота́.“ И воўкъ кота́ взяў и ззиў. Зноў ся дэнь зробы́ў, зноў оны́ йи́здылы цилы́й дэнь по ли́си тай нэ моглы́ вы́йихаты. А пидъ вэ́чиръ зноў на то самэ́ ми́сцэ тра́фылы ночува́ты. И той воўкъ прыйшо́ў идъ дурно́му и ка́жэ: „Я тэбэ́ ззимъ!“ — „Нэ йижъ ты мэнэ́, йижъ мо́го коня́!“—И воўкъ зйиў коня́ и пишо́ў. Тогды́ ся дэнь зробы́ў, оны́ забра́лыся и пойи́халы вжэ про́стоў доро́гоў, нэ блуды́лы.

А дурный идэ́ за ными сза́ду пишки. Тай той самый воўкъ его́ здыбае и пытаеся: „Дэ ты йдэшь?“ А той му ка́жэ, жэ йдэ за золотымъ пта́хомъ. Тогды той воўкъ ка́жэ: „Сида́й на мэ́нэ, пойидэмо по то́го пта́ха!“ Винъ сиў и полэ́тилы, тыхъ двохъ бра́тиў далэ́ко сза́ду лышылы. Якъ вжэ прыйихалы пидъ па́ляцъ, дэ той птахъ буў, ка́жэ воўкъ: „Тепэ́рь тамъ пидэ́шь до паля́цу и тамъ той птахъ бу́дэвъ золоті́й кли́тци; а́лэ жэбы-сь то́го золото́го пта́ха нэ браў, ино́ тамъ евъ дру́гій клитци такі́й малэ́нькій е́нчій пта́шокъ, то лышэ́ то́го абы-сь браў, а за нымъ прылэ́тытъ и самъ тамто́й. Тай тогды, ка́жэ, скачы крузь викно́ на-долыну, ницъ ся нэ бій, бо я ся розкря́чу такъ, що упа́дэшь на мэ́нэ, якъ на по́душку“. Тай винъ пишо́ў по то́го пта́ха, стаў тай гада́е сы: „На́-що я бу́ду браў то́го мало́го пта́ха? я возьму́ сы то́го, по котро́го-мъ прыйшо́ў, золото́го.“ И винъ ино́ ру́шыў за ту золоту́ кли́тку, а ту дзвинки за́разъ — дзэлэ́нь-дзэлэ́нь! Вартивныки ся посха́пувалы, злапа́лы го и завэлы пэ́рэдъ ци́сара. Тай ци́саръ ся пыта́е: „Чого́ ты ту́тка хо́чэшь?“ Винъ му тогды всё розповиў: „Прыйшо́ўемъ, ка́жэ, за пта́хомъ золотымъ.“ А ци́саръ ка́жэ такъ: „Якъ мэни́ золото́го пса прынэсэ́шь, то ты дамъ пта́ха.“ Винъ тогды пишо́ў до во́ўка и сказа́ў му той антэ́рэсъ. А воўкъ ка́жэ: „А чы я тобі́ нэ каза́ў, абы-сь нэ ру́шаў то́го пта́ха? ну, а́лэ сида́й, пойидэмъ щэ за псомъ“. Прыйихалы до то́го паля́цу, дэ буў золотый пэсъ. Тогды воўкъ ка́жэ: „Памята́й сы, нэ бэры само́го золото́го пса, ино́ тамъ е дру́гый—паршывый, то то́го бэры, а пото́му скачы на мэ́нэ чэ́рэзъ викно́, нэ бі́йся ницъ!“ Пишо́ў винъ до паля́цу и зноў гада́е сы: „На́-що мэни́ то́го паршывого пса? я во́зьму то́го, котро́го мэни́ трэ́ба.“ Алэ ино́ ру́шыў за ланьцу́хъ, а ту—дзэлэ́нь-дзэлэ́нь! Жоўня́ры поўстава́лы, взя́лы го и повэлы до ци́сара. Ци́саръ ся пыта́е: „Чого́ ты ту прыйшо́ў?“ — „Я хо́чу, ка́жэ, золото́го пса!“ Тогды ци́саръ ка́жэ: „Зна́ешь ты що́? е у едно́го ци́сара золотый кинь; диста́нь мэни́ то́го коня́, то я тобі́ дамъ мо́го пса.“ Прыхо́дытъ до во́ўка и то ему́ ка́жэ. А воўкъ ка́жэ: „Що-жъ, колы ты мэнэ́ ни́гды слу́хаты нэ хо́чэшь! то вжэ ты чэка́й туй, а я по то́го коня́ самъ пиду; ино́, ка́жэ, памята́й, абы-сь такъ за пиў годыны каза́ў:

гэй-гэй, мы́лый Бо́жэ, дэ е мій воўкъ?—бо якъ-бы-сь то нэ сказа́ў, то я бы вжэ нэ прыйшо́ў до тэ́бэ!“ Тай тогды́ воўкъ пигна́ў. Вжэ такъ за пиў годы́ны винъ сы нагада́ў тай ка́жэ: „Гэй-гэй, мы́лый Бо́жэ, дэ мій воўкъ?“ И обзыра́еся наза́дъ, а воўкъ вжэ е съ золоты́мъ конёмъ.

Тогды́ вжэ воўкъ ка́жэ такъ: „Мы то́го коня́ ци́саровы нэ дамо́! я во́зьму, ка́жэ, и пэрэке́нуся въ тако́го само́го коня́, а ты мэнэ́ веды́!“ Тай винъ пови́ў вжэ то́го коня́ (а́лэ то буў самъ воўкъ) до ци́сара, а правды́вого коня́ прыпня́ў въ ко́рчохъ. Пыта́еся ци́саръ: „Ну, е кинь?“—„Е!“—ка́жэ.—„А дэ?“—„А-во́!“—Тогды́ взяў ци́саръ то́го коня́, а ёму́ даў золото́го пса, тай винъ сы пишо́ў. Тай тогды́ ка́жэ: „Гэй-гэй, мы́лый Бо́жэ, дэ мій воўкъ?“ Тай за́разъ воўкъ ко́ло нэ́го ста́нуў. Взя́лы коня́ и пса и пойи́халы вжэ до дру́гого ци́сара по пта́ха. Алэ зноў такъ воўкъ пэрэке́нуўся золоты́мъ псомъ и винъ ёго́ пови́ў до ци́сара. Той пыта́еся: „А е пэсъ?“—„Е!“—И пока́зуе. Тогды́ ци́саръ взяў то́го пса, а пта́ха му золото́го даў. Винъ вы́йшоў и ка́жэ: „Гэй-гэй, мы́лый Бо́жэ, дэ мій воўкъ?“ Воўкъ ся ко́ло нэ́го зъявы́ў, тогды́ винъ забра́ў коня́, пса и пта́ха—и пишлы́. А тоти́, що винъ ни́бы полыша́ў ци́сарамъ, то всё зноў счэ́зло, и кинь, и пэсъ, бо то воўкъ ся въ таке́ буў пэрэке́нуў, а пото́му ўтикъ. Алэ то нэ буў воўкъ, ино́ діяволъ. Тай вжэ тогды́ ка́жэ му воўкъ такъ: „Тэпэ́рь вжэ йидь про́сто до то́го ци́сара, дэ ся ма́ешь жэны́ты, нэ вступа́й нигдэ́, а́ни до ко́рчмы, нигдэ́!“ Посады́ў го на коня́ и вы́правыў, а самъ пишо́ў вжэ е́нчоў доро́гоў.

Той соби́ йи́дэ, а тамъ ко́рчма стои́тъ пры доро́зи. А въ тій ко́рчми ёго́ бра́тья бу́лы. Оны́ йи́здылы по сьви́ти, стра́тылы вси гро́ши, а ничо́го нэ-знайшлы́, жа́дного тако́го пта́ха. И якъ той дурны́й йи́хаў ко́ло ко́рчмы, оны́ пизна́лы ёго́ и повыбига́лы. И повыта́лыся съ нымъ, а́лэ ра́дятся, я́къ-бы то ёго́ за́бытı, абы́ видъ нэ́го ти золоти́ звири́ забра́ты. Тай вы́провадылы го за ко́рчму кава́локъ, тамъ го за́былы тай ке́нулы въ риў. А сами́ забра́лы всё видъ нэ́го тай пойи́халы до то́го ци́сара.

А самы́й той воўкъ надійшо́ў тоў доро́гоў, ды́вытся, а той лэжы́тъ въ ро́ви мэртвы́й. А тамъ сда́лэку воро́на бу́ла съ малы́мъ вороня́ткомъ. Тай воўкъ зайшо́ў бо́комъ и зйима́ў

тото́ вороня́тко. Воро́на зача́ла го просы́ты за свою́ дыты́ну, абы́ пусты́ў. А винъ ка́жэ: „Я пу́щу, а́лэ мэни́ прынэсы́ жывýщои воды́!“ Воро́на полэ́тила тай прынэсла́ ёмý въ пы́ску то́и воды́ жывýщои. Тогды́ винъ йій пусты́ў вороня́, а во́ду взяў, вляў то́му въ пы́сокъ, по-пидъ нисъ му потэ́ръ, и той ожы́ў. И тогды́ му ка́жэ воўкъ: „А вы́дышь, каза́ў-емъ тоби́, абы́-сь нигдэ́ нэ вступа́ў по-доро́зи, а ты нэ послу́хаў!“ Тай ка́жэ: „На́, я тоби́ дамъ таки́ скры́пки; иды́ съ тымъ до то́го ци́сара, тамъ вжэ ро́блятъ тво́и бра́тья вэсилье́; а́лэ, ка́жэ, оны́ тамъ вси смутни́, то якъ на тыхъ скры́пкахъ загра́ешь, то и мэртвы́й бы встаў“. И тогды́ вжэ воўкъ исчэ́зъ.

А тамъ у ци́сара, якъ тоты́ два бра́ти прывэзлы́ пта́ха, коня́ и пса́, то вжэ ци́саръ каза́ў робы́ты вэсилье́, абы́ ся едэ́нъ съ ёго́ донькóў жэны́ў. Алэ хоть то ся вэсилье́ зачына́е, таки́ вси чого́-сь смутни́, ницъ нэма́ вэсэ́лосты, такъ, якъ-бы кого́ хороны́лы. Тай той дурны́й прыхо́дытъ на вэсилье́. Якъ на тыхъ скры́пкахъ загра́ў, така́ за́разъ охо́та ста́ла, якъ-бы нэ-зна́ты-що. Вжэ го бра́тья пизна́лы и настра́шылыся ду́жэ и посолови́лы. Гада́ютъ сы: „Що́ то е за спо́сибъ? мы го за́былы, а винъ ту зноў е!“ И ци́саръ го пизна́ў, и ци́сарова донька́. И винъ имъ тогды́ всё розпови́ў: що то винъ всё диста́ў, тоти́ золоти́ звири́, а́лэ го бра́тья за́былы и всё му видобра́лы. Тогды́ ци́саръ ёго́ ожэны́ў съ своёў донькóў, а тыхъ бра́тиў взяў и каза́ў на по́лы розстриля́ты.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

—

б). Такъ бýў едэ́нъ ци́саръ и маў тры сыны́: два бýлы мýдри, а трэ́тый дурны́й. И маў дýжэ фа́йни чэрэ́шни, а́лэ ко́ждои но́чы хто-сь чэрэ́шни обрыва́ў. Тогды́ ци́саръ пысла́ў стэрэ́чы тыхъ чэрэшэ́нь на́йстаршого сы́на. Алэ той стэрэжэ́, тай здрима́ўся, а тогды́ що-сь прыйшло́ и чэрэ́шни обирва́ло. Дрýгои но́чы пишо́ў сэрэдýщій сынъ. И той заснýў и що-сь чэрэ́шни обирва́ло. Тогды́ вжэ трэ́тои но́чы пишо́ў той дурны́й сынъ. Винъ наоко́ло чэрэ́шни обложы́ў тэ́рнёмъ и сиў на то тэ́рнье, абы́ го коло́ло, абы́ нэ заснýў. Сы-

дытъ у ночы прылитáе золотый птáшокъ тай стаў чэрэ́шни обрывáты. А той го хопыў за фистъ, áлэ фистъ урвáўся, а птахъ утикъ. Той дурный рáно встаў, кáжэ: „Выдытэ, тáту, я вамъ чэрэшэ́нь достэригъ: то золотый птáшокъ чэрэ́шни обрывáе.“ Тай показáў тогды той фистъ. Алэ цисаровы дýжэ тоты пюра ся ўподóбалы, то кá-жэ до сыниў: „Йидьтэ вы и прывэзитъ мэни докóньчэ тóго птáха!“ Тоты два сыны мýдри взялы сы грóши и по конэ́вы, по тэ́нγому, и пойихалы. А дурный взяў старý кобылу, якá найгирша булá, и взяў въ тóрбу штыры виўсяни паланыци, пойихаў тáкжэ.

Йидэ на своййй кобыли и всэ йи по-пидъ чэ́рэво бье: гэй-гэй! Кобыла лэ́дво лизэ, бо дýжэ вжэ старá. Тай винъ прыйй-хаў въ лисъ и кобылу пустыў на смыкаўки, а самъ сы сиў и зачáў йисты паланыцю. Тай йисть, а ту съ дрýгого бóку такъ воўкъ дывытся, такъ зубáмы клэ́нцае. Тай винъ кáжэ до вóўка: „Вóўку, чогó ты клэ́нцаешь зубáмы? я тоби па-ланыци нэ дамъ, а якъ хóчэшь йисты, то зйиджъ соби мóю кобылу!“ Тай воўкъ йимыў кобылу и зачáў йисты. Тогды той зайшóў тай вóўка хóпыў тай сиў на вóўка. И кáжэ: „Колы ты мэни кобылу ззиў, то вэзы ты мэ-нэ́ тэпэ́рь!“ А воўкъ кáжэ: „Та вжэ тя повэ́зу!“

Тай винъ такъ на вóўку йидэ, а воўкъ пытáе го ся: „А дэ ты йидэшь?“ „Йиду, кáжэ, по золотóго птáха“. Ну, воўкъ вжэ знаў, дэ той птáшокъ е, пигнáў. Тай прыйихалы идъ вэлыкому дворóвы. Тогды воўкъ кáжэ: „Той птáшокъ е ту въ двори; áлэ якъ бýдэшь ёгó брáты, абы-сь нэ браў ёгó съ клиткоў, абы-сь ёгó самóго браў!“ Тай дурный пишóў, áлэ увыдиў, що то дýжэ крáсна зо-лотá клитка, то бэрэ́ вжэ и клитку. Алэ клитка загрэмо-тила, жоўниры посхáпувалыся и кáжутъ: „Мы бы то-би тóго птáшка дáлы, лышэ́ намъ прывэзы золотý брычку!“ Тай винъ сиў на вóўка и пойихаў. Прыйиж-джáе до дрýгого дворá, тогды воўкъ кáжэ: „Иды, áлэ якъ бýдэшь брáты золотý брычку, абы-сь сидлá нэ браў!“ Тай винъ выкотыў брычку, áлэ увыдиў, жэ сидлó срíб-нэ лэжытъ, сподóбалося му, то пишóў щэ сидлó брáты. И то сидлó загрэмотило, жоўниры ся посхáпувалы, кá-жутъ: „Нá-що то бэрэ́шь? привэды намъ золоти кóни, то тоби брычку дамó!“ Тогды винъ сиў на вóўка тай пойихаў дáли.

Прыйиждже́е до трэ́того двора́, тамъ му воўкъ ка́жэ: „Иды́, бэры́ золоти́ ко́ни, а́лэ абы́-сь уздэчки́ нэ браў!“ Винъ пишо́ў, вы́виў ко́ни, а́лэ нэ вы́трымаў, вэрну́ўся по уздэчки́. Тай уздэчки́ загрэмоти́лы, жоўни́ры ся посха́пувалы и ка́жуть: „Нэ рушь то́го! прынэсы́ намъ пэ́ршэ золоту́ па́ню, то́ ты ко́ни дамо́!“ Вы́йшоў, сиў на во́ўка и пойи́халы. Прыйи́халы до чэтвэ́ртого двора́. Зноў воўкъ ка́жэ: „Якъ бу́дэшь ту золоту́ па́ню бра́ты, абы́-сь нэ браў золоту́ кору́ну!“ Винъ пишо́ў и вжэ кору́ны нэ ке́ваў; ухо́пыў золоту́ па́ню, сиў на во́ўка и пойи́хаў. Вступы́ў на́йпэршэ по-золоти́ ко́ни. Далы́ ёму́ вжэ золоти́ ко́ни, тай па́нны нэ бра́лы, лышы́лы му йи. Винъ пойи́хаў тогды́ по золоту́ бры́чку. Далы́ му бры́чку и ко́ни му лышы́лы й па́нну. Винъ тогды́ ўпрягъ въ бры́чку ко́ни, посады́ў па́нну на бры́чку и йи́дэ. Пойи́хаў щэ по золото́го пта́шка. И зноў му пта́шка да́лы за-ду́рно, вы́купу нэ бра́лы. Тогды́ винъ вжэ пойи́хаў до-до́му, а воўкъ пишо́ў собі́ е́нчоў доро́гоў.

На доро́зи зды́балы его́ бра́тья—таки́ обдэ́рти, обтала́пани. Тай про́сятся: „Возьмы́ насъ на бры́чку!“ Винъ буў ду́жэ щы́рый тай ихъ узя́ў. Алэ якъ оны́ посида́лы, тогды́ ся засмуты́ла па́ни, и пта́шокъ пэрэста́ў сьпива́ты, и ко́ни и бры́чка ся засмуты́лы, бо оны́ вжэ чу́лы, що то яка́-сь бу́дэ зра́да для ихъ па́на. Тай на доро́зи тоты́ два бра́ти взя́лы тай стя́лы дурно́му го́лову, тай го́лову вэ́рглы на едэ́нъ бикъ доро́гы, а то́лубъ на дру́гый бикъ. А самі́ пойи́халы додо́му.

Такъ въ ки́лька дниў той воўкъ найшо́ў то́го го́лову и пишо́ў шука́ты то́луба. Якъ найшо́ў и то́лубъ, зложы́ў го до го́ловы ра́зомъ и пишо́ў до свэ́и ня́ньки, нани́съ ма́стэй и змасты́ў, а той тогды́ ожы́ў и ка́жэ: „Ой, я маў ду́жэ твэ́рдый сонъ!“ А воўкъ ка́жэ: „Спа́ў-бы-сь на-ви́ки, якъ-бы нэ я!“ Тай тогды́ пови́ў го до-до́му, до ци́сара.

Тогды́ тамъ у двори́ на подви́рью ка́жэ до нёго воўкъ: „Видсу́нь о-ту́ плы́ту!“ Той запэ́рся и плы́ту видсу́нуў. Тогды́ воўкъ за́разъ ся зробы́ў чолови́комъ и ка́жэ: „Мэнэ́ една́ ба́ба закля́ла на ты́сячу литъ на во́ўка, ажъ ты мэнэ́ вы́купыў!“ Тай вжэ тогды́ звыта́лыся и пишлы́ до поко́йиў, до ци́сара. А тамъ вжэ зачына́лы вэсилье́

робыты, бо маў ся той найстаршый братъ съ золотоў панноў побыраты. Алэ панна нэ хотила ся видаваты тай плакала, тай пташокъ, кони и брычка—вси булы дужэ смутни. А якъ той дурный тамъ увiйшоў, то кони ся звэсэлылы, пташокъ зачаў сьпиваты, а якъ го увыдила золота панна, то зачала ся сьмiяты и зачала до нього гальбу пыва пыты. Тай тогды вжэ винъ и той прынцъ, що буў на воўка заклятый, всё цисару розповилы: якъ старши братья дурного зрадылы и ёму голоў стялы. Тай винъ тогды вжэ съ тоў золотоў панноў ожэныўся, а братиў нагнаў гэтъ видъ сэбэ.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

24.

Герой освобождаетъ три царевны.

а). Маў едэнъ коваль такого сына, що висимь литъ ссаў мамыну цыцьку и сыдиў за пьецомъ. Якъ вжэ по висьмохъ литахъ маў вылазыты зъ-за пьеца, казаў сы прыклыкаты кумиў, що го до хрэсту трымалы, а тогды якъ скочыў съ пьеца на зэмлю, то по колина ўгрязъ въ зэмлю, вжэ таку сылу маў. И тогды кажэ до тата, абы му зробыў зэлизну палыцю на тры цэтнари и на 50 сяжэнь доўгый ланьцухъ. И взяў сы свою частку маетку и пишоў собi съ нымъ въ сьвитъ.

Прыйшоў до одного сэла и вступыў до цэрквы змовыты молытвы. Прыходытъ до цэрквы, а тамъ трумно высытъ на воздухахъ само, нихто го нэ трымае. И винъ ся взяў людэй пытаты: „Що то е за такiй спосибъ, жэ трумно высытъ само?“ А людэ повидаютъ ёму такъ: „То буў бидный тай умэръ тай нэ виддаў никомудоўгиў, то якъ вжэ ёго прывэзлы съ трумноў до цэрквы, то трумно ся само взнэсло до-горы и высытъ такъ людямъ надъ головамы и нихто нэ можэ го зняты.“ Тогды той кажэ: „Килько той бидный грошэй вынэнъ, то я всё за нэго заплачу!“ Тай посходылыся людэ, а винъ пытаеся: „Килько?“ То одэнъ кажэ 100 срибныхъ, другый—50, тамъ знову 30, килько кому буў вынэнъ. Такъ

винъ кóждому заплатыў до ɣрáйцара, вси доўгы́. И тогды́ вжэ тотó трýмно упáло на зэ́млю и зáразъ егó взя́лы и поховáлы.

А винъ собí дáли пишóў. Идэ́ бэзъ лисъ, а тамъ е хáта въ тимъ лíси. Алэ щэ здыбаў два збýи, то оны́ вжэ вси тры рáзомъ пишлы́ до тóи хáты. Винъ тогды́ кáжэ однó-му: „Ты сыды́ въ хáти и вары́ йисты, а я съ дрýгымъ пи́-ду въ лисъ на полювáнье.“ Той вжэ наварыў йисты дóбрэ, а тамъ лíзэ до хáты малá диты́на. И кáжэ до тóго збýя: „Пэрэсады́ мэнэ́!“ Винъ пэрэсадыў чэ́рэзъ порíгъ.—„Посады́ на лáву!“—Посадыў. — „Дай мы йисты!“ — Винъ даў.— „Дай щэ!“—И гэтъ всё ззíло, що винъ наладыў на обíдъ, всё до кá-пли. И хтíло щэ, áлэ винъ кáжэ, що вжэ нэмá ничóго. Тогды́ онó взя́ло и вы́дэрло ёмý пасъ видъ шы́и ажъ до кры́-жиў, чэ́рэзъ цилí плэ́чи. Тогды́ винъ взяў, ўтикъ зъ хáты и вы́лизъ на бучкá кóло хáты. А онó взя́ло той пасъ, що зъ нэ́го сдэ́рло, повíсыло на стинí. Тотí прыхóдятъ обыдвá съ полювáня, ды́вятся, а ту нэмá ницъ, лышэ́ на стинí вы́сытъ пасъ зо шкíры. Тогды́ той кáжэ до збýя: „Тэпэ́рь вжэ ты вары́ йисты, а я вжэ самъ пидý на полювáнье!“ Пишóў, а той ся лышыў. Такъ зноў наварыў йисты, а ту зноў та дитынa лíзэ до хáты и зноў такъ кáжэ: „Витворы́!“ —Винъ витворыў. —„Посады́ мя на лáви! дай мы йисты!“—И зноў такъ йíло-йíло, ажъ пóки всё ззíло. И потóму тóго збýя злáпало и вы́дэрло шкíру на плэ́чохъ вжэ тóму дрýгому. Тай винъ ўтикъ зъ хáты. Утикáе, а той съ дэ́рэва крычы́тъ збуй: „Лизь сюдá, я туй!“ Тай винъ тáкжэ полíзъ на бучкá. Прыхóдытъ той съ полювáня до-дóму—нэмá щó йисты и никóго нэ-мá въ хáти, лышэ́ вжэ два пáсы на стинí вы́сятъ. Винъ то-гды́ взяў, постáвыў пáлыцю въ кутí тай ланьцýхъ, зачынáе вжэ самъ вары́ты. А самэ́ тотó зноў лíзэ до хáты, та ди-ты́на. Тай кáжэ: „Отворы́!“—Винъ витворыў.—Посады́ мэнэ́ на лáвку!“—Посадыў.—„Дай мы йисты!“—А винъ кáжэ: „А я тобí зá-що дамъ йисты?“ Якъ узя́ў собí пáлыцю, якъ зачáў биду́ бы́ты, гэтъ ся порозлывáла зъ биды́ кроў та мазь по цилíй хáти. И онó полэ́тило зэ-млэ́ў и робы́ло знакъ по зэмлы́ ажъ до тóи я́мы, дэ мэ́шкало.

А винъ тогды́ взяў ланьцýхъ и пáлыцю и йшоў за нымъ. А тотí два крычýтъ съ бýка: „Та мы ось-вó!“

Винъ ка́жэ: „Ходи́тъ сюда́, я вжэ биду́ побы́ў тай иду́ за нэў щука́ты.“ Оны́ тогды́ позлазы́лы и пишлы́ вси тры за тымъ сълидо́мъ. И прыйшлы́ до то́и я́мы, дэ оно́ поли́зло. Тогды́ винъ ка́жэ едно́му: „Лизь ты!“ А той нэ хо́чэ. Ка́жэ дру́гому—нэ хо́чэ. Тогды́ винъ поли́зъ самъ и ка́жэ: „Трыма́йтэ ланьцу́хъ мо́цно и спуска́йтэ мэнэ́ на-долы́ну!“ И его́ спусты́лы ажъ на́-дилъ у я́му. Винъ ды́вытся, а то бу́ло пэ́кло. И е тамъ той малы́й ді́яволъ, що буў у ныхъ въ ха́ти. Якъ оба́чыў то́го, за́разъ ўтикъ. Той зача́ў рэ́шту ді́яволиў па́лыцэў бы́ты, ажъ порозлита́лыся вси, ино́ ся лышы́ў едэ́нъ найста́ршый, бо буў прыпня́тый на ланьцуху́. И винъ ся тогды́ взяў до то́го найста́ршого до бі́йки, такъ его́ бье. Той ка́жэ: „Що хо́чэшь, то тоби́ дамъ, лышэ́ мя нэ бый!“ А оны́ тамъ ма́лы тоти́ ді́яволы, тры панны́, бо ихъ укра́лы зо сьви́та. То той ка́жэ: „Ницъ нэ хо́чу, ти́лько мы ти панны́ видда́й!“ И ді́яволы ёму́ тогды́ ихъ вжэ да́лы.

А винъ взяў коры́то, прывяза́ў до то́го ланьцуха́ и всады́ў до нэ́го найста́ршу па́нну. А тоти́ кумпа́ны на-гори́ потяглы́ ланьцу́хъ на-гору́ съ тоў па́нноў. И такъ вы́тяглы вси тры панны́ на-гору́. Алэ видъ наймоло́дшои той соби́ взяў сэ́γнатъ зъ руки́ на знакъ. А самъ ся щэ лышы́ў на-спо́ди. Тогды́ тоти́ збу́и на-гори́ зача́лыся спэрэча́ты за тоту́ наймоло́дшу па́нну, бо бу́ла ду́жэ фа́йна, то ся оба́ хти́лы съ нэў жэны́ты. Алэ она́ каза́ла, що ти́лько за то́го пидэ́, що йи вы́купыў, бо му да́ла сэ́γнатъ. И оны́ тогды́ вжэ спусты́лы ланьцу́хъ по нёго, а́лэ ся намо́вылы, жэ якъ пидтя́гнутъ такъ гэй до половы́ны, то пу́стятъ, абы́ ся за́быў. А его́ душа́ вжэ ту зра́ду чу́ла, то винъ взяў и положы́ў въ коры́то ка́минь: що то зъ то́го бу́дэ? Оны́ пидтя́глы до половы́ны тай—бэў!—пусты́лы наза́дъ, а́жъ ся коры́то розбы́ло. Тай тогды́ забра́лы тоти́ панны́ тай пишлы́ наза́дъ до то́и ха́ты въ ли́си.

А той зноў тамъ въ пэ́кли пишо́ў тай бье ді́яволиў, а найби́льшэ то́го найста́ршого. Той про́сытся: „Що хо́чэшь, то́ ты дамо́, лышь мы дару́й жытьё!“ А винъ ка́жэ: „Ницъ нэ хо́чу, ино́ мя вы́нэситъ на-сьви́тъ!“ И ді́яволъ взяў его́ и вы́нисъ.

Тогды́ винъ прыхо́дытъ до то́и ха́ты. Збу́и е обыдва́, а́лэ панни́ў нэма́, бо ді́яволы ихъ зно́ву ўкра́лы и вы-

нэслы на склянну́ гору́. Винъ тогды́ взяў тыхъ збу́йниў ганьбы́ты, то сё, то то́, жэ ёго́ хти́лы за́быты, а пото́му ка́жэ до ныхъ: „Я вжэ зна́ю, дэ тоти́ панны́ е; ходи́тъ, ка́жэ, зо мноу́!“ И оны́ прыйшлы́ такъ ажъ пидъ склянну́ гору́. А тамъ нэма́ ницъ, а́ни стэ́жки, ни драбы́ны, ти́лько самэ́ шкло. Ажъ на сами́мъ вэршку́, гэтъ пидъ о́блакомъ, вы́дно було ти панны́. Та нэма́ яки́мъ спо́собомъ до ныхъ ся диста́ты. Алэ тамъ ся пасъ кинь стары́й въ ли́си, то винъ го за́быў, шки́ру здоймы́ў, обэрну́ў шэ́рстэў въ сэрэды́ну и каза́ў сво́имъ кумпа́намъ, абы́ го въ тоту́ шки́ру зашы́лы. И взяў тамъ съ собо́ў па́лыцю и ланьцу́хъ. И каза́ў имъ: „Вы соби́ постава́йтэ на-бо́ци и сті́йтэ!“ Оны́ го зашы́лы, а тогды́ прылэ́тиў такі́й птахъ вэлы́кій, гада́ў, що то мя́со, взяў то мэ́жы ла́бы и вы́нисъ ажъ на саму́ гору́, бо винъ тамъ на гори́ маў ди́ты. Тай взяў ту шки́ру дзёбаты, ди́тёмъ розрыва́ты, тай зробы́ў въ шки́ри диру́. Той тогды́ зви́дтамъ па́лыцэў яў ма́хаты, а птахъ злякся тай поле́тиў на́-бикъ. Винъ вы́лизъ тогды́ зи шки́ры, ды́вытся, а тамъ панны́ сыдя́тъ на гори́, а ко́ло ныхъ той самы́й ді́яволъ, що буў тамъ въ ха́ти, пыльну́е. Якъ оба́чыў ёго́, то такъ зъ горы́ полэ́тиў, що го нихто́ и нэ выда́ў. А ти панны́ якъ оба́чылы ёго́, то ся ду́жэ ути́шылы, гада́ютъ сы: „Мо́жэ винъ насъ якъ зви́дсы зноў вы́ратуе!“ Тогды́ винъ взяў ланьцу́хъ и пома́лу спусты́ў пэ́ршэ едну́, пото́му дру́гу, а пото́му й трэ́ту па́нну на-долы́ну. А пото́му вжэ що́-жъ робы́ты? Сиў тай пла́чэ. Нэма́ кому́ ланьцуха́ потры́маты, а́ни дэ зачипы́ты, бо то самэ́ шкло.—„Тэпэ́рь вжэ—гада́е соби́—тутъ мэни́ смэрть бу́дэ!“

Въ тимъ прылита́е до нэ́го малэ́нькій пта́шокъ тай сиў ко́ло нэ́го тай пыта́еся: „Чого́ ты пла́чэшь?“ А винъ взяў му повида́ты, що нэма́ якъ злі́зты зъ горы́ и трэ́ба тутъ пропада́ты. Алэ пта́шокъ ка́жэ: „Цытъ, нэ плачъ! сида́й на мэ́нэ, то я тэбэ́ знэсу́ на́-дилъ.“ А винъ усьмихну́ўся тай ка́жэ: „Дэ-жъ ты мэнэ́ знэсэ́шь, колы́ ты такі́й малэ́нькій, якъ кулачо́къ?“ Птахъ тогды́ ка́жэ: „Ты ся нэ журы́! я вжэ тэбэ́ знэсу́, най я бу́ду малэ́нькій!“ Тогды́ якъ розпусты́ў кры́ла, то такі́й вэлы́кій ся зробы́ў, що бы ся и штыры такі́ хло́пы змі́стылы. И взяў и знисъ го на́-дилъ и ка́жэ: „А зна́ешь ты, хто тэбэ́ знисъ на-дилъ?“—„Та дэ́, ка́жэ, ни, нэ зна́ю!“—„Зна́ешь, що ты за мэ́нэ заплаты́ў въ цэ́рквы доўгы́? то я тэпэ́рь прыйшо́ў и поми́гъ тоби́ видъ

смэ́рты!“—А то ни́бы була́ тота́ душа́, що вы́сила тамъ въ цэ́ркви на-публи́ку. Тай потому той птáшокъ счэзъ.

А той ды́вытся—панни́ў вжэ нэма́. Тоти́ збу́и гада́лы, що винъ вжэ пэ́внэ нэ зли́зэ зъ горы́, тай взя́лы ихъ и повэлы́ до ихъ та́та, до ци́сара. Тай вжэ тамъ ма́лы съ ты́мы панна́мы вэсилье́ робы́ты. А винъ тогды́ пишо́ў за ны́мы до то́го ми́ста. Прыхо́дытъ тамъ на вэсилье́ и показа́ў той сэ́γнатъ, що маў на руци́ видъ наймоло́дшои па́нны. А она́ вжэ тогды́ за жа́дного нэ хти́ла йты, ти́лько пишла́ за нёго.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

б). Буў ци́сарь и цисаро́ва и нэ ма́лы дитэ́й и ду́жэ ся тымъ смуты́лы. Алэ една́ ворожбы́тка така́ ся найшла́, прынэ́сла разъ ры́бу и такъ каза́ла до цисаро́вои: „На́, ту ры́бу звары́ и зйидж, то бу́дэшь ма́ла ди́ты!“ Куха́рка ту ры́бу звары́ла, вы́льляла на полу́мысокъ и занэ́сла цисаро́вій, и та ззи́ла. Алэ щэ ся въ горня́ты ку́снычокъ лышы́ў, то куха́рка сама́ взя́ла и ззи́ла. И потóму цисаро́ва породы́ла тры до́ньки, а куха́рка хло́пця. Алэ ба́ба-ворожбы́тка взя́ла тай злымъ запрода́ла тоты́ тры до́ньки цисаро́вои. Зли прыйшлы́ въ ночы́ тай тоты́ тры до́ньки ўкра́лы. А куха́рки хло́пэць рисъ та́мка, а якъ вжэ пидри́съ вэлы́кій, ка́жэ до ци́сара: „Ца́ру, я вжэ ко́ло васъ нэ бу́ду, йду шука́ты ва́шыхъ донёкъ.“ Тай ци́сарь му даў гро́шэй и винъ пишо́ў.

Идэ́, а на доро́зи здыбаўся съ яки́мы-сь двома́ робі́тныкамы.—„Ходи́тъ, ка́жэ, зо мноў, абы́ мэни́ нэ бу́ло само́му ску́чно!“—Тай пишлы́ въ лисъ, а въ ли́си такі́й буў хлопъ, що за́разъ всё занюхаў, дэ що е. То ви́нъ на вси штыры сто́роны понюхаў тай такъ ка́жэ: „Твои прынцэ́зны сутъ дэ-сь на за́хидъ со́ньця, а́лэ нэ зна́ю до́брэ—дэ? иды́, ка́жэ, да́ли, тамъ дру́гый такі́й бу́дэ, то́ ты ўпови́сть.“ И винъ тогды́ пишо́ў на за́хидъ со́ньця и найшо́ў тако́го дру́гого хло́па и ўпови́ў му, за чымъ шука́е. А той вы́йшоў, на вси шты́ры ча́сты понюхаў и ка́жэ: „Сутъ на за́хидъ со́ньця, а́лэ тамъ щэ бу́дэ трэ́-

тый такі́й, то́ ты ўповистъ до́брэ.“ Прыйшо́ў идъ трэтому, розповиў му, дэ йдэ, чого́ шука́е, а той вы́йшоў, понюхаў тай ка́жэ: „Сутъ нэдалэ́ко: иды́ на за́хидъ со́ньця, тамъ е гості́нэцъ горо́ў вы́ризаный, якъ до Станисла́вова, и тамъ пры тимъ гості́нцы по ли́вимъ бо́ци е керны́ця, 200 ся́жэнь глубо́ка, то тамъ пидъ зэмлэ́ў у тій керны́цы сутъ ти прынцэ́зны; а́лэ, ка́жэ, ты ихъ нэ диста́нэшь, лышэ́ смэ́рты пожы́ешь!“

Тай оны́ тогды́ пишлы́ ажэ́нь идъ тій я́ми. Тоты́ робі́тныки ёго́ на шну́ри спусты́лы у тоту́ я́му, а имъ винъ каза́ў чэка́ты тамъ на нёго тры дны. „А якъ-бы-мъ ся, ка́жэ, до трёхъ дниў нэ вэрну́ў, то абы́-сьтэ гэтъ ишлы́!“—Тай спусты́ўся у я́му тай тогды́ пишо́ў до найста́ршои прынцэ́зны. Алэ она́ ся ду́жэ ўти́шыла тай ка́жэ: „Чого́ ты ту прыйшо́ў? та́-жэ, якъ мій чолови́къ пры́йдэ, то тя за́бье!“ „Нэ бі́йся!— винъ йій ка́жэ. Опови́джъ мэни́, що́ твій чолови́къ йи́сть?“—Она́ ка́жэ: „Йи́сть пиў вола́ и пиў бочи́ўки пы́ва пье.“—„Дай, ка́жэ, тото́ мэни́ зйи́сты!“—Тай тото́ ззиў и пишо́ў пидъ мистъ, куды́ той злый маў иты́. Тай той злый прыйи́хаў на коны́, а винъ ка́жэ зъ-пидъ мо́ста: „Гоў! стань!“—„Що ты хочь видъ мэ́нэ?“—„Хо́чу ся бы́ты! я тя, ка́жэ, за́разъ ту́тка погребу́!“—Якъ ся пирва́лы боро́ты, якъ злымъ хо́пыў, якъ нымъ гэ́пнуў, лышь ся ропа́ зъ нэ́го зробы́ла. Винъ тогды́ пишо́ў до сэрэду́щои прынцэ́зны. А она́ ка́жэ: „Чого́ ты сюда́ прыйшо́ў? мій чолови́къ тэбэ́ за́бье!“ „Нэ бі́йся, нэ за́бье! лышэ́, ка́жэ, пови́джъ ты мэни́, що́ твій чолови́къ йи́сть?“—„Йи́сть цило́го вола́ и цилу́ бо́чку пы́ва пье.“ „Дай то мэни́ зйи́сты!“ Попойи́ў, напы́ўся и пишо́ў пидъ мистъ. Той йи́дэ на коны́ злый, а винъ ся вы́хопыў зъ-пидъ мо́ста, тай до нэ́го. А злый ка́жэ: „Ага́, то ты мо́го бра́та ўбы́ў? ходы́, пидэ́мъ ся оба́ боро́ты!“ Якъ ся хо́пылы боро́ты, якъ той злымъ пи́рваў, зноў ся зъ нёго ропа́ зробы́ла. Тогды́ вжэ пишо́ў до наймоло́дшои. Она́ ка́жэ: „Йой, та мій чолови́къ пры́йдэ за ква́дрансъ, то тя за́бье!“—„А що́ твій чолови́къ йи́сть?“ „Йи́сть два во́лы и пье дви бочи́ўки пы́ва.“—Дала́ му то зйи́сты, винъ ззиў всё. Тогды́ му ща та прынцэ́зна ка́жэ: „Ой, мій чолови́къ найстрашні́йшый! то йды, тамъ пидъ мо́стомъ стоя́тъ бочки́ съ водо́ў, то съ пра́вого бо́ку бо́чку пэрэко́тышь на ли́вый бикъ, а тоту́ съ ливо́го на пра́вый;

а потóму, кáжэ, якъ бýдэшь съ нымъ ся борóты, якъ ся змýчышь, то абы́-сь тотý вóду пыў съ ливóго бóку, бо тотá водá сыльні́йша.“ Тай винъ пишóў пидъ мистъ, пэрэстáвыў бочкы́ тай ждэ. Ажъ той злый йидэ. Тай почýў ёгó сдáлэку тай клы́чэ: „Ходы́-ходы́, бýдэмо борóтыся, бо ты мóихъ два брáти зáбыў!“ Зачáлы ся борóты, тай нэ мигъ никóтрый никотрóго зáбыты. Кáжэ тогды́ злый: „Ходи́мъ тэпэ́рь вóду пы́ты, бо-сьмо ся помýчылы!“ Алэ той напы́ўся съ ливóи бóчки, а злый съ правóи. Тай тогды́ ся вы́хопылы, якъ хлопъ тымъ злымъ кéнуў, то ся лышэ́ зъ нéго ропá зробы́ла. Винъ тогды́ пишóў, забрáў вси тры прынцэ́зны идъ тíй я́ми. Тамъ ихъ тоты́ робíтныки зъ-горы́ повытягáлы по-éднiй на шнýри на-горý. Алэ якъ вжэ тоты́ прынцэ́зны вы́тягнулы, тогды́ той прывязáў до шнýра тяжкíй кáминь, абы́ спробувáты, щó оны́ зрóбятъ? Ти вы́тягнулы до пиў я́мы, а тогды́ кáминь пусты́лы: оттакé бы и съ нымъ бýло. Тай тогды́ забрáлы тоты́ прынцэ́зны и пишлы́ сы ажэ́нь до ци́сара. Пишлы́ тай сказáлы, що то оны́ вы́купылы тоти́ прынцэ́зны.

А тóго лышы́лы тáмой у я́ми. Ходы́ў винъ такъ тры дны, áлэ ницъ нэ порáдыў. Тогды́ злэ́тиў орэ́ў у почы́ и кáжэ до нéго: „Чогó ты такъ хóдышь?“ Винъ кáжэ, жэ тóго й тóго, жэ нэ мóжэ на-сьви́тъ вы́йты. Тогды́ ёмý орэ́ў кáжэ: „Я йду гэтъ, áлэ ту о 12-iй годы́ни спáдэ óлинь, то абы́-сь ся дóбрэ чэпы́ў, то винъ тя вы́нэсэ на-горý.“ О 12-iй годы́ни óлинь упáў, винъ ся го ўхóпыў и мóцно трымáў. Олинь го хóчэ звэрэ́чы, áлэ винъ ся нэ даў, тай го такъ óлинь вы́нисъ на-горý. И тогды́ го остáвыў, áлэ му дáў такí тры волоски́, що съ ны́мы, якъ покрýтытъ, мóжэ залэ́титы, дэ хóчэ. Тай щэ винъ маў съ собóў тоти́ ри́чы, що взяў тамъ зъ я́мы: видъ стáршои прынцэ́зны чэрэвы́ки, видъ сэрэдýщои такé сы́тко на óчы чóрнэ, а видъ наймолóдшои корýнку. То винъ забрáў съ собóў, якъ лэ́тиў зъ я́мы.

Тай пишóў собí такъ, наймы́ўся въ тимъ ми́сти, дэ той ци́сарь буў, у еднóго ковалю́ за чэля́дныка. Алэ дрýги чэля́дныки дáлы ёмý такíй млотъ, жэ нэ можъ пидня́ты, такíй тяжкы́й: цы бýдэ винъ тымъ бы́ты? А винъ якъ тымъ млóтомъ взяў, якъ удáрыў въ

ба́бу, то и ба́ба залэ́тила и ко́ўбыця въ зэ́млю, ажъ нэ вы́дно ничо́. Побиглы чэля́дныки до коваля́, до старо́го, да́лы зна́ты. Прыхо́дытъ кова́ль, ка́жэ то выко́пуваты. Оны́ выко́пуютъ, а́лэ му́чатся, нэ мо́жутъ, а винъ ся сьміе́. Тай якъ взяў едно́ў руко́ў, тай вы́тягъ всё. Тай тогды́ стаў за чэля́дныка. И разъ даў му кова́ль па́ру ры́ньскихъ, ка́жэ: „Иды́, купы́ зэли́за!“ Винъ съ ты́мы гри́шмы пишо́ў на трахты́рню, попойи́ў, вы́пыў, тай стра́тыў гро́ши. Алэ пишо́ў до склэ́пу тай всё зэли́зо повынось́ў па-дви́ръ. Пыта́ются жыды́: „На́-що ты выно́сышь тото́? нэ рушь!“ Алэ винъ то взяў на плэ́чи всё зэли́зо тай пишо́ў съ тымъ до коваля́, нэ заплаты́ў. Разъ зноў трэ́ба бу́ло муки́, посла́ла го кова́лька за муко́ў. Винъ гро́ши зноў розтра́тыў, а́лэ пишо́ў до склэ́пу, забра́ў сы вси михи́ съ муко́ў, які́ бу́лы въ склэ́пи, на плэ́чи, тай забра́ўся и пишо́ў. Жыды́ въ крыкъ, зачэ́лы би́чы за нымъ, а́лэ ся пото́му боя́лы, тай ся вэрну́лы. Тогды́ вжэ ка́жэ кова́ль до жи́нки: „Его́ нэ трэ́ба нигдэ́ посыла́ты, бо будэ́ нэсчи́стье!“ Тай винъ тамъ вжэ лышэ́ робы́ў въ ку́зны.

Алэ та найста́рша прынцэ́зна да́ла такі́й ро́зказъ: „Якъ мэни́ хто такі́ чэрэвы́ки вы́плэтэ, якъ я у я́ми плэ́ла, то диста́нэ вэлы́ку нагоро́ду!“ Тогды́ той ка́жэ ковалэ́вы: „Иды́, кажы́, що ты такі́ чэрэвы́ки вы́плэтэшь!“ Алэ кова́ль нэ хоти́ў иты́, боя́ўся. — „Якъ нэ пи́дэшь, ка́жэ, то тя за́бью!“ — Тогды́ кова́ль пишоў до прынцэ́зны и ка́жэ: „Я чэрэвы́ки вы́плэту и прынэ́су за тры дны.“ Тогды́ прыйшо́ў кова́ль до то́го сво́го чэля́дныка и ка́жэ: „Ну, плэты́ чэрэвы́ки, абы́ за тры дны бу́лы гото́ви!“ Алэ той му ка́жэ: „Э, я соби́ посли́дного дня вы́плэту, щэ ма́ю часъ.“ Ажъ прыйшо́ў трэ́тый дэнь, кова́ль ду́жэ упу́дыўся, що щэ чэрэвы́киў нэма́. Тогды́ той ка́жэ чэля́дныкъ: „Поста́ў мы ту пиў ки́рця воло́скихъ ори́хиў и пиўбочи́локъ пы́ва, то бу́дутъ чэрэвы́ки.“ Му́сиў кова́ль ёму́ то да́ты. Алэ пото́му слу́хае пидъ двэрмы́—ничь нэ чу́ты: той нэ майштру́е ницъ, лышэ́ тоўчэ́ ори́хи и пье пы́во. Кова́ль съ кова́лькоў пла́чэ, бо бида́ бу́дэ видъ прынцэ́зны. Алэ пото́му той вы́ймыў ти чэрэвы́ки, що маў зъ то́и я́мы, тай положы́ў на ба́бу, а самъ сы лягъ и спытъ. Вхо́дытъ кова́ль тай чэрэвы́ки узя́ў тай пони́съ до прынцэ́зны. Алэ она́ ма́ла на дру́гый дэнь istава́ты вжэ до слю́бу съ тымъ едны́мъ робі́тныкомъ, що йи вы́тягнуў зъ

я́мы. Тай тогды́ ковалэ́вы нагоро́ду вэлы́ку за ти чэрэвы́ки да́ла тай про́сытъ го вжэ тамъ на то вэсильэ́ на за́ўтра. А пото́му ся го пытáе: „Цы ты то робы́ў самъ, ти чэрэвы́ки?“ —„Ньe, ка́жэ, я ма́ю чэля́дныка тако́го.“— Того просы́ла, абы́ прыходы́ў ра́зомъ съ тымъ чэля́дныкомъ на вэсильэ́. Прыхо́дытъ кова́ль до-до́му, ка́жэ до чэля́дныка, жэ го просы́лы на вэсильэ́ до ци́сара. Кова́ль нэ йшоў, а́лэ чэля́днык ся ра́но зибра́ў, розвяза́ў собі́ чо́рный во́лосъ видъ то́го о́лэня, то за́разъ зробы́ўся вэлы́кій панъ и кинь пидъ нымъ ста́нуў чо́рный. Тогды́ полэ́тиў ви́тромъ на то вэсильэ́. И здыбаў вжэ вэсильэ́ на сэли́, жэ йдутъ до цэ́рквы. Схо́пыўся съ коня́, ўхо́пыў молоду́-прынцэ́зну по-пидъ боки́, а то́го роби́тныка, що съ нэў става́ў до слю́бу, гэтъ видтру́тыў, тай нови́ў йи самъ до слю́бу. Пото́му видъ слю́бу йи зноў вы́виў, а́лэ го про́сятъ на вэсильэ́—нэ хо́чэ йты. Сиў на сво́го коня́ и полэ́тиў ажъ до коваля́.

Пото́му вжэ дру́га сэстра́ ка́жэ: „Хто мэни́ такé сы́тко на о́чы вы́плэтэ, якъ я плэ́ла, то диста́нэ вэлы́ку нагоро́ду!“ Тогды́ ковали́ў чэля́дныкъ ка́жэ до коваля́: „Иды́ и кажы́, що ты то вы́плэтэшь, нэ бі́йся!“ Пишо́ў кова́ль и сказа́ў: „За тры дны прынэ́су.“ Вжэ мына́е два дны, а чэля́дныкъ сы́тка нэ плэтэ́. Прыйшо́ў трэ́тый дэнь, винъ собі́ тогды́ каза́ў да́ты тры чвэ́ртки воло́скихъ ори́хиў и бочи́ўку пы́ва. Тай зноў ницъ нэ ро́бытъ, инó ори́хи тоўчэ́ и пы́во пье. Ажъ вы́ймыў то сы́тко, положы́ў на ба́бу, а самъ усну́ў. Кова́ль взяў сы́тко тай пони́съ. А тамъ сэрэду́ща прынцэ́зна ма́ла за́ўтра робы́ты вэсильэ́ съ тымъ дру́гымъ роби́тныкомъ. Да́лы ковалэ́вы гро́ши и зноў ся пыта́ютъ: „Цы ты самъ робы́ў, цы ма́ешь чэля́дныка?“—„Ма́ю, ка́жэ, тако́го чэля́дныка.“—Тогды́ му ка́жутъ, абы́ прыходы́ў на вэсильэ́ съ тымъ чэля́дныкомъ. На дру́гый дэнь вы́ймыў той собі́ сы́вый во́лосъ—зробы́ўся зъ нёго панъ въ сы́вимъ мунду́ри и зробы́ўся сы́вый кинь пидъ нымъ. Винъ зноў полэ́тиў повитёмъ, а тамъ вэсильэ́ вжэ до слю́бу идэ́. Винъ молоду́ тогды́ зноў видви́ў по-пидъ боки́ до слю́бу и зъ слю́бу йи зноў видви́ў, а пото́му сиў на коня́ тай полэ́тиў гэтъ.

Вжэ ся виддае́ тэпэ́рь наймоло́дша прынцэ́зна за едно́го циса́рского сы́на. Алэ ка́жэ: „Хто́ мы таку́

корунку выплэтэ, якъ я плэла, то будэ ставаты зо мноў до слюбу, а той цисарскый сынъ пидэ гэтъ.“ Той то ўчуў и пислаў коваля такъ до нэи, жэ выплэтэ до трёхъ дниў. Алэ чэрэзъ два дны ницъ нэ плэтэ. Ажъ казаў сы даты корэць орихиў и дви бочиўки пыва. Коваль му то даў, а винъ собй йиў-пыў, ажъ трэтого дня рано положыў корунку на бабу тай тогды лягъ спаты. Прыйшоў коваль, корунку виднисъ тай зноў тамъ такъ сказаў, жэ то его чэляднык робыў. Далы ёму нагороду, а того чэлядныка просылы на заўтра, абы ставаў до слюбу. Алэ винъ нэ прыходыў. Чэкалы-чэкалы, тай вжэ той цисарскый сынъ вэдэ прынцэзну, вжэ маę съ нэў ставаты до слюбу. Той тогды розвязаў билый волосъ, то стаў паномъ на билимъ коны. Тогды полэтиў повитёмъ и здыбаў вжэ вэсильė на дорози. Загальтоваў тогды то вэсильė и пытаеся: „Чыė то вэсильė?“ Повидають ёму, що цисарскый сынъ ся жэныть съ прынцэзноў. Тогды винъ имъ розповиў, жэ то винъ ти прынцэзны зъ-нидъ зэмли выкупыў и жэ ти речы имъ прынисъ. Тогды его вжэ спизналы и зачалыся съ нымъ вытаты. Тай той цисарскый сынъ гэтъ собй пишоў, а винъ вжэ тогды сталуў съ тоў наймолодшоў прынцэзноў до слюбу. А ти дви старши сэстры лышыў вжэ тымъ двомъ робитныкамъ, алэ ихъ гэтъ нагнаў въ енчый край за зраду.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

25.

Медвежье-ушко.

Буў едэнъ панъ и пишоў такъ съ панэў у лисъ на ягоды. А тамка йшоў мэдвидь, то панъ утикъ, алэ паню поймаў мэдвидь. Тай тогды повиў паню до своеи ямы и жыў такъ съ нэў тры рокы. И вжэ она мала видъ того мэдвэдя хлопця и плэкала го. А въ тры рокы кажэ пани до мэдвэдя: „Я вжэ въ тэбэ тры рокы, а щэ-мъ ся нэ мыла; иды, прынэсы мэни воды!“ Алэ дала му на воду рэшэто, и мэдвидь пишоў за водоў. Тогды

ка́жэ она́ идъ хло́пцёвы: „Сыну́ню, иды́, потрясы́ ду́бомъ, цы мо́цный ты вжэ?“ Винъ вы́лизъ изъ я́мы, потря́съ —лышё́нь съ ду́ба гыльльё опа́ло. Ка́жэ ма́ты: „Ой, щэ-сь за слабы́й, щэ нэ бу́дэмъ утика́ты.“ И мэдви́дь прыни́съ во́ду, она́ ся обмы́ла, тай ницъ. И пото́му щэ тры ро́ки плэка́ла то́го хло́пця. И по трёхъ ро́кахъ зноу́ пысла́ла мэдвэ́дя съ рэшэто́мъ по во́ду, а тогды́ ка́жэ до хло́пця: „Поли́зь, сы́ну, потрясы́ ду́бомъ, цы мо́цный ты?“ Якъ потря́съ ду́бомъ, то дубъ вы́вэрнуу́ся зивси́мъ на зэ́млю.—„Ну, ка́жэ, вжэ мо́жэмъ утика́ты!“—Вы́йшлы, утика́ютъ зъ я́мы. Ды́вятся, а мэдви́дь вжэ лэты́тъ за ны́мы, догання́е. Тогды́ хло́пэць ка́жэ: „Вы, ма́мо, у̌тика́йтэ, а я ста́ну до нёго.“ Прылэ́тиу̌ мэдви́дь, той якъ хо́пыу̌ мэдвэ́дя, якъ нымъ вэргъ, тай за́быу̌ мэдвэ́дя. И прыйшлы́ тогды́ до то́го па́на, що ёго́ та па́ни бу́ла. То панъ ся ду́жэ у̌ти́шыу̌, и вжэ тамъ γаздува́лы ра́зомъ. А то́го хло́пця тамъ называ́лы Мэдвэ́жэ-у̌шко.

На вэ́сну трэ́ба вы́вэзты у по́лэ гній. Тогды́ хло́пэць до па́на ка́жэ: „За́быйтэ ки́лька воли́у̌ и сшы́йтэ мэни́ зъ тыхъ шкиръ михъ, то я забэ́ру всій гній и вы́нэсу самъ на по́лэ.“ Алэ панъ ка́жэ: „Та шко́да воли́у̌: чымъ бу́дэмъ вэснува́ты?“— „Э-що́, я й бэзъ воли́у̌ самъ повэсну́ю!“—Тай сшыу̌ соби́ такій михъ и вы́нисъ всій гній на по́лэ.—„Тэпэ́рь, ка́жэ, прода́йтэ ко́ни, а я ся запряжу́ у плугъ и бу́ду ора́ты.“ И такъ зробы́лы. Повэснува́у̌ гэтъ всё самъ, бэзъ худо́бы. Алэ по тимъ панъ ёго́ вжэ боя́у̌ся ду́жэ и хоти́у̌ ёго́ стра́тыты.—„Бу́дэмо, ка́жэ, копа́ты керны́цю!“—Ко́плэ вжэ то Мэдвэ́жэ-у̌шко керны́цю, вы́копау̌ ду́жэ глубо́ку. А панъ купы́у̌ вэлы́кій дзвинъ зэли́за тай каза́у̌ то тамъ ссу́нуты на то́го хло́пця до керны́ци; то шты́ры хло́па лэ́дво зсу́нулы тай пусты́лы у керны́цю. Алэ той, якъ то увы́диу̌, то ти́лько поду́у̌ въ-гору, а дзвинъ ся навэрну́у̌ наза́дъ до-горы́ и тамъ щэ за́быу̌ два хло́пы. Алэ вы́лизъ той зъ я́мы и ка́жэ: „То вы мэнэ́ хо́чэтэ за́быты за мо́ю слу́жбу? я вжэ соби́, ка́жэ, пиду́ гэтъ!“ И забра́у̌ся и пишо́у̌.

Идэ́-идэ́, здыба́е хло́па. Пыта́е го ся: „Що́ ты за едэ́нъ?“— „Я Ломы́-лисъ, ка́жэ, а́лэ ты що́ за едэ́нъ?“—„Я, ка́жэ той, Мэдвэ́жэ-у̌шко.“—„Ходи́мъ ра́зомъ!“—И иду́тъ-иду́тъ, здыба́ютъ зноу̌ чолови́ка. Пыта́ютъ го ся: „Що́ ты за едэ́нъ?“ А

винъ ка́жэ: „Я Розсу́нь-гора́.“ —„Ходы́ съ на́мы!“—Иду́тъ-иду́тъ, здыба́ютъ зноў хло́пца. Пыта́ютъ его́ ся: „Що́ ты е за едэ́нъ?“ Винъ ка́жэ: „Я Заста́ў-вода́.“—„Ходи́мъ ра́зомъ!“ Тай иду́тъ-иду́тъ—ту такі́й лисъ вэлы́кій, густы́й, нэ можъ пройты́. Тогды́ Ломы́-лисъ вы́ламаў лисъ, зробы́ў доро́гу, пишлы́. Иду́тъ-иду́тъ—ту така́ гора́ вэлы́ка, нэ мо́жутъ а́ни вы́лизты, а́ни обі́йты́. Тогды́ Розсу́нь-гора́ видсу́нуў гору́ на́-бикъ, зробы́лася доро́га, пишлы́. Иду́тъ-иду́тъ, прыхо́дятъ до воды́—ду́жэ вэлы́ка. Тамъ Заста́ў-вода́ заста́выў во́ду, то оны́ сы пэрэйшлы́ на-су́хо, иду́тъ да́льшэ.

А тамъ у ли́си така́ ха́та бу́ла, то пишлы́ до то́и ха́ты на ста́нцью. И та́мки пэрэночува́лы, а на дру́гый дэнь ура́дылыся иты́ на полюва́нье, а едэ́нъ абы́ ся зиста́ў до́ма вары́ты йи́сты. И пишлы́ тры на полюва́нье, а Ломы́-лисъ зиста́ўся вары́ты йи́сты. И винъ звары́ў и лягъ сы спа́ты. А ту прыхо́дытъ бида́, вытри́скуе по го́ршкахъ. А той ка́жэ: „Що́ то за бида́ мэни́ вытри́скуе по го́ршкахъ?“ А бида́ ка́жэ: „А то що́ тамъ за бида́ лэжы́тъ на мо́имъ ли́жку?“ Тай пишлы́ ся боро́ты, то бида́ натлу́мыла, набы́ла хло́па, тай пишла́ тогды́ гэтъ. Тоты́ попрыходы́лы съ полюва́ня, а́лэ той ницъ нэ каза́ў, що ёго́ бида́ побы́ла. На дру́гый дэнь тры зноў пишлы́ у лисъ, а едэ́нъ лышы́ўся вары́ты йи́сты, той Розсу́нь-гора́. И звары́ў йи́сты и лягъ соби́. А бида́ зноў прыйшла́ и такъ сы съ нымъ робы́ла збы́тки, а пото́му го поймма́ла, набы́ла-набы́ла и пишла́. Тоты́ прыйшлы́ съ полюва́ня, пообі́далы, а́лэ винъ имъ ницъ нэ каза́ў. Пото́му вжэ трэ́тои дны́ны лышы́ўся Заста́ў-вода́ до́ма, а тоты́ тры пишлы́. Звары́ў йи́сты, лягъ сы спа́ты, а́лэ бида́ прыйшла́, набы́ла го, намотло́шыла и пишла́ сы. Винъ тымъ ницъ нэ каза́ў. Чэтвэ́ртои дны́ны лышы́ўся вжэ той Мэдвэ́жэ-у́шко до́ма. Звары́ў йи́сты и лэжы́тъ соби́ на ли́жку. А бида́ прыйшла́, вытри́скуе по го́ршкахъ, а винъ крычы́тъ: „Що́ тамъ за бида́?“ Та якъ схо́пыўся съ ли́жка, поймма́ў биду́ за но́гы, набы́ў-набы́ў и видни́съ у ли́съ, у дэ́бру кі́нуў. И тоты́ прыйшлы́, пообі́далы. Пото́му спочыва́ютъ и пыта́ются: „Чы буў ту хто мо́жэ въ ха́ти?“ А Мэдвэ́жэ-у́шко ка́жэ: „Бу́ла бида́, а́лэ я йи поймма́ў, набы́ў и вэргъ у дэ́бру.“—„Эй, ану́, дэ она́ е?“—Пишлы́ съ нымъ и винъ имъ показа́ў, дэ йи вэргъ. Тай оны́ тамъ вси поли́злы въ ту дэ́б-

ру щэ ту биду́ бы́ты. Алэ тамъ бу́ло бі́льшэ бидъ, нэ лышэ́ та одна́, то ти бі́ды ихъ якъ ўхо́пылы, то всихъ побы́лы на-смэ́рть, всихъ штыро́хъ.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

26.

Сынъ трактирщика.

Такъ бўў трахты́рныкъ тай маў сы́на. И той сынъ ёго́ нэ хоті́ў ся учы́ты за трахты́рныка, лышэ́ пустошува́ў. Тогды́ отэ́ць ка́жэ до нёго: „Якъ я ўмру, то що́ ты бу́дэшь робы́ты?“ — „Я тогды́, ка́жэ, піду́ собі́ въ сьвитъ тай бу́ду па́номъ.“ — Тай отэ́ць умэ́ръ, а винъ тогды́ нэ маў що́ робы́ты, то забра́ўся и пишо́ў у сьвитъ. Алэ маў винъ фа́йного пэска́ тай взяў ёго́ съ собо́ў.

Идэ́ винъ чэ́рэзъ лисъ, а мыслы́вый увы́диў то́го пэска́ тай за́стрилыў. Тогды́ винъ вжэ такъ пла́чэ за тымъ пэско́мъ, ту́жытъ. Тай здыба́е яко́го-сь чолові́ка исъ пэско́мъ. А то бўў самъ Го́сподь съ а́нгэломъ. Тай пыта́ется ёго́ Го́сподь: „Чого́ ты пла́чэшь?“ Винъ ка́жэ: „Я маў фа́йного пэска́, а́лэ мы го які́й-сь мыслы́вый за́стрилыў.“ Тогды́ му Го́сподь даў сво́го пэска́ и ка́жэ: „На́ тобі́ тай иды́!“ Винъ тогды́ сы взя́ў пэска́ и пишо́ў, а́лэ щэ всэ за сво́имъ пэско́мъ пла́чэ. И зды́баў зноў яко́го-сь чолові́ка съ пэско́мъ. — „Чого́ ты пла́чэшь?“ — „Я маў, ка́жэ, пэска́, а́лэ мы мыслы́вый за́стрилыў.“ — „Та-о́ ма́ешь прэ́цинь пэска́.“ — „Э, то е́нчый, то нэ такі́й!“ — Той чолові́къ му тогды́ зноў даў пэска́, вжэ дру́гого. Алэ то бўў зно́ву Го́сподь исъ а́нгэломъ. Тай винъ взяў тай идэ́ вжэ съ двома́ пэска́мы. Алэ йдэ доро́гоў тай пла́чэ. Здыба́е въ-трэ́тэ то́го чолові́ка тай съ пэско́мъ. — „Чого́ ты пла́чэшь тай ту́жышь?“ — „За́быў мы стрилэ́ць мо́го пэска́.“ — „Ба, та ось ма́ешь два.“ — „Э, то нэ такі́ фа́йни!“ — Тогды́ Го́сподь ка́жэ до нёго: „То на́-тобі́ щэ то́го пэска́, трэ́того, а́лэ вжэ нэ плачь бі́льшэ!“ Тай ка́жэ: „Алэ на́-тобі́ щэ й свы́стало: я́къ-бы ты ся яка́ прыго́да чыны́ла, то абы́-сь тымъ свы́сталомъ засвыста́ў, то ти пэскі́ за́разъ ты помо́жутъ.“

Идэ́ винъ, идэ́ чэ́рэзъ лисъ, а тоты́ пэски́ за нымъ идуть. Тай ды́вытся, а ту у ли́си такі́й вэлы́кій двиръ. Війшо́ў винъ до двора́, а тамъ буў такі́й сывы́й панъ съ жи́нкоў. Тай пыта́еся его́ панъ: „Ви́дки ты, чого́ ты пыта́ешь?“ Винъ ка́жэ: „Я буў пры сво́имъ та́ту, а́лэ-мъ ся нэ хоти́ў учы́ты за трахты́рныка, то йду тэпэ́рь у сьвитъ, бо та́то ўмэ́ръ.“ Панъ ка́жэ: „То лыша́йся ту у мэ́нэ, я тя бу́ду учы́ты за трахты́рныка, бо я самъ е трахты́рныкъ.“—Тай прыви́ў го до една́го поко́ю, а тамъ са́ми выдэ́ўки; увиў до дру́гого—тамъ са́ми ножи́, са́ми сталёви; увиў до трэ́того—тамъ са́ми фузьи́ и ша́бли; увиў го до чэтвэ́ртого поко́ю, а тамъ на-сэрэды́ни стои́тъ ба́ба на ко́ўбыцы, а по-наўко́ла то́и ба́бы лэжа́тъ лю́дэ, вси по-ри́зани. Тай хло́пэць тогды́ гада́е сы въ сво́йій со́висты: „Бо́жэ, ажэ́нь ту́тка бу́дэ мо́я смэрть!“ Тогды́ ка́жэ панъ до него́: „Сида́й ту́тка на ба́бу! я тя, ка́жэ, бу́ду учы́ты за трахты́рныка!“ Хло́пэць ся зача́ў просы́ты: „Пусти́тъ мя, ка́жэ, най щэ хоть пэ́рэдъ смэ́ртэў Отчэна́шъ измо́вью!“ И зача́ў мо́выты Отчэна́шъ и свы́снуў у свы́стало разъ. Мо́вытъ да́льшэ, на-сэрэды́ни свы́снуў дру́гый разъ. Ажъ скиньчы́ў Отчэна́шъ до киньця́, свы́снуў трэ́тый разъ. То тоты́ пэски́ за́разъ ко́ло него́ ста́лы тай зача́лы то́го розбі́йныка ду́жэ йи́сты. Той ся про́сытъ: „Бі́йся Бо́га, дару́й мы жытье́, то я тоби́ дамъ таку́ табаке́рку, жэ якъ сы погада́ешь на кого́ и покру́тышь табаке́ркоў у пра́вый бикъ, то му за́разъ го́лову видкру́тышь; а якъ, ка́жэ, покру́тышь у ли́вый бикъ, то зно́ву му голова́ такъ ста́нэ, якъ була́.“—„Дава́й!“—Даў му табаке́рку, тогды́ винъ ка́жэ свои́мъ псамъ на то́го: „Гу́зя!“ Тай за́разъ псы обпа́лы розбі́йныка и го роздэ́рлы. Тогды́ щэ тоти́ псы роздэ́рлы жи́нку то́го розбі́йныка, а слу́жныцю нэ роздыра́лы, бо она́ бу́ла въ такі́й са́мій нэво́лы. Тогды́ слу́жныця ка́жэ: „Ту́тка щэ въ пя́тимъ поко́ю е 24 розбі́йныки, а́лэ тэпэ́рь спятъ, щэ бу́дутъ спа́ты съ-годы́ну.“ Тогды́ винъ взяў съ собо́ў пэски́ и пишо́ў тамъ до розбі́йныкиў. Отворы́ў двэ́ри, а́лэ ся злякъ ду́жэ, то пэски́ тамъ замо́къ, а самъ ути́къ. Алэ слу́хае—такъ тоты́ пэски́ розбі́йныкиў жрутъ, такъ розбі́йныки крыча́тъ! Якъ вжэ пэрэста́лы крыча́ты, якъ вжэ ихъ пэски́ пожэ́рлы, зача́лы тогды́ пэски́ ла́ба-

мы до двэрэ́й дра́паты. Той двэ́ри отворы́ў, а пэскі́ по кервы́ плы́вають. Тогды́ винъ ихъ обмы́ў видъ то́и кервы́ тай забра́ўся съ ны́мы тай пишо́ў. Алэ пэскі́ ка́жутъ до нёго: „Ты вжэ тэпэ́рь насъ вы́диты нэ бу́дэшь, бо мы ду́хи, а́лэ мы всэ будэ́мъ ко́ло тэ́бэ. То, ка́жутъ, якъ-бы ты ся яка́ прыго́да лучи́ла, то свы́сны тры ра́зы, а мы ты за́разъ помо́жэмъ.“ Винъ тогды́ пишо́ў, а́лэ вжэ пэскі́ нэ вы́диў.

Прыйшо́ў винъ до едно́го ми́ста, а тото́ ми́сто на-чо́рно жало́бамы обсло́нэно. То винъ пыта́еся людэ́й: „На-що́ то ти́лько жало́биў?“ Людэ ёму́ такъ сказа́лы: „То е ту́тка такі́й злый сатана́, що сыды́тъ на варста́ти и що-дэ́нь едно́го хрыстяны́на йисть; то ны́нька вы́йшло на ци́сарову донькý, абы́ йшла до нёго тамъ на ва́рстатъ, то тому́ такі́ жало́бы по всимъ ми́сти.“ Тай въ той часъ вжэ вэлы́ ци́сарову доньку́: напэрэ́дъ идутъ процэсьі́ и 300 ксёндзі́ў спива́е, такъ гы умэрло́му, а ци́сарова донька́ лэжы́тъ въ ма́рахъ, якъ-бы умэрла́. Прыйшлы́ вжэ блы́зько дъ то́му сатані́, тай тамъ людэ тоту́ ци́сарову доньку́ вжэ лышы́лы, а самі́ поўтика́лы. Тогды́ той хло́пъ прыступы́ў до то́и ци́саровои донькі́ и ка́жэ: „Я пиду́ напэрэ́дъ, а ты йды сза́ду!“ Прыйшлы́ такъ дъ то́му сатані́ на ва́рстатъ, тогды́ той хлопъ ка́жэ: „Сла́ва Ису́су Хрысту́!“ А сатана́ ка́жэ: „Я нэ хо́чу твэ́и сла́вы, я хо́чу йи́сты!“ Алэ хлопъ ка́жэ до нёго: „Но, то хоть понюхайтэ сы щэ пэ́ршэ таба́чки зъ мэ́и табаке́рки!“ Той розпусты́ў ла́быща, хо́чэ бра́ты таба́ки, а́лэ хлопъ якъ взяў табаке́ркоў круты́ты, а сатані́ зача́лы вя́зы трища́ты. Тай такъ му гэтъ го́лову скруты́ў, ажъ упа́ў съ варста́ту на зэ́млю. Тогды́ ци́сарова донька́ ка́жэ такъ: „Ты ходы́ тэпэ́рь зо мноў, ты ся бу́дэшь зо мноў побыра́ты, бо ты мэнэ́ видъ смэ́рты видкупы́ў.“ Алэ винъ ка́жэ: „Я щэ то́го нэ мо́жу зробы́ты, я пры́йду до тэ́бэ ажъ за рикъ.“ Тогды́ она́ взя́ла и пэрэломы́ла свій пэ́рстинь золоты́й на-дво́е и пэрэдэ́рла свое́ хустя́тко золотэ́, то едну́ половы́ну да́ла ёму́, а дру́гу собі́ схова́ла. И оны́ ся обо́е розійшлы́.

А ту цы́ганъ вы́лэтиў изъ ли́са тай нижъ до нэ́и наста́вы́ў.—„Чого́ ты хочь у мэ́нэ?“—„Хо́чу, ка́жэ, абы́ ты повила́, що то я тэбэ́ видъ смэ́рты видкупы́ў; запрысягны́ся мэні́, ка́жэ, що я ся бу́ду съ тобо́ў по-

быра́ты!“ Она́ собі́ такъ погада́ла: „Нэ погы́бламъ видъ сатаны́, а видъ цы́гана абы́-мъ гы́бла?“ Тай ся збоя́ла и ёму запрысягла́. Тогды́ прыйшлы́ до-до́му, ці́саръ ся ду́жэ ура́дуваў, а цы́ганъ зача́ў розповида́ты, що якъ сатана́ зача́ў йи ййсты, то винъ прылэ́тиў и ёго́ ко́лыкомъ-ко́лыкомъ видигна́ў. И ка́жэ цы́ганъ: „За то я ся му́шу исъ нэў побыра́ты!“ —„Най бу́дэ! колы́-сь йи видкупы́ў видъ смэ́рты, то най будэ́ вэсильэ́!“— Алэ она́ пла́чэ, нэ хо́чэ, а пото́му ка́жэ: „Та най вжэ бу́дэ, а́лэ я му́шу щэ рикъ трыма́ты въ жало́бахъ, то ажъ, ка́жэ, за рикъ!“ Тай такъ чэка́лы цилы́й рикъ. Ажъ якъ вжэ рикъ ся киньчы́ў, жэ маў вжэ той прыйты́, тогды́ она́ ка́жэ: „Тэпэ́рь вжэ роби́мъ вэсильэ́!“

А той трахты́рныкиў сынъ прыйшо́ў акура́тъ до то́го ми́ста. Тутъ така́ ра́дисть, вэ́сэлисть по цили́мъ ми́сти. Винъ изды́баў яко́го-сь ди́да тай пыта́еся ёго́: „А чого́ така́ ра́дисть?“ А дидъ му тогды́ розпови́ў, що ся ро́бытъ вэсильэ́ у ці́сара, бо той цы́ганъ, що видкупы́ў ціса́рску доньку́ видъ сатаны́, будэ́ ся съ нэў побыра́ты. Тогды́ винъ ка́жэ ди́довы: „На́-тобі́ мо́е па́ньске шма́тье, а ты мэні́ лай свої́ то́рбы и шма́тье!“ Тай пэрэбра́уся за ди́да и пишо́ў до едно́и трахты́рни. Зноў ся тамъ пыта́е трахты́рныка: „Що́ то за така́ въ ми́сти ра́дисть?“ Трахты́рныкъ му такъ са́мо ўпови́ў, жэ цы́ганъ ро́бытъ съ ці́саровоў донько́ў вэсильэ́. Тогды́ винъ ка́жэ до трахты́рныка: „Ого́, то нэ цы́ганъ бу́дэ, то я́ бу́ду съ нэў за́ўтра бр ты слюбъ.“ На то́е трахты́рныкъ ся за́сьміяў,—вы́дытъ, жэ то якій-сь обдэ́ртый дидъ,—тай ка́жэ такъ: „Якъ ты бу́дэшь съ ці́саровоў донько́ў бра́ты слюбъ, то я тобі́ дамъ мою́ трахты́рню, гэтъ съ уси́мъ, а самъ собі́ пі́ду гэтъ, лышь такъ, якъ стою́.“ Заклы́калы сьві́дкиў тай на тимъ обыдва́ заложы́лыся.

Тогды́ той забра́уся и пишо́ў до ці́сара. Прыхо́дытъ тамъ, а ці́сарова донька́ ёго́ спизна́ла, зача́ла ся сьмія́ты тай зача́ла до нёго га́льбу пы́ва пы́ты. Тай тогды́ винъ вы́ймыў свій ку́сныкъ пэ́рстиня тай полові́ну хустя́тка, а она́ вы́ймыла своє́, зложы́лы то доку́пы—пасу́е акура́тъ. Тогды́ ці́саръ ся пыта́е: „Що́ то е?“ То оны́ вжэ все́ розповилы, що то винъ йи видкупы́ў видъ смэ́рты тай пишо́ў, а цы́ганъ йи хоти́ў за́быты, абы́ му запрысягла́ся. Тогды́ ці́саръ то́го цы́гана каза́ў прыпня́ты до кі́ньскихъ хвости́ў, и ко́ни розна-

слы цыгана по всимъ сьвити. А той вжэ ожэныўся съ цисаровоў донькоў. Тай взяў видъ того трахтырныка трахтырню, що йи на заклади выграў, тай кажэ: „О, я ся въ свого тата нэ учыў за трахтырныка, алэ таки добру трахтырню маю!“

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

27.

Таинственный рыцарь.

Едэнъ чоловикъ маў полэ дужэ далэко въ лиси. Пишоў разъ въ полэ косыты тай кажэ до жинки: „Якъ настыгнэ полуднэ, абы-сь мы хлопцёмъ прыслала йисты! алэ, кажэ, абы знаў хлопэць, якъ иты, то я буду сыпаты по-дорози солому.“ Прыйшло полуднэ, тай хлопэць взяў йидинье тай понисъ. Идэ-идэ тоў дорогоў, куды тато соломы насыпаў, алэ зайшоў въ вэлыку гущавыну. Тамъ вжэ соломы нэ було, тай зблудыў тай ходыў такъ до полудня по тій гущы. А потому сиў тай зачаў плакаты. Алэ дывытся, а за тоў гущавыноў якій-сь вэлыкій двиръ. Тогды пишоў идъ тому дворовы. Прыходытъ тамъ до двора, а тамъ було 12 розбійныкиў. Тай розбійныки его ся пытаютъ: „Чого ты ту зайшоў?“—„Та, кажэ, нисъ-емъ татовы йисты тай-емъ заблудыў.“—Оны тогды кажутъ: „Мы тэбэ вжэ видъ сэбэ нэ пустымо, ты будэшь тэпэрь коло насъ услуговаты!“

Тай потому выбыраются розбійныки дэ-сь въ дорогу, а найстаршый кажэ до хлопця: „Абы-сь нэ выходыў зъ покою тай абы-сь нэ витвыраў тоти двэри, що лыкомъ завязани!“ Тай пишлы собі людэй розбываты. А винъ собі сиў тай плачэ. Алэ потому дужэ цикавый буў подывытыся до того покою тай отворыў двэри, що булы лыкомъ завязани. Дывытся, а тамъ стоятъ тры кони: едэнъ чорный, другый сывый, а трэтый билый. Тай ти кони до нёго кажутъ: „Ой, хлопчэ, бида твоя ту будэ! иды, кажутъ, возьмы тамъ съ викна тры

я́бка тай сида́й на насъ и утика́ймо гэтъ звидсы!“ Тогды́ винъ бо́рзо взяў тоты́ тры я́бка, сиў на ко́ни и пигна́ў.

Вы́йихаў на по́лэ, а розбі́йныки ся вжэ жэну́тъ за нымъ. Тогды́ ка́жэ кинь: „Вэрзь едно́ я́бко по-за сэ́бэ!“ Винъ вэргъ я́бко, то за́разъ ста́ў вэлы́кій лисъ на сто мыль. Алэ розбі́йныки той лисъ пэрэйи́халы тай зача́лы ся да́ли за нымъ гна́ты. Тай вжэ доганя́ютъ—тогды́ дру́гый кинь ка́жэ: „Вэрзь за сэ́бэ дру́гэ я́бко!“ Винъ вэргъ я́бко и зробы́лася вэлы́ка вода́. Зноў розбі́йныки ту во́ду пэрэплылы́ тай зача́лы ся да́ли гна́ты. Тогды́ ка́жэ трэ́тый кинь: Тэпэ́рь вэрзь трэ́тэ я́бко по-за сэ́бэ!“ Якъ вэргъ то я́бко, зробы́ўся ду́жэ вэлы́кій огэ́нь на сто мыль, що а́ни обийи́хаты, а́ни пэрэйи́хаты вжэ розбі́йныки нэ моглы́. Тогды́ винъ прыйи́хаў въ зэлэ́ный гай, а ко́ни ка́жутъ до нéго: „Мы ся ту бу́дэмъ розстава́ты; а́лэ на́-тоби́ свы́стало: якъ схо́чэшь насъ до по́мочы, а́бы-сь тры ра́зы свы́снуў, то за́разъ прылэ́тымо до тэ́бэ!“

Тай винъ тогды́ пишо́ў и зайшо́ў до вэлы́кого ми́ста до короля́. А тамъ слу́жныця вы́йшла по во́ду, то винъ йи ся пытáе: „Цы нэ трэ́ба слугы́ у короля́?“ Слу́жныця побíгла спыта́тыся, а коро́ль ка́жэ: „Трэ́ба слугы́—дрыва́ носы́ты.“ Тай винъ тамъ ся наймы́ў и но́сытъ дрыва́. Алэ той коро́ль поча́ў во́йну исъ нэ́прыятэлёмъ своимъ, тай нэ́прыятэль вжэ то́го короля́ гэтъ пэрэмага́ў. А той хло́пэць пишо́ў у зэлэ́ный гай, свы́снуў тры ра́зы свы́сталомъ—за́разъ ко́ни ста́лы коло нéго и прывэ́злы му зэли́зну збро́ю. Винъ въ ту ся збро́ю убра́ў, сиў на чо́рного коня́ тай пойи́хаў тамъ на війну́. Тогды́ якъ зача́ў за нэ́прыятэлёмъ гоны́ты, побы́ў, розтратува́ў го ца́ўкомъ. А коро́ль ка́жэ до нéго: „Що́ ты тэпэ́рь хо́чэшь видъ мэ́нэ за то?“ Винъ ка́жэ: „Да́йтэ мэни́ на пысьми́, що найста́ршу доньку́ за мэ́нэ дастэ́!“ Коро́ль за́разъ даў му таке́ пысьмо́, винъ мы́гнуў конёмъ тай пигна́ў гэтъ. Пойи́хаў въ зэлэ́ный гай, зняў збро́ю тай пусты́ў коня́. А самъ пишо́ў зноў до короля́ дрыва́ носы́ты.

Алэ той коро́ль зноў зача́ў війну́ исъ нэ́прыятэлёмъ. Винъ тогды́ пишо́ў у зэлэ́ный гай, свы́снуў на ко́ни, тай му ко́ни прынэ́слы сри́бну збро́ю. Винъ ся убра́ў, сиў на сы́вого коня́ тай пойи́хаў на війну́. Зноў по-

быў того нэпрыятэля, а видъ короля нэ браў ницъ, лышэ зноў взяў такé пысьмó, що му сэрэдўщу донькў виддáстъ. Тай тогды́ зноў мы́гнуў, такъ що го нихтó ї нэ вы́диў, и пойи́хаў въ гай. Тай пишóў зноў до короля́ дрывá носы́ты.

А король почáў трэтый разъ війнý. Въ тій трэтій війни́ вжэ нэпрыятэль короля́ въ нэвóлю взяў. Той слугá якъ ся дови́даў, пишóў у зэлэный гай и свы́снуў: кóни ся зъявы́лы кóло нéго и прынэслы му золотý збрóю. Винъ ся убрáў въ ту збрóю тай пойи́хаў своróго короля́ ратувáты. Побы́ў нэпрыятэля, короля́ зъ нэвóли видобрáў, áлэ му въ тій війни́ нóгу скали́чылы. Королъ тогды́ взяў, ёгó нóгу своёў хýсткоў обвязáў тай пытáеся ёгó: „Чогó ты хóчэшь за то видъ мэнэ, ры́цару?" Винъ зноў такъ кáжэ: „Напыши́тъ мы на пысьми́, що дастэ за мэнэ найм олодшу донькў!" Взяў сы тотó пысьмó тай пойи́хаў зноў у зэлэный гай и кóни видпрáвыў гэтъ.

А самъ вэрнýўся зноў до короля́ на слýжбу. Алэ вжэ буў дýжэ змýчэный, то лягъ спáты въ си́нёхъ тай спаў ажъ до полýдня. Вы́йшла слýжныця ёгó будыты тай увы́дила въ нэго на нози́ тотý королёву хусты́ну. Пишлá зáразъ до короля́ тай пови́ла, що той слугá хусты́ну укрáў. Тогды́ корóль пишóў дывы́тыся, áлэ увы́диў, що то та хусты́на самá, що винъ на війни́ ры́царовы нóгу обвязáў. Тай пытáеся ёгó: „А ты звидки взяў тотý хусты́ну?" А винъ кáжэ: „Я вамъ зáразъ покáжу, зви́дки-мъ взяў!" Пишóў у гай зэлэный, свы́снуў на кóни, тай кóни кóло нёго зáразъ стáлы. Винъ убрáўся въ золотý збрóю, а шáпку ўбрáў сри́бну, а чóботы зэли́зни. Тай сиў на кóни тай пойи́хаў пэрэдъ короли́ўскій двиръ. Пáнство вы́йшло напрóтиў нéго, а винъ тогды́ вы́ймыў тоты́ тры пы́сьма и хусты́ну тай показáў то королёвы. Тогды́ вси пизнáлы, щó то буў той-сáмъ ры́царъ. Тай винъ ся ожэны́ў съ наймолодшоў донькóў, а тымъ двомъ стáршымъ донькáмъ пы́сьма виддáў.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

28.

Стекляная гора.

а). Маў едэ́нъ ɣа́зда тры сыны́: два бу́лы розу́мни, а едэ́нъ дурны́й. Тай якъ ўмыра́ў, ка́жэ до найста́ршого сы́на: „Абы́-сь прыйшо́ў пэ́ршои но́чы до мэ́нэ на грибъ!“ А до дру́гого ка́жэ: „Абы́-сь до мэ́нэ прыйшо́ў дру́гои но́чы!“ Тай то́му дурно́му ка́жэ: „А трэ́тои но́чы абы́ ты́ прыйшо́ў на грибъ!“ Тай умэ́ръ и похова́лы го. Прыйшла́ пэ́рша ничь—той найста́ршый нэ хо́чэ йты́, ка́жэ до дурно́го бра́та: „Иды́ ты за мэ́нэ!“ Той пишо́ў на цвы́нтаръ, сыды́тъ вжэ на гро́би. Тай вы́йшоў зъ гро́бу отэ́ць умэрлы́й тай му даў чо́рный во́лосъ. Прыйшла́ дру́га ничь—ма́е вжэ йты сэрэду́щый братъ, алэ нэ хо́чэ зно́ву, ка́жэ до дурно́го: „Иды́, бра́тэ, за мэ́нэ!“ Тай той пишо́ў, а отэ́ць му даў чэрво́ный во́лосъ. Вжэ трэ́тои но́чы пишо́ў самъ за сэ́бэ, то даў му отэ́ць щэ сы́вый во́лосъ и ка́жэ: „Схова́й сы то до́брэ, ти тры волоски́, оны́ тоби́ ста́нутъ у пры́го́ди.“

Зробы́ў ци́саръ въ тимъ краю́ во́йну и такъ сказа́ў: „Котры́й вы́лизэ го́ри склянно́ў горо́ў на го́ру, то у мэ́нэ будэ́ за зя́тя!“ Тоты́ два розу́мни бра́тья взя́лы сы ко́ни и йи́дутъ на тоту́ во́йну—ли́зты го́ри склянно́ў горо́ў. А дурны́й и соби́ йи́дэ за ны́мы. Прыйи́халы тамъ, йи́дэ найста́ршый братъ го́ри тоў горо́ў, а́лэ зломы́ў сы кинь го́лову, упа́ў. Зноў сэрэду́щій йи́дэ—тай его́ кинь зломы́ў сы но́гу. А дурны́й тогды́ вы́няў соби́ чо́рный во́лосъ—зробы́ўся пэ́рэдъ нымъ кинь чо́рный и убранье́. Убра́ўся, сиў на то́го коня́ тай вы́йихаў го́ри склянно́ў горо́ў ажъ на-вэ́рхъ. А ци́саръ ка́жэ: „Ты будэ́шь у мэ́нэ за зя́тя!“ Алэ винъ обэрну́ўся тай пойи́хаў гэтъ. Тай зробы́ўся зноў дурны́й, такі́й обдэ́ртый, якъ жэбра́къ.

То зноў зробы́ў во́йну ци́саръ, жэ хто вы́лизэ го́ри склянно́ў горо́ў, зятёмъ будэ́. Вси сы тамъ на тій гори́ поломы́лы, поскру́чувалы го́ловы, нэ мигъ ни едэ́нъ вы́йихаты на гору́. А дурны́й взяў сы чэрво́ный во́лосъ—зро́быў му ся чэрво́ный кинь и убранье́. Убра́ўся, сиў на коня́ и пэрэйи́хаў чэ́рэзъ склянну́ гору́.

Тогды́ ся ци́саръ ути́шыў, жэ тако́го зя́тя панычá бýдэ мáты, а тотá ци́сарова пáнна взя́ла тай му застромы́ла на пáлэць сри́бный пэ́рстинь. Винъ тогды́ обэрнýў коня́, тай дóли горóў, тай ути́къ.

Вжэ ци́саръ трэ́ту вóйну рóбытъ: „Анý, хто вы́лизэ на горý?“ Взяў дурны́й сы́вый вóлосъ, зробы́ў му ся кинь сы́вый и шмáтье. Якъ сиў, пэрэйи́хаў горý навэ́рхъ. Тай тамъ ся тогды́ зробы́ў зноў дурны́й, обдэ́ртый, тай кáжэ до ци́сара: „Я пэрэйи́хаў горý тры рáзы, тó мы́ вжэ дáйтэ пáнну!“ Алэ онá нэ хоти́ла йты за такóго дидовóда, кáжэ: „То нэпрáўда! то якíй-сь паны́чъ пэрэйи́хаў, нэ ты!“ Винъ тогды́ показáў пэ́рстинь тай ся ўбраў въ тотó шмáтье, то му вжэ повьéрылы. Тогды́ ци́саръ му кáжэ: „Трымáйся тэпэ́рь дэликáтно, бо ты вжэ мáешь бýты мóимъ зятёмъ!“ И винъ ся тогды́ вжэ ожэны́ў съ ци́саровоў донькóў и стаў ци́саромъ.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

б). Такъ бýло симь брáтиў—шисть мýдрыхъ, а сэ́мый дурны́й. Тай пишлы́ тай наймы́лыся вси симь въ еднóго пáна на слýжбу. Тай кáжэ панъ: „Иди́тъ, жэни́тъ бараны́ пáсты!“ Тогды́ ти шисть мýдри займы́лы бараны́ пáсты тай зды́балы на дорóзи якóго-сь ди́да. Винъ имъ кáжэ: „Дáйтэ мэни́, хлóпци, кýсныкъ хли́ба, бо-мъ голóдэнъ дýжэ!“ Алэ оны́ ёмý нэ дáлы, пишлы́ дáльшэ. Тай пасýтъ тоты́ бараны́, áлэ барани́ў óвады скусáлы, тай ся розби́глы по ли́си. Ввэ́чиръ прыхóдятъ до-дóму, панъ ды́вытся, а барани́ў нэмá. Тогды́ ихъ панъ набы́ў дýжэ, а той дурны́й кáжэ: „Я пи́ду барани́ў шукáты!“ Тай пишóў. Идэ́, зды́буе самóго тóго ди́да на дорóзи. Кáжэ до нéго дидъ: „Хлóпчыку, дай мэни́ хли́ба!“ Винъ зáразъ даў ди́довы хли́ба, а ди́дъ ёмý тогды́ даў скры́пку тай кáжэ: „Якъ загрáешь на ту скры́пку, то зáразъ ся до тэ́бэ вся худóба позбигáе.“ Взяў винъ тотý скры́пку тай пишóў съ нэў въ лисъ. Якъ заграў, зáразъ ся вси бараны́ позбигáлы кóло нéго. Винъ тогды́ пишóў собі́ напэрэ́дъ тай на скры́пци грáс, а бараны́ за нымъ машэрýютъ. Тай прыгнáў усі́ бараны́ до-дóму.

Потóму зноў панъ кáжэ: „Йдѝтъ тэпэ́рь нá-ничь отáвы стэрэчы́, бо якѝ-сь кóни выпáсуютъ.“ Пишлы́ тоты́ розу́мни, стэрэжу́тъ отáвы. Ажъ прылитáе идъ нымъ макѝтра тай кáжэ: „Дайтэ мэнѝ хлѝба!“ Оны нэ хотѝлы дáты, тай макѝтра гэтъ полэ́тила. Прылитáе лы́жка, кáжэ: „Дáйтэ мэнѝ хлѝба!“ Оны́ нэ дáлы, тай лы́жка счэ́зла. Прылитáе мы́ска, кáжэ: „Дáйтэ мэнѝ хлѝба!“ Зноў нэ дáлы, тай мы́ска счэ́зла. Тай потóму оны́ писну́лы, а кóни прыйшлы́ на отáву тай спáслы. Прыйшлы́ рáно до-дóму, панъ ся пытáе: „Чы спáслы кóни отáву?“—„Та спáслы!“—Тогды́ ихъ панъ зноў набы́ў, щó ся влѝзло. На дру́гу ничь вжэ дурны́й кáжэ: „Тепэ́рь я пѝду отáвы стэрэчы́!“ Тай пишóў. Прылитáе дъ нéму макѝтра и кáжэ: „Дай мэнѝ хлѝба!“ Винъ йій даў, тогды́ онá кáжэ: „Я ты ўповѝмъ, якъ бу́дутъ кóни отáву пáсты.“ Прылитáе лы́жка, кáжэ: „Дай мы хлѝба!“ Винъ йій даў, а онá кáжэ: „Я ты ўповѝмъ, якъ прыйдутъ кóни отáву пáсты.“ Тай прылэ́тила зноў мы́ска—винъ даў и йій хлѝба. Зноў му мы́ска сказáла, що го збу́дытъ. Потóму винъ вжэ лягъ спáты, заснуў, áлэ го макѝтра збуды́ла тай далá му золотѝ обротянкѝ. Винъ зайшóў и пойимáў еднóго коня́. Прыпня́ў коня́ до плóта, а самъ зноў лягъ спáты. Тогды́ го збуды́ла лы́жка и далá му золотѝ обротянкѝ. Винъ пойимáў дру́гого коня́, прыпня́ў тай лягъ спáты. Тай вжэ го зноў мы́ска збуды́ла, далá му золотѝ обротянкѝ, то винъ пойимáў трэ́того коня́. Тогды́ винъ вжэ займы́ў собѝ тоты́ кóни до-дóму.

Алэ потóму едэ́нъ цѝсаръ вы́ставыў склянну́ гору́ и розпысáў такъ: „Хто на ту склянну́ гору́ вы́йидэ, той у мэ́нэ доньку́ посвáтае!“ Алэ нихтó нэ мигъ ни вы́йихаты, ни вы́йты на ту гору́. Тогды́ той дурны́й сиў сы на еднóго коня́, що зйимáў въ отáви, заложы́ў золотѝ обротянкѝ и пойи́хаў гóри тоў горóў. Тай удáрыў на коня́, ажъ кинь скóчыў на сáмый вэршóкъ. Тогды́ винъ пибрáўся съ цѝсаровоў донькóў тай панувáў.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

29.

Невѣрная мать.

Бу́ла би́дна ма́ты тай ма́ла сы́на, а́лэ оны́ бу́лы ду́жэ би́дни. Сынъ якъ пидри́съ, тай ка́жэ до ма́тэры: „Ма́мо, чого́ мы такъ бу́дэмъ ту́тка бидува́ты? ходи́мъ собі́ въ сьвитъ!“ И зыбра́лыся и пишлы́ въ сьвитъ. И найшлы́ дви доро́гы, що една́ йшла ўпра́во, а дру́га ўли́во. Сынъ ка́жэ до ма́тэры: „Ма́мо, я йду до́ли тоў доро́гоў ўпра́во, а вы йдитъ ули́во; якъ вы що́ найдэ́тэ, то вы мэнэ́ заклы́чтэ, а якъ я що́ на́йду, то васъ заклы́чу.“ Тай на тимъ розі́йшлы́ся. Сынъ увійшо́ў кава́льчыкъ доро́гы и найшо́ў рэмэ́нэць, а на тимъ рэмэ́пцы бу́ло напы́сано, що хто той рэмэ́нэць найдэ́ и ся нымъ опэрэ́жэ, то будэ́ ма́ты ду́жэ вэлы́ку мицъ и будэ́ счислы́вый. Тогды́ сынъ заклы́каў ма́тирь: „Ма́мо, я вжэ найшо́ў счи́стьє!“ Ма́ма прыйшла́ дъ нёму и пишлы́ вжэ обо́е да́ли въ лисъ.

Тай иду́тъ ли́сомъ, а тамъ такі́й у ли́си вэлычэ́зный двиръ стои́тъ. Оны́ прыйшлы́ дъ то́му дворо́вы. Увійшлы́ до пэ́ршого поко́ю, а тамъ бу́лы самі́ выдэ́ўки; прыйшлы́ до дру́гого поко́ю—тамъ самі́ бу́лы сри́бни лы́жки; прыйшлы́ до трэ́тthe—тамъ самі́ шаблі́ бу́лы; прыйшлы́ до чэтвэ́ртого, а тамъ бу́лы самі́ стрильбы́. Тогды́ той хло́пэць вы́браў собі́ найострі́йшу ша́блю и найли́пшу стрильбу́ тай пишо́ў до пя́того поко́ю вжэ самъ. Увійшо́ў до пя́того поко́ю, а тамъ спа́лы 12 розбі́йныкиў. Тогды́ винъ зайшо́ў тыхцэ́мъ и всихъ розбі́йныкиў порубаў и постриля́ў на ку́сныки. Тай вжэ тогды́ взяў тай всихъ позми́туваў до пыўны́ци, а до ма́тэры ка́жэ такъ: „Мы вжэ ту будэ́мо мэ́шкаты, а́лэ абы́ вы ся ни́ҮДЫ до то́и пыўны́ци нэ дывы́лы!“ И даў йій вси ключі́, а самъ узя́ў сы стрильбу́ и пишо́ў у лисъ на полюва́ньє.

Алэ ма́ты его́ бу́ла скуса, лука́ва жи́нка, то якъ винъ разъ пишо́ў у лисъ, она́ ся подывы́ла до то́и пыўны́ци. А едэ́нъ розбі́йныкъ бу́ў нэдо́брэ пору́баный тай ожы́ў. Якъ она́ витворы́ла пыўны́цю, винъ вы́скочыў, ўхопы́ў съвикна́ таку́ масць тай обма-

стыу всихъ 12 злодійиу, и вси поужывалы. Тай тогды піймалы ту матирь и кажуть: „Якъ ты тото нэ учынышь, що мы тоби скажэмо, то тя заразъ забьемо!“ Тай она прысягла, що все будэ робыты. Тогды оны йій кажуть: „Якъ твій сынъ прыйдэ, то кажы, що-сь слаба, най тоби прынэсэ изъ-мэжы двохъ гиръ ябко!“ Якъ сынъ прыйшоу съ полюваня, маты зачала йойкаты, що слаба, тай кажэ: „Прынэсы мэни, сынуню, зъ-мэжы двохъ гиръ ябко на ликарство!“ Винъ тогды дужэ упудыуся, бо вжэ выдиу, що то яка-сь зрада надъ нымъ. Алэ пойихау и вступыу до едной пани до миста. И та пани дужэ ёго полюбыла и поспыталася, дэ винъ йидэ? Винъ сказау, що йидэ для слабои мамы по ябко зъ-мэжы гиръ. Она кажэ: „Ты видтамъ ябка нэ дистанэшь, бо тоти горы всэ трясутся и трясутся, то сходятся, то розходятся, лышэ, кажэ, у дэнь о 12-ій годыни и въ ночы о 12-ій стають тыхо.“ А дали кажэ: „Алэ на-тоби коня и йидь, можэ якъ дистанэшь.“ И винъ тогды сиу на коня и пойихау. Прыйиждже тамъ—горы тэлэпаются. Алэ винъ чэкау до 12-ои годыны, то о 12-ій годыни горы сталы. Тогды винъ ударыу на коня и прыйихау до тои яблинки и хопыу за ябко, а горы зачалы ся вжэ зноу тэлэпаты. Винъ нэ мигъ ябко вырваты, тай вырвау цилу ябблинку съ коринёмъ. Тай скочыу назадъ, алэ горы вжэ захопылы троха коня сзаду. Кинь вырвауся и пишоу, ницъ му нэ шкодыло. Якъ вжэ выйихау, обирвау ябка зъ яблинки и пойихау. Вступыу по-дорози до тои пани и лышыу йій вси ябка, лышэ съ собоу едно взяу для матэры. Тай прыйихау до-дому и дау матэры то ябко, а самъ пишоу зноу въ лисъ.

Тогды тоти злодіе такъ ёго матэры казалы: „Будэшь казаты, щобы ты щэ прынисъ жывои воды!“ Она ёму такъ сказала и винъ тогды зноу пишоу по тоту воду. И вступыу до тои пани и розповиу йій, дэ мае иты. А она ёму кажэ: „Ты видтамъ воды нэ дистанэшь, бо тамъ вэлычэзна гадына надъ тоу керныцэу огнёмъ сыплэ цилый дэнь и цилу ничь, лышэ о 12-ій годыни стае.“ Тай дала му зноу свого коня и винъ пойихау. Прыйиждже тамъ идъ керныцы—змыя такъ огнёмъ сыплэ! Ажъ о 12-ій годыни винъ схопыуся, зачэръ во-

ды́ у збаня́тко и зача́ў утика́ты. Змыя́ вжэ зача́ла огнёмъ сы́паты тай тро́ха опалы́ла конёвы хвистъ, а́лэ утикъ счислы́во. По-доро́зи повэрну́ў до па́ни и лышы́ў ні́й во́ду, лышэ́ соби́ дри́бку въ скляня́тко взяў. Прыйи́хаў до-до́му и даў ма́тэры тоту́ во́ду, а самъ пишо́ў сы зноў на полюва́нье.

Тогды́ зноў злоді́е ма́тирь пидмо́вылы, тай якъ винъ прыйшо́ў, она́ такъ ка́жэ: „Сыну́ню, прынэсы́ мэни́ щэ видъ львы́ци молока́!“ Винъ взяў стри́льбу тай пишо́ў. Тамъ лэты́тъ львы́ця, то винъ вжэ хо́чэ стриля́ты. Алэ она́ ка́жэ: „Нэ стриля́й, я ты дамъ сама́ молока́!“ Тай му ся надойи́ла у горня́тко и да́ла му щэ свы́стало и ка́жэ: „Якъ ты ся бу́дэ яка́ прыго́да лучы́ты, то абы́-сь тымъ свы́сталомъ свы́снуў тры ра́зы, то ся вси звири́ зо сьви́та збигнутъ на по́мичь!“

Винъ прыни́съ тото́ молоко́ до ма́тэры. Тогды́ она́ ка́жэ: „Йой, сы́нцю, якъ ты ся ужэ́ давно́ нэ купа́ў! я тоби́ зла́дыла ку́пиль, иды́, скупа́йся!“ А то ей зно́ву злоді́е пидмо́вылы, хоти́лы го въ ку́пэлы стра́тыты. Тай винъ розибра́ўся, лягъ до ку́пэлы, а злоді́е зъ-за двэрэ́й попрыбига́лы, хо́пылы той рэмэ́нэць видъ нэ́го, то винъ за́разъ зисла́бъ. Тай тогды́ го поруба́лы на дрибни́ ку́снычки, змэта́лы въ михъ и вы́кенулы на-дви́ръ.

Алэ тота́ па́ни, якъ вжэ винъ до́ўго нэ прыходы́ў, зибра́лася, си́ла на коня́ тай пойи́хала его́ шука́ты. И найшла́ той мишо́къ, дэ винъ буў пору́баный, и забра́ла съ собо́ў до-до́му. Тогды́ го тоў воды́цэў помасты́ла зъ жыво́и керны́ци, надушы́ла зъ то́го я́бка со́ку, тай винъ за́разъ ожы́ў.

Пото́му она́ взя́ла, зробы́ла его́ го́лубчыкомъ, а сэбэ́ го́лубыхоў. И полэ́тилы до то́го двора́, до розбі́йныкиў, и си́лы соби́ на дэ́рэво. Якъ злодіе увы́дилы, що то таки́ ду́жэ кра́сни го́лубы, що на сьви́ти таки́хъ нэма́, хоти́лы ихъ пійма́ты. Алэ го́лубыха тогды́ зача́ла спива́ты такъ: „Якъ-бы той найста́ршый зло́дій знаў, що якъ-бы насъ пійма́ў, то до ца́рства бы пишо́ў, а́лэ му́сытъ ся на́йпэ́ршэ гэтъ розибра́ты и той рэмэ́нэць розпэрэза́ты!“ А винъ то учу́ў тай за́разъ ся розибра́ў и рэмэ́нэць покла́ў

на зэ́млю, а самъ полі́зъ за го́лубамы на дэ́рэво. Тогды́ го́лубы ся посха́пувалы, рэмэ́нэць ўхо́пылы тай поўтика́лы. И пото́му зноў ся поробы́лы людьмы́ и винъ запэрэза́ўся въ рэмэ́нэць и вжэ стаў зноў ду́жэ сыльны́й.

Тогды́ пишо́ў до то́го двора́. Якъ засвыста́ў тры ра́зы въ то свы́стало видъ львы́ци, то ся усе́, що дэ е на съвйти,—звири́, пты́ци, гадье́,—позлита́ло до нёго. Тогды́ винъ то всё пощу́ў на тыхъ злодійиў и то ихъ пороздыра́ло и пожэ́рло. А до ма́тэры винъ ка́жэ такъ: „Що́ мэні́ тэпэ́рь съ ва́мы робы́ты, ма́мо?“ Она́ ка́жэ: „Та що́ бу́дэшь робы́ты? такъ соби́ жы́ймо, якъ пэ́ршэ!“— „О, тэпэ́рь вжэ такъ нэ мо́жэ бу́ты!“—Тай вы́йшоў на-дви́ръ, дви́ръ пэрэвэрну́ў гори́ нога́мы, тай ся тамъ ма́ты за́была. А самъ вэрну́ў до свэ́и па́ни и съ нэў ся ожэны́ў.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

30.

Невѣрная жена.

Една́ ба́ба пра́ла въ пото́ци шма́тье и прыйшо́ў идъ ній злый. Тай той злый ка́жэ до нэ́и: „Цы будэ́шь ты ся за мэ́нэ виддава́ты?“—„Чому́ нье? буду́ ся виддава́ты, а́лэ дэ мо́го чолові́ка подіемо?“ Тогды́ злый ка́жэ: „Якъ прыйдэ́шь до-до́му, абы́-сь ду́жэ йо́йкала, а чолові́къ абы́ тоби́ прыни́съ изъ-за 12-ого ка́мэня муки́ зъ млына́!“ Она́ прыйшла́ до-до́му—такъ йо́йкае! А чолові́къ йи ся пыта́е: „Що́ тоби́ таке́?“—„Ой, чого́-сь-емъ засла́бла; прынэсы́ мэни́, ка́жэ, зъ-за 12-ого ка́мэня муки́, то поду́жаю!“

Тай винъ пишо́ў. Алэ маў тры пэски́ таки́, то ихъ взяў съ собо́ў. Прыхо́дытъ дъ то́му млыно́вы, а тамъ ко́ло ко́ждого ка́мэня зэлі́зни двэ́ри, а млынъ буў чорти́ўскій. Тай увійшо́ў винъ до едно́го ка́мэня—двэ́ри му ся видомкну́лы, взяў сы муки́. Тай повидмыка́лы му ся

вси 12 двэрэ́й, тай винъ набра́ў мукй зъ ко́ждого ка́мэня. Тай пусты́уся иты́ до-до́му, а́лэ за 12-ымы двэ́рмы що-сь тоты́ его́ пэскй замкну́ло. Прыно́сытъ винъ муку́ до-до́му, а пэскйў нэма́. Ввійшо́ў до ха́ты, а злый тогды́ вылиза́е зъ-пидъ за́пичка тай ка́жэ: „Клады́ муку́, а́лэ щэ йды мэнй за соло́моў и за рйщомъ, бо будэ́мъ огэ́нь кла́сты!“ Винъ прынйсъ рйща и соло́мы, а́лэ то помача́ў въ во́ду, абы́ нэ горйло. Тогды́ вжэ злый зача́ў огэ́нь розклада́ты, а́лэ то ду́жэ пома́лу горйло, бо мо́крэ. Тай взяў злый котэ́лъ, поста́выў на огэ́нь тай нальля́ў въ котэ́лъ смолы́, абы́ ся вары́ла.

Алэ прылита́ютъ пта́шки тай ка́жутъ то́му чоловйковы: „Вжэ твой псы пройшлы чэ́твэро двэрэ́й!“ За́ки смола́ скипйла, прылэ́тилы пта́шки зно́ву и ка́жутъ: „Вжэ псы пройшлы шэ́стэро двэрэ́й!“ Тогды́ злый ка́жэ до нё́го: „Розбыра́йся тай лизь у смолу́!“ А пта́шки прылэ́тилы тай ка́жутъ: „Ужэ́ пэскй пройшлы о́сьмэро двэрэ́й!“ Тогды́ винъ взяў зло́го просы́ты, абы́ му щэ позво́лыў па́циръ змо́вcase. Тай мо́вытъ-мо́вытъ, прылита́ютъ пта́шки, ка́жутъ: „Ужэ́ пэскй пройшлы дэ́сятэро двэрэ́й!“ Тогды́ вжэ винъ па́циръ скиньчы́ў, а злый ка́жэ: „Ну, тэпэ́рь лизь у смолу́!“ Зача́ў винъ ся розбыра́ты; лышэ́ ся розибра́ў, вжэ пэскй лэтя́тъ до нё́го. Тай прылэ́тилы, то́го зло́го за́разъ роздэ́рлы тай вы́нэслы въ по́тикъ.

Пото́му ка́жутъ пэскй до нё́го: „Ты тэпэ́рь щэ свою́ жйнку за́бый!“ Алэ она́ ся взя́ла ду́жэ просы́ты, тай му ся жаль зробы́ло, дарува́ў ійй жытье́. Тай въ ночы́ вжэ поляга́лы спа́ты, а она́ пишла́, вы́йняла зъ то́го зло́го зубъ тай запха́ла чоловйковы въ у́хо, то винъ видъ то́го за́разъ умэ́ръ. Она́ тогды́ взя́ла тай вы́нэсла го мэртво́го въ лисъ на ялы́цю. Пэскй ра́но поўстава́лы, шука́ютъ господа́ря, а госпо́даря нэма́. Тай полэ́тилы у лисъ и найшлы́ го на ялы́цы. За́разъ полэ́тилы по во́ўка, абы́ йшоў, валя́ў ялы́цю до зэмлй. Воўкъ такъ го́ри ялы́цэў зу́бы вы́валыў, такъ рвэ, а́лэ нэ мигъ ялы́ци повалы́ты. Тогды́ полэ́тилы по мэдвэ́дя. Мэдвйдь якъ взяў, корйнье порозрыва́ў и ялы́цю лэго́нько положы́ў до зэмлй. Тогды́ пэскй увы́дилы въ у́си зубъ тай полэ́тилы по за́ячыка, абы́ зубъ зъ у́ха вы́ймыў. За́яць

прыпа́ў, з у б ъ в ы т я г н у ў, т а й ч о л о в и́ к ъ з а́ р а з ъ в с т а ў.

Тогды́ винъ вжэ п и ш о́ ў д о ж и́ н к и т а й й и х о т и́ ў з а́- б ы т ы, а́лэ она́ с я д у́ ж э п р о с ы́ л а, т о й і й з н о ў д а р у- в а́ ў к а́ р у. Алэ зробы́ў такъ: в э р г ъ й и д о п ы ў н ы́ ц и и п о с т а́ в ы ў к о́ л о н э́ и ц э́ б р я у́ г л я и е д н о́ п о р о́ ж н э ц э́ б р я.— „Якъ ты, ка́жэ, тото́ п о р о́ ж н э ц е́ б р я п о́ ў н о с л ё- з а́ м ы н а п л а́ ч э ш ь, т о́ т ы п о в ь е́ р ь ю, щ о м э н э́ в ж э б у- д э́ ш ь ш а н о в а́ т ы, а я к ъ т о т о́ у́ г л ь е з з и́ ш ь, т о щ э ж а́- л у е ш ь з а з л ы м ъ!“ Прыйшо́ў ра́но, ды́вытся, а о н а́ т о т о́ в с ё з з и́ л а, а ж э́ н ь в ы́ л ы з а л а ц э́ б р я, а д о т о́ г о д р у́ г о- г о н ы ч ь н э н а п л а́ к а л а. Тогды́ в и н ъ п у с т ы́ ў н а н э́ и п э с к и́, т о п э с к и́ й и п о й и м а́ л ы и р о з д э́ р л ы т а й вы- нэслы тамъ у по́тикъ до то́го зло́го.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

31.

Чудесная птица.

а). Такъ б у ў е д э́ н ъ р ы б а́ к ъ и ходы́ў за́ўжды на ры́бу, а́лэ ни́ґды нэ піймаў би́льшэ на́-дэнь, якъ пять рыбъ. Тай ка́- жэ винъ: „Я тепэ́рь иду́ на пта́хи, мо́жэ би́льшэ пта́хиў бу́ду йима́ты.“ Тай винъ пишо́ў у лисъ на пта́хи и п о й и м а́ ў е д- н о́ г о п т а́ ш к а. Прыни́съ до-до́му и хоти́ў го зари́заты. Алэ ди́ты ду́жэ пла́калы, абы́ нэ ри́заў пта́шка, тай винъ го тогды́ посады́ў въ кли́тку. Тай п т а́ ш о к ъ з н и́ с ъ я й ц э́, а т о б у ў д ы я́ м э н т ъ. Тай винъ тото́ яйцэ́ узя́ў и пони́съ до ми́ста продава́ты. Пыта́еся го въ ми́сти які́й-сь панъ: „Що́ ты хочь за то яйцэ́?“ А винъ нэ знаў, що́ каза́ты, тай ка́жэ: „Да́йтэ, що хо́чэтэ!“ Тогды́ панъ му даў 50 ры́ньскихъ. Винъ накупы́ў за ти гро́ши хли́ба, муки́, тай пишо́ў до-до́му. Алэ за́ки винъ вэрну́ў изъ ми́ста, то той пта́шокъ изни́съ дру́гэ таке́ яйцэ́; зноў продаў въ ми́сти за 200 ры́ньскихъ. Прыхо́дытъ до-до́му, а ту е вжэ трэ́тэ яйцэ́. И т а к ъ к о́ ж д о г о д н я т о й п т а́- ш о к ъ н и с ъ я й ц э́. Тай той хлопъ збыў собі́ вэлы́кій мае́- токъ тай зача́ў посыла́ты ди́ты до шко́лы.

Разъ научы́тиль пытáеся тыхъ ёго́ хло́пциў: „Ви́дки вашъ тáто стаў таки́мъ богачо́мъ?“ А хло́пци ёму́ сказáлы, що тáто пойимáў тако́го птáшка, що зно́сытъ дыямэнто́ви я́йця, и за ти я́йця тáто бэрэ́ вэлы́ки гро́ши. Тогды́ научы́тиль пишо́ў до то́го хло́па и кáжэ: „Якъ зари́жэшь мэни́ то́го птáшка, то будэ́ ся мій сынъ побырáты съ твоёў донько́ў.“ Той кáжэ: „До́брэ, зари́жу!“ Тай зачáлы робы́ты вэсильé, зари́залы птáшка для научы́тиля тай пишлы́ до слю́бу. Алэ тоты́ два моло́дши хло́пци зайшлы́ до ку́хни тай то́го птáшка укрáлы: стáршый хло́пэць зйиў птáшка, а моло́дшый вы́пыў зъ нэ́го ю́шку. Тогды́ прыйшлы́ видъ слю́бу, а птáшка нэмá. Алэ научы́тиль кáжэ: „Якъ ся доби́даю, то зáбью то́го, що птáшка зйиў!“ Тай тоты́ хло́пци ду́жэ ся упу́дылы тай забрáлыся и поўтикáлы гэтъ.

Тай ишлы́ доро́гоў, а бáба жáла пшэны́цю.—„Дэ вы йдэ́тэ, хло́пчыки?“—„На слу́жбу!“—„То найми́тся въ мэ́нэ!“— Наймы́лыся у бáбы, носы́лы съ нэў пшэны́цю. Прыйшлы́ ввэ́чиръ додо́му, дáла имъ бáба смэтáны, пыроги́ў, а пото́му полигáлы спáты. Встаю́тъ рáно, а бáба увы́дила пидъ стáршымъ хло́пцёмъ пидъ голово́ў тры мильо́ны гро́шэй. Алэ якъ винъ встаў, гро́шэй вжэ нэ бу́ло. А то бу́лы для то́го гро́ши, що винъ птáха зйиў; áлэ для дру́гыхъ то ти́лько такъ покáзувало гро́ши, тай нико́му ся ти гро́ши нэ давáлы брáты, лышэ́нь ёму́. Тай пото́му вжэ хло́пци вы́дилы, що у бáбы тяжкá слу́жба, то забрáлы́ся тай пишлы́.

Пишлы́ до едно́го пáна, а той панъ маў дви до́ньки. Тай стáрша полюбы́ла сы стáршого хло́пця, а моло́дша моло́дшого. Кáжутъ: „Мы ся будэ́мъ съ ны́мы побырáты!“ Тай оны́ ся такъ пибрáлы: стáрша взя́ла стáршого, а моло́дша моло́дшого хло́пця. Тай оны́ тамъ яки́-сь часы́ жы́лы, а видтáкъ моло́дша сэстрá сво́го чолови́ка нэзлюбы́ла. Тай хоти́ла ёго́ стрáтыты, то пислáла го до едно́го чорти́ўского ми́ста по гро́ши. А онá знáла, що то ми́сто въ тимъ дны мáе ся затрясты́.

Тай винъ идэ́, áлэ на доро́зи здыбáе ми́сяця, що клаў огэ́нь тай пикъ фáйку. Пытáеся ёго́ ми́сяць: „Дэ ты йдэшь?“— „До чорти́ўского ми́ста по гро́ши.“ —А ми́сяць кáжэ: „То й я иду́ съ тобо́ў.“ Тай пишлы́ обá. На доро́зи здыбáлы со́ньцэ, що кладэ́ огэ́нь и пэчэ́ фáйку. Со́ньцэ ся пытáе: „Дэ

вы йдэ́тэ?“—„Идэ́мъ до ми́ста по гро́ши.“—„То и я йду съ ва́мы.“—Пишлы́ вси тры. Тай зноў на доро́зи здыбалы ви́тра, що клаў огэ́нь и пикъ фа́йку. Ка́жэ имъ ви́тэръ: „Дэ вы йдэ́тэ?“—„До ми́ста по гро́ши.“—„Тай я иду́ съ ва́мы.“—Пишлы́ вжэ штыры. Иду́тъ тай надыбалы моро́зъ, що клаў огэ́нь тай пикъ фа́йку. Пыта́еся моро́зъ: „Дэ вы йдэ́тэ?“—„До ми́ста по гро́ши.“—„И я иду́ съ ва́мы.“—Пишлы́ вси да́ли. Тай тамъ сыды́тъ дощь, кладэ́ огэ́нь тай пэчэ́ фа́йку. Винъ та́ки пишо́ў съ ны́мы.

Прыхо́дятъ оны́ до ми́ста, до то́и чорти́ўскои ка́сы, тай той ка́жэ: „Да́йтэ мэни́ гро́шэй!“ Тогды́ чорты́ такъ ка́жутъ: „Якъ намъ вы́чэрпаешь изъ мо́ря во́ду, то дистанэшь гро́ши.“ Тогды́ ви́тэръ поду́ў, ста́лы витры́, во́ду вы́чэрпалы изъ мо́ря, засыпалы по́рохомъ, тай ста́ло су́хо. Тогды́ ка́жутъ чорты́: „Тэпэ́рь намъ до ра́на то ми́сцэ вы́оры, посі́й пшэны́цю, вы́жны и въ ко́пы зложы́, то ты дамо́ гро́ши.“ Стаў ви́тэръ, розсу́нуў зэ́млю и посі́яў пшэны́цю, со́ньцэ прыгри́ло, дощь пишо́ў,—за́разъ пшэны́ця зійшла́ и дозри́ла. Тай тогды́ вси ра́зомъ пишлы́, вы́жалы пшэны́цю и зложы́лы въ ко́пы. Пото́му вжэ чорты́ ка́жутъ: „Мы тобі́ щэ тыхъ гро́шэй нэ дамо́, ажъ по́ки зноў мо́рэ нэ ста́нэ по́ўнэ воды́, такъ якъ було́.“ Тогды́ ста́лы вэлы́ки дощі́, нальля́лы въ мо́рэ воды́, тай ста́ло по́ўнэ. Алэ щэ чорты́ ка́жутъ: „Мы накладэ́мъ пидъ зэлі́зный пьецъ симь пиўла́тэркиў дроў,—якъ тогды́ ся́дэшь на го́лый пьецъ и пообі́даешь на пьє́цу, то вжэ ты дамо́ гро́ши и самы́ вы́йдэмъ зъ то́го ми́ста.“ Тай напалы́лы въ зэлі́знимъ пьє́цу, ажъ буў циўко́мъ чэрво́ный, тай посады́лы его́ на той пьецъ. Алэ за́разъ прыйшо́ў моро́зъ и положы́ў ру́ку свою́ на пьецъ, то пьецъ стаў такі́й зы́мный, що той зача́ў зуба́мы клэ́нцаты и клы́чэ: „Дава́йтэ кожуха́, бо-мъ змэрзъ!“ Тогды́ чорты́ увы́дилы, що винъ ихъ пэрэграў, тай забра́лыся зъ то́го ми́ста гэть, а ему́ лышы́лы ка́су съ гри́шмы.

Алэ винъ вжэ до жоны́ ся нэ вэрта́ў. Позгрома́джуваў ты́сячу муляри́ў, зача́лы будува́ты новэ́ ми́сто. Тай обмурува́ў ми́сто му́ромъ и замкну́ў на штыры бра́мы—на ко́ждимъ тра́хти е́нча бра́ма: на едни́мъ чэрво́па, на дру́гимъ сы́на, на трэ́тимъ зэлэ́на, а на чэтвэ́ртимъ тра́хти жо́ўта.

Тай потому вжэ зостáў у тимъ мѝсти королéмъ, чэ́рэзъ то, що юшку вы́пыў зъ тóго птáха.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

—

б).*) Гдэ было, тамъ было, за чэрвэнымъ морёмъ, за скляняноў гороў, за соломяными двэрмы, за билымъ лисомъ, тамъ дэ воду грабаютъ й писокъ вяжутъ, буў той чоловикъ, що ми оповидаў, а я соби добрэ ўпамятаў таку прыповидку:

Быў одэнъ господаръ дужэ убогій, мэшкаў пидъ лисомъ; то винъ часто ходыў до лису—то за птахомъ, то за звирёмъ. Одного разу зловыў винъ дужэ красного пташка съ золотымъ пирёмъ и взяў его до-дому, всадыў въ клитку и такъ его коваў. Той господаръ нэ быў учэный, ани его диты, то нэ знали о своимъ счастью.

Ажъ одного разу йидэ панъ въ кочу штырма киньмы и визъ съ собою сына. Ажъ наразъ сынъ показуе витцу своему, колы переходылы коло хаты господаря: „Тату, подывится, якій тамъ пидъ стрихою въ клитци красный пташокъ!“ Панъ казаў кочишовы спэрты кони, самъ зійшоў зъ того коча и пишоў подывытыся на того пташка. Ажъ дывытся—на крыльцяхъ напысано: „Хто бы мэнэ зйиў, той всэ, колы встанэ зо спаня, найдэ пидъ собою два дукаты.“ Пану тая ричь сподобалася дужэ и заклыкаў господаря зъ хаты. И мовытъ до нэго: „Господарю, продай мэни того пташка, дамъ тоби за нэго сто дукатиў!“ А господаръ на тое кажэ: „Панэ, я дужэ убогій, то колы диты просятъ йисты, а я нэ маю имъ що даты, то оны и цилый дэнь бавятся пташкомъ, а нэ докучаютъ ми плачомъ; а тоты дукаты внэтъ бы ся розійшлы, то я нэ продамъ пташка ни-за-що!“ Панъ мовытъ господарю: „Дай мэни пташка, а я тоби дамъ ґрунту подостатокъ и будэшь биля мэнэ жыў до смэрты!“ На тое господаръ згодыўся и пишоў съ паномъ.

Алэ господарова донька дужэ сподобалася пановому сыновы, то ожэныўся съ нэю. По вэсилю

*) Ударенія въ этой посторонней записи не отмѣчены.

панъ казаў кухарёвы, жэбы прыправыў пташка того, що купыў видъ господаря. Кухаръ зробыў, якъ панъ казаў. Колы вжэ пташка вырыхтуваў, лёкай писъ для пана, алэ забыў видэльци тай лышыў талиръ съ пташкомъ въ синёхъ, а самъ щэ вэрнуўся. Тамъ бавылыся хлопци того господаря, тай старшій ўхопыў пташка, розорваў надвое, зйиў одну часть самъ, а другу даў брату, и той такожъ зйиў. Лёкай прыйшоў съ видэльцямы, а пташка южъ нэма. Вэрнуўся дъ кухарёвы, радятся—що робыты? Кухаръ взяў малэ куря, высмажыў, а лёкай виднисъ для пана, тай панъ зйиў. Но панъ лэмъ чэкаў ночы: рано встаў, глядае по постэлы за дукатамы, алэ дукатиў нэма. Пэрэйшла и друга ничь —дукатиў заўсэ нэма. Въ той часъ склыкаў панъ кухаря и лёкая тай пытае: „А що вы зробылы съ золотымъ пташкомъ?“ Оны почалы цыганыты, но вкиньцы мусилы повисты, що сталося. Панъ, колы довидаўся, що то хлопци зйилы пташка, прыклыкаў стрильця и мовытъ до нэго: „Мусышь мэни зробыты розказъ, бо якъ-бы-сь мэнэ нэ послухаў, то я тэбэ прожэну зъ мого двора, а якъ мэнэ послухаешь, то я тэбэ добрэ обдарую; возьмы, кажэ, тыхъ двохъ хлопциў въ лисъ и застриль ихъ, а прынэсы мэни зъ ныхъ очы на-ўказъ!“ Стрилэцъ пана послухаў, взяў тыхъ двохъ хлопциў съ собою тай въ лисъ попровадыў. Прыходытъ пидъ лисъ тай вытягнуў стрильбу до хлопциў, щобы ихъ застрилыты, ажъ на счастье приходытъ другого пана лисничій тай крычытъ: „А бій жэ ся Бога, що ты думаешь робыты?“ Той на тіи слова застановыўся тай мовытъ: „Мэни самому жаль тыхъ дитэй, но мушу розказъ паньскій робыты!“ На тое другый кажэ: „Ты-бы-сь за ти диты зъ пэкла николы нэ выйшоў!“—„Алэ кой я мушу зъ ныхъ прынэсты очы на-ўказъ!“—Другій на тое: „Дывыся—тамъ полэмъ бижытъ лысъ; застриль его, а очы выймы, то будэшь маў на-ўказъ.“—„Алэ гдэ возьму другыхъ двохъ очэй?“—„Виджалуй свого пса, кажэ, застриль его, а очы выймы!“—Послухаў его стрилэцъ. Въ той часъ мовытъ до хлопциў: „Диты люби, идитъ тэпэрь въ сьвитъ за очы, жэбы-сьтэ николы нэ прыходылы до-дому, бо я бы пишоў на смэрть!“

Хлопци въ той часъ забралыся въ подорожъ лисомъ, алэ жэ лисъ буў вэлыкій, то его нэ пэрэйшлы чэ-

рэзъ дэнь. Тогды надэрлы соби моху, постэлылы тай полигалы спаты. Рано поўставалы, алэ и нэ дывылыся, чи тамъ е дэ-що, забралыся тай пишлы далэ лисомъ. Алэ въ другій дэнь нэ выйшлы зъ лиса, зноў тамъ ночовалы, а дукаты зосталы. Ажъ въ трэтій дэнь вэчэромъ выйшлы зъ лиса и прійшлы до однои хаты, що була пидъ лисомъ. Війшлы до тои хаты, а тамъ лэмъ одна баба была. Тай почалы еи просыты, абы ихъ пэрэночовала, но баба видповила: „Диты люби, я васъ нэ можу ночоваты, бо я дужэ рано иду па заробокъ, а вы нэ будэтэ хотилы вставаты." Но диты почалы плакаты, то баба ихъ южъ прыяла. Алэ рано баба встала тай хлопциў пробужае, ажъ дывится—два дукаты пидъ однымъ, а два пидъ другымъ. Но хлопциў нэ могла добудытыся, то дала имъ спокій, тилько дукаты сховала. Видъ того часу южъ баба бильшэ на заробокъ нэ ходыла, а хлопциў пры соби трымала. И такъ ся баба по-пры хлопцяхъ збогатила, що купыла соби въ мисти муруваныцу и ґрунта и чэлядь сы еднала. Но одного разу пани пишла до миста, а кухарка пишла до пыўныци по молоко. Тай хлопци пишлы за нэю и звалылы горнэцъ молока. Кухарка почала крычаты на хлопциў: „Вы лотры, то за тое таку шкоду пани робытэ, що васъ выховала!" Хлопци ўстрашылыся тай утиклы видъ пани.

Зайшлы въ одэнъ лисъ, та ихъ тамъ зайшла ничь, но оны надэрлы сы моху тай полигалы спаты. Рано встають, дывятся—на одній постэлы два дукаты и на другій два. Въ той часъ подумалы соби, жэ мала ихъ за-що пани ховаты. Но назадъ нэ вэрнулы, ходылы по сьвиту. Разъ прійшлы до миста, въ котримъ была комэдія. Тай пишлы оба и купылы соби тамъ шисть звирэй: два воўки, два мэдвэди и два львы, и купылы стрильбу и саблю—одэнъ и другій. Такъ ходылы оба ўразъ по сьвиту. Ажъ одного разу мовытъ молодшій до старшого: „Братэ, нэ добрэ намъ обомъ ўразъ ходыты; розійдмэся, а колы ся даколы зыйдэмэ, то одэнъ другому будэмэ оповидаты, що котрый по сьвиту выдиў." Якъ урадылы, такъ и зробылы. Прійшлы на крыжову дорогу, а пры дорози была дуплава вэрба. Молодшій до старшого кажэ: „Братэ, трэба запяты до тои вэрбы нижъ, а якъ ся котрый повэрнэмэ ўзадъ и увыдымэ, що вистрѣе нэ заржавлэнэ, то будэ знакъ, що оба

жіемо; алэ якъ будэ дакотра сторона заржавлэна, то знакъ, жэ одэнъ нэ жіемо!“ Згодылыся на тое тай розпрощалыся и розійшлыся.

Разъ прыходытъ старшій до одного миста и пійшоў до найбогатшои трактыярни и мовытъ до трактыярныка: „Панэ, дай мэни чотыры порціи мяса!“—„А то на що? прэцинь нэ зйишь за чотырохъ!“—„Най то пана нэ обходытъ, лэмъ най ми панъ дае!“—Въ той часъ заклыкаў звирэй зъ двору и даў кождому по одной порціи. По обиди пытае подорожный: „Панэ, що тутъ чуты нового?“ На тое трактыярныкъ: „Злэ у насъ! такъ чуты, жэ всихъ жыдиў будутъ ризаты; алэ я нэ маю страху, бо я сы спровадыў фляшочку ликиў, то колы ми видотнутъ голову, то жэна ми намастытъ каркъ и голову, то ми ся зростэ.“ И показаў фляшочку подорожному тай поставыў на лави, а самъ гдэ-сь обэрнуўся. Тымчасомъ мэдвидь схопыў тую фляшочку зъ лавы, стысъ мэжы пальци, а подорожный заплатыў за страву тай видійшоў. Навэтъ трактыярныкъ нэ бачыў, що сталося. Колы выйшлы въ полэ и шлы коло одной грушки, то мэдвидь загрюбъ фляшочку пидъ грушку, тай пишлы далэ.

Вкиньцы прійшлы до миста цисарского. Подорожный вступыў до трактыярни и зноў пытае: „Що ту чуты?“—„Нэ добрэ! объявыўся тутъ смокъ и водымэ ему за-коляёў по одного чоловика, а заўтра пидэ цисарска диўка на пожэртя!“—Подорожный на тое: „Мэни якъ-бы ся хотило, то я-бы ей нэ даў зйисты!“ Трактыярныкъ даў знаты до цисаря. Цисаръ прыслаў кочъ за подорожнымъ, но винъ нэ пишоў. Въ другій дэнь подорожный пишоў пидъ скалу, гдэ быў смокъ; а была тамъ каплыця, то сы стаў за каплыцю. Ажъ надходытъ кочишъ съ прэнцызною въ кочу. Прэнцызна війшла до каплыци тай молылася доўго. Смокъ выголоднიўся добрэ тай выйшоў зъ диры и пустыўся просто до каплыци. Въ той часъ подорожный защуваў звирямы сзаду: звиры сзаду жэрлы, а винъ съ саблэю до голоў забраўся и видтяў смоковы вси 12 голоў. Звиры головы порозвликалы, тилько языки винъ выняў и сховаў. Прэнцызна до нэго кажэ: „Що сы жычышь за ту услугу?“—„Якъ маешь охоту за мэнэ замужъ питы, то тилько жэланя!“—„Добрэ! на-тоби на знакъ

половыну пэрстэня и половыну хусточки, а другу половыну я возьму."—„Добрэ! но доки я мамъ ждаты?"—„Въ протягу року!"—Попрощалыся тай розійшлыся. Кочишъ заяў до миста, а подорожный лигъ спаты.

Но кочишъ обозриўся и увыдиў, що той спытъ, то повэрнуў ўзадъ, позбыраў головы до брычки, а самъ пишоў дъ подорожному тай видтяў ему голову. И повэрнуў до брычки тай заяў до миста. Но якъ прыйшоў кочишъ на одэнъ мистъ, мовытъ до прэнцызны: „Прысяжъ пэрэдъ мною, жэ будэшь моею жэною, то будэшь жыты, а якъ нэ прысяжэшь, то тэбэ кину зъ моста!" Прэнцызна прысягла. Колы прійшлы до миста, кождый ся пытае—що сталося? Кочишъ мовытъ, що смока убыў, то прэнцызну вэзэ до-дому. Нэ далы виры. Кочишъ показаў 12 голоў—въ той часъ звирылы. Цисаръ мовытъ до кочиша: „То якъ-жэ ты смока забыў?"—„Батогомъ! я такъ сыльно быў, що за кождымъ разомъ голова видпала."—„Но, то я тэбэ ожэню съ моею диўкою." И хотиў заразъ обое винчаты, алэ прэнцызна новила, що за рикъ нэ будэ ся выдаваты, и ждала рикъ.

Въ той часъ звиры дывятся, а панъ головы нэ мае, що му кочишъ видтяў. Мэдвидь побигъ пидъ грушу, выгрюбъ фляшочку, прыйшоў дъ пану и намастыў наркъ и голову и зложыў въ-одно. Панъ встаў, но голова на плэчахъ обэрнэна. Панъ мовытъ: „А що вы зо мною зробылы?" Зъ того смутку лигъ спаты. Мэдвидь взяў саблю, видтяў пану голову и зложыў, якъ ся налэжытъ. Той встаў и пишоў по сьвиту.

Въ той часъ южъ цисаръ зачаў вэсилье справляты. А подорожный прыходытъ до трактыярни и пытаеся: „А що тутъ чуты нового?"—„Добрэ чуты у насъ: днэсь выдаеся прэнцызна, котра мала питы линьского року смоковы на пожэртя.—"Подорожный кажэ: „А чому нэ пишла?" „Бо одэнъ кочишъ смоковы 12 голоў видтяў, то за нэго ся выдае; ой, кобы мы тое йилы, що тамъ будутъ!" Подорожный кажэ: „Якъбы-мъ хотиў, то мы бы йилы!"—Трактыярныкъ заложыўся съ подорожнымъ: „Я тоби дамъ мою трактыярню, якъ мы будэмо тое йилы!"—Подорожный напысаў картку, вложыў въ кошычокъ, кошычокъ заложыў воўковы на шыю и выправыў его до цисарского бур-

ку. Воўкъ пишоў. Въ бурку прэнцызна познала, чій воўкъ. взяла картку, пэрэчытала и одослала кождого йиджиня до трактыярни. Трактыярныкъ въ плачъ: „Южъ по мойій трактыярны!“ Но подорожный влагойиў его: „Еслы будэшь снаў въ стайны въ жолоби, а твій слуга въ твоимъ лижку за тры ночы, то трактыярня твоя!“ Згодыўся на тое и зробыты такъ мусиў трактыярныкъ: Прэнцызна по подорожного прыслала кочъ, абы прыходыў на вэсилье. Подорожный прыйшоў. Въ той часъ прэнцызна мовытъ: „Паньство вэльможнэ! я одно слово поспытаю васъ: чы вартае що прымушэна прысяга?“ Одповилы: „Нэ заўсэ!“—„Я прысягла, мовытъ, сама зъ прымусу: якъ мэнэ визъ кочишъ зъ-пидъ скалы, хотиў мя кипуты зъ моста, якъ пэрэдъ нымъ нэ прысяжу, що за иншого нэ выйду за-мужъ, лэмъ за нэго; а то той подорожный забыў смока!“—„Но то нэ можэ буты праўда, бо кочишъ прывизъ 12 голоў!“—Прэнцызна мовытъ: „Я дала ему знакъ, що за иншого нэ выйду за-мужъ.“ И выняла половыну хустыны и половыну пэрстэня.—„А тэпэрь ты покажы свои знаки!“—Той показаў такожъ, зложылы въ-одно—здалося. Пры тимъ показаў ещэ 12 языкиў. Въ той часъ кочиша розирвалы за киньмы, а подорожный ожэныўся съ прэнцызною.

По вэсилю пытае винъ разъ въ ночы жэны: „А що то тамъ на гори сьвитытся?“ Но нэ повила ему. Рано взяў съ собою звирэй и пишоў на гору, а тамъ была стара хата, а коло хаты сами трупы. Войшоў до хаты, а въ хати была Баба-Язя. Тай пытае: „А по-що тутъ панъ прійшоў съ звирыною? чы жэбы мэнэ звирына зйила?“—„Ни, нэ за-тое!“—Тай баба мовытъ: „Ану, якъ-бы тымъ прутыкомъ чвикнуў звирэй?“—„А то спробуй!“—Баба звирэй чвикла, и пана, то скамэнилы.

Ажъ вэртае молодшій братъ къ вэрби, выняў нижъ, а вистря заржавлэнэ.—„Ого! южъ мій братъ нэ жіе!“—И пійшоў тою самою дорогою, що и его братъ. и прійшоў до тои самои трактыярни, до цисарского миста. И пытае: „Що ту чуты?“—„Чуты, жэ ся за вамы барзъ засмутыла ваша жэна прэнцызна.“—Той пишоў до цисаря, то тамъ ся нымъ барзъ потишылы, бо думалы, що то молодый цисаръ. Ввэчэръ запросыла цисарова его до лижка. Винъ лигъ, алэ положыў саблю до лижка на-

сэрэдыну и мовытъ: „Такъ лэжы, якъ тая сабля!“ Дывытся, а на гори що-сь сьвитытся. Она ему кажэ: „Нэ ходы тамъ більшэ николы, бо тамъ кто пидэ, то назадъ нэ вэрнэ!“ Той рано взяў съ собою звирэй и прыходытъ дъ хати. Дывытся, а тутъ лэжытъ чоловикъ и тры звиры. Позпаў, що то его братъ, набыў γвэръ, взяў въ руку саблю и отворыў двэри. Баба, якъ до пэршого, такъ и до нэго почала облэснэ говорыты. Алэ той мовытъ: „Бабо, положы прутыкъ, бо якъ нэ положышь, то тя застрилю!“ Баба прутъ положыла, а винъ защуваў бабу звирамы. Баба зъ-болю мовытъ: „Чоловичэ, даруй ми, а я тэбэ прыпроваджу до такои керныци, що якъ тою водою покропышь брата, то ожіе.“ И повэла его, алэ звиры въ зубахъ еи трымалы. Колы прійшлы до керныци, чоловикъ вложыў кій до воды, а кій запалыўся. Въ той часъ защуваў на-ново бабу звирамы, то баба повэла его до иншои кэрныци. Подорожный вложыў зноў кій до воды, а кій позэлэниў и пустыў лыстье и заквитъ. Винъ зачэръ воды до капэлюха и пишоў дъ брату, покропыў его тою водою и его звирэй, тай поўставалы вси. Тогды защуваў шистьма звирамы бабу, тай ю розирвалы.

Колы ишлы до-дому, молодшій кажэ: „Братэ, я тои ночы спаў съ твоею жэною!“ Старшій ишоў сзаду, взяў саблю тай видтяў ему голову. А самъ пишоў до-дому; звирэй хотиў взяты, алэ нэ пишлы. Колы прійшоў до-дому, кажэ: „Жэно, я злэ здилаў!“—„А що таке?“—„Я забыў свого брата! похвалыўся мэни, жэ съ тобою спаў!“—„То ты злэ зробыў; я думала, що то ты самъ, алэ винъ положыў саблю до сэрэдыны, щобы-мъ такъ лэжала, якъ сабля.“—Стало ему жаль за братомъ и вэрнуўся на тое мисцэ, гдэ его зоставыў. Колы надійшоў на тое мисцэ, почалы звиры выты, дъ нэму прыскакуваты и впэрэдъ нэго бигаты, и то такъ доўго, ажъ поки ся нэ надумаў, що оны хотятъ: вкиньцы прывэлы его до керныци, то тамъ начэръ воды. Въ той часъ звиры побиглы впэрэдъ дъ брату, а той за нымы. Покропыў его тою водою и той ожывыўся тай встаў.

Оба пишлы до-дому. На дорози урадылы соби такъ: „Нэ даймося пизнаты въ бурку!“ Якъ прійшлы до-дому, нэ познаў нихто, котрый цисарскій зять. Вкиньцы по-

чала молода цисарова просыты: „Ознаймитъ, котрый вы мій мужъ!“ Но нэ ознаймылы. Молода цисарова пишла мижъ людэй на пораду. Людэ давалы всяку раду. Цисарова вси пробы робыла, но жаднымъ способомъ нэ довидалася, котрый еи мужъ. Ажъ одна баба дала йій такои рады: взяла цисарова до михура свижои кровы, прыйшла до ныхъ и мовытъ: „Прызнайтэся, котрый вы мій мужъ!“ Но нэ прызналыся. Въ той часъ пхнула нижъ до михура, а михуръ мала пидъ пахою; кроў почала ся льляты, а цисарова упала нибы нэжыва. Въ той часъ скочылы оба ратоваты. Тай мовытъ старшій братъ: „Алэ я ажъ тэпэрь глупый жартъ выстроиў! нэ мигъ я даўно прызнатыся!“—Почаў плакаты и мовытъ: „Про глупый жартъ нэ буду маў жэны!“ Въ той часъ цисарова встала, познала, котрый еи мужъ и показала ему штуку, що она нэ до сэбэ нижъ ўпяла, лэмъ до михура.

Отъ того часу жылы счаслыво обое. Брата обдарылы добрэ, а колы дозналыся, що ужэ той панъ умэръ, то далы брату подостаткомъ грошэй, щобы и витцу на стари лита лэкшэ было дыхаты. Попрощалыся тай пишоў братъ дъ своему витцу. Найшоў его и матирь жывыхъ, ознаймыў имъ о всимъ, що сталося, чэрэзъ що вэлыку утиху малы. И прожылы въ радосты до смэрты, а якъ нэ помэрлы, то и додись жіютъ.

(Сообщено о. А. С. Хилякомъ отъ Николая Кирпана изъ с. Тылявы, кросненскаго уѣзда.)

32.

Чудесная рыба.

Разъ пишо́ў рыба́къ на ры́бы тай пойима́ў една́ ры́бу чэрво́ну, бэзъ хвоста́. Тай ка́жэ: „Я тэбэ́ ззимъ!“ А ры́ба ка́жэ: „Нэ йиджъ мэнэ́, то якъ прыйдэ́шь до-до́му, будэ́шь ма́ты на столи́ горня́ ка́ши!“ Тай винъ тогды́ йи пусты́ў. Прыхо́дытъ до-до́му, а ка́ши нэма́. Винъ тогды́ зноў пишо́ў на ры́бы тай пойима́ў зноў ту-саму́ ры́бу и ка-

жэ: „Вжэ тэпэ́рь тэбэ́ ззимъ!“ Алэ она́ ка́жэ: „Нэ йиджъ, то бу́дэшь ма́ты на столи́ горня́ ка́ши!“ Винъ ры́бу пусты́ў, прыхо́дытъ до-до́му, а ка́ши нэма́. Тай пишо́ў въ трэ́тый разъ. ту-саму́ ры́бу пойима́ў тай ка́жэ: „Ажэ́нь тэпэ́рь тэбэ́ ззимъ! вжэ мя би́льшэ нэ зду́рышь!“ Алэ ры́ба ка́жэ: „Нэ йиджъ мя, то бу́дэшь ма́ты до́ма за́ўжды горня́ ка́ши!“ Тай ка́жэ: „А якъ що схо́чэшь ма́ты, то скажы́: съ бо́жои мо́цы до помо́цы!—то ты ся за́разъ всё ста́нэ, що схо́чэшь!“

Тай винъ тогды́ ка́жэ: „Съ бо́жои мо́цы до помо́цы—абы́-мъ маў такі́й возо́къ, абы́ самъ йи́хаў!“ За́разъ му ся такі́й возо́къ зъявы́ў, винъ сиў и пойи́хаў. Тай йи́дэ, а тамъ ся ды́вытъ ци́сарова донька́ кру́зь викно́ (бо йи тамъ ци́сарь замкну́ў, абы́ она́ ни съ кимъ нэ говоры́ла). А той надйи́хаў тай ка́жэ: „Съ бо́жои мо́цы до помо́цы—абы́ мэни́ та па́нна дыты́ну почу́ла!“ Тай она́ за́разъ зайшла́ въ тяжь тай пото́му поро́дыла хло́пця.

И въ симь литъ той хло́пэць зача́ў говоры́ты. Пыта́ется его́ ци́сарь: „Цы спизна́ў-бы ты сво́го витця́?“ А винъ ка́жэ, жэ спизна́ў-бы за́разъ. Тогды́ ци́сарь зигна́ў всі́й край на едно́ по́лэ, а той хло́пэць хо́дытъ и шука́е сво́го витця́. Ажъ прыйшо́ў идъ то́му рыбако́вы тай ка́жэ: „О-то́ мі́й отэ́ць!“

Тай тогды́ ци́сарь каза́ў ихъ обо́е и хло́пця съ ни́мы ке́нуты до вязни́ци. Тай оны́ тамъ сыди́лы голо́дни, бо лышэ́ имъ даю́тъ на́-дэнь едну́ бу́лку тай склянку воды́—для всихъ тройхъ. Алэ винъ тогды́ ка́жэ: „Съ бо́жои мо́цы до помо́цы—най мы ту ста́нэ по́ўнэ горня́ ка́ши!“ За́разъ ся зъявы́ло и оны́ ся найи́лы до́брэ. Тогды́ вжэ тота́ ци́сарова донька́ ка́жэ: „Ой, кобы́ туй хоть ви́кна бу́лы, бо тэ́мно ду́жэ!“ То винъ то сло́во сказа́ў и за́разъ ста́лы таки́ высо́ки ви́кна, якъ въ двори́. Тогды́ винъ вжэ ка́жэ такъ: „Съ бо́жои мо́цы до помо́цы—абы́ на гори́, на на́йвысшій, за́разъ мэни́ ста́ў короли́ўскій двиръ тай абы́ мы, ка́жэ, за́разъ въ тимъ двори́ ста́лы!“ Лэ́двэ ся огляну́лы, вжэ за́разъ въ тимъ двори́ ста́лы.

Пото́му она́ разъ ка́жэ: „Ой, кобы́ я ся щэ съ мои́мъ та́томъ увы́дила!“ А винъ ка́жэ: „Та чому́ ни? увы́дышься!“ И ка́жэ: „Съ бо́жои мо́цы до помо́цы—абы́ видъ мо́го двора́ до циса́рского ста́ў госты́нэцъ и ста́лы пта́хи въ клитка́хъ по-пры госты́нэцъ и ру́жи квиту́чи!“ Тогды́ ци́сарь увы́диў той го-

стынэцъ тай кажэ: „Що то такого е?“ Тай взяў сы на пиўроку хлиба тай пойихаў. Алэ нэ стало му на дорози хлиба тай ся вэрнўў до-дому. Тогды вжэ взяў сы хлиба на два роки тай йидэ доли тымъ гостынцэмъ. Тай хотиў взяты едного птаха съ клиткоў, але го хто-сь ударыў въ пысокъ, а нэ выдиў — хто? Тай пойихаў дали — увыдиў на гори красный двиръ. А той ёго зять выйшоў зо двора на ганокъ тай кажэ: „Съ божои моцы до помоцы — абы тому цисаровы зъ колинъ кроў тэкла!“ Тогды заразъ цисаръ зачаў лизты на колинахъ до того двора на-гору, тай му зачала кроў зъ колинъ тэчы.

И оны ся тамъ балювалы бэзъ тры роки, але ся тота ёго донька и зять татовы нэ спизналы, що то оны ёго диты. А по трёхъ рокахъ той вжэ кажэ: „Съ божои моцы до помоцы — абы тато стаў въ своимъ двори!“ Тай цисаръ тогды заразъ стаў въ своимъ двори въ лижку. Тай збудыўся тай ся дужэ дывуе, якъ то винъ за едну ничь пэрэйшоў таку дорогу, що пэршэ два роки мусиў йихаты? А той тогды ёго зять зноў сказаў: „Съ божои моцы до помоцы — абы ся той гостынэцъ запаў въ болото!“ То вжэ цисаръ до ныхъ бильшэ нэ прыйихджаў, бо нэ знаў куды. А оны соби въ своимъ двори панувалы ажэнь до смэрты.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

33.

Платокъ, шляпа и топоръ.

Було тры брати и вси тры пишлы до войска и сталы въ войску старшымы. А тамъ буў едэнъ министэръ, маў дужэ вэлыки грошы въ каси, тай ти грошы кождои ночы хто-сь краў, а нэ знаты — хто? И винъ кождои ночы ставыў тамъ сторожу, алэ все що-сь вояки ў забывало.

Алэ той наймолодшый братъ кажэ: „Я пиду тои ночы стэрэчы!“ Тай пишоў до ксендза, даў му ксёндзъ

ко́лэсо́ сьвячо́нэ п понапы́сўваў на тимъ ко́лэси золоти́ ли́тэры и даў му щэ кра́йды сьвячо́нои. Пишо́ў винъ съ тымъ на сто́рожу и стаў соби́ на тимъ ко́лэси. А ту въ ночы́ такі́й шумъ зъявы́ўся, таки́ су́витры ста́лы, тай зача́ло въ нёго и́скрамы тай головни́ма мэта́ты. А винъ съ то́го ко́лэса а́ни ру́хаеся. Ско́ро то блы́зчэ идъ нёму прыйшло́ тай за́разъ прыйшла́ па́ни и ка́жэ: „Прыймы́ мэнэ́ на́-ничь!“ А винъ ка́жэ: „Та йды тамъ до бу́дки тай спы!“ Она́ ка́жэ: „Алэ абы́-сь мя о 12-ій годы́ни збуды́ў!“ Прыйшла́ 12-та годы́на, винъ поко́ўтаў ɣвы́ромъ до бу́дки и она́ вста́ла. Тай ка́жэ: „На́-тоби́ то хустя́тко въ дариў щы́ну!“ А винъ ка́жэ: „Вэрзь тамъ, дэ-сь спа́ла!“ Тай такъ пишо́ў и дру́гои но́чы на ва́рту. Стои́тъ на ко́лэси, а ту ста́лы су́витры тай зноў въ нёго головни́ма мэ́чэ. Алэ винъ съ то́го ко́лэса а́ни ся нэ ру́шыў. Прыйшла́ дъ нёму тота́ па́ни тай ка́жэ: „Прыймы́ мэнэ́ на́-ничь!“—„Иды́ до бу́дки, я ты нэ боро́ню!“ Тай она́ пишла́ тай ка́жэ: „Абы́-сь мя зноў о 12-ій годы́ни збуды́ў!“ Прыйшла́ 12-та годы́на, винъ поко́ўтаў ɣвы́ромъ, она́ вы́йшла тай ка́жэ: „На́-тоби́ дариўщы́ну о-то́й капэлю́шокъ!“—„Вэрзь тамъ, дэ-сь спа́ла!“—Зноў такъ винъ пишо́ў трэ́тои но́чы на сто́рожу. Тай тутъ лэтя́тъ во́роны, такъ ква́каютъ изъ-да́лэка, тай зача́ло и́скрамы мэта́ты въ нёго, ажъ му обгори́лы бро́ва тай воло́сье. Тай якъ то прыйшло́ блы́зчэ, за́разъ прыйшла́ идъ нёму па́ни тай ка́жэ: „Прыймы́ мэнэ́ на́-ничь!“—„Иды́ тамъ, дэ-сь пэ́ршэ спа́ла!“—Она́ пишла́, а винъ йи о 12-ій годы́ни ɣвы́ромъ збуды́ў. Тогды́ она́ ка́жэ: „На́-тоби́ о-ту́ соки́рку!“—„Вэрзь тамъ, дэ-сь спа́ла!“—Алэ она́ ка́жэ: „Тота́ соки́рка, якъ будэ́шь нэў тря́сты, то буду́тъ зъ нэ́и гро́ши лэти́ты, ки́лько схо́чэшь; а той капэлю́шокъ якъ зало́жышь на го́лову и покру́тышь въ ли́вый бикъ, то за́разъ ста́нэ ко́ло тэ́бэ по́ўно во́йска; а хусты́на, якъ ся накры́ешь нэў, то нихто́ тя нэ увы́дытъ, абы́-сь дэ́ буў.“ Тай винъ тото́ видъ нэ́и забра́ў тай пишо́ў.

Тай надвэ́ргся тоў хусты́ноў и пойи́хаў пидъ е́нчого ци́сара, тай нихто́ го нэ вы́диў. А тамъ ка́жэ той ци́саръ: „Хто съ мо́еў донько́ў бу́дэ гра́ты въ ка́рты цилу́ ничь, то бу́дэ ся съ нэў побыра́ты!“ Винъ

тогды́ пишо́ў и ка́жэ: „Я бу́ду съ нэў гра́ты въ ка́рты!“ Гра́е съ нэў цилу́ ничь тай всэ тоў соки́ркоў трясэ́, а зъ нэ́и ся гро́ши сы́плють. Такъ гра́лы ажэ́нь до трэ́тои годы́ны по пи́ўночы. Якъ она́ увы́дила, що му нэ мо́жэ да́ты ра́ды, тогды́ звары́ла ёму́ за́разъ тако́и ка́вы, абы́ усну́ў. Винъ ся то́и ка́вы напы́ў—за́разъ усну́ў. А она́ видъ нёго тогды́ ту соки́рку видокра́ла, тай пишла́ бо́рзо до коваля́, зробы́ла е́нчу соки́рку съ диро́ў, насы́пала у соки́рку тро́ха гро́шэй и положы́ла ко́ло нёго. Тогды́ винъ встаў и зача́ў зноў съ нэў въ ка́рты гра́ты. Тай вы́трясъ изъ то́и соки́рки вси гро́ши, тай му вжэ гро́шэй нэ ста́ло. Тогды́ ёго́ тамъ набы́лы тай нагна́лы.

А винъ взяў, заложы́ў капэлю́хъ на го́лову, покруты́ў въ ли́вый бикъ, за́разъ ста́ло ко́ло нёго кима́ во́йска. Тай зача́ло то во́йско бы́ты до ци́сарового бу́рку. Тогды́ та ци́сарова донька́ вы́йшла и зача́ла ёго́ пэрэпро́шуваты. Тай заклы́кала ёго́ до сво́го поко́ю, капэлю́шокъ му видобра́ла, тай тогды́ го тамъ набы́лы и нагна́лы зноў.

Винъ тогды́ взяў, надвэ́ргся хустя́тёмъ, пишо́ў до поко́ю и лягъ сы пидъ сто́лыкъ. А ку́харъ тамъ всэ но́сыть на стиў йи́сты, а той всэ вывэрта́е. Алэ жо́ўниръ тамъ стоя́ў на ва́рти тай до́брэ прыдывы́ўся тай увы́диў, що пидъ столо́мъ ке́ва́еся кинье́. То хопы́ў рукоў пидъ стиў, зирва́ў съ то́го хустя́, тогды́ го вжэ вси увы́дилы. Тогды́ зноў го набы́лы тай вы́гналы гэть.

Тай винъ тогды́ пишо́ў и наймы́ўся у едно́го па́на на слу́жбу. Той панъ дэ-сь йи́хаў въ доро́гу тай ка́жэ до нёго: „Абы́-сь ту всю́да поря́дки робы́ў и замита́ў, лышэ́ абы́-сь ни́гды нэ йшоў до то́го поко́ю, що лы́комъ завя́заный!“ Алэ винъ буў ду́жэ цика́вый подывы́тыся до то́го поко́ю тай пишо́ў. Винъ ды́вытся—ны́чь нэма́, лышэ́ смитье́ по коли́на, на-сэрэды́ни сто́лыкъ, а въ сто́лыку шуфля́дка. Винъ ту шуфля́дку витворы́ў, а тамъ е я́щыкъ, а въ тимъ я́щыку сыды́ть то́го па́на хо́ванэць. Винъ той я́щыкъ съ тымъ чо́ртыкомъ взяў у кешэ́ню и пишо́ў гэть.

Тай пишо́ў съ тымъ зноў до то́го само́го ми́ста, дэ та ци́сарова донька́ бу́ла, тай въ ти́мъ ми́сти стаў мэ́шкаты.

Тай ка́жэ въ ночы́ до то́го хо́ванця: „Иды́, прынэсы́ мэни́ тоту́ ци́сарову до́ньку!“ Хо́ванэць полэ́тиу́ тай за́разъ му йи прыни́съ до ли́жка, а пото́му ра́но видни́съ йи наза́дъ до-до́му. Алэ она́ за́разъ засла́бла. Тогды́ ци́саръ спрова́дыу́ дохто́риу́, а дохто́ри ка́жуть: „То она́ то́и по́чы съ хло́помъ спа́ла тай видъ то́го слаба́“. Тогды́ на дру́гу ничь насы́палы въ ей ли́жко ма́ку, абы́ той макъ сыпау́ся й такъ доро́гу показа́у́, куда́ ей но́сыть. Алэ той хо́ванэць йи взяу́ и пони́съ таки́ми дэ́брамы, що и пта́хи нэ долита́ють, абы́ ци́саръ нэ знау́, дэ макъ ся розсыпа́у́. Тай ра́но йи зно́у́ видни́съ до ей поко́ю. Тамъ пишлы́ вжэ за сьлидо́мъ шука́ты, а́лэ дэ́ тамъ? зайшлы́ въ таки́ дэ́бры, що й ру́шытыся нэ можъ. Тай ся вэрну́лы до-до́му, нэ довидалыся ницъ. Трэ́тои но́чы вжэ поста́вылы ко́ло нэ́и сто́рожу. Той зноу́ пысла́у́ хо́ванця по нэ́и, то чортъ полэ́тиу́, загасы́у́ тамъ ля́мпу, сто́рожу побы́у́, а ци́сарову доньку́ взяу́ и прыни́съ до нэ́го, а пото́му видни́съ йи ра́но наза́дъ.

Тогды́ вжэ ци́саръ сказа́у́: „Хто мо́ю доньку́ брау́ у ночы́, той най вжэ ска́жэ, то ся бу́дэ съ нэу́ побыра́ты!“ Тогды́ винъ пишо́у́ и ка́жэ: „То я йи брау́ до сэ́бэ!“ Тай оны́ ся тогды́ обо́е побра́лы—тай конэ́ць.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

34.

Собака, кошка и змѣя.

Наймы́у́ся едэ́нъ хло́пэць у ɣа́зды за тры гро́ши на рикъ. Вы́служыу́ той рикъ, взяу́ заслужэны́ны тры гро́ши тай пишо́у́. Идэ́, а тамъ нэсэ́ чолови́къ пса.—„Дэ нэсэ́тэ, ɣа́здо, пса?“—„Нэ́су въ лисъ за́быты, бо вжэ, ка́жэ, ко́ло ха́ты нэзда́лый.“—Хло́пэць ка́жэ: „Нэ у́бывайтэ, я вамъ дамъ едэ́нъ гришъ за нэ́го, да́йтэ мэни́!“ Га́зда ся ути́шыу́, взяу́ гришъ и дау́ му то́го пса.

Идэ́ винъ съ тымъ псомъ, а тамъ зноу́ нэсэ́ чолови́къ кота́.—„Дэ нэсэ́тэ кота́?“—„Нэ́су до воды́ топы́ты, бо нэзда́-

лый.“—„На́-тэ вамъ гришъ, да́йтэ мэни́ кота́!“—Т а й д а ў г р и ш ъ, в з я ў с ы к о т а́ и п и ш о́ ў.

Тай идэ́, а тамъ такъ х л о́ п ц и г а́ д ы н у б ь ю т ъ. Винъ ка́жэ: „Йой, пэ быйтэ йи, на́-тэ вамъ гришъ тай пусти́тъ йи!“ Тай д а ў и м ъ г р и ш ъ, а г а́ д ы н а т о г д ы́ з а н ы м ъ л и́ з э. Тай ка́жэ до нёго на доро́зи: „Возьмы́ мэнэ́ на шы́ю, я тоби́ бу́ду пока́зоваты доро́гу до мо́го та́та!“ Тогды́ в и н ъ й и в з я ў н а ш ы́ ю т а й и д э́. Алэ она́ ёму́ пото́му ка́жэ: „Мій та́то тоби́ бу́дэ дава́ты гро́ши, мае́тки ри́жни, а́лэ ты абы́ ничо́го нэ браў, лышэ́ ж а д а́ й т о й к а м и н э́ ц ъ, що м і й т а́ т о п и д ъ я з ы́ к о м ъ м а́ е!“

П р ы й ш о́ ў в и н ъ в ж э т а́ м ъ д о е й в и т ц я́, а той му ка́жэ: „Я зна́ю, що ты за ню даў лышэ́нь едэ́нъ гришъ, а́лэ я тоби́ за твое́ до́брэ сэ́рцэ дамъ кима́ гро́шэй!“ А хло́пэць гро́шэй нэ хо́чэ, ка́жэ: „Да́йтэ мэни́ лышэ́ той каминэ́цъ зъ-пидъ язы́ка!“ Т а й т о й ё м у́ д а ў к а м и н э́ ц ъ тай ка́жэ: „Я к ъ щ о́ с х о́ ч э ш ь м а́ т ы, т о а б ы́ - с ь т ы м ъ к а м и н ь ц ё м ъ п о к р у т ы́ ў п и д ъ я з ы́ к о м ъ, т о т ы с я з а́ р а з ъ с т а́ н э!“ Тай тогды́ хло́пэць соби́ пишо́ў.

Идэ́, а тамъ ко́ло едно́го ци́сара було́ ду́жэ вэлы́ке боло́то, а к о́ л о т о́ г о б о л о́ т а с т о и́ т ъ к и м а́ п а́ н ь с т в а. Тогды́ винъ ся пытае: „Чого́ вы ту такъ стоитэ́?“ Ка́жутъ ёму́, що к а з а́ ў ц и́ с а р ъ, ж э х т о т о т о́ б о л о́ т о п э р э́ й д э, т о б у́ д э с я с ъ ё г о́ д о н ь к о́ ў п о б ы р а́ т ы. Винъ тогды́ взяў сы дви до́шки, едну́ клаў на-пэ́рэдъ сэ́бэ на боло́то, а дру́гу нисъ; якъ вжэ тоту́ едну́ до́шку пэрэйшо́ў, то кла́ў на-пэ́рэдъ сэ́бэ дру́гу, а тоту́ сза́ду браў и нисъ. И т а к ъ н а т ы х ъ д в о х ъ д о́ ш к а х ъ п э р э й ш о́ ў ц и л э́ б о л о́ т о а ж ъ д о ц и́ с а р а. А ци́саръ го ся пыта́е: „Та якъ ты то пэрэйшо́ў?“ Винъ ка́жэ: „Я всэ йшоў едно́ў доро́гоў, а дру́гу-мъ нисъ у рука́хъ, тай такъ-емъ пэрэйшо́ў.“ Алэ ци́саръ ка́жэ: „Хоть ты таки́й мудрагэ́ль, т о щ э н э б у д э́ ш ь м о́ ю д о н ь к у́ б р а ў, а ж ъ я к ъ в ы́ м у р у е ш ь з а е д н у́ н и ч ь н а т р ы ш т о́ к и д в и р ъ и в ъ т и м ъ д в о р и́ 12 п ы ў н ы́ ц ь и в ъ к о́ ж д і й п ы ў н ы́ ц ы а б ы́ б у ў с т о́ л ы к ъ.“ Винъ ка́жэ: „Добрэ!“ Тай за́разъ т ы м ъ к а м и н ь ц ё м ъ п и д ъ я з ы́ к о м ъ п о к р у т ы́ ў, т о п р ы л э́ т и л ы и д ъ н ё м у т р ы ч о́ р т ы и пыта́ются: „Чого́ хо́чэшь?“—„Хо́чу, ка́жэ, абы́ мэни́ за́разъ стаў двиръ и въ тимъ двори́ 12 пыўны́ць и въ ко́ждій абы́ буў сто́лыкъ!“ Ста́лы чорты́ мурува́ты тай в ы́ м у р у в а л ы д о р а́ н а д в и р ъ, такъ якъ

винъ казáў. Цúсаръ ráно выхóдытъ, дúвытся—е двиръ. Тай вжэ го тогдú ожэнúў съ своёў донькóў.

Алэ онá хотúла довúдатыся, якъ винъ тотó всё зробúў? Тай пытáеся єгó, а винъ йій ся звьéрыў, кáжэ: „Я мáю такій каминэ́цъ пидъ язы́комъ, жэ якъ покрýчу, всё мы ся стáнэ, щó хóчу!“ Лягъ винъ спáты, тогдú онá вы́ймыла ёмý той каминэ́цъ тай собí положы́ла пидъ язы́къ. Тай покрутúла—прылэ́тилы идъ нíй тры чóрты, пытáются ей: „Чогó хóчэшь?“ Онá кáжэ: „Абú я ся съ тымъ, що-мъ ся съ нымъ пэ́ршэ любúла, побрáла, тай абú той двиръ зáразъ стаў далэ́ко за мóрёмъ, абú мы собí тамъ ɣаздувáлы; а той-вó най ся тутъ лы́шытъ!“ Тай зáразъ стáлы сýвитры тай пэрэнэ́слы двиръ за мóрэ, лышэ́нь егó лышúлы въ лíжку съ кóтомъ и съ пэ́сыкомъ у чúстимъ пóлы.

Винъ ráно встаў, нэ знáе, що съ нымъ ся стáло, дэ ёгó двиръ тай дэ ся женá дíла? Ажъ подывúўся пидъ язы́къ, а каминьцá нэмá. То вжэ сы погадáў, що ёгó жонá зрáдыла. Тай тогдú пишóў, наймúўся тамъ дэ-сь на слýжбу, тай ницъ. Алэ китъ и пэсъ гэтъ видъ нёгó пишлú, пишлú шукáты тóго каминьцá. Тай прыйшлú ажъ надъ мóрэ. Тогдú взяў пэсъ котá на сэ́бэ тай пэрэплы́нулы. Тай такъ прыйшлú ажъ до тóи жонú. Тогдú взяў китъ щурú йимáты, а щурú кáжуть: „На-щó ты насъ такъ йимáешь?“ А китъ кáжэ: „Украдúтъ видъ пáни каминэ́цъ зъ-пидъ язы́ка, то васъ нэ бýду йимáты!“ Тогдú такíй старúй, крывúй щуръ кáжэ: „Я пíду укрáсты!“ Тай пишóў тай въ рíжнэ паскýдство заталáпаў фистъ. Якъ пáни уснýла, винъ всэ йій попидъ нисъ фостóмъ чúхае. А онá ся пробудúла тай кáжэ: „Пфэ, якъ що-сь смэрдúть!“ Алэ щуръ ся сховáў, тай онá зноў уснýла. Тогдú винъ йій зноў чúхае по-пидъ нисъ фостóмъ. Онá зноў пробудúлася, тай якъ сплю́нула, тогдú каминэ́цъ йій вы́паў зъ-пидъ язы́ка на зэ́млю; щуръ каминэ́цъ ўхóпыў тай утíкъ. Даў котóвы, а китъ взяў каминэ́цъ у ротъ тай зибрáўся съ псомъ тай пишлú. Прыйшлú идъ мóрю, взяў пэсъ котá на сэ́бэ тай вэзэ́. Алэ ся на мóры котá пытáе: „Та цы е каминэ́цъ?“ А китъ кáжэ: „Урррваў, е!“ Алэ тогдú му каминэ́цъ вы́паў въ вóду. Тай вы́йшлы на бэ́рэгъ. Тогдú китъ кáжэ, що каминэ́цъ му зъ рóта вы́паў у вóду. Тай тогдú ни-

шо́ў тай зача́ў ду́жэ ры́бу йима́ты. А ры́бы го ся пыта́ють: „За-що́ ты насъ такъ йима́ешь?“ А китъ ка́жэ: „Найди́тъ мы той каминэ́цъ, то нэ бу́ду!“ Якъ ры́бы пишлы́ шука́ты, тай една́ чэрво́на ры́ба, бэзфо́ста, найшла́ каминэ́цъ и прынэсла́ идъ кото́вы. Винъ взяў тай пони́съ ажэ́нь до сво́го па́на.

Тогды́ той соби́ каминэ́цъ зноў пидъ язы́къ положы́ў тай покруты́ў тай прылэ́тилы идъ нёму тоты́ тры чо́рты. Винъ имъ тогды́ ка́жэ: „За́разъ абы́ мы тутъ ста́ў мій двиръ и жона́!“ Тай за́разъ ста́лы су́витры, прынэ́слы двиръ на то-само́ ми́сцэ тай тоту́ его́ жону́. Алэ винъ тогды́ жону́ нагна́ў гэть, а самъ вжэ лышы́ўся въ двори́.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

35.

Чудесная свѣча.

Буў едэ́нъ ґа́зда въ сэли́ би́дный ду́жэ и нэ мигъ ся ницъ доробы́ты и ди́ты му мэ́рлы. То винъ вжэ Бо́га нэ знаў, ду́жэ ся прогни́ваў на Бо́га. И тогды́ доступы́лы до нёго чорты́, ка́жуть: „Пидпышы́ся намъ на ду́шу, то будэ́шь вэлы́кимъ мае́тныкомъ!“ Винъ ся пидпыса́ў чорта́мъ и оны́ ёму́ да́лы таку́ сьви́чку. —„Якъ ту сьви́чку засьви́тышь, ка́жуть, то мы за́ўшэ прылэ́тымо и зро́бымо тоби́, що́ схо́чэшь!“

Винъ такъ засьвиты́ў сьви́чку.—„Що́ жада́ешь?“—„Хо́чу въ сэли́ ви́томъ бу́ты!“—Тай за́разъ оста́ў за ви́та.

Алэ разъ прыйми́ў жы́да съ ону́чима на́-ничь до свэ́и ха́ты. И жы́дъ поста́вы́ў ли́тру гори́ўки и винъ ся упы́ў и сказа́ў жы́довы, якъ винъ прыйшо́ў до мае́тку и зъ яко́и прычы́ны ви́томъ зиста́ў. И показа́ў жы́довы тоту́ сьви́чку, всю пра́ўду ёму́ ўпови́ў. Алэ пото́му тоту́ сьви́чку схова́ў въ ла́хи и пидъ стэ́лю пови́сыў у вань-

киру́. Зайшо́ў жы́дъ у дру́гый разъ исъ ону́чима и закрыча́ў, а виты́ха тоти́ ла́хи зъ-пидъ стэ́ли ўхо́пыла и вы́нэсла жы́довы и прода́ла. Жыдъ вы́няў зъ ла́хиў сьви́чку и засьвиты́ў—прылита́ють дъ нёму тоты́ чо́рты.—„Що ты хо́чэшь?“—„Хо́чу, абы́-мъ ту въ сэли́ за ви́та зоста́ў!“—Тай стаў за ви́та за́разъ, а той ү́азда пишо́ў на жэ́бры.

Алэ маў пэска́, тай той пэсо́къ пишо́ў за нымъ. Идэ́-идэ́, а пэсо́къ зача́ў що-сь ню́хаты на доро́зи тай зача́ў грэба́ты нога́мы. Винъ ды́вытся, а тамъ ся що-сь блыщы́ть, а то буў пэ́рстинь. Тай винъ той пэ́рстинь пидоймы́ў и взяў на па́лэць закру́чуваты. Ажъ ту пэ́рэдъ нымъ стаў чортъ.—„Чого́ хо́чэшь?“—„Хо́чу, абы́-мъ таки́мъ богачо́мъ буў и ви́томъ, якъ пэ́ршэ, тай щэ прынэсы́ мы видъ жы́да сьви́чку!“—За́разъ му прыни́съ, тай винъ вжэ зноў зробы́ўся богачо́мъ и обибра́лы го зноў за ви́та. А жы́да каза́ў стра́тыты.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

36.

Охъ.

Такъ у ли́си буў вэлы́кій дубъ, а въ тимъ ду́би буў чортъ тай называ́ўся Охъ. Тай маў отэ́ць два сыны́—едэ́нъ буў розу́мный, а дру́гый дурны́й. Винъ взя́ў то́го дурно́го тай повиў тамъ до то́го Оха, абы́ ёго́ розу́му научы́ў. Алэ той чортъ маў тамъ вжэ таки́хъ одынайцить хло́пциў, що ихъ розу́му учы́ў, тай взяў то́го за двана́йцятого. Алэ ка́жэ до то́го витця́: „Я го нау́чу, а́лэ пры́йдэшь за нымъ въ рикъ; то якъ спизна́ешь сво́го хло́пця, то́ ты го видда́мъ, а якъ нэ спизна́ешь, то хло́пця лы́шу у сэ́бэ!“

Тай той отэ́ць пишо́ў, а Охъ взяў, запалы́ў шты́ры сто́сы дроў тай вэргъ то́го хло́пця у огэ́нь—тай ся зъ нёго зробы́ло яйцэ́. Тогды́ винъ вы́ймыў то яйцэ́ зъ огню́ тай вэргъ нымъ до зэмли́, то вы́лизъ зъ то́го

хлóпэць. Тай ся пытáе чортъ: „Цы розумíешь що-гóди?“ Кáжэ: „Розумíю, що въ мóго тáта баль е!“ Тогды́ винъ взяў и запалы́ў шисть сто́сиў дроў тай вэргъ хлóпця въ огэ́нь—тай ся зробы́ў волóськiй орíхъ; вэргъ до зэмлú—тай вы́лизъ зъ тóго хлóпэць. Тай го ся пытáе: „Цы розумíешь вжэ що-гóди?“ Винъ кáжэ: „Розумíю, що мíй тáто на пóлы óрэ пэрúстымы быкáмы!“ Винъ тогды́ взяў тай запалы́ў вúсимь стóсиў дроў тай вэргъ го у огэ́нь—тай ся зробы́ло мáковэ зэ́рно; вэргъ тымъ до зэмлú—тай ся зробы́ў зъ тóго хлóпэць. И пытáеся го: „Цы розумíешь що-гóди?“ Винъ кáжэ: „Вжэ знаю, щó ся въ пиў-сьвúти дíе!“ Вжэ тогды́ буў мудрíйшiй видъ самóго Оха.

Алэ чортъ го тогды́ взяў тай замóкъ за 12 двэрэ́й. Алэ винъ знаў, що ёгó тáто вжэ идэ́ по нёго, то зробы́ўся мýхоў и вы́лэтиў крузь тотý дúрку, що ся ключóмъ замыкáе. Тай лэты́ть и вжэ здыбáе свóго витця́ на пóлы. Тай такъ кáжэ до витця́: „Винъ тамъ зрóбытъ насъ 12 кóнэй, то вси кóни бýдутъ ты́хо стоя́ты, лышь я бýду ирзáты; то бýдэтэ казáты: то мíй сынъ!—и зрóбытъ 12 качóкъ—вси качкú бýдутъ ты́хо стоя́ты, лышэ́нь я бýду казáты: такъ-такъ!—и зрóбытъ 12 псиў, то вси псы бýдутъ ты́хо стоя́ты, лышь я бýду хвостóмъ мáхаты; и зрóбытъ щэ 12 мухъ—вси мýхи бýдутъ ты́хо сыдúты, лышь я бýду брэнчáты; то скáжэтэ: то мíй сынъ!“ Тай тогды́ видлэ́тиў назáдъ и зноў залэ́тиў тамъ до покóю крузь тыхъ 12 дирóкъ.

Прыхóдытъ отэ́ць дрýгои дны́ны—чортъ видмóкъ вси 12 двэрэ́й и вы́пустыў всихъ 12 хлóпциў тай зробы́ў 12 еднáкихъ кóнэй: усú кóни ты́хо стоя́лы, лышэ́нь едэ́нъ заирзáў. А той хлопъ тогды́ кáжэ: „О-тó мíй сынъ!“ А чортъ зробы́ў 12 качóкъ, тай вси качкú ты́хо стоя́лы, лышэ́нь еднá казáла: такъ-такъ! Тогды́ винъ кáжэ: „То мíй сынъ!“ Чортъ зробы́ў 12 псиў, тай вси псы ты́хо стоя́лы, лышэ́нь едэ́нъ хвостóмъ мáхаў. А хлопъ кáжэ: „То мíй сынъ!“ А чортъ зробы́ў 12 мухъ, тай вси мýхи ты́хо сыдúлы, лышэ́нь еднá брумчáла. А винъ кáжэ: „То мíй сынъ!“ Тогды́ чортъ тóго хлóпця вжэ зробы́ў зноў хлóпомъ и кáжэ: „То ты дэ-сь съ своúмъ витцёмъ буў на розмóви!“ А винъ кáжэ:

„Та я буў за 12-мы двэ́рмы, якъ я мигъ бу́ты съ мо́имъ та́томъ на розмо́ви?“

Тай го вжэ тогды́ отэ́ць взяў. Тогды́ винъ ся вжэ зробы́ў самъ конёмъ золоты́мъ тай ка́жэ: „Абы́-сьтэ мя, та́ту, прода́лы за дэ́вять со́токъ, лышь абы́-сьтэ мя нэ да́лы съ уздэ́чкоў!“ Тай го зноў самъ той купы́ў Охъ, а́лэ отэ́ць даў го съ уздэ́чкоў. То го прыпя́ў до зэли́зного дра́гаря до-горы́, такъ що лышь дри́бку за́днымы нога́мы до зэмли́ докива́ў. А винъ дэ-сь, той чортъ, пишо́ў тай замо́къ тоту́ ста́йню. И то́му найста́ршому, що бу́ло тамъ 11 хло́пциў, даў ключи́ видъ ста́йни. Тай каза́ў имъ, тымъ 11-тёмъ, абы́ ся нэ дывы́лы до то́и ста́йни. Алэ вны видомклы́ ста́йню тай ся подывы́лы тай узя́лы, видопня́лы то́го коня́ тай вы́вэлы го на-дви́ръ. А той кинь якъ ду́бнуў ного́ў, тай ся зробы́ла зъ нёго му́ха, тай утикъ гэтъ. До сво́го витця́ утикъ.

Тай видта́къ зробы́ўся золоты́мъ пта́шкомъ въ такі́й золоті́й кли́точци. Тай ка́жэ витцю́: „Абы́-сьтэ мя, та́ту, прода́лы за пять со́токъ, лышь абы́-сьтэ мя нэ да́лы съ кли́ткоў!“ А отэ́ць забу́ў тай даў го съ кли́ткоў, зноў то́му Оховы прода́ў. Той взяў го до-до́му тай замо́къ исъ тоў кли́ткоў у зэли́зну кли́тку. Тай той птахъ тры дны ду́жэ фа́йно спива́ў. А тоты́ взя́лы, одына́йцить, тай подывы́лыся на кли́тку тай видомклы́. Тай го зноў вы́нэслы на-дви́ръ. Тай винъ тогды́ ду́бнуў ного́ў тай ся зноў зробы́ў му́хоў. Алэ Охъ буў у поко́йы тай тото́ вы́диў; погна́ўся за нымъ, а́лэ го нэ догоны́ў. Тай винъ тогды́ утикъ до сво́го витця́.

Тай тогды́ ся зробы́ў таки́мъ: ни китъ, ни пэсъ, таки́мъ, гы зэли́зна рукавы́ця. Тай ка́жэ до витця́: „Нэси́ть-жэ мэнэ́ вжэ тэпэ́рь, та́ту, до ми́ста и прода́йтэ за тры со́тки!“ Отэ́ць го вы́нисъ до ми́ста, а́лэ вжэ той Охъ нэ купува́ў то́и рукавы́ци.—„Бо, ка́жэ, то вжэ для мэ́нэ нэзда́лэ!“ И тогды́ тото́ купы́ў такі́й стары́й жо́ўниръ и прыни́съ до-до́му. Алэ той тогды́ въ ночы́ зробы́ўся зъ рукавы́ци зноў хло́помъ и вжэ пишо́ў собі́ въ сьви́тъ.

(Отъ Дмитрія Гавриляка въ Доброгостовѣ.)

37.

Птичій языкъ.

Такъ буў едэ́нъ хло́пэць й йшоў пыта́ты слу́жбы. Тай йдэ-йдэ доро́гоў, а злый духъ йи́дэ тай его́ ся пыта́е: „Дэ ты йдэшь?“—„Иду́ на слу́жбу!“—„То наймы́ся въ мэ́нэ! а́лэ, ка́жэ, цы умі́ешь ты чыта́ты тай пыса́ты?“—„Умі́ю!“—„О, то я тэбэ́ нэ хо́чу!“—Алэ хло́пэць пэрэби́гъ тай зноў стаў напро́тиў зло́го. А той нэ спизна́ў го тай ся пыта́е: „Дэ ты йдэшь?“—„Иду́, ка́жэ, слу́жбы пыта́ты!“—„А мо́жэ-бы-сь ся въ мэ́нэ наймы́ў?“—„Наймуся!“—„А цы ўмі́ешь пыса́ты тай чыта́ты?“—„Нэ ўмі́ю!“—Вжэ тэпэ́рь каза́ў, що нэ ўмі́е. Тогды́ злый его́ съ собо́ў взяў на фи́ру. И прыви́зъ его́ до-до́му и ка́жэ: „На́, будэ́шь утыра́ты ту кныжки́ видъ по́роху и о-то́го коня́ будэ́шь годова́ты; а́лэ, ка́жэ, абы́-сь му нэ дава́ў нычь, ти́лько лы́жку воды́ и кула́къ виўса́ на́-дэнь!“ А самъ винъ маў дэ-сь йи́хаты на цилы́й рикъ, той злый духъ.

Ну, пойи́хаў, а хло́пэць вжэ то́ты кныжки́ ўтыра́е. Утыра́ў цы два дны, цы ки́лько, а пото́му ся взяў учы́ты зъ тыхъ кныжо́къ; наўчы́ўся зъ ныхъ, що́ дыты́на запла́чэ, що́ пты́ця запыщы́тъ, що́ худобы́на зарычы́тъ, що́ жа́ба накрычы́тъ. И то́го коня́ годова́ў до́брэ: дава́ў му виўса́, ки́лько хоти́ў, и воды́ му такъ дава́ў и пуцува́ў го що-дня́. Якъ вжэ такъ цилы́й рикъ тамъ буў, вжэ нэзадо́ўго маў злый прыйи́хаты, тогды́ кинь до нёго промо́выў, до хло́пця: „Году́й мэнэ́, сыну́ню, якъ мо́жэшь, то будэ́мо ўтика́ты звидсы! бо той злый, якъ прыйи́дэ, то й тэбэ́ зро́бытъ конёмъ, якъ мэнэ́ зробы́ў; я та́кжэ, ка́жэ, буў такі́й хло́пэць, якъ ты!“ Тай винъ тогды́ годова́ў коня́ щэ ли́пшэ. А пото́му разъ сиў на то́го коня́ тай зача́лы ўтика́ты тай ути́клы ажэ́нь за граны́цю. То вжэ той злый нэ маў до ныхъ жа́дного пра́ва.

Тогды́ той хло́пэць злизъ съ коня́ и зняў зъ нэ́го уздэ́чку, а кинь зробы́ўся тогды́ чолови́комъ, а́лэ вжэ буў такі́й стары́й, сы́вый. И до то́го хло́пця ка́жэ: „Тэпэ́рь, сыну́ню, иды́ собі́ въ свій бикъ, а я пи́ду въ свій; ты щэ молоды́й, то йды дэ на слу́жбу, а я вжэ нэ мо́жу, то пи́ду собі́ жэ-

браты; иды́, а́лэ памята́й, ка́жэ, абы́-сь нико́лы нико́му нэ каза́ў пра́ўду, абы́-сь и жи́нци, якъ ся ожэ́нышь, пра́ўду нэ каза́ў!“

Тай ся розлучы́лы тай той собі́ пишо́ў хло́пэць. Идэ́, а тамъ тры ґа́зды йи́халы съ кра́мщыно́ў, съ су́кнамы. Тай едэ́нъ ся его́ пыта́е: „Дэ ты йдэшь?“—„Иду́ слу́жбы пыта́ты!“—„Мо́жэ-бы ты ся, ка́жэ, въ мэ́нэ наймы́ў?“—„Найму́ся!“—„То сида́й на фи́ру!“—И вжэ такъ йи́дутъ, такъ со́ничко фа́йно грі́е, пого́да. И тоты́ ку́пци ка́жутъ: „Будэ́мъ тэпэ́рь розклада́ты су́кна, най ся тро́ха вы́витріютъ на со́ньцы!“ Алэ той слуга́ чу́е, якъ два пта́шки прылэ́тилы на я́блинку и ка́жутъ: „Эй, то́-то за́разъ пи́дэ злы́ва, а тоты́ дурни́ су́кна розложы́лы, абы́ имъ дощи́ помочы́лы.“ А винъ тото́ всё розуми́ў, той хло́пэць, бо ся зъ тыхъ кныжо́къ, що порохи́ стыра́ў, всё научы́ў. Тогды́ винъ ка́жэ до тыхъ купци́ў: „Збыра́йтэ су́кна и ўтика́йтэ дэ до ко́рчмы, бо за́разъ дощи́ пи́дутъ.“ Алэ тоты́ ку́пци нэ повьэ́рылы и ка́жутъ до то́го едно́го, що наймы́ў сы слугу́: „О-то́ наймы́ў-есь сы яко́го-сь дурно́го! ту така́ пого́да, а винъ ка́жэ, жэ дощи́ пи́дутъ!“ Алэ слуга́ ка́жэ до сво́го ґа́зды: „Га́здо, послу́хайтэ мя днёмъ, то пото́му бу́дэтэ слу́хаты й пидъ ничь!“ Га́зда го послу́хаў, зибра́ў свій това́ръ и пойи́хаў до ко́рчмы. А ти дру́ги два нэ послу́халы, лышы́лыся. Лышэ́нь той до ко́рчмы прыйи́хаў—таки́ за́разъ дощи́ ста́лы, злы́вы, тай тоты́ на по́лы гэть помо́клы съ су́кнамы. Прыйиджа́ютъ до ко́рчмы, вжэ а́ни рубця́ на ныхъ нэ бу́ло сухо́го.

И тамъ ужэ́ оны́ ночу́ютъ въ ко́рчми. Алэ той слуга́ займы́ў ко́ни до воды́ тай чу́е, жэ два пта́шки прылэ́тилы и сьпива́лы такъ: „Ой, кобы́ тоты́ ку́пци зна́лы, що ны́ни гримъ уда́рытъ въ тоту́ ко́рчму, то́-бы за́разъ утика́лы звидта́мъ!“ Винъ за́разъ збуды́ў сво́го ґа́зду и ка́жэ: „Ходи́мъ гэть, бо тота́ ко́рчма бу́дэ гори́ты въ ночы́!“ Ти два дру́ги ку́пци нэ хоти́лы ся и ру́шаты, лышы́лыся зно́ву. Алэ той его́ ґа́зда послу́хаў и забра́ўся гэть. Лышэ́ оны́ видйи́халы ку́снык, ды́вятся, а ко́рчма вжэ горы́тъ. Тай оны́ вжэ въ ли́си доночува́лы.

Алэ той хло́пэць зноў въ ли́си учу́ў видъ пта́шкиў, що злодіе то́му его́ ґа́зди ўкра́лы доньку́, а ма́ты ся ду́жэ грызэ́ тай ся хо́чэ пови́сыты. Тогды́ винъ

кáжэ: „Гáздо, вы лэтúтъ до-дóму, бо тамъ вáша жúнка хóчэ ся повúсыты; а я, кáжэ, за той часъ пúду за вáшоў донькóў—видобрáты, бо йи злодíе укрáлы!" Тай γáзда полэ́тиў зáразъ до-дóму: донькú нэмá, а жúнка вжэ ся вúшае; тогдú винъ йий шнурóкъ вúрваў, нэ даў. А той хлóпэць собú за той часъ взяў рыскáль тай фýзiю тай пишóў до тóго лúса, дэ злодíе сховáлы дúўку: то ёмý птáшки сказáлы, що йи сховáлы до свóйи хáты у зэмлú пидъ дýбомъ. Винъ прыйшóў до тóго дýба, зачáў рыскалёмъ копáты и розкопáў ажъ до двэрэ́й видъ тóи хáты. Тай отворúў двэ́ри, а дúўка такъ сыдúтъ за столóмъ кóло старóи розбíйнычки. Алэ тотá розбíйнычка на той часъ ся здримáла. Винъ тогдú махнýў на дúўку рукóў, абú ся видвэрнýла, тогдú стрúлыў у розбíйнычку тай зáстрилыў, а дúўку ўхóпыў за рýку тай поўтикáлы рáзомъ до-дóму. Тамъ ся дýжэ ўтúшылы тáто и мáма, жэ ся донькá вэрнýла, тай йи виддáлы за тóго слугý, тай онú ся пибрáлы.

И винъ такъ сы съ жúнкоў жыў, áлэ жúнка разъ кáжэ ёмý: „Скажú мэнú прáўду, звúдки ты всё то знáешь, що мáе бýты?" То винъ кáжэ: „Я нэ мóжу казáты, бо-бы-мъ мýсиў ўмырáты!" Алэ онá ся дýжэ ўпэ́рла, кáжэ: „Умырáй, а кажú!" Тай винъ ужэ́ хотúў йий сказáты, áлэ щэ пишóў на-двúръ—подывúтыся на своé γаздúўство. Дúвытся, а тамъ пидъ хáтоў такъ когýтъ куркú жэрэ́ и кáжэ когýтъ до курóкъ: „А вы шэльмú, вы гадáетэ, що я такíй дурнúй, якъ нашъ γáзда, жэ мя нэ слýхаетэ? я васъ, кáжэ, наýчу розýму!" А той то чуў, тогдú взяў сы воловúдъ, помочúў у сыровúцю тай набúўнабúў жúнку, ажъ му вжэ дáла спóкiй.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

38.

Вѣрный слуга.

Булá въ ли́си вэлы́ка гáдына. Тай зробы́лы лю́дэ на тотý гáдыну наýкола полювáнье, хоти́лы йи зáбыты. Алэ йшоў пастýхъ чэ́рэзъ лисъ и тотá прóсытъ го гáдына: „Ратýй мэнэ́, возьмы́ мя на плэ́чи тай вы́нэсы мя зъ тóго ли́са!“ Тай винъ тогды́ розгорнýўся и взяў йи на шы́ю и обвынýў йи дóли плэчы́ма, а потóму ся зноў загорнýў, такъ абы́ гáдыны нэ бýло вы́дно. Тай вы́нисъ йи въ вэлы́ки дэ́бри и тамъ йи пустыў. Тогды́ гáдына далá му такý травý и кáжэ: „Ту травý якъ попáхаешь, то будэ́шь всё знáты, — дэ які́ мы́слы въ когó, якъ пты́ця цыщы́тъ, звиръ рычы́тъ, — всё будэ́шь знáты, щó дэ на сьви́ти е!“

Тай винъ пишóў сы съ тоў травóў тай наймы́ўся у еднóго пры́нца на слýжбу. И дýжэ тóму пры́нцовы буў вье́рный, найли́пшый ёгó прыя́тиль. Алэ той прынцъ маў мáтирь въ чужи́мъ краю́. То разъ тóго пры́нца жи́нка повидáе до нёгó: „Щó то е, що я щэ й рáзу твэ́и мáмы нэ вы́дила? ходы́, кáжэ, пойи́дэмо хоть разъ у гости́ну до нэ́и!“ Винъ кáжэ: „Та най будэ́!“ Тай тогды́ пойи́халы и тóго слугý вье́рного взя́лы съ собóў за фи́рмана.

Йи́дутъ-йи́дутъ тай зайи́халы такъ до еднóи кóрчмы ночувáты. Алэ той слугá вы́йшоў до кóнэй тай попáхаў тóи травы́ и чýе, що які́й-сь гóлосъ такъ кáжэ: „Тóго пры́нца тай прынцóву хóчутъ въ тій кóрчми тры піякú обрабувáты тай зáбыты; áлэ якъ-бы тымъ піякáмъ дáты ззи́сты тотý ворóну, що тамъ лэжы́тъ здохлá на сьмитю́, то-бы оны́ зáразъ поўмырáлы; а хтó-бы то чуў и сказáў, той стáў-бы по коли́на кáмэнёмъ!“ Ну, той слугá то чуў тай взяў ворóну тай злáдыў на пэчэ́ню тай пишóў тогды́ до тыхъ піякíў и кáжэ: „Панóвэ ɣосподáри, туй ся щэ лышы́ла кýрка зъ вэчэ́ри видъ мóго пáна, то мóжэ-бы-сьтэ зйи́лы?“ Тоты́ ся дýжэ ўти́шылы тай кáжутъ: „Дя́куемо краснó!“ Тай тогды́ сы тóи ворóны дóбрэ попойи́лы тай зáразъ помэ́рлы всú тры.

Ра́но панъ вставу тай па́ни, пойи́халы да́ли, ажъ до свэ́и ма́тэры вжэ зайи́халы. Алэ той слуга́ вы́йшоу вэ́чиръ на-дви́ръ тай попа́хау тоту́ траву́ и учу́у, що го́лосъ ка́жэ: „Ту́тка прыйи́хау прынцъ до ма́тэры съ жи́нкоу, ту́тка ма́ты на ныхъ чары́ ла́дытъ: якъ ихъ нэ стройы́тъ у юшци, то стройы́тъ у пэтру́шци; а́лэ хто́-бы то вы́слухау и пови́у, той ка́мэнёмъ ста́нэ по по́ясъ!“ Тогды́ вжэ слуга́ пишо́у и носы́у самъ йи́динье до сво́го па́на; а́лэ ся на поро́зи ни́бы за́шпортау и то йи́динье ся вы́льляло. Панъ до нёго повида́е: „Що́ ты таке́ ро́бышь?“ Алэ винъ ка́жэ: „Най панъ дасть гро́ши, я бу́ду купува́ты йи́динье въ ми́сти, абы́-сьмо сво́е ма́лы!“ Панъ нэ хоти́у, а́лэ па́ни вжэ повы́дила, що ту яка́-сь зра́да е, тай зача́ла па́на ду́жэ просы́ты, и панъ ся на то зго́дыу.

Вжэ тамъ ночу́ютъ и дру́гу ничь. Панъ съ па́нэу спочыва́ютъ сы у ли́жку, а слуга́ вы́йшоу на-дви́ръ, попа́хау зноу то́и травы́ и слу́хае. Го́лосъ ка́жэ: „Ту́тка прынцъ исъ прынцо́воу ночу́е—бу́дэ надъ нымъ зра́да: нашлэ́ ма́ты о 12-ій годы́ни гадье́ на ныхъ и пойи́сть ихъ то гадье́; а́лэ хто́-бы то вы́слухау и пови́у, то ца́укомъ бы ка́мэнёмъ стау!“ Тогды́ слуга́ взяу собі́ тэ́нгій мэчъ и пишо́у потыхо́ньку до поко́ю, дэ панъ съ па́нэу спау, и чэка́е. Въ са́мій 12-ій годы́ни такъ гадье́ сычы́тъ, ли́зэ, а́лэ той якъ взяу руба́ты мэчо́мъ, гэтъ гадье́ поруба́у на кава́лки.

Вжэ ра́но ка́жэ ма́ты до сы́на: „Сы́ну мій, тво́я нэсла́ва!“—„Та чому́?—„Бо твій слуга́, ка́жэ, тво́ю жи́нку лю́бытъ—буу въ ночы́ въ поко́ю!“—Тай прынцъ тогды́ ма́тэры повье́рыу и каза́у то́го слу́гу за́разъ на шы́бэныцю бра́ты. Ста́нуу винъ пидъ шы́бэныцэу—такъ ду́жэ пла́чэ, а пото́му ка́жэ до па́на: „Ой, па́нэ, цы мо́жэшь мэнэ́ слу́хаты?“—„Мо́жу!“—Тогды́ винъ стау всё розповида́ты, якъ бу́ло: якъ въ ко́рчми злоді́е хоти́лы пры́нца и прынцо́ву за́быты, а винъ чуу го́лосъ тай тыхъ злоді́йиу стройи́у воро́ноу; якъ тото́ сказа́у, стау по коли́на ка́мэнёмъ. Алэ ка́жэ да́ли: якъ дру́гый разъ ма́ты хоти́ла имъ чары́ да́ты, а винъ го́лосъ учу́у тай то йи́динье повылыва́у; тогды́ вжэ стау ка́мэнёмъ по

поясъ. Тай кажэ дали—вжэ му всё-едно: якъ потому маты гадьé на ныхъ пислала въ ночы́, алэ винъ голосъ вы́слухаў и то гадьé порубаў на макъ; якъ то скиньчы́ў казаты, стаў до-разу камэнёмъ. Вжэ тогды́ нэ було що вишаты. Тогды́ той прынцъ и прынцова дужэ за нымъ плакалы, алэ що?—каминь е каминь! Пойихалы вжэ назадъ до свого краю бэзъ слугы́.

Тай тамъ вжэ жылы и уродыўся имъ хлопэць. Тогды́ прысны́лося прынцовы такъ: якъ того хлопця возьмэ, видвэдэ тамъ идъ тому камэнэвы и хлопця розы́дрэ и обмасты́тъ тоў кроўю каминь, тогды́ той слуга зноў ожыe. Такъ винъ тогды встаў и кажэ до жоны́, що такій сонъ маў, а жона кажэ: „Мы ще дíты будэмъ маты, а другого слугы́ такого маты нэ будэмъ! то най будэ, зробы́ такъ!“ Взяў винъ того хлопця и повизъ го ажъ до того краю, дэ той каминь стояў; прывиў го идъ камэнэвы и хлопця роздэръ и тоў кроўю обмасты́ў каминь. Алэ каминь такой стоитъ камэнёмъ, якъ пэршэ: и слугы́ нэма, и хлопця страты́ў! Тогды́ винъ кажэ: „Тэпэрь, якъ пры́йду до-дому, то и жинци зробью смэрть за намову, и соби!“ Алэ прыходытъ до-дому, а слуга сы́дытъ вжэ въ покойы и того хлопця колы́шэ, що винъ роздэръ.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

39.

Черная пани.

Буў бидный газда и маў дужэ много дитэй. Алэ нэ маў ихъ чымъ годуваты, то разъ видвиў едного хлопця, найстаршого, въ лисъ, наклаў огэнь и кажэ: „Грійся ту, а я йду дроў ладыты!“ И пишоў гэтъ; якъ стаў утикаты, тай утикъ изъ лиса.

Бижы́тъ винъ такъ чэрэзъ полэ, а тамъ чорна пани йидэ—чорни кони и фирманъ у нэи чорный. Тота пани повы́дила, що хлопъ чого-сь утикае; якъ ся за нымъ

пу́стыла, тай ёго́ пойимáла.—„Чого́ ты такъ ўтика́ешь?“ — А винъ нэ хоти́ў повисты, а́лэ пото́му пови́ў, що лышы́ў сы́на у ли́си, бо нэ мáе звидки ти́лько дитэ́й трымáты.—„Вжэ, ка́жэ, съ го́лоду гы́нэмъ!“—Тогды́ пáни ка́жэ: „То продáй мэни́ то́го хло́пця!“ А винъ ка́жэ: „Я вамъ тáки подару́ю ёго́!“ Алэ пáни такъ нэ хо́чэ, ка́жэ: „Я нэ хо́чу твэ́и дариў-щы́ны! нá-тоби́ то́рбу, якъ нэў потрясэ́шь, то всэ бу́дутъ зъ нэ́и гро́ши лэ́титы, ки́лько хо́чэшь! áлэ, кáжэ, возьмы́ то́го хло́пця назáдъ до-до́му и давáй го учы́-ты: найпэ́ршэ учы́ го за коваля́ цилы́й рикъ, а дру́гый рикъ за шэўця́, а трэ́тый рикъ за музы́ку го учы́; а въ тры ро́ки я по нэ́го прыйи́ду и сы го возьму́!“

Тогды́ винъ ту то́рбу взяў, вэрну́ўся за хло́пцёмъ до ли́са и прыви́ў го до-до́му. Тай такъ го чэ́рэзъ тры ро́ки учы́ў, якъ пáни казáла: едэ́нъ рикъ за коваля́, дру́гый за шэўця́, а трэ́тый за музы́ку. Алэ вжэ зъ то́и то́рбы зро-бы́ўся вэлы́кимъ богачо́мъ, то жаль му бу́ло хло́пця тій пáны давáты.

Алэ въ тры ро́ки пáни прыйи́хала и хло́пця взя́ла съ собо́ў. —„Ему́ у мэ́нэ, ка́жэ, до́брэ бу́дэ!“ —И по-йи́хала съ тымъ хло́пцёмъ. Тай далá ёго́ до ку́зни на цилы́й рикъ, абы́ ся зви́дтамъ áни ру́шыў; áни до нико́го ницъ нэ говоры́ў бэзъ цилы́й рикъ. А на дру́гый рикъ далá го зноў до тако́и хáты, абы́ ницъ нэ робы́ў е́нчого, лышэ́ абы́ тамъ робы́ў чо́боты и тамъ складáў; и зноў казáла му, абы́ ни-до́-кого нэ говоры́ў. На трэ́тый го рикъ вжэ далá до дворá и далá му скры́пку, абы́ тамъ у двори́ цáлый рикъ граў, áлэ тáкой абы́ нигдэ́ ся нэ ру́шаў и ни съ кимъ го́лосу абы́ нэ маў. Прыйи́хала трэ́того ро́ку и взя́ла го вжэ ви́д-тамъ и далá му гро́шэй, ки́лько мигъ понэ́сты, и казáла: „Ку-пу́й худо́бу и платы́, ки́лько хто хо́чэ, а пото́му продавáй за то, ки́лько хто дасть, ницъ ся нэ торгу́й!“ Винъ накупы́ў бо-гáто худо́бы и такъ йи́здыў цилы́й рикъ и ган-длювáў. Алэ та чо́рна пáни щэ му заказáла, абы́ винъ чэ́-рэзъ той цилы́й часъ до жáдной кобиты ни сло́ва нэ про-мо́выў.

Тай въ рикъ вжэ му та пáни казáла прыйи́хаты до сэ́бэ, бо вжэ йи выкупы́ў тай ся бу́дэсъ нэў жэны́-ты. Тай винъ вжэ йи́хаў до нэ́и, алэ зайи́хаў пидъ ми́сто тай вступы́ў до ко́рчмы нá-ничь. А тамъ жыди́ўка въ

тій ко́рчми бу́ла опыры́ця тай она́ ма́ла тры доньки́. То она́ ся въ тимъ довида́ла, жэ тоты́ дны выхо́дятъ, що винъ ся ма́е съ тоў па́нэў побыра́ты и що тота́ па́ни дъ нёму ма́е вжэ сама́ прыйи́хаты; а́лэ она́ хоти́ла, абы́ винъ сы едну́ ей доньку́ взяў. Тай намо́выла фи́рмана и дала́ му такихъ слыво́къ, абы́ винъ даў то своє́му па́ну, якъ прыйдэ на ми́сто.

Пойи́халы вжэ оны́ на ми́сто—тамъ ма́лы чэка́ты на ту па́ню. Алэ той ка́жэ до фи́рмана: „Я хо́чу воды́ ду́жэ пыты!“ А фи́рманъ ка́жэ: „Ту воды́ нэма́, а́лэ я ма́ю па́ру слыво́къ, то па́ну во́ду пэрэ́рвэ!“ Якъ винъ ти слывки́ зйиў, за́разъ уснуў. А тогды́ вжэ йидэ дъ нёму та па́ни; а́лэ вжэ бу́ла би́ла и ко́ни би́ли и фи́рманъ буў вжэ би́лый, бо йи вжэ той вы́купыў зъ нэво́ли. Алэ винъ такъ ду́жэ заснуў, що го нэ могла́ ні́якъ розбуды́ты. Пла́кала ду́жэ ко́ло нёго и повида́е до фи́рмана: „Абы́-сь каза́ў своє́му па́ну, якъ ся пробу́дытъ, абы́ ся нэ даў зра́дыты: я ту бу́ду щэ за́ўтра ко́ло нёго, то абы́ нэ спаў!“ Тай тогды́ вжэ видийи́хала. Ну, а винъ встаў и тогды́ му фи́рманъ ка́жэ: „Ту була́ яка́-сь па́ни и ду́жэ пла́кала и каза́ла, абы́-сьтэ за́ўтра нэ спа́лы, бо прыйи́дэ щэ разъ.“ Винъ ду́жэ ся тогды́ суеты́ў, а́лэ пойи́хаў зноў до то́и жыди́ўки на́-ничь.

И на дру́гый дэнь зноў та жыди́ўка дала́ фи́рмановы слыво́къ, абы́ даў па́ну. Пойи́халы на ми́сто и винъ схоти́ў зноў воды́. То фи́рманъ му даў слыво́къ, тай винъ ти слывки́ ззиў и зноў заснуў. Спытъ, а ту прыйиж-джа́е тота́ па́ни. Такъ го бу́дытъ, пидно́сытъ, а́лэ нэ могла́ збуды́ты. Тогды́ она́ ка́жэ до фи́рмана: „Абы́-сь каза́ў па́новы, абы́ ся вжэ за́ўтра нэ даў зра́дыты: абы́ нэ спаў, бо я щэ прыйи́ду до нёго за́ўтра, а́лэ вжэ би́льшэ нэ прыйи́ду!“ Пойи́хала, а той ся тогды́ збуды́ў. Тогды́ фи́рманъ му зноў розповиў, жэ па́ни була́ и за́ўтра вжэ посли́дный разъ прыйи́дэ: я́къ-бы зноў спаў, то йи вжэ би́льшэ нэ увы́дытъ! Тай винъ зноў зайи́хаў до то́и жыди́ўки на́-ничь.

Та жыди́ўка фи́рмана зноў такъ намо́выла и дала́ му слыво́къ. Якъ прыйи́халы на ми́сто, той зйиў слыво́къ тай уснуў. Прылита́е вжэ та па́ни—щэ сда́лэку пла́чэ, бо вжэ повы́дила, що винъ спытъ. Тя́галася съ нымъ,

будыла, але нэ могла пробудыты. Тогды каже фирманове: „Кланяйся пану и скажы, що вжэ мэне нэ буде бильшэ выдиты, хиба що якъ найде дымало и зелизный кепэлюхъ, то може мэне съ тымъ найде!“ И пойихала гэтъ. Винъ потому ся пробудыў, а фирманъ му тогды сказаў, що пани вжэ пойихала гэтъ и кланялася до нэго. Тай вжэ тогды винъ подаруваў визъ и кони тому фирманове, а самъ пишоў пишки.

Иде винъ такъ горамы, прыйшоў надъ рику — тамъ ся два хлопци купають и лежыть коло ныхъ на берэзи дымало и кепэлюхъ зелизный; а оны ся обыдва у води бьють. — „Чого вы ся, хлопци, такъ бьетэ?“ — Хлопци кажуть: „Намъ лышыў тато кепэлюхъ и дымало, та ся нэ можэмъ подилыты!“ Тогды винъ каже: „То я васъ подилю!“ Тай стрилыў межы ныхъ, ўхопыў кепэлюхъ и дымало, то видъ кепэлюха го нэ було выдко, а на дымали полэтиў повитёмъ.

Прилитае до мисяца и пытаеся: „Цы нэ выдиў ты такои пани, що перше була чорна, а тэпэрь вжэ била?“ Мисяць каже: „Я нэ выдиў!“ Винъ тогды полэтиў до соньця, пытаеся соньця, цы нэ выдило? Соньцэ каже: „Я нэ выдило!“ Винъ вжэ тогды полэтиў до витра, а витэръ каже: „Я йи выдиў, я въ нэи навить обору позамитаў, бо въ нэи весильє заўтра; але, каже, ты до нэи нэ пэрэлэтышь, бо дуже тяжко!“

Винъ полэтиў, ажъ тамъ вэлыка вода, а на тій води зъ повэрэсиля мистъ. Винъ тамъ каже до тыхъ сторожиў: „Пустить мя чэрэзъ мистъ, най пэрэйду!“ Але оны кажуть: „Дай руку видтяты!“ — „Дамъ видтяты, каже, але ажэнь на другимъ крайы!“ — „Най буде!“ — Тай пишлы съ нымъ, абы му тамъ руку видтяты. Але винъ, якъ вжэ буў на другимъ крайы, взяў дымало межэ-ногы, а кепэлюхъ на голову, тай полэтиў, нэ даў рукы утяты.

Тай прылэтиў до другои воды, а тамъ вжэ нэ було мосту. Винъ каже: „Пэрэвезить мя чэрэзъ воду!“ Зноў му тамъ такъ кажуть: „Дай руку видтяты!“ — „Дамъ, але ажэнь на другимъ боци!“ — Тай го пэрэвезлы, тогды винъ взяў дымало межэ-ногы, а кепэлюхъ на голову, тай полэтиў дали, нэ даў рукы.

Прылитае тамъ до свэи пани, а тамъ вжэ весильє. Тай винъ заўхопыўся до коморы, такъ що

го нихто́ нэ вы́диў. А та па́ни такъ танцю́е, а́лэ що́ разъ та́нэць вы́йдэ, то йдэ до комо́ры и е́нчэ шма́тье бэрэ́ на сэ́бэ, а що́ ся пэрэбэ́рэ, ды́вытся до звьерцье́дла. Ажъ винъ по тимъ звьерцье́дли ўда́рыў и збы́ў, а́лэ она́ его́ нэ вы́дила, бо маў той кепэлю́хъ на со́би. Она́ тогды́ ка́жэ: „Хто́ ту е въ комо́ри?" Тогды́ винъ йій ся показа́ў тай ся звыта́лы. Тай она́ тогды́ вы́йшла до го́стиў, застанови́ла вэсилье́ тай ка́жэ: „Тра́фыў мы ся клю́чыкъ золоты́й, а тэпэ́рь зэли́зный: цы позво́лытэ мэни́?" А тамъ йій повида́ютъ вси: „Позво́лымо!" Она́ тогды́ ка́жэ: „Ну, то-мъ ма́ла бра́ты слюбъ съ па́номъ, а тэпэ́рь вжэ бу́ду бра́ты съ Ива́номъ!"

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

40.

Жидъ-солдатъ.

Маў жыдъ сы́на едына́ка. То́го сы́на ма́лы взя́ты до во́йска, то та́то го рэклямува́ў, абы́ его́ до во́йска нэ бра́лы. Вы́даў на той антэ́рэсъ мно́го гро́шэй, а́лэ паны́ гро́ши взя́лы, а сы́на му на-збы́тки забра́лы до во́йска. И за які́й-сь часъ той сынъ ви́дтамъ пы́шэ до та́та, що винъ вжэ зиста́ў старшы́мъ, щобы́ ему́ та́то присла́ў гро́ши. Тогды́ той зибра́ў па́ру ры́ньскихъ и писла́ў. Алэ нэзадо́ўго сынъ зноў пы́шэ, що вжэ зно́ву стаў старшы́мъ, абы́ му зноў писла́ў гро́ши. Писла́ў ему́ жыдъ гро́ши, позы́чыў дэ-сь, а писла́ў. Ажъ ту такъ за рикъ пы́шэ той сынъ, що вжэ зиста́ў найста́ршымъ капита́номъ. Тогды́ вжэ стари́ нэ ма́лы ничо́го, бо всій мае́токъ на не́го вжэ вы́далы, щэ ся й позазыча́лы; то вжэ ка́жэ стара́ до чолови́ка: „Иды́ ты тэпэ́рь до сы́на, най винъ насъ вжэ тро́ха пора́туе!" Тай той пишо́ў ажъ до то́го ми́ста, дэ сынъ стоя́ў. И тамъ прыйшо́ў и пыта́еся: „Дэ ту е мій сынъ, такі́й и такі́й? винъ ту е, ка́жэ, найста́ршымъ капита́номъ!" Алэ жоўни́ры ся съ то́го сьмія́лы тай пови́лы старо́му, що его́ сынъ нэ е жа́днымъ старшы́мъ, ти́лько тараба́номъ. А сынъ якъ учу́ў, що та́то прыйшо́ў, то му ся сты́дно зробы́ло; и вжэ ся ему́ нэ

показа́ў, йно ўтикъ до ли́са. Тай тамъ чэ́рэзъ лисъ йи́хаў ка́питанъ на спа́цыръ, то той го за́быў зъ карабина, зняў съ нэ́го всю муни́цью и на сэ́бэ ўбраў. Тай сиў сы на то́го коня́ зъ-пидъ капита́на и пойи́хаў.

Такъ симь дниў и симь ночэ́й йи́хаў, а ныгдэ́ нэ здыба́ў ни сэла́, ни ми́ста, лышэ́ всэ по́лэ тай лисъ. И нако-нэ́ць ды́вится сда́лэку, а тамъ сьви́тло. Винъ вжэ йи́дэ про́сто на тото́ сьви́тло, прыйиджа́е, а то буў заклятый па́ляцъ. И за́разъ ся бра́ма сама́ витворы́ла, а йно винъ пэрэйи́хаў, за́разъ ся запэ́рла наза́дъ. Винъ тамъ нико́го нэ зды́баў, йно ся лята́рня сьви́тытъ на подви́рью на-сэрэды́ни. Тогды́ винъ за́виў коня́ до ста́йни, прыпняў го до жо́лоба, а́лэ ста́йня була́ циўко́мъ поро́жна—ницъ нэма́, а́ни си́на, а́ни воды́. Винъ тогды́ пишо́ў до паля́цу, а та́мка е по́кій и на столи́ йи́сты и пы́ты е. Якъ ужэ́ сы попойи́ў и напы́ўся, жаль му ся зробы́ло за конёмъ, що щэ ничо́го нэ йиў. И пишо́ў ся подывы́ты до ста́йни, що́ кинь ро́бытъ? Ды́вится, а тамъ овэ́съ вжэ е въ жо́лоби, пу́тня съ водо́ў пэ́рэдъ конёмъ, кинь выпуцо́ваный, якъ ля́лька, а нико́го въ ста́йны нэма́. Тогды́ винъ собі́ за́разъ погада́ў: „Оў, ту що-сь ке́пско бу́дэ!“ И пишо́ў наза́дъ до поко́ю.

Такъ дэ-сь о 11-ій годы́ни въ ночы́ прыхо́дытъ па́нна и ка́жэ до нёго: „Слободо́, Слободо́, ты ту́тка зайшо́ў, а ту нэжытьё твоё мо́жэ бу́ты! а́лэ памята́й сы—ту о 12-ій годы́ни на́йдэ ти́лько хма́ры чо́рнои, то оны́ тобі́ бу́дутъ робы́ты збы́тки ри́жни, то́ргаты, огнёмъ сы́паты, а́лэ ты абы́-сь сыди́ў ты́хо и всэ абы́-сь ся дывы́ў въ кны́жку пэ́рэдъ сэ́бэ, абы́-сь ся до ныхъ ницъ нэ обэрта́ў!“ И пишла́ та па́нна гэть. Акура́тъ на 12-ту годы́ну ти́лько хма́ры то́и надійшло́—по́ўни поко́и. Ро́бятъ ёму́ збы́тки ри́жни, що́ мо́жутъ, то́ргаютъ, бьютъ, а́лэ винъ ницъ ся наза́дъ нэ подывы́ў, а́ни ра́зу. Тай тота́ годы́на пэрэйшла́ тай то всё посчэза́ло.

Ра́но вы́йшоў винъ до коня́, хо́чэ йи́хаты вжэ гэть, а́лэ нэ мо́жъ: нэ го́дэнъ на сьвитъ вы́йты, нэма́ якъ. Тогды́ винъ вжэ на дру́гу ничь зно́ву ночу́е. Прыйшла́ до нёго дру́га па́нна тай зноў то-само́ му ка́жэ, абы́ ся нэ обзыра́ў а́ни разъ. И акура́тъ о 12-ій годы́ни зно́ву ихъ ся ти́лько напха́ло, що ка́ра, и щэ гі́рпэ ёму́ докуча́лы, якъ пэ́ршои но́чы. Алэ винъ ницъ —

áни óкомъ нэ мрýгнуў. Тогды́ всё ся розлэтило.

Цилы́й дэнь знóву тамъ пэрэбýў и вжэ трэ́ту ничь ночýе. Зноў прыхóдытъ трэ́та пáнна тай му кáжэ: „Щэ щобы́-сь ту еднý ничь вы́слободыў, то вжэ и ты бы буў счаслы́вый, и мы бы вы́йшлы на вóлю!“ И такъ о пи́ўночы знóву спáла тотá чэрня́ва и вжэ му найги́рши збы́тки робы́ла, такъ, що винъ вжэ нэ гóдэнъ буў вы́трыматы, и подывы́ўся назáдъ. Тогды́ ти его ўхóпылы мэ́жы сэ́бэ, розирвáлы на кавáлки и пови́сылы гори́ ногáмы въ кóмыни.

Алэ вжэ тоти́ панны́ на-рáно чы́сти, вжэ имъ мóжно на сьвитъ выходы́ты. И оны́ прыйшлы́ до тóго покóю и за тымъ шукáютъ, а ёгó нэмá. Ды́вятся всю́ды—ажъ винъ въ кóмыни вы́сытъ. Тогды́ оны́ ёгó зня́лы и взя́лы жывýщои и сцилýщои воды́ и покропы́лы ёгó, тогды́ вжэ Пáнъ-бигъ даў, що винъ ожы́ў.

Тай тогды́ оны́ вжэ вси вы́йшлы на сьвитъ—вжэ имъ ся брáма отворы́ла. Идýтъ до свóго тáта, до ци́сара. Тай тогды́ кáжутъ тóму, абы́ ся съ котрóў хóчэ зъ мэ́жы ныхъ жэны́ў, бо винъ ихъ вы́купыў видъ закля́тья. Алэ винъ кáжэ: „Я щэ нэ хóчу жэны́тыся, щэ нэ бýду; я собі́ пи́ду щэ въ сьвитъ—трибувáты щэ дáли!“ А оны́ рáдятся вси тры: „Щó-бы ёмý дарувáты на пáмятку видъ насъ?“ Еднá кáжэ такъ: „Я такý дарýю шáпку, що винъ якъ нэў покрýтытъ, то чы нáридъ, чы вóйско—всё прыкрýтытъ до сэ́бэ.“ А другá кáжэ: „Я ёмý дарýю такý сорóчку, що до нэ́и ся жáдна кýля, áни мэчъ, áни ницъ нэ вóзьмэ.“ А трэ́та вжэ кáжэ: „А я ёмý дамъ такі́й мэчъ, що нымъ винъ всё вóйско, абы́ якé, вы́бье.“ Винъ тогды́ собі́ забрáў ти ри́чы и пойихаў въ сьвитъ.

Прыйиждкáе до едного ми́ста, а тамъ бýла вóйна: взя́лы ся съ тымъ ци́саромъ éнчи два ци́сари бы́ты. И вжэ ёгó циўкóмъ пэрэбы́лы, такъ-вó за малý хвы́льку вжэ циўкóмъ бы добы́лы, нá-ницъ. А той якъ учýў тотó, сиў на копя́ и до тóи вíйны́ собі́ йидэ. И прыйиждкáе до тóго ци́сара и кáжэ: „Чы потрэбýютъ панъ найясні́йшый монáрха до помóцы?“ А ци́саръ кáжэ: „Та чомý нэ потрэбýю?“ Алэ гадáе самъ до сэ́бэ: „Та дэ бы винъ мэнэ́ едэ́нъ чоловíкъ поратувáў, колы́ мэни́ ти́лько вóйска та нэ помогло́?“ Алэ той тогды́ кáжэ: „Дáйтэ

мэни́ тры жоўня́ры!“ И пойи́хаў съ ны́мы съ трёма́. Якъ тоў ша́пкоў покруты́ў, то всё во́йско съ тамто́го бо́ку прыкруты́ў до сэ́бэ, тай магазы́ны, ко́ни, всё, що бу́ло; то дэ́-що пэрэбы́ў мэчо́мъ, потратува́ў, а рэ́шту всё видда́ў то́му ци́сарови. Алэ ёму́ пры тій війни́ видтя́лы па́лэць и винъ нэ маў чымъ завяза́ты; тогды́ ци́сарь зняў свою́ хусты́ну зъ-пидъ шыи и завы́нуў му ру́ку. И винъ тогды́ пойи́хаў собі́ гэтъ, нэ зна́ты—дэ? Ци́сарь хоти́ў му за порату́нокъ дя́коваты, та нэма́ кому́.

Ажъ разъ ци́сарь стоя́ў въ сво́имъ бу́рку въ викни́ тай ды́вытся, а тамъ сда́лэку йи́дэ чэ́рэзъ ми́сто якій-сь чолови́къ съ обвя́заноў руко́ў. Тогды́ ци́сарь пизна́ў свою́ хусты́нку тай каза́ў то́го до сэ́бэ заклы́каты: а то буў самъ-то́й, то ся за́разъ пизна́лы и го вжэ ци́сарь нэ пусты́ў. Тай такъ ёму́ ка́жэ: „Вжэ ся жэны́ съ моёў донько́ў и будь ту па́номъ!“ Тай зробы́лы вэсильє и винъ вжэны́ўся.

Алэ та его́ жи́нка, ци́сарова донька́, любы́лася съ е́нчымъ ци́саромъ. Тай той ци́сарь напыса́ў пысьмо́ до нэи, абы́ она́ пэрэда́ла до нэ́го тыхъ тры ри́чы, що ей чолови́къ ма́е: ша́пку и мэчъ и соро́чку; а ёму́ щобы́ спра́выла таки́ са́ми и пидложы́ла, абы́ винъ нэ знаў. И она́ взя́ла, якъ чолови́къ спаў, тыхъ тры ри́чы му забра́ла и пидложы́ла е́нчи, тай то запакува́ла и пода́ла на по́чту до тамто́го ци́сара. Тогды́ вжэ тамто́й пы́шэ, щобы́ винъ ся ста́выў до во́йны. Алэ винъ ся ницъ нэ боя́ў, бо нэ знаў, що жи́нка видминя́ла му тоти́ ри́чы, тай вжэ ся до війны́ ста́вытъ. Тай тамъ кру́тытъ-кру́тытъ ша́пкоў, а́лэ нэма́ ничо́го; а тамто́й во́рогъ якъ покруты́ў, то всё то́го во́йско до сэ́бэ прыкруты́ў тай его́ само́го ажъ пэ́рэдъ сэ́бэ прыкруты́ў. И пыта́еся тогды́ его́: „Яку́ ты смэрть тэпэ́рь собі́ жада́ешь?“ А винъ ка́жэ: „Порубай мэнэ́ на кава́лки и зложы́ въ мишо́къ и на коня́ мя на мо́го прывяжы́ и пусты́ коня́, най идэ́!“ Тай той ци́сарь такъ съ нымъ зробы́ў: поруба́ў его́ на кава́лки, зложы́ў на коня́ и пусты́ў коня́ въ сьвитъ.

И той кинь такъ ходы́ў по сьви́ти, ажъ собі́ врэ́шти змиркува́ў и прыйшо́ў до тыхъ трёхъ панни́ў пэ́рэдъ бра́му. А панны́ вы́йшлы и его́ пизна́лы. Зня́лы зъ нэ́го той мишо́къ, вы́нялы тоти́ кава́лки ти́ла й го́лову, то пизна́лы вжэ,

що то той-самы́й, що ихъ вы́слободыў зъ нэво́ли. Тогды́ оны́ поскладáлы вси ти кавáлки докýпы, взя́лы жывýщои-сцилýщои воды́, покропы́лы, то зноў такъ Пáнъ-бигъ даў, що винъ ожы́ў,—вжэ дрýгый разъ. И тогды́ вжэ оны́ ёмý кáжуть: „Вжэ-сь разъ въ сьвитъ ходы́ў и смэ́рты-сь пожы́ў, то вжэ нэ йды! лышы́ся съ нáмы, жэны́ся съ однóў тай панýй!“ Алэ винъ нэ хóчэ: „Щэ йду, кáжэ, въ сьвитъ трибувáты!“

Тай пойи́хаў назáдъ до своэ́и жи́нки, а онá вжэ съ тымъ ци́саромъ соби́ жые́. Тогды́ той ёгó кинь до нэ́го промóвыў: „Ту бýдутъ кóло паля́циў стынáты еднó дэ́рэво въ сади́, то абы́-сь зайшóў и тры три́сци абы́-сь ухóпыў и кéнуў тамъ на ставóкъ, дэ ся той ци́саръ всэ купáе!“ Тай винъ такъ зробы́ў: взяў тры три́ски и кéнуў на ставóкъ, а зъ тóго ся стáлы тры золоти́ качури́. Якъ прыйшóў ци́саръ купáтыся, влизъ въ вóду и лышы́ў на бэ́рэзи всё шмáтье. Тогды́ ся ти качури́ до нэ́го зъявы́лы, áлэ всэ, що винъ ихъ хóчэ злапаты рукóў, вжэ туй-тýй, то оны́ всэ дáли плы́нуть, а винъ за ны́мы. Якъ вжэ буў далэ́ко, тогды́ той заби́гъ своé шмáтье скéнуў, а то цисáрске на сэ́бэ ўбраў, тай пишóў.

Тай потóму пы́шэ вжэ до тóго ци́сара, щобы́ ся стáвыў до вiйны́. И якъ ся вжэ до вiйны́ постáвылы, то тамтóй крýтытъ-крýтытъ шáпкоў, áлэ ницъ нэ вы́крутыў; а той якъ покруты́ў, то всё вóйско до сэ́бэ прыкруты́ў, и тóго ци́сара. Тогды́ пытáеся ёгó: „Якý ты соби́ смэрть жадáешь?“ А той кáжэ: „Якý вжэ самъ хóчэшь, такý робы́!“ Тай той взяў, порубáў го на штýки, такъ, якъ винъ ёгó, тай тотý своіó жи́нку порубáў,—тай вжэ конэ́ць.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

41.

Жена-волшебница.

а). Нэ мигъ ся ожэны́ты едэ́нъ кава́лиръ. Дэ пидэ́, всю́да го видпра́вятъ, нэ хотя́тъ го ди́уки. Пишо́ў винъ до воро́жки, а воро́жка ёму́ такъ повида́е: „Иды́ тамъ у лисъ, стань сы за ду́ба и стій; тамъ прыйду́тъ ся на Дуна́й качки́ купа́ты, то дви зло́жать свое́ пи́рье у́разъ, а трэ́та окрэ́мэ; то, ка́жэ, абы́-сь то́и трэ́тои пи́рье бра́у—тото́ тво́я жи́нка будэ́!“

Стаў винъ за ду́бомъ и стои́тъ. Прылэ́тилы тры качки́ купа́тыся; дви зложы́лы у́разъ пи́рье, а една́ оси́бнэ. И винъ то пи́рье ухо́пыў и зача́ў утика́ты. Она́ бижы́тъ за нымъ—вжэ ся зробы́ла ди́укоў—тай про́сытъ ёго́: „Видда́й, видда́й!“ Винъ нэ хоти́ў видда́ты, то она́ пишла́ за нымъ ажъ до-до́му. Тай винъ то пи́рье замо́къ собі́ до ку́фра тай ожэны́ўся съ нэ́ў. Жылы оны́ собі́ бэзъ цилы́й рикъ фа́йно. Алэ она́ го всэ просы́ла, абы́ йій то пи́рье показа́ў, тай въ рикъ винъ йій показа́ў. Тогды́ она́ ухо́пыла то пи́рье и полэ́тила ажъ до сво́го витця́.

Забра́ў винъ ся й собі́, пишо́ў ажъ тамъ до ей витця́ за нэ́ў. Йій ся тамъ ду́жэ жаль зробы́ў за нымъ, жэ винъ прыйшо́ў, абы́ винъ тамъ смэ́рты нэ пожы́ў. И ка́жэ до нёго: „Чого́-жъ ты ту йшоў? ту тобі́ смэрть будэ́!“ Тай зача́ла пла́каты. А да́ли ка́жэ: „Нэ бі́йся, яко́-сь то бу́дэ! вжэ я бу́ду въ тимъ!“

А то ей отэ́ць буў опы́ръ, а ма́ты опыры́ця. Тай той ей отэ́ць повида́е: „Трэ́ба ёго́ стра́тыты!“ Алэ донька́ ка́жэ: „Та́ту, нэ можъ ёго́ тра́тыты, бо то мій чолови́къ!“ Алэ зноў ма́ты зача́ла ду́жэ ю́дыты, абы́ стра́тыты. Тай тогды́ отэ́ць ка́жэ: „Ну, якъ винъ мэні́ тоты́ загадки́ зро́бытъ, що я ёму́ ска́жу, то го нэ бу́ду тра́тыты, а якъ нэ зро́бытъ, то го стра́чу!“

Тогды́ го заклы́каў и таку́ робо́ту ёму́ даў: такі́й тэ́нгій лисъ вы́корчуваты до вэ́чэра, абы́ й пэнька́ нэ бу́ло. Пишо́ў винъ у лисъ, сиў тай пла́чэ: дэ-жъ хто го́дэнъ таку́ робо́ту за едэ́нъ дэнь зробы́ты? Такъ винъ сыди́ў до полу́дня, ажъ вы́нэсла ёму́ тота́ ёго́ жи́нка йисты. Тай ка́жэ: „Цытъ,

Бигъ съ тобо́ў!“ Якъ кры́кнула, якъ ся злэ́тило що́ на сьви́ти бу́ло,—цы лю́дэ, цы яка́ звирына́,—такъ той лисъ вы́корчували, вы́чыстылы, зробы́лы по́рохъ. Выхо́дытъ той опы́ръ, пыта́еся его́: „Вжэ-сь гото́ў?“ А винъ ка́жэ: „Вжэ дау́но́! якъ мы йи́сты прынэ́сла, то-мъ вжэ посли́дный корчъ вывалюваў!“ Тай пишлы́ ра́зомъ до-до́му.

На дру́гый дэнь ка́жэ до не́го опы́ръ: „Ма́ешь мэни́ посі́яты жы́то, абы́ зі́йшло́, и вы́жаты и въ ко́пы зложы́ты,—все то ма́ешь до вэ́чэра зробы́ты!“ Винъ пишо́ў на по́лэ, сиў тай дума́е: „Що́ робы́ты?“ Выно́ситъ ему́ жи́нка йи́сты въ полу́днэ. Якъ кры́кнула, якъ ся злэ́тилы лю́дэ, жы́та нано́сылы зъ все́го сьви́та и въ ко́пы зложы́лы. А на по́лы позастри́мкувалы стэрня́нки, гы колы́-бы то на тимъ по́лы бу́ло жы́то вы́жатэ. Выйиджа́е той, пыта́еся: „Що́-сь тогды́ робы́ў, якъ она́ тоби́ йи́сты прынэ́сла!“—„Посли́дный, ка́жэ, снипъ жы́та завя́зуваў-емъ и-мъ клаў на́ копу́!“

Трэ́тый го дэнь вы́правыў, абы́ то жы́то вы́молотыў и въ ми́хи зибра́ў и въ ру́мы зложы́ў. Якъ она́ вы́нэсла ему́ полу́днуваты, якъ ся на́ридъ излэти́ў, все жы́то вы́молотылы, въ ми́хи зибра́лы и въ стыртьі́ поскладалы, у ру́мы. И тогды́ вы́йихаў отэ́ць и пыта́еся: „Що́-сь робы́ў, якъ она́ ты йи́сты выносы́ла?“ —„Посли́дный-емъ михъ жы́та завя́зуваў!“—И пойи́халы зноў до-до́му.

Повида́е тогды́ ма́ты, тота́ опыры́ця, до доньки́: „Напалы́ въ пьеца́хъ до́брэ и воды́ нальля́й въ китлы́!“ Понапа́лювала она́ въ пьеца́хъ, поналыва́ла въ китлы́. Пыта́еся ма́ты: „Цы кипя́тъ?“—„Щэ нэ кипя́тъ, ка́жэ, що-и́но ся розигри́лы!“—И тогды́ ка́жэ до то́го сво́го чолови́ка: „Утика́ймо звидсы, бо насъ ма́ты хо́чэ спа́рыты!“ Тай зробы́ла его́ гусако́мъ, а сэбэ́ гу́скоў,—полэ́тилы гэтъ, утэклы́.

Вста́ла стара́ ей ма́ты, ды́вытся—китлы́ кипя́тъ, а ихъ нэма́. Тогды́ ка́жэ другі́й доньци́: „Лэты́ за ны́мы!“ Алэ оны́ чу́лы, що за ны́мы сэстра́ лэты́тъ, то за́разъ она́ зробы́лася я́блинкоў на чы́стимъ по́лы, а его́ зробы́ла я́бкомъ на са́мимъ вэ́ршку на гылі́. Тогды́ ихъ сэстра́ нэ пизна́ла тай обэрну́лася наза́дъ. Прылита́е до-до́му тай ка́жэ: „Нэма́!“—„А цы нэ находы́ла-сь дэ́-що?“—„Стоя́ла я́блинка и на ні́й я́бко.“—„Бу́ло бра́ты, то оны́!“

Послáла онá тогды́ чоловика за ны́мы. Алэ онá якъ чýла, що тáто лэты́тъ, зробы́лася каплы́чкоў, а ёгó вйўтаромъ. Подывы́ўся отэ́цъ—тай нэ спизнáў, обэрну́ўся зноў до-дóму. Пытáеся старá: „Цы здыбáў-есь дэ́що?“—„Ницъ, лышэ́нь каплы́цю й вйўтаръ.“—„Та бýло брáты, дýрню, то оны́!“

Тогды́ вжэ полэ́тила онá самá за ны́мы. Алэ оны́ то учýлы, тай такíй буў блы́зько Дунáй, то сйлы сы обóе на Дунáй: винъ гусáкъ, а онá гýска. Прылэ́тила мáты надъ Дунáй и кáжэ: „Диточкй мой, чогó вы видъ мэ́нэ поўтикáлы? я васъ такъ любы́ла дýжэ!“ А потóму якъ стáла вóду зъ Дунáю пы́ты, лышэ́нь дрйбку щэ на-сэрэды́ни лышы́ла, тай вжэ лйзэ до ныхъ, хóчэ брáты. Тогды́ тотá донькá повидáе: „Колы́-сь ся, мамýньцю, такъ навáжыла, то жэбы́-сь пýкла!“ Тай тотá старá зáразъ пýкла; водá ся зъ нэ́и вы́льляла и стаў Дунáй пóўный. А оны́ ся забрáлы тогды́ тай полэ́тилы до свóго дóму.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

—

б). Такъ буў едэ́нъ хлóпэць и пишóў до чóрта на слýжбу. Алэ чортъ маў тры донькй. Тай еднá ся съ тымъ хлóпцёмъ полюбы́ла и оны́ хотйлы ся побырáты. Алэ чортъ кáжэ до хлóпця: „Я дамъ свóю донькý за тэ́бэ, áлэ ажъ тогды́, якъ ты мэнй 12 мóргиў лйса за едэ́нъ дэнь вы́корчуешь и зъóрэшь и посíешь на тимъ пшэны́цю и вы́жнэшь тотý пшэны́цю и въ кóпы злóжышь и до шпихлирý мóго повóзышь; якъ то всё, кáжэ, до вэ́чэра зрóбышь, то дамъ за тэ́бэ донькý!“ Тай винъ пишóў до тóго лйса, áлэ сиў и плáчэ. Прыйшлó полýднэ —вы́нэсла ёмý тотá ёгó пáнна ййсты. Тай кáжэ до нéго: „Цытъ, нэ плачъ! нá, йиджъ полýдэнокъ, а я за тэ́бэ всё зрóблю!“ Тогды́ покруты́ла такймъ грэбиньцёмъ на гóлови, то зáразъ попрылитáлы чорты́, зачáлы корчувáты: за годы́ну вы́корчувалы цилý горý, вы́оралы тотó тай позасáджувалы въ тотó пóлэ стэрня́нки, а потóму нанэ́слы пóўно снопйў пшэны́ци, вы́молотылы тай виднэ́слы до шпихлирý, а солóму посклáдáлы въ стóгы. Тогды́ винъ вжэ прыйшóў до-дóму тай

пытáе ёгó ся чортъ: „Ну, чы зробы́ў-есь такъ?“ — „Зробы́ў-емъ! иди́тъ, подывитося до шпихлиру́!“

Алэ чортъ кáжэ: „Я щэ за тэ́бэ мóю доньку́ нэ дамъ! ажъ якъ мэни́ вы́ставышь за едэ́нъ дэнь цэ́ркоў и всё, що въ цэ́рквы е, то тогды́ ты йи дамъ!“ Тогды́ винъ пишóў, стáў тай плáчэ. Прыйшлó полу́днэ — прынэ́сла ёму́ пáнна ии́сты тай кáжэ: „Та нэ плачъ, дурны́й!“ Знóву тымъ грэбиньцёмъ покруты́ла, то зáразъ попрылитáлы чорты́, вы́ставылы цэ́ркоў, гэтъ усé, за штыры годы́ны; áлэ хрэстá нэ моглы́ постáвыты, бо ихъ пэклó, то винъ вжэ самъ вы́лизъ на цэ́ркоў тай застромы́ў хрэстъ. Акурáтъ тогды́ вы́йшоў чортъ дывы́тыся — чы ёму́ хто нэ помагáе робы́ты? Тай увы́диў го на цэ́рквы съ хрэстóмъ, то вжэ повье́рыў.

Тай зноў кáжэ до нёго: „Щэ мэни́ мáешь ты́мы ключи́ма видомкну́ты мóихъ 12 пыўны́ць — тогды́ ты дамъ доньку́!“ Тогды́ винъ взяў ключи́ тай пишóў видмыкáты, — áлэ дэ́ тамъ? — нэ знáе, котры́й ключъ до котрóи пыўны́ци, нэ мóжэ трáфыты. Тогды́ прыйшлá тотá ёгó пáнна тай показáла ёму́, котры́й ключъ до котры́хъ двэ́рэй, тай винъ тогды́ повидмыкáў вси до éднои. Алэ онá щэ ёму́ кáжэ: „Тэпэ́рь будэ́ ся тáто пытáты, котрá е нáймолодша донькá? а ты ся будэ́шь ни́бы доўгó-доўгó дывы́ты, а я киўну́ мизэ́рнымъ пáльцёмъ — тогды́ будэ́шь казáты: о-тотá е нáймолодша! — то бу́ду я!“ А тоты́ тры донькí бу́лы такí вси еднакóви, якъ еднá. Тай такъ ёму́ кáжэ чортъ: „Ану́, щэ ўгадáй, котрá то нáймолодша донькá?“ Винъ ды́вытся-ды́вытся, áлэ онá киўну́ла пáльцёмъ, тогды́ винъ кáжэ: „О-тотá!“ Дóбрэ!

Тогды́ вжэ чортъ нэ маў щó робы́ты, то замкну́ў ихъ обóе до покóю и кáжэ: „Пали́тъ ту въ тимъ пьéцу тры дны!“ Бо винъ ихъ тамъ хоти́ў въ зэли́знимъ пьéцу стрáтыты. А въ тимъ покóйы бу́лы ви́кна на тры ся́жни высóко, то нэ можъ бу́ло вы́лизты тай утикáты. Алэ онá тогды́ ёгó зробы́ла гóлубомъ, а сэбэ́ голубы́цэў, тай викнó збы́лы и полэ́тилы.

Чортъ ўвійшóў до покóю, а ихъ нэмá. Тогды́ кáжэ до свóйи сэрэду́щои донькí: „Гоны́ за ны́мы!“ Тай онá полэ́тила, áлэ оны́ учу́лы вэлы́кій шумъ, то онá зробы́ла ёгó бодакóмъ, а сэбэ́ ру́жоў. Сэстрá прылэ́тила, áлэ

нэ моглá ихъ пизнáты, то вэрнýлася назáдъ до витця́. Тогды́ отэ́ць ся ей пытáе: „Чы здыбáла ты що́?“—„Нэ здыбáла-мъ ничо́, лышэ́ бодáкъ тай рýжу на по́лы.“—„То оны́ бýлы!“

Тай тогды́ кáжэ до найстáршои доньки́: „Лэты́ ты!“ Полэ́тила онá, а та зáразъ ýчýла тай зробы́ла ёго́ ди́домъ, а сэбэ́ коро́воў. Прылэ́тила сэстрá тай пытáеся то́го ди́да: „Цы нэ вы́дилы вы ту якúхъ двое, абы́ утикáлы?“ А дидъ кáжэ: „Вы́диў-емъ двое, áлэ щэ тогды́, якъ я буў пáрибкомъ, а тотá коро́ва я́лиўкоў!“ Тай онá тогды́ вэрнýлася до-до́му.

Тогды́ вжэ чортъ самъ полэ́тиў за ны́мы. Алэ онá ýчýла тай зробы́ла ёго́ цэ́ркоўю, а сэбэ́ паламаро́мъ. Тай винъ прылэ́тиў тай ихъ спизнáў и вжэ хоти́ў тотý цэ́ркоў съ паламаро́мъ брáты. Алэ онá тогды́ кáжэ до нёго: „Колы́-жъ ты, тáту, такъ на насъ настáешь, то абы́ тя я́сный гримъ зáбыў!“ Тай зáразъ удáрыў гримъ и зáбыў чо́рта на ропý, а оны́ собí тогды́ полэ́тилы обое гэтъ тай ся пибрáлы.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

42.

Золотоволосая Елена.

Ходы́ў едэ́нъ хлопъ по сьвíти и шукáў собí ди́ўки. И прыйшо́ў до едно́и воро́жки, то онá ёмý сказáла: „Иды́, шукáй золотоволо́сои Ялэ́ны!“ И винъ пишо́ў шукáты.

Шукáў-шукáў и нэ мигъ найты́. Тогды́ пишо́ў до со́нця — пытáтыся, чы нэ вы́дило оно́ золотоволо́сои Ялэ́ны? А со́нцэ кáжэ: „Я сьви́чу го́ры и долы́ны, áлэ тако́и Ялэ́ны я нэ находы́ло!“ Алэ дáло ёмý со́нцэ золоты́й клубо́чокъ и кáжэ: „Якъ бýдэшь въ потрэ́би, то вэрзь той клубо́чокъ по́-за сэбэ!“ И винъ тогды́ пишо́ў до ми́сяця. А ми́сяць кáжэ: „Я мáло сьви́чу, лышэ́ въ ночы́, то всю́ды нэ досьви́чую; я нэ знаходы́ў тако́и Ялэ́ны нигдэ́!“ И даў му ми́сяць щи́точку

и ка́жэ: „Якъ ты ся бу́дэ яка́ прыго́да лучи́ты, то ве́ржэшь за се́бэ!“ И винъ пишо́ў да́ли—до ви́тра. Ви́тэръ ка́жэ: „Йды, твою́ золотоволо́су Ялэ́ну тры́йцять бабъ зэли́зными язы́камы трыма́е; то ты йи, ка́жэ, видъ тыхъ бабъ нэ диста́нэшь, а́лэ йды ту до едно́и воро́жки на слу́жбу, то она́ тоби́ дасть тако́го коня́, що бу́дэ лита́ты пови́тёмъ, то на нимъ съ Ялэ́ноў утй́кнэшь!“ И даў му щэ ви́тэръ митлу́ и каза́ў му: „Якъ ты ся яка́ прыго́да ста́нэ, то уда́ръ по́-за сэ́бэ!“

Тогды́ винъ за́разъ пишо́ў до то́и воро́жки. А она́ ёму́ ка́жэ: „Якъ допасэ́шь мо́ю кобы́лу, то я тоби́ дамъ тако́го коня́!“ И винъ займы́ў ту кобы́лу па́сты въ лисъ. Алэ въ ночи́ наста́ў вэлы́кій шумъ и кобы́ла счэ́зла. Тогды́ появы́лося ёму́ мно́го лы́сиў и пишлы́ съ нымъ до то́и воро́жки. А тамъ сыди́ла въ ко́шыку ку́рка на я́йцёхъ, то ти лысы́ ту ку́рку схваты́лы зъ ко́шыка и розбы́лы я́йця, а зъ тыхъ яе́ць вы́лэтила кобы́ла съ трома́ лоша́тамы. Тогды́ вжэ воро́жка дала́ ёму́ едно́ лоша́ и ка́жэ: „Тамъ у тыхъ бабъ е тота́ золотоволо́са Ялэ́на у склянни́мъ збанку́; то абы́-сь йи браў зо збанко́мъ и абы́-сь той збано́къ нэ витваря́ў, ажъ по́ки до-до́му нэ дойи́дэшь!“

И винъ пойи́хаў до тыхъ трыйцитёхъ бабъ. Прыйиждже́е тамъ, а тоты́ бабы́ вси спятъ. Винъ тогды́ увы́диў тамъ въ вэлы́кимъ збанку́ золотоволо́су Ялэ́ну, то ўхо́пыў йи, сиў на коня́ и займы́ў. А тоты́ бабы́ съ зэли́зными язы́камы спа́лы двайцять чоты́ры годы́ны; по́тимъ встаю́ть, а Ялэ́ны нэма́. Тай зача́лы ся гна́ты за тымъ молодцёмъ. Винъ учу́ў які́й-сь шумъ, що бабы́ за нымъ вжэ лэтя́ть, тогды́ вэргъ щи́точкоў наза́дъ сэ́бэ, то за́разъ вы́рисъ стомы́лэвый лисъ. Бабы́ зача́лы той лисъ грызты и го пэрэгры́злы и зача́лы ся да́ли за нымъ гна́ты. Винъ чу́е шумъ, то вэ́ргъ клубо́чокъ наза́дъ сэ́бэ—вы́росла ками́нна гора́. Алэ бабы́ тоту́ гору́ пэрэгры́злы и зноў ся за нымъ жэ́нуть. Тогды́ винъ буў ужэ́ надъ мо́рэмъ; уда́рыў митло́ў по мо́ру, то мо́рэ му ся розступы́ло и чы́стымъ пу́тэмъ пэрэйи́хаў, а по́тимъ обэрну́ўся и ўда́рыў зноў по мо́ру митло́ў, то мо́рэ ся зійшло́ зноў, якъ бу́ло пэ́ршэ. Тогды́ ся тамъ вси тоты́ бабы́ потопы́лы.

Алэ тамъ царь якій-сь також йиздыў конёмъ по повитю и догоныў того и зачаў ся съ нымъ бороты и видбыраты ёму золотоволосу Ялэну. Алэ кинь того царá буў видъ тóи самóи ворóжки, то ся ти кóни що-сь мэ́жы собóў порáдылы, тай кинь звэргъ тóго царá на зэ́млю и царь зáбыўся. Тай винъ собí тогды́ съ золотоволóсоў Ялэ́ноў пойíхаў счисли́во до-дóму.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

43.

Мужъ-жаба.

Пэклá мáты хлибъ тай пислáла дíўку по вóду. Зачырáе дíўка вóду, а жáба йій тамъ нэ дае́, кáжэ: „Якъ будэ́шь моя́, тó ты дамъ воды́!“ Вэрну́лася дíўка до-дóму бэзъ воды́ тай кáжэ: „Якá-сь жáба нэ дае́ вóду брáты!“ Тогды́ мáты пислáла дру́гу дíўку по вóду. Зноў йій жáба воды́ нэ дае́, кáжэ: „Якъ будэ́шь моя́, тó ты дамъ!“ А дíўка кáжэ: „Бýду вжэ твоя́, колы́ хóчэшь, лы́шь мы дай воды́!“ Тогды́ зачэ́рла сы воды́ и идэ́ до-дóму.

А жáба скáчэ за нэў. Прыйшлá жáба пэ́рэдъ порíгъ тай кáжэ: „Рáхомъ-рáхомъ-рахомя́, пэрэсады́ мя чэ́рэзъ порíгъ, дíвочко моя́!“ Взя́ла дíўка, пэрэсады́ла жáбу до хáты. Тогды́ жáба кáжэ: „Рáхомъ-рáхомъ-рахомя́, дáй мы йíсты, дíвочко моя́!“ Дáла дíўка жáби йíсты—найíлася жáба. Вэ́чиръ кáжэ зноў жáба: „Рáхомъ-рáхомъ-рахомя́, клады́ мэнэ́ до свóго лíжка, дíвочко моя́!“ Ляглá дíўка съ жáбоў до лíжка тай лэжы́тъ. А въ ночы́ тотá жáба звэ́ргла жáбячу корý тай зробы́ўся зъ нэ́и паны́чъ дýжэ крáсный. Тай винъ вжэ пэрэночувáў тамъ съ дíўкоў, а рáно зноў ся зробы́ў жáбоў.

Тай потóму кáжэ донькá до мáтэры: „Ой, то нэ жáба, мáмо, то паны́чъ, лышэ́ винъ мáе жáбячу корý!“ Мáты дрýгого рáня розклáла огэ́нь у пэчы́ тай увы́дила ту жáбячу корý кóло лíжка и вэ́ргла йи у пичь—згорíла. Той ся паны́чъ схóпыў, хóчэ ся у корý убыráты, а коры́

нэма́! Тогды́ ка́жэ винъ до ди́ўки: „А бола́й васъ Богъ скара́ў! я щэ маў лышь два ро́ки ходы́ты въ тії кори́, то́-бы-мъ буў кру́лёмъ зиста́ў, а такъ пропа́ло вжэ всё!“ Тай пишо́ў винъ до коваля́ тай зробы́ў обру́чъ зэли́зный, то на тоту́ свою́ жону́ той обру́чъ забы́ў на чэ́рэво тай ка́жэ: „Абы́-сь ажъ тогды́ тоту́ диты́ну уро́дыла, якъ мэнэ́ зна́йдэшь!“ Тай пишо́ў сы тогды́ въ сьвитъ.

Ждэ она́, ждэ, а винъ нэ прыхо́дытъ. Ка́жэ она́ до ма́тэры: „Иду́ я, ма́мо, въ сьвитъ—за нымъ шука́ты!“ Идэ́-идэ́, пыта́еся ми́сяця: „Ми́сяцю, ми́сяцю, далэ́ко сьви́тышь, далэ́ко вы́дышь! чы нэ йшоў ту жа́бячій круль?“ А ми́сяць ка́жэ: „Я нэ вы́диў! иды́ до со́ньця—мо́жэ со́ньцэ зна́е?“ Тай даў йій ми́сяць золотэ́ мотовы́льцэ. Она́ прыйшла́ до со́ньця тай ка́жэ: „Со́ничко, со́ничко, далэ́ко сьви́тышь, увэ́сь сьвитъ вы́дышь! чы нэ йшоў ту жа́бячій круль?“ А со́ньцэ да́ло йій золоты́й клубо́чокъ тай ка́жэ: „Иды́ тамъ до двора́, то винъ тамъ е, винъ ся тамъ съ па́нэў ожэны́ў!“

Пишла́ она́ тамъ до двора́ тай ся убра́ла въ ла́хи, такъ ни́бы по жэ́брихъ хо́дытъ. Тай про́сытся до двора́ на́-ничь. Вы́йшла тота́ па́ни тай ка́жэ: „Та ночу́й сы тамъ дэ въ ку́хны зо слу́жныцима!“ Пэрэночува́ла она́ ничь, вы́йшла пидъ ха́ту тай ся ба́вытъ тымъ мотовы́льцэмъ. А па́ни то увы́дила тай ка́жэ: „Кобы́ ты мэни́, бабу́сю, то мотовы́льцэ прода́ла!“ А она́ ка́жэ: „Я вамъ го и такъ да́мъ, а́лэ пусти́тъ мя едну́ ничь съ ва́шымъ па́номъ спа́ты!“ Па́ни ка́жэ: „До́брэ!“ Алэ па́ну да́ла тако́го по́рошку до вэчэ́ри, жэ панъ засну́ў тай ся цилу́ ничь нэ пробуды́ў. Видта́къ ра́но она́ вы́йшла пидъ ха́ту тай зноў ся такъ клубо́чкомъ ба́вытъ золоты́мъ. А па́ни ка́жэ до нэ́и: „Кобы́ ты мэни́ щэ той клубо́чокъ прода́ла!“ Она́ ка́жэ: „Я вамъ го дамъ, а́лэ щэ мя пусти́тъ едну́ ничь съ па́номъ спа́ты!“ Тогды́ зноў па́ни прыла́дыла то́го по́рошку для па́на, абы́ засну́ў, а́лэ дала́ то слу́жныцы, абы́ насы́пала до вэчэ́ри; слу́жныця хоти́ла вжэ сы́пати, а́лэ тота́ жи́нка йи то́ўкнула и то розсы́палося на зэ́млю. А слу́жныця ся боя́ла тай ницъ па́ни нэ каза́ла, а́лэ занэ́сла па́ну вэчэ́ру бэзъ по́рошку. Тогды́ вжэ якъ пишла́ она́ съ па́номъ спа́ты, то панъ вжэ нэ спаў. А она́ ка́жэ до нёго: „То ты мэнэ́ лышы́ў съ обручо́мъ, а са́мъ-есь ся ожэны́ў съ дру́гоў тай-есь мя забу́ў!“ Алэ винъ взяў тай положы́ў

на ню ру́ку, то ся обру́чъ за́разъ розпу́къ тай она́ уроды́ла два хло́пци.

Ввійшла́ па́ни ра́но до поко́ю, ды́вытся тай крычы́тъ: „А ты ту, жэбра́чко, що́ наробы́ла тако́го?“ Алэ панъ ка́жэ: „Ты́хо будь, нэ сварыся, бо то мо́я пра́ва жи́нка!“ Тай винъ тогды́ па́ню видпра́выў гэтъ, а съ тоў вжэ ɣаздува́ў ажъ до смэ́рты.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

44.

Какъ пастухъ наговорилъ полный мѣшокъ.

Буў едэ́нъ господаръ и маў сы́на едынака́. Хова́ў его́ до дэ́сять литъ, а видъ дэ́сять литъ хло́пэць зробы́ўся пусты́й, нэ хоти́ў слу́хаты витця́-ма́тэры, а найби́льшэ буў ла́комый на диўча́та тай молоды́ци. Вы́дилы, жэ зъ нэ́го ницъ нэ бу́дэ, и гэтъ-при́чъ нагна́лы го видъ сэ́бэ въ сьвитъ, абы́ чужи́ лю́дэ наўчы́лы го розу́му. Винъ собі́ взяў то́рбу шки́ряну и до то́рбы пыщэ́ўку и забра́ўся и пишо́ў.

Ишо́ў ки́лька дэнь, зайшо́ў далэ́ко въ чужыну́. Тай прыйшо́ў такъ разъ вэ́чэромъ по-пэ́рэдъ едно́го грабе́го двиръ. Панъ стоя́ў на бра́ми, увы́диў го и заклы́каў до сэ́бэ. Пыта́е его́ ся панъ: „Дэ ты йдэшь, хло́пчэ?“—„Иду́ слу́жбы пыта́ты!“—„Мо́жэ-бы-сь ся въ мэ́нэ наймы́ў?“—„До́брэ, найму́ся!“—Зави́ў его́ панъ до двора́, каза́ў ему́ да́ты йисты. Якъ винъ попойи́ў, тогды́ го заклы́каў панъ до поко́ю и взяў его́ пыта́ты: „Що́ ты бу́дэшь за слу́жбу робы́ў?“ А винъ ды́вытся, жэ тамъ сыды́тъ то́го па́на донька́—така́ ла́дна, то повида́е такъ: „Що́ ти́лько на сьви́ти е, яка́ робо́та, то я всё зро́блю, а́лэ якъ мы панъ заплатя́тъ то́, що я схо́чу!“ Панъ на то здуми́ўся тай ка́жэ: „Я вжэ робо́ту зна́йду для тэ́бэ, а́лэ яку́ ты платню́ хо́чэшь?“ Винъ повида́е: „Жэбы́-сьтэ мэні́ сво́ю до́ньку да́лы за жи́нку!“ Панъ поду́маў, жэ то які́й-сь такі́й бойчучо́къ нэвэлы́чкій, тай ка́жэ: „До́брэ, я ты йи дамъ и дамъ тобі́ вси сво́и до́бра, а́лэ му́сымо собі́ зро́бы́ты за́кладъ, жэ ты мэні́ ма́ешь робы́ты слу́жбу

на тры дны; а якъ за тры дны всэи службы нэ зробышь, то будэшь смэртью караный!“ Тай той прыстаў на закладъ.

На другый дэнь рано панъ встаў, побудыў слугы и того хлопця и бэрэ его и вэдэ до стайни. Завиў его до стайни, показаў ему сто заяциў и повидае: „На то и то пасовыщэ маешь гнаты тыхъ сто заяциў пасты до вэчэра и у вэчиръ до-дому прыгнаты; але якъ-бы едэнъ заяць бракнуў, то будэшь стрэчэный!“ Якъ панъ отворыў стайню, якъ выпустыў заяци, вси заяци полэтилы улыцэў (бо була улыця выгороджэна видъ стайни ажъ до пасовыска). Алэ на пасовыску розлэтилыся на вси стороны—едни въ полэ, други въ лисъ—и нэ выдно було, дэ ся заяци подилы?

Выйшоў хлопэць на пасовыщэ—нэма ни одного заяця. Тогды сиў соби на купыну, думае: „Що ту робыты?“ Тай такъ зъ журбы выймыў пыщэўку зъ торбы. Якъ на ту пыщэўку заграў, вси заяци коло нёго заразъ сталы наоколо: таку вжэ съ тоў пыщэўкоў ворожбу маў. Пасутся заяци, а винъ соби сыдытъ тай грае.

А панъ дома повидае до донькы: „Абы ты пишла такъ сдалэку подывытыся, що той хлопэць робытъ съ заяцима?“ Донька пишла, подывылася сдалэку и прыйшла до-дому и сказала родычимъ, жэ вси заяци коло нэго пасутся. Панъ тогды здумиўся, гадае сы, жэ то будэ тэпэрь злэ, жэ то яка-сь обмана прыйшла, то трэба надъ тымъ яку прахтыку выдуматы. Повидае тогды до донькы такъ: „На-тоби грошэй, иды до того пастуха, можэ-бы-сь у нэго одного заяця купыла, абы му вэчиръ бракнуў, то го стратымо!“ Тогды она убралася по-жэбрацку, абы йи нэ пизнаў, взяла гроши и пишла куповаты заяця. Приходытъ она до нэго, поздоровыла его и просытъ, абы одного заяця йий продаў. Алэ винъ спизнаў, жэ то та панна сама, тай повидае, жэ нэ можэ продаты, нэ хочэ продаты на жадэнъ спосибъ. Алэ потому кажэ такъ: „Колы ты ся вжэ такъ упэрла, то покажы гроши, чы маешь?“ Она ему гроши показала—въ той часъ винъ повидае до нэи: „Давай гроши и щэ лягай ту—зо мноў ся побаў, то ты заяця дамъ!“ Дала она ему гроши и учыныла его волю—лягла до нэго. Винъ свій интэрэсъ зробыў, тогды зийимаў заяця тай йий даў. Вна прыйшла съ тымъ заяцёмъ на подвирье, ажъ пэрэдъ двэри. А той на полы на пыщэўку заграў—заяць

йій ся зъ рукъ вы́рваў и прыби́гъ до нэ́го наза́дъ. Вэ́чиръ прыганя́е винъ заяци́ до-до́му. Панъ вы́йшоў, отворы́ў ста́йню, пэрэрахува́ў заяци́—суть вси сто, до-е́дного. Ну, панъ ся ду́жэ засмуты́ў, а́лэ той хло́пэць сы ничь зъ то́го нэ ро́бытъ, пишо́ў до двора́, повэчэ́раў и лигъ спа́ты.

На дру́гый дэнь ра́но встаў тай займы́ў вжэ самъ, бэзъ па́на, па́сты заяци́. Алэ панъ ка́жэ тогды́: „Ну, ўчо́ра донька́ ходы́ла за за́яцёмъ, купы́ла, та нэ дотры́мала; то вжэ ны́ни ма́ты най идэ́ сама́ купова́ты!“ Тай тогды́ стара́ па́ни ўбра́лася зноў по-жэбра́цку тай пишла́ то́го за́яця купова́ты. Алэ хло́пэць зноў нэ хоти́ў прода́ты, ажъ му́сила й па́ни такъ му да́ты гро́ши и положы́тыся съ нымъ, якъ донька́ ўчо́ра,—тогды́ той пасту́хъ зійима́ў зая́ця, даў ёго́ тій па́ни и она́ пишла́ до-до́му. И вжэ двэ́ри отворы́ла до поко́ю, а́лэ пасту́хъ якъ заграў на пыщэ́ўку, то за́яць ся видъ па́ни вы́рваў и прыйшо́ў на пляцъ до нэ́го. Прыганя́е винъ вэ́чиръ заяци́, панъ пэрэрахува́ў—суть усі́. Ну, кло́питъ!

На трэ́тый дэнь посьни́даў и займы́ў заяци́ зноў па́сты на пасовы́щэ. Алэ панъ вжэ збыра́еся самъ иты́ купова́ты за́яця. Убра́ўся панъ по-жэбра́цку, взяў соби́ дви ты́сячи ры́ньскихъ и пишо́ў на по́лэ до пастуха́. И прыйшо́ў ажъ идъ пастухо́вы и про́сытъ ёго́, абы́ ёму́ спрода́ў едно́го за́яця. Алэ той повида́е: „Я нэ мо́гу спрода́ты, бо́-бы мы за́разъ смэрть бу́ла!“ Алэ панъ повида́е ёму́, жэ му дасть за за́яця дви ты́сячи, бо му ду́жэ трэ́ба. Нэ хо́чэ! Алэ ды́вытся—йидэ госты́ньцёмъ смарово́зъ, мазь вэзэ́; йидэ тако́ў кобы́лоў мизэ́рноў, му́хи йи вжэ обійи́лы, ажъ кроў тэчэ́. Тогды́ винъ ка́жэ до па́на: „Ходи́мъ мы до то́го смарово́за: якъ винъ намъ пора́дытъ—цы прода́ты за́яця, цы нье?“ Прыпыны́лы то́го смарово́за, тогды́ пыта́еся винъ тамъ пэ́рэдъ нымъ то́го па́на: „Ну, дастэ́ дви ты́сячи за за́яця?“—„Дамъ!“—„А поцилю́етэ вы́ тоту́ кобы́лу пидъ во́гонъ?“—Панъ радъ-нэра́дъ ка́жэ: „Поцилю́ю!“ Алэ смарово́зъ—жыдъ буў—ка́жэ: „Я нэ позво́лю за-да́рмо мо́ю кобы́лу цилюва́ты!“ Пасту́хъ взяў тоты́ дви ты́сячи видъ па́на—одну́ ты́сячу взяў соби́, а дру́гу даў жы́дову. Ну, тогды́ панъ пидня́ў во́гонъ, поцилюва́ў кобы́лу—пропа́ло! Въ той часъ пишо́ў пасту́хъ, зла́паў

за́яця и даў па́ну. Панъ вжэ такъ мо́цно то́го за́яця трыма́е, ажъ прыйшо́ў съ нымъ на подви́рье. Тогды́ пасту́хъ загра́ў на пыщэ́ўку—за́яць вы́рваўся тай прыби́гъ наза́дъ на по́лэ. Вэ́чиръ прыганя́е винъ заяци́ў съ па́совыска, панъ пэрэрахува́ў заяци́—суть вси.

Алэ тогды́ панъ вжэ ду́жэ ся роззло́стыў тай за́разъ ёго́ даў до крымина́лу. На дру́гый дэнь розпыса́ў панъ по мыста́хъ, то пано́вэ ся позйиждж́алы на судъ. Тогды́ розпови́ў панъ той цилы́й интэ́рэсъ пэ́рэдъ па́ньствомъ: якъ то мо́жэ бу́ты? Ну, такъ па́ньство ра́дытся мэ́жы собо́ў—нэ мо́жутъ то розтолкува́ты. Алэ едэ́нъ панъ повида́е: „Колы́ вы соби́ такі́й за́кладъ зробы́лы, то ма́етэ му тэпэ́рь то да́ты, що-сьтэ му обиця́лы! а́лэ я ёму́, ка́жэ, щэ едну́ за́гадку скажу: якъ винъ то зро́бытъ, то пропа́ло, му́сытъ вжэ такъ бу́ты!“ Ка́жутъ вжэ хло́пця прывэ́сты та́мки зъ крымина́лу мэ́жы па́ньство. Прывэлы́ ёго́, тогды́ пыта́ется ёго́ той чужы́й панъ: „Чы ты, хлопу́ню, вы́граў-есь той за́кладъ видъ па́на?“—„Вы́граў-емъ!“—„Но, ка́жэ, то такъ нэ мо́жэ бу́ты, бо панъ нэ маў ся съ кимъ пора́дыты! а́лэ, ка́жэ, я тоби́ дамъ та́ки щэ едэ́нъ за́кладъ: ушы́емъ ты михъ у сто ко́рцэй, то якъ ёго́ наговоры́шъ за ква́ндрансъ годы́ны по́ўный и завя́жэшъ, въ той часъ бу́дэшь ся жэны́ў съ гра́бёго донько́ў и вси до́бра ёго́ дистанэ́шь!“ Хло́пэць повида́е: „Дэ-жъ той михъ е?“ Тымчасо́мъ тамъ дэ-сь той михъ бо́рзо ўшы́лы, на сто ко́рцэй вэлы́кій, и внэ́слы до поко́ю пэ́рэдъ па́ньство.

Винъ тогды́ взяў, запха́ў го́лову въ михъ, а па́ну ка́жэ трыма́ты михъ ко́ло шы́и, абы́ слова́ нэ выходы́лы зъ ми́ха наза́дъ. И въ той часъ зачына́е говоры́ты. И ка́жэ такъ: „О-то́ про́шу па́ньства послу́хаты, якъ мі́й викъ идэ́!“ Тай такъ зача́ў имъ всё повида́ты: якъ винъ буў у сво́го витця́, якъ пишо́ў въ сьвитъ, наймы́ўся у па́на на за́кладъ, якъ пасъ заяци́ на по́лы, якъ прыйшла́ до нёго па́нна и якъ винъ йій прода́ў за́яця. Тогды́, якъ то за па́нну розпови́ў, пыта́еся па́ньства: „Цы по́ўный вжэ михъ?“ Повида́ютъ ёму́, жэ нье, жэ ницъ щэ нэ вы́дко. Тогды́ винъ зача́ў говоры́ты да́ли: якъ вы́йшла идъ нёму на по́лэ сама́ стара́ па́ни тай якъ винъ йій прода́ў за́яця. Тогды́ зноў пыта́еся: „Цы по́ўный михъ?“—„Нье, щэ нэма́ ныч!“—Алэ винъ зача́ў повида́ты да́ли: якъ вы́йшоў самъ гра́бя купова́ты

за́яця и даў му дви ты́сячи за за́яця, якъ доро́гоў визъ смарово́зъ мазь мизэ́рноў кобы́лоў, якъ панъ тоту́ кобы́лу поцилюва́ў. Алэ за́ки винъ щэ вы́мовыў до киньця́, панъ схо́пыў го за го́лову и вы́рваў му михъ и ка́жэ: „До́ста, вжэ михъ по́ўный!“ Тогды́ всё па́ньство зача́ло крыча́ты: „Ви́ватъ, хлопуне́ вы́граў!“

И вжэ му́сиў му панъ да́ты свой до́бра и доньку́ за жи́нку, то оны́ побра́лыся и господарува́лы соби́.

(Отъ Николая Жегайляка въ Доброгостовѣ.)

45.

Подмѣненная невѣста.

Въ чы́стимъ по́лю буў лисъ. Ко́ло то́го ли́са ишла́ доро́га, а пры доро́зи стоя́ла хаты́на. Въ тій ха́ти бу́ла вдо́ва-бабы́на, ма́ла дви до́ньки. Бу́лы обі́ ла́дни, якъ сло́нько, а една́ дру́гій поди́бна, такъ якъ-бы една́ осо́ба. Алэ вдо́ва ста́ршу ли́пшэ любы́ла и да́ла йи до ми́ста до шко́лы—учы́тыся дэ́-що вышыва́ты. А моло́дша бу́ла въ до́му и пря́ла кудэ́лю и сьпива́ла соби́ всэ, якъ найли́пшый кана́рокъ.

Алэ нэдалэ́ко видъ то́го ли́са бу́ло ми́сто столы́чнэ, въ котри́мъ мэ́шкаў ци́сарь. Алэ стары́й ци́сарь ўмэръ и здаў па́ньство на сво́го сы́на. Молоды́й ци́сарь хтиў ся ожэны́ты и нэ мигъ соби́ нигдэ́ дибра́ты па́нны за жи́нку. Алэ едно́го ра́зу усі́ў соби́ на коня́ и пойи́хаў на спа́цирь—то́ю доро́гою по́-пры вдо́выну хаты́ну. И ўчуў кра́сный сьпиў зъ то́и ха́ты и хоті́ў вы́диты—хто́ то такъ сьпива́е? И зайи́хаў на подви́рье пэ́рэдъ ви́кна, а ди́ўчына увы́дила бэзъ викно́ и отворы́ла викно́. А панъ ся пыта́е ей: „Цы ма́ешь ты во́ду вдо́ма?“ Она повида́е, жэ воды́ вдо́ма нэма́, а́лэ най панъ зачэка́е, то прынэ́сэ. Пишла́ исъ зба́нкомъ по во́ду, а панъ злизъ съ коня́, прывяза́ў го до дэ́рэва, а самъ пишо́ў до ха́ты, сиў и чэка́е. Ди́ўчына прынэ́сла во́ду зи зба́нкомъ, тогды́ панъ напы́ўся и взяў ся ей пыта́ты:

„Якъ ты ту мэшкаешь и съ кимъ?“ А ди́ўчына повидае, жэ естъ ма́ма вдо́ва, а́лэ пишла́ въ лисъ по то́плыво. А панъ розмавля́ўся да́ли и прыйшо́ў съ тоў ди́ўчыноў до тако́и розмо́вы, жэ хо́чэ ей сва́таты. Алэ она́ повида́е: „Та дэ то мо́жэ бу́ты? мы е би́дни лю́дэ!“ Панъ повида́е: „Я такъ хо́чу, то му́сышь бу́ты мэни́ жи́нкоў!“ Ди́ўчына дэ-сь ся обэрну́ла въ дру́гу сто́ропу, а панъ вы́тягнуў саке́ўку съ дука́тамы и вложы́ў въ ей ли́жко. И въ той часъ пожэгна́лыся обо́е, поцилюва́лыся. Тогды́ щэ пови́ў йій, жэ за́ўтра по нэ́и прыйдэ, абы́ була́ ма́ма вдо́ма. И сиў на коня́ и пойи́хаў.

Въ тимъ ра́зи прыхо́дытъ ма́ма зъ ли́са съ то́плывомъ, а ди́ўчына йій повида́е, жэ буў туй якій-сь панъ, напы́ўся воды́ и пойи́хаў гэтъ. Алэ нэ каза́ла ницъ, що панъ йи хо́чэ сва́таты. Ужэ́ буў вэ́чиръ и вдо́ва каза́ла до́ньци, абы́ стэлы́ла по́стиль. Якъ вы́горнула по́стиль зъ ли́жка, то та саке́ўка съ дука́тамы вы́лэтила на зэ́млю. Ма́ма схо́пылася, пидня́ла саке́ўку и взя́ла доньку́ ганьбы́ты: що́ то тако́го естъ? До́нька пэрэстра́шэна о ни́чимъ нэ зна́ла и ницъ нэ видповида́ла. А стара́ такъ соби́ погада́ла, жэ мо́жэ йій Панъ-бигъ такъ прысла́ў, жэ ихъ тро́ха заратува́ў. И тогды́ поляга́лы спа́ты, а ди́ўци прысны́ўся сонъ, жэ панъ прыйи́хаў и взяў ей за жи́нку и видда́ў йій вси до́бра и ключи́ видъ поко́йиў; а́лэ жэ прыви́ў йи до посли́дного поко́ю, а ви́дтамъ вы́скочыў чо́рный китъ и подэ́ръ йій ду́жэ тваръ, цыцьки́, ру́ки, жэ ажъ пробуды́лася.

Ра́но поўстава́лы, ма́ма ся зибра́ла и пишла́ въ лисъ по то́плыво. Ди́ўчына зварь́ла снида́нье и зробы́ла поря́докъ въ ха́ти, а пото́му убра́лася въ то шма́тье, що ма́ла про сьвя́то, и си́ла пидъ викно́ на ла́ву. И прядэ́ кудэ́лю и сьпива́е, якъ найли́пшый кана́рокъ. Ды́вытся—панъ йидэ на коны́. Злизъ зъ коня́, прывяза́ў, идэ́ до ха́ты. И за́разъ ся звыта́лы, поцилюва́лы, тогды́ панъ взяў ся йи выпы́туваты, якъ йій ся ночува́ло? Ди́ўчына ўстыда́лася па́ну упови́сты, що́ йій ся сны́ло, а нарэ́шти ўпови́ла: такъ и такъ. А панъ повида́е: „То всё пра́ўда, бо ты мо́я жи́нка му́сышь бу́ты, а́лэ що чо́рный китъ, то я за то нэ зна́ю!“ Пры тій розмо́ви прыйшла́ ма́ма зъ ли́са, сказа́ла: „Сла́ва Ису́су Хрысту́!“ Панъ ся съ нэ́ю повыта́ў и за́разъ сказа́ў йій, жэ бу́дэ сва́таты ей до́ньку соби́ за жи́нку. А пото́му повида́е: „Абы́-сьтэ ся на за́ўтра зла́дылы, бо я прыйи́ду и ди́ўку за-

бэру до свого дому!“ И тогды забраўся, сиў на коня и пойихаў до миста.

Алэ колы прыйихаў до миста, дистаў тамъ розказъ, жэ война выбухла; паньство съ войскомъ зибралося до войны. То винъ тогды вжэ съ коня нэ злизаў, тилько обэрнуўся и пойихаў и взяў ту вдовыну диўчыну на коня и такъ прывизъ йи до свого дому. Тогды ўбраў ей по-паньску и виддаў йий ключи видъ усихъ добриў и даў розказъ усимъ, абы йи такъ слухалы, якъ его жинку, ажъ поки винъ нэ вэрнэ зъ войны. А сказаў йий такъ: „Якъ тоби будэ скучно самій, то выпраў фьякеръ, ажэбы тоби прывэзлы маму до двора.“ И забраўся панъ и пойихаў на войну.

Вона якъ пэрэночувала, въ другый дэнь выправыла фьякеръ по маму. Фирманъ якъ тамъ прыйихаў, кажэ баби, жэ пани просыла, абы прыйихала заразъ до нэи. Алэ она сказала такъ: „Скажэтэ пани, жэ така йий дорога до мэнэ, якъ мэни до нэи!“ Фирманъ забраўся тай пойихаў въ-порожнэ. Якъ прыйихаў до-дому, кажэ пани, якъ мама повидала: жэ сама така дорога пани до нэи, якъ йий до пани.

Алэ баба пишла заразъ до миста, прывэла старшу доньку зъ миста до-дому и взялы ся оби радыты, жэ шкода, абы молодша була такоў панэў, а тота старша и ўчэна и мудра абы ницъ нэ мала; и такъ ся оби ўрадылы, жэ она мусытъ ту сама прыйихаты, а оны йи стратятъ, тогды старша ся ўбэрэ за паню и пойидэ. (Бо оны една другій подибна, то панъ нэ спизнае—котра его жинка?) Въ тимъ рази прыйижджае та ей донька зъ миста, та пани, увійшла до хаты и повытались. Тогды взялы зъ нэи тягнуты протоколъ— якъ ся тамъ въ двори робытъ и якъ тамъ естъ? А вна имъ всю праўду розповила и показала ключи, жэ мала пры соби, видъ чого сутъ? Якъ вжэ всю розпраўу скиньчыла, взяла мама и хустыноў забыла йий пысокъ и звязала йи; тогды зибралы зъ нэи паньске одинье и у тото одинье ўбралася тота старша сэстра. А тій выбралы очы и обризалы йий рукі по ликта, а ногы по колина. И въ той часъ выйшла тота старша до фирмана и сила на фьякеръ и пойихала до двора, алэ службови ей нэ спизналы, що то вжэ енча сэстра. Якъ тота

пойихала, тогды баба тоту доньку виднэсла далэко въ лисъ и запорпала въ лыстье; потому прыйшла до-дому, забрала тоты очы и руки и ногы, що йий видризала, завынула то всё въ плахту и пишла съ тымъ идъ тій доньци до миста.

Алэ тота въ лиси пэрэлэжала залэдво една ничь, якъ йи почулы вороны и зачалы въ тимъ лыстю шукаты; якъ розгрэбалы лыстье, выпорпалы той тулубъ зъ дивчыны, тай якъ зачалы йи роздзюбаты, то выдзюбалы йий зъ пыска тоту хустыну, що йий мама въ пысокъ забыла. Якъ ту хустыну вытяглы, тогды она зачала крычаты, а вороны повидлиталы. Алэ она выдытъ, жэ никого нэма въ лиси, а ту лизты нэгодна, ани рушытыся, бо нэма чымъ. Тай взяла сы сьпиваты, такъ, якъ пэршэ.

Алэ звыклэ—якъ то давнымы часамы—булы въ лисахъ пустэльныки. И дэ-сь тамтуда пустэльныкъ зайшоў и учуў той голосъ, а никого нэ выдаты. Зачаў винъ по лыстю шукаты и знайшоў йи тамъ. Винъ ся дужэ на тимъ здумиў тай пытае йи ся, що она такъ ту робытъ? Тогды она му всё розповила, якъ йи мама съ сэстроў поризалы. А винъ йий тогды кажэ: „А цы хотила-бы ты маты зноў очы тай руки тай ногы?“ И тогды наклаў огэнь, розигриў йи троха пры огны, потому пообмываў йий раны и позавываў и прыкрыў йи лыстьемъ и сказаў: „Будэшь ту сама до раня, ажэнь рано я идъ тоби прыйду!“

На другый дэнь рано прыходытъ пустэльныкъ и прыводытъ съ собоў хлопця. Тай повидае до хлопця такъ: „Я маю срибну кудэлю; нэсы до того миста столэчного, а ни-за-що нэ продай, абы тоби хто що даваў за нэи, тилько продай за хрыстіяньски очы!“

Якъ хлопэць ту кудэлю прынисъ до миста, то ёму паньство за то дае срибло-злото нэважэнэ, алэ винъ нэ хочэ продаты: ни-за-що нэ хочэ продаты, лышь за хрыстіяньски очы. Алэ та сэстра сыдытъ въ бурку на викни и увыдила того хлопця съ кудэлёў тай кажэ до мамы: „Мамо, о-той хлопэць продае срибну кудэлю за хрыстіяньски очы; то мы маемо очы зъ сэстры, то даймо му ти очы за кудэлю!“ Тай тогды заклыкалы того хлопця до покойиу, прынэслы ти очы зъ сэстры тай далы му, а винъ имъ тогды даў

кудэ́лю. Тай той хло́пэць прыни́съ о́чы ажъ у лисъ идъ пустэ́льныковы. Тогды́ пустэ́льныкъ тоты́ о́чы вы́мыў и йій повымываў ра́ны и вложы́ў йій о́чы на пляцъ и пэрэжэгна́ў, то о́чы ста́лы щэ ли́пши, якъ пэ́ршэ бу́лы. Въ той часъ ди́ўчына му ду́жэ дя́ковала и пото́му сьпива́ла зноў такъ, гы кана́рокъ. Тай хоти́ла ви́дтамъ гэтъ ли́зты, а́лэ пустэ́льныкъ йій нэ позво́лыў, ка́жэ: „По́ты ту ма́ешь бу́ты, по́ки щэ нэ диста́нэшь ру́ки и но́ги!“ Тай йи тамъ зостаўыў на ца́лу ничь.

Въ дру́гый дэнь ра́но зноў прыхо́дытъ съ тымъ хло́пцёмъ идъ ній и дае́ хло́пцэвы зло́тэ вэрэтэ́но. —„Иды́, ка́жэ, до то́го ми́ста и ни-за́-що нэ прода́й, ти́лько за хрыстія́ньски ру́ки!“—Хло́пэць пишо́ў до ми́ста и про́сто бижы́тъ тамъ, дэ кудэ́лю прода́ў. Якъ та вві́дила па́ни зло́тэ вэрэтэ́но, ка́жэ до ма́мы: „Жэбы́ мы купы́лы, зъ сэстры́ ру́ки да́ймо му за то!“ И оны́ ся такъ пора́дылы и да́лы за вэрэтэ́но ру́ки сэстры́. Хло́пэць взяў тоты́ ру́ки и пони́съ пустэ́льныковы у лисъ. Той зноў повымываў йій ра́ны, прыложы́ў ру́ки, пэрэжэгна́ў—ста́лы ру́ки щэ ли́пши, якъ пэ́ршэ бу́лы.

На трэ́тый дэнь ра́но прыхо́дытъ пустэ́льныкъ зноў съ хло́пцёмъ и дае́ ёму́ дыямэнто́ву пры́слыцю и ка́жэ: „Нэсы́ до ми́ста и ни-за́-що нэ прода́й, ти́лько за хрыстія́ньски но́гы!“ Якъ хло́пэць прыйшо́ў до ми́ста съ тоў пры́слыцёў, тота́ па́ни то увы́дила тай заклы́кала хло́пця, абы́ щэ й пры́слыцю купы́ты. Пора́дылыся оби́ съ ма́моў и да́лы му ти но́гы зъ ди́ўчыны за пры́слыцю. И хло́пэць пишо́ў съ нога́мы. А́лэ що-сь то имъ ся ста́ло въ ихъ сумли́ню нэдо́брэ, зача́лы мэ́жы собо́ў шэ́мраты, жэ то злэ зробы́лы, жэ да́лы зъ сэстры́ о́чы й ру́ки й но́гы,— чы то нэ е яка́ зра́да? Поби́глы за хло́пцёмъ, абы́ видобра́ты но́гы, а́лэ хло́пця вжэ й нэ вы́дко. Тай ся завэрну́лы—пропа́ло! Прыно́сытъ хло́пэць но́гы идъ пустэ́льныковы. Тогды́ винъ повымываў ди́ўчыни зноў ра́ны, прыложы́ў но́гы, пэрэжэгна́ў—ста́лы но́гы такі́ здоро́ви, якъ пэ́ршэ бу́лы.

Вста́ла ди́ўчына щэ ладні́йша, нижъ пэ́ршэ бу́ла, тай зача́ла ду́жэ дя́коваты пустэ́льныковы. А пото́му вжэ хо́чэ иты́ гэть, а́лэ пустэ́льныкъ повида́е йій такъ: „По́ты звидсы нэ пи́дэшь, по́ки твій панъ по тэ́бэ нэ прыйдэ!“ Узяў

ди́ўчыну, зави́ў далэ́ко въ лисъ до пэчэ́ры, дэ самъ мэ́шкаў. И тамъ она́ ма́ла дэрэвя́ну мы́ску, нижъ, всё; и тамъ йи зоста́выў—най мэ́шкае, по́ки панъ нэ прыйи́дэ.

А тамъ въ бу́рку такъ тоты́ господару́ють, ей сэстра́ тай ма́ма, ажъ нарэ́шти прыйи́здытъ панъ зъ во́йны. Вы́йшла та па́ни напро́тиў нэ́го и ся повыта́лы и увійшлы́ до поко́йиў; а́лэ панъ нэ пизна́ў, жэ то нэ та-сама́ па́ни, бо оны́ таки́ бу́лы ду́жэ поди́бни. По розмо́ви позасида́лы до оби́ду. Пооби́далы и она́ ўпови́ла тогды́, жэ она́ такі́й му прэ́зэнтъ постара́ла—сри́бну кудэ́лю, зло́тэ вэрэтэ́но и дыямэнто́ву пры́слыцю. Винъ на то подывы́ўся—сподо́бало му ся то ду́жэ. И тогды́ сказа́ў йій, жэбы́ навы́ла на ту кудэ́лю кло́ча и пря́ла. Якъ она́ зача́ла пря́сты, тогды́ кудэ́ля зача́ла говоры́ты, вэрэтэ́но зача́ло сьпива́ты, а пры́слыця всё видповида́ты. А вна́ змэртви́ла тогды́ пэ́рэдъ кудэ́лёў и ке́нула вэрэтэ́но гэтъ видъ сэ́бэ, а́лэ панъ тогды́ ся ду́жэ зду-ми́ў и каза́ў: „Тэпэ́рь му́сышь пря́сты!“ И она́ му́сила пря́сты, а кудэ́ля и вэрэтэ́но и пры́слыця всё розпови́лы па́ну, що то она́ тай ма́ма зробы́лы съ тоў па́новоў ди́ўчыноў, гэтъ розпови́лы цилы́й той интэ́рэсъ. Въ тій хвы́лы панъ взяў тоту́ ма́тирь и ей, даў ихъ за ключъ, а самъ сиў на коня́ и пойи́хаў у лисъ—шука́ты то́и ди́ўчыны (бо кудэ́ля пови́ла, дэ она мэ́шкае въ ли́си).

И знайшо́ў йи та́мка въ тій пэчэ́ри. Тамъ ся повыта́лы, тогды́ прыйшо́ў пустэ́льныкъ и тамъ имъ даў слюбъ. Тогды́ оны́ соби́ обо́е пойи́халы и такъ имъ ба́нда гра́ла въ пови́трью, а нихто́ йи нэ вы́диў, ажъ до бу́рку. Тай винъ тоту́ ма́му и сэстру́ даў на шы́бэныцю, а оны́ обо́е жылы соби́ счаслы́во ажъ до смэ́рты.

(Отъ Николая Жегайляка въ Доброгостовѣ.)

46.

Принцъ и Шевская-Труба.

Такъ разъ йи́здыў ци́саръ по краю тай зайи́хаў до едно́и ди́ўки на́-ничь тай ра́зомъ пэрэночува́лы. Якъ вжэ пэрэночува́лы, тогды́ даў йий ци́саръ гро́шэй и ка́жэ: „Якъ ты поро́дышь сы́на, то абы́-сь му да́ла имя́ Прынцъ и абы́-сь го дава́ла до шко́лы; а якъ вы́ростэ, то абы́-сь, ка́жэ, прысла́ла до мэ́нэ!“ Тай лышы́ў йий такі́ лысты́, абы́ то́го сы́на по тыхъ лыста́хъ пизна́ў, якъ до нэ́го прыйдэ.

И она́ поро́дыла хло́пця. Тай той хло́пэць вы́рисъ и ходы́ў до шко́лы. Разъ ма́ты ха́ту билы́ла тай порозми́тувала тоты́ пы́сьма, що йий ци́саръ лышы́ў. А хло́пэць найшо́ў тай зача́ў чыта́ты. Якъ прочыта́ў, ка́жэ до ма́мы: „Ма́мо, я вжэ йду видъ тэ́бэ, пи́ду до мо́го та́та!“ Тай пишо́ў шука́ты сво́го та́та.

Здыба́е по доро́зи хло́пця, называ́уся Шэўська́-Труба́. Той му ка́жэ: „Чэка́й, тай я пи́ду съ тобо́ў!“—„Та ходы́!“—Тай оны́ йдутъ, а Шэўська́-Труба́ ка́жэ: „Дай мэни́ но́жыка, я пи́ду для сэ́бэ вы́ризаты па́лыцю, и для тэ́бэ!“ Алэ пишо́ў, вы́ризаў лыщэ́ для сэ́бэ, прыйшо́ў тай ка́жэ: „Я тэбэ́ тэпэ́рь тоў па́лыцэў за́бью, якъ мы нэ прыся́гнэшь за́разъ, що будэ́шь каза́ты, що то я е Прынцъ, а ты Шэўська́-Труба́! и, ка́жэ, дай мы тоты́ пы́сьма, що ма́ешь, бо тя за́бью!“ Той му даў и вжэ прыся́гъ на то́е.

И пишлы́ такъ пото́му ажэ́нь до ци́сара. Ци́саръ якъ ся дови́даў, що ёго́ сынъ до нэ́го йдэ, то вы́йихаў на-зустри́чъ идъ нэ́му. Тай Шэўська́-Труба́ тогды́ взяў, розложы́ў пэ́рэдъ ци́саромъ тоты́ папэ́ри и сказа́ў, що то винъ е той Прынцъ, а на Пры́нца ка́жэ: „То е мій слуга́—Шэўська́-Труба́!“ Тай ци́саръ пови́рыў тай го тогды́ посады́ў ко́ло сэ́бэ на бры́чку, а той Прынцъ сиў собі́ вжэ ко́ло фи́рмана на козе́лку. Тай такъ дойихалы ажэ́нь до двору.

Тай тамъ тогды́ Шэўська́-Труба́ зача́ў на Пры́нца новыны́ склада́ты. Разъ ка́жэ до ци́сара: „Тату́ню, той слуга́ ка́жэ, що винъ ва́шого коня́ вы́пуцуе!“ Тогды́ ци́саръ го прыклы́каў и ка́жэ: „Пуцу́й!“ А то буў такі́й кинь

во́стрый, що и приступы́ты нэ даў до сэ́бэ. Тай той вжэ вы́йшоў пидъ ста́йню и пла́чэ. А кинь ка́жэ до нёго: „Чого́ ты такъ пла́чэшь?“—„Та, ка́жэ, Шэўська́-Труба́ на мэ́нэ сказа́ў, що я тэбэ́ вы́пуцую!“—Тогды́ кинь ка́жэ: „Та чому́ ни? вы́пуцуешь, лышэ́ возьмы́ сы столэ́ць тай щи́тку, стань на столэ́ць тай мя пуцу́й!“ Винъ коня́ вы́пуцуваў.

Алэ Шэўська́-Труба́ зноў на нэ́го зновы́ў, що винъ ўмі́е йи́здыты на тимъ коны́. Зноў той пидъ ста́йнёў пла́чэ, а́лэ кинь го ся пыта́е: „Чого́ ты пла́чэшь?“—„Та ка́жэ мы йи́здыты на то́би!“—„Та чому́ ни? сида́й тай йидь! лышэ́, ка́жэ, возьмы́ сы сыльни́ обротянки́, у одну́ ру́ку ша́блю, а въ дру́гу крэстъ, то сида́й и пойи́дэшь!“ Тогды́ Прынцъ такъ зробы́ў, пойи́хаў на коны́. Алэ кинь такъ во́йско то́пчэ, а той съ коня́ ша́блёў всихъ руба́е, гэтъ вы́былы зо два рэгимэ́нты.

Тай прыйи́хаў до-до́му, а Шэўська́-Труба́ зноў на нёго зновы́ў, що винъ мо́жэ диста́ты чорнокны́жныцю изъ-за чо́рного мо́ря. Той вы́йшоў пидъ ста́йню, пла́чэ, а кинь ка́жэ: „Чого́ ты вжэ зно́ву пла́чэшь?“—„Ка́жэ Шэўська́-Труба́, що я чорнокны́жныцю зъ-за мо́ря диста́ну!“—„Мо́жэ й диста́нэшь,—ка́жэ кинь,—сида́й на мэ́нэ тай йи́дьмо!“ Тай оны́ такъ йи́дутъ—тутъ машэру́е цилэ́ ста́до мурашо́къ. Тогды́ той ка́жэ до коня́: „Гоў, ста́ньмо, най тоты́ мурашки́ пэрэ́йдутъ соби́!“ А на-за́ди йшоў найста́ршый царь мурашо́къ тай ка́жэ до то́го Пры́нца: „Колы́ ты моє́ во́йско пошануваў, то на́-тоби́ такі́й во́лосъ, жэ я́къ ты що́ бу́дэ трэ́ба, то абы́-сь нымъ махну́ў, то мы́ ты за́разъ прыйдэ́мъ на по́мичь!“ Йи́дутъ да́льшэ, а ту лэтя́тъ журавли́. Винъ ка́жэ до коня́: „Ста́ньмо, абы́ сы журавли́ пэрэлэ́тилы!“ Алэ на-за́ди лэти́ў найста́ршый коро́ль журавли́ў и ка́жэ до нёго: „На́-тоби́ пэро́; абы́-сь махну́ў, то мы́ ты помо́жэмъ!“ И винъ тогды́ пойи́хаў да́ли. Йи́дэ, а ту нэсу́тъ диўки́ во́ду. Тогды́ винъ ка́жэ до коня́: „Ста́ньмо, най диўки́ пэрэ́йдутъ!“ А на-за́ди ишла́ найста́рша ди́ўка тай ка́жэ: „Колы́ ты для насъ такі́й чэ́сный, то на́-тоби́ въ шкляня́ воды́; якъ тя ся яка́ бида́ чэ́пытъ,—збуй, або що́,—то абы́-сь го тоў водо́ў кропы́ў!“ А то бу́ла така́ вода́ ду́жэ сы́льна. Тай тогды́ винъ пойи́хаў—ажэ́нь до чорнокны́жныци.

Алэ чолови́къ то́и чорнокны́жныци нэ хоти́ў му ей да́ты. Ка́жэ: „Я йи дамъ, а́лэ якъ мы позбыра́ешь на

по́лы чвэ́ртку ма́ку, що розсы́плю!“—„Позбыра́ю!“—Той макъ розсы́паў, а́лэ винъ узя́ў, тымъ во́лосомъ махну́ў, то за́разъ явы́лося зъ всёго сьвита по́ўно мурашо́къ и той макъ вы́збыралы до едно́го. Алэ чорнокны́жныкъ ка́жэ: „Я ты щэ нэ дамъ, ажъ якъ розсы́плю на по́лы тры ко́рци пшэны́ци, а ты то позбыра́ешь, тогды́ ты йи дамъ!“ Той тогды́ махну́ў пэро́мъ—журавли́ ся позлита́лы тай позбыра́лы пшэны́цю. Тогды́ чорнокны́жныкъ ка́жэ такъ: „Ажъ тогды́ тоби́ дамъ чорнокны́жныцю, якъ ты ся пи́дэшь зо мноў боро́ты: котры́й, ка́жэ, котро́го за́бьемо?“ Тай зача́лыся бы́ты. Алэ той зача́ў Пры́нца спромага́ты, то винъ бо́рзо вы́йняў зъ-за па́зухи ту во́ду, зача́ў ёго́ скрапя́ты, ажъ го скропы́ў на смэрть. Тай тогды́ соби́ чорнокны́жныцю взяў и пойи́хаў.

Прыйиждже́е до ци́сара исъ чорнокны́жныцэў. Тамъ ей хоти́лы виддава́ты за то́го Шэўську́-Трубу́, а́лэ она́ ста́ла ду́жэ сумна́ тай зача́ла пла́каты. Тогды́ ей ся ци́сарь пыта́е: „Чого́ ты такъ пла́чэшь?“ Она́ ка́жэ: „Бо то то́й е Прынцъ, що мэнэ́ прыви́зъ, а той вашъ то е Шэўська́-Труба́!“ Тай розповила́ ци́саровы все́: якъ Шэўська́-Труба́ хоти́ў Пры́нца на доро́зи за́быты (бо она́ то всё зна́ла зъ ворожбы́). Тогды́ ци́сарь каза́ў вы́вэсты ко́ни и каза́ў Шэўську́-Трубу́ прывяза́ты ко́нимъ до нигъ, то ко́ни ёго́ рознэ́слы по всимъ сьви́ти. А Пры́нца вжэны́ў съ чорнокны́жныцэў и лышы́ў ко́ло сэ́бэ на ца́рстви.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

47.

Царевна-швея.

Йихала прынцэзна чэрэзъ морэ на другый бикъ—хотила ся подывыты на енчи край. Алэ даншифъ пукъ на моры и вси ся людэ потопылы, лышь тота прынцэзна ся на дошци затрымала. И на тій дошци плывала-плывала, ажъ идъ краевы доплыла. Выйшла на бэригъ, обсушылася, алэ нэ знае—дэ ся диты у чужыни? Тай зайшла такъ до едного миста и прыйшла тамъ до цисарского двора. И пытае йи ся цисаръ: „Що ты хочэшь?"—„Службы!"—„Що-жъ ты знаешь робыты?"—„Я шэўкыня!"—А она знала дужэ файно шыты. Тай взяла она тамъ въ двори шыты и такій ручныкъ вышыла, що дэ той ручныкъ будэ, тамъ и она будэ; нихто въ тимъ крайи нэ выдиў такого вышываня. Тай взяла тай положыла той ручныкъ въ покойы на прэстоли.

Алэ старый цисаръ маў сына. Тай умэръ и вжэ ёго сынъ стаў тамъ царомъ. И повидае такъ: „Я возьму сы ключи и пиду ся подывыты по своихъ паляцахъ!" А винъ ещэ нэ знаў, що тота шэўкыня е въ двори. Якъ винъ зачаў по покояхъ ходыты, надыбаў той ручныкъ на прэстоли, пообзыраў и кажэ: „Хто то такій ручныкъ вышыў, я ся буду съ тоў жэныты!" Тай увыдиў вжэ саму-тотў шэўкыню и хочэ ся докончэ съ нэў жэныты.

Алэ ёму війна выпала на тры рокы и винъ пойихаў. И кажэ до свэи матэры: „Мамо, я ся съ тоў панноў буду жэныты, то абы-сь йи нэ пустыла видсы, поки зъ війны нэ вэрну!" И пойихаў. А маты заразъ тотў шэўкыню видправыла, нагнала йи гэтъ зо двора. И она пишла на другэ сэло, наймылася тамъ у пана. И зноў тамъ вышыла ручныкъ и поставыла на столи.

Прыйиждже цисаръ зъ війны тай заразъ пытаеся: „Дэ е моя шэўкыня?" А маты кажэ: „Пишла гэтъ, нэ хотила чэкаты!" Взяў винъ соби тогды той ей ручныкъ и кажэ: „Абы-мъ симь паръ ходакиў сходыў, а ей мушу найты!" И забраўся и такъ ходыў по сэлахъ и ручныкъ всимъ показуваў—цы нэ выдиў хто таку швачку? Тай го тогды людэ справылы до того двора, дэ она служыла.

Винъ тамъ прыйшо́ў, а́лэ она́ ся скры́ла, бо го ся боя́ла. Алэ винъ тамъ увы́диў той дру́гый ручны́къ, то вжэ знаў, що она́ тамъ е, и каза́ў, абы́ му йи за́разъ видда́лы. Прывэлы́ йи, тогды́ винъ йи ся пыта́е: „Чого́ ты видъ мэ́нэ пишла́?“—„Бо мя твоя́ ма́ты нагна́ла!“—Тогды́ винъ вжэ нэ йи́хаў съ нэў до-до́му, ино́ вы́ставыў соби́ е́нчый бу́рокъ, зробы́ў съ нэў вэсилье́ и забра́лыся вжэ до сво́го бу́рку, а ма́тирь зоста́выла у стари́мъ саму́.

Жыў винъ бэзъ цилы́й рикъ исъ нэў, а́лэ вы́пало ёму́ йты зноў на во́йну. Алэ жи́нка ёго́ тогды́ на тыхъ часа́хъ ходы́ла. Нэ маў винъ кого́ зоста́выты ко́ло нэ́и, лышэ́ зоста́выў тако́го вье́рного ло́гая. Якъ она́ бу́дэ ма́ты диты́ну, то каза́ў, абы́ той ло́гай за́разъ съ лы́стомъ до нёго прыби́гъ (а той ло́гай мигъ ду́жэ до́брэ би́гаты, гы пэсъ, бо винъ буў бэзъ лыто́къ). Якъ она́ вжэ тоту́ диты́ну ма́ла, дала́ она́ лыстъ то́му ло́гаёвы, абы́ зани́съ до ци́сара на во́йну. Алэ винъ бигъ по́-пры стары́й двиръ, то го пэрэйм ы́ла ци́сарова ма́ты: „Дэ-жъ ты бижы́шь?“ Винъ йий показа́ў лыстъ, жэ цари́ўна поро́дыла два хло́пци. Тогды́ она́ той лыстъ взя́ла и спалы́ла, а напыса́ла е́нчій—вжэ ни́бы видъ ци́сара до жоны́, що винъ видпы́суе, абы́ вы́вэзты симь пиўла́тэркиў за ми́сто и запалы́ты и тоту́ ёго́ жону́ съ хло́пцима въ той огэ́нь вэрэ́чы. Тай тогды́ да́ла ло́гаёвы вэлы́ки гро́ши, то винъ вжэ нэ йшоў до ци́сара, ино́ пони́съ той лыстъ до-до́му и ка́жэ: „Ту ци́саръ видпыса́ў!“ Якъ она́ то прочыта́ла, ду́жэ пла́кала. А ти лю́дэ, що йи вжэ ма́лы палы́ты, ду́жэ йи жа́ловалы, и ди́ты, то ка́жутъ такъ: „Мы вы́льльемо зъ во́ску таку́ цари́ўну и дво́е дитэ́й и то спалымо́, а вы соби́ йдитъ съ дитьмы́ гэтъ, абы́ васъ нихто́ нэ вы́диў!“ Тай вы́робылы зъ во́ску таки́ ляльки́ и вэ́рглы то въ огэ́нь.

А она́ забра́ла ди́ты на ру́ки тай пишла́. И вы́робыла ди́тёмъ зыґа́рки зъ папэ́ру и напыса́ла на тимъ, чый оны́ ди́ты и колы́ ся ўро́дылы, котро́го ро́ку; тай напыса́ла, абы́ имъ до 12 ро́киў нихто́ то́го зыґа́рка нэ ру́шыў. И прывяза́ла то едно́му и дру́гому на шы́ю. Тай йи захо́пыла ничь въ ли́си, то она́ тамъ лягла́ съ дитьмы́ спа́ты. Алэ тогды́ прыйшла́ ма́мфа и забра́ла ди́ты и виднэ́сла до едно́го па́на до двора́. Она́ ра́но встае́—дитэ́й

нэма́. Она́ тогды́ въ плачъ, а́лэ нэма́ що́ робы́ты. Пишла́ до одно́го сэла́ и найм́ылася у шэўця́ за шэўкы́ню. Алэ о тимъ нэ зна́е ницъ, що ей ди́ты бу́лы за́разъ ко́ло то́го шэўця́ въ двори́.

А той царь вжэ вэрну́ў зъ війны́. Выхо́дытъ ба́нда напро́тиў нэ́го, а́лэ винъ ка́жэ: „Всё мы вэ́сэло, лышь чому́ моя́ жи́нка нэ выхо́дытъ напро́тиў мэ́нэ?“ Тогды́ ёму́ повида́ютъ: „Ца́ру, та-жэ́ твэ́и жи́нки нэма́!“ Тай пока́зуютъ ёму́ той лыстъ, що винъ ни́бы зъ війны́ пыса́ў. Винъ якъ то прочыта́ў, зомли́ў. Видтэ́рлы го, тогды́ тоты́ лю́дэ ка́жутъ: „Ца́ру, колы́ ты такъ, то мы тоби́ ска́жэмо пра́ўду: мы твэ́и жи́нки, ни дитэ́й нэ стра́тылы; мы вы́робылы зъ во́ску ляльки́ и то въ огэ́нь вэ́рглы, а тво́я жи́нка пишла́ сы въ сьвитъ!“

Тогды́ винъ забра́ўся и пойи́хаў йи шука́ты. Прыйи́хаў до то́го сэла́ акура́тъ, дэ она́ слу́жытъ и дэ его́ ди́ты бу́лы у па́на въ двори́. Алэ она́ тамъ у шэўця́ зноў вы́шыла трэ́тый такі́й ручны́къ и швэць то прода́ў за вэлы́ки гро́ши то́му па́ну до двора́. Тай прыйи́хаў тамъ вжэ той ци́саръ, зайи́хаў на́-ничь до па́на. Тай ра́но встаў, обмы́ўся, даю́тъ му той ручны́къ, абы́ ся поўтыра́ў. А винъ пизна́ў то вышы́ванье и ка́жэ: „Хто́ то вамъ такі́й ручны́къ шыў?“ А панъ му ка́жэ: „То ту у шэўця́ слу́жытъ една́ шва́чка, то видъ нэ́и!“ За́разъ ци́саръ посла́ў по ню слу́гы, абы́ йи прывэлы́. Алэ она́ тогды́ ся ду́жэ ўпу́дыла и ка́жэ до шэўця́: „Бу́ду у васъ служы́ты за-ду́рно, лышь мэнэ́ дэ схова́йтэ!“ Тогды́ швэць ка́жэ: „Лизь ту у скры́ню, я тя видвэзу́ на дэся́тэ сэло́!“ Она́ поли́зла у скры́ню, а винъ тогды́ скры́ню на визъ и прыви́зъ ажъ до то́го па́на. Тай ка́жэ: „На́-тэ, прыви́зъ-емъ вамъ мэдвэ́дя!“ Витворы́лы скры́ню, ды́вятся, а тамъ она́ сыды́тъ—така́ обтала́пана, обдэ́рта. Тай такъ ся ўпу́дыла, жэ нэго́дна й сло́ва промо́вышы. Алэ ци́саръ ся съ нэў звыта́ў, пыта́еся: „Чого́ ты ся такъ ду́жэ бойшь? та то я—твій чоловикъ!“ Тогды́ она́ ся вжэ обэзпэ́чыла тай розпови́ла всё, що́ съ нэў бу́ло. Алэ ти два хло́пци надби́глы до поко́ю, а она́ ды́вытся-ды́вытъ тай пото́му пизна́ла тай ка́жэ: „Ой, та то мой ди́ты!“ Тай показа́ла тоты́ зыγа́рки, що имъ напыса́ла на шы́ю. То щэ имъ тры дны выходы́ло до 12 ро́киў.

Ажъ ту ды́вятся—прыйи́жджа́е до двора́ які́й-сь стары́й царь, сы́вый, а то буў ей та́то зъ-за мо́ра

(бо винъ ей шукáў по всимъ сьви́ти, нэ мигъ найты́). Тогды́ спизна́лыся и вжэ ся ду́жэ ўти́шылы ра́зомъ. А потóму вси забра́лыся и пойи́халы до свóго двóру. Вжэ ра́дисть така́, пора́да. Зробы́ў щэ ци́сарь дóма баль—тэ́стя балюва́ў.

Тогды́ винъ взяў свóю ма́тирь и зави́зъ йи до такóго двора́, що ся въ нимъ ни́цъ нэ бýло вы́дко, и замкнýў йи тамъ; тай даў йій дви вя́занки си́на и цэ́бря воды́ и ка́жэ: „Якъ ты исъ тымъ вы́жыешь два ми́сяци, тó ты дарýю жытьé!“ Алэ прыйиждже́е въ два ми́сяци, а она́ вжэ ўмэ́рла.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

48.

Безручка.

Едэ́нъ ґа́зда йи́здыў въ лисъ всэ по дрова́, а́лэ го нэ мигъ пойима́ты жа́дэнъ злисны́й. Ажэ́нь разъ якíй-сь панъ ёгó пойима́ў въ ли́си и ка́жэ: „Я тя тэпэ́рь пода́мъ до сýду, ты въ крымина́ли зогныéшь!“ Винъ взяў просы́ты тóго па́на, а панъ ка́жэ: „Абы́-сь мы свóю донькý о 12-ій годы́ни вы́слаў на-двиръ, я тамъ до тэ́бэ прыйду!“ Вжэ въ ночы́ о 12-ій годы́ни панъ прыйшóў пидъ викнó и запýкаў. Га́зда то учýў, збуды́ў свóю донькý тай вы́слаў йи надви́ръ.—„Иды́, ка́жэ, отворы́, хто-сь пýкае!“—Она́ ся пэрэрсты́ла тай пишла́, а́лэ тамъ нэ бýло никóго.

На дрýгый дэнь той зноў пойи́хаў въ лисъ, а той-самы́й панъ зноў ёгó зйима́ў.—„Я ты, ка́жэ, каза́ў, абы́ ты мэни́ вы́слаў донькý, а ты нэ послýхаў; пóчкай, я тоби́ дамъ!“—„Та́-жэ-мъ посыла́ў, а́лэ па́на нэ бýло!“—„То абы́-сь мы тóи нóчы щэ йи висла́ў!“—И у ночы́ знóву о 12-ій годы́ни прыйшóў той и запýкаў у двэ́ри. Збуды́ў ґа́зда донькý, вы́слаў на-дви́ръ, тай она́ вы́йшла, а́лэ пэрэрсты́лася и нэ бýло никóго зноў.

Трэ́тои дны́ны зноў пойи́хаў хлопъ въ лисъ тай ёго́ панъ зи́имáў, кáжэ: „Заўтра вы́вэзы доньку́ въ лисъ, áлэ абы́-сь йи́й пообтынáў рýки по ликтá тай лышы́ў йи тýтки!“ Тай хлопъ такъ зробы́ў: завíзъ доньку́ въ лисъ, повидтынáў йи́й рýки и йи лышы́ў. У ночы́ о 12-і́й годы́ни прыйшо́ў той панъ идъ ні́й, а онá ся такъ пэрэ́рстыла ли́ктёмъ, то той панъ ся зáразъ дэ-сь диў видъ нэ́и, гы ви́тэръ.

И такъ онá жы́ла въ ли́си симь литъ. Чэ́рэзъ дэнь ходы́ла по ли́си и пы́скомъ рвáла то малы́ны, то кориньци́, то дэ́-що (бо рукъ нэ мáла), а въ ночы́ спáла собí въ едні́й я́ми. И той панъ всэ до нэ́и въ ночы́ прыходы́ў, áлэ онá ся видъ нэ́го всэ такъ ли́ктёмъ видрсты́ла.

А въ симь литъ бýло въ ли́си полювáнье—паны́ полювáлы. А псы видъ рáня, якъ пишлы́, то ихъ нэ бýло до полýдня, бо оны́ тамъ надыбалы тотý ди́ўку и йи́й рáны на рукáхъ лызáлы. И едэ́нъ пэсъ вэрнýўся тамъ до пани́ў, хо́пыў кýснykъ солоны́ны и полэ́тиў назáдъ идъ ні́й. А паны́ пусты́лыся за нымъ въ погóню и тамъ до тóи ди́ўки прыйшлы́ и взя́лы ся йи пытáты: „Ви́дки ты? щó тутъ рóбышь?“ Онá кáжэ: „Я вжэ симь литъ тýтка; вы́вызъ мя тáто въ лисъ, повидрýблюваў мы рýки и лышы́ў ту!“ Тогды́ паны́ йи взя́лы съ собóў. А буў мэ́жы ны́мы ци́сариў сынъ, то винъ йи собí дýжэ ўподóбаў и кáжэ: „Я ся бýду съ нэў побырáты!“ Тай побрáлыся обóе и бýлы такъ óбóе рáзомъ пиў рóку.

А потóму ци́сариў сынъ пишо́ў исъ вóйськомъ на манэ́ўра на тры ми́сяци. Тай за той часъ ёгó жи́нка мáла диты́ну тай напысáла до нéго, що мáе фáйного хлóпця, и той лыстъ пусты́ла на пóчту, абы́ йшоў ажъ до нéго. Такъ ишóў той лыстъ чэ́рэзъ сэ́ла, áлэ той панъ, що пэ́ршэ ходы́ў до тóи ди́ўки, пэрэйм́ыў той лыстъ и роздэ́ръ, а напысáў éнчій: що онá мáе ни котá, ни пса. Прыйшо́ў той лыстъ до ци́сарового сы́на, винъ прочытáў и кáжэ: „Що е, най бýдэ́, най жыé!“ И такъ видпысáў до жи́нки, áлэ той панъ зноў пэрэймы́ў лыстъ и напысáў дрýгый: най онá собí йдэ гэтъ, бо якъ винъ йи застáнэ дома, то йи́й

смэрть зробытъ. Якъ той лыстъ тамъ прыйшоў до цисарского бурку, то йи пожаловалы, але нэма рады—нагналы йи гэтъ; прывязалы йій дитыну такъ коло цыцьки (бо она рукъ нэ мала) тай выправылы йи въ сьвитъ.

А она пишла въ той-самый бэригъ, дэ була пэршэ. И схотило йій ся дужэ воды, то найшла керныцю тай лягла тай взяла пыты воду. Алэ йій ся ликта замочылы въ воду, то заразъ йій видрослы оби рукн. И она тогды взяла тоту дитыну на руки и пишла дали. Идэ-идэ, а въ лиси е хата. Зайшла до тои хаты—тамъ було що йисты, пыты, а никого въ хати нэ було. Тай она ся въ тій хати лышыла и вжэ ся тамъ заходыла.

А той ей чоловикъ вэрнуўся до-дому и взяў ся пытаты—дэ е жинка? Тогды ёму сказалы, що самъ винъ пысаў, абы йи гэтъ видправылы, и показалы му той лыстъ. Тай винъ тогды взяў сы слугу вьерного и пойихаў йи шукаты. И зайихаў тамки въ той-самый лисъ, дэ она сыдила, и зайихаў пидъ ничь до тои хаты и зачаў ся тамъ просыты на-ничь. Тай она ёго прыймыла и спизнала ёго заразъ, а винъ ей нэ спизнаў. Рано—вжэ дэннило—панъ взяў ся въ лижку крушняты и пустыў доли лижкомъ руку. А она то увыдила тай кажэ до сына: „Иды, Ясуню, пидоймы татовы руку!“ Хлопэць схопыўся и пидняў му руку на лижко. А панъ зноў пустыў ногу доли лижкомъ, то она зноў кажэ: „Иды, сынуню, заудай татовы ногу на лижко!“ И рано панъ встаў и хочэ йихаты дали. Алэ той ёго слуга всё то чуў, що ся въ хати робыло, и кажэ: „Прошу пана, ану—щэ положится на лижко и ўдавайтэ, що спытэ, тай спустить руку доли лижкомъ; алэ, кажэ, нэ спитъ, тилько слухайтэ!“ Панъ лягъ тай спустыў руку, слухае. А она зноў кажэ до хлопця: „Ану, сынуню, заудай татовы руку на лижко!“ Тай хлопэць пишоў и заудаў му руку. Алэ панъ тогды схопыўся, того хлопця обцилюваў тай съ жинкоў звыталыся. Тай вжэ тогды пойихалы до-дому вси трое.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

49.

Правда и кривда.

Було́ два бра́тьи — еде́нъ би́дный, а дру́гый бога́чъ. Тай той би́дный зложы́ў сы два́йцить ры́ньскихъ на бычки́ тай иде́ на торгъ бычки́ купова́ты. А бога́чъ якъ то́е учу́ў, и соби́ ка́жэ: „Я пи́ду та́кжэ съ тобо́ў, бра́тэ!“ Тай нишлы́ оба́ до ми́ста на торгъ. По доро́зи той бога́чъ ка́жэ до би́дного: „Тэпе́рь, бра́тэ, ты всё, що́ тре́ба, платы́, а наза́дъ вжэ я бу́ду платы́ты!“ Тай би́дный платы́ў и за се́бэ, и за бра́та. Якъ прыйшлы́ до ми́ста, купы́ў соби́ би́дный бычки́, а́лэ вжэ му ся ницъ нэ лышы́ло — а́ни ɣре́йцара. А бога́чъ нэ купы́ў ничо́го. Тогды́ вжэ йдутъ обыдва́ наза́дъ до-до́му. Тай за які́й-сь часъ той би́дный ка́жэ: „Ну, бра́тэ, тэпе́рь вжэ ты ма́ешь платы́ты; дава́й мы йисты, бо я вжэ голо́дэнъ ду́жэ!“ Алэ той ка́жэ: „Э, щэ часъ, иди́мъ щэ да́ли!“ А той зноў ка́жэ: „Та що-жъ? я, бра́тэ, нэго́дэнъ вжэ и йты, та́къ-емъ зголодни́ў!“ А бога́чъ тогды́ ка́жэ такъ: „Дай едно́ о́ко вы́няты, то́ ты дамъ хли́ба!“ Ну, той буў ду́жэ голо́дэнъ и даў о́ко. Якъ вжэ той хлибъ зйиў, ишо́ў вжэ зно́ву зъ мы́лю, а потому ка́жэ: „Дай мы щэ хли́ба, бо-мъ нэго́дэнъ иты́!“ Бога́чъ ка́жэ: „Дай дру́гэ о́ко вы́ймыты, то дамъ!“ Тай вы́ймыў му вжэ дру́гэ о́ко и даў му зноў кава́локъ хли́ба. Тай го тогды́ зави́ў пидъ фиɣу́ру тай ка́жэ: „Туй сыды́, то лю́дэ, що бу́дутъ иты́ доро́гоў, бу́дутъ ты дава́ты хли́ба, то бу́дешь такъ жыў!“ И тамъ го лышы́ў, а его́ бычки́ займы́ў и пишо́ў до-до́му.

Тай би́дный такъ сыды́тъ пидъ фиɣу́роў — а́ни ру́шытыся нэ мо́жэ, бо сьлипы́й. Ажъ о 12-ій годы́ни въ ночы́ надлэ́тило таки́хъ тры пта́хи — ви́рлы́, що ихъ бу́ло на цилы́й сьвитъ ти́лько таки́хъ тры. Якъ тоти́ пта́хи тамъ посида́лы на фиɣу́ру, то фиɣу́ра ся ажъ стря́сла. И взя́лы ся ра́дыты тоти́ пта́хи. Еде́нъ ка́жэ: „Въ мо́йій сторони́ злэ чу́ты: братъ бра́товы за два кава́лки хли́ба вы́ймыў о́чы; а́лэ, ка́жэ, той я́къ-бы взяў, поли́зъ за мэ́жу и потэ́ръ сы тоў росо́ў о́чы, потому такъ за дру́гу мэжу́ и за трэ́ту, то зноў та́къ-бы вы́диў, якъ пе́ршэ!“ А дру́гый птахъ ка́жэ: „Ой, въ мо́йій сторони́ тако́жъ злэ чу́ты: на цилэ́ ми-

сто инó еднá керны́ця булá, а тэпэ́рь ся загамувáла и водá ницъ нэ йдэ, гэтъ лю́дэ гы́нутъ бэзъ воды́, якъ мýхи,—бо тамъ въ керны́цы зали́зла такá жáба и заткáла вóду, то томý водá нэ йдэ; щобы́ ся такíй найшóў, абы́ ту жáбу вы́тягнуў, тó-бы такъ водá бýхнула, ажъ пó-надъ вэрхъ!" А трэ́тый птахъ кáжэ: „И въ мóйій сторони́ нэдóбрэ чýты: цисарóва дýжэ хóра, то щó вжэ дохтóры зо всихъ сьви́тиў зйижджáются, нихтó нэ гóдэнъ йій порáдыты; áлэ тамъ е такá пóрхаўка пидъ пьéцомъ, то я́къ-бы той пьецъ розкéнуты и тотý пóрхаўку зви́дтамъ вы́ймыты и ўсушы́ты и дáты то цисарóвій пы́ты, то онá булá-бы зáразъ здорóва!" Тай ти птáхи такъ ся порáдылы-порáдылы тай полэти́лы зноў въ сьвиты́.

А той тамъ всё слýхае пидъ фиγýроў, áлэ тыхóнько сыды́тъ, нэ рýхается. Тай гадáе сы такъ: „Анý, я потрибýю ли́зты за мэжý—чы то прáўда?" Поли́зъ за еднý мэжý, потэ́ръ росóў óчы—вжэ такъ вы́дытъ, якъ скризь сы́то; поли́зъ за дрýгу, зноў сы потэ́ръ—вы́дытъ ли́пшэ; поли́зъ за трэ́ту, потэ́ръ—такъ вжэ вы́дытъ, якъ вы́диў пэ́ршэ. Тогды́ ўклякъ, помолы́ўся Бóгу тай собí гадáе: „Чогó я пи́ду тэпэ́рь до-дóму? я пи́ду собі́ въ сьвитъ!"

Тай пишóў до тóго ми́ста, дэ тотá керны́ця ся загамувáла. Прыйшóў тамъ на шынкъ и сиў сы. Тамъ ся лю́дэ посходы́лы, нарикáютъ, рáдятся: прыйдэ́ ся вжэ загы́нуты бэзъ воды́! А винъ кáжэ: „Я вамъ помóжу, я вамъ зъ тóи керны́ци воды́ добýду!" Оны́ тогды́ ся ўти́шылы и кáжутъ такъ: „Якъ ты намъ добýдэшь воды́, то зáразъ ты дамó пятьсóтъ ры́ньскихъ!" Тогды́ винъ казáў трёмъ хлóпамъ спусты́ты ёгó въ вэдрі́ нá-дилъ до керны́ци тай кáжэ: „А якъ я ланьцухóмъ рýшу, то абы́-сьтэ мя зáразъ тягнýлы на-горý!" Якъ вжэ тамъ до дна дистáўся, запхáў тамъ у норý рýку и злáпаў жáбу за лáбы и вы́тягъ. Тай зáразъ рýшыў ланьцухóмъ, тай го вы́тяглы на-вэ́рхъ, а водá вжэ лэты́тъ въ-горý, ажъ ся по пóлы порозлывáла. Тогды́ ёмý грóши до рукъ зложы́лы и винъ пишóў.

Пишóў ажъ до тóго ми́ста, дэ цисарóва бýла хóра. Такъ зноў собі́ бóкомъ хóдытъ, нэ сьмíе доступы́ты до паля́цу. И пишóў на шынкъ и кáжэ лю́дёмъ: „О-жэ, я якíй хлопъ, а я́-бы вы́личыў цисарóву!" Нэ вьéрылы

му, нэ вьéрылы, áлэ тáкой дáлы знáты до ци́сара. Ци́саръ казáў привэсты́ го до сэ́бэ и кáжэ: „Памятáй сы, якъ порáдышь цисарóвій, то вэлы́ки маéтки дистáнэшь, а якъ нп. то тя стрáчу!“ Тай винъ зáразъ казáў той пьéцъ розвалы́ты въ покóю, а якъ вжэ розибрáлы до дна, винъ тотý пóрхаўку хóдыў, ўсушы́ў, потóўкъ на пóрохъ и даў то цисарóвій пы́ты, то зáразъ цисарóва стáла здорóва. Тогды́ ёмý ци́сарь даў пáку грóшэй и даў му визъ и кóни и вы́правыў го до-дóму съ бáндоў на парáду.

Прыйиждже винъ до свóго сэлá, а тамъ ёгó братъ óрэ на пóлы ёгó бычкáмы, що му видобрáў. То винъ пизнáў брáта сдáлэку и кáжэ: „Дай Бóжэ счи́стье!“ А той ёгó нэ пизнáў, уклоны́ўся ны́зко тай кáжэ: „Дай Бóжэ! дя́кую вэльмóжному пáновы!“ А винъ тогды́ засьмія́ўся тай кáжэ: „А щó, брáтэ, дóбрэ мой бычки́ хóдятъ?“ Той вжэ тогды́ стаў такъ, якъ кáминь. Алэ винъ го вжэ взяў до сэ́бэ на бры́чку и пойи́халы такъ обá у сэлó. Прыйи́халы до-дóму тай вжэ тамъ балю́ются—трýнокъ, ри́жнэ тамъ. Вжэ якъ ся едэ́нъ дэнь и дрýгый побалювáлы, розохóтылыся, тогды́ той пытáеся брáта: „Пови́джъ мэни́, брáтэ, якъ то е, що я тобí вы́ймыў óчы, а ты зноў вы́дышь, тай щэ мáешь такí грóши?“ А винъ му кáжэ: „Якъ ты такъ хóчэшь мáты такíй маéтокъ, то ходы́, я тэбэ́ тамъ постáўлю пидъ тотý фиγýру и вы́бэру тобí óчы, то й ты такъ будэ́шь мáты, якъ я!“ А той богáчъ самъ мáе ти́лько маéтку, що хибá птáшачого молокá нэ мáе, áлэ хóчэ мáты щэ би́льшэ. Тай зáразъ пишóў пидъ фиγýру, тай той ёмý вы́колоў обы́два óчы и кáжэ: „Тэпэ́рь сыды́ туй, ту прылэ́тятъ такí тры птáхи и повидя́тъ тобí вжэ—щó мáешь робы́ты?“ Тай забрáўся назáдъ до-дóму, а тóго богачá тамъ лышы́ў.

Тогды́ той сыды́тъ тамъ и акурáтъ о 12-ій годы́ни позлитáлы зноў ти-самí вирлы́, що тогды́. Едэ́нъ кáжэ: „А-тó, дыви́тся, вжэ тій керны́цы якíй-сь порáдыў, и цисарóвій порáдыў, всю́да порáдыў!“ А дрýгый кáжэ: „Мóжэ хто ту буў та слýхаў? анý, кáжэ, подыви́мся—мóжэ и ны́ни хто слýхае?“ Тай тогды́ злэ́тилы вирлы́ пидъ фиγýру, а тамъ той сыды́тъ. Тогды́ го зачáлы бы́ты, дзю́бáты, ажъ му кóсты порознóшувалы по цили́мъ пóлы.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

50.

Два брата.

Бу́лы два бра́тья—бога́тый и би́дный. Би́дному Па́нъ-бигъ даў бога́то диточо́къ. И винъ прыйшо́ў разъ до бога́того бра́та, щобы́ го чымъ пэ́рэдъ новы́нкоў поратува́ў.—„Са́мъ-бы-мъ, ка́жэ, съ жи́нкоў вжэ яко́-сь бидува́ў, а́лэ ди́ты съ-го́лоду пла́чуть, що ка́ра!"—Тогды́ той бога́чъ ка́жэ такъ: „Колы́ нэ ма́ешь чымъ дитэ́й годува́ты, то едно́ рижь, а дру́ги тымъ году́й! я́ ты, ка́жэ, ницъ нэ мо́жу да́ты!" Тай той прыхо́дытъ съ тымъ сло́вомъ до-до́му и розповида́е жи́нци, якъ го братъ видпра́выў. Тай вжэ взяў и то́чытъ нижъ, абы́ едну́ дити́ну ри́заты. Алэ найста́рша дити́на ся обзыва́е: „Тату́ню, на-що́ вы то́чытэ нижъ?" А винъ ка́жэ: „Каза́ў стры́ко, щобы́-мъ васъ по едно́му ри́заў, а дру́ги тымъ годува́ў!" Зноў ся та дити́на обзыва́е: „Вы насъ, та́ту, нэ ри́жтэ! мы сами́ позаў́мыра́емо и будэ́мъ до́ты мэртви́, до́ки новы́й хлибъ нэ бу́дэ!" И такъ тогды́ Па́нъ-бигъ даў, що оны́ вси, тоты́ диточки́, по тимъ сло́ви позаў́мыра́лы. Тогды́ ихъ та́то поскла-да́ў всихъ за пьецъ—най вжэ лэжу́ть до ново́го хли́ба.

А жи́нка тогды́ ка́жэ ёму́: „Иды́ ты тэпэ́рь до ли́са, мо́жэ дэ-яку́ гу́бу зна́йдэшь, а́бо що́, то зварымо́ тай будэмо́ ма́ты на вэчэ́ру!" Пишо́ў винъ до ли́са, идэ́-идэ́, а́лэ съ-го́лоду зисла́бъ тай сиў соби́ на пэнёкъ тро́ха спочы́ты. Тай ды́вытся, а зъ-пидъ пэнька́ га́дына выла́зытъ и що-сь гэй блыща́чэ му пока́зуе; и дру́гый разъ такъ вы́лизла, и трэ́тый, тай пото́му той блыща́чый ка́минь—дыя́мэнтъ, що ма́ла на голови́, ёму́ тамъ лышы́ла. А то такі́й блыскъ уда́рыў видъ то́го по всимъ ли́си, ажъ о́чы замружы́ў. Тай винъ тогды́ взяў той ка́минь въ торбы́нку, нэсэ́ до-до́му тай ра́дытся съ жи́нкоў: „Нэзна́ты, я́къ-бы то зане́сты до па́на до двора́, мо́жэ-бы даў хоть ɣа́рнэць муки́ за то́е?" И винъ то зани́съ до па́на, а панъ ся го пыта́е: „Що́-жъ ты мэни́ ска́жэшь?" Тогды́ винъ зача́ў розповида́ты, якъ въ ли́си найшо́ў той ка́минь, то мо́жэ-бы панъ ёго́ купы́ў? Тай вы́няў ка́минь зъ то́рбы—блыскъ такі́й уда́рыў по поко́ю, що страхъ! Панъ ся тымъ ду́жэ ути́шыў, даў му за то́е ри́жного маётку, во́лы, ко́ни и збі́жа, ґэтъ го пидпоми́гъ.

А якъ тоти́ часы́ вжэ прыйшлы́, –такъ по Пэ́три,—тогды́ ди́ты за пьёцомъ вси поўжыва́лы. Тогды́ той вжэ ихъ та́то дя́куваў Бо́гу тай хоти́ў спра́вы на ту интэ́нцью оби́дню. Пишо́ў до ксёндза тай ла́дытся вжэ до оби́дни. Алэ жи́нка то́го ёго́ бра́та—богачо́ва—уми́ла до́брэ вары́ты ї́исты; о-то́-жъ винъ идэ́ до нэ́и тай про́сытъ: „Ходи́тъ до мэ́нэ, бо-мъ найму́ў слу́жбу-бо́жу, тра яко́-сь людэ́й погосты́ты; то мо́жэ-бы-сьтэ зварылы дэ́-що?“ А той ка́жэ богачъ: „До́брэ, най йдэ!“ Прыйшо́ў вжэ той дэнь, балю́ются красно́, а той бога́чъ вжэ со-би́ тро́ха пидпы́ў тай пыта́еся бра́та: „Скажы́, яку́ ты ла́ску ма́ешь у па́на, що тя панъ такъ заратува́ў?“ А той кру́тытъ, нэ хо́чэ пови́сты. Алэ бога́чъ натыска́е, споко́ю му нэ дае́: „Пови́джъ тай пови́джъ!“ Тогды́ той ка́жэ такъ на-збы́тки: „Ну, вжэ ска́жу: я сво́йій жи́нци вы́ризаў прыроджи́нье и зани́съ то до па́на, то за то мэни́ панъ такі́й маё́токъ даў!“

Тогды́ той бога́чъ за́разъ сво́ю жи́нку до-до́му клы́чэ тай забра́лыся обо́е до-до́му. Тай щэ по доро́зи ї́ій всё опови́ў, жэ братъ за жи́нчыно прыроджи́нье диста́ў видъ па́на вэсь мае́токъ.—„Зроби́мъ и мы такъ, ка́жэ, то панъ та́кжэ дастъ!“—Тогды́ взяў, вы́ризаў жи́нци прыроджи́нье, завыну́ў то въ па́пиръ и пони́съ до па́на. Панъ ся пыта́е: „А що́ тамъ ска́жэшь?“ А винъ ка́жэ: „Я прыни́съ па́новы то, що мій братъ!“ А панъ ся у́ти́шыў, гада́е сы: „Оў, дэ оны́ то́го ти́лько бэ́рутъ?“ Алэ той вы́няў тай положы́ў на стилъ. Панъ розвыва́е, ды́вытся тай ка́жэ: „Ну, що́ тамто́й прыни́съ, то нэ ты!“ Взяў хло́па мэ́жы слу́гы, збыў го, збыў, тай вы́кинуў лэ́двэ жыво́го за бра́му. Той якъ ся спамята́ў, встаў, идэ́ до-до́му. Прыхо́дытъ, а жи́нка вжэ нэжыва́. Тогды́ вся грома́да зійшла́ся, взя́лы го въ ланьцушки́ тай видда́лы до су́ду, а въ су́ди го за то́е стра́тылы. Тогды́ ци́лый той ёго́ мае́токъ пэрэйшо́ў вжэ на би́дного бра́та.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

51.

Счастье—въ лѣсу на ели.

Бу́лы два бра́тьи: едэ́нъ буў би́дный, а дру́гый бога́тый. Тай разъ той би́дный у бога́того молоты́ў. Молоты́ў-молоты́ў, а́лэ пшэны́ця всэ скака́ла зъ стодо́лы за пори́гъ. А тамъ така́ мышь би́гала и тоту́ пшэны́цю збыра́ла тай носы́ла зноў до стодо́лы. Винъ ту мышь хоти́ў поймáты, а́лэ му ся нэ дава́ла. Тогды́ винъ ся взяў ей пыта́ты: „Що́ ты е за една́?“—„Я тво́го бра́та счи́стье!“—Тогды́ винъ пыта́ется: „А мое́ дэ́ е счи́стье?“—„Твое́ счи́стье въ ли́си на ялы́цы!“

Тогды́ винъ пишо́ў собі́ въ лисъ и вы́лизъ на ялы́цю и сыды́тъ. А тамъ ко́ло ялы́ци бу́ла ха́та. Винъ ды́вытся—прыйшлы́ до то́и ха́ты злоді́и и ка́жутъ: „Утвожъ ся, здэ́бка!“ *) Ха́та ся витворы́ла и оны́ війшлы́ и ка́жутъ: „За́пэжъ ся, здэ́бка!“ *) Тай оны́ ся тамъ побалюва́лы, а пото́му вы́йшлы, и пишлы́ гэтъ и зноў такъ каза́лы, якъ выходы́лы: „Утвожъ ся, здэ́бка!“—а якъ вжэ вы́йшлы, то: „За́пэжъ ся, здэ́бка!“ Тай пишлы́. А той хлопъ тогды́ злизъ бо́рзо съ ялы́ци тай собі́ такъ ка́жэ: „Утвожъ ся, здэ́бка!“—отворы́лася и винъ пишо́ў до ха́ты; „За́пэжъ ся, здэ́бка!“—то ся запэ́рла за нымъ. И тамъ бу́лы гро́ши, то винъ всэ браў и выносы́ў на-дви́ръ и хова́ў; вы́нисъ вжэ до́ста, тогды́ забра́ў ти гро́ши и пишо́ў до-до́му.

Прыйшо́ў до-до́му тай тоты́ гро́ши хоти́ў мьэ́ряты—ки́лько ихъ е? И писла́ў до то́го бога́того бра́та по чвэ́ртку. Прынэ́слы чвэ́ртку, тогды́ взяў тоты́ гро́ши мьэ́ряты. Змье́рыў, а по́-за обручи́ напха́ў шустки́ тай видосла́ў чвэ́ртку до бра́та. А той ко́ўтнуў чвэ́рткоў объ зэ́млю, то тоты́ вы́лэтилы шустки́. Винъ ся пыта́е тогды́ бра́та—що́ винъ ту мье́ряў?—Гро́ши!—Тай взяў ся го пыта́ты—ви́дки винъ взяў ти́лько гро́шэй? Той му взяў каза́ты: „Ходы́ў-емъ въ лисъ та́й-емъ вы́лизъ на ялы́цю, а злоді́и прыйшлы́ тай до ха́ты каза́лы: „Утвожъ ся, здэ́бка!—за́пэжъ ся,

---

*) Очевидно—польскія выраженія: „Otwórz się, izdebka!“—„Zatwórz się, izdebka!“

здэ́бка“!—а пото́му пишлы́ гэтъ: то тогды́ я сы набра́ў гро́шэй тай пишо́ў-емъ!“

Тай той бога́чъ взяў сы михъ и пишо́ў на ту ялы́цю сыди́ты. Сыды́тъ, а злодії пишлы́ до ха́ты тай ся тамъ балюва́лы. Тогды́ вы́йшлы и пишлы́ гэтъ. Винъ злизъ бо́рзо съ ялы́ци тай ка́жэ до ха́ты: „Утвожъ ся, здэ́бка!“ Тай ся отворы́ла тай винъ тамъ увійшо́ў. Алэ тамъ бу́ло на столи́ ри́жнэ йи́сты и пы́ты, то винъ пэ́ршэ взяў ся балюва́ты; ажъ якъ ся побалюва́ў, тогды́ набра́ў гро́ши у михъ и хоти́ў гэтъ иты́, а́лэ вжэ забу́ў, якъ ма́е каза́ты, абы́ ся му ха́та витворы́ла. Каза́ў: „Пэрэвэрны́ся, ха́тка! у́твожъ ся, ха́тка!“—а́лэ нэ отворя́лася, тай винъ нэ мигъ вы́йты. Тогды́ вжэ взяў тай схова́ўся тамъ за бочки́. Алэ злодії прыйшлы́, взя́лыся балюва́ты тай ся ду́жэ сьмія́лы. А винъ й собі́ ся взяў сьмія́ты за ны́мы. Оны́ тогды́ зача́лы шука́ты тай найшлы́ его́ за бочка́мы; тай взя́лы его́, поруба́лы на кава́лки тай пови́сылы на тій ялы́цы ко́ло ха́ты.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

52.

Счастье и бѣда.

Бу́лы два бра́тьи: едэ́нъ буў би́дный, а дру́гый бога́чъ. Тай оба́ бра́тьи посія́лы пшэны́цю на едні́й ны́ви. То у би́дного ся фа́йна пшэны́ця ўроды́ла, а у богача́ ги́рша; а́лэ видъ то́го би́дного всэ хто-сь въ ночы́ браў пшэны́цю и до богача́ пэрэно́шуваў. Би́дный гада́ў сы, що то му братъ крадэ́ пшэны́цю, тай пишо́ў въ ночы́ вартува́ты. Тай ды́вытся, а тамъ які́й-сь птахъ пшэны́цю ти́гае. Тогды́ винъ взяў, защу́рыўся тай пойма́ў то́го пта́ха, а́лэ хоти́ў то́го пта́ха задушы́ты. Алэ птахъ ка́жэ: „Нэ душы́ мэнэ́, бо тэбэ́ бида́ заду́сытъ!“—„Хто-жъ ты е?“—„Я, ка́жэ, тво́го бра́та счи́стье!“—„А мо́е счи́стье дэ?“—Тогды́ птахъ ка́жэ: „Ты нэ ма́ешь счи́стья, бо у тэ́бэ е

бида́ пидъ прыпичкомъ; а́лэ, ка́жэ, забыра́йся гэтъ въ сьвитъ, то тоби́ ли́пшэ бу́дэ!“

Тай винъ зибра́уся съ жи́нкоу тай съ дитьмы́— йи́дэ гэтъ. А бида́ ся вы́хопыла зъ-пидъ пры́пичка тай зача́ла вэрэща́ты: „Йой, та ты йи́дэшь, а мэнэ́ лышаешь?“ И чэпы́лася бида́ во́за, вэрэщы́тъ, нэ хо́чэ ся лышы́ты. Тай оны́ вжэ пойи́халы съ бидо́у, а́лэ грызу́тся, гада́ютъ сы: „Та дэ мы съ бидо́у пойи́дэмо? съ бидо́у насъ нихто́ и нэ пры́йимэ!“ А́лэ взя́лы въ ли́си видпочыва́ты, злі́злы съ во́за тай хо́чутъ огэ́нь кла́сты. Пишо́у ɣа́зда за дрыва́мы тай ка́жэ до биды́: „Ходы́, помо́жэшь мы дроу нарубáты!“ Взяу ду́ба гру́бого, розколо́у тай ка́жэ биди́: „Пхай тутъ ру́ку, най розко́лю ду́ба!“ Бида́ запха́ла оби́ ру́ки, тогды́ винъ пусты́у, тай дубъ биди́ ру́ки захо́пыу. Бида́ ска́чэ, вэрэщы́тъ всиля́кимы голоса́мы, а́лэ ся нэ мо́жэ ру́шыты. А оны́ тогды́ фи́ру бо́рзо запря́глы тай пойи́халы да́ли, а биду́ лышы́лы.

Тай прыйи́халы до едно́го сэла́—на́ймылыся у па́на на слу́жбу: чоловикъ буу за вокомо́на, жи́нка за куха́рку, а ди́ты па́слы ви́уци. Тай сказа́у имъ панъ: „Абы́-сьтэ мы вье́рнэ служы́лы, то вамъ до́брэ бу́дэ; а якъ ни, то васъ гэтъ видпра́влю!“ Алэ яко́-сь хло́пэць, якъ пасъ ви́уци, за́быу бычо́мъ едну́ виуцю. Сказа́у та́товы, а та́то ка́жэ: „Ты́хо, ницъ нэ кажы́, бо бы ся панъ ду́жэ гни́вау; я зако́плю виуцю въ дэ́бру тай ска́жэмо па́новы, що воукъ ззиу!“ Тай пишо́у съ хло́пцёмъ копа́ты я́му на виуцю. Ко́плэ, ажъ ды́вытся—тамъ е пыу́ныця. Винъ взяу, витворы́у, а тамъ са́ми бочки́—вси съ гри́шмы. Тогды́ винъ побигъ до па́на тай ка́жэ: „Хоти́у-емъ виуцю закопа́ты тай-емъ найшо́у пыуныцю съ гри́шмы!“ То панъ ся ду́жэ у́тишыу, пойи́хау тамъ до пыу́ныци тай набра́у ви́симь во́зиу гро́шэй. Тай тогды́ ка́жэ до то́го хло́па: „Я тоби́ дамъ мій всій мае́токъ, а соби́ забэ́ру тоти́ гро́ши; я соби́, ка́жэ, бу́ду на пэ́нсьи жы́ты ты́мы гри́шмы!“ Тай видда́у му панъ гэтъ вси сво́и до́бра, а самъ съ ты́мы гри́шмы пойи́хау.

Тогды́ винъ вжэ стау вэлы́кимъ богачо́мъ, па́номъ, тай пы́шэ до сво́го бра́та: „Спрода́й всё сво́е ɣоспода́рство тай прыходы́ до мэ́нэ—будэ́мо ра́зомъ панува́ты!“ Тай той такъ зробы́у: спрода́у всё и йи́дэ. Йи́дэ тоу-само́у доро́гоу, дэ бида́ бу́ла прыпя́та у ду́би. Ка́жэ до нэ́го бида́: „Пусты́ мэнэ́

ви́дсы, то я тво́го бра́та зноў на биду́ звэду́, а ты будэ́шь на́номъ!“ Винъ биди́ ру́ки вы́ймыў зъ ду́ба, пусты́ў йи́, а бида́ тогды́ ся хо́пыла его́ шы́и и ка́жэ: „Вжэ тэбэ нэ попу́щу, до́ки жы́ты бу́дэшь!“ Прыйи́хаў винъ съ тоў бидо́ў до бра́та, а братъ, якъ увы́диў биду́, ду́жэ ся розгни́ваў тай видогна́ў го гэтъ. Винъ ся завэрну́ў до-до́му, а́лэ вжэ бидува́ў, по́ки нэ у́мэръ.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

53.

Танецъ съ чертомъ.

Буў дидъ и ба́ба; дидъ маў свою́ ди́вочку видъ пэ́ршои жи́нки, а ба́ба свою́—видъ пэ́ршого чолови́ка. Тай ба́ба свою́ лэда́чыцю ду́жэ у́любы́ла, а тоту́ па́сэрбыцю, якъ могла́, то збыткува́ла, тай всэ до найгі́ршои робо́ты йи заправля́ла.

Нэ зна́ла вжэ, що́ вы́гадаты, тай вы́правыла йи на́ничь до ли́са, до закля́тои ха́ты, абы́ тамъ про́со опыха́ла. Пишла́ сы́рота, опыха́е-опыха́е, ажъ ту прыйшо́ў до ха́ты чортъ. Тай винъ йій ка́жэ: „Ходы́, ди́ўчэ, зо мноў танцюва́ты!“ Ка́жэ му ди́ўка: „Та якъ я пи́ду танцюва́ты, колы́ нэ ма́ю спи́дныци?“ Пишо́ў тогды́ чортъ, прыни́съ йій спи́дныцю тай зноў ка́жэ: „Ходы́, ди́ўчэ, танцюва́ты!“ —„Я нэ ма́ю чэрэвы́киў!“ —Прыни́съ чэрэвы́ки, ка́жэ: „Ходы́ танцюва́ты!“—Ка́жэ, що нэ ма́е ху́стки, то кора́лиў; ри́жнэ. Такъ всэ посыла́ла чо́рта, ажъ йій всё попрыносы́ў. Якъ йій вжэ всё позносы́ў, ка́жэ: „Ну, ходы́ вжэ танцюва́ты!“ „Пиду́ вжэ, ка́жэ, ино́ щэ абы́-сь мы прыни́съ той-во́ горнэ́ць по́ўно гро́шэй!“—Вы́была въ горшку́ дно; вы́копала я́му глубо́ку тай поста́выла горнэ́ць надъ тоў я́моў; а чортъ но́сытъ гро́ши тай но́сытъ, ажъ когу́тъ запи́ў. Чортъ тогды́ счэзъ, а ди́ўка сы вжэ да́льшэ опыха́ла. Ра́но прыйшла́ ди́ўка до-до́му тай ка́жэ та́товы: „Бэри́тъ, та́ту, михъ тай йи́дьмо по гро́ши до ли́са!“ Пойи́халы, забра́лы тоти́ гро́ши зъ я́мы, то ти́лько

було, що лэ́двы до-до́му прывэзлы́: мо́жэ було й пять соток. И ўбра́лася ди́ўка фа́йно, йидуть до-до́му.

Увы́дила тогды́ ба́ба, що ся ди́ўци до́брэ тра́фыло, гада́е сы: „О, то я йи вжэ тамъ би́льшэ нэ пу́щу! най тэпэ́рь вжэ моя́ ся тро́ха пидпомо́жэ!“ Вы́правыла вжэ на другу ничь свою ди́ўку до тои ха́ты. Пишла́ ди́ўка, а́лэ нэ опыха́е, ино́ ждэ на чо́рта. Такъ вжэ коло пи́ўночы прыхо́дытъ чортъ. Ка́жэ йий: „Ходы́, ди́ўчэ, танцюва́ты!“ А она́ ёму́ тогды́ всё на́-разъ вы́рахувала, жэбы́ йий прыни́съ всё кра́снэ фа́нтя и гро́шэй по́ўный горнэ́ць. Чортъ ужэ́ знаў, ки́лько тамъ то́го трэ́ба, прыни́съ йий всё видра́зу; тай якъ ўхопы́ў ди́ўку въ та́нэць, то такъ йи порозносы́ў, що ко́жда ки́стка окрэ́мэ була. Ждэ ма́ты ра́но на ди́ўку, ждэ,—нэ прыхо́дытъ! Пишла́ тогды́ въ лисъ до ха́ты, а тамъ зъ ди́ўки ти́лько кисточки́ булы.

(Отъ Каськи Шалабской въ Борусовѣ.)

54.

Бѣда.

а). Такъ буў кова́ль. То всэ прыходы́лы лю́дэ до нэ́го та каза́лы: „Ой, бида́, бида́!“ А той кова́ль ка́жэ: „Та я нэ вы́джу ни́ґды биды́; я пи́ду, ка́жэ, въ сьвитъ и буду то́и биды́ шука́ты—цы на́йду?“

Прыйшо́ў винъ такъ до сыройи́да. *)—„Кобы́-сьтэ мя, ка́жэ, пэрэночува́лы!“—„До́брэ, я ти пэрэночу́ю: бу́дэшь, ка́жэ, съ ви́ўцима ту спа́ты!“—„Та най бу́дэ, до́брэ!“—Взяў винъ тамъ ночува́ты, а сыройи́дъ ка́жэ до сыройи́дыхи: „Вжэ остры́ ножи́—бу́дэмо коваля́ ри́заты!“ А кова́ль тото́ учу́ў, то якъ вы́йшоў сыройи́дъ, шука́е го, а его́ нэма́. А той сыройи́дъ нэ маў чымъ засьвиты́ты, то всэ браў ви́ўци по о́дній тай крузь викно́ мэта́ў. А кова́ль собі обэрну́ў кожуше́, ўбра́ўся—такъ гы бара́нъ ся зробы́ў, то сыройи́дъ и его́ вы́вэргъ. А винъ за викно́мъ ка́жэ: „А

---

*) См. стр. 43.

сла́ва Го́споду, що ты й мэнэ́ вы́вэргъ!“ А сыройи́дъ за нымъ, за нымъ, а́лэ нэ мигъ го догоны́ты.

Бижы́тъ кова́ль—здыбаў затя́тэ золотэ́ топоря́ въ дэ́рэви. Винъ видрыва́е, тай ёго́ рука́ прылы́пла до то́го топоря́—нэ хо́чэ ся да́ты. Тай винъ видри́заў ру́ку и ўтикъ.

Прыйшо́ў до-до́му тай ка́жэ: „Ажъ тэпэ́рь я биду́ зна́ю, пи́зно ля́жу, ра́но ўста́ю!“

(Отъ Марін Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

б). Такъ до ковал́я ходы́лы лю́дэ и всэ ка́жутъ: „Ой, бида́!“ А винъ ка́жэ: „Що́ то за бида, що я йи нэ зна́ю?“ И такъ одно́го ра́зу зибра́ўся и йдэ шука́ты биды́. Идэ́-йдэ, здыба́е кова́ль шэўця́. Пыта́еся: „Дэ ты йдэшь?“ Швэць ка́жэ: „Отъ, иду́, абы́ нэ стоя́ты; а ты, ка́жэ, дэ?“—„О, я йду соби́ шука́ты биды́—що́ то за така́ бида́?“—„Ну, то ходи́мъ оба́!“

Иду́тъ-иду́тъ—у ли́си бу́ла ха́та. Прыхо́дятъ до то́и ха́ты—тамъ ночу́ютъ. Ра́но прыйшла́ сыройи́дыха (така́ съ еднымъ о́комъ) и пыта́еся ихъ: „Що́ вы за е́дни?“ —„Мы йдэмъ шука́ты биды́!“—Едэ́нъ ка́жэ: „Я кова́ль!“—а дру́гый ка́жэ: „Я швэць!“ Тогды́ она́ взя́ла палы́ты въ пье́цу. Напалы́ла въ пье́цу, ўхо́пыла шэўця́, вэ́ргла въ огэ́нь и винъ ся спикъ; тогды́ го вы́ймыла, ўкусы́ла два ра́зы и ззи́ла всёго́. И ка́жэ до ковал́я: „А ты, колы́-сь кова́ль, то мэни́ дру́гэ о́ко прыро́бышь!“ И позамыка́ла двэ́ри, абы́ винъ куды́ нэ ўтикъ. И ка́жэ: „Ну, розпика́й шы́ло, то мэни́ прыро́бышь дру́гэ о́ко!“ Тогды́ кова́ль ка́жэ: „Внэсы́ мэни́ такі́й ланцъ, абы́ я ти звяза́ў!“ Она́ внэ́сла ланцъ, винъ йи звяза́ў и ка́жэ: „Ану́, прутны́ся,—цы урвэ́шь?“ И она́ ся прутну́ла и урва́ла. И винъ сказа́ў дру́гый прынэ́сты ланцъ и звяза́ў йи, а́лэ она́ зноў урва́ла. Тогды́ взяў трэ́тый и звяза́ў,—вжэ то́го нэ могла́ урва́ты. Тогды́ винъ розпи́къ шы́ло тай взяў и въ то о́ко, що ма́ла, шы́ломъ дю́гнуў, абы́ нэ вы́дила, абы́ ути́къ видъ нэ́и. Вжэ винъ такъ зробы́ў, она́ ся зъ бо́лю прутну́ла, урва́лася и взя́ла вжэ на нёго палы́ты въ пье́цу. Хоти́ла й ёго́ спэчы́, а́лэ го нэ могла́ злапаты, бо нэ вы́дила. А тамъ бу́лы у нэ́и ба-

раны́, то винъ ся всэ хова́ў по́-за тыхъ бараніу. То она́ ла́пала ти бараны́ и кеда́ла по-е́дному крузь викно́ (бо боя́лася, я́къ-бы выпуща́ла въ двэ́ри, то и кова́ль бы ути́къ). И вы́мэтала бараны́, а́лэ той кова̀ль маў такі́й кожу́хъ, що зъ барана́, тай взяў, у той кожу́хъ завы́ўся и ла́зытъ и всэ такъ: бэ-э-э,—ни́бы й винъ бара́нъ. А она́ хо́пыла ёго́ за во́ўну и вэ́ргла й ёго́ крузь викно́. Якъ ёго́ вы́вэргла, ка́жэ винъ: „Будь здоро́ва, би́до!“—„Иды́-йды, я ти щэ пойима́ю!“

И винъ бижы́тъ, а у ли́си такъ ялы́ця лэжы́тъ, а въ тій ялы́цы такъ затя́та соки́ра и золотэ́ топоры́щэ. Винъ за ту соки́ру пойима́ў, хоти́ў йи вы́рваты, тай нэ мигъ и ру́ку видирва́ты. А она́ йдэ вжэ за нымъ тай сьміе́ся: „А я́ ты нэ каза́ла, що тя пойима́ю?“ А винъ вы́ймыў нижъ, ру́ку видри́заў тай ути́къ. Ути́къ ажъ до-до́му и ка́жэ: „Ажъ тэпэ́рь зна́ю, яка́ то бида́!“

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

55.

Волшебная скрипка.

Служы́ў едэ́нъ слуга́ въ ҁомо́сци и пасъ това́ръ и гоны́ў въ лисъ. Разъ собі́ взяў пря́дыва и плиў собі́ бычъ у тры мотузки́. А бида́ надійшла́ тай ка́жэ: „Що́ ты плэтэ́шь?“—„Плэту́, ка́жэ, мотузки́, вси би́ды бу́ду ви́шаты!“—Бида́ ка́жэ: „Йой, що́ хо́чэшь, то́ ты дамъ, лышэ́ абы́-сь насъ нэ ви́шаў!“ А той у биды́ увы́диў фа́йну скры́пку и чэрэвы́ки, то ка́жэ: „Дай мэни́ тоту́ скры́пку и чэрэвы́ки, то нэ бу́ду!“ Бида́ ёму́ да́ла и ка́жэ: „На тій скры́пци якъ загра́ешь, то всё будэ́ танцюва́ты— цы чолови́къ, цы худо́ба; а въ тоты́ чэрэвы́ки якъ ся у́бу́ешь, то тэбэ́ тогды́ нихто́ нэ увы́дытъ!“

И такъ винъ ужэ́ попа́съ худо́бу у ли́си и вы́гнаў на то́локу, сиў сы на купы́ну и загра́ў на тій скры́пци, а худо́ба вся ся посха́пувала тай такъ наоко́ло нёго танцю́е, що гэй! Пото́му винъ займы́ў худо́бу до-до́му, а ксёндзъ ся пыта́е: „Чого́ такъ худо́ба поприла?“—„Я нэ

зна́ю, ка́жэ, чого́?“—На дру́ґый дэнь займы́ў винъ худо́бу па́сты, а ксёндзъ пишо́ў потыхо́ньку за нымъ—дывы́тыся, що́ винъ съ худо́боў ро́бытъ? Тай схова́ўся ксёндзъ такъ на краю́ ли́са въ тэ́рнье. Ну, той попа́съ худо́бу, зноў собі́ сиў на купы́ну. Якъ загра́ў, худо́ба ся посха́пувала и танцю́е; а ксёндзъ собі́ тамъ въ тэ́рнёхъ та́кжэ танцю́е—гэтъ ся покалі́чыў, пообдыра́ў. Тай вжэ винъ пото́му стаў, займы́ў худо́бу до-до́му. А ксёндзъ собі́ пишо́ў до-до́му, а́лэ ся слузі́ нэ показа́ў. Прыйшо́ў ксёндзъ до-до́му и повида́е йимо́сцы, якъ той слуга́ фа́йно уміе ґра́ты. Тогды́ йи́мосць ка́жэ: „Ану́, загра́й и мэні́ тако́и, най сы потанцю́ю тро́хи!“ Алэ ксёндзъ ка́жэ: „Мэнэ́ у́пнитъ до сту́пы, я нэ хо́чу танцюва́ты!“ Винъ якъ зача́ў ґра́ты, йи́мосць такъ по поко́яхъ танцю́е, а ксёндзъ схо́пыўся тай зо сту́поў собі́ танцю́е,—гэтъ ся обо́е порозбыва́лы на́-ницъ.

Тогды́ вжэ ксёндзъ напыса́ў по всихъ сэ́лахъ лыстъ, що такі́й у нэ́го музы́ка е, що якъ загра́е, то вси гуля́ты му́сятъ. И попрыйижджа́лы до ксёндза паны́ зо всёго́ сьви́та и каза́лы то́му слузі́ ґра́ты. Винъ якъ загра́ў, то такъ паны́ ґуля́лы вси, ажъ ся вжэ стинъ йима́лы. Винъ тогды́ стаў, а паны́ ёго́ осуды́лы взя́ты за то́е на шы́бэныцю. Прывэлы́ ёго́ пидъ шы́бэныцю, а винъ зача́ў ся ду́жэ просы́ты: „Да́йтэ мы мо́ю скры́пку, най хоть съ нэў умру́!“ Далы́ му скры́пку, а винъ якъ загра́ў, то зно́ву вси паны́ зача́лы танцюва́ты наўко́ла шы́бэныци. А винъ тогды́ борзэ́нько тоты́ чэрэвы́ки зъ то́рбы вы́няў тай ўбуў, то вжэ го бі́льщэ нихто́ тамъ нэ вы́диў. И винъ тогды́ пишо́ў собі́ вжэ въ сьвитъ.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

56.

Какъ мужикъ занялъ у черта деньги.

Такъ буў едэ́нъ γазда би́дный и пишо́ў до биды́ и пожы́чыў собі́ видъ биды́ гро́ши. И каза́ў биди́, що за симь литъ вэ́рнэ му тоты́ гро́ши, а я́къ-бы нэ вэрну́ў, то го бида́ во́зьмэ на ду́шу; и на то пидпыса́ўся. Тай взяў гро́ши и такъ симь литъ γаздува́ў и балюва́ўся зъ тыхъ гро́шэй. Алэ въ симь литъ прыйшо́ў вжэ той злый до нёго и ка́жэ: „Чы зла́дыў-есь гро́ши?“ А винъ ка́жэ: „Та дэ́-мъ зла́дыў? щэ нэ бу́ло колы́! я ся, ка́жэ, щэ на́вить за твои гро́ши ни наи́йў до́брэ, ни напы́ў, а ты вжэ хо́чэшь бра́ты наза́дъ!“ Тогды́ ка́жэ злый духъ до нёго: „Ну, то ходы́ до ко́рчмы, то наи́йшься и напьёшься за мо́и гро́ши!“ Пишлы́ оны́ до ко́рчмы—тамъ ся наи́йлы, напылы, а тогды ка́жэ хлопъ до биды́: „Ну, ходы́ тэпэ́рь пидъ ко́рчму, то ты гро́ши видда́мъ!“ Вы́йшлы пидъ ко́рчму, тогды́ хлопъ пэ́рнуў,—разъ, и дру́гый, и трэ́тый. Тай ка́жэ: „Зи́има́й тото́ тай завяжы́ въ γудзъ, то тогды́ ты гро́ши видда́мъ!“ А злый ка́жэ: „И нэ йима́ю и γу́дза нэ вя́жу и гро́шэй вжэ видъ тэ́бэ нэ хо́чу!“ Тай забра́ўся и полэ́тиў.

Потому ся о тимъ довида́ў едэ́нъ бога́чъ въ сэли́, що той такъ чо́рта змудрува́ў, тай пишо́ў и собі́ пожыча́ты видъ биды́ гро́ши. И пожы́чыў тоты́ гро́ши на симь литъ и пидпыса́ўся биди́ на ду́шу. Тай накупы́ў собі́ бога́чъ за тоты́ гро́ши воли́ў, ко́нэй, ри́жного мае́тку. А пото́му зача́ў гада́ты—що́-бы то зробы́ты, абы́ грошэ́й биди́ нэ видда́ты? Тай взяў ками́нье возы́ты и за симь литъ навозы́ў вэлычэ́зну ку́пу ками́ня. А въ симь литъ вжэ злый духъ прыйшо́ў по гро́ши.—„Цы зла́дыў-есь, ка́жэ, гро́ши?“—А бога́чъ ка́жэ: „Якъ поста́вышь за ничь млынъ и змэ́лэшь мэни́ то ками́нье, то тобі́ гро́ши видда́мъ!“ Алэ якъ злый свы́снуў, якъ ся чорты́ позлита́лы, поста́вылы млынъ и всё ками́нье змоло́лы до ра́на на муку́. И тогды́ взя́лы вжэ то́го богача́ на ду́шу.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

57.

Какъ чертъ бѣжалъ отъ злой жены.

Такъ була баба вдовыця и нэ могла ся виддаты. Тай кажэ разъ: „Ой, Божэ-Божэ, вжэ й за биду бы-мъ пишла, кобы мя взяў!" А бида йдэ тай кажэ: „Ну, пидэшь за мэнэ?"—„Ой, пиду!"—Пожэнылыся, ɣаздують соби. Алэ баба потому увыдила, жэ спытъ съ бидоў, а пицъ видъ биды нэ чуе, тай набыла биду и нагнала фосы копаты. И нэ дае му на цалый дэнь ничо йисты, лышь кусэнь хлиба. И все бье, все бье.

Коплэ бида фосу, а йдэ робитныкъ дорогоў. Пытае го ся бида: „Дэ ты йдэшь?"—„Иду на роботу!"—„А цы маешь ты жинку?"—„Ой, маю!"—„Тай-есь, кажэ, лышыў йи?"—„Лышыў! або що такэ?"—А бида кажэ: „Та-бо й я таки маю жинку; такъ мэнэ вжэ курва сушытъ, що страхъ! цы можъ ей, кажэ, лышыты?"—„Та чому ни? можъ!"

Тай бида пишла съ тымъ робитныкомъ и кажэ до нэго: „Иды-жъ ты тэпэрь до того миста: я тамъ буду у бровары воюваты, а ты прыйдэшь—я ты ся покажу—и ты мэнэ выжэпэшь, то дистанэшь вэлыку надгороду!" Тай бида полэтила напэрэдъ, тамъ вжэ въ бровары воюе—куфы розбывае, пыво розлывае, очы забрызкуе робитныкамъ, робытъ збытки, що вси поутикалы. Прыходытъ той чоловикъ до миста тай кажэ: „Я тоту биду выжэну зъ бровару!" Прыходытъ до бровара, а тамъ бида сыдытъ на пьецу. Взяў винъ соби кочэргу, биду набыў—выгнаў гэтъ. Побуў тамъ щэ зъ тыждэнь—тай вжэ въ бровары спокій; дистаў дви сотки тай пишоў сы гэтъ.

Тай здыбаўся зноў съ бидоў, а бида му кажэ: „Я тэпэрь лэчу до едного сэла до пропинацьи тай зноў тамъ буду воюваты!" Прыходытъ той робитныкъ до того сэла, кажутъ му людэ, жэ тамъ у пропинацьи така яка-сь суета, рады соби нэ можъ съ бидоў даты. А винъ кажэ: „Я-бы даў рады!" Прыйшоў винъ тамъ, взяў сы кочэргу, выгнаў биду, набыў. Вжэ спокій. Далы му трыста рыньскихъ, пишоў.

Идэ́ винъ, здыбаўся съ бидо́ў, тай му ка́жэ бида́: „Иды́-жъ ты соби́ тэпэ́рь съ ты́мы гри́шмы до-до́му, а я йду до одного па́на, вжэ соби́ тамъ бу́ду ɣаздува́ты; а́лэ ты, ка́жэ, вжэ абы́-съ нэ йшоў мэнэ́ звидтамъ выганя́ты, бо-бы твоя́ смэ́рть була́!“ Тай такъ розійшлы́ся: той чолови́къ пишо́ў соби́ до сво́го до́му, а бида́ полэ́тила до па́на.

Тай тамъ такъ бида́ въ двори́ воює, нэ мо́жъ жы́ты. Алэ панъ ся дэ-сь дови́даў, же е такій хлопъ, жэ биду́ вжэ въ двохъ вы́гнаў ми́сцёхъ, тай за́разъ панъ пойи́хаў по то́го хло́па. Прийижджа́е и ка́жэ: „Ходы́, вы́гоны мы биду́ зъ двора́, бо якъ нэ йдэшь, то тя стра́чу!“ Тай той хлопъ вжэ съ па́номъ пойи́хаў: всё му е́дно—я́къ умыра́ты. Прыйижджа́ютъ до двора́, а бида́ сыды́тъ на ко́мыни. Тай ка́жэ бида́ до то́го хло́па: „А ты чого́ прыйшо́ў? чы я ты нэ каза́ў, жэ твоя́ смэрть ту бу́дэ?“ Алэ хлопъ ка́жэ: „Я нэ йду тэбэ́ гоны́ты, я лышэ́ йду тоби́ каза́ты, жэ твоя́ ба́ба за тобо́ў шука́е— вжэ сюда́ йдэ!“ -„А цы далэ́ко щэ?“—„О, та́ки вжэ за воритьмы́!“—Якъ ся бида́ напу́дыла, якъ съ ко́мына ско́чыла, тай сы го́лову зломы́ла.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

58.

Девять неправдъ.

Такъ бу́лы тры бра́тья—два му́дри, а на́ймолодшый дурны́й. Тай оны́ пишлы́ вси тры въ доро́гу тай захо́пыла ихъ ничь въ ли́си. А тамъ у ли́си гори́ў огэ́нь, тай оны́ хоти́лы йты за огнё́мъ. Пишо́ў найста́ршый братъ, а то злодіе кла́лы соби́ тамъ огэ́нь. Тогды ёго́ пыта́еся той найста́ршый зло́дій: „Чого́ ты прыйшо́ў?“—„Да́йтэ мэни́ огню́!“—Той ка́жэ: „Дамо́ ты, а́лэ скажы́ намъ дэ́вьить нэпра́ўдъ; а якъ нэ ска́жэшь, то́ ты вы́дрэмо видъ головы́ ажъ до рэмэ́ня пасъ и засы́плэмъ то ячми́нноў поло́воў!“ Алэ винъ нэ ўмиў сказа́ты, то му вы́-

дэрлы пасъ, засы́палы поло́воў тай нагна́лы го гэтъ. Тогды́ пишо́ў сэрэдўщый братъ за огнёмъ, тай зно́ву му такъ той злодій ка́жэ: „Якъ намъ видгада́ешь дэ́вьить нэпра́ўдъ, то до́брэ; а якъ ни, то ты вы́дрэмо пасъ видъ головы́ ажъ до рэмэ́ня!“ Винъ нэ ўмиў видгада́ты, тай му вы́дэрлы пасъ и нагна́лы. Тогды́ пишо́ў вжэ дурный идъ нымъ, то зноў му такъ злодіе ка́жутъ: „Скажы́ дэ́вьить нэпра́ўдъ, бо якъ нэ ска́жэшь, то́ ты вы́дрэмо пасъ, якъ тво́имъ бра́тьимъ!“ Винъ тогды́ ка́жэ: „До́брэ, я ска́жу! а́лэ абы́-сьтэ ся нико́трый нэ обзыва́лы, бо якъ ся котры́й обы́звэтэ, то я тогды́ вы́дру вамъ уси́мъ по па́си!“ — „До́брэ!“

Тай тогды́ зача́ў имъ каза́ты:

„Я молоты́ў на ду́би горо́хъ; гороховя́нка па́дала на зэ́млю, а горо́хъ ся на ду́би лышы́ў. Пото́му-мъ злизъ съ ду́ба тай йду доро́гоў, а тамъ въ вэ́рби пыща́тъ шпа́ки варэ́ни-пэчэ́ни; пха́ю у дупло́ ру́ку — нэ можъ, пха́ю но́гу — нэ можъ; а́лэ я́къ-емъ ся до́брэ потыснўў, то-мъ ся всій увійшо́ў. Я забра́ў шпа́ки за па́зуху, хо́чу вжэ йты наза́дъ; а́лэ пха́ю ру́ку — нэ можъ, но́гу — нэ можъ! А я соби́ нагада́ў, що въ мо́го та́та е ста́рэ топоры́щэ, тай-емъ поби́гъ тай прыни́съ. Тогды-мъ вы́рубаў дуплы́щэ, ажъ-емъ вжэ мигъ вы́лизты. Иду́ доро́гоў, прыйшо́ў-емъ надъ мо́рэ, тай мы ся схоти́ло воды́. А насэ́рэдъ мо́ря бу́ла керны́ця. А я маў лупы́ну изъ горо́ху, то-мъ на ню сиў и пойи́хаў по мо́ру, напы́ўся воды́ зъ керны́ци тай йи́ду наза́дъ. Алэ топоры́щэ зъ-за рэмэ́ня ўпа́ло въ мо́рэ, нэ мигъ-емъ го диста́ты. Тогды́ я пишо́ў до ди́да, узя́ў зэли́зни вы́ла, вы́чэрпаў во́ду зъ мо́ря тай найшо́ў-емъ топоры́щэ и заткаў зноў за рэми́нь. Иду́ чэ́рэзъ пасо́вищэ, а тамъ пасэ́ стара́ кобы́лыщэ. Я тогды́ сиў на кобы́лыщэ тай йи́ду. А топоры́щэ якъ зача́ло цю́паты въ кобы́лу, тай пэрэцю́пало на-дво́е. Я тогды́ изли́зъ, зруба́ў зъ вэ́рбы киў тай збыў до-ку́пы кобы́лыщэ. Тай йи́ду я соби́, ажэ́нь — гоў! — нэ можъ да́ли! Я ся обэрта́ю, а на кобы́ли вы́росла вэрба́ ажэ́нь до нэ́ба тай запя́ла у нэ́бо. Тогды́ я поли́зъ го́ри тій вэ́рби — ажэ́нь на вэршо́къ. А тамъ бу́ла ха́та. Я ввійшо́ў до ха́ты — тамъ бу́ло пы́ты, йи́сты, то-мъ сы попойи́ў и напы́ўся. Выхо́жу зъ ха́ты, а вэрбы́ вжэ нэма́ — дэ-сь ся поди́ла. Алэ тамъ була́ въ ку́тыку ячми́нна поло́ва. Тай я взя́ў, зача́ў зъ то́и поло́вы круты́ты вузы́щэ тай зача́ў-емъ ся спуска́ты на зэ́млю. Алэ-мъ вы́крутыў усю́ поло́ву, тай нэ ста́ло, — щэ бу́ло до зэмли́ на шты́ры ся́жни. Тогды́ я зача́ў съ-горы́

вузы́щэ рва́ты, а на-долы́ни зсыля́ты, тай такъ ли́зу на-долы́ну. А тогды́ прылэ́тилы пчо́лы тай залэ́тилы мэни́ у пы́сокъ. То мэни́ тогды́ зача́ў мидъ тэчы́ зъ пы́ска, а лю́дэ попрылита́лы исъ збанка́мы тай набыра́лы мэ́ду. А найста́ршый злóдій зъ-мэ́жы васъ прыйшóў тай лыза́ў то, що на зэ́млю нака́пало"...

Тогды́ той злóдій ка́жэ: „О-тó вжэ нэпра́ўда!" Тогды́ той дурны́й вы́дэръ злодія́мъ по па́си—видъ головы́ ажъ до рэмэ́ня, узя́ў сы огню́ тай пишóў.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

59.

Панъ Коцкій.

Такъ буў у еднóго ɣа́зды китъ тай нэ хоти́ў йима́ты мы́шы, бо буў стары́й. Тай ɣа́зда взяў и видви́зъ кота́ въ лисъ. У ли́си китъ изды́баўся съ лысы́чкоў тай лысы́чка взя́ла ёгó до свэ́и я́мы. Ка́жэ: „Ты нэ ма́ешь жи́нки, а я нэ ма́ю чолови́ка, то будэ́мъ ра́зомъ ɣаздува́ты!"

Тай разъ за́яць ся зды́баў съ тоў лысы́чкоў и ка́жэ: „Лысы́чко, я пры́йду сэ́и нóчы до тэ́бэ!" А она́ ка́жэ: „Йой-йой, бі́йся Бóга, нэ прыходы́, бо въ мэ́нэ е панъ Кóцкій, то винъ бы тэбэ́ зайи́ў!" Тай за́яць тогды́ поби́гъ и ўпови́ў всимъ звирьи́мъ, що у лысы́чки е які́й-сь панъ Кóцкій, страшны́й ду́жэ. А звири́ ся пора́дылы тай ка́жутъ: „Испра́ўмо мы для нёго госты́ну, то увы́дымо, щó то за панъ Кóцкій такі́й?" Тогды́ пишóў воўкъ за мя́сомъ, мэдви́дь за мэ́домъ на за́куску, ды́ка свыня́ пишла́ за бу́льбамы, а за́яць за капу́стоў. Тай зла́дылы для па́на Кóцкого оби́дъ.

Тогды́ писла́лы за́яця до па́на Кóцкого. За́яць прыби́гъ идъ лысы́чыній я́ми тай стаў сы на двохъ ла́бкахъ. Лысы́чка вы́йшла зъ я́мы тай ка́жэ: „Чогó ты прыйшóў?" А за́яць ка́жэ: „Прóсятъ звири́, абы́ панъ Кóцкій тай ты прыйшлы́-сьтэ на госты́ну!" Лысы́чка ка́жэ: „За́ки мы прыйдэ́мъ, то кажы́ звирьи́мъ, абы́ ся похова́лы, бо панъ Кóцкій

всихъ бы пороздырáў!“ Зáки панъ Кóцкій прыйшóў на гостыну, вси звирú ся поховáлы: мэдвúдь вылизъ собú на ялыцю, дыкъ залúзъ въ лыстье, воўкъ сховáўся мэжы кóрчи, а зáячыкъ залúзъ пидъ лопýхъ тай стулыў ýха. Тогды панъ Кóцкій прыйшóў исъ лысычкоў и зййлы собú обóе той обúдъ. Алэ потóму винъ кáжэ: „Тотó щэ мáло!“ А звирú то учýлы тай ся дýжэ пэрэстрáшылы. Тай дыкъ зъ лыстья фостóмъ мэлькнуў, а китъ гадáў; що то мышь, тай за фистъ—лапъ! Дыкъ тогды схóпыўся, зачáў утикáты, а китъ ся дыка дýжэ напýдыў тай скóчыў гóри тоў ялыцэў, дэ мэдвúдь сыдúў. Мэдвúдь тогды зачáў на самъ вэршóкъ гóри ялыцэў лúзты, áлэ ся вэршóкъ зломыў, тай мэдвúдь упáў на зэмлю тай ся зáбыў. Тогды вси дрýги звирú собú зачáлы утикáты—гэтъ ся розлэтилы по всимъ лúси. А панъ Кóцкій тогды злизъ съ ялыци и пишóў зноў до кумы лысычки γаздувáты.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

60.

Волково счастье.

Такъ ишóў воўкъ исъ лысомъ и кáжэ лысъ до вóўка: „Ты, кýмэ, бýдэшь нынька мáты якé-сь счúстье, бо на тэбэ сóньцэ прыгрúло!“ Тай потóму лысъ пишóў собú у едэнъ бикъ, а воўкъ у дрýгый. Алэ воўкъ собú тотú слова дóбрэ запамятáў.

Тай воўкъ идэ-идэ—надыбаў кýсэнь солоныны. Алэ гадáе сы такъ: „Я бýду щэ мáты счúстье, то на-щó мэнú тóи солоныны? я собú щó лúпшого щэ знáйду!“ Тай лышыў солоныну тай пишóў. Идэ дáли—пасэ́ся кобыла съ лошáтёмъ. Прыйшóў воўкъ идъ ній тай кáжэ: „Я твоé лошá ззимъ!“ Алэ кобыла кáжэ до нéго такъ: „Якъ моé копыто прочытáешь, щó тамъ напысано, то тогды тобú дамъ лошá!“ Тай настáвыла ёмý копыто, абы чытáў, тай удáрыла го по зубáхъ, ажэнь упáў. Тогды забрáўся воўкъ тай

пишо́ў да́ли—пыта́ты счи́стья. Идэ́-идэ, а тамъ пасэ́ся свыня́ съ паця́тамы. Винъ ка́жэ: „Я тво́е паця́ ззимъ!“ А свыня́ ка́жэ: „Та якъ будэ́шь йисты, колы́ оно́ ду́жэ бруднэ́? я, ка́жэ, пиду́ тай го ўмы́ю тай щэ хри́ну до то́го прынэ́су, то го тогды́ зйишь!“ Воўкъ сиў тай чэка́е, а́лэ свыня́ ся нэ вэрта́ла—нэ мигъ ся дочэка́ты. Тай пишо́ў, идэ́—пасу́тся бараны́. Винъ прыйшо́ў идъ нымъ тай ка́жэ: „Я едно́го зъ васъ иззи́мъ!“ Алэ бараны́ ка́жутъ такъ: „До́брэ, вжэ едно́го зйишь! а́лэ щэ пэ́ршэ ходы́ съ на́мы, бо мы ма́емо едно́го нэби́щыка хова́ты, то намъ бу́дэшь за дяка́ сьпива́ты!“ Во́ўковы ся то подо́бало и пишо́ў съ барана́мы у сэло́. И тогды́ сиў сы на горбо́чку тай якъ завы́ў, то лю́дэ повыбига́лы съ пса́мы, якъ зача́лы во́ўка бы́ты, ажъ за́былы на смэ́рть.

Таке́ то бу́ло во́ўковэ счи́стье!

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

61.

Собака и волкъ.

Маў ґа́зда пса—называ́ўся той пэсъ Тэрко́. Винъ чэ́рэзъ всій свій викъ то́му ґа́зди ви́рнэ служы́ў, а́лэ на ста́ристь вжэ нэ мигъ. Тай тогды́ го ґа́зда взяў тай нагна́ў гэтъ.

Идэ́ пэсъ, идэ́—здыба́ўся съ во́ўкомъ. А воўкъ ся его́ пыта́е: „Дэ ты йдэшь?“ Винъ ка́жэ: „Нагна́ў мэнэ́ мій ґа́зда гэтъ, то йду на жэ́бры!“ Тогды́ воўкъ ка́жэ: „Я тэбэ́ такъ пора́джу, що тэбэ́ ґа́зда зноў бу́дэ шанова́ты; якъ за́ўтра, ка́жэ, пидэ́ ґа́зда въ по́лэ пшэны́цю жа́ты и вы́нэсэ съ собо́ў малу́ дыты́ну, то я заби́гну тай дыты́ну ўхо́плю, а ты тогды́ будэ́шь за мноў лэти́ты и дыты́ну видъ мэ́нэ видбэ́рэшь и занэсэ́шь своему ґа́зди!“ Выйшоў ґа́зда съ жи́нкоў жа́ты пшэны́цю тай вы́нисъ дыты́ну и положы́ў пидъ ки́пку. Тогды́ воўкъ заби́гъ тай хло́пця ўхопы́ў, зача́ў утика́ты. А Тэрко́ тогды́ за во́ўкомъ, во́ўка догоны́ў, видобра́ў дыты́ну

и заниcъ свому γазди. Газда заразъ выймыў изъ торбы каваловъ солоныны и хлиба и даў то Тэрковы. И потому вжэ его трымаў и годуваў добрэ; вжэ го шановалы вси за то, що дитыну видкупыў видъ воўка.

Алэ разъ пэсъ выйшоў зноў у полэ тай здыбаў самого-того воўка. А воўкъ кажэ: „Цы праўда, що-мъ тя добрэ порадыў? якъ-жэ ты мэни тэпэрь за то видплатышь?" А пэсъ кажэ: „Ходы, у мого γазды е комашня, то я тя добрэ нагодую!" Тай запровадыў воўка до хаты на комашню, такъ що пихто нэ выдиў, и кажэ: „Лизь пидъ стиў, а я тя буду трахтоваты!" Тай даў му тамъ хлиба, солоныны, пырогиў тай фляшку гориўки. Алэ ся воўчыско дужэ тоў гориўкоў ўпыў тай кажэ до пса: „Я тэпэрь буду сьпиваты!" А пэсъ му кажэ: „Бийся Бога, сыды тыхо!" Алэ воўкъ буў вжэ дужэ пьяный тай завыў, то едни людэ зъ хаты поўтикалы, а други взялыся до воўка быты. Тогды Тэрко лягъ на воўка и нэ даў го быты. Тай вывиў воўка въ лисъ, а самъ вжэ жыў коло γазды ажъ до смэрты.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ).

62.

Коза.

Маў γазда жинку и дви диўки. Тай купыў сы козу и заставыў старшу диўку козу пасты. Кажэ до нэи: „Абы-сь козу добрэ пасла, бо якъ будэ голодна, то тя зарижу!" Прыгнала диўка вжэ козу съ паши до-дому, тогды γазда пытаеся козы: „Цы йила ты, козочко, цы пыла ты?" А коза кажэ: „Ни йила я, ни пыла я! бигла-мъ чэрэзъ лисочокъ, хопыла-мъ клэню лысточокъ, стэбэльцэ травыци, лыжку водыци!" Тогды винъ взяў тай тій диўци голову видтяў.

И зноў другу диўку заставыў пасты козу. Прыгнала диўка козу до-дому, зноў кажэ коза: „Ни йила я, ни пыла! бигла-мъ чэрэзъ лисочокъ, хопыла-мъ клэню лысточокъ, стэбэльцэ травыци, лыжку водыци!" А γазда й другій диўци видтяў голову.

А видта́къ заста́вуў вжэ свою́ жи́нку козу́ па́сты. Пасэ́ жи́нка козу́, году́е, пото́му прыгна́ла йи до-до́му, а коза́ ка́жэ: „Ни йи́ла я, ни пы́ла я! би́гла-мъ чэ́рэзъ лисо́чокъ, хо́пыла-мъ клэ́ню лысто́чокъ, стэбэльцэ́ травы́ци, лы́жку воды́ци!“ Тай ɣа́зда взяў тай жи́нци го́лову видтя́ў.

И займы́ў вжэ самъ козу́ па́сты. Напа́съ козу́, прыгна́ў до-до́му и пыта́е йи ся: „Цы йи́ла ты, цы пы́ла ты, ко́зочко?“—„Ни йи́ла я, ни пы́ла я! би́гла-мъ чэ́рэзъ лисо́чокъ хо́пыла-мъ клэ́ню лысто́чокъ, стэбэльцэ́ травы́ци, лы́жку воды́ци!“—Тогды́ ɣа́зда якъ узя́ў козу́ бы́ты, набы́ў-набы́ў, лэ́двы ўти́кла.

А лэ она́ була́ китна́. То залэ́тила въ лисъ, найшла́ сы тамъ я́му тай уро́дыла козыня́. Тай вы́йшла тро́ха па́сты, а пото́му ся вэрну́ла до я́мы тай ка́жэ: „Вы́йды, вы́йды, козыня́тко, выссы́ мо́е цыцыня́тко, а въ цыцэчка́хъ молочко́, а на рижка́хъ си́нцэ!“ Козыня́ вы́йшло тай сса́ло. Тай коза́ такъ всэ ходы́ла па́сты, а пото́му козыня́ до сэ́бэ такъ клы́кала. Алэ воўкъ то чуў, тай якъ коза́ зноў пишла́ до ли́са, прыйшо́ў надъ я́му тай клы́чэ: „Вы́йды, вы́йды, козыня́тко, выссы́ мо́е цыцыня́тко, а въ цыцэчка́хъ молочко́, а на рижка́хъ си́нцэ!“ Алэ козыня́ чу́ло, жэ то е́нчій го́лосъ, тай нэ выходы́ло. Прыйшла́ коза́ тай ка́жэ: „Вы́йды, вы́йды, козыня́тко, выссы́ мо́е цыцыня́тко, а въ цыцэчка́хъ молочко́, а на рижка́хъ си́нцэ!“ Тай оно́ вы́йшло, пописса́ло, зйи́ло си́нцэ тай ка́жэ до ма́мы: „Ма́мо, мэнэ́ ту що-сь клы́кало!“ А коза́ ка́жэ: „Абы́-сь ся нэ да́ло зра́дыты, бо то мо́жэ які́й нэпры́ятиль!“ Алэ воўкъ вжэ до́брэ слу́хаў, якъ коза́ клы́чэ, тай коза́ пишла́ въ лисъ, а воўкъ прыйшо́ў тай ка́жэ вжэ то́нкимъ го́лосомъ: „Вы́йды, вы́йды, козыня́тко, выссы́ мо́е цыцыня́тко, а въ цыцэчка́хъ молочко́, а на рижка́хъ си́нцэ!“ Вы́бигло козыня́, а воўкъ хо́пыў го тай иззи́ў. Зали́зъ у я́му—чэка́е щэ на козу́. Прыйшла́ коза́ зъ ли́са тай клы́чэ: „Вы́йды, вы́йды, козыня́тко, выссы́ мо́е цыцыня́тко, а въ цыцэчка́хъ молочко́, а на рижка́хъ си́нцэ!“ Вы́лэтиў воўкъ, хо́пыў козу́, задушы́ў и ззиў.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ).

63.

Пѣтухъ и курица.

Маў дидъ когўтыка, а ба́ба кўрочку. Тай ба́бына кўрочка нэсла́ я́йця, а ди́диў когўтыкъ ницъ нэ робы́ў—та́кой ходы́ў. Ба́ба всэ дэ́-що собі́ за ти я́йця купова́ла, а дидъ на́вить нэ маў що́ закуры́ты. Тай дидъ когута́ нагна́ў на слўжбу.

Пишо́ў когўтъ, зайшо́ў до едно́го па́на. Тай вы́лэтиў собі́ на дахъ тай запі́яў: „Въ мэ́нэ ша́пка позлаца́на, а въ па́на засра́на! кукури́ку!“ Панъ тото́ учўў тай когута́ йимы́ў тай вэргъ у во́ду—гада́ў, що ся когўтъ ўто́пытъ. Алэ винъ напы́ўся воды́ до́брэ тай вы́лэтиў зъ воды́ на дахъ тай зноў такъ піе: „Въ мэ́нэ ша́пка позлаца́на, а въ па́на засра́на! кукури́ку!“ Тогды́ панъ розлю́тыўся и вэргъ когута́ въ огэ́нь. Алэ винъ тоў водо́ў, що ся напы́ў, огэ́нь залі́яў, загасы́ў, тай му ничо́ нэ шко́дыло. Вы́лэтиў на дахъ и щэ дўжчэ па́новы піе: „Въ мэ́нэ ша́пка позлаца́на, а у па́на засра́на! кукури́ку!“ Тогды́ панъ пойима́ў когута́ и вэргъ до пыўны́ци. А въ пыўны́цы бўлы гро́ши, то когўтъ набра́ў,налы́γаў по́ўно гро́шэй у сэ́бэ, затка́ў сы γрэ́йцаромъ на за́ди дирў, абы́ гро́ши нэ вылита́лы, тай вы́лизъ крузь дирў изъ пыўны́ци на-двиръ. Тогды́ вжэ полэ́тиў про́сто ажэ́нь до ди́да. Алэ по доро́зи вы́паў му той γрэ́йцаръ, що затка́ў сы нымъ на за́ди. Тай прылэ́тиў когўтъ до ди́да тай му натря́съ грошэ́й по́ўну вэрэ́ту.

Тогды́ ба́ба якъ то увы́дила, нагна́ла свою́ кўрочку на слўжбу. Тай кўрка пишла́, а́лэ нэ йшла далэ́ко, лышэ́ залі́зла въ бода́чье. Найи́лася бода́ча и пискў тай найшла́ той γрэ́йцаръ, що когўтъ загубы́ў. Тогды́ вжэ лэты́тъ до-до́му тай крычы́тъ: „Ба́бо, нэсы́ вэрэ́ту, бо я бўду гро́ши сы́паты!“ Ба́ба бо́рзо постэлы́ла вэрэ́ту, а кўрка якъ зача́ла сы́паты, насы́пала по́ўно бода́ча и пискў тай той γрэ́йцаръ вы́сыпала. А когўтъ увы́диў той γрэ́йцаръ тай забі́гъ тай хо́пыў: „То я, ка́жэ, загубы́ў на доро́зи!“ А ба́ба когута́ пойима́ла тай γрэ́йцаръ видо-

брала. Тогды́ дидъ прылэ́тиў тай взяў ба́бу тай за́быў.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ).

64.

Золотыя дѣти.

а). Служы́лы у ци́сара тры сэ́стры. Тай ци́саръ прыйшо́ў разъ пидъ двэ́ри до ку́хни и слу́хае, а тоты́ тры сэ́стры такъ соби́ говоры́лы. Найста́рша ка́жэ: „Я кобы́-мъ ся видда́ла за циса́рского ку́харя, то́-бы мы до́брэ бу́ло!“ А сэрэду́ща ка́жэ: „Я кобы́ ся видда́ла за циса́рского пэкаря́, мини́-бы щэ ли́пшэ бу́ло!“ А на́ймолодша ка́жэ: „Я кобы́-мъ ся видда́ла за циса́рского сы́на, то́-бы-мъ бу́ла цисари́ўна, то мини́-бы найли́пшэ бу́ло!“ Ци́саръ то чуў, а́лэ имъ ся нэ пока́зоваў и пишо́ў сы гэтъ. А на другый дэнь заклы́каў ихъ пэ́рэдъ сэ́бэ тай ка́жэ: „Що́ вы вчора въ ку́хны говоры́лы?“ Ста́рши сэ́стры нэ хоти́лы ся прызна́ты, а́лэ на́ймолодша ка́жэ: „Та що́-сьмо говоры́лы? отъ, найста́рша сэстра́ каза́ла, що бы ся видда́ла за циса́рского ку́харя, а сэрэду́ща за циса́рского пэкаря́, а я каза́ла, що бы мы найли́пшэ бу́ло, я́къ-бы-мъ ся видда́ла за само́го ци́сара!“ Тай ци́саръ тогды́ ка́жэ: „То най бу́дэ такъ!“ Ну, пожэны́лыся ку́харъ съ найста́ршоў, пэка́ръ съ моло́дшоў, а ци́саръ ся съ на́ймолодшоў ожэны́ў.

Алэ такъ за рикъ вы́пала ёму́ війна́, а ту его́ жи́нка въ тяготи́ хо́дытъ. То винъ ка́жэ до тыхъ двохъ ста́ршыхъ сэстэ́ръ: „Но, дозыра́йтэ-жъ йи ту, сэ́стры, а що ў́ро́дытъ, абы́-сьтэ мы за́разъ напыса́лы!“ И пойи́хаў на війну́. Якъ вжэ она́ дыты́ну ма́ла, сэ́стры ёму́ напыса́лы, що ма́ла здохло́го пса; а́лэ то буў хло́пэць съ золоты́мъ волосё́мъ, то оны́ го видъ нэ́и хо́пылы и ввэ́ргли въ стаў, а пидъ ню пидложы́лы здохло́го пса, такъ що она́ о тимъ нэ зна́ла. Алэ тамъ надъ ставо́мъ панъ едэ́нъ вы́йшоў на спа́цирь и то́го хло́пця увы́диў на стави́ и взяў го до сэ́бэ на выхова́нье, бо самъ дитэ́й нэ маў. И ци́саръ видтамъ на-

пысáў до-дóму такъ: „Щó ўродылося, то вжэ поховáйтэ тамъ, дэ ёмý пляцъ, а жи́нку мы ратýйтэ!“ Прыйижджáе зъ війны́—ну, ницъ!

Побýў рикъ дóма—зноў му вы́пала війнá, а жи́нка зноў хóдитъ у тяготи́. И винъ тогды́ кáжэ зноў сэ́страмъ: „Ратýйтэ йи, бійтэся Бóга, абы́ онá нэ бидувáла!“ Тай онá зноў хлóпця мáла съ золоты́мъ волóсёмъ, áлэ сэ́стры го видъ нэ́и взя́лы и пидложы́лы йій здохлóго кóта и такъ напысáлы до ци́сара, що мáе здохлóго кóта. А винъ видпысáў: „То поховáты тамъ, дэ тóму пляцъ, а йи ратувáты!“ А тотý дыты́ну взя́лы и зноў вэ́рглы на стаў. Алэ той панъ сáмый зноў увы́диў дыты́ну на стави́ и йимы́ў и забрáў до сэ́бэ. Вжэ мáе двохъ хлóпциў.

Прыйи́хаў царь зъ війны́, побýў якій-сь часъ кóло жи́нки, а потóму вы́пала ёмý зноў війнá, вжэ трэ́тый разъ; а жи́нка зноў такá хóдытъ—въ тяготи́. И винъ кáжэ: „Ратýйтэ-жъ йи, сэ́стры, ажъ пóки я ся нэ вэ́рну!“ Тогды́ онá вжэ ўрóдыла ди́ўку—самý-такý съ золоты́мъ волóсёмъ. Алэ сэ́стры напысáлы до ци́сара, що онá мáе здохлóго птáха, а дыты́ну вэ́рглы на стаў. Вы́йшоў той панъ знóву, ды́вытся—плáвае дыты́на по ставý; йимы́ў и взяў на выховáнье. А ци́саръ ви́дтамъ напысáў: „Колы́-жъ онá такъ вжэ трэ́тый разъ зробы́ла, то абы́ йій вы́муруваты такý здэ́бку, абы́ въ ній лышэ́ стоя́ла, абы́ ся нэ моглá áни кснýты, áни си́сты; и зробы́ты на óчы викнó, абы́ хто будэ́ йты, абы́ йій мэжэ́-очы плюнуў, а вартиўны́къ абы́ стоя́ў кóло нэ́и, абы́ вси йій въ óчы плювáлы!“ Ти сэ́стры съ нэў такъ зáразъ зробы́лы тай замурувáлы йи. Йи́дэ ци́саръ зъ війны́, тамды́ надійи́хаў тай йій мэжэ́-очы плюнуў самъ.

Але той панъ, що тоти́ ди́ты у сэ́бэ маў, умэ́ръ. Тай прыхóдытъ до тыхъ дитэ́й якá-сь старá пáни тай кáжэ: „Кобы́ вы, ди́точки, до мэ́нэ тэпэ́рь прыйи́халы, то вамъ бы дóбрэ бýло въ мэ́нэ!“ Тогды́ найстáршый хлóпэць збырáўся йи́хаты, áлэ нижъ такій съ би́лымы чэрэ́нцимы взяў и заткáў въ горóдъ у грядки́ тай кáжэ: „Якъ ти чэрэ́нци почэрвоніють, то мэнэ́ вжэ нэ бýдэ!“ Такъ винъ пойи́хаў до тóи пáни. Алэ тамъ буў кóло тóи пáни такій дидъ, що скакáў; то винъ ся на нэ́го подывы́ў и стаў кáмэнёмъ и кинь пидъ нымъ стаў кáмэнёмъ. Выхóдятъ тамъ дóма братъ и сэстрá до горóду, а чэ-

рэ́нци чэрво́ни. Тогды́ пойи́хаў моло́дшій братъ, а но́жыкъ зноў такъ въ грядкы́ заткáў—чы бýдэ чэрво́ный? Алэ якъ тамъ надйи́хаў, той дидъ зноў скакáў; винъ подывы́ўся и стаў кáмэнёмъ—и винъ, и кинь. Выхо́дытъ сэстрá на дрýгый дэнь въ горо́дъ—вжэ чэрэ́нци зноў чэрво́ни. Забырáеся и онá йи́хаты за брáтима, áлэ завы́нула сы о́чы въ платъ и йи́дэ соби́ (бо сдáлэку вы́дила, що ками́нье стои́тъ, то завы́нула о́чы, абы́ ницъ нэ вы́дила). Тай пэрэйи́хала,—дидъ скáчэ, áлэ онá ницъ нэ вы́дила. Вы́бигла тотá пáни и ди́да жэ́рдкоў набы́ла. А онá съ конé ўпáла и заумливáе. Пáни ся пытáе: „Чого́ ты?“ А онá кáжэ: „Та якъ я мáю тэпэ́рь жы́ты, колы мо́ихъ брати́ў нэмá!“ А пáни йи потíшыла, кáжэ: „Цытъ, нэ плáчь, тво́и брáтья бýдутъ!“ Тай взя́ла пáни воды́, обильльéла тоў водо́ў ками́нье, то зáразъ поставáлы зноў такъ, якъ бýлы,—и хло́пци, и ко́ни. И тогды́ ся звытáлы съ сэстро́ў. А та пáни имъ дáла въ дарýнокъ пруто́къ и яйцэ́ и казáла имъ съ тымъ иты́ до-до́му и тамъ надъ ставо́мъ гниздо́ зробы́ты и положы́ты яйцэ́ въ то гниздо́ и пруто́къ заткáты ко́ло гниздá въ зэ́млю.

Тай оны́ вжэ вси тро́е пишлы́ и такъ зробы́лы. Выхо́дятъ рáно, а стаў такíй ся вэлы́кій зробы́ў и дýжэ вы́дкій, такíй, що въ сьвíти нэмá дрýгого тако́го; а зъ то́го пруткá вы́росла грýшка дýжэ фáйна, а зъ яйця́ зробы́ўся птахъ, а такíй, жэ говоры́ты ўмíе. И тамъ зйиждж́алыся пано́вэ зъ цило́го сьвíта на той ся стаў дывы́ты, и на грýшку, и на то́го птáха. А птахъ всэ кáжэ, якъ яко́му пáну дáты якý госты́ну, а паны́ имъ за то вэлы́ки гро́шы платя́тъ. Алэ той царь, той ихъ тáто, тáкжэ прыйи́хаў подывы́тыся на тото́ ды́во. Тай тогды́ ди́ты пытáются то́го птáха: „Що́-бы то́му пáну дáты такé йи́сты, що винъ у свои́мъ до́му нэ мáэ?“ А птахъ кáжэ: „Дáйтэ му пацёрокъ у полýмысокъ тай до то́го выдэ́ўки!“ Оны́ ёмý тото́ дáлы, а винъ кáжэ: „Якí вы дурни́, ди́ты! та-жэ́ то лышь бабáмъ на го́ниръ носы́ты, нэ йи́сты, а щэ выдэ́ўкамы!“ А птахъ тогды́ видповидáе: „Цáру, то тоты́ ди́ты дурни́? а цы мýдрый-жэ ты, колы́ ты сво́йій жи́нци мэжэ́-очы плюешь и сво́и ди́ты пусты́ў-есь блýдомъ?“ Тай тогды́ цíсаръ ся дýжэ ўти́шыў, ди́ты обiймы́ў

тай ка́жэ: „То мо́и ди́ты? я нэ знаў!“ Тай поби́гъ за́разъ до то́и здэ́бки и жи́нку взяў звидтамъ. Алэ йій вжэ грыбъ буў вы́рисъ на гру́дёхъ—видъ то́го, що йій лю́дэ наплюва́лы ти́лько. Тогды́ винъ каза́ў тоты́ сэ́стры прывяза́ты до таки́хъ конэ́й, що щэ нэ бу́лы въ робо́ти, и пусты́ў въ сьвитъ, абы́ ихъ ко́ни рознэ́слы. А жи́нку и диточки́ взяў до сэ́бэ и панува́ў соби́ съ ны́мы щисли́во.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

б). Йи́хаў панъ доро́гоў, а пидъ мо́стомъ пра́лы тры пра́чки. Една́ ка́жэ: „Кобы́ мя той панъ узя́ў, я́-бы золо́ти ху́сты робы́ла!“ Дру́га ка́жэ: „Кобы́ мя панъ узя́ў, я́-бы золо́ти ху́сты пра́ла!“ А трэ́та ка́жэ: „Мэнэ́ кобы́ панъ взяў, то я́-бы золо́ти ди́ты ро́дыла—по два хло́пци на-ра́зъ!“ Винъ нэ браў ни тоту́, що золоти́ ху́сты робы́ла, ни тоту́, що золоти́ ху́сты пра́ла, лышэ́ взяў тоту́, що золоти́ ди́ты ро́дытъ; взяў йи до сво́го бу́рку за жону́.

Тай она́ вжэ такъ за па́ру часи́ў диты́ну ходы́ла ся ма́ты. Алэ панъ на той часъ пойи́хаў у доро́гу, а йи зоста́выў. Вжэ ма́ла она́ роды́ты, тогды́ стара́ па́ни, то́го па́на ма́ты, прыйи́хала тай ка́жэ: „У насъ ся нэ такъ ди́ты ро́дытъ, у насъ по па́ньску: ли́зэся на стрыхъ и съ стры́ху ся подае́.“ Вы́лизла она́ на стрыхъ, тамъ ма́ла два хло́пци, тай пода́ла ихъ на-долы́ну. А стара́ взя́ла тай тоты́ хло́пци побы́ла и закопа́ла ихъ на бра́ми—едно́го на едни́мъ бо́ци бра́мы, а дру́гого на дру́гимъ; и зача́лы зъ тыхъ дитэ́й два я́воры росты́. А па́новы напыса́ла лысты́, жэ му жи́нка ўроды́ла пса и ко́та; то панъ видпыса́ў, абы́ йи нагна́ты гэтъ, нимъ прыйи́дэ до-до́му, абы́ йи нэ вы́диў. Тай йи тогды́ нагна́лы зъ бу́рку гэтъ.

Тай тогды́ ся панъ тамъ въ доро́зи съ е́нчоў ожэны́ў и вжэ йи́дэ съ па́нэў до-до́му. Йи́дэ такъ въ бра́му—хиля́ется я́виръ до я́вора: „Цы до́брэ ся тоби́, бра́тчыку, стои́тъ?“—„До́брэ, бо по-пры мэ́нэ мій тату́нцё йи́дэ!“—„Ой, мэни́ нэдо́брэ, бо по-пры мэ́нэ мацосы́щэ йи́дэ!“—Панъ нэ ўчуў то́го, а́лэ па́ни ўчу́ла. Тогды́ каза́ла ти я́воры порyба́ты и поро-

бы́ты зъ ныхъ ли́жка; поробы́лы ли́жка—на едни́мъ панъ спытъ, на дру́гимъ па́ни. Пыта́еся въ ночы́ до́шка до до́шки: „Цы до́брэ ся тоби́, бра́тчыку, спытъ?“—„До́брэ, бо на мэ́ни тату́нцё спытъ!“—„Ой, мэни́ пэдо́брэ, бо на мэ́ни мацосы́щэ спытъ!“ Панъ нэ чуў, па́ни ўчу́ла. Каза́ла тоты́ ли́жка порубаты, въ пьецъ покида́ты; положы́лы въ пьецъ—вы́скочылы зъ пьёца дви ы́скры, зробы́лыся два бараны́. Взя́лы тыхъ бараниу до поко́ю,—спять ко́ло па́на. Пыта́еся въ ночы́ бара́нъ барана́: „Цы до́брэ ся тоби́, бра́тчыку, спытъ?“—„До́брэ, бо ко́ло мэ́нэ мій тату́нцё спытъ!“—„Ой, мэни́ нэдо́брэ, бо на мэ́нэ мацосы́щэ ды́хае!“—Панъ нэ чуў, па́ни ўчу́ла. Каза́ла спра́выты кома́шню тай ти бараны́ пори́заты; зари́залы, зробы́лы кома́шню. Прыйшла́ якура́тъ та ихъ ма́ты, що йи нагна́лы, на ту кома́шню, а́лэ йи нихто́ нэ спизна́ў; йисты барани́ў она́ нэ йи́ла, бо вжэ зна́ла, що то ей ди́ты, лышь вси кистки́ збыра́ла и до ми́ха хова́ла, кэрва́вымы слёза́мы ихъ умыва́ла. Якъ ти кистки́ вы́збырала вси, зробы́лыся два хло́пци зъ тыхъ кисто́къ. Тай взя́лы йій каза́ты: „Якъ ты, ма́мо, биду́ешь, а мы щэ ги́ршэ! а́лэ въ тимъ часи́ будэ́мъ панува́ты!“

Тамъ щэ той баль буў ажъ до трэ́тои днины. Тай такъ сы той панъ зайшо́ў съ е́нчымы пана́мы у бэ́сиду: „Хто́-бы видгада́ў, у яки́мъ я стрэ́мэню стрэми́ў?“ Нихто́ нэ мигъ видгада́ты, ажэ́нь тота́ ка́жэ тыхъ хло́пциў ма́ты: „У мэ́нэ е два хло́пци, то оны́ видгада́ють!“ Тогды́ панъ каза́ў ихъ прывэ́сты до поко́ю и ка́жэ: „Якъ вы видгада́етэ, то два ми́хи воло́ськихъ ори́хиў дамъ!“ Тогды́ хло́пци зача́лы пэ́рэдъ па́ньствомъ всё розповида́ты: якъ пра́лы тры пра́чки и що́ каза́лы, якъ ся панъ съ едно́ў ожэны́ў и она́ ма́ла два золоти́ хло́пци, и що́ пото́му съ ны́мы бу́ло,—гэть усю́ пови́лы пра́ўду. А панъ каза́ў тогды́ запалы́ты на по́лю два ся́ги дроў и тоту́ свою́ ма́тирь и ту фальшы́ву па́ню до огню́ ке́нуты, то ся спэклы́ на ву́гля. А тоту́ взяў пэ́ршу жи́нку тай съ хло́пцима до сэ́бэ—тай вжэ бу́ли ра́зомъ.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

65.

Мачеха и падчерица.

Такъ буў дидъ тай ба́ба; дидъ маў свою до́ньку, а ба́ба сво́ю. Вы́йшла разъ ба́ба до со́ньця тай ка́жэ: „Со́нечко, со́нечко! вэ́сэло сьви́тышь, далэ́ко вы́дышь: чы е щэ дэ така́ ди́вочка кра́сна, якъ мо́я до́нэчка-пазу́нэчка?“ А со́ньцэ ка́жэ: „Тво́я кра́сна до́нэчка, а ди́дова Анна-па́нна щэ ли́пша!“ Тогды́ ба́ба взя́ла тоту́ ди́дову ди́уку тай видвэла́ въ лисъ тай тамъ йи лышы́ла.

А ди́ука ходы́ла по ли́си, ходы́ла, тай зайшла́ до розбі́йныковои ха́ты. Разбі́йныкиу до́ма нэ бу́ло, то она́ тамъ позапря́тувала, обру́съ положы́ла на стиу́, а сама́ ся схова́ла пидъ пьецъ. Вэ́чиръ розбі́йныки попрыходы́лы тай ка́жутъ: „Ту хто-сь у насъ буу́, жэ такъ фа́йно попря́тау!“ Тай вжэ на дру́гый дэнь пишлы́ розбі́йныки у лисъ, а едэ́нъ ся лышы́у до́ма, ка́жэ: „Я бу́ду ся дывы́ты—хто то намъ попря́тує?“ Тай тота́ ди́ука вы́лизла зъ пидъ пье́ца, попря́тала въ ха́ти тай хо́чэ зноу пидъ пьецъ ли́зты. Алэ той йи тогды́ поййма́у тай нэ пусты́у. Попрыходы́лы розбі́йныки зъ ли́са тай ся ду́жэ у́ти́шылы, жэ бу́дутъ ма́ты ґазды́ню.

А тота́ ма́чоха зноу вы́йшла и пыта́ется со́нечка: „Со́нечко, со́нечко! вэ́сэло сьви́тышь, далэ́ко вы́дышь: чы е щэ дэ така́ ди́вочка, якъ мо́я до́нэчка?“ А со́ньцэ ка́жэ: „Тво́я кра́сна до́нэчка, а́лэ ди́дова щэ ли́пша па́нна-Анна, у поко́яхъ сыды́тъ!“ Тогды́ ба́ба пишла́ до ли́са до то́и ха́ты тай ка́жэ: „Анну́нэчко-панну́нэчко, покажы́ мы хоть ру́чэчку!“ Она́ нэ хоти́ла показа́ты.—„Покажы́-жъ мы, ка́жэ, хоть па́льчыкъ, чы жые́шь?“—Она́ йій вы́ставыла па́лэць, а ба́ба взя́ла тай йій запха́ла мэртвы́й пэ́рстинь на па́лэць, тай она́ у́мэ́рла. Попрыходы́лы розбі́йныки додо́му, а она́ мэртва́ лэжы́тъ. Алэ едэ́нъ розбі́йныкъ ся ды́вытъ, а у нэ́и пэ́рстинь на руци́; здойм́ылы йій той пэ́рстинь и она́ зноу ожы́ла.

А та ма́чоха вы́йшла тай зноу ся пыта́е со́ньця: „Со́нечко, со́нечко! вэ́сэло сьви́тышь, далэ́ко вы́дышь: чы е щэ дэ така́ ди́вочка, якъ мо́я до́нэчка?“ А со́ньцэ ка́жэ: „Тво́я кра́сна до́нэчка, а́лэ ди́дова Анна-па́нна щэ ли́пша!“—„Йой, ка́жэ ба́ба, то она́ щэ нэ у́мэ́рла?“—Тай пишла́ зноу до нэ́и

до ли́са. Якъ прыйшла́, якъ взя́ла пла́каты: „Анну́нэчко-пану́нэчко, покажы́ мы хоть ни́гтыкъ!“ Она́ показа́ла, а ма́чоха взя́ла тай йій запха́ла мэртву́ шпы́льку пидъ но́готь, тай она́ зноў ўмэ́рла. Прыйшлы́ розбі́йныки — она́ мэртва́. Зноў ся грызу́тъ — що́ ся съ нэў ста́ло? Ды́вятся всю́ды — нэма́ жа́дного знаку́. Ажъ едэ́нъ яко́-сь подывы́ўся пидъ но́готь — е шпы́лька; вы́тяглы тоту́ шпы́льку и она́ зноў ожы́ла. Алэ йи вжэ тэпэ́рь стэрэглы́, вжэ йи само́и нэ лыша́лы.

А ма́чоха вы́йшла до со́ньця тай пыта́еся: „Со́ничко, со́ничко! вэ́сэло сьви́тышь, далэ́ко вы́дышь: чы е щэ така́ ди́вочка, якъ мо́я до́нэчка?“ А со́ньцэ зноў такъ ка́жэ: „Тво́я до́нэчка кра́сна, а́лэ ди́дова Анна-па́нна щэ ли́пша!“ Тогды́ пишла́ ба́ба зноў до нэ́и; хо́дытъ по́-пидъ ви́кна, про́сытъ, абы́ йи впусты́ла до ха́ты. Тай розбі́йныки бу́лы въ ха́ти и поховáлыся и каза́лы йій, абы́ ба́бу впусты́ла. А ба́ба ся тогды́ до нэ́и ке́нула, хоти́ла йи зари́заты, а́лэ розбі́йныки прыско́чылы, хо́пылы ба́бу и вжэ йи зари́залы.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

66.

Цыганъ и чортъ.

Наймы́ў собі́ чортъ цы́гана. Тай винъ то́му цы́ганови ка́жэ: „Иды́, прынэсы́ мэні́ воды́ изъ керны́ци!“ Даў ёму́ шки́ряну то́рбу, тай цы́ганъ пишо́ў по во́ду. Тай зачэ́ръ въ то́рбу воды́, а́лэ бу́ла ду́жэ тяжка́, тай нэ мигъ йи цы́ганъ вы́тягнуты. Чортъ ждэ на во́ду, ждэ, — нэма́ цы́гана съ водо́ў. Тай вжэ чортъ пишо́ў самъ идъ керны́цы. Ды́вытся, а цы́ганъ собі́ взяў рыска́ль тай наўко́ла обко́пуе керны́цю. Тогды́ чортъ пыта́еся ёго́: „А ты що́ ро́бышь, цы́ганэ?“ Цы́ганъ ка́жэ: „Та́-жэ нэ бу́ду за́ўжды ходы́ты по во́ду, то разъ ты прынэ́су цилу́ керны́цю, тай будэ́шь вжэ ма́ты всэ во́ду до́ма!“ Тогды́ чортъ ся напу́дыў, ка́жэ: „Нэ трэ́ба!“ Тай зачэ́ръ самъ воды́ тай пони́съ.

Потóму писла́ў ёгó чортъ въ лисъ по паты́чье. Алэ цы́ганъ нэ мигъ патычча назбыра́ты тай зача́ў лы́ка дэ́рты изъ дэ́рэва; надэ́ръ лы́ка доста тай зача́ў обвя́зоваты лисъ наокóло—еднó дэ́рэво до дрýгого вяза́ў. Чортъ ждэ-ждэ на цы́гана,—нэ прыхóдытъ. Тогды́ пишóў самъ до лису. Прыхóдытъ тай ды́вытся, що цы́ганъ обвя́зуе лы́комъ лисъ наокóло. Тай пыта́еся ёгó чортъ: „А ты щó рóбышь?“ —„Та хóчу видра́зу цилы́й лисъ занэ́сты до-дóму, абы́-мъ нэ би́гаў по кóжду скипку зъ-оси́бна!“ Тогды́ чортъ назбыра́ў самъ паты́ча и пони́съ.

Алэ пишóў чортъ до ста́ршого чóрта ра́дытыся—щó-бы съ тымъ цы́ганомъ робы́ты? А той ста́ршый ка́жэ: „Та за́бый ёгó!“ Тай у ночы́ поляга́лы спа́ты; а́лэ цы́ганъ положы́ў тамъ на ла́выцю, дэ всэ спаў, кожýхъ, а самъ сы лягъ въ кýтыкъ пидъ ла́выцю,—бо вжэ знаў, що го чортъ хóчэ за́быты. А чортъ гада́ў у ночы́, що цы́ганъ на ла́выцы вжэ уснýў, тай взяў сы зэли́зну па́лыцю, и якъ по кожуси́ па́лыцэў лýснуў, пишóў гóлосъ по всій ха́ти. А цы́ганъ зъ-пидъ ла́выци ка́жэ: „О-о-óхъ! а то мя блыха́ укусы́ла!“

Тогды́ чортъ пишóў зноў ра́дытыся до тóго ста́ршого чóрта тай ка́жэ: „Я ёгó зэли́зноў па́лыцэў уда́рыў, а винъ ка́жэ, що ёгó блыха́ укусы́ла!“ Тай ста́ршый чортъ ка́жэ ёмý тогды́: „Дай му грóшэй, ки́лько схóчэ, лышэ́ най ся забыра́е гэтъ, най ся видчэ́пытъ видъ тэ́бэ!“ Тай чортъ даў цы́гановы пóўну тóрбу чэрвинци́ў,—тогды́ вжэ ся цы́ганъ забра́ў и пишóў.

Алэ потóму чортъ тыхъ грóшэй пожа́луваў тай полэ́тиў за цы́ганомъ—видбыра́ты тоты́ грóши наза́дъ. Цы́ганъ ся обэрнýў тай ка́жэ: „А ты чогó хóчэшь, вра́жый сы́ну?“ А чортъ ка́жэ: „Зна́ешь, цы́ганэ, най такъ бýдэ: котры́й тоў зэли́зноў па́лыцэў до-горы́ вы́сшэ пидвэ́ржэ, то тóго бýдутъ грóши!“ Цы́ганъ ка́жэ: „Дóбрэ!“ Якъ чортъ вэргъ па́лыцэў, то ажэ́нь за годы́ну ýпа́ла на зэ́млю. А цы́ганъ тóи па́лыци пидня́ты нэгóдэнъ, а́лэ тры́ма́е тай ды́вытся до нэ́ба тай ка́жэ: „Я тамъ ма́ю бра́та на нэбэси́хъ ковал́я, то му вэ́ржу па́лыцю—будэ́ ма́ты дóбрый молотóкъ!“ Тогды́ чортъ цы́гана за рýку ýхóпыў и ка́жэ: „Нэ мэчы́, бо шкóда па́лыци!“

А да́ли ка́жэ зноў чортъ до цы́гана: „Най такъ бу́дэ, жэ хто ду́жчэ полэ́тытъ, то́го бу́дутъ гро́ши!“ А цы́ганъ ка́жэ: „Ой, нэбо́жэ, я ма́ю тако́го сынка́, що лышэ́ тры дны ма́е; то ся съ нымъ пэ́ршэ помье́ряй, а пото́му ажъ зо мно́ю самы́мъ!“ Тай бо́рзо цы́ганъ пишо́ў, злапаў за́яця у борозди́ тай ка́жэ до чо́рта: „О-то́ мій сыно́къ,—ану́ лэты́ тэпэ́рь съ нымъ!“ Пусты́ў за́яця, а чортъ за нымъ. Алэ дэ́ ёмў? за́яць лышэ́ мы́гнуў тай полэ́тиў, нэ дигна́ў го чортъ.

Тогды́ вжэ чортъ ка́жэ: „Ну, то щэ будэмо ся бо́роты; котры́й котро́го пэрэмо́жэ, то́го бу́дутъ гро́ши!“ Алэ цы́ганъ ка́жэ: „Дурны́й чо́ртэ! я ма́ю тако́го та́та, що вжэ му симь литъ до я́мы йи́сты но́шу, бо стары́й ду́жэ; то ты ся, ка́жэ, найпэ́ршэ съ нымъ поборы́, а тогды́ вжэ бэры́ся до мэ́нэ!“ Знаў цы́ганъ у ли́си—дэ е мэдви́дь, тай нови́ў чо́рта до то́го мэдвэ́дя; чортъ поли́зъ у я́му идъ мэдвэ́дэвы, а́лэ якъ го мэдви́дь ўхопы́ў, якъ зача́ў душы́ты, тай пабы́ў чо́рта тай вы́вэргъ изъ я́мы.

Тогды́ прыйшо́ў чортъ идъ цы́гановы тай ка́жэ: „Щэ хто ду́пнэ ду́жчэ ного́ў о ка́минь, то то́го бу́дутъ гро́ши!“ Чортъ якъ ду́пнуў, ажэ́нь цы́гановы въ уха́хъ зазэлэнькоти́ло. А цы́ганъ за той часъ налья́ў сы въ холя́ву воды́ тай ка́жэ: „Э, що́ то! я якъ ду́пну, то ажэ́нь зъ ка́миня вода́ потэчэ́!“ Тай ду́пнуў, вода́ вы́тэкла зъ холя́вы на ка́минь тай ка́минь стаў мо́крый.

Тогды́ вжэ ка́жэ чортъ до цы́гана: „Тэпэ́рь хто ду́жчэ свы́снэмо, то то́го вжэ набэзпэ́чнэ бу́дутъ гро́ши!“ Якъ чортъ свы́снуў, пишлы́ голоса́ по всимъ сьвити. А цы́ганъ ка́жэ: „Ой, якъ я тоби́, чо́ртэ, свы́сну, то оглу́хнэшь и осьли́пнэшь видъ то́го; то завы́й сы, ка́жэ, хусты́ноў о́чы тай ўшы, абы́ ты нэ пошко́дыло!“ Чортъ завы́ў соби́ о́чы и ўшы, а цы́ганъ взяў сы́ до́ўбню, якъ даў чо́ртовы тры ра́зы по-за́-ушы, ажъ чортъ кры́кнуў: „Гоў, нэ свыщы́ ужэ́, бо болы́тъ ду́жэ!“

Тай вжэ тогды́ чортъ лышы́ў цы́гановы тоты́ гро́ши и забра́ўся до-до́му.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ:
РАЗСКАЗЫ и АНЕКДОТЫ.

67.

Три слова.

а). Було два братьи: одэнъ буў богачъ, а другый бидный. Тай бидный прыйшоў до богача тай просытъ, жэбы го поратоваў. А винъ ёму даў мыску муки. И винъ тото нисъ, а витэръ взяў тай му муку розвіяў, нимъ винъ йи до-дому прынисъ. Тогды винъ кажэ такъ: „Я йду тэпэрь Пана-бога позываты! я тилько всэи муки троха дистаў, тай ту мы Панъ-бигъ розвіяў!“ И пишоў въ сьвитъ — Пана-бога позываты. Ну, алэ дэ прийдэ, чы до сэла, чы дэ до суду, то вси го ганьбятъ: „Дэ-жъ ты выдиў, абы хто Пана-бога позываў? дэ-жъ ты на нэго судъ найдэшь?“ И винъ такъ зайшоў ажъ до того миста, дэ цисаръ е. И ся до цисара ўпхаў и впустылы го пэрэдъ самого цисара. Тогды винъ тамъ зачаў пэрэдъ цисаромъ своe оповидаты, жэ му Панъ-бигъ муку розвіяў и жэ за то шукае на нэго права. Алэ цисаръ го таки поганьбыў тай го видъ сэбэ нагнаў. Гадае сы: „То пэўно якій-сь дурный!“

Тогды винъ йдэ, а цисарова донька сыдила въ другимъ паляцу на пентри и выдила ёго и клычэ ёго съ-горы: „Чоловичэ, чэкай-но! чого ты тамъ, кажэ, ходыў до цисара?“ А винъ взяў йій оповидаты, що нигдэ нэ можэ на Пана-бога права найты, навить у цисара нэ найшоў! А она кажэ: „Ты дурный, нэ маешь счистья! то ожэныся —можэ жинка будэ счистье маты твоя, а якъ нэ жинка, то можэ дитына; и вы вси зъ тои одной души будэтэ жыты!“

Алэ цисаръ якъ обачыў, що ёго донька съ тымъ хлопомъ говорыла, то казаў ёго завэрнуты назадъ до сэбэ и пытае го ся: „Що тамъ та пани съ тобоў говорыла?“ А винъ тогды розповиў, якъ ёму пани казала ся жэныты, що можэ тогды будэ маў счистье. Алэ цисаръ тогды розгниваўся тай кажэ: „Тилько насъ ту е панства до рады и нихто тоби нэ знаў порадыты, а она баба, тай тоби таку раду дала!“ И оны ся тамъ такъ обрадылы—цисаръ съ своимы

министрамы: „Колы-жъ она ёму такъ порадыла, то хоть она мини донька, а най будэ ёму жинкоў!“ И тогды йи заклыкаў и она вжэ ся нэ сьмила протывыты и мусила заразъ иты за того хлопа. И тогды имъ цисаръ даў гроши и кони и выправыў ихъ до того сэла, звидки винъ буў.

Якъ оны вжэ прыйшлы до-дому, то поставылы соби хату файну, и стодолу, и стайню,—всё сы вжэ тамъ посправлялы. Алэ жинка ёму тогды кажэ: „Иды ты щэ на тры роки въ сьвитъ служыты; якъ тоти тры роки выслужышь, тогды абы-сь до мэнэ вэртаў назадъ, то будэмъ вжэ господаруваты!“ Той пишоў и стаў у едного хлопа на службу, у богача. Той хлопъ кажэ: „Трэба ся годыты!“ А винъ кажэ: „Я нэ хочу ницъ, йно абы я буў нэ голодэнъ, нэ голый, нэ босый, тай щобы-сьтэ мэнэ едно слово научылы: за едно слово, кажэ, рикъ буду служыў!“ И вжэ му тамъ рикъ выходытъ, а господаръ ся журытъ—яке-бы му слово даты за ту службу? Вжэ рикъ выйшоў, прыходытъ винъ до господара, а той му кажэ: „Памятай, абы-сь николы тамъ нэ ночуваў, дэ старый шынкаръ, а молода шынкарка!“ Тогды пишоў винъ до другого господара на службу—зноў стаў на рикъ лышэ за едно слово. Видслужыў той рикъ, а господаръ кажэ ёму: „Дамъ тоби такэ слово: абы-сь нэ даваў сэрцю волю!“ Тогды вжэ пишоў на трэтый рикъ на службу—зноў такъ за едно слово. Выйшоў му рикъ, тогды му той господаръ такъ сказаў: „Памятай сы, абы-сь дэ йшоў, якъ-бы едэнъ утикаў, а другый бигъ за нымъ и пытаў—чы ты того нэ выдиў, то абы-сь казаў, що нэ выдиў-есь никого!“

Винъ тогды вжэ повэртае до-дому до своеи жинки. Идэ бэзъ лисъ, а видсы напротиў нэго идэ злодій, нэсэ гроши, що касу ўкраў у пана. Тай ся здыбалы обыдва, а злодій кажэ: „Ту за мноў жэнутъ киньмы козаки, то жэбы-сь нэ казаў, що я туда йшоў!“ И сховаўся поза корчи. Той видійшоў кавалокъ, а ту заразъ надийхалы тры козаки, пытаютъ го ся, чы здыбаў кого? А винъ кажэ: „Та дэ! я вжэ йду зъ мылю тоў дорогоў, алэ никого-мъ нэ здыбаў!“ Тогды оны ся порадылы и кажутъ: „Эй, вэртаймося на енчу дорогу, можэ тамда пишоў!“ Тай

завэрнулыся. А той тогды клычэ, той злодій: „Чоловичэ, чоловичэ! ходы-но сюда!“ Тай взяў, всыпаў му половыну грошэй въ мишокъ.—„На-тоби, кажэ, за то, що-сь нэ ўповиў!“

Той пишоў дальшэ и надъ вэчиръ прыйшоў до миста тай пишоў на-ничь на шынкъ. Выпыў горийки, хлиба сы взяў, повэчэраў тай вжэ хотиў тамъ лягаты спаты. Алэ тамъ ся тымчасомъ музыка зробыла. Тай тогды винъ дывытся, а то тамъ е старый шынкаръ и молода шынкарка.—„Ото, кажэ, я за то цилый рикъ служыў, а ту бы-мъ тэпэрь ночуваў?“—Тай забраўся зъ корчмы и лягъ собі такъ за корчмоў пидъ плотомъ. А тамъ зайихаў якій-сь панъ на-ничь и ночуваў. А изъ корчмы выйшлы пьяни парубкй и поспыралыся на той плитъ и взялы ся радыты: „Тэпэрь ту, кажуть, панъ зайихаў подорожный, то мы забыймо шынкара, гроши сы забэрэмъ, а скажэмъ на того пана, що то винъ зробыў!“ Алэ якъ оны ся такъ на плитъ поспыралы, то на опанчи имъ высилы таки капы; а той хлопъ взяў и потыхоньку вытяў едному такэ качэльцэ зъ тои капы—знакъ соби зробыў. Тай ти ся порадылы и потому пишлы и того шынкара забылы. Рано дывятся—хто-сь шынкара забыў, а нэзнаты—хто? Никого въ корчми нэ було, тилько панъ, то пэўнэ панъ забыў. Взялы того пана до суду тай хотять го тратыты. А той хлопъ тогды пишоў до суду и замэльдуваў: „Прошу ласкавого суду, кажэ, то за-дурно той панъ тэрпыть, бо я маю знакъ, хто шынкара забыў!“ Тогды кажуть: „Покажы!“ И винъ взяў, выняў той знакъ зъ опанчи и розповиў всё, такъ и такъ, якъ було. Той знакъ тогды судъ взяў, тай тогды розказалы, абы ся вси хлопы, вси-вси, яки е въ мисти, зійшлы на пляцъ. Поставылы всихъ въ ɣлидъ, тогды вжэ судъ йдэ съ тымъ знакомъ—гэтъ дывытся съ-заду на вси опанчи. Тай знайшлы въ едного парубка дираву, то до нэи той знакъ прытулылы—акуратъ пасуе. Заразъ того парубка взялы пидъ варту, а пана пустылы на волю. Панъ тогды даў тому хлопу, що го выбавыў, гроши и кони съ повозомъ, всё—сакумпакъ. Тай вжэ винъ соби пойихаў до-дому, якъ якій панъ.

Вжэ було такъ нэдалэко до того сэла, тай винъ вступыў

до еднóи хáты. Тай пытáеся за свóю жúнку: „Щó онá рóбытъ, якъ господáрытъ, якъ собú тамъ рáду даé?“ (Звычáйно—тры рóки нэ буў дóма). А та кобúта въ тій хáти наробúла плёткиў: „А твоя́ жúнка такá и сякá!“—наговорúла му Богъ знáе щó, а всё нэпрáўду. То винъ ся дýжэ розгнúваў на свóю жúнку и вжэ сы погадáў: „Ось мáю фýзью, то йи застрúлю!“ Тай прыйиждж́ае на своé обыстьé, а тамъ ся щэ въ покóйы сьвúтытъ. Винъ дúвытся крузь викнó, а тамъ жúнка ёгó грáе на фортэпля́нахъ, а хто-сь такъ танцю́е,—áлэ вжэ нэ вúдиў—хто? То винъ гадáў сы, що то мóжэ кохáнокъ якíй, тай вжэ вúмирыў фýзью, вжэ хотúў стриля́ты до покóю. Алэ зáразъ сы погадáў, жэ винъ служúў цилúй рикъ за то слóво, абú нэ даў сэ́рцю вóлю.—„Ни, кáжэ, нэ бýду стриля́ты!“—И пишóў до хáты, дúвытся, а то никóго нэмá, инó жúнка грáе, а малá дитúна танцю́е тай ся сьміé. Тогдú вжэ му сэ́рцэ змя́кло. Вжэ собú тогдú господáрылы рáзомъ и бýлы счислúви.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

—

б). Такъ едэ́нъ ожэнúўся и буў съ жúнкоў кúлька мúсяциў, áлэ го потóму видобрáлы и винъ пишóў до вóйска. Пишóў на трúйцить литъ, áлэ жúнку лышúў за пóясомъ —у тяготú. И буў на вóйни и вúслужыў 30 литъ и тогдú вжэ ишóў до-дóму. А щэ съ нымъ два дрýги шлы жоўнúры зъ вóйска до-дóму. Тай онú идýть-идýтъ, зайшлú въ еднúмъ сэлú до еднóго γáзды нá-ничь. Алэ тамъ въ тій хáти буў на пьéцу старýшко и ницъ ся нэ обзывáў до ныхъ. Тогдú онú кáжутъ: „Чомý той старýшко ницъ съ нáмы нэ говóрытъ?“ А γáзда кáжэ: „Онú дýжэ мýдри, áлэ ницъ нэ говóрятъ; лышэ́ часóмъ скáжутъ еднó слóво, áлэ имъ трэ́ба за нэ́го дýката заплатúты!“ Тогдú той жóўниръ, що служúў 30 литъ, вúймыў дýката и даў старýшковы. А винъ тогдú кáжэ, той старýшко: „У чужú антэрэ́са нэ трэ́ба ся нúγды мишáты!“ Тогдú той вúймыў дрýгый дýкатъ и даў му. А старýшко кáжэ: „Бóрзымы дорóгамы нúγды нэ йды, лышь идú дóўгымы и бэзпэ́чнымы!“ А винъ вúй-

мыў щэ трэ́тый ду́катъ и даў, тогды́ стару́шко ка́жэ: „Нэ робы́ що-бу́дь, а́лэ сы пэ́ршэ розва́жъ!“ Тай ти жоўни́ры вжэ тамъ доночува́лы и ра́но пишлы́ да́ли.

Иду́тъ-иду́тъ, а въ ли́си стои́тъ ха́та и ко́ло то́и ха́ты бу́ла скры́ня и ко́ўбыця, а на ко́ўбыцы со-ки́ра; и по́ўно тамъ въ скры́ны бу́ло ко́стэй зъ людэ́й. Тоты́ надійшлы́ тамъ и ка́жэ едэ́нъ до дру́гого: „Нэзна́ў, що́ то е таке́? ану́, запыта́ймося въ ха́ти!“ Алэ той ка́жэ: „Эй, у чужи́ дила́ нэ трэ́ба ся миша́ты!“ Тай оны́ пэрэйшлы́ по́-пры тото́, а́лэ вжэ нэ пыта́лыся. А тамъ да́ли сто́ялы два чолови́ки, а́лэ то бу́лы розбі́йныки. То оны́ ся имъ поклоны́лы: „Сла́ва Су́су!“—тай иду́тъ да́ли. Алэ тоты́ розбі́йныки ка́жутъ тогды́ до ныхъ: „Чому́ вы ся нэ пыта́етэ, що́ тото́ е за шту́ка?“—„Намъ, ка́жэ той, у чужи́ дила́ нэ трэ́ба ся миша́ты!“ Тогды́ розбі́йныки ка́жутъ: „То вы му́дри лю́дэ, що-сьтэ ся нэ пыта́лы! бо ту хто йшоў, то ся пыта́ў, а мы го за́разъ за то бра́лы и руба́лы: тото́, ка́жутъ, е зъ всихъ тыхъ людэ́й ко́стье!“ Тогды́ пишлы́, а той жо́ўниръ ка́жэ: „О, вжэ мій едэ́нъ ду́катъ е!“

Алэ йдутъ такъ, иду́тъ, ужэ́ нэдалэ́ко бу́ло до ихъ сэла́. И ти два моло́дши ка́жутъ: „Мы ходи́мъ о-туда́ блы́зшэ, то бо́ршэ за́йдэмъ, якъ гостьі́ньцёмъ!“ Алэ той нэ хоти́ў иты́ блы́зшоў доро́гоў, то ти два пишлы́ ли́сомъ наўпраўци́, а винъ пишо́ў соби́ наоко́ло гостьі́ньцёмъ. Прыйшо́ў у сэло́, пэрэночува́ў въ тимъ сэли́, а́лэ тамты́хъ двохъ нэма́. А лю́дэ въ ко́рчми ка́жутъ: „Тамъ яки́хо-сь двохъ воякиў въ ли́си воўки́ ззи́лы!“ А винъ соби́ нагада́ў тогды́ то́го стару́шка: „Вжэ, ка́жэ, мій дру́гый ду́катъ е!“

И тогды́ винъ ся забра́ў и прыйшо́ў такъ у вэ́чиръ до сво́го сэла́. И спизна́ў тамъ хаты́ и сво́ю ха́ту. И прыйшо́ў пидъ сво́ю ха́ту и ды́вытся тамъ крузь викно́: тамъ у ха́ти горы́тъ огэ́нь, а ёго́ жи́нка стои́тъ ко́ло пры́пичка тай якій-сь па́рубокъ ко́ло нэ́и—що-сь сы гово́рятъ. Алэ винъ сы погада́ў, що то жи́нчынъ коха́нокъ, то взяў стри́льбу и вжэ на нёго справля́ў; а́лэ що-сь соби́ розгада́ў, що́ му стару́шко каза́ў, то стри́льбу ке́нуў и пишо́ў до ко́рчмы. И тамъ узя́ў каза́ты, що винъ изъ чужо́го сэла́ во́якъ. Алэ лю́дэ ёго́ ся пыта́ютъ: „А ки́лько вы ужэ́ въ во́йску слу́жытэ?“—„Я, ка́жэ, вжэ слу́жу 30 литъ!“—Оны́ тогды́ взя́лы

казáты, що ту едэ́нъ зъ тóго сэлá тáкой пишóў до вóйска и вжэ го нэмá 30 литъ; áлэ лышы́ў жи́нку въ тяготи́ и жи́нка уроды́ла хлóпця, то винъ вжэ вы́рисъ и ся въ шкóлахъ вы́ўчыў, а зáўтра ся бýдэ высьвя́щуваты на ксёндза. И винъ тогды́ ўти́шыўся дýжэ, що винъ свóго сы́на нэ зáстрилыў, и погадáў сы самъ до сэ́бэ: „О-тó, вжэ е мій трэ́тый дýкатъ!“

Тай винъ тамъ щэ тотý ничь пэрэночувáў въ кóрчми, а на дрýгый дэнь рáно пишóў до цэ́рквы—дывы́тыся, якъ тамъ ёгó сы́на высьвя́щувалы на ксёндза. Тай зъ цэ́рквы пишóў до свэ́и хáты на комáшню. Тамъ позасидáло ти́лько пáньства, ксендзи́ў тай ɣáздиў, тай винъ сы тамъ за стиў сиў, áлэ ся ницъ нэ прызнавáў, що то винъ е тáто. Ажэ́нь потóму встаў тай зачáў пэрэпываты до свóго сы́на тай кáжэ: „Сы́ну, то я твій тáто!“ Тай даў му такý бýўку, що маў зъ вóйска, а въ тій бýўци бýло пóўно дукáтиў. Тай оны́ ся тамъ вжэ вси спизнáлы, то вжэ тогды́ ли́пшый баль буў, бо вжэ буў ɣáзда въ хáти.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

—

в). Едэ́нъ стары́й ɣáзда маў сы́на и го ожэны́ў. А якъ умырáў, заклы́каў го до сэ́бэ и кáжэ: „Ходы́, сы́ну, я тобі́ що-сь скáжу! скáжу тобі́ тры слóва: абы́-сь бэзъ очы́й своúхъ худóбу нэ давáў въ чужи́ рýки; абы́-сь жи́нку бэзъ очы́й на музы́ку нэ пущáў; абы́-сь, дэ тя ничь захóпытъ, тамъ абы́-сь всэ ночувáў!“ Тай тогды́ отэ́ць умэ́ръ.

А той пишóў разъ на торгъ за волáмы. Идэ́ вжэ зъ тóго торгý до-дóму, ажъ захóпыла го ничь на пóлы. То вжэ нэ йшоў до-дóму, инó тамъ ночувáў на пóлы. Тай чýе у ночы́—такъ що-сь стóгнэ, такъ сáпае, áлэ нэ йшоў; ажъ рáно пишóў, ды́вытся—щó то такé бýло? Ды́вытся, а тамъ глы́на сьви́жа, що бýла кóпана я́ма. Винъ взяў розкóпуваты тотý глы́ну, розкопáў, а тамъ съ банякóмъ грóши: то хто-сь тамъ въ ночы́ грóши закопáў. И винъ взяў тоты́ грóши и пишóў до-дóму.

Тай разъ до нёго прыйшóў едэ́нъ ɣáзда, абы́ му даў кобы́лы волочы́ты.—„Ой, кáжэ, нэ дамъ вамъ, ɣáздыку, бо

мо́я кобы́ла жэ́рэбна, то нэ мо́жу вамъ да́ты!“ Алэ той зача́ў ду́жэ просы́ты, каза́ў, що то малы́й ку́сныкъ по́ля, що бу́дэ уважа́ты на кобы́лу,—т а й м у т о г д ы́ д а ў. Алэ потому пишо́ў самъ тамъ на по́лэ дывы́тыся—цы той шану́е кобы́лу, цы ни? Ды́вытся, а т о й т а к ъ г о́ н ы т ъ к о б ы́ л у, т а к ъ б ь е, а ж ъ к о б ы́ л а п о м э т а́ л а н э ж ы в э́ л о ш а́. А той хлопъ взяў лоша́ и схова́ў у тэ́рнье, а кобы́лоў волочы́ў щэ цилы́й дэнь, а нэ даў йій ницъ йи́сты. Алэ той то всё вы́диў, в з я ў в э́ ч и р ъ т о л о ш а́ з ъ т э́ р н я и п о в и́ с ы ў д о́ м а у б а н т а́. Вжэ прыви́ў вэ́чиръ сосі́дъ кобы́лу, а́лэ γа́зда му ницъ нэ ка́жэ.

А на дру́гый дэнь в и н ъ м а ў и т ы́ н а к у п э́ ц т в о, а его́ жи́нка ка́жэ: „Я п и д у́ н а в э с и л ь е́!“—„Та якъ ты пи́дэшь на вэсилье́, колы́ дити́на е мала́? съ дити́ноў, ка́жэ, що́ зро́бышь?“—Алэ она́ ся ду́жэ напыра́ла, т о й і й в ж э п о з в о́ л ы ў и т ы́, а́лэ с а м ъ в ж э н э й ш о ў н а к у п э́ ц т в о, лышэ́ схова́ўся и ды́вытся—що́ бу́дэ? Ж и́ н к а п и ш л а́ в э́ ч и р ъ н а т о в э с и л ь е́ и д и т ы́ н у в з я́ л а с ъ с о б о́ ў. Алэ дити́ну пусти́ла въ си́нёхъ помэ́жы дру́ги ди́ты, а сама́ соби́ тамъ танцю́е, балю́еся. А той ей чолови́къ зали́зъ до синэ́й, такъ, що го нихто́ нэ вы́диў, тай т о т у́ с в о́ ю д и т ы́ н у в з я ў и в и д н и́ с ъ д о с в э́ и с э с т р ы́ н а д р у́ г э с э л о́. И потому пишо́ў на купэ́цтво и нэ бу́ло го зъ ты́ждэнь. А жи́нка ту такъ шука́е за дити́ноў, пла́чэ, а́лэ нэма́ нигдэ́. Тогды́ пишла́ до свэ́и ма́тэры—ра́дытыся, що́ йій чолови́ковы каза́ты, якъ ся вэ́рнэ, що дити́ны нэма́? А ма́ты йій такъ ка́жэ: „Зроби́мъ таку́ ля́льку и бу́дэмъ каза́ты лю́дямъ, що дити́на у́мэрла; то тоту́ ля́льку похова́емъ—и спо́кій!“ Тай такъ зробы́лы: п о х о в а́ л ы л я́ л ь к у, я к ъ м э р л у́. Прыйшо́ў чолови́къ до-до́му, а жи́нка пла́чэ, що дити́на у́мэрла. То винъ йій ка́жэ: „Цытъ, нэ плачь, на всё во́ля Бо́жа! а́лэ, ка́жэ, найме́мъ за дити́ну слу́жбу-бо́жу тай кома́шню спра́вымо!“ Т а й н а й м ы́ л ы с л у́ ж б у - б о́ ж у, з л а́ д ы л ы с я и з а п р о с ы́ л ы л ю д э́ й и к с ё н д з а н а к о м а́ ш н ю.

Алэ по оби́ди вжэ винъ ка́жэ до тыхъ людэ́й: „Пэрэпраша́ю васъ, ка́жэ, а́лэ я ходы́ў по купэ́цтви, то-мъ чуў тры ри́чы. Такъ у едни́мъ сэли́ у ко́рчми лю́дэ говоры́лы, що умыра́ў стары́й отэ́ць тай каза́ў сы́новы такъ: „Дэ тя ничь захо́пытъ, абы́-сь тамъ ночува́ў; абы́-сь у чужи́ ру́ки бэзъ очы́й худо́бы нэ дава́ў; жи́нку на музы́ку абы́-сь бэзъ очы́й нэ пуща́ў!“ И, ка́жэ, йшоў разъ той сынъ зъ купэ́цтва, ничь го за-

хо́пыла въ по́лы, тай винъ тамъ ночува́ў. Чуў въ ночы́, жэ хто-сь ко́ло нэ́го що-сь ро́бытъ, а ра́но увы́диў сьви́жу глы́ну и найшо́ў тамъ зако́паный баня́къ съ гри́шмы; то, ка́жэ, чы маў винъ тоты́ гро́ши бра́ты?“ Тогды́ вси лю́дэ на то ка́жутъ: „Но, ёго́ счи́стье таке́ бу́ло!“ Алэ ґа́зда повида́ў да́ли: „А зноў разъ винъ даў кобы́лу суси́ди и пишо́ў дывы́тыся—що́ той бу́дэ робы́ты? А суси́дъ такъ гоны́ў кобы́лу цилы́й дэнь и нэ даў йій йи́сты, жэ кобы́ла змэта́ла лоша́, а винъ го ке́нуў у тэ́рнье; то що́ за то́е ма́е бу́ты?“ Тогды́ вси лю́дэ ка́жутъ: „Тако́го, що чужо́и худо́бы нэ шану́е, то ва́рто-бы хоть на тры ро́ки да́ты до крымина́лу!“ —„А жи́нку—ка́жэ той ґа́зда да́ли—пусты́ў разъ той-самы́й на вэсилье́, а самъ ни́бы пишо́ў на купэ́цтво, а́лэ ся вэрну́ў и ды́вытся—що́ она́ съ дыты́ноў зро́бытъ? То жи́нка пишла́ на вэсилье́, гуля́е соби́, а дыты́ну лышы́ла въ си́нёхъ. А той чолови́къ забра́ў потыхо́ньку дыты́ну и виднйсъ до свэ́и сэстры́, а самъ пишо́ў на купэ́цтво. Вэрта́е зъ купэ́цтва, а жи́нка му ка́жэ, що дыты́на ўмэ́рла, що йи похова́лы; а́лэ то она́ зробы́ла ля́льку и ля́льку похова́лы!“ — То лю́дэ ка́жутъ: „О, то таку́ бы жи́нку до́брэ набы́ты!“

Тогды́ винъ пишо́ў и ў н и с ъ г р о́ ш и и ка́жэ: „То я найшо́ў гро́ши!“—„Ну, то счи́стье твое́!“ — Тогды́ зноў ў н и с ъ т о л о ш а́ з ъ б а́ н т и ў тай показа́ў, якъ му суси́да збавыў. А пото́му вжэ ў н и с ъ д и т ы́ н у и ка́жэ: „О-то́, за мо́ю дыты́ну похова́лы ля́льку!“ Тай ка́жэ: „До́брэ то мэни́ стары́й та́то нака́зуваў,—ца́рство му нэбэ́снэ!“

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

68.

Мудрая дѣва-семилѣтка.

а). Бу́лы два бра́тьи: едэ́нъ буў ду́жэ бога́чъ, а дру́гый би́дный, такі́й би́дный, жэ и шэрсты́ны нэ маў ко́ло ха́ты, худобы́ны. Прыйшо́ў до бра́та и про́сытъ молока́. У бра́та е тры́йцить коро́ў, а́лэ нэ хо́чэ да́ты молока́. Алэ засла́бло у то́го богача́ тэля́, тай винъ го вжэ хоти́ў ри́заты; тогды́ би́дный братъ прыйшо́ў и вы́просыў соби́ видъ нёго тото́ тэля́, жэму подарува́ў. И тото́ тэля вы́росло—вжэ бу́ла фа́йна коро́ва; молока́ дае́ за тыхъ 30 коро́ў богачо́выхъ. А бога́чъ тогды́ хо́чэ тото́ тэля́ видбыра́ты; той би́дный нэ хоти́ў видда́ты, а́лэ тогды́ бога́чъ замэльдува́ў би́дного до су́ду.

Пишлы́ до су́ду,—а́лэ що? Той бога́чъ съ пана́мы ся зна́е, съ пана́мы за сто́лыкъ сида́е, то такъ судъ зизна́ў до то́го би́дного: „Абы́-сь такъ до мэ́нэ прыйшо́ў—ни йшоў, ни йи́хаў, ни го́лый, ни оди́тый,—то тогды́ будэ́ твоя́ коро́ва!“ Прыйшо́ў би́дный до-до́му тай пла́чэ. А маў винъ доньку́—симь ро́киў ма́ла, а́лэ бу́ла ду́жэ му́дра. То тота́ донька́ ка́жэ: „Чого́ вы, та́ту, пла́чэтэ?“ Винъ ка́жэ: „Та каза́ў мы судъ ни йты, ни йи́хаты, абы́ ни го́лый, ни оди́тый!“—„Ой, та́ту, то вы то́го пла́чэтэ?“—Тай ка́жэ: „Да́йтэ мы саку́лю тай баранця́ и за́яця йими́тъ мы, то я за васъ сама́ пи́ду!“ Тогды́ зня́ла съ сэ́бэ шма́тье, затя́гла на го́лэ ти́ло саку́лю, взя́ла баранця́ мэжэ́-ногы, а за́яця въ ру́ки,—тай такъ прыби́гла на баранцы́ ажъ до су́ду пидъ бра́му. Судъ йи увы́диў тай вы́пустыў псы на нэ́и, абы́ йи роздэ́рлы, а́лэ она́ пусты́ла за́яця, тай псы за за́яцёмъ поби́глы. Тогды́ йи ся той панъ пыта́е: „Хто тэбэ́ такъ нара́дыў?“—„Я сама́ такі́й ро́зумъ ма́ю!“

Тогды́ судъ заклы́каў тыхъ бра́тиў зноў до су́ду тай ка́жэ: „Котры́й мы у́повисть, що́ найроді́йшэ, найтя́жшэ, найсьвитлі́йшэ и найчысті́йшэ, то то́го коро́ва бу́дэ!“ Той би́дный прыйшо́ў до-до́му и зача́ў зноў пла́каты. Донька́ зноў ся пытае: „Чого́ вы, та́ту, пла́чэтэ?“—„Ой, ка́жэ, каза́ў мы судъ у́пови́сты, що́ е найроді́йшэ, найтя́жшэ, найсьвитлі́йшэ и найчысті́йшэ?“—Тогды́ она́ ка́жэ: „Йой, та́ту!

земля́ е найтя́жша и найроді́йша, а о́чы найсьвитлі́йши и найчысті́йши!“ Тай той тогды́ пишо́ў съ тымъ до су́ду. А бога́чъ зари́заў пацюка́ и взяў пшэни́цы и то до су́ду вэзэ́. Тай вжэ въ су́ди пыта́ются то́го богача́: „А що́ тамъ, ку́мэ, угада́лы-сьтэ?“ А той ка́жэ: „Мій пацю́къ то найроді́йшый и найтя́жшый, а пшэни́ця моя́ найчысті́йша и насьвитлі́йша; то я то па́новы дару́ю!“ Тогды́ ся судъ пыта́е би́дного: „А ты якъ ка́жэшь?“—„У мэ́нэ е земля́ найтя́жша и найроді́йша, а о́чы сутъ найсьвитлі́йши и найчысті́йши!“—Тогды́ судъ вжэ прызна́ў би́дному коро́ву, а́лэ ка́жэ: „Хто тэбэ́ такъ нара́дыў?“—„У мэ́нэ е така́ дити́на—симъ литъ ма́е!“

Тогды́ панъ ка́жэ: „Абы́-сь каза́ў, абы́ мы прынэ́сла дару́нокъ и нэ-дару́нокъ!“ Винъ прыйшо́ў до-до́му, такъ ся грызэ́, а донька́ ся пыта́е: „Чого́ вы, та́ту, зноў пла́чэтэ?“ —„Бо бида́,—ка́жэ;—каза́ў судъ, абы́-сь му прынэ́сла дару́нокъ и нэ-дару́нокъ!“—„Да́йтэ мы, ка́жэ, пта́ха, то понэсу́!“—Тай пишла́ съ пта́хомъ идъ то́му па́новы тай дае́ му то́го пта́ха, а́лэ панъ наста́выў ру́ку, тогды́ пта́ха пусты́ла и полэ́тиў: то буў такій дару́нокъ и нэ буў дару́нокъ.

Алэ той панъ буў кава́лиръ. Тай тогды́ пысла́ў по ей витця́ тай ка́жэ: „Я йи бэ́ру за жи́нку, бо она́ е мудрі́йша, якъ я!“ Тай вжэ ся тогды́ обо́е пибра́лы. Алэ панъ дэ-сь разъ пойи́хаў у госты́ну. А йшлы ку́пци зъ доро́гы,—едэ́нъ сы ко́нэй накупы́ў, а дру́гый быки́ў. Тай оны́ въ ко́рчми ночува́лы тай кобы́ла въ ночы́ лоша́ ўро́дыла. Едэ́нъ ка́жэ купэ́ць: „То моя́ кобы́ла ўро́дыла лоша́!“—а дру́гый соби́: „То мій быкъ уро́дыў!“ Тай пишлы́ до су́ду, а́лэ па́на нэ бу́ло до́ма. Тогды́ вжэ тота́ его́ жи́нка розпыта́лася ихъ сама́, чого́ оны́ хо́чутъ, тай тогды́ ка́жэ: „А цы хлопъ ро́дытъ, цы ба́ба?“—„Та ба́ба!“—„Ну, то абы́-сьтэ зна́лы, що то кобы́ла ўро́дыла лоша́, нэ быкъ!“—Тай тогды́ ку́пци пишлы́ соби́ гэть. Тай иду́тъ вжэ тоты́ ку́пци доро́гоў, а панъ йи́дэ. Тай ка́жэ едэ́нъ дру́гому: „Яка́ тота́ па́ни му́дра! такъ насъ розсуды́ла—ли́пшэ, я́къ-бы якій судъ!“ А панъ то ўчуў, прыйи́хаў до-до́му тай ка́жэ: „Ага́, то ты вжэ судъ ро́бышь сама́? иды́-жъ ты видъ мэ́нэ гэтъ, я тэбэ́ вжэ нэ хо́чу!“ Алэ она́ ка́жэ: „Та хоть щэ повэчэ́раймо ра́зомъ!“ Повэчэ́ралы, а́лэ она́ зла́дыла ему́ таку́

гарба́ту, що якъ йи ся напы́ў, то уснýў; она́ го тогды́ взя́ла на визъ тай вэзэ́. Винъ ся въ доро́зи пробуды́ў тай ка́жэ: „Йой, а ты мэнэ́ дэ вэзэ́шь?“—„Дэ я йиду, тамъ и тэбэ́ вэзý!“—Тогды́ панъ ка́жэ: „Обэрта́ймо до-до́му, най вжэ бýдэ!“ Вэрнýлыся до-до́му тай вжэ она́ сама́ судъ ро-бы́ла.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

—

б). Бyў едэ́нъ лисны́чій кава̀лиръ; хоти́ў ся жэны́ты, а́лэ нэ мигъ соби́ дибра́ты до свэ́и ўподо́бы жи́нки. Вэрнýўся дýжэ лю́тый зо сьви́та до-до́му тай заста́ў слугý на подви́рью и зача́ў крыча́ты на нэ́го: „Що́ ты ту такъ дармýешь, ли́са нэ пыльнýешь?“ А тамъ лэжа́ў вэлы́кій ка́минь, то ка́жэ панъ: „Абы́-сь мы съ то́го ка́мэня шки́ру зня́ў до за́ўтра, бо якъ нье, то бýдэшь смэ́ртью ка́раный!“

Тай той слуга́ прыйшо́ў до-до́му тай ся дýжэ загры́зъ. Алэ ма́ў донькý-едына́чку, що ма́ла лышэ́ симь литъ, то она́ ся го пыта́е: „Та́ту, чого́ вы ся такъ засумува́лы?“ —„Злэ, до́ню! вэрнýўся панъ лю́тый и каза́ў мэни́ съ ка́мэня шки́ру зня́ты!“—Она́ ка́жэ: „Иди́тъ до па́на и кажи́тъ, жэ панъ йиздыў по сьви́ти, то пэ́ўнэ вы́диў, якъ ся съ ка́мэня шки́ру знима́е; то най панъ тро́ха за́чнэ тотý шки́ру знима́ты, а вы вжэ потóму здо́ймытэ всю!“ Тай винъ прыйшо́ў до па́на тай ка́жэ: „Най мы панъ тро́ха ножо́мъ зачэ́пытъ шки́ру, то я здійму́ всю потóму!“ Панъ ка́жэ: „Оў, хто тэбэ́ такъ пора́дыў?“—„Мо́я донька́!“

Тогды́ панъ ка́жэ: „Колы́-жъ твоя донька́ така́ мýдра, то́ на́-тоби́ дэ́сять яе́цъ и занэсы́ ихъ до свэ́и доньки́, жэбы́ мэни́ на за́ўтра изъ тыхъ яе́цъ вы́вэла кýрята, вы́годувала и прынэ́сла мэни́ на оби́дъ!“ Прыйшо́ў винъ до-до́му, прыни́съ доньци́ тоты́ я́йци и повида́е: „Каза́ў панъ, абы́-сь зъ тыхъ яе́цъ на за́ўтра вы́плодыла кýрята и вы́годувала до оби́ду!“ Ди́ўчына ка́жэ: „До́брэ, а́лэ на́-тэ вамъква́рту пшона́, абы́ панъ тото́ пшоно́ посі́яў и на за́ўтра зибра́ў и змолоты́ў и мэни́ жэбы́ прыни́съ, бо нэ ма́ю чымъ кýрята годува́ты!“ Той узя́ў пшоно́ и пони́съ до па́на и такъ па́ну розповиў, якъ донька́ каза́ла.

Панъ тогды́ повида́е до нэ́го: „Я пшона́ сі́яты нэ бу́ду и ку́рятъ вжэ нэ хо́чу, а́лэ въ мэ́нэ за́ўтра бу́дэ баль, то абы́ тво́я донька́ була́ въ мэ́нэ на балю́; а́лэ, ка́жэ, а б ы́ и й ш л а и й и х а л а, и д о р о́ г о ў и п о́ - з а д о р о́ г о ў, г о́ л а и о д и́ т а, и а б ы́ м э н и́ т а к і́ й д а р у́ н о к ъ п р ы н э с л а́, а б ы́ я г о в ы́ д и ў, а н э в з я́ ў!“ Прыйшо́ў отэ́ць до-до́му, ка́жэ то всё доньци́, жэ панъ такъ каза́ў. Тай ка́жэ: „Мэнэ́-сь вы́купыла видъ кло́поту, а сама́-сь въ такі́й зали́зла, жэ й нэ вы́лизэшь!“ Она́ ка́жэ: „Этъ, то дурны́ця! лышэ́ прынэси́тъ мэни́, та́ту, два го́лубци и злапа́йтэ мэни́ ви́вьерку, тай вжэ!“ Отэ́ць пишо́ў въ лисъ, пойима́ў два го́лубы тай ви́вьерку и прыни́съ то доньци́. О н а́ т о г д ы́ ў б р а́ л а с я въ с а к у́ л ю, — т о б у́ л а й г о́ л а и о д и́ т а; в з я́ л а в и́ в ь е р к у у м и щ э́ й г о́ л у б ы въ х у- с т ы́ н у, в з я́ л а ц а́ п а н а д о́ ў г ы й ш н у р ъ и с и́ л а с о б и́ н а ц а́ п а и й и́ д э; т р о́ х а й и́ д э д о р о́ г о ў, а в и д т а́ к ъ з л и́ з э съ ц а́ п а и п у щ а́ е ц а́ п а п о́ - з а д о р о́ г у, — т о т а к ъ и й и́ д э и й д э, д о р о́ г о ў и п о́ - з а д о р о́ г у, я к ъ п а н ъ к а з а́ ў,—такъ а́жэ́нь до па́нового дво́ру. Алэ панъ якъ йи сда́лэку увы́диў, к а з а́ ў с л у́ г а м ъ п с ы с п у с т ы́ т ы, абы́ йи псы зайи́лы; п с ы д о н э́ и с я п у с т ы́ л ы, а о н а́ в и́ в ь е р- к у з ъ м и щ э́ т ы п у с т ы́ л а н а з э́ м л ю, т о в и́ в ь е р к а п о л э́- т и л а, а п с ы з а н э́ ю, з а н э́ ю. Тогды́ вжэ она́ прыйшла́ пэ́рэдъ па́на на ґа́нокъ. Панъ за́разъ вы́йшоў съ па́ньствомъ, ды́вятся на ту комэ́дыю. Т о г д ы́ о н а́ т ы х ъ д в а г о́ л у б ц и з ъ х у- с т ы́ н ы в ы́ й м ы л а и п а́ н о в ы п о к а з а́ л а; а́ л э я к ъ п а н ъ в ж э х о т и́ ў б р а́ т ы, т о г д ы́ т и г о́ л у б ц и п у с т ы́ л а, а о н ы́ з л э́ т и л ы и п р о п а́ л ы: в ы́ д и ў п а н ъ д а р у́ н о к ъ, а н э в з я́ ў.

Тогды́ вжэ панъ увы́диў, що она́ мудрі́йша видъ нэ́го, т а й с я с ъ н э у́ о ж э н ы́ ў.

(Отъ Никола́я Жегайляка въ Доброгостовѣ.)

69.

Попъ-знахарь.

а). Взялы ся ксёндзъ съ дякомъ радыты: якъбы то, абы оны сталы ворожбытамы? А дякъ кажэ такъ: „Я буду красты кони, волы, позаводжу въ лисъ и вамъ повимъ, а вы будэтэ людямъ ворожыты—дэ то е, що имъ пропало!“

Взяў дякъ, украў у богача кони, завиў въ лисъ въ дэбру и прыпняў тамъ; тогды прыходытъ и повидае ксёндзовы, въ котримъ мисцы вжэ ти кони сутъ. Богачъ за киньмы шукае—нэма конэй. Тогды ксёндзъ кажэ: „Я маю таку кныжку—тамъ е за рижни ричы; можэ-бы я ся въ ній и до вашыхъ конэй дочытаў?“ Чытаечытае ксёндзъ и кажэ: „Вашi кони украў злодій, алэ нэ маў щэ часу продаты, то ихъ прыпняў въ лиси коло бука!“ Идэ хлопъ до лиса—кони е! Прыходытъ до ксёндза дяковаты. —„А що, е кони?“—„Е, еϒомость!“—Тай кажэ хлопъ: „Ну, а що-бы еϒомосцэвы даты за то, що мы ся худоба вэрнула?“ —„Дай двайцить рыньскихъ!“—Ну, що хлоповы? добрэ, що е кони,—даў.

И оны ворожылы такъ обыдва дэсить литъ,—грошэй сы досыть вжэ назбывалы. Алэ въ 10 литъ трафылося у пана—укралы му касу, и такой ёго власни слугы, тры ихъ, укралы. Що робыты? нэзнаты—дэ ся каса подила? Тогды той панъ чуў, що ксёндзъ всюда ворожытъ, то запрягъ кони и пислаў по нэго; алэ якъ-жэ тэпэрь ксёндзовы ворожыты за касу, колы винъ о тимъ ницъ нэ знае? Ну, алэ мусытъ йихаты, бо панъ нэ жартуе. Прывэзлы вжэ ксёндза до пана, заразъ панъ кажэ: „Най-бы ся ксёндзъ дочытаў за мои гроши, то я за то дамъ пару сотокъ; а якъ мы нэ выворожышь, кажэ, то тя страчу!“ И замкнуў ксёндза до покою, даў му сьвитло тамка и кажэ: „Сыды-жъ ту, доки мы нэ повишь, дэ мои гроши!“ На рано прыходытъ панъ, пытаеся: „А що, еϒомость, дэ гроши?“—„Ой, кажэ, щэ-мъ нэ найшоў! вжэ туй-туй, а щэ-мъ нэгодэнъ дочытатыся! можэ вжэ сэи ночы!“—Казаў му панъ даты йисты и замкнуў знову:

„Чытáй!“ На дрýгый дэнь прыхóдытъ панъ зноў, пытáеся: „Е вжэ мóи грóши?“—„Ой, ни, щэ-мъ нэгóдэнъ! вжэ на ту ничь мóжэ!“—Зноў му панъ даў йи́сты и замкнýў.

Вжэ трэ́ту ничь сыды́тъ ксëндзъ; сыды́тъ собі́, сьви́чка сясьви́тытъ. А ти тры злодіи, що то грóши ўкрáлы, порáдылыся и пислáлы еднóго пидъ викнó до ксëндза.—„Подыви́ся, кáжутъ, щó винъ тамъ рóбытъ? чы винъ ся тамъ до насъ нэ дочытáў?“—Той тогды́ прыхóдытъ пидъ викнó, а когýтъ тогды́ запіяў: кукури́ку! А ксëндзъ тогды́ гадáе сы: „О, вжэ когýтъ піе, вжэ бýдэ бóрзо дэнь!“ Тай кáжэ: „Слáва тобі́, Гóсподы, вжэ пэ́ршый!“—ни́бы гадáе сы, жэ пэ́ршый когýтъ запіяў, áлэ той собі́ мы́слытъ злóдій, що то ксëндзъ вжэ дочытáўся до нэ́го, що вжэ го знáе. Тай зáразъ побі́гъ до тыхъ кумпáниў тай кáжэ: „Огó, вжэ ксëндзъ ся до мэ́нэ дочытáў, вжэ мэнэ́ знáе!“ И опови́ў имъ, якъ бýло. Тогды́ взя́лы ся рáдыты тай пислáлы дрýгого пидъ викнó дывы́тыся; той прыхóдытъ тай зноў такъ трáфыў, що когýтъ запіяў: кукури́ку! А ксëндзъ кáжэ: „Слáва-жъ тобі́, Гóсподы, вжэ дрýгый!“ Той учýў, настрáшыўся тай побі́гъ до тамты́хъ двохъ и кáжэ: „Огó, вжэ й мэнэ́ знáе!“ Тай трэ́тый тогды́ кáжэ: „Ну, то щэ я пи́ду!“ Пишóў, стáнуў пидъ викнóмъ, а когýтъ зноў своé: кукури́ку! Тай ксëндзъ тогды́ кáжэ: „Слáва-жъ тобі́, Гóсподоньку, вжэ трэ́тый!“ Той знову утíкъ тай вжэ ся такъ боя́тъ вси тры—гадáютъ сы, жэ вжэ ксëндзъ на всихъ ихъ дочытáўся; тай идýтъ тогды́ до ксëндза пидъ викнó и пýкаютъ до викнá. Ксëндзъ витворы́ў, пытáеся: „Хто тамъ?“—„А мы!“—„Та які́ мы?“—„Та мы тоти́ грóши укрáлы! ипó вжэ прóшу лáски Пáна-бóга тай еүомóсти, абы́-сьтэ нэ казáлы пáну на насъ!“—„Та ни, нэ скáжу! áлэ дэ́ грóши?“—„А тамъ, кáжутъ, въ гнóю мы сховáлы!“—Ксëндзъ вжэ ся утíшыў, бо щó то?—тры нóчы вжэ, якъ въ крыминáли сыды́тъ!

Вжэ на рáно панъ прыхóдытъ, пытáеся: „Ну, а е вжэ грóши?“ А ксëндзъ кáжэ: „Лэ́дво-нэлэ́двο дочытáў-емъ-ся до тыхъ грóшэй!“—„Дэ-жъ оны́?“—Ксëндзъ му тогды́ ўповíў; вы́тягнулы зъ гнóю скрынчы́ну—е грóши вси. Тогды́ панъ даў ксëндзовы пáру сóтокъ и видпусты́ў го до-дóму.

Тогды́ ксёндзъ прыйи́хаў до-до́му тай ка́жэ до дяка́: „Вжэ я би́льшэ ворожы́ты нэ хо́чу!" И щобы́ му лю́дэ да́лы спо́кій, взяў и запалы́ў обыстье́—згори́ло всё; то якъ лю́дэ прыходы́лы за ра́доў, то вжэ ксёндзъ каза́ў: „Я вжэ нэ мо́жу ворожы́ты, бо мэни́ кны́жка згори́ла, а зъ е́нчои кны́жки, ка́жэ, вжэ ворожы́ты нэ у́мію!"

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

—

б). Бу́лы би́дный ксёндзъ тай дякъ. Прыйшлы́ Вэлыко́дни сьвя́та, а оны́ нэ ма́лы й па́ски. Тай прыйшо́ў дякъ до ксёндза тай ка́жэ: „Мы такъ цэ́рквы слу́жымо ви́рно, а таки́-сьмо би́дни, жэ нэ ма́емо на́вить па́ски!" Тогды́ ксёндзъ ка́жэ: „Що́-жъ я ту пора́джу?" Ка́жэ дякъ: „Най ксёндзъ бу́дутъ за ворожбы́та, а я бу́ду кра́сты!"

Пишо́ў дякъ до едно́го па́на и ўкраў бугая́; а якъ го виў изъ ста́йни, то ўбуў бугая́ на вси штыры но́гы у чо́боты, абы́ сьлиду́ нэ бу́ло това́рячого. Тай зави́ў го въ лисъ, прыпня́ў мэ́жы потока́мы на сно́зи, а самъ пишо́ў до ксёндза и розпови́ў ёму́—дэ то́го быка́ прыпня́ў, абы́ ксёндзъ знаў ворожы́ты. Тай тогды́ пишо́ў до то́го па́на, бо панъ ду́жэ шука́ў за бугаёмъ тай ся ду́жэ грызъ тай каза́ў панъ: „Кобы́ мы хто то́го бугая́ вы́найшоў, за́разъ-бы-мъ даў со́тку!" Тогды́ дя́къ ка́жэ: „Въ на́шимъ сэли́ е ксёндзъ—винъ зна́е до́брэ ворожы́ты, то винъ вамъ мо́жэ вы́найдэ быка́!" Панъ пойи́хаў до ксёндза, тогды́ ксёндзъ му сказа́ў, що злоді́е быка́ укра́лы, а́лэ ихъ дэнь захо́пыў, то нэ моглы́ съ нымъ да́льшэ иты́, лышэ́ го въ ли́си на сно́зи прыпня́лы. За́разъ слу́гы пишлы́ и бугая́ найшлы́ въ ли́си на тимъ ми́сцы, дэ ксёндзъ каза́ў. А панъ-ди́дычъ вы́ймыў со́тку и даў ксёндзу: тэпэ́рь вжэ сутъ сьвя́та!

А дякъ пишо́ў зноў до дру́гого па́на и укра́ў волы́ и видви́ў дэ-сь у по́тикъ, прыпня́ў, а пото́му ксёндзу то розпови́ў. А самъ пишо́ў до то́го па́на тай ка́жэ, що въ тимъ сэли́ е ксёндзъ ду́жэ вэлы́кій ворожбы́тъ—всё зна́е. Тай панъ пойи́хаў до ксёндза, ксёндзъ му сказа́ў—дэ́ быки́, тай слу́гы быки́ найшлы́. Зноў той панъ даў со́тку ксёндзовы.

А у якого-сь трэтого пана вжэ сами слугы укралы золотый пэрстинь. А панъ довидаўся, що той ксёндзъ такій ворожбытъ, то заразъ пислаў по ксёндза. —„Якъ мэни, кажэ, нэ повишь—дэ той пэрстинь, то тя страчу!"—Тогды ксёндзъ кажэ: „Якъ я можу знаты, дэ твій пэрстинь? або я го украў?" Тогды панъ ввэргъ ксёндза до вязныци. Прыйшла ничь—запіяў когутъ пэршый разъ; слуга ся схопыў—що тамъ ксёндзъ робытъ? А ксёндзъ кажэ: „А Господы, вжэ пэршый!" винъ такъ гадаў, що пэршый когутъ вжэ запіяў, алэ слуга ся дужэ ўпудыў, бо гадаў, що то ксёндзъ на нёго кажэ. Заразъ запіяў когутъ другый разъ; тогды другый слуга ся схопыў—слухае пидъ двэрмы. А ксёндзъ кажэ: „Господы, вжэ другый!" На той часъ запіяў когутъ трэтый разъ; тогды ся вжэ трэтый слуга зырваў, слухае. А ксёндзъ кажэ: „А Господы, вжэ е трэтый!" Тоты тры слугы пишлы тогды ксёндза просыты, абы на ныхъ нэ повиў, що то оны пэрстинь ўкралы, тай му далы троха грошэй—заслужэныны свэи, абы нэ ўповиў. Тогды имъ ксёндзъ кажэ: „Нэ скажу, алэ залипитъ той пэрстинь у тисто и вэрзьтэ мэжы ендыки, а котрый ендыкъ иззисть, абы-сьтэ мы ўповилы!" И ззиў ендыкъ чорный, що билэ крыло маў, то ти слугы то заразъ ксёндзовы ўповилы. Тай вжэ рано ксёндзъ сказаў пану: „Вжэ знаю—дэ пэрстинь! служныця вымэла го зо сьмитёмъ на-двиръ, а чорный ендыкъ съ билымъ крыломъ ззиў го!" Зарызалы того ендыка тай найшлы пэрстинь.

Тогды панъ взяў, вэргъ косу у керныцю тай кажэ до ксёндза: „Колы ты такій вэлыкій ворожбытъ, то скажы—що я таке вэргъ у керныцю?" Тогды ксёндзъ кажэ: „О-то, вжэ трафыла коса на каминь!"—гадаў сы, що ту вжэ ёго смэрть будэ. Алэ тогды панъ даў му щэ й другу сотку—за то, що такъ добрэ видгадаў.

Тому ксёндзу было имя Свэрщокъ. И панъ поймаў свэрщка и положыў пидъ обрусъ на стиў. Тай кажэ до ксёндза: „Щэ видгадай мэни—що тутка е?" Тогды ксёндзъ кажэ: „Ой, Свэрщку, Свэрщку, то-сь ся упаў въ рукы катиў!"—такъ на сэбэ. А панъ учуў, що винъ кажэ: Свэрщку,—тай зачудуваў-

ся самъ, що винъ такъ всё знáе. Даў му трэту сóтку тайі кáжэ: „Йды вжэ гэтъ видъ мэнэ, ты-бы видъ мэнэ всё пáньство вы́браў!“

Тогды́ вжэ мáлы дóбрый Вэлы́кдэнь — и ксёндзъ, и дякъ.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

70.

Ворожея.

Бýла би́дна вдовы́ця съ диточкáмы и мáло нэ що-дэнь ходы́ла до еγомóсця, щобы́ йи чымъ обдарувáлы. Спры́крылося нарэшти еγомóсцёвы, тай кáжэ до нэи, щобы́ собí якы́й-сь зарóбокъ вы́найшла: „Отъ, моглá-бы-сь ворожы́ты!“

Послýхала бáба тай пишлá рвáты зи́ля. Надхóдытъ дрýга бáба тай пытáеся: „Нá-що вы тотó, кýмонько, рвэтэ?“ —„Ой, то помичнэ́ видъ усёго!“—видповúла вдовá.—„А на що-жъ?“—„А, кáжэ, тотó видъ коро́ў, тотó видъ болячки, тотó видъ пэрэлы́стныци, *) а ось-тó видъ дивóкъ!“—„А на що-жъ тотó видъ дивóкъ?“—пытáеся кумá.—„Щобы́ ся виддавáлы!“—кáжэ вдовá.—„Ой, кýмонько, дáйтэ-жъ мэни́ тóго зи́ля!“—кáжэ кумá (а у нэи бýло тры дóньки—вси пидъ винэць). Нарвáла вдовы́ця якóго-сь бурьянý тай кáжэ до нэи: „До схидъ сóньця обкури́тъ тымъ свóи дóньки и най тры рáзы обiйдýтъ хáту доўкóла!“

Прыйшлы́ оси́нни мясны́ци—прыйшлы́ до кумы́ сватачи́, а що бáба дóбрэ ви́но дáла, то въ зы́мни мясны́ци прыйшлы́ по дрýгу, а по Вэлы́цидны виддáлася й трэта. Бáба надавáла ворóжци всячыны—и варэнэ, и пэчэнэ, всимъ ей обдарувáла, щó хоти́ла. А щэ до тóго розголосы́ла, що онá слáўна ворóжка, то такъ до нэи людэ йшлы, якъ по сьвячэну вóду.

(Отъ Антона Лазоревича въ Крушельницѣ.)

---

*) См. ниже—въ приложеніяхъ—повѣрья о дикой бабѣ.

71.

Околдованный мужъ.

Такъ ходыў кумъ до кумы́. Алэ тота́ кума́ ма́ла чолови́ка тай хотила го счэрува́ты, абы́ винъ ницъ нэ вы́диў и нэ чуў. Пишла́ она́ до воро́жки, абы́ йій въ тимъ пора́дыла. Воро́жка йій да́ла такі́й порошо́къ, що якъ то́го всы́плэ до стра́вы, то чолови́къ за́разъ и осьли́пнэ, и оглу́хнэ. Алэ той ей чолови́къ пидслу́хаў тоту́ ихъ пора́ду,—ну, а́лэ нэ каза́ў жи́нци ницъ. Тай она́ схова́ла той порошо́къ у скры́ню, хоти́ла му вжэ вэ́чиръ да́ты до вэчэ́ри. Алэ винъ то зо скры́ни гэтъ вы́сыпаў, а тамъ йій на тото́ ми́сцэ положы́ў по́рошку зъ пороха́,—а́лэ она́ о тимъ ничо́ нэ зна́ла.

Тай такъ ввэ́чиръ жи́нка зварыла порошо́къ тай му ся да́ла напы́ты. Винъ вы́пыў тай пото́му ка́жэ до нэ́и: „Йой, жи́нко, та-бо́ я чого́-сь нэ вы́джу!“ Дала́ му щэ ся напы́ты, а винъ ка́жэ: „Йой, та я вжэ й нэ чу́ю!“ Тай тогды́ ля́гъ сы на за́пичь спа́ты.

А въ ночы́ прыйшо́ў кумъ до его́ жи́нки. Тай она́ ся тогды́ пыта́е чолови́ка: „Цы чу́ешь ты що́, цы вы́дышь що́?“—„Ани нэ чу́ю, а́ни нэ вы́джу!“—Она́ тогды́ взя́ла тай поста́выла на стиў пыроги́, смэта́ну, тай си́ла кума́ съ ку́момъ йи́сты. Алэ она́ вы́йшла на-двиръ, а чолови́къ тогды́ съ пэчы́ схо́пыўся, взяў макоги́нъ тай за́быў ку́ма. Тай запха́ў му пыри́гъ въ пы́сокъ, а самъ лягъ спа́ты. Ввійшла́ жи́нка до ха́ты тай ка́жэ: „Йой, цы вы́дышь ты, чолови́чэ, удавы́ўся кумъ пы́рогомъ!“ Винъ ка́жэ: „Э, то ба́йка!“

Тай тогды́ взяў ку́ма на плэ́чи тай пони́съ до па́на. Тай тамъ го поста́выў пидъ викно́ тай взяў клы́каты па́на, а́лэ панъ ся нэ обзыва́ў. Тогды́ винъ взяў тай вы́быў викно́, а самъ схова́ўся въ корчи́. А панъ вы́йшоў съ фу́зьоў тай стри́лыў до то́го мэрло́го пидъ викно́мъ, ажъ упа́ў. Тогды́ той зъ корчи́ў вы́бигъ тай ка́жэ: „То такъ, па́нэ? за́быў-есь хло́па? я тя, ка́жэ, видда́мъ до крымина́лу!“ Алэ панъ ся ду́жэ напу́дыў тай ка́жэ: „Йой, нэ кажы́ ницъ, бі́йся Бо́га! я́ ты дамъ, що́ хо́чэшь!“ Тай му то-

гды́ панъ даў до́ста гро́шэй тай ко́ни, котри́ найли́пши, тай винъ сы тогды́ пойи́хаў до-до́му и розбогати́ў на цилэ́ сэло́.

(Отъ Дмитрія Гавриляка въ Доброгостовѣ.)

72.

Ловкій воръ.

Такъ бу́лы два бра́тьи: ста́ршый буў бога́тый, а́лэ буў злóдіёмъ, а моло́дшый буў би́дный, а́лэ буў чэ́сный ɣа́зда. Ста́ршый нэ маў дитэ́й, а моло́дшый маў тры хло́пци. То ка́жэ той ста́ршый братъ до моло́дшого: „Дай ты мэни́ сво́го найста́ршого сы́на въ-пры́ймы; на́-що, ка́жэ, ма́е мій мае́токъ иты́ въ чужи́ ру́ки?—ёму́ лы́шу!“ И взяў сы найста́ршого сы́на и пишо́ў съ нымъ у лисъ. Тай той хло́пэць увы́диў въ ли́си фа́йни бу́ки. — „Стры́ку, ка́жэ, якъ-бы тоты́ бу́ки на чэ́твэро розколо́ў, то-бы булы́ фа́йни о́сы до во́за!“—Алэ той ка́жэ тогды́ до хло́пця: „Ой, тэбэ́ мэни́ нэ трэ́ба!“ Тай прыйшо́ў до бра́та и ка́жэ: „Бра́тэ, дай мэни́ сэрэду́щого сы́на, бо той нэзда́лый!“ Тай узя́ў сы сэрэду́щого хло́пця и пишо́ў съ нымъ у лисъ. А хло́пэць увы́диў фа́йни бэрэ́зы тай ка́жэ: „Стры́ку, изъ тыхъ бэри́зъ булы́-бы фа́йни оглобли́ до санэ́й!“ Тогды́ стрыкъ ка́жэ: „Ой, гэть сы иды́, мэни́ тэбэ́ нэ трэ́ба!“ Тай пишо́ў по наймоло́дшого хло́пця до бра́та.—„Дай мы, ка́жэ, наймоло́дшого хло́пця, бо ти ся мэни́ обыдва́ нэ сподо́балы!“—Тай и съ тымъ пишо́ў найпэ́ршэ у лисъ. А хло́пэць увы́диў въ ли́си фа́йни бу́ки. Ка́жэ: „То-бы до́брэ бу́ло ты́мы бу́камы комо́ры пидва́жуваты!“ Тогды́ стрыкъ ка́жэ: „Ажэ́нь ты мій, бо ты дба́ешь о злоді́йство!“

Тай иду́ть оны́ оба́ по́-пры госты́нэць, а тамъ жэнэ́ якій-сь хлопъ виўцю́. Тогды́ той хло́пэць ка́жэ: „Стры́ку, я́-бы ту виўцю́ укра́ў видъ нёго!“—„Ба, та якъ украдэ́шь, хиба́ го за́бьешь?“—„Ой ни! я съ нёго, стры́ку, и порткы́ ўкраду́!“—„Та крады́!“—Тай винъ тогды́ пишо́ў, обма-

стыў чо́битъ боло́томъ тай вэргъ напэ́рэдъ то́го хло́па на доро́гу. А той идэ́ по́-пры чо́битъ, а́лэ ся й нэ ды́вытъ на чо́битъ, бо буў ду́жэ обсмаро́ваный боло́томъ. Алэ хло́пэць зноў той чо́битъ ўхопы́ў тай обмы́ў тай полэ́тиў напэ́рэдъ хло́па и вэргъ вжэ чы́стый чо́битъ на доро́гу. Хлопъ увы́диў, що вжэ̑ дру́гый чо́битъ лэжы́тъ, тай гада́е сы: „О-то́, хто-сь па́ру чоби́тъ згубы́ў; нэ мигъ-жэ я тамто́й чо́битъ пидня́ты, то́-бы-мъ маў до́бру па́ру!“ Тай тогды́ огляну́ўся, жэ нико́го на доро́зи нэма́, прыпня́ў виўцю́ до дэ́рэва, чо́битъ положы́ў ко́ло нэ́и, а самъ вэрну́ўся наза́дъ по той дру́гый чо́битъ. А той тогды́ заби́гъ хло́пэць, ўхопы́ў виўцю́ и чо́битъ тай ути́къ. Хлопъ тамъ чо́бота шука́е-шука́е—ай нэма́. Вэрта́еся, а ту й то́го чо́бота нэма́, и виўци́ нэма́. А хло́пэць взяў, бо́рзо виўцю́ облупы́ў тай пэрэби́гъ то́го хло́па и запха́ў тоту́ шки́ру у боло́то, такъ що во́ўну бу́ло вы́дко—наво́рха во́ўноў. Хлопъ надiйшо́ў тай ка́жэ: „О-то́-сь ся ту́тка въ багно́ ўпакува́ла, а я тя шука́ю!“ Тай пусты́ўся за виўцэ́ў ли́зты, а́лэ жа́луваў портки́, абы́ нэ обтала́паты въ боло́ти, то здiймы́ў тай положы́ў на ка́минь, а тогды́ поли́зъ у боло́то. Тогды́ хло́пэць заби́гъ, портки́ ўхопы́ў тай ути́къ.

Тай тогды́ ка́жэ до стры́ка: „Стры́ку, мы тэпэ́рь бу́дэмъ ту виўцю́ пэчы́!“ Взя́лы виўцю́ пэчы́, а винъ тогды́ ка́жэ: „Стры́ку, я йду за водо́ў, бо мы ся пы́ты хо́чэ!“ Алэ взяў сы михъ, намы́каў травы́ у михъ тай взяў дручо́къ въ ру́ки тай въ той михъ бье, а самъ крычы́тъ: „Йой, ɣва́ўту! то нэ я виўцю́ краў, то мiй стрыкъ!“ А стрыкъ то за корчи́ма учу́ў, гада́ў сы, що то шанда́ры хло́пця бьютъ, то мя́со лышы́ў и ўтикъ. Той тогды́ прыйшо́ў, виўцю́ допи́къ, до́брэ сы попо́йиў тай пони́съ рэ́шту и прода́ў.

Алэ ся вжэ до стры́ка нэ вэрта́ў, лышэ́нь соби́ пишо́ў въ сьвитъ—на кра́дижъ.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

73.

Воръ Климко.

Такъ прыйшо́ў до ксёндза служы́ты хлопъ—называ́ўся Клымко́. Алэ винъ собі́ ду́жэ полюбы́ў доньку́ ксёндзову тай хоти́ў ся съ нэў побыра́ты. Алэ ксёндзъ ся о тимъ дови́даў тай ка́жэ до нёго: „Буд́эшь ся съ моёў донько́ў жэны́ты, якъ украдэ́шь у мэ́нэ що найкра́сши во́лы, якъ вы́йдутъ слу́гы на по́лэ ора́ты!" Тогды́ винъ пишо́ў до ми́ста, накупы́ў собі́ ку́рятъ тай пишо́ў съ ты́мы ку́рятамы на по́лэ. Алэ то було́ пидъ ли́сомъ, то винъ попуща́ў ку́рята тай ку́рята ся розлэ́тилы по ли́си. А ксёндзови слу́гы то увы́дилы тай поби́глы за ты́мы ку́рятамы въ лисъ—хоти́лы поймати. Тогды́ той Клымко́ заби́гъ, два во́лы ўхопы́ў тай забра́ў. Алэ якъ браў ти во́лы, то повидри́зуваў тымъ вола́мъ хвосты́ и дру́гымъ у пы́сокъ вола́мъ позатыка́ў, що ся лышы́лы въ плу́зи. Слу́гы прыхо́дятъ—воли́ў нэма́. Тогды́ гада́лы сы, що то быки́ едни́ дру́гыхъ ззи́лы, бо хвосты́ ма́лы въ пы́ску. А винъ ста́нуў сы на фосъ тай схова́ўся за ду́ба тай всэ клы́чэ: „Фы-фы-фи́ў, виў вола́ ззиў!" Слу́гы попрыйижджа́лы вжэ до-до́му, ксёндзъ ся пытáе: „А щэ два быки́ дэ?" Слу́гы ка́жутъ, що быки́ едни́ дру́гыхъ пойи́лы, а́лэ ксёндзъ ка́жэ: „То Клымко́ ўкраў!"

Тогды́ ка́жэ до нёго: „Ты щэ нэ бу́дэшь у мэ́нэ доньку́ сва́таты, ажъ по́ки нэ украдэ́шь у мэ́нэ ко́ни зо ста́йни!" А Клымко́ ка́жэ: „Вкраду́!" Прыйшо́ў вэ́чиръ, а ксёндзъ попрыпына́ў псы на бра́махъ, а шты́ры слу́гы стэрэглы́ ко́ни. Тогды́ Клымко́ взяў ґа́рнэць оковы́тки въ ко́рчми и взяў муки́, замисы́ў ти́сто на оковы́тци и даў то псамъ, то псы ся попы́лы, а винъ ихъ тогды́ повидпына́ў и на бра́махъ пови́сыў вси псы. Тогды́ самъ вы́лизъ на пи́дрю и зача́ў ка́паты оковы́ткоў до ста́йни, а слу́гы то почу́лы тай зача́лы ту оковы́тку лыза́ты, гада́ютъ сы: „О-то́, які́й файный дощь!" Тогды́ винъ узя́ў ту оковы́тку що-ра́зъ ду́жшэ льля́ты, то ся слу́гы гэтъ попы́лы и полига́лы спа́ты. Винъ крузь стэ́лю влизъ до ста́йни тай позвя́зуваў слу́гы вси за воло́сье доку́пы. Тогды́ сы витворы́ў двэ́ри, взяў ко́ни тай займы́ў

до-до́му. Ра́но выхо́дытъ ксёндзъ, ды́вытся, а псы на бра́махъ пови́шани; идэ́ до ста́йни, а тамъ ко́нэй нэма́, а слу́гы бью́тся, едэ́нъ на дру́гого крычы́тъ: „Пусты́ мы воло́сье!“ То ксёндзъ имъ воло́сье порозри́зуваў тай ка́жэ имъ: „О-то́-сьтэ ко́ни пыльнува́лы! ади́тъ, вжэ Клымко́ ўкраў!“

Алэ щэ ксёндзъ ка́жэ до Клымка́: „Щэ ты донькы́ нэ дамъ, по́ки щэ едну́ ричь нэ зро́бышь: якъ украдэ́шь у мэ́нэ зыγа́рокъ, то вжэ на-пэ́ўнэ ся бу́дэшь жэны́ты!“ А той зыγа́рокъ вы́сиў надъ ли́жкомъ, тамъ, дэ ксёндзъ спаў. Пишо́ў Клымко́ у ночы́, вы́копаў ўмэрло́го зъ гро́бу, прыни́съ пидъ викно́ тай пха́е крузь викно́ ўмэрло́го до ксёндза. Ксёндзъ гада́ў, що то ся Клымко́ пха́е, то взяў па́лашъ тай то́му ўмэрло́му го́лову видтя́ў. Тай тогды́ вы́йшоў зъ поко́ю, абы́ вжэ то́го дэ схова́ты, а Клымко́ за той часъ влизъ крузь викно́ до поко́ю, зыγа́рокъ ўхопы́ў тай пишо́ў.

Ра́но ксёндзъ вжэ ка́жэ до нього: „Щэ едно́: якъ мэнэ́ само́го украдэ́шь, то ты вжэ доньку́ дамъ на-пэ́ўнэ!“ —„Чому́ ни? украду́!“—Тогды́ пишо́ў Клымко́ до ми́ста до золотныка́, взяў сы золоты́й му́ндуръ и золоту́ па́лыцю—убра́ўся такъ, якъ сьвяты́й Пэтро́, и прыйшо́ў въ ночы́ до ксёндза и ка́жэ: „Ны́нька вси ксёндзы́ ма́ютъ иты́ на стра́шный судъ, то ходы́ и ты, бо я е сьвяты́й Пэтро́!“—„Почка́й щэ, сьвяты́й Пэ́трэ, най ся умы́ю!“—„Алэ бо́ршэ!“—Ксёндзъ ся умы́ў, ка́жэ: „Почка́й щэ, сьвяты́й Пэ́трэ, най попои́мъ на доро́гу!“—Алэ той ка́жэ: „На стра́шный судъ нэ трэ́ба и́исты!“ Тай ксёндзъ зибра́ўся, ка́жэ му тогды́ Клымко́: „Лизь у той михъ!“ Ксёндзъ зали́зъ у михъ, тогды́ той пони́съ ксёндза. Такъ вжэ по тэ́рню ксёндза воло́чытъ, по ками́ню, а ксёндзъ сы гада́е: „То пэ́ўно тэрно́воў доро́гоў мы йдэмъ до ца́рства!“ Пото́му зани́съ ксёндза тай пови́сыў такъ въ миху́ на ба́нта, тамъ, дэ ку́ры ночова́лы. Тай всэ йдэ тай ко́ўтае у двэ́ри, а ксёндзъ всэ ка́жэ: „О, Го́споды, прыйми́ мэнэ́ до ца́рства твого́!“ Тай пото́му Клымко́ тамъ лышы́ў ксёндза въ курныку́ тай пишо́ў спа́ты. Ра́но вы́йшлы служны́ци выпуща́ты ку́ры, а ксёндзъ ка́жэ: „Го́споды, чы я щэ до́ўго ту бу́ду въ чысты́лыщы?“ Служны́ци ся напу́дылы и поўтика́лы до ха́ты. Ажъ тогды́ Клымко́ ксёндза вы́пустыў зъ ми́ха на во́лю. Тай

вжэ тогды́ даў му ксёндзъ донькý тай винъ ся съ нэў ожэны́ў.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

74.

Какъ жидъ и жидовка вознеслись на небо.

Буў жыдъ дýжэ богáтый и тамъ ковáль ходы́ў до нёго; той ковáль зáўшэ пыў гори́ўку, áлэ нэ маў чымъ платы́ты, бо вжэ всё, що маў, пропы́ў, то жыдъ вжэ му нэ хоти́ў даваты гори́ўки. Тогды́ той ковáль дэ-сь роздобýў собí шýстку, купы́ў за шýстку сьвичóкъ, зробы́ў сы лихтáръ и прыйшóў у ночы́ до тóго жы́да пидъ викнó. И вси рáзомъ сьвичкí засьвиты́ў и кáжэ: „Мóйшэ, чы спышь ты?“—такъ ни́бы áнголъ кáжэ. —„Нэ сплю!“—„Абы́-сь ковалэ́вы подарувáў тоты́ грóши, що винъ ты вы́нэнъ, то пи́дэшь счаслы́вый до нэ́ба!“—„Подарýю, кáжэ, áлэ якъ я пи́ду до нэ́ба?“—„Лизь у кóмынъ—тамъ е волови́дъ, то засылы́ сы волови́дъ за шы́ю, а я тя вы́тягну до нэ́ба!“—Ну, той жыдъ поли́зъ у кóмынъ, засылы́ў сы волови́дъ на шы́ю, а ковáль тогды́ потягнýў—тай вжэ по жы́ди: пусты́ў дóли кóмыномъ трупъ.

Прыхóдытъ ковáль рáно, жыди́ўка му дáла гори́ўки тай кáжэ: „Мій чолови́къ пишóў въ ночы́ до нэ́ба; áлэ пэ́ўнэ дýжэ кляў, то го ви́дтамъ скéнулы тай упáў назáдъ!“ А ковáль кáжэ: „Мóжэ й васъ такъ вóзьмутъ до нэ́ба, áлэ абы́-сьтэ нэ кля́лы!“—„А дэ́ бы я кля́ла, я бýду сьпивáты!“—Прыхóдытъ ковáль другои нóчы, зноў той лихтáръ засьвиты́ў тай кáжэ: „Хáна, абы́-сь тóму ковалэ́вы заантэбэлювáла всій маéтокъ, бо на дрýгу ничь пидэ́шь до нэ́ба!“

У дрýгый дэнь онá заклы́кала коваля́ до сэ́бэ тай поантэбэлювáла ёмý вси дóбра.—„Бо я, кáжэ, тóи нóчы пи́ду до нэ́ба!“—Прыхóдытъ ковáль въ ночы́, клы́чэ: „Хáна, ходы́ до нэ́ба!“—„Та якъ мáю иты́?“—„Такъ, якъ твій чолови́къ ишóў: лизь у кóмынъ!“—Поли́зла Хáна у кóмынъ, за-

сылы́ла сы воловы́дъ за шы́ю, тогды́ кова́ль потягну́ў—ўмэ́рла вжэ й жыди́ўка. Тай такъ кова́ль оста́ў у тыхъ жыди́ўськихъ до́брахъ, богачо́мъ стаў на цилэ́ сэло́.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

75.

Жидовскій Мессія.

Такъ едэ́нъ чолови́къ служы́ў у жы́да до са́мои ста́росты, а на ста́ристь нэ змигъ вжэ робы́ты и згорба́тиў, то жыды́ го гэть нагна́лы. Алэ винъ такъ собі́ ду́мае: „Я тоты́ жыды́ му́шу чы́мо-сь змудрува́ты!“ Тай тогды́ пишо́ў до ми́ста и накупы́ў собі́ би́лого полотна́ тай шмаркачки́ў. Тай у ночы́ обвыну́ўся у то полотно́, взяў шмаркачкы́ и позастра́мкуваў на митлу́ тай такъ пишо́ў пэ́рэдъ ту жыди́ўську ха́ту. Тогды́ ти шмаркачкы́ вси позасьви́чуваў тай клы́чэ до викна́: „Мо́йшэлэ!“—такъ тры ра́зы сказа́ў, а́лэ Мо́шко нэ обзыва́ўся. Тогды́ вжэ сказа́ў такъ: „Мо́йшэлэ, я—а́нгэлъ съ нэ́ба! мэнэ́ Го́сподь посла́ў сказа́ты, що твоя́ Су́ра поро́дытъ Мэ́сыяша!“ Жыдъ то ўчуў, пэрэполо́шыўся, нэ мигъ на́вить сло́ва промо́выты. Идэ́ той хлопъ дру́гои но́чы до жы́да. Позатыка́ў сьвички́ на митлу́, позасьви́чуваў, стаў пидъ ви́кна тай клы́чэ: „Мо́йшэлэ, я—а́нгэлъ съ нэ́ба! твоя́ Су́ра поро́дытъ Мэ́сыяша!“ Тогды́ ра́но Мо́шко встаў, пишо́ў ра́дытыся до ра́бина. Ка́жэ: „Прыходы́ў а́нгэлъ съ нэ́ба, що моя́ Су́ра поро́дытъ Мэ́сыяша!“ Тай ра́бинъ ка́жэ: „До́брэ, а́лэ абы́-сь ся щэ запыта́ў, хто ма́е бу́ты отэ́цъ то́му Мэ́сыяшовы?“ Прыйшо́ў хлопъ трэ́тои но́чы, позасьви́чуваў сьвички́ пидъ ви́кнамы тай клы́чэ: „Мо́йшэлэ, Мо́йшэлэ! я—а́нгэлъ съ нэ́ба! твоя́ Су́ра поро́дытъ Мэ́сыяша!“ Тогды́ жыдъ ся пыта́е: „А хто ёму́ бу́дэ отэ́цъ?“ Ка́жэ той: „Ива́нъ Свэ́ціашъ!“ А то винъ ся такъ называ́ў—той хлопъ.

На дру́гый дэнь прыхо́дытъ жыдъ, такъ Ива́на про́сытъ, абы́ йшоў до ёго́ доньки́, жэ ду́жэ трэ́ба.—„Тобі́, ка́жэ, въ

насъ такъ до́брэ бўдэ—що́ схо́чэшь, то бўдэшь йи́сты й пы́ты, и гро́ши ты дамо́!"—Ива́нъ ни́бы сра́зу нэ хоти́ў, а́лэ пото́му зибра́ўся и пишо́ў до жыди́ў. Такъ го вжэ жыды́ шану́ютъ, такъ го го́стятъ цилы́й дэнь, якъ па́на. А ввэ́чиръ ужэ́ зла́ды-лы ли́жко—тай поляга́лы Ива́нъ съ Сўроў спа́ты. Алэ Ива́нъ клы́чэ въ ночы́: „Жы́дэ, сьвиты́!" А жыдъ ка́жэ: „Робы́, робы́!"

Тай пото́му та жыди́вочка ста́ла въ тяжы́. А Ива́нъ той цилы́й часъ у жыди́ў буў, жыў сы, якъ панъ, грошэ́й сы кима́ наскла́даў—тай тогды́ пишо́ў сы гэтъ. Алэ Сўра породы́ла то́го Мэ́сыяша; жыды́ ся ды́вятъ, а то сы́ксы-лысъ—ди́ўка! Тай тогды́ пишлы́ жыды́ съ Ива́номъ до сўду. Въ сўди ка́жутъ жыды́: „Ива́нэ, видда́й намъ гро́ши, бо то ма́ло бўты Мэ́сыяшъ, а ўроды́лося сы́ксылысъ!" Тогды́ Ива́нъ ка́жэ: „Иды́, дурны́й жы́дэ! чы я тоби́ тогды́ въ ночы́ нэ каза́ў, абы́-сь сьвиты́ў, а ты всэ крыча́ў: робы́, робы́!—то я на-по́тэмки нэ вы́диў до́брэ тай змылы́ўся—за́мисць Мэ́сыяша зробы́ў-емъ сы́ксылысъ!" Тогды́ го судъ видпра́выў, жэ нэ вы́нэнъ.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

76.

Жиды съ Иваномъ въ дорогѣ.

Такъ ишлы́ жыды́ въ доро́гу тай взя́лы соби́ Ива́на жыди́ўского. И ка́жутъ: „Ты ходы́ съ на́мы, бу-дэ́шь насъ прова́дыты!" И да́лы ёмў нэ́сты чэ́твэро хли́-ба, абы́ ма́лы що́ въ доро́зи йи́сты. Алэ Ива́нъ нисъ тай всэ соби́ то́го хли́ба лама́ў тай йиў. Посида́лы жыды́ по-лўднуваты, а ту нэма́—лышэ́ два хлибы́. Тай ка́жутъ: „Чўешь, Ива́нъ, а дэ е щэ двое хли́ба?"—„Та́-жэ о́ци е дво́е хли́ба!"—Жыды́ ка́жутъ: „Чўешь, Ива́нъ, зачни́мъ рахува́ты съ киньця́: пра́ўда, жэ бўло чэ́твэро хли́ба?"—„Та бўло!"—„Ну, а дэ́ е двое?"—„Та о́ци е дво́е!"—И такъ жы-ды́ всэ зачына́лы съ киньця́ рахува́ти, а́лэ Ива́нъ имъ всэ такъ-са́мо каза́ў, тай нэ моглы́ ёмў жыды́ то́го спэрэ́чыты.

Алэ пишлы́ да́льшэ и ишлы́ цилы́й дэнь, а у вэ́чиръ захо́пыла ихъ ничь въ ли́си. Тай тогды́ жыды́ ка́жутъ до нёго: „Чу́ешь, Ива́нъ, абы́-сь насъ положы́ў до́брэ спа́ты!“—„Поло́жу!“—ка́жэ.—„Алэ чу́ешь, Ива́нъ, абы́ жа́дэнъ зъ насъ нэ лэжа́ў съ-краю́, абы́ насъ воўки́ нэ ззи́лы!“—Тогды́ Ива́нъ найшо́ў мурашко́ву купы́ну вэлы́ку тай прыви́ў жыди́ў до то́и купы́ны, тай ка́жэ: „Клади́тся наоко́ло то́и купы́ны—голова́мы въ купы́ну, то жа́дэнъ нэ бу́дэ съ-краю́; а́лэ, ка́жэ, тыхо́нько лэжи́тъ, нэ ру́шайтэся, абы́ воўки́ нэ ўчу́лы!“ Тай жыды́ поляга́лы въ ту купы́ну, лэжа́тъ, а мурашки́ куса́ютъ. А Ива́нъ соби́ вы́рубаў до́бру па́лыцю, тай що жыдъ ся кы́нэ, а Ива́нъ жы́да па́лыцэў: „Ты́хо, ка́жэ, бо ту воўки́ е!“ И такъ быў жыди́ў, нэ дава́ў имъ встава́ты до́ўгый часъ. Алэ вжэ жыды́ нэ моглы́ вы́трыматы, то имъ вжэ позво́лыў става́ты. Вы́чэкалы яко́-сь до ра́на тай пишлы́ да́льшэ въ доро́гу.

Тай зноў ихъ вэ́чиръ захо́пыў въ ли́си. Ка́жутъ жыды́ до Ива́на: „Чу́ешь, Ива́нъ, абы́ намъ бу́ло до́брэ спа́ты! поклады́ насъ дэ высо́ко, абы́ вжэ ничо́ нэ куса́ло!“ Тогды́ Ива́нъ пишо́ў, найшо́ў ялы́цю высо́ку и тамъ на ялы́цы на вэршку́ накла́ў чэты́ны—зробы́ў жыда́мъ ли́жко. Тай ка́жэ: „Ну, вжэ ли́зьтэ, вжэ до́брэ спа́ты бу́дэтэ!“ И жыды́ тамъ повылиза́лы на ялы́цю тай ка́жутъ: „Чу́ешь, Ива́нэ, обруба́й гылье́ до́ли ялы́цэў, абы́ ту воўки́ до насъ нэ вы́лизлы!“ Тай Ива́нъ взяў, обруба́ў гылье́ на ялы́цы, такъ що ся нэ лышы́ло а́ни едно́го су́ка. И лягъ соби́ пидъ ялы́цэў, спаў до ра́ня. Алэ ра́но жыды́ побуды́лыся тай клы́чутъ: „Чу́ешь, Ива́нъ, до́брэ бу́ло спа́ты, а́лэ куды́ намъ тэпэ́рь злиза́ты?“ А Ива́нъ ка́жэ: „Йима́йтэся едэ́нъ вэршка́, а то́го най ся йима́е дру́гый, пото́му дру́гого трэ́тый, такъ едэ́нъ по дру́гимъ ажъ на зэ́млю!“ Пойима́ўся такъ едэ́нъ жыдъ гыли́, а дру́гый злизъ до́ли нымъ тай ся чэпы́ў ёго́ нигъ, тай такъ ся що-сь шты́ры пойима́лы едэ́нъ за дру́гого; а гыля́ ся тогды́ ўломы́ла тай жыды́ тогды́ попа́далы вси на зэ́млю и побы́лыся на-смэ́рть. А Ива́нъ забра́ў видъ ныхъ всё, що́ ма́лы, гро́ши и всё, тай пишо́ў соби́ до-до́му.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

77.

Тяжба жида съ Иваномъ.

Йи́хаў жыдъ у доро́гу тай сы наймы́ў Ива́на, абы́ му на во́зи кра́мщыну стэри́гъ. Тай оны́ йи́дутъ, а тамъ на доро́зи вэлы́ке багно́. Тогды́ жыдъ ка́жэ: „Ива́нэ, куды́ мы пойи́дэмо?“—„Жы́дэ, обйи́дьмо чэ́рэзъ фо́су, бо мы ся въ тимъ багни́ пото́пымо!“—Тай жыдъ тогды́ зача́ў коня́ бы́ты, абы́ скака́ў чэ́рэзъ фо́су, тай кинь пэрэско́чыў, а Ива́нъ за той часъ вы́тягнуў жы́довы гро́ши зъ кешэ́ни тай схова́ў. Пэрэйи́халы чэ́рэзъ фо́су, жыдъ до кешэ́ни, а гро́шэй нэма́.—„Ива́нъ, дэ ты мэни́ гро́ши поди́ў?“—Ива́нъ ка́жэ: „Ты дурны́й жы́дэ, а дэ-жъ я твои гро́ши вы́диў?“—„Ива́нъ, то ходи́мъ до су́ду, ты мэни́ гро́ши ўкра́ў!“—Ива́нъ ка́жэ: „А дэ-жъ бы я съ тобо́ў, жы́дэ, до су́ду йшоў?“

Тогды́ жыдъ зача́ў просы́ты: „Ива́нъ, якъ пидэ́шь зо мноў до су́ду, то я тоби́ до́брэ заплачу́!“ А Ива́нъ ка́жэ: „Та я-бы вжэ пишо́ў, а́лэ обдэ́ртый нэ мо́жу йты; купы́ мэни́ кожу́хъ!“ Жыдъ пишо́ў, купы́ў кожу́хъ. Ну, Ива́нъ ка́жэ: „Та якъ такъ пи́ду съ про́стоў головоў? купы́ мы ша́пку!“ Жыдъ купы́ў ша́пку, ка́жэ: „Ну, Ива́нъ, вжэ ходы́!“—„Я бо́сый нэ пи́ду пэ́рэдъ судъ! купы́ мы щэ, ка́жэ, чо́боты!“—Жыдъ купы́ў и чо́боты. Тогды́ ся Ива́нъ файно ўбраў, а́лэ ка́жэ до жы́да: „Я нэ пи́ду пихото́ў, бо мэнэ́ но́гы боля́тъ; дай мы сво́го коня́!“ Жыдъ даў ёму́ коня́—сиў сы Ива́нъ на коня́, а жыдъ за нымъ бижы́тъ пи́шки.

Ну, прыйи́халы оны́ пэ́рэдъ судъ, пыта́еся панъ: „Що́ вы ту хо́чэтэ?“ А жыдъ зача́ў каза́ты: „Мы йи́халы на бэски́дъ, а мій кинь скикъ, кешэ́ня ся продэ́рла, гро́ши пацъ, а Ива́нъ хапсъ!“ Тогды́ панъ ся пыта́е Ива́на: „То ты ўкраў жы́довы гро́ши?“ А Ива́нъ ка́жэ: „Алэ-о́, про́шу па́на, та дэ́ я его́ гро́ши вы́диў? отъ, жыди́ўска на́пасть!“ Тай ка́жэ до жы́да: „Мо́жэ щэ ска́жэшь, що то твій кожу́хъ, що на мни?“ А жыдъ ка́жэ: „Та пэ́ўно, що мій!“—„То мо́жэ й чо́боты тво́и? и ша́пка твоя́?“—„Ба, та чый-жъ? та мои́!“—„А мо́жэ то щэ и кинь твій?“—„Або що́, Ива́нэ, мо́жэ нэ мій?“—Тогды́ судъ гада́ў сы, що якій-сь жыдъ а́бо дурны́й,

а́бо зло́дій, тай ка́жэ: „Чого́ ты, пола́манцю жы́дэ, хо́чэшь видъ то́го γа́зды?“ Тай жы́да тамъ набы́лы-набы́лы, а Ива́нъ сы пойи́хаў, якъ панъ, своёў доро́гоў.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

78.

Какъ жидъ леталъ.

Буў едэ́нъ хло́пэць, пасъ худо́бу. И сиў сы въ ситны́къ и плиў зъ ситныку́ кры́ла. А жыдъ идэ́ зъ вэлы́кои доро́гы тай пыта́еся: „Що́ ты ту, хло́пчэ, ро́бышь?“—„Плэту́ кры́ла изъ ситныку́; а вы ви́дки, жы́дэ?“—Жыдъ ка́жэ: „Иду́ зъ ярма́рку та хоти́ў-бы-мъ щэ пэ́рэдъ вэ́чэромъ до́ма бу́ты, бо ша́басъ заха́пуе!“—Тогды́ хло́пэць ка́жэ: „Ой, вы ны́нька вжэ нэ зайдэ́тэ до-до́му, бо вжэ пи́зно; а́лэ, ка́жэ, купи́тъ сы въ мэ́нэ тоти́ кры́ла за сто ры́нськихъ, то й за пиў годы́ны залэ́тытэ!“—Даў жыдъ со́тку и пыта́еся: „А цы тоти́ кры́ла сами́ прыросту́тъ, цы ты ихъ прышы́ешь?“—„Нье, жыду́ню, я вамъ прывя́жу до рукъ!“—Тай прывяза́ў жы́довы тоти́ кры́ла до рукъ и ка́жэ: „Тэпэ́рь ли́зьтэ на ду́ба, а съ ду́ба вжэ полэ́тытэ, якъ птахъ!“

Жыдъ вы́лизъ на ду́ба у самы́й вэршо́къ тай клы́чэ на хло́пця: „Хло́пчэ, бува́й здоро́ў, я лэ́чу!“—„Нэ ви́льно,—ка́жэ хло́пэць,—я нэ позваля́ю!“—Жыдъ говоры́тъ съ ду́ба у-дру́гэ: „Хло́пчэ, бува́й здоро́ў, я лэ́чу!“—„Я нэ позваля́ю, нэ ви́льно!“—Жыдъ ка́жэ въ-трэ́тэ: „Я вжэ лэ́чу, бува́й здоро́ў!“ Тай пусты́ўся съ ду́ба, лэты́тъ до́ли гылёмъ на зэ́млю тай всэ крычы́тъ: „Соло́мы, соло́мы!“ А якъ вжэ упа́ў на зэ́млю, ка́жэ: „Вжэ мы нэ трэ́ба соло́мы, вжэ-мъ здохъ! охъ!“

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

79.

Какъ жидъ высидѣлъ изъ арбуза коня.

Едэ́нъ ɣа́зда маў гарбузы́ тай взяў сы тры гарбузы́ и пишо́ў до ми́ста. Тамъ въ ми́сти сиў собі́ на торго́выцы и сиды́тъ исъ ты́мы гарбуза́мы. И прыйшо́ў жыдъ идъ нёму, пыта́еся—що́ то таке́ винъ ма́е? Хлопъ ка́жэ: „То кобы́лячи я́йця!“—„А що́ хо́чэшь за таке́ яйцэ́?“—„Э,—ка́жэ хлопъ,—ты, дурны́й жы́дэ, нэ ку́пышь то́го, то дорогэ́!“—Алэ жыдъ даў му пя́тку и купы́ў едно́го гарбуза́. Тай пыта́еся: „А якъ то трэ́ба сыди́ты на тимъ яйцы́?“ Ка́жэ хлопъ: „Бу́дэшь сыди́ты шты́ры нэди́ли, то вы́лизэ лоша́!“

И жыдъ прыни́съ до-до́му то яйцэ́, зла́дыў сы ко́шыкъ, поло́жыў яйцэ́ у ко́шыкъ, сиў и сиды́тъ. Сиды́тъ-сиды́тъ, вы́сыдиў шты́ры нэди́ли, а́лэ кинь нэ вы́лизъ. То щэ посады́ў жи́нку на шты́ры нэди́ли сыди́ты на яйцы́. Вы́сыдила вжэ й жи́нка свій часъ, а́лэ нэма́ коня́. А жыдъ роззло́стыўся тай хо́пыў тото́ яйцэ́ тай вэргъ крузь викно́ у горо́дъ у капу́сту. А тамъ у капу́сти сыди́ў за́яць; тай якъ жыдъ вэргъ тымъ гарбузо́мъ, то за́яць ся спу́дыў и полэ́тиў. То за́яць утика́ў, а жыдъ гада́ў, що то лоша́ вы́скочыло зъ яйця́, тай бижы́тъ за нымъ тай крычы́тъ: „Сцё-сцё, чэка́й, я твій та́то!“ И лэти́ў за за́яцёмъ, до́ки мигъ. А пото́му ся вэрну́ў до жи́нки тай ка́жэ: „Ой, кобы́-сь щэ бу́ла сыди́ла зъ годы́ну, то бы буў кинь!“

Тогды́ жыды́ щэ дурни́ бу́лы.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

80.

Жидовское войско.

Такъ жыды́ зибра́лы собі́ во́йсько тай узя́лы Іва́на, абы́ ихъ водыў. Тай прыйшла́ ничь — захо́пыла ихъ въ ли́си. Тогды́ жыды́ ка́жутъ до Іва́на: „Іва́нъ, абы́ ты насъ до́брэ виў, то мы тобі́ вэлы́ки гро́ши дамо́!“ А той найста́ршый ихъ султа́нъ ка́жэ: „А якъ ты насъ до́брэ нэ бу́дэшь водыты, то мы тэбэ́ за́бьемо!“ Той Іва́нъ знаў въ ли́си до́бри стэжки́, а́лэ винъ ихъ туды́ нэ водыў, лышэ́ по гу́щохъ по вэлы́кихъ.

Пэрэвиў жыди́ў чэ́рэзъ лисъ, а тамъ бу́ло по́лэ съ грэ́чкоў. Тогды́ жыды́ ка́жутъ: „Іва́нъ, оць вода́!“ Алэ Іва́нъ ка́жэ: „Та дэ́ то вода́? то грэ́чка!“ Тогды́ той найста́ршый султа́нъ ка́жэ: „Цы вода́, цы грэ́чка, моé во́сько маршъ!“

Тай пэрэйшлы́ чэ́рэзъ грэ́чку, надійшлы́ идъ вэлы́кій води́. Жыды́ ка́жутъ: „Ой, Іва́нэ, вода́!“ Алэ Іва́нъ ка́жэ: „Які́ вы, жыды́, дурни́! та то щэ ли́шша грэ́чка, нэ вода́!“ Тай ка́жэ: „Якъ хо́чэтэ стлу́мыты ґа́зди всю грэ́чку, то постава́йтэ вси рядо́мъ и дэржи́тся за ру́ки и такъ машэру́йтэ вси ра́зомъ!“ Тогды́ жыды́ постава́лы рядо́мъ, а Іва́нъ собі́ стаў на-бо́ци. Тай той найста́рщый жыдъ ка́жэ: „Цы грэ́чка, цы вода́, моé во́сько маршъ!“ Якъ поскака́лы жыды́ въ во́ду, то всі́ ся до е́дного потопылы.

И видтогды́ вжэ жыди́ўского во́йська нэма́.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

81.

Попъ и работникъ.

Прыйшо́ў до ксёндза служы́ты хлопъ—называ́ўся Іва́нъ. Робы́ў зъ ты́ждэнь на про́бу, а пото́му ксёндзъ ка́жэ: „Ну, тра ся годы́ты!“ Алэ слуга́ ка́жэ: „Я абы́ буў нэ го́лый тай нэ голо́дэнъ, то нічо́го бі́льшэ нэ потрэбу́ю; а́лэ, ка́жэ, абы́ ся ксёндзъ ні́ҁды на мэ́нэ нэ гні́ваў!“ Тай такъ ся згодылы, щобы́ ся еда́нъ на дру́гого нэ гні́ваў, бо котры́й ся бу́дэ гні́ваты, то́му дру́гый нісъ видрі́жэ.

А той ксёндзъ буў дужэ бога́чъ: оборо́гы, збі́жэ по кі́лька литъ тамъ у нёго стоя́ло. Тай ка́жэ ксёндзъ до Іва́на: „Иды́ въ сэло́ по змло́цки—тра збі́жэ молоты́ты!“ А винъ ка́жэ: „Я тоту́ дрі́бку й самъ помоло́чу!“ Алэ пишо́ў до стодо́лы, взяў ципъ у ру́ки тай ка́жэ: „Я такі́мъ ці́помъ нэ ўмі́ю молоты́ты!“ Пишо́ў до лі́са, вы́рубаў сы тэ́нҁого гра́ба на біякъ, а бучка́ на ципы́ўно, зробы́ў сы ципъ и пишо́ў молоты́ты. Тай за-дэ́нь всё збі́жэ, яке́ дэ бу́ло, помолоты́ў, а́лэ всё змиша́ў доку́пы: грэ́чку, про́со, ячмі́нь, пшэны́цю—всё ра́зомъ. Тогды́ ксёндзъ выхо́дытъ до стодо́лы тай ажъ кры́кнуў: „А ты що́ ту, Іва́нэ, наробы́ў?“—„Та що́ тако́го, еҁо́мость?“—„Та́-жэ-сь всё доку́пы помиша́ў, зопсува́ў-есь мы всю пра́цю!“—А винъ тогды́ пыта́еся: „Ну, а́лэ нэ гні́ваетэся, еҁо́мость?“—„Та ни!“—„Ну, то и я ся нэ гні́ваю!“—А пото́му взяў едно́ зэ́рно ў ру́ки и такъ що-сь съ тымъ зэ́рномъ прымо́вы́ў, що ко́ждэ збі́жэ ста́ло зноў окрэ́мо, ко́ждэ таке́ чы́стэ, якъ-бы на млынку́ вы́млынкуваў. Ксёндзъ ды́вытся, ті́лько головоў покы́ваў тай ка́жэ: „Ну, до́брэ!“

На дру́гый дэнь вжэ ксёндзъ ка́жэ: „Бэры́ во́лы, йидь до лі́са по дрыва́!“ Тай винъ пойи́хаў. Прыйи́хаў до лі́са, а́лэ нэ руба́е дэ́рэва, ино́ рука́мы бу́ки вырыва́е съ корі́нёмъ. Накла́ў по́ўну фі́ру тай щэ пишо́ў за едны́мъ бу́комъ, а мэдвэ́ди зайшлы́ тай за́былы во́лы. Винъ прыйшо́ў, якъ то увы́диў, ўхопы́ў два мэдвэ́ди тай запря́гъ до ярма́; быкі́ў лышы́ў въ лі́си, пойи́хаў мэдвэ́дямы до-до́му. Прыйи́жджа́е на подві́рье—вы́бигли

вси дывы́тыся: така́ фи́ра вэлы́ка, що страхъ, а мэдвэ́дямы вэзэ́. Тай ка́жэ ксёндзъ: „А ты що́, Ива́нэ, зробы́ў? дэ во́лы?“ —„Мэдвэ́ди во́лы побы́лы, то-мъ, ка́жэ, мэдвэ́дямы прыйи́хаў! а́лэ нэ гни́ваетэся, еҁо́мость?“—„Ни-ни!“—„То и я ни!“

Алэ ксёндзъ прыйшо́ў до поко́ю тай жу́рытся съ йимо́сцэў, ка́жэ: „Отъ, биду́-сьмо яку́-сь прыня́лы—а́ни го трыма́ты, а́ни видпра́выты!“ Йи́мость тогды́ ка́жэ: „Пойи́дь до ди́дыча, мо́жэ винъ тоби́ якъ пора́дытъ?“ Запря́гъ ксёндзъ ко́ни, вьо! —пойи́хаў до па́на. Тай вжэтамъ розпови́ў па́новы— яка́ го ся бида́ ўчэпы́ла, що́ ту съ слуго́ў робы́ты? А панъ ка́жэ такъ: „Скажи́тъ му, що вы у мэ́нэ купу́етэ си́но, то най винъ до мэ́нэ пры́йдэ подывы́тыся на то си́но—чы до́брэ? а я ту, ка́жэ, спу́щу на нэ́го тако́го бугая́, що щэ ни́ҁды зъ ста́йни нэ выходы́ў, то винъ го за́бье!“ Ксёндзъ ути́шыўся, пойи́хаў до-до́му и за́разъ посыла́е Ива́на до то́го ди́дыча. Той пишо́ў, прыхо́дытъ до двора́, а панъ пыта́еся: „Ты що́ ска́жэшь?“—„Дэ-сь ту, ка́жэ, нашъ ксёндзъ купы́ў си́но, то-мъ прыйшо́ў подывы́тыся!“—А панъ показа́ў руко́ў на вэлычэ́зну сты́рту, що мо́жэ й два́йцить фиръ си́на бу́ло, тай ка́жэ: „А-во́, тоту́ сты́рту ксёндзъ хо́чэ купы́ты!“ Той Ива́нъ тогды́ ка́жэ:„Оў-ва́, до то́го нэ трэ́ба-бы на́вить фи́ры бра́ты; возьму́ на плэ́чи тай понэ́су!“—„Якъ ты тоту́ сты́рту во́зьмэшь на плэ́чи,—ка́жэ панъ,—то я тоби́ ей подару́ю!“— Винъ тогды́ пишо́ў, поназбы́руваў ланьцухи́ў тай мотузя, обвяза́ў сты́рту нау́кола, на плэ́чи пидни́съ тай нэсэ́. Сы́ла! А панъ тогды́ крычы́тъ до на́ймытиў: „Пуска́йтэ бугая́!“ Той лэты́тъ за Ива́номъ,—бу-у́, бу-у́,—а Ива́нъ ся схылы́ў тай бугая́ за хвистъ тай на сты́рту—вжэ й бугая́ нэсэ́. Тай пони́съ то соби́ до-до́му.

Тогды́ вжэ зноў ксёндзъ ра́дытся съ йимо́сцэў—що́ ту робы́ты съ Ива́номъ? Тай йи́мость ка́жэ: „До́сыть намъ жаль за мае́ткомъ, а́лэ лыши́мъ всё и утика́ймо, щобы́-сьмо хоть съ душо́ў якъ ути́клы видъ биды́!“ Тай ура́дылыся—въ ночы́, якъ Ива́нъ за́снэ, утика́ты. Алэ винъ тоту́ ихъ розмо́ву пидслу́хаў—тай вэ́чиръ лягъ спа́ты, харчы́тъ такъ, ну, вжэ спытъ. Тогды́ ксёндзъ съ йимо́сцэў зача́лы ся збыра́ты въ доро́гу. Дэ́-що найли́пшэ, яке́ кра́снэ фа́нтя, кныжки́ му́дри, то всё позбыра́лы въ тлумаки́, абы́ взя́ты съ собо́ў. Алэ щэ пишлы́ чого́-сь до дру́гого поко́ю, а Ива́нъ борзэ́нько встаў, кныжки́ зъ тлумака́ вы́кидаў и влизъ та́мка

самъ и сыды́тъ. Оны́ прыйшлы́, взя́лы тлумакы́ на плэ́чи тай пишлы́. А Ива́нъ на доро́зи схылы́ў въ мишку́ го́лову на́-дилъ тай такъ лэго́нько, ни́бы дэ сда́лэку, крычы́тъ: „Чэка́йтэ на мэ́нэ, ксендзу́ню, но-о́!" Оны́ гада́лы, що Ива́нъ за ны́мы бижы́тъ, тай зача́лы собі́ бі́чы, що сылъ ма́лы. Винъ тогды́ зно́ву такъ схылы́ўся тай крычы́тъ вжэ гэй голоснíйшэ: „А чэка́йтэ мэнэ́, но-о́!"—„Ой,—ка́жэ ксёндзъ,—Ива́нъ ужэ́ туй-туй нэдалэ́ко!" Тай тамъ булы́ корчі́ надъ ставо́мъ, то оны́ вжэ тамъ въ корчі́ забі́глы тай ся схова́лы. Тай скэ́нуў ксёндзъ тлума́къ на зэ́млю, ажъ бэ́ўкнуло. А Ива́нъ ка́жэ зъ тлумака́: „Ой-ой-ой, а то́-сьтэ мя лэго́нько кэ́нулы!" А оны́ ся тогды́ напу́дылы, ка́жутъ: „А тамъ хто?"—„Та я!"—„Які́й я?"—„Та я, ка́жэ, Ива́нъ!"—Тогды́ вы́лизъ изъ мишка́ тай ка́жэ: „Вы йшлы, а я ся маў лыша́ты? а гні́ваетэся, еγо́мость?"—„Ни!"—„Ну, то и я ни!"

Тогды́ вжэ ка́жэ ксёндзъ: „Вжэ въ ночы́ нэ будэ́мъ вэрта́ты до-до́му, ночу́ймо туй: ты, Ива́нэ, ляга́й видъ ставу́, я ля́жу видъ доро́гы, а йи́мость въ сэрэды́ни бу́дэ спа́ты!" Тай такъ тамъ поляга́лы. Якъ вжэ зача́ў Ива́нъ храпі́ты, тогды́ ксёндзъ ка́жэ до йимо́сци: „Най щэ Ива́нъ лі́пшэ за́снэ, то ты го возьмэ́шь за но́гы, а я за го́лову, тай кэ́нэмъ го въ ставу́!" Чэка́ютъ-чэка́ютъ тай—зъ доро́гы зму́чэни—поснýлы. Тогды́ Ива́нъ встаў, йи́мость перэсу́нуў на своё мі́сцэ видъ краю́, а самъ сы лягъ въ сэрэды́ну тай лэжы́тъ. Ксёндзъ ся пробуды́ў тай шэ́пчэ: „Йи́мость, встава́й, будэ́мъ биду́ топы́ты! бэры́ за но́гы!"—гада́ў ксёндзъ, що то йи́мость ко́ло нёго лэжы́тъ. Тай Ива́нъ встаў, взяў йи́мость за но́гы, а ксёндзъ взяў за го́лову,—якъ розмахну́лы, тай въ саму́ сэрэды́ну ставу́—бухъ! Тогды́ ксёндзъ ка́жэ: „Отъ-та́мъ съ тобо́ў до чо́рта!" А Ива́нъ ка́жэ: „Отъ-та́мъ до ди́дька!" Тогды́ ксёндзъ пизна́ў, що то Ива́нъ, нэ йи́мость, тай ка́жэ: „Ива́нэ, та мы йи́мость утопы́лы!" А Ива́нъ ка́жэ: „А мэні́ що́ до то́го? каза́лы-сьтэ, то́-мъ кэ́нуў! а́лэ нэ гні́ваетэся, еγо́мость?" А ксёндзъ вжэ буў ду́жэ лю́тый тай кры́кнуў: „Иды́ собі́ вжэ разъ до чо́рта!" Тогды́ Ива́нъ ксёндза ўхопы́ў, видри́заў му нисъ тай пусты́ў ксёндза бэзъ но́са. А самъ вжэ пишо́ў собі́ въ сьвитъ на ва́ндэръ.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

82.

Шальной работникъ.

а). Прыйшóў Ивáнъ до еγомóсця гóдытыся на слýжбу. Якъ ся годы́лы, кáжэ Ивáнъ такъ: „Я ницъ нэ хóчу, áлэ ся мýшу тры рáзы нá-дэнь γýэзыты!“ Ксёндзъ сы гадáе: „Та щó мэни́ то шкóдытъ? най бýдэ!“

Пишóў винъ орáты на пóлэ съ ксёндзомъ. Годы́ну орáў, якъ ся налэ́жытъ, а потóму лэты́тъ до-дóму—поγэ́зыўся. Прылитáе на подви́рье, крычы́тъ тáмка. Алэ́ у йимóсци въ покóйы буў дякъ. Якъ йи́мосць учýла, що слугá лэты́тъ, кáжэ дякóвы: „Ой-ой, ховáйся въ грубу!“ Дякъ поли́зъ въ грýбу, а Ивáнъ вжэ въ покóйы. Йи́мосць го ся пытáе: „А чогó ты, Ивáнэ?“ А Ивáнъ кáжэ: „Та дýжэ на пóлы сьниги́, завэрýха, то-мъ прыйшóў до-дóму!“ (А то бýло ли́то—сóничко ажъ пэклó.) Тай кáжэ Ивáнъ: „Казáлы еγóмосць въ грýби запалы́ты!“ Набрáў тогды́ грэ́чанои солóмы, запалы́ў въ грýби, а дякъ тамъ дýшытся, чы́хае; якъ ся дóбрэ дымъ закуры́ў, дякъ вжэ нэ мигъ вы́трыматы тай зъ грýбы—вьо!—ўтикáе. Кáжэ тогды́ Ивáнъ до йимóсци: „О-о-ó, яка́-сь бидá зъ грýбы полэ́тила!“ (Алэ Ивáнъ знаў, що то дякъ хóдытъ до йимóсци.) Тогды́ йи́мосць далá Ивáновы гори́ўки тай винъ пишóў зноў орáты.

Орáў зноў зо дви годы́ны тай зноў до-дóму лэты́тъ. Гóнытъ по подви́рью, а дякъ тамъ знóву въ покóйы. Йи́мосць кáжэ: „Ой-ой, та Ивáнъ знóву е! дэ-жъ ту дякá сховáты?“ А тамъ стоя́ла въ си́нёхъ на схóдахъ бóчка съ клóчомъ; тай дякъ тáмка влизъ до тóи бóчки, накры́ўся клóчомъ тай сыды́тъ. Прылитáе Ивáнъ, кáжэ: „Воловóды ся на волáхъ пирвáлы, тра клóчье брáты тай сукáты нови́!“ Тай поли́зъ на схóды, хóпыў тотý бóчку съ дякóмъ тай съ-горы́ кéнуў по схóдахъ на зэ́млю, ажъ ся бóчка розсы́пала. Дякъ лэ́дво встаў—такъ ся дýжэ побы́ў—тай поли́зъ гэтъ. А Ивáнъ зноў забрáўся въ пóлэ.

Алэ ся завэрнýў тай слýхае пидъ викнóмъ—щó бýдэ йи́мосць съ дякóмъ рáдыты? Йи́мосць кáжэ до дякá такъ: „Ты вжэ до мэ́нэ нэ ходы́, бо бидá спокóю нэ даé! áлэ

якъ заўтра будэшь оráты, то я наварý-напэкý и тобí то вынэсу въ полэ!“ Тай вжэ на другый дэнь пишóў Иванъ съ ксёндзомъ оráты на своé пóлэ, а дякъ такъ нэдалэко — гэй за горбóмъ — на своé. Алэ дякъ маў еднóго пэрúстого быкá, а другого чóрного, а у ксёндза обá быкú чóрни булы, а пэрúстого нэ було. Щó-жъ Иванъ рóбытъ? Зняў съ сэбэ ногавыци тай пэрэвязáў нымы свóго еднóго быкá на-попэрэкъ чэрэзъ чэрэво, такъ що вжэ быкъ буў сдáлэку гы пэрúстый. А йимость надiйшлá и гадáла сы, що то дякъ óрэ, колы быкъ е пэрúстый, тай прыйшлá ажъ идъ нымъ; якъ прыйшлá, то вжэ нэ моглá ся вэртáты до дякá, — ну, щó-жъ робыты? Постáвыла тамъ пэрэдъ ныхъ то йиджэнье — пырогы, пэчэни, гэтъ всё, бо наладыла дóбрэ для дякá. Тай тогды пытáеся Ивáна: „А ты щó такé съ быкóмъ зробыў?“ А Иванъ кáжэ: „Дужэ овадьé тнэ вóлы, то-мъ пэрэвязáў штанáмы!“ Тай тогды ся ксёндзъ съ Ивáномъ дóбрэ найилы и напылыся горúўки, а йимосць кáжэ: „А нэ знáешь ты, Иванэ, дэ рэентъ óрэ?“ — „О-тáмъ, кáжэ, за горбóмъ!“ — Кáжэ тогды йимосць: „Нá-жъ, виднэсы то, щó ся лышыло, рэéнтовы!“ Иванъ пишóў за горбóкъ, горúўку выпыў до-рэшты, мясо ззиў, а пырогы всэ кидáў на зэмлю. Тай вэрнуўся, нэ ходыў до дякá. Прыхóдытъ, а йимосць ёгó ся пытáе: „А дáў-есь рэéнтовы?“ — „Дáў-емъ, краснó дякуваў!“

Тай взяў зноў оráты, а ксёндзъ такъ пишóў собí на горбóкъ. И йдэ ксёндзъ тоў стэжкоў, выдытъ пырогы, що Иванъ накéдаў, тай всэ пидóймэ пырúгъ въ кешэню, гадáе сы: „Шкóда!“ А йимосць то увыдила тай пытáеся Ивáна: „Ивáнэ, а щó тамъ еѵóмосць такъ сбырáе?“ Иванъ кáжэ: „Оны ся вжэ довúдалы, що рэентъ дo васъ хóдытъ, то збырáютъ камúнье, бо хóчутъ вамъ гóлову розбыты!“ Тогды йимосць зирвалася тай зачáла утикáты до-дóму. А ксёндзъ прыхóдытъ, пытáеся Ивáна: „Чогó такъ йимосць побúгла жыво?“ Иванъ кáжэ: „Вáша пáсика горытъ!“ Тогды ксёндзъ собí полэтиў до-дóму. А йимосць ся щэ бúльшэ упудыла, що йи ксёндзъ забье, тай щэ бúльшэ утикáе. Тай попрыбигáлы до-дóму, позасáпьювалыся и однó до другого нэгóдни слóва вымовыты. — „О-тó, кáжуть, то насъ гунцвотъ подурыў!“

Тай вжэ вэ́чиръ Ива́нъ прыйшо́ў съ по́ля тай пигна́ў во́лы на́-ничъ па́сты; а́лэ нэ пасъ, лышэ́ пигна́ў ихъ до жыди́ў и прода́ў на я́тки. Алэ взяў сы видъ ко́ждого вола́ хвистъ; тай тамъ було́ таке́ боло́то—во́зэро, то винъ пишо́ў и тамъ ти хвосты́ позапыха́ў въ то боло́то, обтала́паў въ боло́ти, а пото́му вы́тягнуў наза́дъ и пони́съ до-до́му. Ккёндзъ ся пыта́е: „А дэ-жъ во́лы?“ Ива́нъ ка́жэ: „Та нэма́! якъ ся збры́калы зъ ли́са, якъ ся розигна́лы въ то во́зэро, то вси пи́рнулы зоўси́мъ; я, ка́жэ, тягну́ў-тягну́ў за хвосты́, а́лэ ся хвосты́ урва́лы, а во́лы ся потопы́лы!“ Тай показа́ў ти хвосты́, то ксёндзъ вжэ ка́жэ: „Та пра́ўда!“

Алэ го вжэ тогды́ ксёндзъ нагна́ў, ка́жэ: „Иды́ ты собі́ гэтъ видъ мэ́нэ, вжэ мэні́ досы́ть!“

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

—

б). Такі́й буў мамо́нъ тай ся найми́ў у одно́го ɣа́зды. Алэ ка́жэ: „Га́здо, я ся всэ му́шу въ полу́днэ ɣэ́дзыты!“

Тай пишлы́ въ по́лэ ора́ты. Прыйшло́ полу́днэ, а винъ ся зɣэ́дзыў тай полэ́тиў до-до́му. Алэ до то́го ɣа́зды жи́нки ходы́ў ксёндзъ тай тэпэ́рь буў у нэ́и. Якъ ɣазды́ня увы́дила, що слуга́ лэты́тъ, то взя́ла тай схова́ла ксёндза пидъ пичь. Прылэ́тиў той тай ка́жэ: „Каза́ў мы ɣа́зда дрыва́ пидъ пичь помэта́ты!“ Тай взяў тамъ дрыва́ мэта́ты пидъ пичь тай всэ на ксёндза ке́дае, всэ ксёндза дзюɣае. Помэта́ў тай зноў полэ́тиў въ по́лэ.

Видта́къ въ дру́гый дэнь въ полу́днэ зноў зɣэ́дзыўся тай прылита́е до-до́му. А ɣазды́ня схова́ла ксёндза у бо́чку съ пря́дывомъ у синэ́хъ. Прылэ́тиў той тай ка́жэ: „Каза́ў мы ɣа́зда всё пря́дыво порозви́шуваты въ ба́нтахъ!“ Тай взяў ви́шаты пря́дыво тай ўхо́пыў и ксёндза за чи́ўку и пидви́сыў до-горы́. Тай зноў гэтъ полэ́тиў у по́лэ.

Пишлы́ трэ́тои дны́ны ора́ты—зноў той прылита́е до-до́му. А ɣазды́ня вжэ ксёндза схова́ла на пидъ--завяза́ла го у бохъ. Винъ прылэ́тиў тай ка́жэ:

„Казáў мы γáзда вси бóхи съ подý позми́туваты, казáў плóщыки робы́ты!“ Тай зачáў бóхи съ подý змúтуваты тай кéнуў и той съ ксёндзомъ на зэ́млю, ажъ бэ́ўкнуў. А самъ побúгъ зноў у пóлэ.

Тай пишлы́ чэтвэ́ртои дны́ны орáты — прыбигáе винъ зноў до-дóму. А γазды́ня сховáла ксёндза въ стáйны пидъ я́сли. Алэ винъ кáжэ: „Казáў мы γáзда всій гній зо стáйни вы́мэтаты!“ Взяў мэтáты гній тай всэ ксёндза пидъ я́слима зэлúзнымы вы́ламы дзю́γае. Тай забрáўся зноў у пóлэ.

Пя́тои дны́ны пишлы́ орáты — лэты́тъ слугá до-дóму. А γазды́ня ксёндза сховáла въ скры́ню. Винъ прылэ́тиў тай кáжэ: „Казáў мы γáзда тотý старý скры́ныщэ пусты́ты дóли водóў, бо тамъ е γáздиў хóванэць *)!“ Вхóпыў скры́ню на плэ́чи тай понúсъ у вóду. Тогды́ ксёндзъ вы́диў, що то нэ жáрты, тай взяў ся дýжэ просы́ты: „Дамъ ты, кáжэ, грóшэй и жы́та, кúлько схóчэшь, лышэ́ мы дарýй жытьé!“ Тогды́ винъ ксёндза вжэ пустúў, а ксёндзъ му даў дóста грóшэй, збíжа тай кóни.

И винъ тогды́ вжэ пойúхаў сы гэтъ.

(Отъ Дмитрія Гавриляка въ Доброгостовѣ.)

83.

Лысачокъ.

Такъ бýло то за часúў, колы́ щэ нэ бýло мнóго шкилъ, а хто хтиў ся ўчы́ты, той ишóў до Львóва. Такъ бýлы у Львóви два хлóпци зъ сэлá, хлóпски сыны́, — ўчы́лыся въ шкóлахъ. То оны́ всэ йшлы пúшки зи Львóва до-дóму на вакáцьи и зъ вакáцый до шкóлы назáдъ; часóмъ йшлы и цилы́й ты́ждэнь, бо дорóга то далэ́ка, и вступáлы по дорóзи до дóбрыхъ людэ́й: видпочáлы сы, попойúлы дэ́-що — тай дáли.

*) См. ниже — въ приложеніяхъ — повѣрья о хованцѣ.

Разъ яко́-сь зійшлы́ тоты́ два хло́пци зи звыча́йнои доро́гы, зъ гостынця, зайшлы́ пидъ вэ́чиръ у яке́-сь нэзнако́мэ сэло́ тай вступы́лы до ха́ты, що стоя́ла на краю́ сэла́ пидъ ли́сомъ. Ввійшлы́ до ха́ты, а тамъ пры столи́ сыды́тъ хлопъ и ба́ба тай йидя́тъ вэчэ́ру, а по ха́ти ходы́ло собі́ тэля́тко.—„Сла́ва Бо́гу!"—сказа́лы хло́пци. Тогды́ имъ видповила́ господа́ри: „Сла́ва на ви́ки! а вы що́ за е́дни?" —„Мы скубэ́нты тай идэмо́ до Льво́ва до шко́лы; та мо́жэ-бы-сьтэ, ка́жутъ, прыня́лы насъ на́-ничь?"—„Та чому́ ни? тай про́сымо до вэчэ́ри, пано́вэ скубэ́нты!"—И да́лы имъ вэчэ́ряты мы́ску пырогі́ў. Алэ ба́ба взя́ла едэ́нъ пыри́гъ и понэ́сла тэля́ты и ка́жэ: „На́, лыса́чку, зйиджъ и ты пырижка́!" Хло́пци ка́жутъ: „Вы що́ тэля́ты йисты даетэ людску стра́ву?" Ка́жэ ба́ба: „Та то е нашъ сынъ—лысачо́къ! то винъ ра́зомъ съ на́мы йисть и спытъ, та такі́й му́дрый, а щэ й ро́ку пэ ма́е!" Змиркува́лы хло́пци, що то яки́-сь дурни́ лю́дэ, тай ну-жъ штудэрува́ты—якъ-бы то дурны́хъ обдуры́ты? Тай пора́дылыся тай ка́жэ той ста́ршый: „Ну, колы́ то вашъ сынъ, то грихъ, абы́-сьтэ го такъ лышы́лы; бо якъ такъ вы́ростэ, то быко́мъ зиста́нэ на ви́ки!"—„Та що́-жъ-бы намъ робы́ты?"—„Отъ, ка́жутъ, да́йтэ ёго́ до шко́лы, най йдэ съ на́мы до Льво́ва, то мо́жэ ся вы́учытъ на яко́го па́на, то во́зьмэ васъ на стари́ ли́та до сэ́бэ!"—Тоты́ лю́дэ ся ду́жэ ўти́шылы и—ра́да въ ра́ду—ка́жутъ: „То да́ймо на́шого лысачка́ до шко́лы, най идэ́!" Хлопъ буў бога́тый, прыла́дыў визо́къ, напакува́ў ри́жного збі́жа, муки́, крупъ, дэ́-що, а на дру́гый дэнь скоро-сьви́тъ запря́гъ коня́, вы́садыў лысачка́ на визъ ра́зомъ съ хло́пцямы тай такъ вы́правыў ихъ до Льво́ва, а ба́ба заводы́ла, якъ-бы за ри́дноў дыты́ноў. Ну, ниць,—пойи́халы. Алэ хло́пци вступы́лы за́разъ до пэ́ршого мисто́чка на я́рмарокъ тай прода́лы визъ, коня́ и лысачка́, гэтъ всё, а сами́ съ гри́шмы пишлы́ собі́ до Льво́ва.

За рикъ тоти́-сами́ хло́пци вэрта́лы на ли́то до-до́му, то зноў зайшлы́ до то́го-само́го хло́па. Тоты́ господа́ри ду́жэ ся ўти́шылы, а́лэ ба́ба ся за́разъ пыта́е: „А дэ мій лысачо́къ, чому́ нэ прыйшо́ў съ ва́мы?" Хло́пци ка́жутъ: „Та винъ здоро́вый, а́лэ пэрэка́зуе вамъ, що нэ мо́жэ прыйты́, бо ся ма́е ду́жэ бога́то ўчы́ты!" Тай ка́жутъ: „А такі́й ся паны́чъ зъ нэ́го зробы́ў, що-бы-сьтэ го и нэ пизна́лы!

вжэ циўкóмъ такій, якъ чоловикъ, и хóдытъ вжэ такъ, лышь щэ трóха на лыцы́ такъ гы быкъ!“—„А слáва Гóсподу!“—ўтишылыся ти людэ. Тай вжэ нэ знáлы—щó робы́ты зъ утихи съ ты́мы школярáмы. На дрýгый дэнь хлóпци пишлы́ дáльшэ додóму, áлэ сказáлы имъ щэ такъ: „Прыладьтэ грóши для лысачкá, а якъ бýдэмо зноў вэртáты до Львóва, то вступымо до васъ по ти грóши!“ Ну, якъ вэртáлы, вступы́лы хлóпци зноў, взя́лы для лысачкá грóши и пишлы́. Тай такъ вступáлы и носы́лы лысачкóвы ґрóши чэ́рэзъ кы́лька литъ. Тай всэ тумáнылы стары́хъ, що лысачóкъ ся въ школи дýжэ дóбрэ ýчытъ, áлэ нэ мáе часý до ныхъ прыйты́. А тоти людэ вжэ чэ́рэзъ лысачкá циўкóмъ збиднилы. Алэ бáба потóму вжэ дýжэ напырáлася, що хóчэ лысачкá вжэ вы́диты, тай хотила до нэ́го йты до Львóва. Тогды́ вжэ хлóпци боя́лыся, то вжэ нэ ходы́лы чэ́рэзъ тóе сэлó, лышь всэ йшлы éншоў дорóгоў.

Ажъ такъ разъ хлóпци вы́чыталы въ ґазэ́тахъ, що якій-сь Юзэфъ Лысáкъ зистáў старóстоў въ тимъ мисти, дэ нэдалэ́ко тоти людэ бýлы. То вжэ тогды́, якъ ишлы́ зноў до-дóму, вступы́лы съ тоў ґазэ́тоў до тыхъ людэ́й тай кáжутъ: „Отъ, вжэ́-сьтэ ся дочэкáлы потихы зъ вáшого лысачкá, бо вжэ зистáў старóстоў!“ Тогды́ показáлы имъ ґазэ́ту, дэ тамъ пысáла о тимъ Юзэфѣ Лысакý.—„Тэпэ́рь вжэ, кáжутъ, идитъ до нэ́го, най васъ вóзьмэ до сэ́бэ, бó-сьтэ вжэ стари тай збиднилы-сьтэ чэ́рэзъ нэ́го, а винъ вжэ панъ!“ Тай тогды́ пишлы́ соби вжэ гэтъ. Алэ хлопъ щэ нэ вирыў, то взя́ў ґазэ́ту тай пишóў до дякá, абы́ му йи прочытáў—чы то прáўда, що школяри казáлы. Дякъ прочытáў, кáжэ: „Прáўда, ту стоитъ, що Юзэфъ Лысáкъ зистáў старóстоў!“—„А слáва Ты, Гóсподы!“—зитхнýў хлопъ. Алэ гадáе сы: „Мóжэ рэéнтый збрэхáў?“ Тай пишóў до ксёндза. Ксёндзъ такъ-сáмо прочытáў му ґазэ́ту, тогды́ хлопъ поциловáў ксёндза въ рýку тай пишóў. Алэ щэ ся тáки боитъ, що мóжэ й ксёндзъ збрэхáў? Тогды́ йихаў якій-сь панъ въ повóзи дорóгоў, то хлопъ вжэ сдáлэку прысиў и кланя́еся. Панъ казáў фирмановы стáты, пытáеся: „Щó хóчэшь, хлóпэ?“ Тогды́ той прóсытъ пáна, абы́ му прочытáў въ ґазэ́ти. Панъ зноў такъ-сáмо прочытáў—такъ е, Лысáкъ е старóстоў. Тогды́ вжэ хлóпъ увирыў,

пишо́ў до жи́нки тай ка́жэ: „То вжэ та́ки пра́ўда, вжэ вси такъ прочыта́лы!“

Тай каза́ў жи́нци спэчы́ балабу́хиў тай на дру́гый дэнь вы́бралыся вжэ обо́е до то́го ми́ста до лысачка́. Прыйшлы́, розпыта́лыся, тогды́ тамъ имъ показа́лы—дэ панъ старо́ста мэ́шкае, тай пишлы́ вжэ до нэ́го. Хлопъ лышы́ў ба́бу въ си́нёхъ, а самъ пишо́ў до поко́ю. Панъ старо́ста сыди́ў пры столи́, плэчы́ма обэ́рнэный до двэрэ́й, тай нэ чуў, що хлопъ ввійшо́ў. Алэ той зача́ў му ся прыдывля́ты зо всихъ сторо́нъ тай пото́му пидійшо́ў тай потягну́ў па́на за рука́ў. Тай ка́жэ: „Лыса́чку!“ Панъ зи́рваўся тай кры́кнуў: „А ты що́ ту хо́чэшь?“—„Лыса́чку, ка́жэ, та ты мэнэ́ нэ спизнае́шь?“—Панъ зача́ў ду́жэ крыча́ты, а́лэ ба́ба якъ учу́ла крыкъ, нэ вы́тэрпила въ си́нёхъ тай вби́гла до поко́ю—вжэ хо́чэ обныма́ты па́на тай ка́жэ: „Лыса́чку, диты́но моя́!“ Алэ панъ всэ крыча́ў и тру́тыў ба́бу гэтъ, то ба́ба тогды́ ке́нула ёму́ балабу́хи съ мишко́мъ въ го́лову тай ка́жэ: „А тра́стя тоби́ ма́тирь! то ты вжэ такі́й панъ, що насъ и зна́ты нэ хо́чэшь?“ Тай зача́ла заводы́ты, а́лэ вжэ прыби́глы слу́гы тай взя́лы хло́па съ ба́боў до арэ́шту.

Ажъ пото́му ся на су́ди показа́ло, що́ то бу́ла за шту́ка, що школяри́ дурны́хъ обдуры́лы. Алэ що́?—шука́й ви́тра въ по́лы!

(Сообщено В. Я. Трушомъ изъ гор. Золочева.)

84.

Два умныхъ брата и duракъ.

Такъ було́ тры бра́тьи: два бу́лы му́дри, а едэ́нъ дурны́й. Тай ма́лы стару́ ма́тирь, а́лэ она́ бу́ла ду́жэ слаба́. Разъ тоты́ му́дри бра́тья забра́лыся оба́ въ лисъ, а дурно́го лышы́лы вдо́ма. И ка́жутъ ё́му́: „Зро́бышь ку́пиль тай ма́тирь скупа́ешь!“ Той узя́ў, нальля́ў окро́пу до ваньё́нки тай хо́пыў ма́тирь съ за́пичка и кё́нуў у той окри́пъ, ажъ ма́ты за́разъ ся обпа́рыла и ўмэ́рла. Бра́тья прыйшлы́ зъ ли́са тай пыта́ются дурно́го: „А цы скупа́ў-есь ма́тирь?“—„Та-мъ скупа́ў, ка́жэ, а́лэ ся́ нэ хо́чэ зъ ваньё́нки ру́шыты, щэ сыды́тъ та́мой!“ Оны́ ды́вятся, а ма́тирь спа́рылася—нэжыва́. Тогды́ оны́ то́го дурно́го нагна́лы гэтъ.

Дурны́й пишо́ў до ста́йни, взя́ў сво́го быка́, зари́заў тай облупы́ў шки́ру; мя́со лышы́ў тамъ, а шки́ру взя́ў и пишо́ў у лисъ тай вы́лизъ на ду́ба ночува́ты. А въ ночы́ надйи́халы жыды́ съ кра́мщыноў тай си́лы пидъ ду́ба на по́пасъ; розложы́лы кра́мщыну тай зача́лы рахува́ты гро́ши. А дурны́й съ ду́ба ды́вытся тай пусты́ў на жыди́ў тоту́ шки́ру. Жыды́ ся упу́дылы, ка́жутъ: „Ай-ва́й, нэ́бо на насъ лэты́тъ!“ Тай всё лышы́лы, а сами́ поўтика́лы. Тогды́ дурны́й злизъ съ ду́ба, забра́ў собі́ всю кра́мщыну и гро́ши, напакува́ў то на жыди́ўску фи́ру тай пойи́хаў.

Тай пойи́хаў до-до́му, а́лэ вжэ до бра́тиў нэ йшоў, лышэ́ собі́ поста́выў сво́ю ха́ту тай ся ожэны́ў съ бога́цькоў ди́ўкоў и ɣаздува́ў собі́ за тоты́ жыди́ўски ма́стки. Алэ ё́го́ бра́тья нэ зна́лы—звидки винъ таке́ бога́тство ма́е, тай прыйшлы́ идъ нё́му и пыта́ются ё́го́: „Скажы́, бра́тэ, звидки ты таке́ бога́тство ма́ешь?“ Тогды́ винъ имъ ка́жэ: „Я облупы́ў мо́го быка́ тай пони́съ-емъ шки́ру до ми́ста на торгъ, то мы жыды́ за ту шки́ру кима́ гро́шэй да́лы!“ За́разъ бра́тья пишлы́ до-до́му, гада́ютъ сы: „Колы́ винъ—дурны́й—за едну́ шки́ру ти́лько диста́ў, то мы якъ облу́пымо вси на́ши быки́ тай коро́вы, то намъ жыды́ даду́тъ страхъ кима́ за ти шки́ры!“ Тай пори́залы гэтъ усю́

свóю худóбу, облупы́лы шки́ру тай повэзлы́ до ми́ста. Прыйи́халы и крычáтъ на ми́сти: „Гэй, шки́ры на прóдажъ!“ Жыды́ прыйшлы́, купýють, áлэ щó?—даю́тъ за тоты́ шки́ры то пять шýстокъ, то ки́лько, якъ ся звы́клэ платы́тъ видъ штýки. Алэ тогды́ оны́ кáжутъ: „Щó ся бýдэмъ торговáты? дáйтэ намъ за ти шки́ры ми́льонъ грóшэй, то продамó!“ Жыды́ ся зачáлы зъ ныхъ дýжэ сьміи́ты, щэ ихъ наштýркалы дóбрэ, тай оны́ тогды́ вжэ пойи́халы съ ты́мы шки́рамы назáдъ до-дóму.

Прыйиждж́аютъ тай дýжэ бýлы лю́ти на тóго дурнóго брáта, що ихъ такъ обдуры́ў, всэ́и худóбы ихъ позбáвыў. Тай взя́лы рáдытыся мэ́жы собóў, жэбы́ ёгó за тóе зáбыты. Прыйшлы́ въ ночы́ до нёго до хáты, áлэ винъ лэжáў такъ видъ стины́, а на крайы́ спáла ёгó жи́нка. То брáтья гадáлы, що то винъ лэжы́тъ на крайы́, хóпылы тотý ёгó жи́нку и зáбылы. Тогды́ винъ взяў мэ́ртвý жи́нку и пони́съ до ми́ста тай посады́ў йи кóло мýру, такъ абы́ нэ ўпáла, и положы́ў пэ́рэдъ ню кóшыкъ я́блокъ, такъ ни́бы онá ти я́бка продаé. А самъ ся сховáў за муръ. Тай тамъ які́й-сь панъ йи́хаў штырмá ки́ньмы тай увы́диў бáбу съ я́бкамы тай стáнуў, злизъ съ бры́чки и пишóў до нэ́и куповáты я́бка. Тай кáжэ до мэ́ртвóи бáбы: „По чóму ти я́бка?“ А бáба ся нэ обзываé. Панъ дрýгый разъ кáжэ: „Продáй я́бка!“ Бáба ся ницъ нэ обзываé. Тогды́ панъ розлю́тыўся, палъ!—бáбу по-зá-уха, а бáба пэрэвэрнýлася на зэ́млю. Тогды́ той вы́хопыўся зъ-за мýру тай до пáна: „А ты щó зробы́ў, нащó-сь мэни́ жи́нку зáбыў? я тя, кáжэ, зáразъ виддáмъ до крыминáлу!“ Алэ панъ ся зачáў просы́ты, кáжэ: „Всё ты дамъ, лышэ́ ницъ нэ кажы́!“ Винъ собі́ тогды́ взяў пáньски кóни и бры́чку тай пойи́хаў.

Алэ брáтья якъ увы́дилы ёгó, що йи́дэ штырмá ки́ньмы, дýжэ ся дывувáлы и кáжуть до нёго: „Та-жъ мы тэбэ́ зáбылы въ ночы́! я́къ-жэ ты зноў жыéшь тай щэ таки́мы ки́ньмы йи́дэшь?“ А винъ кáжэ: „Та то вы нэ мэнэ́ зáбылы, лышэ́ мóю жи́нку; а я йи, кáжэ, видни́съ до ми́ста тай продáў панáмъ, то мы за ню паны́ тоти́ кóни дáлы!“ Брáтья якъ то учýлы, то полэ́тилы чымъ-бóршій до-дóму, жинки́ пори́залы тай повэзлы́ до ми́ста. Тай стáнулы на ми́сти, крычáтъ: „Хтó купýе мэртви́ жинки́?“ Якъ

тото́ увы́дилы шанда́ры, поййма́лы обо́хъ бра́тиў тай до крымина́лу ихъ забра́лы.

Вы́сыдилы оны́ па́ру литъ въ крымина́ли, тогды́ ихъ пусты́лы вжэ до-до́му. Прыйшлы́ до-до́му тай зноў ра́дятся на то́го дурно́го бра́та: „Мы ёго́ за́бьемо!“ Тай йимы́лы го, ка́жуть: „Тэпэ́рь вжэ тэбэ́ уто́пымо!“—„До́брэ, ка́жэ, ти́лько най щэ слузи́ ска́жу, якъ ма́е по мо́йій смэ́рты γаздува́ты!“—Алэ винъ ка́жэ до слугы́ такъ: „Якъ оны́ мэнэ́ понэ́суть, то абы́-сь поби́гъ тай горя́чи голо́вни́ позатыка́ў у ихъ хаты́!“ Вжэ го завяза́лы тогды́ у михъ—нэсу́ть топы́ты. Алэ едэ́нъ ся братъ обэрну́ў, ды́вытся тай ка́жэ: „Йой, на́ши хаты́ горя́тъ!“ Тай тогды́ ке́нулы ёго́ въ мишку́ на зэ́млю, а самы́ поби́глы хаты́ ратува́ты. А туды́ надійшо́ў ризны́къ—гнаў ду́жэ бога́то свынэ́й. Тай ся пыта́е ёго́: „Що́ ты ту въ ми́си ро́бышь?“ Винъ ка́жэ: „Я нэ ўмі́ю а́ни чыта́ты, а́ни пыса́ты, а хотя́тъ мя за кру́ля обибра́ты!“ Ризны́къ тогды́ ка́жэ: „Я ўмі́ю чыта́ты й пыса́ты, то пусты́ мэнэ́, най я лі́зу въ михъ!“ Тай полі́зъ у михъ, той го завяза́ў, а самъ займы́ў свы́ни тай пишо́ў. Тамъ бра́тья огэ́нь погасы́лы, вэрта́ются наза́дъ—дурно́го топы́ты. Вхо́пылы той михъ тай вэ́рглы въ во́ду.

Алэ прыхо́дятъ до-до́му, а братъ ста́до свынэ́й жэнэ́. Тогды́ оны́ нэ зна́лы—що́ каза́ты, пыта́ются ёго́: „Та ты нэ ўто́пы́ўся? ви́дки таки́ свы́ни ма́ешь?“ А винъ ка́жэ: „Якъ-есьтэ мя ке́нулы до воды́, то тамъ була́ така́ вэлы́ка свыня́, я йи ся ўхо́пыў за хвистъ и она́ мэнэ́ вы́тягнула зъ воды́; а за нэў, ка́жэ, повылита́лы зъ воды́ и дру́ги свы́ни, то я сы ихъ займы́ў до-до́му!“ Тогды́ бра́тья сы гада́ютъ: „Скачи́мъ въ во́ду, то и мы собі́ свынэ́й ви́дтамъ прыжэ́нэмо!“ Тай пишлы́ на мистъ и ско́чылы обыдва́ въ во́ду—лышэ́ вода́ за ны́мы забэлькоти́ла.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

85.

Мертвая мать.

Булы́ два бра́тьи: ста́ршій ожэны́ўся до́ма на ɣру́нти, а моло́дшый на́-бикъ ся ожэны́ў—прыста́ў тамъ до одно́и вдовы́. Тай хоти́ў моло́дшый видъ бра́та спла́ты свэ́и ча́стки, а́лэ той нэ хоти́ў му ницъ да́ты. Тогды́ пишо́ў той би́дный въ ночы́ на цвы́нтаръ и видкопа́ў сво́ю ма́му зъ гро́бу тай зани́съ до бра́та до комо́ры и посады́ў йи тамъ на ɣэлэ́тку съ сы́ромъ. Ра́но той братъ пишо́ў до комо́ры и увы́диў тамъ мэртву́ ма́му и ду́жэ настра́шыўся. Тай пишо́ў до моло́дшого бра́та ра́дытыся—що́ съ ма́моў робы́ты? Тай ка́жэ такъ: „Трэ́ба йты до ксёндза, абы́ йшоў хова́ты ма́му зноў, лышэ́ абы́ до́брэ грибъ запэча́таў!" Алэ той би́дный ка́жэ: „На-що́ тоби́ щэ ксёндзовы тай дяко́вы платы́ты? я тоби́ самъ похова́ю ма́му, а́лэ що́ ты мэни́ дашь за то?"—„Бэры́, ка́жэ, тоту́ ɣэлэ́тку съ сы́ромъ!"—Той узя́ў ба́бу и ɣэлэ́тку, а́лэ ба́бы нэ хова́ў, лышэ́ йи схова́ў у сэ́бэ въ стодо́ли. Тай на дру́гу ничь зноў йи зани́съ до бра́та до-комо́ры и посады́ў йи на скры́ню (а въ тій скры́ны бу́лы поло́тна, шма́тье тай гро́ши бу́лы). Вы́йшоў ра́но братъ до комо́ры, а ма́ма зноў на скры́ны сыды́тъ. То пишо́ў зноў до би́дного бра́та ра́дытыся. А той ка́жэ: „То ницъ, то ма́ма пэ́ўно хо́чэ, абы́ ты мэни́ щэ тоту́ скры́ню даў; дай мы, ка́жэ, скры́ню, то йи похова́ю!" Той му даў, винъ тогды́ взяў скры́ню и ба́бу, а́лэ ба́бы щэ нэ хова́ў. Взяў йи въ ночы́ тай зноў видни́съ до бра́та и посады́ў йи мэ́жы ко́ни. Братъ то увы́диў, нэ знаў вжэ—що́ робы́ты? Тай зноў прыйшо́ў до то́го и ка́жэ: „Похова́й вжэ разъ ма́му до́брэ, абы́ нэ вылазы́ла, то ты дамъ ко́ни!" Той видвиў собі́ ко́ни до свэ́и ста́йни, а ма́му взяў у михъ и пони́съ на дру́гэ сэло́ хова́ты.

Тай нэсэ́ винъ ма́му, а́лэ на доро́зи здыбаў злодія, що накра́ў по́ўный михъ—кожухи́, поло́тна и пря́дыво—тай то всё въ миху нисъ. Якъ ся оба́ здыбалы, то ся спу́дылы оба́ и михи́ помэта́лы на зэ́млю. Алэ пото́му ся оба́ повэрта́лы идъ ми́хамъ, то зло́дій нэ вы́диў до́брэ тай взяў той михъ съ ба́боў, а той вжэ взяў зло́дійиў михъ. Тай

розійшлы́ся—той пишо́ў въ свій бикъ, а зло́дій въ свій. Тай прыно́сытъ зло́дій михъ до-до́му и поста́выў го въ комо́ри. Війшо́ў до ха́ты тай ка́жэ жи́нци: „Иды́, тамъ е михъ въ комо́ри, то повыны́ма́й всё тай хова́й до скры́ни!“ Жи́нка пишла́ до комо́ры, розвяза́ла михъ тай хо́пыла ба́бу за чу́ку и тя́гнэ. Тай увы́дила, що то мэртва́ ба́ба, тай ся настра́шыла, побигла до ха́ты тай ка́жэ: „Йой, та то яка́-сь мэртва́ ба́ба въ миху́!“ Засьвиты́лы ля́мпу, ды́вятся—такъ е, ба́ба! Тогды́ той зло́дій ка́жэ до жи́нки: „То мэни́ Го́сподь за ка́ру такъ зробы́ў! вжэ би́льшэ, ка́жэ, нэ пи́ду кра́сты!“

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

86.

Какъ цыганъ топилъ бѣду.

Писла́ў разъ чолови́къ жи́нку на торгъ, даў йій симь ɣрэ́йцариў и ка́жэ: „Купы́ за шты́ры ɣрэ́йцары були́къ, а за тры со́лы, а щэ абы́-сь симь ɣрэ́йцариў прынэ́сла рэ́шты!“ Она́ пишла́, такъ на доро́зи пла́чэ—я́къ-бы то зробы́ты? Надійшо́ў ксёндзъ тай пыта́еся: „Чого́ ты такъ пла́чэшь?“ А вна пови́ла, яку́ йій шту́ку чолови́къ зауда́ў. Тогды́ ксёндзъ йій даў два ры́ньски и ка́жэ: „Я ввэ́чиръ до тэ́бэ прыйду́, то прыла́дься!“ Тогды́ она́ дэ́-що накупы́ла и пишла́ до-до́му. Якъ прыйшла́, чолови́къ ся пыта́е: „За що́ ты ти́лько всёго накупы́ла—за яки́ гро́ши?“ Она́ ка́жэ: „Які́й-сь ксёндзъ даў мы два ры́ньски и каза́ў, що ввэ́чиръ до мэ́нэ пры́йдэ!“ Тогды́ винъ вы́копаў въ си́нёхъ пидъ поро́гомъ я́му, а жи́нци ка́жэ: „Якъ ксёндзъ пры́йдэ, то упа́дэ въ я́му тай ся за́бье!“ И ввэ́чиръ ксёндзъ прыйшо́ў и упа́ў въ я́му, а хлопъ пидско́чыў тай го тамъ за́быў.

Потому на дру́гый дэнь зноў такъ чолови́къ вы́правыў жи́нку до ми́ста и даў йій 7 ɣрэ́йцариў, абы́ накупы́ла ри́жного и щэ 7 ɣрэ́йцариў рэ́шты прынэ́сла. Она́ йдэ, пла́чэ, а́лэ здыба́ў йи зноў дру́гый ксёндзъ, даў йій гро́ши и ка́жэ, що пры́йдэ ввэ́чиръ до нэ́и. Тай то-

гды́ хлопъ и то́го ксёндза въ я́ми за́быў. И такъ посыла́ў жи́нку чэ́рэзъ 7 дниў, то 7 ксендзи́ў прыйшло́ и въ я́ми ихъ хлопъ побы́ў вси симь.

Тогды́ вжэ заклы́каў цы́гана и ка́жэ: „У мэ́нэ въ си́нёхъ е бида́; дамъ ты, ка́жэ, пя́тку, лышэ́ вы́нэсы тотў бидў гэтъ!“ Тай вы́тягъ еднóго ксёндза зъ я́мы и поста́вы̆у за двэ́ри, а цы́ганъ хо́пыў ксёндза у михъ и видни́съ и кéнуў въ ста́ў. Алэ за́кимъ цы́ганъ ся вэрну́ў, хлопъ вы́тягъ зъ я́мы дру́гого ксёндза и поста́выў за двэ́ри. Прыхо́дытъ цы́ганъ, а хлопъ ка́жэ: „О-то́, бида́ ся зноў вэрну́ла, щэ бо́ршэ, нижь ты!“ Цы́ганъ хо́пыў го у михъ и видни́съ у стаў. Прыхо́дытъ, а хлопъ вжэ трэ́тего ксёндза поста́выў за двэ́ри. Зноў цы́ганъ видни́съ у стаў и такъ повыно́шуваў вси 7 ксендзи́ў, бо гада́ў, що то всэ тота́-сама́ бида́ ся вэрта́е. Даў му хлопъ пя́тку и цы́ганъ пишо́ў.

Идэ́, а тамъ вы́йшоў які́й-сь ксёндзъ надъ стаў на спа́цыръ. Тогды́ цы́ганъ гада́ў, що то та-сама́ бида́ зноў вы́лизла зо ставу́, тай пойима́ў ксёндза и ка́жэ: „То я тэбэ́ вжэ 7 разъ видни́съ, а ты щэ ся вэрта́ешь?“ Тай зача́ў ксёндза бы́ты, за́быў тай вэ́ргъ у стаў.

И вжэ ся бида́ би́льшэ нэ вэрта́ла.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

87.

Глупыя бабы.

Маў едэ́нъ ґа́зда дурну́ жи́нку тай йи́ разъ вы́правыў на торгъ до ми́ста. Она́ взя́ла гу́сы тай забра́ла на торгъ продава́ты. Прыйшла́ вжэ на торгъ, а́лэ нэ зна́ла —по-чо́му ся платя́тъ гу́сы? То зачипы́ла яко́го-сь чоловíка тай ка́жэ: „Пості́йтэ туй, попыльну́йтэ мы гусэ́й, а я пíду подывы́тыся—якъ ся гу́сы платя́тъ? а́лэ, ка́жэ, абы́ я васъ спизна́ла, якъ ся вэ́рну, то на́-тэ вамъ мíй кожу́хъ—трыма́йтэ!“ И да́ла му кожу́хъ, лышы́ла гу́сы тай пишла́. Вэрну́ла, шука́е, а то́го вжэ нэма́—пишо́ў съ гусьмы́

и съ кожухо́мъ. Прыйшла́ до-до́му и розповила то чоловиковы. А чоловикъ ся ду́жэ розлютыў тай ка́жэ: „Колы́ ты така́ дурна́, то я гэтъ иду́ въ сьвитъ за очы́ма! якъ на́йду щэ таку́ дурну́, якъ ты, то ся вэ́рну дъ то́би, а якъ нье, то ся нэ вэ́рну!“ И забра́ўся и пишо́ў.

Прыхо́дытъ до одно́го сэла́, ды́вытся—такъ една́ кобита го́нытся за ку́ркоў, такъ ку́рку бье! Винъ йи ся пыта́е: „Що́ ты, жи́нко, ро́быш?“ А она́ ка́жэ: „Ма́е ку́рка ку́рята, та нэ хо́чэ имъ да́ты ссаты!“—„А що́ мэни дашь, ка́жэ, якъ я тя нау́чу, якъ ся ма́е ку́рята кормы́ты?“—„Дамъ ты 50 ры́ньскихъ!“—Ка́жэ винъ: „Дай мэни сюда́ муку́!“ Дала́ она́ муку́, тогды́ винъ замисы́ў ти́сто и подробы́ў ку́рци на зэ́млю, а ку́рка що́ ўхо́пытъ ку́сныкъ, то клы́чэ ку́рята—году́е. Тогды́ ся жи́нка ўти́шыла, да́ла му гро́ши и винъ соби пишо́ў да́ли.

Идэ́-идэ́ тымъ сэло́мъ да́ли, ды́вытся, а тамъ прыста́выла ба́ба драбы́ну до даху́ тай тя́гнэ коро́ву по драбы́ни на дахъ тай бье. Тогды́ винъ пыта́ется: „А що́ вы ро́бытэ, кобито?“ Она́ ка́жэ: „Вы́росла трава́ на даху́ така́ файна, то го́ню коро́ву, абы́ па́сла, а́лэ шэ́льма нэ хо́чэ ли́зты!“ Винъ зноў такъ ка́жэ: „Що мы дастэ́, якъ я васъ нау́чу?“—„Дамъ, що́ хо́чэтэ, лышэ́ научи́тъ!“—Винъ тогды́ взяў сэрпъ, вы́лизъ на дахъ и скосы́ў траву́, тогды́ даў траву́ коро́ви и зийла. Дала́ му та кобита зноў 50 ры́ньскихъ и винъ пишо́ў.

И йдэ тымъ-са́мымъ сэло́мъ да́ли, а тамъ на киньцы́ такъ кобита би́гае съ рэшэто́мъ по двори тай ма́хае рэшэто́мъ до двэрэ́й.—„А що́ вы ро́бытэ, кобито?“—Она́ му ка́жэ: „Хо́чу загна́ты со́ньцэ до ха́ты, бо тэ́мно,—та нэ мо́жу!“—„Що́ мэни дастэ́, кобито? я вамъ за́разъ зажэ́ну!“—„Дамъ, ка́жэ, 100 ры́ньскихъ!“—Взяў винъ тогды́ соки́ру тай пылу́, вы́рубаў въ стини диру́ и вста́выў викно́, то вжэ со́ньцэ сьвиты́ло до ха́ты. Взяў видъ ба́бы 100 ры́ньскихъ и пишо́ў вжэ до-до́му—дъ своййи жи́нци. И прыйшо́ў и ка́жэ: „Е щэ таки дурни ба́бы на сьвити, якъ ты,—на́вить дурнійши!“

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

88.

Человѣкъ съ того свѣта.

a). Маў едэ́нъ человикъ дурну́ жи́нку. И винъ пойи́хаў разъ въ лисъ тай ка́жэ до нэ́и: „Жи́нко, якъ я прыйи́ду зъ ли́са, абы́ було́ що́ йи́сты!“ Она́ затопы́ла, нальля́ла едэ́нъ зэлизны́къ окро́пу, и дру́гый, и трэ́тый, тай вв э́ргла въ едэ́нъ зэлизны́къ едэ́нъ горо́хъ, у дру́гый едну́ бу́льбу, а въ трэ́тый лы́жку муки́. Человикъ прыйиждже́е зъ ли́са, а она́ ёму́ то поста́выла тай ка́жэ: „Йижь!“ Винъ ся тогды́ ду́жэ розлю́тыў и пишо́ў собі въ сьви́тъ.

Идэ́-идэ́ и прыйшо́ў до едно́и ба́бы, а та ба́ба пыта́еся ёго́: „Ви́дки вы?“—„Зъ усёго сьви́та!“—А она́ нэ дочу́ла тай пыта́еся: „Зъ тамто́го сьви́та?“ Винъ тогды́ ка́жэ: „А-я́, изъ тамто́го сьви́та!“ Тогды́ она́ ка́жэ: „А що́ тамъ мо́и тату́ньо тай маму́ня тай диточки́ ро́бятъ?“—„Таки́ голэ́ньки, ка́жэ, таки́ босэ́ньки! тай нэ ма́ютъ що́ йи́сты, ни пы́ты!“—Тогды́ она́ узя́ла и дала́ ёму́ кожухи́ў и сираки́ў и гро́ши тай ка́жэ: „Занэси́тъ то на тамто́й сьвитъ, най ся мо́и ма́ма тай та́то тай диточки́ поубыра́ютъ та най сы йи́сты ку́пятъ!“ Той все́ тото́ забра́ў и пишо́ў.

Надхо́дытъ то́и ба́бы человикъ и вна ёму́ то розпови́ла, що прыйшо́ў які́й-сь человикъ и взяў кожухи́ и гро́ши на тамто́й сьвитъ. Тогды́ винъ пыта́еся: „А цы даўно́, цы догоны́ў-бы я ёго́ ещэ́?“—„Нэда́ўно!“—Сиў на коня́ и займы́ў, ажъ догоны́ў то́го, а́лэ той схова́ў ти ричы въ ли́си, а самъ сиў собі для сэ́бэ тай прыкры́ў гиўно́ ша́пкоў. Тай всэ ка́жэ: „А-у́ша-га, а-у́ша-га!“ Той надийи́хаў, пыта́еся го: „Цы нэ вы́дилы вы яко́го подоро́жного, абы́ туды́й йшоў?“—„Вы́диў-емъ, ка́жэ, полэ́тиў!“—Тогды́ той пигна́ў да́льшэ, а́лэ нэ догоны́ў, вэрну́ўся. Тай ка́жэ до то́го: „Мо́жэ-бы вы ёго́ догоны́лы?“—„Чому́ ни? дого́ню! а́лэ, ка́жэ, на́-тэ—то́го пта́шка пидъ ша́пкоў стэрэжи́тъ, ажъ по́ки я ся нэ вэ́рну!“—Тай тогды́ сиў винъ на то́го коня́, що той ґа́зда прыйи́хаў, тай пойи́хаў гэтъ; а хлопъ то́го пта́шка стэрэжэ́-стэрэжэ́ ажъ до

вэ́чэра. Прыйшо́ў вэ́чиръ—ни коня́, ни хло́па! Зача́ў винъ то́го пта́шка бра́ты, хоти́ў вжэ йты до-до́му. И такъ наоко́ло ша́пки обту́люе, абы́ пта́шокъ нэ ўтикъ, засу́нуў ру́ку пидъ ша́пку, а то—гиўно́.

Прыхо́дыть до-до́му и ка́жэ жи́нци: „Зробы́ла ты дурнэ́, а́лэ я щэ дурні́йшый буў!“

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

—

б). Ходы́ў едэ́нъ по сьви́ти чолови́къ. Тай разъ прыйшо́ў до ко́рчмы, а въ ко́рчми нэ бу́ло нико́го, лышь жыди́ўка; жыдъ дэ-сь пишо́ў до сэла́. А тота́ жыди́ўка его́ ся пыта́е: „Видки вы́?“—„Изъ сьви́та!“—А оаа́ нэ дочу́ла тай ка́жэ: „Ви́дки-ви́дки? зъ тамто́го сьви́та?“—„Зъ тамто́го сьви́та, а-я́!“—Тогды́ она́ ся пыта́е: „А що́ тамъ ро́бятъ мои́ та́то тай ма́ма?“—„О, ка́жэ, та́то свы́ни пасэ́, а ма́ма михы́ ла́тае; ду́жэ тамъ биду́ютъ!“—Тогды́ она́ му надава́ла по́ўный михъ билы́зныны, хли́ба, було́къ, ри́жного, абы́ видни́съ на тамто́й сьвитъ до ей та́та тай ма́мы. И винъ взяў и пони́съ.

А тогды́ жыдъ вэрну́ў до-до́му, а она́ ка́жэ: „Ту буў чолови́къ зъ тамто́го сьви́та, то-мъ да́ла дэ́-що для та́та й ма́мы, бо ду́жэ тамъ биду́ютъ!“ Тай жыдъ за́разъ сиў на коня́ тай пойи́хаў здоганя́ты то́го чолови́ка. Такъ жэнэ́, а той увы́диў тай вэргъ михъ у ко́рчи, а самъ сы стаў пидъ бэрэ́зу и трыма́е обо́ма рука́мы бэрэ́зу. Жыдъ прыйи́хаў про́сто нь́го тай пыта́еся: „Цы нэ вы́дилы вы тако́го, абы́ нисъ михъ на плэ́чохъ?“—„Вы́диў-емъ, ка́жэ, а́лэ то вжэ дауно́ бу́ло!“—„А цы догоны́лы-бы-сьтэ го?“—„Да́йтэ,—ка́жэ хлопъ,—най ся́ду на коня́, то мо́жэ дого́ню! а́лэ мусытэ за мэ́нэ трыма́ты тоту́ бэрэ́зу, за́ки я вэ́рну, абы́ нэ ўпа́ла!“—Тогды́ жыдъ пидпэ́ръ бэрэ́зу—трыма́е зъ всэ́и сы́лы, а той сы сиў на коня́, взяў зъ корчи́ў михъ тай пойи́хаў. Трыма́е жыдъ бэрэ́зу, трыма́е, такъ до вэ́чэра. Тай у вэ́чиръ вжэ хо́чэ йты гэть; то такъ пома́лу-пома́лу видсува́ўся видъ бэрэ́зы, а пото́му якъ ско́чыў на́-бикъ—боя́ўся, абы́ на нь́го нэ ўпа́ла. Алэ бэрэ́за нэ ўпа́ла.

Тай прыйшо́ў жыдъ до-до́му тай ка́жэ до жи́нки: „До́сыть ты дурна́ бу́ла—да́ла-сь михъ билы́знины тай хли́ба, а́лэ я щэ дурні́йшый, бо-мъ даў коня́ и бэрэ́зу-мъ за-ду́рно цилы́й дэнь трыма́ў!“

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

89.

Хитрый мужъ и глупая жена.

Буў едэ́нъ ɣа́зда би́дный тай робы́ў у па́на на па́нщыни. Тай разъ му панъ таку́ гору́ съ ко́рчима каза́ў розко́пуваты. Винъ копа́ў-копа́ў тай найшо́ў вэлы́ки гро́ши въ тій гори́. Прыйшо́ў до-до́му тай ка́жэ жи́нци: „Я найшо́ў гро́ши въ па́новій гори́, то пидэ́мъ въ ночы́ и во́зьмэмъ, абы́ нихто́ нэ вы́диў, абы́ панъ нэ видобра́ў!“ Винъ йій то сказа́ў, а́лэ да́ли сы погада́ў, що злэ зробы́ў, що сказа́ў жи́нци, бо я́къ-бы йи колы́ набы́ў, то она́ за́разъ пи́дэ и бу́дэ о тимъ крыча́ты мэ́жы лю́дэ. Тогды́ ка́жэ до нэ́и: „Ляга́й спа́ты, бо ажэ́нь о трэ́тій годы́ни пидэ́мъ по гро́ши!“ Жи́нка лягла́, а винъ пишо́ў, накупы́ў колачи́ў и розмэта́ў по обо́ри тай по ха́ти. И пишо́ў щэ тай по́ста́выў зэли́зко и е́трыкъ—то спюхъ зла́паўся у зэли́зко, а ры́ба въ е́трыкъ; а́лэ винъ взяў, пэрэминя́ў тото́—поста́выў ры́бу у зэли́зко, а спюха́ въ е́трыкъ. Такъ зробы́ў тай пишо́ў до-до́му и лягъ спа́ты. Ажъ о трэ́тій годы́ни по пи́ўночы схо́пыўся и збуды́ў жи́нку.—„Йой, ка́жэ, а-ды́—колачо́ва ту́ча йшла—по́ўно колачи́ў въ ха́ти!“ Жи́нка вста́ла, пишла́ збыра́ты колачи́ тай ка́жэ: „О-то́ фа́йна ту́ча, кобы́ такъ що-но́чы!“ Тогды́ вжэ пишлы́ на гору́ по гро́ши. Иду́ть и надыба́лы въ е́трыку спюха́.—„Йой, ка́жэ, а-ды́—спюхъ ся зла́паў до е́трыка!“—Тай йдуть-йдуть, а тамъ въ зэли́зку ры́ба.—„О-то́, ка́жэ, а вна ту якъ зайшла́?“—Тогды́ пишлы́ и ти гро́ши забра́лы тай понэслы́ до-до́му.

Яко́-сь цы за ты́ждэнь, цы якъ, набы́ў той чолови́къ жи́нку, а она́ у́тикла на сэло́, ɣваўту́е, а пото́му пишла́

зо злóсты до пáна тай кáжэ: „Той мій чоловúкъ найшóў грóши у пáновій горú тай забрáў!“ Панъ тогды́ пислáў по нёго слýгы. Винъ прыйшóў, пытáеся ёгó панъ: „Ты найшóў грóши?“—„Ни! та дэ́?“—„А-óтъ твоя́ жúнка кáжэ, що-сь найшóў въ мóйій горú!“—„Пэкъ!—кáжэ хлопъ;—та онá дурнá циўкóмъ!“—Панъ заклы́каў жúнку, пытáеся: „Цы найшóў твій чоловúкъ грóши?“—„Найшóў!“—„Прынúсъ у ночы́ до-дóму?“—„Прынúсъ!“—кáжэ. А чоловúкъ тогды́ кáжэ до нэ́и: „Та дэ, колы́?“—„А-ó, кáжэ, тогды́, якъ колачóва тýча йшла! щэ́-сьмо нады́балы по дорóзи спюхá у éтрыку и ры́бу въ зэлúзку!“—Тогды́ чоловúкъ кáжэ: „Нэсчúстье моé, вжэ мы циўкóмъ жúнка здурúла!“ А панъ кáжэ до бáбы: „Э, йды собú, ты дурнá!“ Тай йи панъ гэтъ наґнáў до-дóму—нэ повьéрыў.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

90.

Дуракъ.

Буў отэ́ць богáчъ тай маў тры сыны́: два бýлы розýмни, а едэ́нъ дурны́й. Тай застáвыў ихъ отэ́ць пáсты вúўци. На полýднэ вы́правылы розýмни брáтья дурнóго до-дóму, абы́ имъ прынúсъ обúдъ. Взяў дурны́й пыроги́ и галушкú тай нэсэ́. А ворóны всэ скáчутъ тай—ква-ква. А винъ имъ всэ пыроги́ мэ́чэ, абы́ нэ крычáлы, тай вы́мэтаў вси пыроги́ ворóнамъ. Алэ идэ́ дáли—зноў ворóны крычáтъ за нымъ. Тогды́ винъ зачáў мэтáты ворóнамъ галушкú тай зноў вы́мэтаў галушкú вси до éднои. Прыйшóў дъ брáтимъ—прынúсъ порóжни горшкú. Пытáють го ся брáтья: „Дэ-жъ обúдъ?“ Винъ кáжэ: „Та пыроги́ забрáлы ворогы́, а галушкú свашкú!“

Пишлы́ оны́ тогды́ до-дóму самú, а ёгó лышы́лы съ вúўцима и кáжутъ: „Пасы́-жъ ту вúўци, áлэ пыльнýй, абы́ бýлы вси на-кýпи!“ Винъ взяў, побы́ў, порúзаў вси вúўци тай поскладáў на-кýпу. Прыхóдятъ брáтья.

—„Йой, та щó ты ту поробы́ў, дурня́го?“—Винъ кáжэ: „Ба, тá-жэ-сьтэ казáлы, абы́ ви́ўци бýлы на-кýпи, то-мъ поскладáў!“

Тогды́ брáтья кáжуть: „Ходи́мъ мы тэпэ́рь въ сьвитъ, бо якъ ся тáто дови́дае, то насъ зáбье!“ Идýть оны́, идýть, а кóло еднóи хáты лэжáла брáма. Дурны́й кáжэ: „Я бэрý тотý брáму!“—„Та нэ бэры́, дýрню, на-щó тоби́?“—„Мэни́ трэ́ба!“—Тай взяў брáму, пони́съ. Зайшлы́ оны́ въ лисъ тай ли́зуть на дýба ночувáты. Вы́лизлы на дýба, а дурны́й щэ й брáму съ собóў вы́тягнуў. А въ ночы́ прыйшлы́ злодíе тай взя́лы пидъ дýбомъ огэ́нь клáсты. Тай розложы́лы тамъ свои́ маéтки и зачáлы ся дилы́ты. А дурны́й тогды́ съ дýба на пыхъ ся ўсцяў. —„О-тó, —кáжуть злодíе,—якíй дóщыкъ рóсытъ!“—Тогды́ дурны́й пусты́ў съ дýба брáму. Злодíе напýдылыся тай зачáлы ўтикáты.—„Йой, кáжуть, гримъ на насъ удáрыў!“—Тай поўтикáлы гэтъ и вси маéтки полышáлы. Тай тогды́ вжэ брáтья вси ти маéтки забрáлы тай вэрнýлыся вжэ до-дóму.

(Отъ Марiи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

91.

Школьникъ и нищiй.

Ишóў би́дный школя́ръ зи Львóва на вакáцьи до свóго сэлá. Хлибъ му вжэ вы́йшоў вэсь, а нэ маў зá-що купы́ты соби́. Тай такъ зитхнýў соби́: „Гóсподы! кобы́ хоть шýсточку знайты́ на дорóзи!“ Идэ́ дáльшэ, ажъ ту—зыркъ!—що-сь блыщы́тся на дорóзи. Винъ пидня́ў, ды́вытся, а то дукáчъ. Дýжэ ся ўти́шыў хлóпэць, áлэ сы потóму гадáе: „Щó мы зъ тóго, хто-жъ мэни́ ту на сэли́ зминя́е тóго дукачá?“

Тай такъ зды́буе пры дорóзи ди́да сьлипóго тай куля́вого. Знаў, що диды́ мáють мнóго дрибны́хъ грóшэй (бо тогды́ то й диды́ бувáлы богáти), тай кáжэ: „Дидýсю, мóжэ-бы-сьтэ мэни́ зминя́лы дукачá?“—„А-нý-ну, покажы́, най подыў́люся—чы спраўдэ́шный дукáчъ?“—Взяў дидъ дукáчъ въ рýки, обэртáе го на вси бóки, обмáцяў тай пытáеся

тогды́ хло́пця--звиди́ки ма́е дукача́? Винъ сказа́ў му цилу́ пра́ўду, що знайшо́ў на доро́зи. Тогды́ дидъ вы́йняў зъ-за па́зухи малы́й я́щыкъ и покла́ў въ нэ́го дука́чъ тай ка́жэ: „То вы́дышь, ду́рню, щэ мы акура́тъ одно́го дукача́ браковало, щобы́ я́щыкъ буў по́ўный; тэпэ́рь иды́ собі́ съ Бо́гомъ, бо якъ ся нэ усту́пышь по-до́брому, то тя ку́лямы наго́ню!“ Хло́пэць видійшо́ў съ пла́чомъ, а́лэ пото́му ста́нуў и ды́вытся — що́ дидъ бу́дэ робы́ты?

Дидъ встаў и пишо́ў, а хло́пэць потыху за нымъ; тай прыйшлы́ такъ до хаты́нки цидъ лі́сомъ. Дидъ увійшо́ў до ха́ты, а хло́пэць ста́нуў пры поро́зи. Алэ въ ха́ти буў щэ дру́гый дидъ—та́кжэ сьлипы́й и крывы́й. Тай той въ ха́ти ка́жэ: „То ты, Максы́мэ?“ —„Я!“—ка́жэ той дидъ, що прыйшо́ў. Тай зача́ў му тогды́ розповида́ты, якъ винъ видобра́ў хло́пцёвы дукача́.—„О-тэпэ́рь ма́ю вжэ по́ўный я́щыкъ!“—ка́жэ.—„А-ну́-ну, покажы́!“—Той вы́йняў я́щыкъ и дае́ ди́довы; а́лэ школя́ръ тогды́ потыхо́ньки пидійшо́ў, наста́вы́ў ру́ку тай взяў я́щыкъ видъ ди́да. Тогды́ вы́йшоў зъ ха́ты тай поби́гъ собі́ гэтъ.

Алэ дидъ ка́жэ до ди́да: „Чому́ мы нэ дае́шь я́щыка? чы ся бойшь, чы що́?“ Той ка́жэ: „Та́-жэ-мъ ты що-и́но даў!“ Дидъ ка́жэ, що нье, а́лэ той му ка́жэ: „То ты пэ́ўно схова́ў, зло́дію!“ Тай такъ видъ сло́ва до сло́ва — зача́лыся диды́ бы́ты. Ажъ нарэ́шти здогада́лыся на школяра́ тай ка́жуть: „О-то́, пэ́ўно той школя́ръ взяў гро́ши! то́-то—що́ шку́бэръ, то шту́дэръ!“ Тай на тимъ погоды́лыся.

(Сообщено В. Я. Трушомъ изъ с. Славна, золочевскаго у.)

92.

Какъ люди дурака разуму учили.

а). Една́ ба́ба пысла́ла сы́на до ми́ста — ку́пыты чвэрть горо́ху. Винъ буў тро́ха гы прыдурковатый, то она́ му каза́ла (абы́ винъ нэ забу́ў), абы́ всю доро́гу, якъ бу́дэ йты до ми́ста, всэ каза́ў: „Чвэрть горо́ху, чвэрть горо́ху!“

И винъ идэ́ доро́гоў тай всэ соби́ такъ гово́рытъ: „Чвэрть горо́ху!“ А тамъ пры доро́зи сіяў богачъ горо́хъ тай чу́е, що той идэ́ доро́гоў тай всэ ка́жэ: „Чвэрть горо́ху!“ Тай винъ го заверну́ў и ка́жэ: „Що́ ты за-ёдэнъ? то ты мэни́ ка́жэшь, щобы́ мэни́ ся ти́лько чвэрть горо́ху уро́дыла?“ Тай взя́ў то́го бы́ты хлопака́. — „Памята́й сы, ка́жэ, абы-сь, якъ кого́ такъ здыблэшь, всэ каза́ў: Дай Бо́жэ счи́стье, щобы́-сьтэ нэ моглы́ ни пэрэносы́ты, ни пэрэвозы́ты!“

Той идэ́ тогды́ зноў зъ кава́локъ доро́гы — вэзу́тъ мэрло́го. А той имъ дурны́й тогды́ ка́жэ: „Дай Бо́жэ счи́стье, абы́-сьтэ нэ моглы́ ни пэрэносы́ты, ни пэрэвозы́ты!“ Зла́палы го, набы́лы. — „То мы ту пла́чэмъ, заво́дымъ, а ты намъ таке́ ка́жэшь? ты повы́нэнъ, ка́жутъ, клякну́ты и мо́выты молытвы́: Ви́чная па́мять!“

Тай вжэ зно́ву идэ́ да́ли — здыба́е вэсилье́. Тогды́ винъ вжэ клякъ сда́лэку, ру́ки зложы́ў и мо́лытся Бо́гу пэ́рэдъ вэсилёмъ: „Ви́чная па́мять та ви́чная па́мять!“ Ти ды́вятся — а то що́? — „Мы ся, ка́жутъ, вэсэ́лымо, а той Бо́гу мо́лытъ за насъ, абы́ мы у́мыра́лы, чы що́?“ — Тай го тогды́ вжэ зно́ву набы́лы, вжэ та́ки до́брэ.

И вэрну́ўся вжэ тогды́ съ пла́чомъ до-до́му, вжэ й за горо́хомъ пэ ходы́ў. Розпови́ў ма́ми всё, якъ го тры ра́зы побы́лы, пла́чэ. А ма́ма тогды́ му ка́жэ: „Ду́рня ны сі́ютъ, ны о́рутъ, ду́рни ся самі́ ро́дятъ! — тай ты такі́й!“

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

—

б). Ма́ла ба́ба чолови́ка ло́ɣэна, що нэ хоти́ў робы́ты ницъ. Тай жи́нка го набы́ла кочэ́ргоў тай нагна́ла въ сьвитъ, абы́ го лю́дэ розу́му нау́чылы.

Винъ идэ́ — людэ въ по́лю вэсну́ютъ соби́. Ишо́ў по́-пры едного́—нэ казаў ницъ; ишо́ў по́-пры дру́гого—та́кой ницъ; по́-пры трэ́того надійшо́ў и зноў ницъ нэ ка́жэ. Тогды́ той поста́выў во́лы цы ко́ни, йимы́ў и набы́ў то́го.—„Та за́-що вы мэнэ́ бье́тэ?“—„Абы́-сь, ка́жэ, якъ щэ таке́ здыблэшь, каза́ў: Дай Бо́жэ счи́стье, абы́-сьтэ нэ моглы́ ни пэрэвозы́ты, ни пэрэносы́ты!“

Винъ идэ́—вэзу́тъ умэрця́. Винъ ка́жэ: „Дай Бо́жэ счи́стье, абы́-сьтэ нэ моглы́ ни пэрэвозы́ты, ни пэрэносы́ты!“ Йимы́лы го людэ, набы́лы. Тогды́ винъ ся пыта́е: „Та я́къ-жэ мэни́ каза́ты?“—„Ма́ешь каза́ты: Абы́ за таке́ нихто́ нэ знаў, ни чува́ў!“

Винъ идэ́—здыбуе вэсилье́. Ка́жэ: „Бода́й за таке́ нихто́ ни знаў, ни чува́ў у тимъ сэли́!“ Йимы́лы вэси́льни, набы́лы го.—„За-що́ мэнэ́, людэ, бье́тэ?“—Ка́жутъ вэси́льни: „Якъ таке́ здыблэшь, ма́ешь каза́ты: Дай Бо́жэ счи́стье, абы́-сьтэ ся вэсэлы́лы, абы́-сьтэ ди́ты съ ны́мы ма́лы!“

Ви́нъ идэ́, а ризны́къ свы́ни жэнэ́.—„Дай Бо́жэ счи́стье, ка́жэ, абы́-сьтэ ся вэсэлы́лы, абы́-сьтэ съ ны́мы ди́ты ма́лы!“—Ризны́къ пэрэби́гъ, якъ зача́ў бы́ты, ви́нъ ся тогды́ пыта́е: „Ба, я́къ-жэ мэни́ каза́ты?“—„Ма́ешь каза́ты: Дай Бо́жэ счи́стье, абы́ надъ тымъ попы́ галылу́йкалы, абы́ то ся на тарэ́лы кра́яло!“

Ну, идэ́ винъ, а едэ́нъ тамъ сыди́ў для сэ́бэ. Винъ ка́жэ: „Дай Бо́жэ счи́стье, абы́ надъ тымъ попы́ галылу́йкалы, абы́ то ся на тарэ́лы кра́яло!“ Той ся схо́пыў, набы́ў, а винъ ка́жэ: „Якъ-жэ мэни́ каза́ты?“—„Ницъ нэ ма́ешь каза́ты, ка́жэ, лышэ́ абы́-сь плю́нуў!“

Идэ́ винъ, а дви ба́бы сыдя́тъ на зари́нку—една́ дру́гій въ го́лову ся дывы́ла. Винъ тогды́ мэ́жы ба́бы плю́нуў. Йимы́лы ба́бы, набы́лы. Винъ ка́жэ: „Йой, людэ, та вжэ мя такъ бье́тэ—ко́сты-сьтэ мы поломы́лы! що́-жъ вжэ ма́ю робы́ты?“—„Якъ дэ таке́ найдэ́шь, абы́-сь сво́ю го́лову пхаў!“

Винъ идэ́, а два ся псы йидя́тъ. А́ винъ запха́ў сво́ю го́лову мэ́жы ныхъ—тай псы видийлы дурно́му го́лову.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

93.

Три гроша.

Прыйшóў кумъ до кýма тай кáжэ: „Пожы́чтэ вы мэни́ тры грóши!“—„А колы́ виддастэ́?“—„Я вамъ, кáжэ, виддáмъ нэ за дóўгый часъ—за ми́сяць!“—Тай кумъ пожы́чыў му тры грóши.

Алэ мынáе ми́сяць—нэмá грóшэй. Тогды́ кáжэ той, що пожы́чыў видъ кýма грóши, до жи́нки: „Вжэ мынáе той часъ, що мáемо кýмовы грóши виддавáты, а нэмá; то я вóзьму и ўмру, а ты мэнэ́ наладýй тай положы́ на лáвыцю!“ И положы́ўся за умэрлóго на лáвыцы. Тогды́ кумъ прыхóдытъ по грóши. Такъ кумá плáчэ за чоловикомъ, завóдытъ, то винъ йи ся пытáе: „Кýмо, а вы чогó такъ плáчэтэ?“ —„Та подывится, кáжэ, умэ́ръ мы чолови́къ! хто вамъ тэпэ́рь тоты́ грóши тры виддáстъ?“—Алэ кумъ пишóў до жы́да, купы́ў сы сьви́чку тай прыйшóў зноў до кýма: засьвиты́ў сьви́чку тай зачáў кýмовы ля́паты на нисъ. А кумъ усэ́ соби́ нóсомъ покивуе, а той лышэ́нь соби́ посьми́шкуе. Тай потóму положы́ў усю́ сьви́чку кýмовы на нисъ; якъ сьви́чка догорила, то кýма спэклó въ нисъ, а той тогды́ махнýў рукóў по нóси. Тогды́ кумъ кáжэ до нéго: „А вы щó рóбытэ, кýмэ? тá-жэ вы вжэ бýлы ўмэ́рлы!“ —„Дóбрэ, кáжэ той, щó-сьтэ прыйшлы́ тá-сьтэ мя ожывы́лы!“— А кумъ кáжэ: „А колы́ вы мэни́ тры грóши виддастэ́?“ —„Вжэ вамъ чымъ-нáйборшэ виддáмъ!“—Тай кумъ забрáўся тай пишóў до-дóму.

Тогды́ кáжэ той до жи́нки: „Я зноў ўмру, а ты вы́копай я́му тай мэнэ́ поховáй; áлэ нэ закóпуй зэмлэ́ў, лышэ́нь прыкры́й я́му дошкáмы!“ Тай такъ зробы́лы знóву. А кумъ прыхóдытъ зноў по грóши. Бáба плáчэ, йойкае, а винъ кáжэ: „Кýмо, та чогó вы такъ плáчэтэ?“—„Ба, та ўмэръ мы чолови́къ, то хто вамъ тры грóши виддáстъ?“ —„Упови́джтэ мэни́, кáжэ, дэ вы ёгó поховáлы, най пидý—за ёгó дýшу Отчэнáшъ змóвью!“—Тай прыйшóў надъ я́му— такъ бурчы́тъ, гы бугáй, тай глы́ноў у дошки́ мэ́чэ. А той кáжэ зъ я́мы: „А-кéць-ке!“ Тогды́ кумъ кáжэ: „Кýмэ, а вы щó тамъ рóбытэ въ я́ми?“—„Ой, кáжэ, виджэни́тъ бугая́ пэ́ршэ!“—Тогды́ вы́лизъ изъ я́мы, а кумъ кáжэ:

„Ну, колы́ вжэ тоты́ тры гро́шы виддастэ́?“—„Вжэ тэпэ́рь, ка́жэ, за тры дны пэ́ўнэ видда́мъ!“

Тай тогды́ пишо́ў до жи́нки и ка́жэ: „Жи́нко, иды́ до ксёндза, будэ́шь каза́ты, що я ўмэръ, абы́ мэнэ́ йшлы хова́ты; а́лэ, ка́жэ, абы́ мэнэ́ хова́лы пи́зно въ ночы́, то я зъ тру́мна вы́хоплюся тай утэчу́,—нэ бу́дутъ вы́диты!“ И даў йій тры гро́ши, ка́жэ: „Дашь ксёндзу едэ́нъ гришъ и дяко́вы едэ́нъ гришъ, а щэ трэ́тый для насъ лы́шытся, а ку́мовы та́ки нэ виддамо́!“ Тай она́ пишла́ до ксёндза тай такъ всё розповила, якъ винъ йій каза́ў. Прыйшлы́ вжэ вэ́чиръ хова́ты ёго́, видпра́вылы тай понэ́слы. Прыйшлы́ до цэ́рквы, а́лэ вжэ пи́зна годы́на бу́ла, то ксёндзъ ка́жэ: „Лю́дэ, тэпэ́рь вжэ глубо́ка ничь, мы нэ будэ́мъ гришнэ́ ти́ло тэпэ́рь у я́му пха́ты!“ Тай видложы́лы на ра́но, а лю́дэ позабыра́лыся до-до́му. Алэ той кумъ до-до́му нэ йшоў, лышэ́ стаў сы въ ку́тчыку у цэ́рквы.

Алэ ксёндзъ забу́ў у цэ́рквы свою́ табакёрку, то пысла́ў по ню слу́гы до цэ́рквы. Слу́гы увiйшлы́ до цэ́рквы, засьвиты́лы сы тай увы́дилы на сэрэды́ни тру́мно. А оны́ нэ зна́лы, що то то́го чолови́ка на́-ничь лышы́лы, гада́лы сы, що то мо́жэ якiй опы́ръ.*) Тай ка́жутъ: „Ану́, пэрэтни́мъ тото́ тру́мно!“ А той ка́жэ зъ тру́мна: „Я васъ поду́шу!“ А кумъ ка́жэ зъ кута́: „А я бу́ду помага́ты!“ Тоты́ слу́гы якъ то почу́лы, то поўтика́лы ажэ́нь до-до́му. Тогды́ той вы́лизъ изъ тру́мна, а кумъ ка́жэ зъ кута́: „Ку́мэ, а вы ту що́ ро́бытэ?“—„До́брэ, ка́жэ, що́-сьтэ прыйшлы́, тэпэ́рь бу́дэмъ цэ́ркоў обкрада́ты!“ Тай розбы́лы скарбо́нку, забра́лы вси гро́ши тай подилы́лыся. А кумъ ка́жэ: „Ку́мэ, а видда́йтэ щэ мэни́ тоты́ тры гро́ши!“ Алэ тогды́ едэ́нъ слуга́ вэрну́ўся потыхо́ньку, бо хоти́ў зна́ты—що́ то такэ́ въ цэ́рквы бу́ло? Тай всу́нуў го́лову крузь двэ́ри, а той кумъ схо́пыў съ нэ́го ша́пку тай даў ку́мовы.—„На́-тэ вамъ, ка́жэ, за ти тры гро́ши,—да́йтэ мы спо́кiй!“

Ажэ́нь тогды́ кумъ ку́мовы ти тры гро́ши видда́ў.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

---

*) См. ниже—въ приложенiяхъ—повѣрья объ опырѣ.

94.

Дѣдъ и баба.

Такъ буў дидъ тай ба́ба и вны ма́лы у ли́си на горбку́ ха́тку. Алэ оны́ бу́лы ду́жэ би́дни и ницъ нэ ма́лы, лышэ́нь ходы́лы на грыбы́ та збыра́лы. И такъ разъ пишлы́ и надыбалы въ ли́си барана́ и зари́залы го тай понэ́слы до-до́му; шки́ру здоймы́лы тай положы́лы пидъ ла́ўку, а мя́со звары́лы тай засу́нулы у пичь. А самы́ пишлы́ у сэло́ за выдэ́ўкамы, абы́ йи́сты то мя́со, бо вжэ по-па́ньски хоти́лы ся балюва́ты.

И здыбалы цы́гана на доро́зи тай ка́жуть до цы́гана: „Абы́-сь нэ йшоў до на́шои ха́ты—тамъ на горбку́ пидъ ли́сомъ, бо тамъ у насъ е мя́со у пэчы́ тай шки́ра пидъ ла́выцэў!“ Тай пишлы́ у сэло́, а цы́ганъ зайшо́ў до ха́ты, найи́ўся мя́са, лышэ́ кистки́ лышы́ў у мы́сци, узя́ў шки́рку въ то́рбу тай пишо́ў гэтъ.

Прыхо́дять дидъ тай ба́ба до-до́му, ды́вятся, а въ мы́сци лышэ́нь кистки́, тай шки́рки нэма́ пидъ ла́вкоў, лышь дри́бка во́уны, а на тій во́уни сыди́лы му́хи. Тогды́ ка́жэ дидъ до ба́бы: „О-то́, му́хи пойи́лы намъ на́шу пра́цю!“ А ба́ба ка́жэ: „Бы́ймо тэпэ́рь прокля́ти му́хи!“ Тай взяў дидъ макоги́нъ, а ба́ба рэбра́чку—вжэ ли́тають по ха́ти за му́хамы. Дэ котра́ ся́дэ, за́разъ бьють,—цы на горнэ́ць, цы на викно́,—всё порозбыва́лы.

Тогды́ ка́жэ ба́ба до ди́да: „Э, такъ злэ!“ Си́ла сы тогды́ ба́ба на поро́зи съ рэбра́чкоў, а дидъ наганя́е до нэ́и му́хи тай ба́ба бье на поро́зи. Вси му́хи такъ вы́была, лышэ́ една́ ся щэ лышы́ла—си́ла ба́би на нисъ. Алэ ба́ба крычы́ть: „Бый, ди́ду, му́ху, о́ци на но́си сыды́ть!“ Тогды́ дидъ якъ уда́рыў ба́бу макого́номъ по но́си, то ба́ба полэ́тила ажъ до синэ́й,—за́быў ба́бу на смэрть. Тай конэ́ць.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ОТД. I и II. *)

95.

Вѣчные жиды.

Ка́жутъ, що якъ жыды́ роспына́лы Ису́са Хрыста́, то ихъ Ису́съ Хрысто́съ закля́ў, щобы́ жы́лы до киньця́ сьви́та—на ви́ки. И оны́ сыдя́тѣ за мо́рёмъ и нэ мо́жутъ ся звы́дтамъ диста́ты до краю до сво́го, бо мо́ря разъ-у́-разъ гра́ютъ—вода́ кипы́тъ разъ-у́-разъ. Хиба́ въ одну́ субо́ту стае́ фа́ли тота́.

(Отъ Антона Лазоревича въ Крушельницѣ.)

96.

Языкъ природы. **)

Буў у па́на лёкай. Тай той панъ всэ собі́ вары́ў яке́-сь таке́ зі́лье, що видъ то́го всё знаў—що́ ся въ сьви́ти ді́яло и що́ ся щэ бу́дэ ді́яты; а́лэ то́му лёкаёвы бу́ло зака́зано, щобы́ винъ ничо́го нэ ку́шаў то́го. А винъ та́кой разъ покоштува́ў то́го зі́ля, хоць му зака́зано було́, тай тогды́ винъ вжэ та́кжэ знаў всё—що́ дэ яка́ пты́ця гово́рытъ, цы які́й зьвиръ, цы лы́стъ шумы́тъ на дэрэ́вы́ни, то винъ то всё вжэ розуми́ў. И панъ за то его́ нагна́ў гэтъ, що винъ поку́шаў то́го зі́ля, и такъ го за-

*) Такъ какъ, по досадному случаю, нѣсколько нашихъ записей въ свое время затерялось и поэтому раньше—въ соотвѣтственныхъ отдѣлахъ сборника—помѣщено быть не могло, то мы помѣщаемъ ихъ, разыскавъ ихъ нынѣ вновь, только здѣсь—въ видѣ дополненій.

**) Ср. № 37.

кляў, що якъ-бы винъ кому о тимъ сказаў, що розумie, то́-бы заразъ ўмэръ.

Тай винъ тогды пишоў собі гэтъ—до сво́го сэла́, ожэныўся и зачаў вжэ собі самъ ɣаздуваты. Тай винъ маў свій сала́шъ ове́ць, то разъ такъ пойихаў на той салашъ съ жинкоў: жинка йихала на клячы, а винъ на коны. По доро́зи клячъ зачала рзаты, а винъ тогды засьміяўся, бо клячъ казала до коня: „Мині тяжшэ, нижъ тобі, бо я идў самочэтвэ́рть, а ты идэ́шь самодрўгъ!“ Такъ казала, бо кобіта бўла у тяготі и клячъ такжэ бўла жэрэ́бна, то нэго́дна бўла за конёмъ постыгаты самочэтвэ́рть.

Алэ якъ ɣазда на то засьміяўся, то жинка зачала его прыпыраты: „Чого ты ся сьміешь тай чого?“ А винъ нэ хотіў йій повисты, казаў, що якъ повисть, то умрэ́. Алэ жинка того нэ слўхала, лышэ́ доконэ́чнэ хотіла знаты—чого винъ ся сьміяў? Тогды винъ йій зноў кажэ: „Якъ вжэ такъ хочэшь, то иды, стэлы мы на лаўку, бо я бўду умыраты и тогды ты повимъ всю праўду!“ Тай она му заразъ постэлыла на лаўци, щобы ўмыраў.

Тогды ɣазда вы́йшоў щэ на-двиръ—подывытыся щэ разъ на своe ɣаздиўство, а тамъ собі ходылы кўрки тай когўтъ. И чўе ɣазда, що когўтъ кажэ до куро́къ: „Отъ, якый той ɣазда дурный! я нэ однў жинку маю, а ось килько, тай прэ́цинь надъ нымы старшўю, що мўсятъ мя вси слўхаты,—а винъ одній баби нэ можэ рады даты! якъ-бы, кажэ, до́брый ɣазда, то-бы сы намочыў посторо́нокъ въ солы тай бы ɣаздыню тымъ до́брэ набыў, а нэ ўмыраў-бы за-дўрно!“ Тай ɣазда тото выслухаў и такъ зробыў: взяў, намочыў посторо́нокъ, жинку до́брэ выбыў, высмаруваў,—то вжэ тогды нэ пыталася го ницъ більшэ, до́киль жыла.

(Отъ Антона Лазоревича въ Крушельницѣ.)

97.

Калиновая дудка.

Такъ булы́ дидъ тай баба тай ма́лы дви ди́ўки: дидъ маў свою видъ пэ́ршои жи́нки, а ба́ба свою—видъ пэ́ршого чоловика. Тай ти диўки́ пишлы́ разъ въ лисъ на я́годы, а́лэ ди́дова ди́ўка збыра́ла я́годы у коро́бочку, а ба́бына—та́кой въ пысокъ. Тай вэрта́ютъ вжэ до-до́му, то ди́дова ма́ла по́ўну коро́бочку яги́дъ, а ба́бына нэ ма́ла ницъ. Тогды́ ка́жэ та ба́бына ди́ўка: „Сэстры́чко, видпочы́ньмо сы тро́ха!“ Тай полига́лы на траву́, а́лэ ди́дова ди́ўка засну́ла, а ба́бына взя́ла тай йи зари́зала. Тогды́ видобра́ла йіи тоту́ коро́бочку съ ягидьмы́, а ей закопа́ла въ зэ́млю, посады́ла тамъ на гро́би галу́зку зъ калы́ны тай пишла́ до-до́му. До́ма дидъ ся пыта́е: „А дэ-жъ моя́ до́нэчка?“ —„Та нэ зна́ю, ка́жэ, дэ-сь ся лышы́ла съ-за́ду!“

А тамъ чэ́рэзъ лисъ ишлы́ съ доро́гы два парубки́ тай ка́жутъ: „Видпочы́ньмо сы тро́ха, камбра́тье!“ Посида́лы сы пидъ корчи́ тай сыдя́тъ. Алэ ды́вятся, а тамъ така́ фа́йна калы́на зацвы́ла,—то оны́ взя́лы, ури́залы пру́тыкъ зъ то́и калы́ны тай вы́стругалы сопи́ўку тай взя́лы на ній гра́ты. А сопи́ўка взя́ла до ныхъ промавля́ты:

„Ой, пома́лу-ма́лу, козачэ́ньку, грай,
нэ пораны́ мэнэ́ въ сэрдэ́чко въ край!
Було́ насъ дви ди́вочки,
пишлы́ на яги́дочки;
една́ дру́гу нэ злюбы́ла,
нижъ у сэ́рцэ застромы́ла!“

И парубки́ взя́лы тоту́ сопи́ўку и пишлы́ соби́ да́ли, а́лэ зайшлы́ на́-ничь до то́го ди́да—витця́ то́и ди́ўки. Тай зноў тамъ едэ́нъ па́рубокъ зача́ў на ту сопи́ўку гра́ты, а она́ зноў такъ зача́ла промавля́ты:

„Ой, пома́лу-ма́лу, козачэ́ньку, грай“... и т. д.

Стары́й отэ́цъ якъ то учу́ў, ка́жэ: „Кобы́ вы мэни́ тро́ха позво́лылы загра́ты, парубки́!“ Тай оны́ му ей да́лы, а она́ ёму́ зноў такъ сьпива́е:

„Ой, пома́лу-ма́лу, тату́нэчку, грай“... и т. д.

Тогды́ стары́й ка́жэ до то́и ба́бынои ди́ўки: „То ты зари́зала мо́ю до́нэчку, вы́дышь?“ Алэ она́ схова́лася на пичь у кутъ и нэ хоти́ла зли́зты, а ба́ба взя́ла щэ крыча́ты на ди́да: „Ты стары́й ду́рню, таке́ глу́пство говóрышь!“ Алэ дидъ ка́жэ: „Ну, то якъ нэ она́ зари́зала, то най сама́ загра́е на сопи́ўку—мо́жэ она́ йій ска́жэ!“ Тай тогды́ парубки́ стягну́лы ди́ўку съ пэ́чы, то вжэ му́сила гра́ты. А сопи́ўка йій тогды́ зача́ла промавля́ты:

„Ой, пома́лу-ма́лу, сэстры́чко, грай,
нэ пораны́ мэнэ́ въ сэрдэ́чко въ край!
Було́ насъ дви ди́вочки,
пишлы́ на яги́дочки;
ты мэнэ́ нэ злюбы́ла,
нижъ у сэ́рцэ застромы́ла!“

Тогды́ ту ди́ўку взя́лы тай йи прыпня́лы до ки́ньского хвоста́, то йи ки́нь розбы́ў, розни́съ на смэрть.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

98.

Отецъ освобождаетъ свою дочь, похищенную вѣтромъ.*)

Такъ нэсла́ една́ жи́нка чолови́ковы йи́сты на по́лэ, а́лэ она́ бу́ла въ тяготи́ и бу́ло ду́жэ горя́чо, то якъ ишла́, ду́жэ ся зму́чыла и упри́ла. Тай ка́жэ: „Бо́жэ-Бо́жэ! кобы́ пові́яў тро́ха холо́дный ви́тэръ на мэ́нэ, то якъ бу́ду ма́ты ди́ўку, то йи подару́ю ви́трыковы!“

Тай вжэ потому поро́дыла ди́ўку, а́лэ о тимъ забу́ла, що йи подарува́ла ви́тровы. Якъ вжэ тота́ ди́ўка тро́ха пидросла́, вжэ ма́ла симь литъ, то йшла разъ по во́ду у керны́цю, а́лэ тогды́ ста́ў вэлы́кій ви́тэръ тай ў́хо́пыў ди́ўку и пони́съ гэтъ.

*) Ср. № 41.

Тай ей отэ́ць шука́ў йи, шука́ў по сьви́ти, а́лэ нэ мигъ нигдэ́ найты́. Тогды́ винъ прыйшо́ў до едно́го ворожбы́та, а той ворожбы́тъ ёму́ такъ ка́жэ: „Тво́ю доньку́ ўхо́пыў ви́тэръ тай трыма́е йи въ сво́йій ха́ти, а́лэ ты ся до нэ́и нэ мо́жэшь дибра́ты, бо то ду́жэ далэ́ко! а́лэ, ка́жэ, заку́й па́лыцю зэли́зомъ, то якъ ты тоту́ па́лыцю схо́дышь, тогды́ сво́ю доньку́ найдэ́шь!“

Тай винъ такъ ходы́ў-ходы́ў по сьви́ти съ тоў па́лыцэў, ажъ вжэ сходы́ў па́лыцю циўко́мъ. Тай тогды́ прыйшо́ў до едно́го ли́су, ды́вытся, а тамъ ёго́ донька́ во́ду нэсэ́ зъ керны́ци. Тай вжэ звыта́лыся тай пишлы́ до то́и ха́ты, дэ она́ бу́ла,—до ви́тра. Ви́тра нэ бу́ло до́ма, то ви́трова ма́ты прыйму́ла го на-ничь, а́лэ го схова́ла по конэ́ць сто́лыка пидъ коры́то, абы́ ви́тэръ нэ ввы́диў, якъ ся вэ́рнэ до-до́му.

Алэ прыхо́дытъ ви́тэръ у ночы́—о са́мои пи́ўночы—тай ка́жэ: „Чу́ты, що ту присна́ душа́ е!“ Тай якъ стаў шука́ты, тай найшо́ў то́го чолови́ка. Тогды́ хоти́ў ёго́ стра́тыты, а́лэ та донька́ ду́жэ просы́ла, то го вжэ лышы́ў пры жытьи́, а́лэ ка́жэ до нёго такъ: „Въ мэ́нэ е таке́ вэлы́ке мо́рэ, то якъ ты то мо́рэ за́ўтра до вэ́чэра замэ́чэшь, абы́ бу́ло ри́ўнэ по́лэ, тогды́ я тобі́ дамъ тво́ю доньку́!“ И даў ёму́ склянну́ соки́ру и склянны́й рыска́ль и склянну́ моты́ку тай ка́жэ: „Тымъ-о́ ма́ешь то мо́рэ зами́туваты!“

И винъ пишо́ў то мо́рэ зами́туваты, а́лэ ся ду́жэ жу́рытъ, бо хто то мо́жэ таку́ робо́ту за́-дэнь зробы́ты? Зача́ў копа́ты, а́лэ ся тоти́ склянни́ ри́чы поломы́лы, то вжэ стаў и стои́тъ тай пла́чэ. Ажъ ту въ полу́днэ прынэ́сла ёму́ донька́ йи́сты тай якъ махну́ла таки́мъ пру́тыкомъ, що ма́ла за па́зухоў, то ся за́разъ позбига́ло по́ўно людэ́й тай засы́палы тото́ мо́рэ за яку́ годы́ну. Ввэ́чиръ прыхо́дытъ ви́тэръ та́мки, подывы́ўся, що мо́рэ засы́панэ, тай здуми́ўся самъ до сэ́бэ: „О-то́ робо́та!“

Алэ пото́му зноў ка́жэ: „Я щэ тобі́ твэ́и доньки́ нэ видда́мъ! ажъ, ка́жэ, якъ ты мэни́ за́ўтра до вэ́чэра позбыра́ешь цэ́тнаръ ма́ку, що я тобі́ насы́плю, тогды́ вжэ тобі́ доньку́ видда́мъ!“ Тай вы́сыпаў на по́лы цэ́тнаръ ма́ку тай той отэ́ць зача́ў той макъ збыра́ты. Алэ дэ́ тамъ?—нэ мо́жэ! Ажъ понэ́сла зноў ёму́ ди́ўка йи́сты въ полу́днэ тай зноў такъ махну́ла

прýтомъ, то ся назлитáло тíлько птáхиў, що той макъ вы́збыралы до-кры́хты.

Алэ ви́тэръ тáки нэ даў му доньки́, лышэ́ лышы́ў ихъ обóе у сэ́бэ на слýжбу. Тай той стары́й отэ́ць такъ ся вжэ тамъ грызэ́, плáчэ, áлэ донькá кáжэ: „То ницъ, якó-сь то бýдэ!“ Тай потóму ви́тэръ дэ-сь забрáўся и пишóў. Тогды́ ди́ўка зробы́ла витця́ гóлубомъ, а сэбэ́ гóлубчыхоў тай взя́лы ўтикáты обóе. А ви́тэръ пры-хóдытъ до-дóму тай ся пытáе мáтэры—дэ оны́ ся поди́лы? Тогды́ мáты му кáжэ: „Гэтъ полэ́тилы!“ Винъ взяў за ны́мы лэти́ты тай стаў дýжэ лисы́ по дорóзи крышы́ты, дахи́ зрывáты, то що, бо вжэ дýжэ буў лю́тый. А тотá ди́ўка учýла ёгó сдáлэку, то зáразъ зробы́ла сэбэ́ я́блинкоў, а витця́ я́блокомъ. Прылэ́тиў ви́тэръ идъ тій я́блинци, пообзырáў, потрясъ йи на вси бóки, áлэ нэ спизнáў ихъ тай полэ́тиў дáльшэ. А оны́ тогды́ вжэ пишлы́ сы спокі́йно до свóго дóму.

(Отъ Дмитрія Гавриляка въ Доброгостовѣ.)

99.

Сестра-вѣдьма.

Булá бáба старá и мáла дви доньци́: еднý виддáла на дрýгэ сэлó, а молóдша ся щэ лышы́ла вдóма.

Алэ тотá донькá, що ся виддáла, булá дýжэ чариўны́ця вэлы́ка. Якъ щэ ей вэ́злы въ вэсильé, то онá на сáмый пэ́рэдъ зáразъ свóго чолови́ка ззи́ла. Якъ ззи́ла чолови́ка, тогды́ взя́ла йи́сты вси тоты́ свахы́, старосты́, гэтъ цилэ́ вэсильé ззи́ла. Нэ стáло йій тыхъ йи́сты, тогды́ онá забрáлася до людэ́й на сэли́—вы́йила цилэ́ сэлó. Ажъ вжэ нэ бýло когó йи́сты, вжэ нэ стáло людэ́й, тогды́ онá взя́ла йи́сты умэрли́ зъ гробíў.

А дрýга сэстрá дóма кáжэ: „Мамýнцю, я пидý до свóйи сэстры́чки на вэчэрны́чки!“ Тай пишлá до тóи сэстры́—нэ знáла, що то такá чариўны́ця булá. Идэ́-идэ́—зды-

бала по дорóзи би́лого пса. Пытáе йи ся той пэсъ: „Дэ ты йдэшь, дити́нко?“—„Иду́ до сэстри́чки на вэчэрни́чки!“— Алэ пэсъ кáжэ: „Ой, нэ йды, дити́нонько, бо твоя́ сэстри́чка—опыри́чка! вси люде въ сэлí вы́йила, то й тэбэ́ ззистъ!“ Идэ́ онá дáли—здыбáе чóрного пса. Пэсъ йи ся пытáе: „А дэ ты йдэшь, дити́нонько?“—„Иду́ до сэстри́чки на вэчэрни́чки!“— „Ой, нэ йды, кáжэ, бо твоя́ сэстри́чка—опыри́чка, то тэбэ́ ззистъ!“ Зноў идэ́ дáли—здыбáе си́вого пса. А пэсъ кáжэ: „Дэ ты йдэшь, дити́нко?“—„Иду́ до сэстри́чки на вэчэрни́чки!“—„Ой, нэ йды, бо тя ззистъ, бо твоя́ сэстри́чка—опыри́чка!“

Алэ онá тóго нэ слу́хала тай прыйшлá ажъ до тóи хáты, дэ тотá сэстрá сыди́ла. Тай такъ пэ́рэдъ хáтоў здыбала нóгу зъ хрэстяни́на пидъ гóрбомъ у гли́ни. Идэ́ на подви́рье, а тамъ рукá зъ хрэстяни́на лэжы́тъ на подви́рью. Идэ́ до двэрэ́й, а тамъ зáщыпка у двэ́рёхъ—то пáлэць зъ чолови́ка. Идэ́ до комóры—пóўна бóчка кровэ́. Идэ́ до дрыви́тни—зноў пóўна дрыви́тня кóстэй зъ людэ́й. Вы́лизла на стрыхъ—тамъ пóўно волóсья е—кóсы зъ дивóкъ. Тай вжэ тогды́ ввiйшлá до хáты, звытáлася съ тоў сэстрóў тай си́ла собí пря́сты.

А тотá опыри́ця сыди́ла за пьéцомъ и йи́ла мэрлóго (бо вжэ людэ́й въ сэлí нэ бу́ло). Тай взя́ла йи ся тогды́ пытáты: „Ди́ўко, а щó тамъ чувáты, щó тамъ выдáты?“ —„Тотó чувáты, тотó выдáты, що здыбáў мэнэ́ би́лый пэсъ!“ —„Нэ пэсъ то, ди́ўко, нэ пэсъ,—то полу́днэ!“—Тай пытáеся зноў: „Ди́ўко, щó тамъ чувáты, щó тамъ выдáты?“—„Тотó чувáты, тотó выдáты, що здыбáў мэнэ́ чóрный пэсъ!“—„Нэ пэсъ то, ди́ўко, нэ пэсъ,—то ничь!“—Зноў за якы́й-сь часъ кáжэ: „Ди́ўко, щó тамъ чувáты, щó тамъ выдáты?“—„Тотó чувáты, тотó выдáты, що здыбáў мэнэ́ си́вый пэсъ!“—„Нэ пэсъ то, ди́ўко, нэ пэсъ,—то порáнокъ!“—Пытáеся дáли: „Ди́ўко, щó тамъ чувáты, щó тамъ выдáты?“—„Тотó чувáты, тотó выдáты, що въ тэ́бэ е пидъ гóрбомъ у гли́ни людска ногá!“ —„Нэ ногá то, ди́ўко, нэ ногá,—то моя́ моты́ка, я тымъ гли́ну копáю! ди́ўко, щó тамъ чувáты, щó тамъ выдáты?“—„Тотó чувáты, тотó выдáты, що въ тэ́бэ е людска рукá на подви́рью!“—„Нэ рукá то, нэ рукá,—то мои́ грабли́, я тымъ трискí громáджу! ди́ўко, щó тамъ чувáты, щó тамъ выдáты?“—„Тотó чувáты, тотó выдáты, що въ тэ́бэ въ двэ́рёхъ зá-

щыпка изъ пáльця!“—„Нэ пáлэць то, нэ пáлэць,—то кылóкъ, я тымъ двэ́ри защипáю! дúўко, щó тамъ чувáты, щó тамъ выдáты?“—„Тотó чувáты, тотó выдáты, що въ тэ́бэ е пóўна дрывúтня кóстэй!“—„Нэ кóсты то, нэ кóсты,—то дрывá, я тымъ палю́ собú въ пьéцу! дúўко, щó тамъ чувáты, щó тамъ выдáты?“—„Тотó чувáты, тотó выдáты, що въ тэ́бэ въ комóри пóўна бóчка кровэ́!“—„Нэ кроў то, нэ кроў,—то борщъ, я то собú наквáсыла тай варý! дúўко, щó тамъ чувáты, щó тамъ выдáты?“—„Тотó чувáты, тотó выдáты, що въ тэ́бэ е пóўный стрыхъ волóсья!“—„Нэ волóсье то, нэ волóсье,—то повúсмо и лэнъ, я то прядý собú на шмáтье! дúўко, щó тамъ чувáты, щó тамъ выдáты?“—„Тотó чувáты, тотó выдáты, що ты сы заволоклá трýпа за пьецъ тай йишь!“—„А йимъ, йимъ, дúўко, йимъ, тай тэбэ́ ззимъ!“

Тай тогды́ за дúўкоў зъ-за пьéца ся вы́хопыла, а дúўка зачáла дýжэ утикáты. Тай йи вжэ тотá опыры́ця нэ моглá дигнáты тай такъ ўтúкла дúўка счислы́во до свóйи мáмы.

(Отъ Каськи Загальской въ Стольскѣ.)

100.

Заклятая голова.

Бýлы дидъ и бáба тай бáба мáла свóю дúвочку, а дидъ свóю. Алэ такъ ти ся дúўки нэ любы́лы и бы́лы ся зáўшэ, то дидъ кáжэ разъ до свэ́и дúўки: „Иды́ ты собú дэ на слýжбу, бо я вжэ ту нэ мóжу ницъ порáдыты!“

Идэ́ онá, идэ́, ажъ наздыбáе пичь. А пичь кáжэ до нэ́и: „Возьмы́, полипы́ мэнэ́, помасты́ мэнэ́, дúвонько, то я тобú стáну въ прыгóди!“ Онá помасты́ла, облипы́ла йи тай пишлá. Идэ́ дáли—наздыбáе корóву. А корóва кáжэ: „Возьмы́, обмы́й мэнэ́, вы́мэчы зъ-пидъ мэ́нэ гній, то я тобú стáну въ прыгóди!“ Дúўка взя́ла, вы́мэтала гній, обмы́ла корóву тай пишлá собú дáльщэ.

Тай идэ́-йдэ—надыбала хату, а въ тій хати була заклята голова. Кажэ до нэи тота голова: „Зачэшы мэнэ́, обмый мэнэ́!“ Тай згодыла йи такъ на цилый рикъ у сэ́бэ на службу. Такъ дийка цилый рикъ тоту голову чэсала тай мыла. Выйшоу йій рикъ, тогды голова кажэ до нэи: „Ты у мэнэ служыла добрэ, то иды, возьмы сы зъ коморы куфэръ—тамъ маешь свою заслужэныну!“ Алэ въ тимъ куфри було поўно грошэй тай краснэ шматье, то дийка то всё взяла тай повэ́зла до-дому. Йидэ она до-дому тай повэрнула до тои коровы, а корова йій дала сыра, масла на дорогу, килько сама хотила. А видтакъ надыбала тоту пичь, то йій пичь дала хлиба, килько могла взяты на фиру. Прыйихала вжэ до-дому—тамъ отэ́ць выйшоу напротиу нэи тай утишыўся дужэ, що тилько всёго прывэ́зла.

А мачоха тогды гonытъ свою дийку на службу, кажэ: „Иды й ты на службу,—productive, килько тота понавозыла всёго,—то и ты такъ иды!“ Пишла дийка, алэ идэ́-идэ́—надыбала пичь. А пичь кажэ: „Обмый мэнэ́, обмасты мэнэ́, то я тоби стану въ прыгоди!“ А она кажэ: „О, щэ ся ту буду коло тэ́бэ талапаты!“ Тай пишла дальшэ—нэ обмыла. Идэ́-йдэ—надыбала корову. Корова кажэ: „Вымэчы зъ пидъ мэ́нэ гній, обмый мэнэ́, то я тоби стану въ прыгоди!“—„О, кажэ, нэ мала-бы-мъ що робыты!“—И пишла гэтъ.

Тай йдэ-йдэ—надыбала зноў заклятy голову въ тій хати. Та голова кажэ: „Зачэшы мэнэ́, обмый мэнэ́ тай наймыся на цилый рикъ у мэ́нэ, я ты заплачу добрэ!“ Алэ она нэ хотила йи заходыты, лышэ́ пэрэночувала ничь и вжэ хочэ йты дали. Тогды тота голова кажэ: „Но, возьмы сы тамъ куфэръ зъ коморы, вэзы до-дому!“ Взяла дийка той куфэръ, повэ́зла. Йидэ-йидэ—надыбала тоту-саму корову.—„Дай мы, кажэ, сыра й молочка, коровыцэ, бо-мъ така голодна, що страхъ!“—Алэ корова йій ницъ нэ дала. Йидэ дальшэ—надыбуе пичь.—„Кобы-сь мы, кажэ, дала троха хлиба, бо я така голодна, що лэ́дво дыхаю!“—Пичь йій нэ дала ницъ. Прыйихала вжэ она до-дому—маты выйшла, утишылася. Алэ розтворяють оны куфэръ, а въ куфри сами жабы тай гадье́, тай то гадье́ вылизло и ззило тоту бабыну дийку.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

101.

Запроданный черту.*)

Такъ буў едэ́нъ би́дный чоловикъ—нэ маў зъ чого́ жы́ты. И пишо́ў винъ разъ у лисъ—смэ́рты сы шука́ты, а́лэ здыбаў тамъ яко́го-сь крыво́го па́на (а то буў злый духъ). Тай пыта́есся го той панъ: „Дэ ты йдэшь?“—„Иду́ шука́ты сы смэ́рты, бо нэ ма́ю якъ жы́ты!“—„Пидпышы́ся мэни́,—ка́жэ панъ,—то я ты дамъ гро́шэй, ки́лько схо́чэшь: запышы́ мэни́ тото́, чого́ въ тво́имъ до́ми нэма́!“ Тай винъ пидпыса́ў му ся и вжэ тогды́ диста́ў видъ па́на бога́то гро́шэй, що лэ́двэ пони́съ.

Прыхо́дытъ винъ до-до́му, а тамъ акура́тъ тогды́ ёго́ жи́нка ма́ла дыты́ну. Ну ницъ, вжэ той хло́пэць пидри́съ и пишо́ў до шко́лы—такъ ся фа́йно у́чытъ, що гэй! И йдэ винъ такъ разъ зо шко́лы, а попэ́рэдъ нёго скачэ крывы́й птахъ и всэ ёму́ ка́жэ: „Ты мій, ты мій!“ И винъ прыйшо́ў до-до́му и сказа́ў то сво́му витцю́. А отэ́ць тогды́ взяў ду́жэ пла́каты.—„Та чого́ вы такъ пла́чэтэ, та́ту?“—пыта́есся хло́пэць. Алэ отэ́ць нэ хоти́ў му щэ сказа́ты, що го запрода́ў зло́му ду́ховы.

Тай вжэ той хло́пэць вы́рисъ вэлы́кій—вжэ маў зъ пятна́йцить литъ—тай доу́чуваўся вжэ въ тыхъ шко́лахъ на ксёндза. Ажъ зноў такъ разъ идэ́ доро́гоў, а крывы́й птахъ попэ́рэдъ нэ́го ска́чэ тай крычы́тъ: „Ты мій, ты мій!“ Сказа́ў винъ та́товы, пыта́есся го—що́ то е тако́го? А та́то взяў зноў ду́жэ пла́каты тай вжэ му тогды́ пови́ў всю пра́ўду.—„Злэ-мъ зробы́ў,—ка́жэ,—запыса́ў-емъ тя, сыну́ню, зло́му ду́ховы, бо-мъ нэ знаў, що ты ся тогды́ у́родыў!“ Алэ сынъ му тогды́ ка́жэ: „Нэ жури́тся, та́ту, сьмі́йтэся зъ то́го!“ Тай пишо́ў за́разъ до ксёндза, розпови́ў му всё, то му ксёндзъ даў кропы́ло, кны́гу, тоти́ апара́ты, що ся слу́жбу-бо́жу пра́вытъ,—тай винъ съ тымъ соби́ пишо́ў.

Идэ́-йдэ лиса́мы-пото́камы, ажъ прыхо́дытъ то то́и ха́ты, дэ той злый духъ буў. А тамъ бу́ло двана́йцить двэрэ́й, то винъ прыйшо́ў до едны́хъ двэрэ́й, ту́ркнуў, ано́ ся нэ ви-

---

*) Ср. № 13.

творя́ютъ; а́лэ винъ покропы́ў сьвячэ́ноў водо́ў—то му ся за́разъ двэ́ри витворы́лы. Винъ війшо́ў до поко́ю, кро́пытъ тамъ, чыта́е, а пото́му ка́жэ: „Видда́йтэ мы тото́ пысьмо́, що мэнэ́ та́то запыса́ў!“ А тоти́ зли ду́хи, що тамъ бу́лы въ поко́йы, про́сятся, ка́жутъ: „Мы нэ ма́емъ то́го пысьма́,—иды́ да́льшэ!“ Винъ прыйшо́ў до дру́гыхъ двэрэ́й, до трэ́тыхъ, тай всэ тамъ кропы́ў и чыта́ў, ажъ пэрэйшо́ў вси поко́йи до двана́йцятого. Тамъ зноў покропы́ў до́брэ то́го найста́ршого зло́го ду́ха—крыво́го и ка́жэ: „Видда́й мэни́ мо́е пысьмо́!“ Тогды́ той вжэ нэ маў що́ робы́ты, бо го ду́жэ пэкло́, тай взяў, розри́заў сы ки́стку на нози́, вы́няў то пысьмо́ и му видда́ў.

Тогды́ хло́пэць прыйшо́ў до-до́му и ка́жэ: „Тэпэ́рь вы, та́ту, вжэ ся нэ жури́тъ ницъ, бо я вжэ видобра́ў то пысьмо́, що вы ся на мэ́нэ пидпыса́лы!“ И показа́ў та́товы пысьмо́, а пото́му подэ́ръ го и вэргъ у пичь—згори́ло на-ви́ки. И вжэ ся тогды́ вы́учыў на ксёндза и жыў соби́ ажъ до смэ́рты.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

102.

Мальчикъ и мертвецъ.

У одно́го ґа́зды́ буў малы́й хло́пэць—едына́къ. Тай одно́го ра́зу пасъ винъ съ дру́гымы пастуха́мы това́ръ ко́ло цвы́нтаря. Посида́лы хло́пци полу́днуваты, а той едына́къ ка́жэ: „Ану́, я занэ́су умэрло́му хли́ба!“ Тай взяў ку́снык хли́ба и пони́съ на цвы́нтаръ, лягъ на грибъ тай клы́чэ: „Умэрлы́й, на́-тоби́ хли́ба!“ Тогды́ умэ́рлы́й зъ гро́бу ка́жэ: „Иды́-йды, прынэ́сэшь мы у ночы́ о двана́йцятій годы́ни!“ Хло́пэць ся ду́жэ злякъ и ути́къ до-до́му. И вжэ такі́й сумны́й хо́дытъ, ницъ нэ йисть, нэ гово́рытъ.

То пэ́ршои но́чы щэ ницъ нэ бу́ло. А на дру́гу ничь о 12-ій годы́ни прыйшо́ў умэрлы́й пидъ ха́ту тай клы́чэ: „Нэсы́-жъ мэни́ хли́ба!“ И трэ́тои но́чы зноў такъ

прыйшóў пидъ хáту за хлúбомъ. Тогды́ вжэ тóго хлóпця рóдычи пишлы́ до ксёндза рáдытыся--щó ту робы́ты? А ксёндзъ такъ казáў: „Спэчи́тъ хлúба, то въ ночы́ возьмэ́мъ хоругвы́ и хрэстъ и такъ пидэ́мъ съ хлóпцёмъ на цвы́нтаръ!“ Тай такъ зробы́лы: въ ночы́ о 12-ій годы́ни пишлы́ процэ́сьоў на цвы́нтаръ идъ тóму грóбовы, постáвылы тóго хлóпця съ хлúбомъ на-пэрэ́ди, а ксёндзъ зачáў видпрáву. Алэ сьвичкú всэ гáслы, ажъ ся грибъ розтворы́ў, тай хлóпэць упáў у грибъ и зноў ся грибъ за нымъ запэ́ръ.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

103.

Шапка мертвеца.

Ходы́лы на вэчэрны́ци диўкú тай хлóпци. Тай кáжутъ разъ хлóпци едэ́нъ до дрýгого: „Зложúмся на горúўку, пидэ́мъ по горúўку!“ Алэ кóждый ся бояў иты́ до кóрчмы, бо булá тэ́мна ничь. Тогды́ еднá дúўка кáжэ: „Оў, вы ся боитэ́, а я бы самá пишлá!“ Тай пишлá тотá дúўка по горúўку.

Идэ́ онá чэ́рэзъ цвэ́нтаръ, а тамъ стоúтъ якíй-сь хлопъ. Онá гадáла, що то котры́й хлóпэць вы́йшоў йи пýджаты, тай кáжэ: „То ты мэнэ́ пýджаешь?“ Тай го штóўхнула тай пишлá дáли. Взя́ла онá въ кóрчми горúўки, идэ́ вжэ назáдъ, а той хлопъ всэ щэ стоúтъ. Тогды́ онá вжэ розгнúвалася тай зúрвала съ нэ́го шáпку, удáрыла го шáпкоў по пы́ску и пишлá. Прыйшлá до хáты на вэчэрны́ци тай кáжэ: „Якíй-сь мэнэ́ дýрэнь пýджаў, áлэ-мъ му сдэ́рла шáпку! чыя́ то шáпка?--прызнавáйтэся!“ Оны́ ся тамъ ды́вятъ на ту шáпку, а на ній е такíй знакъ, що винэ́ць буў. *)

*) Парней хоронятъ обыкновенно въ шапкѣ, украшенной вѣнкомъ изъ свѣжихъ листьевъ и цвѣтовъ.

А тогды́ хто-сь прыйшо́ў пидъ ха́ту, запу́каў до викна́ тай клы́чэ: „Видда́й мэни́ ша́пку!“ Тогды́ ди́ўка да́ла тоту́ ша́пку хло́пцямъ и ка́жэ: „Та ке́ньтэ му ша́пку чэ́рэзъ викно́!“ (бо ся сама́ вжэ боя́ла.) Алэ той ка́жэ: „Якъ-есь мы йи здоймы́ла, такъ мэни́ тэпэ́рь сама́ заложы́!“ Алэ она́ боя́лася—нэ пишла́.

Тай той мэртвэ́ць такъ що-но́чы прыходы́ў пидъ ей ви́кна и всэ каза́ў, абы́ му ша́пку заложы́ла на го́лову. Що́ робы́ты? Пора́дыўся ей отэ́ць съ ксёндзомъ тай ўра́дылы такъ, що трэ́ба вжэ ди́ўку видвэ́зты на цвэ́нтаръ идъ то́му мэрло́му. Зробы́ў той отэ́ць вэлы́ку кома́шню, запросы́ў пять ксендзи́ў, тогды́ вложы́лы тоту́ ди́ўку въ тру́ну и повэзлы́ йи гы умэрлу́ на цвэ́нтаръ. Взя́лы тамъ ксендзы́ видправля́ты молытвы́, а той мэрлы́й вжэ тамъ стойтъ. Тогды́ вжэ тота́ ди́ўка взя́ла му заклада́ты ша́пку на го́лову, а́лэ винъ йи якъ ўхопы́ў, якъ пони́съ, то розни́съ йи по ки́сточци по цили́мъ цвэ́нтары.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

104.

Баба хуже черта.

Було́ двое людэ́й и ду́жэ ся любы́лы. И чортъ ходы́ў до ныхъ бэзъ симь литъ, а́лэ нэ мигъ ихъ скусы́ты, щобы́ ся посварылы. Тай идэ́ винъ разъ доро́гоў и пла́чэ тай здыбаў стару́ ба́бу. И тота́ ба́ба зача́ла ся ёго́ пыта́ты: „Чого́ ты такъ пла́чэшь?“ А винъ зача́ў йій тогды́ оповида́ты свій кло́питъ. А она́ ёму́ ка́жэ: „Що́ мэни́ дашь, якъ я тоби́ тото́ зро́блю?“ Чортъ йій тогды́ обицяў па́ру чоби́тъ, якъ она́ ску́сытъ тыхъ чолови́ка и жи́нку.

Тогды́ пишла́ ба́ба до тыхъ людэ́й, а́лэ до́ма була́ йно жи́нка, а чолови́къ буў дэ-сь въ по́лю. И она́ ка́жэ тій жи́нци такъ: „Я чу́ю, що вы ся съ чолови́комъ ду́жэ лю́бытэ, а́лэ я вамъ дамъ таку́ ра́ду, що васъ чолови́къ щэ ли́пшэ будэ́ любы́ў!“ И каза́ла йій навары́ты

мы́ску пырогі́ў и спэчы́ ка́чку и всё то засу́нуты за плы́тку въ пьецъ, а на при́пичку поста́выты лышэ́ тро́ха квасно́го борщу́ въ горня́ты; и каза́ла щэ прынэ́сты лі́тру горі́ўки и поста́выты у ку́тыкъ у ша́фци; а́лэ то́го чолові́ковы, якъ ся вэ́рнэ съ по́ля, нэ каза́ла ницъ давáты, лышэ́ то́го тро́ха борщу́. —„Якъ то всё зро́бытэ, ка́жэ, то васъ чолові́къ щэ бі́льшэ бу́дэ любы́ў, якъ тэпэ́рь!“ Тай вы́пыталася потóму, дэ чолові́къ о́рэ, тай тогды́ вжэ пишла́ собі́ да́ли.

Тай пишла́ про́сто до то́го чолові́ка на по́лэ и ка́жэ до нэ́го: „Дай Бо́жэ счи́стье!“ А потóму щэ ка́жэ: „Та вы ту такъ гару́етэ тя́жко, а ва́ша жі́нка вдо́ма балю́еся съ хабаля́мы! навэла́ сы, ка́жэ, хабалі́ў, прынэ́сла горі́ўки, спэкла́ для ныхъ пэчэ́ню, навары́ла пырогі́ў,—баль такы́й, що ну́,—а для васъ зварыла тро́ха борщу́—тако́го квасно́го, що я́къ-бы пэсъ ззиў, то́-бы здохъ!“ И забра́лася и пишла́.

Прыйи́здытъ чолові́къ до-до́му и ка́жэ до жі́нки: „Дай мы и́исты!“ А она́ ка́жэ: „Та нэма́ ницъ, и́но тро́ха борщу́ тамъ на при́пичку!“ Алэ идэ́ чолові́къ до ша́фки—е горі́ўка, ды́вытся въ пьецъ—е пырогы́ тай пэчэ́ня. Тогды́ винъ вжэ повьє́рыў, що му каза́ла тота́ ба́ба, взя́ў сы кі́я тай набы́ў жі́нку. То такъ скусы́ла ба́ба тыхъ двóе людэ́й.

А чортъ вжэ му́сиў за то́е да́ты ба́би чо́боты, а́лэ якъ и́ий дава́ў, то нэ рука́мы, лышэ́ подава́ў и́ий ти чо́боты на вы́лахъ. Тай ка́жэ: „На́-тобі́, бо я ся бо́ю, абы́ ты щэ й мэнэ́ нэ скусы́ла!“

(Отъ Гната Ворка въ Ладычинѣ.)

105.

Баба и чертъ.

Сіяла ба́ба съ ди́дькомъ ри́пу на-спи́ўку. Винъ ка́жэ: „Що́ твое́ бу́дэ—цы спидо́къ, цы вэршо́къ?“ Она́ ка́жэ: „Нье, мій бу́дэ спидо́къ, а твій вэршо́къ!“ Тай такъ ся тамъ подилы́лы: ба́ба взя́ла всю ри́пу, а ди́дько лы́стье звэ́рху.

Тай вжэ тотды́ посі́ялы на-спи́ўку про́со. Ди́дько ся зноў такъ пыта́е: „Цы ты будэ́шь бра́ла вэршо́къ, цы спидо́къ?“ А ба́ба ка́жэ: „Нье, ты вжэ взяў зъ ри́пы вэршо́къ, то я тэпэ́рь во́зьму вэршо́къ зъ про́са, а ты бэры́ соби́ спидо́къ!“ Тай винъ взяў кори́нье зъ про́са, а ба́ба вэршо́къ.

Тогды́ вжэ чортъ ка́жэ: „Та ты мэнэ́ два ра́зы обцыга́ныла! то ходи́мъ ся тэпэ́рь бы́ты обыдво́е!“ Тай взя́лы ся бы́ты чэ́рэзъ плитъ, а́лэ ба́ба взя́ла соби́ рожэ́нъ, а ёму́ дала́ ўра́ли; то ба́ба всэ ди́дька рижно́мъ шту́ркае, а винъ ўра́лямы чэ́рэзъ плитъ нэ мо́жэ а́ни разъ. Тай такъ ба́ба ди́дька пэрэбы́ла, то винъ забра́ўся тай ути́къ.

(Отъ Каськи Загальской въ Стольскѣ.)

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Изъ галицко-русскихъ народныхъ повѣрій.

1. Хованецъ и инклюзъ.

Нѣкоторые люди имѣютъ домовика, который приноситъ имъ богатство и счастье, исполняетъ всевозможныя хозяйскія работы и порученія и вообще служитъ своему хозяину усердно и вѣрно, но за то по смерти беретъ себѣ его душу. Такой домовикъ называется здѣсь „хóванэцъ“, „годóванэцъ“, или просто—„свій“.

Чтобы получить такого хованца, нужно 9 сутокъ носить подъ лѣвой мышкой „яйцэ́-знóсокъ“ отъ совершенно черной курицы; въ продолженіе всего этого времени нельзя ничего работать, ни говорить, ни умываться, ни чесаться, ни молиться, ни въ церковь ходить. Только тогда, по истеченіи 9 сутокъ, выйдетъ изъ яйца хованецъ. Это самый обыкновенный и простой рецептъ, хорошо извѣстный не только въ цѣлой Галичинѣ, но и у многихъ другихъ народовъ. Однако, отдѣльные мотивы его получаютъ въ разныхъ мѣстностяхъ Галичины различныя, хотя и незначительныя, измѣненія.

И такъ, прежде всего расходятся мнѣнія относительно яйца, производящаго хованца: оно должно быть или первымъ яйцомъ молодой курицы, или послѣднимъ—старой (но всегда совершенно черной); должно быть совсѣмъ безъ желтка, или-же съ двумя желтками; иногда требуется также, чтобы оно происходило отъ курицы, поющей пѣтухомъ (такъ какъ въ такой курицѣ сидитъ чертъ).

Время, когда выгрѣвается яйцо подъ мышкой, также не всегда безразлично для успѣха дѣла. Въ с. Яленковатомъ, скольскаго у., и въ с. Борусовѣ, бобрецкаго у., вѣрятъ на счетъ этого такъ: нужно носить яйцо подъ мышкой 9 сутокъ передъ Пасхой; на „Вэлы́кдэнь“ слѣдуетъ пойти съ нимъ въ церковь на заутреню и, когда священникъ провозгласитъ: „Христосъ воскресъ!“—сказать тихо 3 раза: „И мій воскресъ!“ Въ эту-же минуту вылѣзетъ хованецъ изъ яйца.

Порою считаютъ нужнымъ завернуть яйцо въ паклю („клочье“) и такъ носить его подъ мышкой.

Хованца можно получить также слѣдующимъ образомъ: „Во Львóви е такíй склэпъ и тамъ вы́сятъ на стинí два хрэсты́—едэ́нъ праўды́вый, а дру́гый намалёваный мáзэў; то трэ́ба той праўды́вый хрэстъ удáрыты, а той зъ мáзы поциловáты,—тогды́ той купэ́ць дастъ хóванця“. (Отъ Михаила Голуба въ Борусовѣ.)

Приведемъ еще нѣсколько народныхъ разсказовъ о существѣ и значеніи домовика:

—„Такóго годóванця дэржáтъ дэ-сь въ запóри, абы́ нихтó нэ вы́диў,—въ комóри áбо на подí. Разъ нá-дэнь даю́тъ ёму́ въ чэрэпку́ йи́сты вся́ку стрáву, лышь щобы́ нэ булá солэ́на,—бо я́къ-бы му посолы́ў, чы на-збы́тки, чы тáки нэхотячы́, то ся тя́жко пи́мстытъ.“ (Отъ Антона Лазоревича въ Крушельницѣ.)

—„Однá старá вдовá мáла хóванця. Разъ наганьбы́ла чогó-сь свóго пáрубка, а винъ зо злóсты насы́паў до стрáвы, котру́ бáба пры́лады́ла для хóванця, сóлы. Алэ бáба ничóго нэ знáла тай занэ́сла тоту́ стрáву хóванцэвы до шпихлирá—тай ужэ́ би́льшэ нэ вэрну́ла. Ажъ на дру́гый дэнь знайшлы́ йи повíшэну горí ногáмы въ пэрэ́руби — вжэ закостэни́лу. То хóванэць йи тамъ пови́сыў за ту стрáву.“
(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

—„У старóго Лу́ця Мэ́льныка на подí буў годóванэць и чэ́рэзъ то Луць буў богáчъ на цилэ́ сэлó. Той годóванэць буў якъ-бы́ малэ́ нькій паны́чъ въ чóрнимъ спэнцы́рку съ сьвитя́чымы ґу́дзыкамы; такъ го ки́лька сосидиў вы́дило. Нэрáзъ ввійду́тъ лю́дэ до хáты—ди́ты ся колы́шутъ въ колы́сци, а годóванэць мэ́жы ны́мы съ лю́лькоў въ зубáхъ—такъ ся съ ны́мы колы́шэ, ажъ пидъ повáлу.—Разъ забу́лы и далы́ му чыръ посолэ́ный, а самí пишлы́ въ пóлэ. Прыхóдятъ съ пóля, а той вы́тягнуў быкá на пидъ и пови́сыў го на драґары́ горí ногáмы. И вси чу́лы, якъ ся стары́й Луць за то съ нымъ на подí сварыў.—А якъ стары́й Луць умэ́ръ, то годóванэць буў щэ въ хáти рикъ по ёгó смэ́рты. А потóму сынъ Лу́ця нэ хоти́ў ся съ нымъ вжэ заходы́ты—боя́ўся ду́шу загубы́ты. То разъ, якъ годóванэць влизъ до шуфля́ды въ столí, винъ забы́ў го тамъ цвёчкамы, а потóму, якъ булá злы́ва и прыйшлá вэлы́ка водá, пусты́ў стиў долí рикóў. Алэ съ тамтóго бóку надійшóў

зять нэби́жчыка Лу́ця, зйимáу̌ стиу̌ и вжэ видъ то́го часу̌ ду̌жэ розбогати́у̌.“ (Отъ Евки Даневой въ Крушельницѣ.)

—

Представленіе о домовикѣ—хованцѣ часто смѣшивается въ народныхъ разсказахъ съ другимъ, родственнымъ представленіемъ—о такъ называемомъ „и н к л ю з ѣ“ т. е. неразмѣнной монетѣ. Такое именно смѣшеніе этихъ двухъ, въ сущности—различныхъ понятій представляютъ, напр., слѣдующіе народные разсказы:

—„Ишо́у̌ хлопъ по́лёмъ и вы́дытъ, що дру́гій хлопъ о́рэ чтырма́ во́лы самъ-едэ́нъ, и чу̌е, якъ що-сь му ви́у̌мы го́нытъ: собъ-ча́!—а нычъ нэ вы́дытъ. Прыхо́дытъ блы́жэ, а тамъ що-сь свы́щэ. Тогды́ винъ кі́жэ: „А хто то вамъ, γáздо, во́лы го́нытъ?“—„То мэни́, ка́жэ, мій сынъ во́лы го́нытъ!“—„Дэ-жъ е вашъ сынъ, колы́ го нэвы́дко?“—„А-о́, воло́вы въ прави́мъ у̌си!“—Тай вы́няу̌ зъ у̌ха, а то бы́ло я́блочко, а у я́блочку сыды́тъ той винклю́зъ. А той хлопъ ка́жэ тогды́: „А прода́йтэ вы мэни́ то́го сво́го сы́на!“—„Та прода́мъ!“—„А що́ хо́чэтэ?“—„Хо́чу, ка́жэ, тры сри́бни!“—Той вы́няу̌ и дау̌ и ка́жэ ёму́: „Я вамъ даю́, лышэ́ абы́ винъ видъ мэ́нэ нэ у̌тикъ!“ И спря́тау̌ го до кешэ́ни мэ́жы гро́ши. Прыйшо́у̌ доми́ и самъ ся такъ ти́шытъ, що вжэ нэ потрэбу̌е слугы́ дэржа́ты. Яу̌ винъ вынима́ты зъ кешэ́ни, а ту—а́ни гро́шэй, а́ни то́го я́бка.“

(Отъ Татьяны Михайловичъ въ Головецкѣ.)

—„Пойи́халы ксёндзъ на ярма́рокъ, взя́лы тамъ по торго́вицы торгова́ты що-сь. И подыбалы тамъ едно́го хло́па, а ёму́ що-сь пидъ плэчо́мъ сьпива́е. Тогды́ пыта́ютъ ёго́ ся ксёндзъ: „А що́ тамъ у тэ́бэ, хло́пэ, сьпива́е?“—„Про́шу еγомо́сця, то такій у мэ́нэ сынъ такъ фа́йно сьпива́е!“—Тоти́ ксёндзъ я́лы каза́ты: „Прода́й ты мэни́ ёго́, хло́пэ!“ Вы́няу̌ той хлопъ, а то быу̌ самсо́нъ а́бо винклюзъ—таке́ чэрво́нэ я́блочко. То ксёндзъ ся пыта́лы: „Що́ ты хо́чэшь, хло́пэ, за то?“ Яу̌ той хлопъ каза́ты: „Я хо́чу два сри́бни!“ Но, ксёндзъ да́лы ёму́ тогды́ два сри́бни, а тото́ я́бко спря́талы у пуля́рошъ съ гришмы́. И прыйшлы́ до-до́му, вынима́ютъ ксёндзъ пуля́рошъ, ды́влятся, ано́ нэма́ ни то́го, ни гро́шэй.“ (Отъ нея-же.)

—„Пишо́у̌ едэ́нъ чолови́къ зъ Бо́ры́нычъ до Роздо́лу тай зды́бау̌ на доро́зи ры́нськый-конфлю́зъ. Прыни́съ го до-до́му, а нэ знау̌ щэ, що то нэчы́сти гро́ши. И дэ ёго́ змыня́у̌ а́бо вы́дау̌,

то винъ и самъ всэ прыйшо́ў до не́го наза́дъ, и щэ дру́ги гро́ши прыни́съ.—Якъ вжэ ся той человикъ пидпоми́гъ до́брэ и ёму́ ся вжэ то змэрзи́ло, то пишо́ў до ксёндза и пови́ў. А ксёндзъ тогды́ му каза́ў—наза́дъ на то-самэ́ ми́сцэ виднэ́сты, ви́дки го взяў. То якъ тамъ видни́съ на ту доро́гу, то конфлю́зъ стра́шно ся сэ́рдыў и ша́пку съ нэ́го здэръ—ма́ло му смэрть тамъ нэ бу́ла. Тай бу́ря ста̀ла тамъ така́, що страхъ, а́лэ пото́му вжэ би́льшэ той конфлю́зъ до не́го нэ вэрта́ў." (Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

—

Напечатано въ „Живой Старинѣ", 1897 г., вып. I, стр. 105—106 и 111.—Другія галицко-русскія и вообще малорусскія параллели см.: И. Я. Франко: Апокріфи і легенди з украінських рукописів, 1899, т. II, стр. 176 и 320; его-же: Людові віруваня на Підгірю—„Етнографічний Збірник" Т-ва им. Шевченка, 1898, т. V, стр. 210; В. М. Гнатюкъ: Знадоби до гал.-рус. демонольогіі—тотъ-же „Етногр. Збірник", 1904, т. XV, стр. 96—106 и 254; Д. Лепкій: Хованець або богъ-домовикъ—„Зоря", 1883, № 7, стр. 114—115; „Жите і Слово", 1894, т. II, стр. 354, 1895, т. IV, стр. 185; „Правда", 1868, стр. 43 и 120; Д. И. Вагилевичъ: Bojkowé—„Časopis Českého Museum", 1841, стр. 64—65; T. Vernaleken: Mythen und Bräuche des Volkes in Oesterreich, 1859, стр. 238—239, 261—263; И. Верхратскій: Початки до уложеня номенклятури и терминологіі природописноі народнеі, 1869, ч. II, стр. 40; F. X. Mroczko: Śniatyńszczyzna, 1897, ч. I, стр. 20—23; O. Kolberg: Pokucie, 1888, т. III, стр. 86—89; F. Řehoř: Čert—mosaika z lidových podáni halicko-ruských—„Zlatá Praha", 1895, стр. 150—151; „Rocznik kółka naukowego tarnopolskiego", 1892, стр. 135; „Lud—organ T-wa ludoznawczego we Lwowie", 1896, т. II, стр. 252—254, 1897, т. III, стр. 152—154, 1899, т. V, стр. 381—382, 1900, т. VI, стр. 386—388; В. М. Козарищукъ: Изъ буковинскихъ карпатскихъ горъ—„Наука", 1890, стр. 81 и 83; R. F. Kaindl: Die Huzulen, 1894, стр. 75, 83, 104; его-же: Neue Beiträge zur Ethnologie und Volkskunde der Huzulen—„Globus", 1896, т. 69, № 6, стр. 94; И. Левицкій: Сьвітогляд украінського народа, 1876, стр. 51—54; М. П. Драгомановъ: Малорусскія нар. преданія и разсказы, 1876, стр. 57; П. П. Чубинскій: Труды этногр.-стат. экспедиціи въ зап.-рус. край, 1872, т. I, стр. 192—193 и 208;

П. В. Ивановъ: Нар. разсказы о домовыхъ и т. п.—„Сборникъ Харьк. Ист.-фил. О-ва, 1893, т. V, стр. 23—53; Б. Д. Гринченко: Изъ устъ народа, 1901, стр. 109—113; И. И. Манжура: Сказки, пословицы и т. п.—„Сборникъ Харьк. Ист.-фил. О-ва, 1890, т. II, стр. 129—130; В. Н. Ястребовъ: Матеріалы по этнографіи новоросс. края, 1894, стр. 77—78; Н. Ѳ. Сумцовъ: Культурныя переживанія, 1890, стр. 102; А. Н. Аѳанасьевъ: Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, 1867, т. II, стр. 77—120 и passim.

Въ частности—объ инклюзѣ см.: В. Г. Щуратъ: Zaubergeld—„Am Urquell“, 1893, т. IV, стр. 105—110 и 135—141; В. М. Гнатюкъ: Знадоби до гал.-рус. демонольогії, стр. 254—264.

Библіографію мотива о рожденіи изъ яйца вообще см.: Ю. А. Яворскій: Omne vivum ex ovo. Къ исторіи сказаній и повѣрій о яйцѣ, 1909, стр. 16—20.

---

2. Переступень.

Пэрэстýпэнь (мандрагора—bryonia alba) ростэ́, якъ сы полю́бытъ ми́сцэ, за угло́мъ за хáтоў áбо въ горо́ди—зъ пиў мэ́тра у зэмлы́. Лы́стье мáе таке́, якъ на хмэ́лю, скризь обсы́панэ чо́рнымы я́годамы. Мáе такы́й ко́ринь, акурáтъ такы́й, якъ малá диты́на,—мáе го́лову, ру́ки, но́гы,—бо винъ е зъ тыхъ дитэ́й-поты́рычатъ,*)—пэрэкидáеся зъ ныхъ.

Хто нэ знáе, а ёго́ урвэ́ áбо пэрэ́тнэ, то винъ зáразъ пошко́дытъ—пораны́тъ на цили́мъ ти́ли, ажъ кроў тэчэ́, видо́ймэ ру́ки, но́гы áбо й ро́зумъ,—а зъ кори́ня ёго́ тэчэ́ би́ла кроў. Тогды́ той хрэстяны́нъ лэжы́тъ хо́рый и мо́жэ лэжáты й ки́лька ро́киў. Ажъ я́къ-бы ся дови́даў, що то видъ пэрэстýпня ёмý такъ е, то тогды́ бэрэ́ цилýшку хли́ба и мáсла сьвячэ́ного и ɣрэ́йцаръ, кладэ́ тото́ ко́ло то́го пэрэстýпня, прытýлытъ до то́го ми́сця, дэ то утя́ў, помасты́тъ и пэрэпро́сытъ ёго́, тогды́ прыго́рнэ зэмлэ́ў,—то вжэ му тогды́ зáразъ полэ́кшытъ.

---

*) Поты́рычата или страччукы́— это души убитыхъ или умершихъ безъ крещенія дѣтей.

Часо́мъ дэ якъ горо́дятъ плитъ и натра́фытъ хто коло́мъ на нэ́го, то му́сытъ розибра́ты плитъ и нау́ко́ло нэ́го обкопа́ты зэ́млю.

Пэрэсту́пэнь часо́мъ пэрэке́дуеся въ диты́ну: вы́скочытъ зъ зэмли́ и ся́дэ собі́ на пло́ти а́бо на яки́мъ слу́пи, пиднэ́сэ одну́ ру́ку и но́гу до-горы́ и сиды́тъ, а пото́му счэ́знэ—нэзна́ты дэ?

Дэ винъ ростэ́, то пры́но́сытъ счи́стье и мае́токъ. Алэ якъ му ся ми́сцэ змэрзы́тъ, а́бо що́, то забэ́рэся и пэрэ́йдэ на е́нчэ ми́сцэ. Лю́дэ го ду́жэ шину́ютъ и нэ ру́шаютъ го.

Хто зна́е видмо́выты, той го мо́жэ вы́рваты и ницъ му ся нэ ста́нэ. То е ду́жэ дорогэ́ кори́нье, на́вить го до апты́ки продаю́тъ,—и вжэ тамъ въ апты́ци знаютъ, до чо́го оно́ е нале́жнэ. (Отъ Сеня Вереса въ Грусятычахъ.)

Напечатано въ „Живой Старинѣ“, 1900 г., вып. IV, стр. 598.—Ср. Ю. А. Яворскій: Die Mandragora im südrussischen Volksglauben—въ „Zeitschrift für österreichische Volkskunde“, 1896 г. № 12, стр. 353—361, и 1897 г., № 2, стр. 63—64, гдѣ приведена также важнѣйшая литература предмета.

---

3. Дикая баба.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ русской Галичины сохранились, между прочимъ, интересные обрывки преданій объ одномъ женскомъ миѳическомъ или демоническомъ существѣ—такъ называемой дикой бабѣ, которая извѣстна здѣсь, впрочемъ, также и подъ другими названіями, какъ-то: „ли́тавыця“, „ви́трэныця“, „пэрэле́стныця“, или „богы́ня“.

Сравнительно наиболѣе ярко и цѣльно сохранились повѣрья о дикой бабѣ у горцевъ стрыйскаго уѣзда, на разсказахъ которыхъ, главнымъ образомъ, и основывается предлагаемый сводъ этихъ повѣрій, причемъ одна ихъ часть записана нами лично, другая-же извлечена изъ рукописныхъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ въ 1870-хъ годахъ и любезно предоставленныхъ намъ заслуженнымъ галицко-русскимъ писателемъ-этнографомъ—А. Ю. Алексѣевичемъ.

Дикая баба обыкновенно очень красива; особенно прекрасны ея волосы—золотистые и очень длинные.

Чаще всего она является—во снѣ или даже на яву—молодымъ, холостымъ мущинамъ, которые безумно влюбляются въ нее и отъ тоски по ней изнываютъ и чахнутъ. Но она пристаетъ также нерѣдко и къ женатымъ людямъ и овладѣваетъ ими до такой степени, что они покидаютъ своихъ женъ и не могутъ больше жить съ ними. Она приходитъ къ своему избраннику каждую ночь и ложится возлѣ него или у его ногъ. Человѣка, къ которому привяжется дикая баба, водятъ въ церковь или на богомолье, освящаютъ надъ нимъ воду, призываютъ ворожей-шептухъ и т. п. Однако, до тѣхъ поръ, пока она сама его не оставитъ, никакая сила и никакія средства не могутъ освободить его отъ ея власти.

—„До одно́го γазды ходы́ла ли́тавыця и всэ згана́ла жону́ изъ постэ́ли, а сама́ ляга́ла ко́ло нэ́го. Ажъ разъ хто-сь нара́дыў жони́, щобы́ положы́лася окрэ́мэ спа́ты, а якъ ли́тавыця надійдэ́ и за́снэ, то щобы́ йій ўтя́ла воло́сье (бо она́ ма́е воло́сье прегы́рэшнэ и до́ўгэ онь до зэмли́). Ажъ ту въ ночы́ запу́кало що-сь до викна́,—чоловикъ заворкотиў крузь сонъ, а пото́му зноў ты́хо ста́ло. Тогды́ жона́ вста́ла, засьвиты́ла на пры́пичку сьви́чку и ды́вытся, а она́ така́ кра́сна, що лышь стань та дывы́ся; и обіймы́ла γа́зду наўко́ло шыи. То тій жони́ тогды́ жаль ей ста́ло, то она́ я́ла ихъ лышь розганя́ты. Колы́-жъ ли́тавыця проснýлась, то ка́жэ до жоны́: „Колы́ ты мэнэ́ нэ позбыткова́ла и нэ позба́выла мэнэ́ чэ́сты, то ужэ́ γазду́й соби́ сама́, а я ужэ́ нэ бу́ду би́льшэ ходы́ты!“ Тогды́ ви́тэръ поду́ў и она́ счэ́зла—тай ти́лько за нэ́и чу́тки бы́ло.“ (Изъ с. Опорца.)

Дикая баба очень любитъ горохъ, въ которомъ—въ огородѣ или на полѣ—ее нерѣдко можно встрѣтить и поймать. Однако, поймать ее можно только тогда, если отнять у нея ея сапоги-скороходы, въ которыхъ она шагаетъ по нѣскольку верстъ за-разъ; безъ этихъ сапоговъ она не можетъ бѣжать и вообще теряетъ свою сверхъестественную силу. Тогда она покорно идетъ за поймавшимъ ее человѣкомъ, служитъ ему вѣрно и исполняетъ всякое его приказаніе, а если онъ этого пожелаетъ, то дѣлается даже его женой.

—„Одэ́нъ па́рубокъ маў въ по́лы горо́хъ и що-сь му въ нимъ ду́жэ вэлы́ку шко́ду робы́ло, а нэ знаў—що́? Ажъ разъ

вы́йшоў въ по́лэ и увы́диў ко́ло горо́ху чо́боты, а въ горо́си така́ кра́сна ви́трэныця, ажъ о́чы въ го́лови забы́ў. Онъ тогды́ хо́пыў одэ́нъ чо́битъ и ка́жэ: „А то ты мэни́ таку́ шко́ду ро́бышь? то тэпэ́рь му́сышь вжэ зо мноў иты́!“ Прыйшлы́ доми́, тогды́ онъ чо́битъ стулы́ў, щобы́ она́ нэ зна́ла—гдэ, тай вжэ му́сила бы́ты ёго́ жоно́ю.—Жылы собі́ фа́йно, ɣаздува́лы и ма́лы диты́ну—таку́ кра́сну, що кра́шои нигдэ́ нэ было. Но прыйшо́ў часъ и умэ́рла дитына, а колы́ вси́ йо́йкалы, она́ ка́жэ: „Та що́ йо́йкаетэ?—то трэ́ба гра́ты и вэсэлы́тыся!“ И заста́выла гудакі́, щобы́ гра́лы по дитыни. Вси чу́довалыся тому́, но нычъ вжэ нэ каза́лы. За нэдо́ўгый часъ умэ́ръ пакъ старый отэ́ць ей ɣа́зды, а она́ йо́йкае: ажъ страхъ бэрэ́ слу́хаты. Тогды́ вжэ чоловикъ звидуеся ей: „А чому́-жъ ты тэпэ́рь пла́чэшь, хоть онъ мій отэ́ць, а нэ тоби́? а за дитыноў то-сь ся вэсэлы́ла, хоть ты йій ма́ты была?“ А она́ ёму́ нэ хоти́ла сказа́ты: „Ты то́го нэ зна́ешь и нэ бу́дэшь зна́ты!“ Онъ вы́дытъ, що она́ нэ хо́чэ сказа́ты, то вжэ обицяў йій видда́ты чо́битъ. —„Но, колы́ такъ, то вжэ ты ска́жу: бо ты нэ вы́диў, якъ старо́го ду́шу грихы́ наля́глы тай обступы́лы в с и (т. е. черти) и позлита́лыся, що бы для ко́ждого и ки́сточки нэ ста́ло, а якъ я ста́ла йо́йкаты, то оны́ напу́дылыея и поўтика́лы; а колы́ дитына ўмэ́рла, то така́ ра́дисть была ко́ло нэи, що нэ было чого́ банова́ты!“ Пото́му ёму́ щэ бі́льшэ дэ́-що розповила, то тогды́ вжэ онъ йій му́сиў да́ты чо́битъ. Тогды́ такі́й вэлы́кій ви́тэръ подуў—тай ти́лько йи вжэ вы́диў. А колы́ прыйшлы́ мясны́ци, то посва́таў собі́ отданы́цю.“ (Изъ с. Яленковатаго.)

—„Одэ́нъ господаръ зйима́ў ды́ку ба́бу въ сво́йимъ горо́си. Чо́боты взяў, схова́ў до комо́ры, а она́ зача́ла ёго́ просы́ты, щобы́ йій видда́ў чо́боты. Винъ нэ видда́ў, а она́ тогды́ пишла́ за нымъ до-до́му и служы́ла му, якъ найвирні́йша слу́жныця; робыла вся́ку господа́рску робо́ту ду́жэ зру́чно, и госпо́даръ нэ мигъ ей нахвалы́тыся. Такъ служы́ла ёму́ ажъ до Риздвя́ныхъ сьвятъ. На Сьвяты́й вэ́чэръ помогла́ ɣазды́ны всё робы́ты и ва́рыты. А колы́ вэчэ́ря вжэ була́ гото́ва, ɣазды́ня сказа́ла всій чэ́ляды: „Про́шу васъ всихъ до вэчэ́ри!“ Вси посида́лы, а ды́ка ба́ба си́ла собі́ въ ку́тыку и всэ сьміялася чэ́рэзъ цилу́ вэчэ́рю,—ницъ нэ йи́ла, лышэ́ сьмія́лася. Ей ся пыта́лы—чого́ она́ ся сьміе, а́лэ она́ нэ хоти́ла сказа́ты. Ажъ якъ скиньчы́лы вэчэ́ряты и ещэ́ бі́льшэ ей просы́лы, щобы́ сказа́ла имъ, она́ обиця́ла сказа́ты, еслы́ йій виддаду́тъ чо́боты. Госпо́-

даръ йій обицяў, що виддáсть, а онá зачáла имъ розповидáты: „Якъ-бы вы вы́дилы, щó ся съ вáшоў вэчэ́роў дíяло, вы бы и самú нэ бýлы йúлы, лышэ́нь-бы-сьтэ ся сьмíялы: ɣазды́ня, нáмисць сказáты: „прóшу васъ в с и х ъ х р щ э н ы х ъ до вэчэ́ри!“—сказáла тúлько: „прóшу васъ в с и х ъ до вэчэ́ри!“—тогды́ ся злэ́тилы вси чорты́ и покáзувалы рúжни фúɣли—скакáлы по столú, по мыскáхъ, плювáлы въ ныхъ, то щó!“ Тогды́ господáри зачáлы ей ся розпы́туваты о рúжни рúчы, о лúки прóтиў рúжныхъ хорóбъ, о чáры. Онá имъ всё розповúла, оны́ йій тогды́ дáлы чóботы,—и пишлá собú. Якъ вжэ бýла на дорóзи, тогды́ госпóдаръ прыгадáў собú ещэ́, що нэ запытáўся ей—щó робы́ты на моты́лыцю у овэ́ць? Вы́бигъ за нэў на дорóгу и пытáеся ей. А онá ёмý сказáла: „Возьмы́ нижъ, тай зарúжъ, тай изíйджъ!“ (Отъ Антона Лазоревича въ Крушельницѣ.)

Такимъ образомъ, въ общемъ, какъ оказывается изъ приведенныхъ выше мотивовъ повѣрья, дикая баба, собственно, нисколько не является злымъ и вреднымъ существомъ, а напротивъ, обнаруживаетъ много положительныхъ и симпатичныхъ чертъ и качествъ. Уже сама ея внѣшняя красота свидѣтельствуетъ достаточно ясно о томъ, что со злой, нечистой силой она не имѣетъ ничего общаго; впрочемъ, это подтверждается иногда также и прямо, напр., свидѣтельствомъ яленковатовскаго разсказа о томъ, что она отгоняетъ отъ умирающаго грѣшника осаждающихъ его злыхъ духовъ.

Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ разсказахъ дикая баба неожиданно представляется прямо таки злымъ и нечистымъ существомъ, которое насылаютъ на людей колдуны и вѣдьмы для того, чтобы оно причиняло имъ различныя пакости и обиды.

Такъ, напр., дикая баба обвиняется иногда въ томъ, что она сосетъ молодыхъ людей, или даже маленькихъ дѣтей, вслѣдствіе чего у нихъ изъ грудей течетъ кровь, а сами они все болѣе блѣднѣютъ и чахнутъ.

Дикой бабѣ приписывается, наконецъ, также подмѣна дѣтей: она похищаетъ иногда у неосторожной матери новорожденнаго ребенка и подмѣниваетъ его своимъ—такъ называемой „в и д м и н о й“; чаще всего это продѣлывается ею ночью, въ особенности, если въ комнатѣ нѣтъ никакого свѣта. Такая „видмúна“ обыкновенно очень некрасива, зла и прожорлива, но не живетъ больше семи лѣтъ.

—„Богы́ня—то така́ нэчы́ста коби́та, що жые́ въ ли́си; она́ хо́дытъ го́ла, а цыцькы́ ма́е таки́ до́ўги, що мо́жэ ихъ пэрэви́сыты чэ́рэзъ плэ́чи, гы́-бы ко́сы.—То она́ ссэ люды́й—цы диво́къ, цы хло́пциў, кого́-бу́дь. Такъ усыпля́е чолови́ка, жэ му ся такъ ду́жэ спа́ты хо́чэ, гы́-бы му о́чы зашы́ў. Тай за́разъ кладэ́ся ко́ло нэ́го и ссэ, и ссэ, якъ диты́на ма́му. То пото́му такы́й хло́пэць ма́е таки́ цыцькы́ вэлы́ки, якъ коби́та, що ма́е диты́ну.—А она́ щэ миня́е въ ночы́ ди́ты,—якъ и́но нэхрэщэ́нэ, то за́разъ пидминя́е: во́зьмэ лю́дську диты́ну, а лыша́е свою́—таку́ суху́ а паску́дну, жэ ся мэ́рзко подывы́ты. То е видми́на."

(Отъ Каськи Загальской въ Стольскѣ.)

Какъ видимъ, всѣ эти отрицательные, чисто демоническіе мотивы повѣрья о дикой бабѣ находятся въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ его общимъ характеромъ и духомъ, что считать ихъ основными и существенными чертами едва-ли возможно. Они примѣшались къ нему, вѣроятно, только извнѣ и случайно—изъ другихъ, родственныхъ, демонологическихъ представленій, или-же, можетъ быть, возникли подъ позднѣйшимъ вліяніемъ церковнаго ученія, низвергнувшаго сплошь всѣ существа и явленія народной, языческой миѳологіи въ преисподнюю злой, нечистой силы.

Напечатано въ „Живой Старинѣ", 1897 г., вып. III—IV, стр. 439—441, и 1900 г., вып. IV, стр. 599; см. также: „Житє і Слово," 1894, т. II, стр. 358—359, и „Der Urquell", 1898, т. II, стр. 78—82.—Ср. еще: В. М. Гнатюкъ: Гал.-рус. нар. легенды, 1902, т. II, стр. 5—8; И. Я. Франко: Людові віруваня на Підгірю—„Етногр. Збірник", 1898, т. V, стр. 94 и 212; O. Kolberg: Pokucie, т. III, стр. 103; П. П. Чубинскій: Труды экспедиціи, т. I, стр. 193; Н. Ѳ. Сумцовъ: Культурныя переживанія, стр. 276—281; его-же: Boginki-mamuny—„Wisła", 1891, т. V, стр. 572—587.

О видминѣ см.: И. Я. Франко: Людові віруваня, стр. 210—211; R. F. Kaindl: Die Huzulen, стр. 5; П. П. Чубинскій: Труды экспедиціи, т. I, стр. 130—131 и 193—195, т. IV, стр. 6; В. Н. Ястребовъ: Матеріалы по этногр. новоросс. края, стр. 79—80; Н. Ѳ. Сумцовъ: Культурныя переживанія, стр. 180—182.

4. Опырь.

Если беременная женщина посмотритъ въ церкви во время „великаго входа“ на священника, несущаго чашу, то ея дитя будетъ имѣть двѣ души и сдѣлается „опырёмъ“ или „упырёмъ“; узнать это можно проще всего по тому, что такой человѣкъ разговариваетъ самъ съ собою.

Съ опыремъ нельзя жить въ мирѣ и дружбѣ, потому что тогда онъ легче всего можетъ повредить человѣку или даже совсѣмъ погубить и съѣсть его; напротивъ, съ нимъ слѣдуетъ постоянно ссориться и вообще относиться къ нему враждебно, такъ какъ это уничтожаетъ, или, по крайней мѣрѣ, ослабляетъ его демоническую силу.

А сила опыря уже при его жизни весьма велика и разностороння: онъ можетъ насылать на людей всевозможныя болѣзни и эпидеміи, а даже умерщвлять и съѣдать ихъ; онъ можетъ навлекать на нихъ грозу, дождь, градъ и разныя другія бѣдствія; онъ колдуетъ коровъ и отнимаетъ у нихъ молоко, портитъ урожай и т. п.; онъ знаетъ будущее и открываетъ тайны; наконецъ, онъ можетъ дѣлаться невидимымъ и принимать видъ различныхъ животныхъ и т. д.

Но еще могущественнѣе и страшнѣе становится опырь послѣ своей смерти. Кромѣ обычныхъ, перечисленныхъ выше, пакостей и бѣдствій, онъ можетъ теперь причинять людямъ еще особое зло: онъ выходитъ ночью—между полуночью и „первымъ пѣвнемъ“—изъ могилы и проникаетъ въ дома къ спящимъ людямъ, чаще всего—къ своимъ-же собственнымъ роднымъ, причемъ или тутъ-же высасываетъ изъ нихъ кровь, такъ что они сейчасъ умираютъ, или-же заманиваетъ ихъ, а даже увлекаетъ насильно—къ себѣ въ могилу.

Опыря—все равно, живой-ли онъ, или мертвый,—люди страшно боятся и стараются защищаться отъ него разными способами. Такъ, напр., если живой опырь колдуетъ коровъ и отнимаетъ у нихъ молоко, то берутъ 12 кусковъ желѣза и бросаютъ ихъ въ печь на огонь; когда желѣзо раскалится, то опырь сейчасъ прибѣгаетъ въ этотъ домъ и проситъ, чтобы вынули желѣзо изъ огня, такъ какъ это его жжетъ; тогда можно съ нимъ заключить договоръ, послѣ чего онъ уже оставляетъ этотъ домъ въ покоѣ.

Если-же опырь ходитъ по смерти и безпокоитъ или заѣдаетъ людей, тогда откапываютъ его гробъ и сжигаютъ его голову или цѣлый трупъ на терновомъ огнѣ, или-же только отрѣзываютъ ему голову и кладутъ ее въ ногахъ, а затѣмъ прибиваютъ ее осиновымъ коломъ или желѣзнымъ гвоздемъ ко дну гроба,—тогда уже опырь не можетъ болѣе выходить изъ могилы и вредить людямъ.

Вотъ, въ заключеніе, нѣсколько подлинныхъ народныхъ разсказовъ объ опыряхъ, записанныхъ нами въ разныхъ мѣстностяхъ русской Галичины:

—„Въ на́шимъ сэли́ е жыдъ и винъ опы́ръ. Разъ—на Вознэсэ́ніе вэ́чиръ—повыходы́лы хлопы́ зъ ко́рчмы, а ту яка́-сь бида́ напро́тиў ныхъ бижы́тъ и помыну́ла ихъ, якъ стрила́. Оны́ вжэ озыра́ются—дэ оно́ ся поди́нэ? А то пэрэке́нулося кото́мъ и поли́зло по́-пидъ бра́му до едно́го богача́ и заби́гло до ста́йни. Тоти́ хлопы́ пишлы́ до госпо́даря и му сказа́лы. Винъ тогды́ вы́йшоў до ста́йни съ лята́рнёў, ды́вытся, а въ ста́йны е китъ. Злапа́ў кота́, ў́ри́заў му у́хо и пусты́ў (бо ся нэ хоти́ў зачипа́ты съ бидо́ў, ино́ абы́ знакъ ма́ты—що́ то за едэ́нъ е?) На дру́гый дэнь прыхо́дытъ винъ до ко́рчмы, а тамъ жыдъ съ обвя́занымъ у́хомъ. Тай ка́жэ му тогды́ жыдъ: „Ой, назначы́ў-есь мя такъ, що ни мэ́жы лю́дэ ся нэ мо́гу показа́ты, ни дру́ги опыри́ мэнэ́ тэпэ́рь нэ потрэбу́ютъ.“

(Отъ Сеня Вереса въ Грусятычахъ.)

—„Дво́е ихъ бы́ло въ ха́ти—ди́до съ ба́боў. Тай ди́до умэ́ръ, лю́дэ ся посходы́лы на сьви́ченя, тро́хи посы́дилы тай ся пото́му забыра́ютъ доми́. Ба́ба ка́жэ: „Иди́тъ, людко́вэ, кой идэ́тэ, я вжэ сво́му прыя́тэлыковы сама́ посьви́чу!“ Лю́дэ ся розі́йшлы́, сыды́тъ ба́ба у за́пичку, сыды́тъ, видта́къ поду́ў ви́тэръ и сдуў съ ди́да полотно́. Идэ́ ба́ба пиднима́ты тото́ полотно́, ано́ и ди́до ся самъ яў ке́ваты. Якъ тото́ ба́ба увы́дила, то утэкла́ до комо́ры и замкла́ся. Ди́до за нэў, добува́ется до комо́ры, ано́ нэ мо́жэ. Вы́лизъ тогды́ на пидъ тай розмэта́ў пова́лыня—хо́чэ вжэ ли́зты крузь диру́ до комо́ры, а ту когу́тъ запі́яў. Ди́до засты́гъ на поди́, а ба́ба зо стра́ху въ комо́ри.“

(Отъ Татьяны Михайловичъ въ Головецкѣ.)

—„Умэ́ръ едэ́нъ стары́й чолови́къ, спря́талы го—тай ны́чъ. Алэ до добы́ за нымъ умэ́ръ молоды́й па́рубокъ, за тымъ зноў молоды́й ґа́зда,—такъ ко́ждый дэнь хто-сь въ сэли́ умыра́е. Ну ны́чъ, ажъ розболи́ўся-у богача́ едына́къ тай за́разъ умэ́ръ.

Нэ мо́жэ то́го бога́чъ подарува́ты, идэ́ до ксе́ндза тай ка́жэ, що то хто-сь людэ́й пойида́е,—пэ́ўно той стары́й, що пэ́рпшый умэ́ръ,—то трэ́ба го розкопа́ты. Ксе́ндзъ нэ бороны́лы. Ну, пишо́ў той хлопъ, взяў сы щэ трёхъ, пишлы́ до то́и ба́бы и ка́жутъ: „Ходы́, ба́бо, бо идэ́мъ тво́го ɣа́зду розко́пуваты!“ Взя́лы сы видъ нэ́и пла́хту и пишлы́ вжэ съ ба́боў на цвы́нтаръ; я́лы тогды́ грибъ розко́пуваты, а винъ сыды́тъ, пидпэ́рся на ру́ки—такі́й чэрво́ный, ти́лько ма́е кервы́ въ со́би людскои. Ды́вытся ба́ба, ка́жэ: „Тьфу, пропа́ў-бы-сь, нэ двы́гъ-бы-сь-ся, нэ вста́ў-бы-сь!“ Тогды́ ёго́ вы́тягнулы зъ я́мы, поруба́лы, завяза́лы въ пла́хту, поста́вылы на тэрно́вый корчъ, пидпалы́лы,—и згори́ў. Якъ ёго́ тамъ спалы́лы, то такі́й за ны́мы ви́тэръ нэчы́стый подуў и йшоў за ны́мы заводячы́ видъ цэ́ркви ажъ у сэло́ до ко́рчмы.“ (Отъ нея-же.)

—„Умэ́ръ молоды́й ɣа́зда, спря́талы го—тай ны́чъ. Ажъ чэтвэ́ртои но́чы прыхо́дытъ винъ пидъ викно́ тай клы́чэ: „Мары́сю, пусты́ мя!“ Она́ вста́ла, пусты́ла,—яў винъ ї́ій каза́ты: „Но, збыра́йся зо мноў!“—„А ди́ты якъ лы́шу?“—пыта́еся жона́.—„Лышы́ такъ, якъ я лышы́ў, нэ бу́дэ имъ ны́чъ!“—Зибра́лася она́, позабыра́ла свое́ руба́тя тай идэ́. Иду́тъ по́-пры цэ́ркоў, а винъ ка́жэ: „Ку́ры спятъ, свы́ни спятъ, а мэртвы́й жыво́го до гро́бу вэдэ́!“ Прыйшлы́ такъ идъ гро́бовы, а винъ ка́жэ: „Розтворы́ся, гро́бэ!“ Грибъ ся нэ отвыра́е. Ка́жэ винъ такъ дру́гый разъ, и трэ́тый, и ажъ за трэ́тымъ ра́зомъ розтворы́ўся грибъ. А винъ ка́жэ тогды́ жи́нци: „Ну, скачы́ у грибъ!“—„Ой, я нэ ска́чу,—скачы́ ты впэрэ́дъ!“—Винъ уско́чыў, а она́ вэ́ргла за нымъ свое́ руба́тя; винъ тамъ зра́зу гада́ў, що то она́ ско́чыла, тай ка́жэ: „Запры́ся, гро́бэ!“ Грибъ ся запэ́ръ, а она́ тогды́ въ но́гы, якъ я́ла утика́ты! Увы́диў опы́ръ въ гро́би, що жоны́ нэма́, ка́жэ: „Отворы́ся, гро́бэ!“ Грибъ ся́ отворы́ў, яў винъ ли́зты изъ гро́бу, догоня́е йи.—А она́ бижы́тъ-бижы́тъ, вы́дытъ сьви́тло въ ха́ти; бу́хнула въ двэ́ри, убига́е, ано́ тамъ лэжы́тъ мэртвы́й на ла́вицы, а нико́го въ ха́ти нэма́, лышь когутя́ сыды́тъ на пла́шци. Си́ла она́ на пры́пичку та вжэ ся Бо́гу мо́лытъ. А тотъ прыби́гъ пидъ викно́ тай клы́чэ: „Пусты́ мя, бра́тцю, я такі́й, якъ и ты!“ Яў тотъ мэрлэ́ць на ла́ви нога́мы ке́ваты, а она́ тогды́ розпаса́ла изъ сэ́бэ по́ясъ та ке́нула му на но́гы. А винъ тогды́ ка́жэ: „Нэ пу́щу тя, бра́тцю, бо мы ланьцу́хъ на нога́хъ!“ Ка́жэ тотъ зъ-пидъ викна́ зно́ву: „Пусты́ мя, бра́тцю, я такі́й, якъ и ты!“ Яў тотъ на ла́ви ру-

ка́мы ке́ваты, а она́ зня́ла съ сэ́бэ пацёрки тай ке́нула му на ру́ки.—„Ой, нэ пу́щу тя, бра́тцю, бо мы ланьцу́хъ на рука́хъ!"—Ка́жэ той вжэ трэ́тый разъ: „Пусты́ мя, бра́тцю, я такі́й, якъ и ты!" Яў тотъ го́лову пиднымáты, а она́ съ сэ́бэ у́плэты зня́ла и вэ́ргла му на шы́ю.—„Нэ пу́щу тя, бра́тцю, бо мы ланцъ па шы́и!"—А тогды́ запи́ло тото́ когутя́,—ну, вжэ йій ся лэ́кшэ ўчыны́ло: той замэртви́ў на ла́ви, а тамто́й пидъ викно́мъ на двори́." (Отъ нея-же.)

Къ послѣднему разсказу—объ увозѣ мертвымъ мужемъ или женихомъ оставшейся женщины—записаны нами еще слѣдующіе два варіанта:

—„Служы́ў едэ́нъ хлопъ у па́на, а жи́нку маў въ сэли́ и хаты́ну. И пойи́хаў съ тымъ па́номъ до далэ́кого ми́ста, а тамъ була́ сла́бисть; и винъ тамъ захорува́ў и умэ́ръ, и въ тимъ краю́ чужи́мъ го поховáлы. Винъ тогды́ ви́дтамъ въ ночы́ прыйи́хаў сывымъ конёмъ до сво́йи жи́нки пидъ ви́кна и клы́чэ: „Ка́сю, Ка́сю, отворы́!" А она́ щэ нэ зна́ла, що винъ тамъ умэ́ръ, гада́е сы—вэрну́ў зъ доро́гы. Вста́ла, отворы́ла, а винъ до нэ́и ка́жэ: „Бэры́ сво́и хустки́ та дэ́-яке ли́пшэ шма́тье,—пойи́дэмо гэтъ, бо я соби́ въ чужи́мъ краю́ купы́ў и́нчу ха́ту и ɣрунтъ—ли́пши, якъ ту!" Она́ зибра́ла свое́ шма́тье и вы́йшла. Взяў винъ йи за ру́ку и посады́ў на коня́—пойи́халы; ажъ якъ она́ си́ла на коня́, то злякла́ся, бо вы́дытъ, що то нэ кинь, якъ ма́е бу́ты, ино́ таке́, якъ ви́тэръ.—Прыйижджа́ютъ вжэ до то́го ми́ста, дэ винъ умэ́ръ, пэрэйи́халы бэзъ ми́сто—нэ вступа́ютъ нигдэ́. И йи́дутъ за цэ́ркоў—про́сто повэрта́ютъ на цмы́нтаръ; тамъ ужэ́ кинь счэзъ, ино́ винъ лышы́ўся и она́. А на гро́би ёго́ була́ дира́ на-сэрэды́ни, то винъ ка́жэ: „Лизь туды́, тамъ е мой до́бра!" Тогды́ она́ ка́жэ такъ: „Лизь ты напэрэ́дъ, а я потому полизу!" И винъ поли́зъ, а она́ ка́жэ ёму́ тогды́, абы́ тягну́ў скризь диру́ ей шма́тье; забы́ла тамъ шма́тье въ диру́, а сама́ зача́ла ўтика́ты гэтъ—бэзъ поля́, ровы́, а́лэ сама́ нэ зна́ла—куда́?—Лэти́ла, лэти́ла, ажъ сда́лэку вы́дытъ сьви́тло; бижы́тъ вжэ до то́го сьви́тла, тамъ прылита́е, а то ха́та на по́лы. Тара́хнула она́ въ двэ́ри, видсу́нула си́ны, вби́гла до ха́ты, а тамъ мэрлы́й лэжы́тъ,—нэма́ би́льшэ нико́го въ ха́ти, лышь сьви́тытся сьви́тло. И она́ зъ ляку влизла на пьецъ и сыды́тъ тыхо́нько.—А тамъ ей чолови́къ добу́ўся зъ гро́бу, взяў сы щэ би́льшэ опыри́ў и лэти́ў за нэў и прылэ́тиў ажъ до само́и-то́и хаты́ны. Тогды́ крычы́тъ чэ́рэзъ викно́: „От-

вуржъ мэ́рлый мэрлэ́му, що-сь будэ́мъ ро́биць жывэ́му!“ *) И той мэрлэ́ць въ ха́ти зача́ўся ру́шаты,—то но́гу зсу́нэ, то ру́ку, а пото́му й цилы́й встаў, пишо́ў и отворы́ў двэ́ри. И опыри́ў тамъ найшло́ по́ўна ха́та и вжэ ей клы́чуть: „Вылазы́ зъ-за пьє́ца!“ А она́ имъ ка́жэ: „Я нэ ма́ю чоби́тъ,—прынэсітъ мы пэ́ршэ чо́боты!“ Пислаў той опы́ръ за́разъ едно́го до сво́го гро́бу, бо она́ тамъ своє́ шма́тье лышы́ла; той вжэ прыни́съ и зно́ву йи клы́чуть. А она́ тогды́ вжэ ка́жэ: то ху́стки нэ ма́е щэ, то по́яса нэ ма́е,—ажъ йій такъ всё шма́тье попрыносы́лы. **) И вжэ бы йій тогды́ була́ смэрть напэ́ўнэ, а́лэ тымчасо́мъ такъ Па́нъ-бигъ даў, що когу́тъ запі́яў,—дэ-сь тамъ бу́ў въ хаты́ни когу́тъ. И тогды́ ся вжэ вси опыри́ порозлита́лы, порозбыва́лыся, и она́ вжэ ма́ла спо́кій.—Прыйшло́ ра́но, да́ла она́ зна́ты до людэ́й, и тогды́ взя́лы тамъ и забы́лы тымъ опыря́мъ осыно́вый килъ въ пы́сокъ—наскри́зь, ажъ въ зэ́млю. А она́ йшла до сво́го сэла́ наза́дъ тры ми́сяци, а опы́ръ йи зави́зъ ви́дтамъ за одну́ годы́ну.“ (Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

—„Булы́ хло́пэць тай ди́ўка тай ся обо́е любы́лы. Тай винъ пишо́ў до во́йська и тамъ въ во́йську умэ́ръ. Тай ви́дтамъ прыйшо́ў умэрлы́й до нэ́и, а́лэ она́ вжэ спа́ла, то заклы́каў йи крузь викно́: „Ка́сю, Ка́сю, встава́й, пойи́дэшь зо мноў!“ А она́ ка́жэ до нёго: „А ты що́ за е́дэнъ?“—„Та я прыйшо́ў зъ во́йська,—ходы́, пойи́дэмъ!“—Взя́лы йи́хаты, а́лэ винъ всэ ка́жэ до коня́: „Ньо, по́-за сэ́бэ, ньо, по́-за сэ́бэ!“ Ажъ она́ ка́жэ до нёго: „Та йи́дэшь, тай йи́дэшь, а дэ-жъ тото́ сэло́ е?“—„О-ту́тъ за́разъ, ка́жэ, вжэ блы́зько!“—Тай прыви́зъ йи на цвэ́нтаръ и ка́жэ: „Лизь ту у я́му!“ Алэ она́ нэ хоти́ла, ка́жэ: „Ты лизь пэ́ршэ, бо я нэ зна́ю—куды́?“ Зали́зъ винъ у я́му, а́лэ ся хо́пыў ей за́паски, то она́ за́паску видопня́ла, а сама́ зача́ла утика́ты; тай тамъ бу́ла трупа́рня на цвэ́нтары, то заби́гла до то́и трупа́рни и запха́лася за пьецъ.—Алэ тамъ у трупа́рны лэжа́ў зно́ву опы́ръ умэрлы́й. Тамто́й зъ гро́бу вжэ за нэў прыби́гъ тай клы́чэ до то́го у трупа́рны: „Встава́йтэ, ўмэ́рли, бу́дэмо жыви́ жэ́рлы!“ Взяў той встава́ты умэрлы́й, а́лэ тогды́ когу́тъ за-

---

*) Очевидно—польская фраза: „Otwórz zmarły zmarłemu, coś będziemy robić żywemu!“

**) Ср. выше—сказку № 53: Танецъ съ чертомъ.

пи́ў, то обыдва́ тоти́ опыри́ поумыра́лы зно́ву.—Алэ ди́ўка тамъ зо стра́ху онимила; якъ прыйшо́ў ра́но гра́баръ до трупа́рни, то найшо́ў йи тамъ за пьецомъ ниму́. Зробы́лы ксендзы́ вэлы́ку видпра́ву, тай тогды́ вжэ та ди́ўка зноў промо́выла и розповила всё за тыхъ опыри́ў, що йи хотилы зийсты. Алэ якъ лышэ́ то оповила, тай за́разъ умэ́рла сама́."

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

Иногда, впрочемъ, приходитъ такой мертвый опырь къ своей женѣ, или даже къ чужой женщинѣ, и съ другою цѣлью, а именно, чтобы спать съ ней и пользоваться правами мужа. О такомъ случаѣ передаетъ, напримѣръ, слѣдующій народный разсказъ:

— „Едэ́нъ ɣа́зда ду́жэ шанова́ўся съ своёў жоно́ў, тай тако́й молоды́й умэ́ръ, и спря́талы го. Нэма́ едну́ ничь, нэма́ дру́гу, а трэ́тои вжэ винъ прыхо́дытъ до ха́ты; ди́ты повидсува́ў, самъ лигъ ко́ло жоны́, лэжы́тъ. И такъ ходы́ў дви нэди́ли до нэ́и,—така́ она́ вжэ ста́ла, що лю́дэ йи ся пу́джалы. Тай я́лы йи ся пыта́ты: „Що́ тоби́, молоды́цэ, що́ тоби́ ся ста́ло?"—„Ой, ка́жэ, я́-бы вамъ сказа́ла, кобы́-мъ нэ ўмэ́рла!"—Ну, нычъ изъ нычо́го, надійшла́ разъ до нэ́и яка́-сь подоро́жна ба́ба; а бы́ў вжэ вы́чиръ, то про́сытся, кобы́ йи прыня́ла на́-ничь.—„Я-жъ бы-мъ васъ, ба́бко, прыня́ла, та вы у мэ́нэ нэ мо́жэтэ ночува́ты!" — „Та чому́?" — пыта́еся ба́ба. — „Ой, бо до мэ́нэ мэрлы́й ɣа́зда хо́дытъ на́-ничь!" — И я́ла йій всё каза́ты. А ба́ба йій тогды́ ка́жэ: „Спря́чъ-жэ ты мэнэ́ пидъ цэбэ́ръ, що руба́тье мо́чышь, а соби́ внэсы́ шма́тье винча́ўнэ и пи́ўку, хустки́ и по́ясъ и сьви́чку сьвя́то-вэчи́рну, а якъ вжэ бу́дэшь миркова́ты, що винъ идэ́, запалы́ сы тоту́ сьви́чку, влизь за стиў и убыра́йся; винъ бу́дэ ся тэбэ́ пыта́ты: „гдэ ты ся збыра́ешь?"—ты ёму́ кажы́: „иду́ на вэсиля́ до ма́мы!"—„а яке́-жъ тамъ вэсиля́?"—ты кажы́, що братъ сэстру́ бэ́рэ; опы́ръ тоби́ бу́дэ каза́ты: „кто таке́ чуў, бы братъ сэстру́ браў?"—а ты му на то: „кто таке́ чуў, бы мэртвы́й до жыво́го ходы́ў?"—и хоть-бы тя якъ клы́каў, нэ йды!"—Покла́ла она́ ди́ты спа́ты, ба́бу спря́тала пидъ цэбэ́ръ на за́пичку, тогды́ соби́ запалы́ла тоту́ сьви́чку и ста́ла убыра́тыся за столо́мъ. Чу́е—йдэ вжэ ɣа́зда, отворы́ў сы́ синни́ двэ́ри, хатни́, війшо́ў у ха́ту и сиў сы конэ́ць стола́. Тай пыта́е йи ся: „Гдэ ты ся збыра́ешь?"—„Та на вэсиля́ до ма́мы!"—„На яке́ весиля́?"—„Братъ сэстру́ бэ́рэ!"—„Кто тото́ чуў, абы́ братъ сэстру́ браў?"—„А кто тото́

чуў, абы́ мэртвы́й до жыво́го ходы́ў?“—Нэ ка́жэ винъ йій нычъ, а да́ли ка́жэ йій: „Ходы́, най тя хоть поцилу́ю!“—„Ой, я нэ пи́ду!“—„Ходы́, ка́жэ, най лы́шу на то́би позна́ку!“—„Нэ лыша́й на мэ́ни, лышы́ на моймъ столи́!“—Винъ тогды́ якъ ўда́рыў руко́ў о стиў, то ажъ проломы́ў стиў,—ки́лько рука́, ти́лько вы́пало стола́. И тогды́ ви́тэръ поду́ў, поотворя́ло двэ́ри и взя́ло го зъ ха́ты,—и пропа́ў вжэ на ви́ки.“

(Отъ Татьяны Михайловичъ въ Головецкѣ.)

Опырь—это одно изъ самыхъ популярныхъ и распространенныхъ представленій галицко-русскаго народнаго суевѣрія. Почти каждая деревня, чуть-ли не каждый дворъ передаетъ о немъ свои особенныя преданія и сказки. Приведенные выше повѣрья и разсказы можно считать въ общемъ ихъ типичными отраженіями.

Напечатано въ „Живой Старинѣ“, 1897 г., вып. I, стр. 107—110; см. также: „Zeitschrift des Vereins für Volkskunde“, 1898, т. VIII, вып. 3, стр. 331—336.—Ср. еще: Д. И. Вагилевичъ: O upirech a widmách—„Časopis Českého Museum“, 1840, стр. 232—261; И. Я. Франко: Сожженіе упырей въ с. Нагуевичахъ въ 1831 г.—„Кіевская Старина“, 1890, апрѣль, стр. 101—120; его-же: Людові віруваня на Підгірю—„Етногр. Збірник“, 1898, т. V, стр. 182, 186—187, 216; „Житє і Слово“, 1895, т. IV, стр. 186 и 360; О. Роздольскій: Гал. нар. казки—„Етногр. Збірн.“, 1895, т. I, стр. 5—8; F. X. Mroczko: Śniatyńszczyzna, ч. I, стр. 82—83; В. М. Гнатюкъ: Знадоби до гал.-рус. демонольогії—„Етногр. Зб.“, 1903, т. XV, стр. 159—174; R. F. Kaindl u. A. Manastyrski: Die Rutenen in der Bukowina, 1890, ч. II, стр. 26—27, 54—56; R. F. Kaindl: Die Seele und ihr Aufenthaltsort nach dem Tode im Volksglauben der Rutenen und Huzulen—„Globus“, 1895, т. 67, № 23, стр. 357; его-же: Zauberglaube bei den Huzulen—„Globus“, 1899, т. 76, № 15, стр. 229—231; его-же: Die Huzulen, стр. 84—85; П. П. Чубинскій: Труды экспедиціи, т. I, стр. 205—206, т. II, стр. 411—416; М. П. Драгомановъ: Малорус. нар. преданія и разсказы, стр. 62—66, 391—393; П. Ефименко: Упыри—„Кіев. Старина“, 1883, іюнь, стр. 371—379; тамъ-же, 1884, январь, стр. 169—171, 1890, февраль, стр. 338—340; П. В. Ивановъ: Нар. разсказы о вѣдьмахъ и упыряхъ—„Сборникъ Харьк. Ист.-фил. О-ва“, 1891,

т. III, стр. 156—180; Б. Д. Гринченко: Этнографическіе матеріалы, 1895—96, т. I, стр. 52—56, т. II, стр. 92—107; его-же: Изъ устъ народа, стр. 129—142, 387—388; В. Н. Ястребовъ: Матеріалы по этногр. новоросс. края, стр. 74—77; Н. Ѳ. Сумцовъ: Культурныя переживанія, стр. 271—274; его-же: Колдуны, вѣдьмы, упыри—„Сборникъ Харьк. Ист.-фил. О-ва", 1891, т. III, стр. 229—278; З. Кузеля: Причинки до нар. вірувань з поч. XIX ст.—„Записки Т-ва им. Шевченка", 1907, т. 80, стр. 109—124.

Относительно мотива о возвращающемся мертвомъ женихѣ, мужѣ или братѣ вообще см.: О. Колесса: Шевченко і Міцкевич, 1894, стр. 25—45; И. П. Созоновичъ: Къ вопросу о западномъ вліяніи на слав. и рус. поэзію, 1898, стр. 1—259; И. Д. Шишмановъ: Пѣсеньта за мъртвия братъ въ поезията на балканскитѣ народи—„Сборникъ за нар. умотворения, наука и книжнина", 1896, т. XIII, стр. 474—569, 1898, т. XV, стр. 449—600+186.

Систематическій обзоръ литературныхъ темъ и мотивовъ

съ библіографическимъ сводомъ параллелей.

1.

Люди изъ яицъ.

Люди происходятъ изъ яицъ Евы, которыя Богъ разрѣзываетъ на двѣ части и бросаетъ на землю: изъ одной половины родится мальчикъ, а изъ другой—дѣвушка, которые потомъ женятся; если-же одна половина яйца погибнетъ, то человѣкъ изъ другой половины остается всю жизнь одинокимъ.

—

Напечатано въ „Живой Старинѣ“, VII, 110.

Параллели этой замѣчательной легенды въ европейскомъ фольклорѣ не встрѣчались намъ вовсе; только одинъ „восточный“ (?), болѣе или менѣе близкій варіантъ приведенъ у O. Dähnhardt-a: Natursagen, I, 210: Богъ разрѣзалъ яблоко на двѣ части, изъ которыхъ одну далъ Адаму, а другую Евѣ; поэтому женятся только тѣ люди, которые найдутъ другую половину своего яблока.

Библіографію мотива о рожденіи изъ яйца вообще см.: Ю. А. Яворскій: Omne vivum ex ovo, стр. 16—20.

2.

Великаны и маленькіе люди.

Въ старину жили великаны. Однажды такой великанъ поймалъ пашущаго человѣка и принесъ его на ладони, вмѣстѣ съ волами и плугомъ, своей матери.

Со временемъ же опять появятся такіе маленькіе люди, что сорокъ ихъ будетъ молотить въ одной печи.

—

Напечатано въ „Живой Старинѣ“, VII, 110.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 4—5, 249—250; „Етн. Зб.“, V, 94; Kaindl: Die Huzulen, 95—96; Kaindl-Manastyrski: Die Rutenen, II, 50; Драгомановъ: Преданія, 383; Чубинскій: Труды, I, 212 и 216; „Кіев. Ст.“, XC, 118; Сумцовъ: Очерки ю.-р. апокриф. сказаній, 37—42; Federowski: Lud białor., I, 201—202; Nowosielski: Lud ukr., II, 11—14; „Zbiór wiadom.“, II, 126, XI, 215; „Жив. Ст.“, X, 200—201; „Карацић“, IV, 47; Dähnhardt: Natursagen, I, 242—246, III, 310.

3.

Премудрый Соломонъ.

Соломонъ, будучи мальчикомъ, вѣсилъ бабій умъ и собачье г...о. Мать велѣла убить его за это, но слуги только отрѣзали у него палецъ и отпустили его въ свѣтъ.

Затѣмъ С. возвратился подъ видомъ купца назадъ и продавалъ матери—сначала золоченую насѣдку съ цыплятами, а затѣмъ—зеркала, каковыя самъ-же онъ и изобрѣлъ; за нихъ мать согласилась спать съ нимъ одну ночь, а затѣмъ отдала ему отрѣзанный палецъ, который тутъ-же и приросъ снова къ его рукѣ. Только тогда мать узнала его и хотѣла его задержать, но онъ вырвался и убѣжалъ.

Чтобы поймать его, мать устроила обѣдъ для народа, причемъ, однако, дала людямъ такія длинныя ложки, что нельзя было ѣсть; С. посовѣтовалъ имъ—кормить другъ друга черезъ столъ—и скрылся. Тогда мать разсыпала по полу деньги и велѣла людямъ подобрать ихъ—не сгибаясь; С. посовѣтовалъ—намазать подметки смолой и подбирать деньги ногами,—а затѣмъ снова убѣжалъ въ свѣтъ.

Наконецъ, мать велѣла сдѣлать золотой плугъ и обвозить по свѣтѣ, опрашивая людей—сколько онъ стоитъ? Угадалъ только одинъ С., сказавъ, что если въ апрѣлѣ не будетъ хорошей погоды, а въ маѣ дождя, то этотъ плугъ не стоитъ даже и его испражненій,—но слуги не догадались и не захватили его. Послѣ этого мать оставила его уже въ покоѣ.

Затѣмъ С. полетѣлъ на двухъ орлахъ къ небу, чтобы измѣрить разстояніе между нимъ и землею, однако, въ виду окрика святыхъ съ неба, долженъ былъ вернуться назадъ, причемъ подъ конецъ, когда не хватило для орловъ пищи, долженъ былъ вырѣзать и дать имъ икры съ собственныхъ ногъ.

Желая измѣрить глубину моря, С. спустился въ него въ бочкѣ на желѣзной цѣпи, хотя о тщетности этой затѣи предупреждалъ его самъ Господь—въ видѣ ребенка, вычерпывавшаго море ложкой въ коровій слѣдъ. Когда С. былъ уже на днѣ моря, морской ракъ перерѣзалъ цѣпь, вслѣдствіе чего онъ не могъ болѣе выбраться наверхъ.

Тогда явился къ нему на помощь діаволъ, который, взамѣнъ за запись души, вынесъ его снова на свѣтъ. Однако, здѣсь С. заманилъ его хитростью въ кожаный мѣшокъ и велѣлъ молотильщикамъ молотить его до тѣхъ поръ, пока онъ не превратился въ мазь.

Послѣ этого С. отправился на конѣ въ свѣтъ, желая объѣхать его кругомъ, но по пути ударился въ лѣсу объ дубовый сукъ и—умеръ.

—

Параллели: Сказанія о Соломонѣ, прямымъ отзвукомъ которыхъ является, несомнѣнно, и данная запись, проникли въ народныя литературы, какъ извѣстно, изъ письменныхъ, апокрифическихъ памятниковъ, широко распространенныхъ и популярныхъ также и въ славяно-русской письменности; см. напр. Пыпинъ: Памятники, III, 51—71; его-же: Очеркъ, 102—123; Тихонравовъ: Лѣтописи, IV, 2, 112—153; его-же: Памятники, I, 254—272; Порфирьевъ: Апокриф. сказ. ветхозав., 240—241, 261—263; Франко: Апокріфи, I, 280—295; Веселовскій: Слав. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ; его-же: Разысканія, гл. V; Сумцовъ: Очерки ю.-р. апокриф. сказаній, 50—55.—Народныя параллели сказаній о Соломонѣ см.: Гнатюкъ: Легенды, I, 38—59, II, 229—232; его-же: Етн. мат. Уг. Р., I, 22—49; „Ж. і Слово", I, 136—139, II, 352—353, IV, 347—353; Kaindl-Manastyrski: Die Rutenen, II, 56—57; Драгомановъ: Преданія, 99—108; Чубинскій: Труды, I, 106—107; Kolberg: Chełmskie, II, 83—85; Добровольскій: Смол. этн. сборн., I, 245—266; „Этн. Обозр.", XVIII, 85—109; Худяковъ: Великор. сказки, II, 130—138; Садовниковъ: Самар. сказки, 206—211; Ончуковъ: Сѣв. сказки, 124—126; „Сборн. Кавк.", XXVI, 2, 187—189; Dähnhardt: Natursagen, I, 321—336.

Отдѣльные мотивы нашей легенды о Соломонѣ обращаются въ народныхъ литературахъ также въ другой связи и безъ его имени. Такъ, напр., мотивъ о попыткахъ измѣренія моря или неба см.: „Zbiór wiadom.", VII, 38—39, XI, 124—125; Kolberg: Chełmskie, II, 83—85; его-же: Lud, VIII, 103—105.—Мотивъ о ребенкѣ, вычерпывающемъ ложкой море, пріурочиваемый обыкновенно къ легендѣ о св. Августинѣ, см.: Владиміровъ: Великое Зерцало, 10; „Zeitschr. Ver. Vk.", XVI, 90—95.—Мотивъ о длинныхъ ложкахъ см.: Веселовскій: Сказки объ Иванѣ Грозномъ, 323. — Мотивъ о подниманіи денегъ посред-

ствомъ насмоленныхъ подметокъ, входящій также въ составъ разсказовъ объ искусномъ ворѣ, см.: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., III, 100; Чубинскій: Труды, II, 604; Романовъ: Бѣлор. сборн., III, 411—412; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 350; Веселовскій: Сказки объ Иванѣ Грозномъ, 318; Ончуковъ: Сѣв. сказки, 69, 159, 398—399; „Сборн. Кавк.", VI, 2, 222—223; Radloff: Proben, III, 340, IV, 197; Lidzbarski: Neuaram. Hs., 244.

4.

Почему жиды не ѣдятъ свинины.

Два жида, желая посмѣяться надъ І. Христомъ, спрятали жидовку съ ребенкомъ подъ корыто и предложили ему угадать—что это? Христосъ превратилъ за это жидовку и ея ребенка въ свиней. Съ тѣхъ поръ жиды не ѣдятъ свиного мяса.

—

Параллели: Ю. А. Яворскій: Notizen zur Gesch. der Märchen u. Schwänke—въ „Der Urquell", II, 196—197; Гнатюкъ: Легенды, I, 66—67; „Ж. і Сл.", II, 182; Mroczko: Śniatyńszczyzna, I, 62; Драгомановъ: Преданія, 4; Чубинскій: Труды, I, 49—50; „Кіев. Ст.", XXIII, 143, XXXII, 448—449; Kolberg: Chełmskie, II, 157; „Zbiór wiadom.", II, 130—131, V, 167, VII, 108—109, XI, 39, XIV, 208, XV, 265; Романовъ: Бѣлор. сборн., IV, 159; Добровольскій: Смол. этн. сбор., I, 243; Federowski: Lud białor., I, 197; Аѳанасьевъ: Легенды, X—XI; „Этн. Обозр.", XIII—XIV, 251—252; „Жив. Ст.", V, 441; „Записки Геогр. О-ва по Отд. Этн.", V, 715; „Wisła", III, 103; Świętek: Lud nadrab., 583—584; „Lud", VII, 134; „Česky Lid", VI, 146; „Караџић", III, 233—234; „Zeitschr. Ver. Vk.", V, 101; Bartsch: Sagen Meklenb., I, 523—524; Merkens: Was sich das Volk erzählt, I, 69; Bladé: Contes gascogn., II, 153—154; Reinsch: Die Pseudo-Evangelien, 98—99, 127, 131; Dähnhardt: Natursagen, II, 102—107, 279—281. *)

---

*) Замѣтимъ кстати, что въ названномъ трудѣ г. Dähnhardt-a (II, 281), между прочимъ, приведена также полностью славянская библіографія предмета, сведенная нами въ свое время въ нашихъ „Notizen" (см. выше),—однако, какъ, впрочемъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, безъ всякаго указанія источника...

5.

Почему жиды цѣлуютъ косякъ двери.

Желая смутить христіанскую дѣвушку, жиды высказали пожеланіе, чтобы, въ доказательство божественности І. Христа, изъ жареныхъ яицъ вылупились цыплята, а вареный пѣтухъ чтобы запѣлъ. Когда же дѣвушка отвѣтила, что все это во власти Божьей, тогда одинъ жидъ бросилъ въ нее ножемъ, который застрялъ въ косякѣ двери. Въ ту-же минуту изъ жареныхъ яицъ вылупились цыплята и вареный пѣтухъ запѣлъ. Въ память этого чуда жиды цѣлуютъ косякъ двери и понынѣ.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, I, 116—118; его-же: Етн. мат. Уг. Р., VI, 127; Головацкій: Нар. пѣсни, II, 6; Зубрицкій: Нар. календарь, 43; Kolberg: Pokucie, I, 113; Драгомановъ: Преданія, 386; Чубинскій: Труды, I, 67; „Харьк. Сборн.", VI, 185; Потебня: Объясненія, II, 765; Сумцовъ: Писанки, 10; Добровольскій: Смол. этн. сб., I, 244; Аѳанасьевъ: Легенды, IX, XIII—XIV; его-же: Поэт. воззр., III, 754; „Этн. Обозр.", XI, 197; Костомаровъ: Памятники, I, 217—218; Франко: Апокрифы, II, L, 329—330; его-же: Слово о Лазаревѣ воскресеніи, 27, 46, 54; Веселовскій: Разысканія, III, 32; его-же: Ю.-р. былины, 260—261, 267—268; Владиміровъ: Вел. Зерцало, введ., XI, прилож., 13, 69; его-же: Къ изслѣд. о „Вел. Зерцалѣ", 70—71; Безсоновъ: Калѣки перехожіе, I, 614—617; Порфирьевъ: Апокриф. сказ. новозав., 50; А. Ѳ. Бычковъ: Опис. сборн. Публ. Библ., I, 163; И. А. Бычковъ: Каталогъ рук. Савваитова, I, 180; Архим. Леонидъ: Систем. опис. рук. гр. Уварова, III, 51; Шевченко: Кирил. рук. Дрезд. библ., 7—8; „Сборн. Кавк.", XIX, 2, 142—143, XXVI, 2, 178—179, XXXII, 3, 117; Чебанъ: Рум. легенды о Богородицѣ, 34; Polivka: Drobné přispěvky, 110—115; Weil: Bibl. Leg., 293; Hoffmann: Das Leben Jesu, 330—331, 334; Liebrecht: Zur Volkskunde, 179—180; Köhler: Kl. Schriften, III, 223—228, 639—641; Dähnhardt: Natursagen, II, 2—5, 84.

6.

Ангелъ между людьми.

Господь послалъ ангела по душу одной женщины, но тотъ пожалѣлъ ея маленькихъ дѣтей и оставилъ имъ мать. Тогда Господь велѣлъ ему разбить прутикомъ камень на днѣ моря, указывая ему, что онъ знаетъ и заботится даже о червяхъ внутри этого камня; въ наказаніе же за ослушаніе послалъ его на годъ на землю, пока не найдетъ какой-нибудь другой души.

Изгнанный ангелъ поступилъ въ работники къ попу. Однажды поѣхали они оба въ городъ. Въ пути работникъ совершилъ рядъ странныхъ поступковъ: бросалъ камнями въ богатую церковь, въ шумный свадебный поѣздъ, въ пышные похороны, и въ то-же время почтительно останавливался и молился передъ убогой церковкой и при встрѣчѣ съ похоронами и свадьбой бѣдняковъ.

Дома потребовалъ смущенный хозяинъ отъ работника, черезъ другого священника, объясненія его страннаго поведенія, причемъ самъ слушалъ подъ дверью. Тотъ объяснилъ, что камнями онъ разгонялъ чертей, которые находились среди богатыхъ людей—и въ церкви, и на свадьбѣ, и на похоронахъ; встрѣчая же убогихъ, но благочестивыхъ людей, онъ благословилъ ихъ и молился.

Послѣ этого исповѣдникъ передалъ ангелу приказаніе хозяина—купить для него сапоги на годъ, но оказалось, что послѣдній уже подъ дверью умеръ. Тогда ангелъ взялъ его душу и улетѣлъ съ ней въ окно на небо.

—

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 158—161; его-же: Етн. мат. Уг. Р., I, 114—117, III, 42—43, VI, 118—120; „Ж. і Сл.“, II, 350—352; Kolberg: Pokucie, IV, 200—202; его-же: Chełmskie, II, 85—87; Гринченко: Этн. мат., I, 71—73; Добровольскій: Смол. сб., I, 323—325; Federowski: Lud białor., I, 140, 230, II, 271—273, III, 282—283; Аѳанасьевъ: Легенды, 88—90; Садовниковъ: Самарскія сказки, 251—253; „Этн. Обозр.“, XXI, 81—83, 87—88, XXII, 111; „Zbiór wiadom.“, VII, 116; „Mat. antr.“, VIII, 182—184; „Жив. Стар.“, IX, 395—396; Драгомановъ: Розвідки, IV, 216—230; Сумцовъ: Литер. родня разсказа гр. Л. Н. Толстого „Чѣмъ люди живы“—„Харьк. Сб.“, IX, 132—139; Варшеръ: Исторія одного литер. сюжета—„Подъ знаменемъ науки“, 99—118; Веселовскій: Солом. и Китоврасъ, 106—108, 135, 210—211, 314, 317—318, 323—325; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 249—250, II, 231—234; Krauss: Sagen u. M. Südsl., II, 129—131; Strohal: Hrv. pripov., I, 226—230; Шапкаревъ: Сборн. нар. умотв., IX, 387—388; Поливка: Бѣлѣжки, 30; Strausz: Die Bulgaren, 101—104; „Сб. Кавк.“, XXVIII, 2, 18—19; Dähnhardt: Natursagen, II, 86; „Národop. Sb.“, II, 116, III, 111, IV-V, 144, 147, VII, 224; „Arch. f. slav. Phil.“, XXI, 261, 294—295.

7.

Смерть кума.

а). У одного бѣдняка никто въ деревнѣ не хотѣлъ крестить ребенка. Согласилась быть кумой только неизвѣстная прохожая женщина, съ появленіемъ которой въ домѣ бѣдняка появились также чудеснымъ образомъ различные припасы. Это была—смерть. Уходя, она сдѣлала своего кума великимъ докторомъ, обѣщавъ показываться ему у изголовья или въ ногахъ больного: въ первомъ случаѣ больной будетъ жить, въ послѣднемъ—долженъ умереть.

Такимъ образомъ, бѣднякъ долго игралъ роль искуснаго доктора и сдѣлался большимъ богачемъ и бариномъ. Наконецъ, однажды пришлось ему ѣхать къ одному больному царю, причемъ онъ заблудился въ лѣсу и попалъ въ избушку, въ которой горѣло множество свѣчей разной величины, а при нихъ сидѣла его кума—смерть. Свѣчи изображали человѣческія жизни, соотвѣтственно предопредѣленному для каждой изъ нихъ сроку, причемъ свѣча самого доктора уже совсѣмъ догорала.

Возвратившись домой, онъ велѣлъ сдѣлать себѣ вертящуюся кровать, чтобы не допустить смерть къ себѣ въ ноги, но она, тщетно намучившись съ нимъ цѣлый день, наконецъ, схватила его за шею и задушила.

—

б). Первая половина разсказа совершенно тождественна съ варіантомъ **а**, за исключеніемъ двухъ незначительныхъ отступленій: 1) бѣднякъ, за помощь со стороны смерти, долженъ ей подписаться; 2) появленіе смерти у изголовья или въ ногахъ больного имѣетъ обратное значеніе: въ первомъ случаѣ—смерть, во второмъ—выздоровленіе.

Во второй части механически вставленъ родственный мотивъ объ увязненіи смерти, встрѣчающійся обыкновенно въ другой связи. Вывѣдавъ у смерти средство для ея увязненія, вѣроломный кумъ заманилъ ее на красную яблоню и обложилъ терновникомъ, вслѣдствіе чего она не могла оттуда тронуться и просидѣла тамъ нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, освободившись изъ этого плѣна, смерть хотѣла тутъ-же убить своего кума, но затѣмъ, уступая его мольбамъ, дала ему еще одинъ день отсрочки. Тогда онъ слѣлалъ себѣ вертящуюся колыбель, въ которой дол-

гое время избѣгалъ смерти, все поворачиваясь къ ней ногами, пока она, наконецъ, не сдѣлала его опять совершенно нищимъ, какимъ онъ былъ раньше. Послѣ этого онъ уже самъ отдался ей и умеръ.

И съ тѣхъ поръ изголодавшаяся смерть, которой все это время нельзя было никого другого тронуть, кромѣ своего кума, стала еще съ большей яростью забирать людей, и забираетъ ихъ такъ и понынѣ.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, I, 169—170, II, 32—38; его-же: Етн. мат. Уг. Р., VI, 140—142; его-же: Знадоби, II—1, XXXVIII—XXXIX; „Ж. і Сл.", I, 139—140, 147, III, 219—220; „Наука", 1894, VII—IX, 418; Роздольскій: Казки, I, 92—93; Чубинскій: Труды, II, 430—432; Гринченко: Этн. мат., II, 89—91; его-же: Изъ устъ народа, 120—124, 427—428; Малинка: Сборн. мат., 310—311; Шейковскій: Бытъ подолянъ, II, 66—68; „К. Ст.", 1890, XII, 506—507, 1892, VIII, 147—148; Шейнъ: Матеріалы, II, 414—419; Добровольскій: Смол. сб., I, 314—318; Романовъ: Бѣлор. сб., IV, 66—67; Federowski: Lud białor., I, 141—143, II, 132—134; Сержпутовскій: Сказки бѣлор.-полѣш., 35—36; Аѳанасьевъ: Легенды, 157—162; его-же: Поэт. возвр., III, 201—203; Ждановъ: Сочиненія, I, 606—608; Иваницкій: Мат. вологод., 196—197; Ончуковъ: Сѣв. сказки, 103—105; „Этн. Об.", VII, 83—84, XXII, 128, XXVIII, 92—94; „Ж. Ст.", XX—1, 97; „Сб. Кавк.", XVIII, 3, 144—147, XIX, 2, 145—148; Sad. Barącz: Bajki, 213—222; Kolberg: Chełmskie, II, 87—88; его-же: Lud, III, 156—157, VIII, 134—137; „Zbiór wiad.", XI, 113—116, 272—273, XII, 14—16; „Mat. antrop.", VI, 173—174, 182—183, X, 261—262; Świętek: Lud nadrab., 387—388; „Lud", VIII, 49—50; „Wisła", VIII, 98—114, IX, 726—732; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 55—58; „Slov. Pohl.", 1895, 388—391; Dobšinský: Prostonár. pov., V, 65—74; Krauss: Sagen u. M. Südsl., II, 119—120; Шапкаревъ: Сборн. умотв., VIII, 185—188, IX, 494—497; Strausz: Die Bulgaren, 104—106; Ardalić-Polivka: Nar. pripov., 62—64; Polivka: Pohádkosl. studie, 188—195; его-же: Бѣлѣжки, 16; „Národop. Sb.", IV—V, 144; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", VIII—4, 352; „Arch. f. sl. Phil.", XIX, 241; Jahn: Volkssagen, 33—34; Wlislocki: Märchen u. S. Zig., 94—96; Stier: Ung. M., 30—33; Gonzenbach: Sic. M., I, 123—124, II, 217; Schmidt: Griech. M., 117—118; Carnoy-Nicolaides: Traditions pop. de l' Asie Min., 144—150; Luzel: Légendes chrét., I, 335—357; „Germania", XXV, 138—139; „Zs. Ver. Vk.", IV, 34—41, VI, 67—68; Benfey: Pantschatantra, I, 524—525; Grimm: K. H. M., I, 216, 219—222, III, 69—71; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 377—388; Köhler: Kl. Schr., I, 291—292.

Мотивъ о свѣчахъ жизни вообще см.: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., V, 263—264; „Наука", 1894, VII—IX, 439, X—XII, 610—611; Kaindl: Die Seele—„Globus", LXVII, 360; Jahn: Volkssagen, 35—36; „Zbiór wiad.", XVII, 285—286; Bladé: Contes gasc., II, 198—200; Máchal:

Nákres, 86; Аѳанасьевъ: Поэт. возэр., III, 203; Polivka: Pohádkosl. studie, 191; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 388; Köhler: Aufsätze, 108; Клингеръ: Животное, 293—298.

Мотивъ объ увязненіи смерти см. ниже—№ 8 и 52.

8.

Солдатъ получилъ отъ Бога карты и сумку.

Отставной солдатъ, возвращаясь домой, проигралъ въ карты всѣ заслуженныя деньги, такъ что осталась у него только одна мелкая монета. Въ дорогѣ онъ встрѣтилъ Господа съ апостолами Петромъ и Павломъ, которыхъ онъ перенесъ черезъ воду, а затѣмъ на послѣднюю монету угостилъ въ корчмѣ хлѣбомъ и водкой. За это Господь далъ ему карты, которыя всегда выигрываютъ, и сумку, въ которую все должно прыгать по его приказанію; кромѣ того, въ карманѣ онъ нашелъ вдругъ нѣсколько серебряныхъ монетъ.

Пришелъ солдатъ въ городъ и сталъ играть въ карты съ господами, причемъ выигралъ отъ нихъ не только всѣ ихъ деньги, но и лошадей съ кучерами. Когда же они хотѣли убить его, чтобы отнять свое имущество, онъ запряталъ ихъ всѣхъ въ свою сумку и избилъ ихъ, послѣ чего выпустилъ ихъ на свободу.

Затѣмъ пришелъ онъ къ одному барину, въ домѣ котораго страшили 24 черта. Онъ половилъ всѣхъ чертей въ свою сумку и избилъ ихъ на мазь, послѣ чего, въ награду за это, женился на дочери барина и, такимъ образомъ, сдѣлался самъ бариномъ.

Спустя нѣкоторое время пришла за нимъ смерть, но онъ велѣлъ ей тоже прыгнуть въ свою сумку, избилъ ее и выпустилъ еле живую. Послѣ этого онъ жилъ еще въ спокоѣ долгое время, такъ какъ смерть боялась и подступать къ нему, но, наконецъ, пришелъ къ нему самъ Господь и толкнулъ его на тотъ свѣтъ— въ адъ. Однако, черти, по старой памяти, тоже испугались солдата съ сумкой и велѣли ему убираться вонъ изъ ада. Уходя, онъ захватилъ оттуда съ собою немного сухарей, которые затѣмъ превратились въ души. И съ этими душами уже Господь впустилъ его въ свое царство.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 42—53; его-же: Етн. мат. Уг. Р., VI, 274—275; его-же: Знадоби, II—1, 60—64; Рудченко: Ю.-р. сказки, II, 177—179; Манжура: Сказки, 61—63; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 340—345, IV, 48—51; Шейнъ: Матеріалы, II, 409-412; Federowski: Lud białor., II, 283—287; Аѳанасьевъ: Легенды, 53—71, 154—157; Иваницкій: Мат. вологод., 195; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", VIII-4, 359, XII-3, 379, 385; „Сборн. Кавк.", XVI, 1, 313—316; Ждановъ: Сочиненія, I, 600—608; „Zbiór wiad.", V, 234—235, 245—246, IX, 115—117, XV, 19—23, XVI, 37—39; „Mat. antrop.", V, 5—6, 25—27, 113—115, VI, 143—146, 153—155, 384—388, 395—396; „Lud", VI, 352—357; „Wisła", VIII, 232—236; Kolberg: Lud, III, 115—118, VIII, 133—136, XIV, 191—196, XIX, 223—224; его-же: Chełmskie: II, 111—112; Gliński: Baj. pol., II, 134—149; Ciszewski: Krakowiacy, I, 163—166; Świętek: Lud nadrab., 321—324; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 272—276, II, 198—204; Leskien-Brugmann: Lit. M., 410—412, 559—561; „Arch. f. slav. Phil.", V, 648—652, XXVI, 459—460; „Zs. f. öst. Vk.", IV, 309; Grundtvig: Dän. Vm., II, 179—193; Bladé: Contes gasc., III, 93—103; Ortoli: Contes cors., 155—170; Luzel: Lég. chrét., I, 311—333; Grimm: K. H. M., I, 402—416, III, 131—143, 409; Köhler: Aufsätze, 48—78; его-же: Kl. Schr., I, 83—84, 104—105, 111.

Мотивъ объ увязненіи смерти или чертей вообще см.: Гнатюкъ: Легенды, I, 206—210, II, 38—42; его-же: Етн. мат. Уг. Р., IV, 185—186; его-же: Знадоби, II—1, 65; Роздольскій: Казки, I, 66—68, 90—91; Драгомановъ: Преданія, 120—123; Чубинскій: Труды, I, 217—219, II, 430—432; Манжура: Сказки, 60—61; Рудченко: Ю.-р. сказки, I, 65—66; Шейнъ: Матеріалы, II, 147, 413—414; Романовъ: Бѣлор. сб., IV, 76—79; Federowski: Lud białor., I, 144, II, 132; Сержпутовскій: Сказки бѣлор.-полѣш., 33—34; Аѳанасьевъ: Легенды, 53—71, 154—157; его-же: Поэт. воззр., III, 40—52; „Сб. Кавк.", XVI, 1, 308-309; „Zbiór wiad.", IX, 117, XI, 6, XII, 16, XV, 20—22, 256—257, XVI, 75—76; „Mat. antrop.", V, 107—108, VI, 174, 341—342, 376—377, X, 249—250; Kolberg: Lud, III, 181—182, XIV, 248—250; Ciszewski: Krakowiacy, I, 159—168; Chełkowski: Pow. Przasn., I, 177—179; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 56—57; Schleicher: Lit. M., 108—115; Václavek: Pohádky, I, 15—16, 44—50; „Č. Lid", IV, 542; „Národop. Sb.", IV—V, 144; „Arch. f. sl. Phil.", XVII, 576, XIX, 243, 262, XXXI, 602; Strausz: Die Bulgaren, 106—110; „Zs. Ver. Vk.", I, 158—161; Schell: Berg. Sagen, 18—19; Bladé: Contes gasc., II, 225—230; Sébillot: Lit. or. H.-Bret., 175—180; Carnoy: Lit. or. Picard., 67—89; Köhler: Kl. Schr., I, 83, 111, 258, 303, 321. — См. также № 7 и 52.

Мотивъ о сухаряхъ—душахъ см. № 20.

9.

Божій судъ.

Бѣдный братъ просилъ у богатаго пшеницы на святой вечеръ, но тотъ не далъ. Черезъ нѣкоторое время бѣдный умеръ, пшеница же на его нивѣ уродилась хорошая, а у богача—худая. Тогда богачъ захотѣлъ отнять у вдовы эту ниву. Послѣ долгихъ споровъ, согласились на Божій судъ. Однако, жадный богачъ закопалъ на нивѣ своего сына, который, на вопросъ—чья пшеница?—отвѣтилъ изъ ямы, что—богатаго.

На слѣдующій день пошелъ богачъ откапывать своего сына, но его въ ямѣ уже не было: онъ превратился въ крота и роетъ землю и понынѣ.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 119—121; Kolberg: Pokucie, III, 141—142; Драгомановъ: Преданія, 385; „Zbiór wiad.“, III, 99, XV, 65; „Караџић“, II, 214—216; Strausz: Die Bulgaren, 72; „Č. Lid“, VI, 265—269, VII, 18—19, IX, 57; „Zs. Ver. Vk.“, III, 224—225; Dähnhardt: Natursagen, III, 454—455, 527.

10.

Нива богатаго и бѣднаго.

Два брата раздѣлились наслѣдствомъ, послѣ чего одинъ разбогатѣлъ, а другой совсѣмъ обнищалъ, такъ что со временемъ продалъ богатому весь свой надѣлъ, причемъ послѣдній не хотѣлъ даже принять его въ работники и прогналъ его прочь. Тогда бѣдный, по совѣту своего ангела, попросился молотить у брата цѣлый годъ за лапоть пшеницы, а затѣмъ выпросилъ у него столько нивы, сколько нужно, чтобы посѣять эту пшеницу. Сѣялъ онъ эту пшеницу цѣлый день, засѣялъ ею большую ниву, и все еще осталась у него та горсть зерна, которую онъ выработалъ у брата.

Въ свое время пшеница бѣднаго взошла хорошо, а у богатаго плохо, въ виду чего послѣдній принудилъ его помѣняться нивами. Тогда Господь выбилъ градомъ ниву богатаго, когда

же тотъ опять заставилъ бѣднаго помѣняться, то оросилъ ее дождемъ, такъ что пшеница бѣднаго поднялась лучше прежняго.

Съ тѣхъ поръ бѣдный братъ сталъ быстро разживаться и сдѣлался помѣщикомъ, богачъ же скоро совсѣмъ обѣднѣлъ, такъ что, въ свою очередь, пришелъ къ брату просить службы, а тотъ отдѣлилъ ему часть своей земли и принялъ его къ себѣ на хозяйство.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, I, 125—127; его-же: Етн. мат. Уг. Р., III, 26—27, 40—41; Гринченко: Этн. мат., II, 146—147; Романовъ: Бѣлор. сб., IV, 19—22, 165—166; Добровольскій: Смол. сб., I, 298-306; Шейнъ: Матеріалы, II, 365—370; Аѳанасьевъ: Легенды, 39—42; Садовниковъ: Сам. ск., 270—277; Иваницкій: Мат. вологод., 218—220; „Этн. Об.", IV, 235—237, V, 152—154, VII, 74—76; Веселовскій: Разысканія, VIII, 318—319; Kolberg: Lud, VIII, 92—93; Dobšinský: Prostonár. pov., IV, 53; Шапкаревъ: Сборн. умотв., VIII, 279; Polivka: Pohádkosl. st., 181—188; „Arch. f. sl. Phil.", XIX, 261, XXI, 279.

11.

Кровосмѣситель.

Бездѣтные старые люди просили у Бога дѣтей. Ночью во время родовъ старикъ услышалъ, какъ ангелы объявили, что родившійся въ этотъ часъ мальчикъ убьетъ отца и будетъ жить съ матерью. Испуганные старики положили ребенка въ ящикъ изъ воска, прибили ярлыкъ съ именемъ Григорія и пустили ящикъ по Дунаю.

Такъ приплылъ ребенокъ въ какое-то село, гдѣ одинъ человѣкъ взялъ его къ себѣ и выростилъ его. Со временемъ мальчикъ сталъ пастухомъ, но, узнавъ о своемъ происхожденіи, ушелъ въ свѣтъ.

Такъ пришелъ онъ, наконецъ, и въ свое родное село и нанялся къ своему отцу, не зная его, стеречь ночью пасѣку отъ кабана. По совѣту жены, старикъ пошелъ испытать новаго сторожа, причемъ надѣлъ тулупъ навыворотъ и урчалъ, подобно кабану. Сынъ убилъ его изъ ружья, а затѣмъ цѣлый годъ жилъ съ матерью, какъ съ женою. Только черезъ годъ имъ случайно открылась страшная тайна ихъ отношеній.

Тогда онъ пошелъ къ кузнецу и велѣлъ прибить себѣ на голову желѣзный обручъ, съ которымъ онъ скрылся въ келію и молился тамъ, не умываясь и не ѣдя ничего, цѣлый годъ. Послѣ этого обручъ спалъ съ его головы, а Богъ взялъ его съ тѣломъ къ себѣ.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, I, 120—124, 213, II, 236—237; его-же: Етн. мат. Уг. Р., I, 70—73, VI, 97—107; Онищукъ: Мат. гуц. демон., 12—15; Kolberg: Pokucie, IV, 208—210; S. Barącz: Bajki, 71—72; Драгомановъ: Преданія, 130—131; его-же: Славянські перерібки Едіповоі історіі—Розвідки, IV, 1—196; Гринченко: Этн. мат., 63—66; Добровольскій: Смол. сб., I, 269—276; Federowski: Lud białor., II, 309—310; Ждановъ: Рус. был. эпосъ, 330; Костомаровъ: Памятники, II, 415—424; его-же: Собр. сочиненій, I, 181—196; „Zbiór wiad.“, VII, 9—10, VIII, 115—126, XIII, 104—106; Ciszewski: Krakowiacy, I, 60—63; „Wisła“, II, 762—766, VI, 54—79, 279—299; „Сб. Кавк.“, IX, 2, 184—189; „Arch. f. sl. Phil.“, V, 47—60, XI, 321—326; Клингеръ: Сказ. мот. Герод., 47—48; Oesterley: Gesta Rom., 291—294, 399—409, 641—646, 725, 746; Köhler: Kl. Schr., II, 173—203.

Мотивъ о предопредѣленіи судьбы при рожденіи см. еще: Малинка: Сб. мат., 291; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 195; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 244; Добровольскій: Смол. сб., I, 293; Federowski: Lud. białor., II, 312—314; „Arch. f. sl. Phil.“, XXI, 280, 294.

Мотивъ о покаянныхъ веригахъ или цѣпяхъ см. № 14 и 43.

12.

Заколдованный охотникъ.

Одинъ лѣсникъ хорошо стрѣлялъ, но, для бóльшаго успѣха въ охотѣ, чертъ научилъ его выплюнуть причастіе, положить на дубъ и выстрѣлить въ него. Послѣ выстрѣла причастіе исчезло, а охотникъ сошелъ съ ума и 7 лѣтъ бродилъ по лѣсу, причемъ все, что онъ стрѣлялъ, куда-то исчезало.

Однажды въ грозу онъ увидѣлъ чертенка, выскакивавшаго изъ-подъ плиты и смѣявшагося надъ молніей. Онъ убилъ его наповалъ, послѣ чего погода сразу прояснилась, а самъ онъ пришелъ въ себя, вспомнилъ все и нашелъ дорогу домой. Затѣмъ онъ исповѣдался и сталъ снова такимъ, какъ всѣ люди.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, I, 211—212; его-же: Етн. мат. Уг. Р., II, 147; его-же: Знадоби, II—2, 190; Онищукъ: Мат. гуц. демон., 116—117; „Ж. і Сл.“, II, 180, III, 218, 372; Kaindl: Zauberglaube bei d. Huzulen—„Globus“, LXXVI, 273—274; Драгомановъ: Преданія, 35, 42; Чубинскій: Труды, I, 19—20; Гринченко: Изъ устъ народа, 108, 289, 427; „К. Ст.“, 1905, VII—VIII, 148; Nowosielski: Lud ukr., II, 165—166; Сержпутовскій: Ск. бѣлор.-полѣш., 23—25; Federowski: Lud białor., I, 153; Добровольскій: Смол. сб., I, 105—108; „Ж. Ст.“, IV, 487—488; „Этн. Об.“, II, 95, 108—109, 115, V, 134, XVIII, 110; Садовниковъ: Сам. ск., 282, 380—381; Веселовскій: Разысканія, VIII, 327; „Zbiór wiad.“, XV, 240; Kolberg: Lud, VIII, 133; „Lud“, V, 372, VI, 197, 352, VII, 284; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 203—204, 228—229, II, 62—63, 224; „Zs. f. öst. Vk.“, VI, 237; „Č. Lid“, VIII, 97; „Arch. f. sl. Phil.“, V, 641—642, XXI, 301; Jahn: Volkssagen, 330—331, 339—340; Müllenhoff: Sagen, 366—368, 549; Bartsch: Sage Meklenb., I, 155, 235.

13.

Великій грѣшникъ.

Одинъ купецъ возвращался домой, но на дорогѣ разлилась вдругъ вода, такъ что нельзя было переѣхать. За помощь, оказанную ему тутъ неизвѣстнымъ человѣкомъ, онъ записалъ ему то, о чемъ дома не знаетъ. Запроданнымъ оказался его сынъ, котораго жена въ то время носила.

Мальчикъ выросъ хорошо и въ школѣ обогналъ всѣхъ товарищей, но, чтобы стать священникомъ, никакъ не могъ доучить послѣднихъ, необходимыхъ для этого, словъ. Во снѣ ему было открыто, что причиной этого была запись, данная на него отцомъ діяволу. По совѣту священниковъ, онъ отправился въ адъ и, съ помощью святой воды, отнялъ у чертей запись, послѣ чего уже легко доучился до конца и сталъ самъ священникомъ.

Однажды въ дорогѣ онъ заблудился въ лѣсу и попалъ къ разбойникамъ. Главный изъ разбойниковъ, убившій на своемъ вѣку много людей, и даже своихъ отца и мать, потребовалъ отъ него разрѣшенія отъ грѣховъ, угрожая въ противномъ случаѣ смертью. Тогда священникъ велѣлъ ему вбить въ землю палку, которою онъ убивалъ людей, и поливать ее, пока она не принесетъ плодовъ, а самъ уѣхалъ.

Спустя 10 лѣтъ случилось священнику опять проѣзжать черезъ тотъ-же лѣсъ. Пораженный необыкновеннымъ запахомъ

яблокъ, онъ остановился и увидѣлъ подъ яблоней сѣдого, какъ лунь, старика, въ которомъ узналъ бывшаго разбойника. Священникъ велѣлъ ему потрясти яблоню, выросшую изъ посаженной палки, и всѣ яблоки упали на землю, кромѣ двухъ— непрощенныхъ грѣховъ убійства отца и матери. Тогда священникъ исповѣдалъ его, послѣ чего онъ разсыпался прахомъ.

Параллели: Ю. А. Яворскій: Очерки по ист. рус. нар. словесности, I, 20—22; Игн. изъ Никловичъ: Казки, 3—7; Гнатюкъ: Легенды, II, 141, 146—153; его-же: Етн. мат. Уг. Р., I, 121—124, III, 31—35, IV, 188—190; его-же: Знадоби, II—1, 67—70; Kolberg: Pokucie, IV, 145—154; его-же: Lud, VIII, 122—124, XIV, 197—210; Драгомановъ: Преданія, 130—131, 406—410; Гринченко: Этн. мат., I, 165—166; Малинка: Сборн. мат., 305—306; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 251—256; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 307—312, IV, 29—30; Federowski: Lud białor., II, 311—312; Аѳанасьевъ: Легенды, 91—97, 177—180; Садовниковъ: Сам. ск., 292—299; Худяковъ: Великор. ск., III, 95—97; „Ж. Ст.", XII, 465—467, XX—1, 97; „Этн. Об.", VI, 12—15; Сумцовъ: Очерки, 88—89; его-же: Разборъ Ром., 72—73; Веселовскій: Разысканія, X, 376—385; Ждановъ: Рус. был. эп., 325—338; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", XVI—2, 250—251; „Arch. f. slav. Phil.", XVII, 574, XIX, 245, 295, XXI, 297, XXVI, 458, XXXI, 603; Karłowicz: Podanie o Madeju—„Wisła", II, 804—814, III, 102—134, 300—305, 602—604, V, 43—59; „Zbiór wiad.", XI, 106—107, XVIII, 344—346; „Mat. antrop.", V, 3—5, 97—99, 176—177, X, 246—248; „Lud", VII, 139—140; Gliński: Baj. pol., IV, 5—25; Ciszewski: Krakowiacy, I, 67—72; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 119—121, II, 46—51, 268—281; „Slov. Pohl.", 1901, X, 596—597; Dobšinský: Prostonár. pov., II, 12—26; Václavek: Pohádky, I, 84—87; „Č. Lid", XI, 263—265; Polivka: Dr. přispěvky, 72—74, 103—106, 138; Красић: Нар. припов., II, 25—31; Strohal: Hrv. pripov., I, 75—91; Strausz: Die Bulgaren, 115—116; Schleicher: Lit. M., 75—79; Leskien-Brugmann: Lit. M., 500—504, 576; Schott: Wal. M., 165—171; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 135—137; „Zs. Ver. Vk.", XIII, 70—72; Luzel: Lég., chrét., I, 161—215, 267—281; Köhler: Kl. Schr., I, 403—404.

Мотивъ о записи по невѣдѣнію см. еще: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 10 12; Гнатюкъ: Легенды, II, 40—41; Роздольскій: Казки, I, 46; Чубинскій: Труды, II, 138—139, 219—220; Рудченко: Ю.-р. ск., I, 101, 109—110, 115—117; Драгомановъ: Преданія, 309 -311; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 33; Сумцовъ: Разб. Ром., 80; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 55—56, 63, 166, 176; Шейнъ: Матеріалы, II, 266—267; Добровольскій: Смол. сб., I, 99, 158, 512; Federowski: Lud białor., II, 63, 243—245; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 3, 56, 60, 63, 66, 70, 73, 75, 78—79, 107; Худяковъ: Великор. ск., I, 58, 60; его-же: Матеріалы, 82, 98; Садовниковъ: Сам. ск., 67; Ончуковъ: Сѣв. ск., 309, 375; „Ж. Ст.", XVII—2, 232—233; Ждановъ: Р. был. эп., 316—333; „Zbiór

wiad.“, V, 190—192, XI, 289, XVIII, 361; „Mat. antrop.“, V, 148—149, VI, 363—364; Ciszewski: Krakowiacy, I, 22—29; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 242—248, 457—459, II, 344—348; Václavek: Pohádky, I, 68—69, 85; „Arch. f. slav. Phil.“, XXI, 268; „Zs. f. öst. Vk.“, III, 189—190; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 118—119, 131—132; Grimm: K. H. M., I, 66, 282—283, II, 6—7, 35—36, 115—116, 377—378, III, 22, 94—95, 166, 210, 321.—См. также № 41 и 101.

Мотивъ о чудесномъ прорастаніи палки или головни вообще см.: Ю. А. Яворскій: Очерки, I, 22; Порфирьевъ: Изсл. апокр. ветхозав., 112—114; Франко: Апокрифы, I, 87—88; Тихонравовъ: Памятники, I, 305—306, 309; его-же: Сочиненія, I, 166, прил., 50; Сумцовъ: Очерки, 88—89; Веселовскій: Разысканія, X, 371—378; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, XVI—2, 250—251; Ждановъ: Р. был. эп., 330—338; его-же: Сочиненія, I, 678; Dähnhardt: Natursagen, II, 265—268; Liebrecht: Gerv. v. Tilbury, 112.

14.

Панщина.

Отецъ отдалъ сына въ городъ въ ученье, но запретилъ бить его. Черезъ 15 лѣтъ сынъ вернулся домой, ничему не научившись, а такъ какъ по хозяйству онъ тоже ничего не умѣлъ дѣлать, то не остался дома, только ушелъ въ лѣсъ разбойничать.

Спустя нѣсколько лѣтъ онъ встрѣтилъ въ лѣсу отца, который опять звалъ его домой на хозяйство, но онъ показалъ ему,—на опытѣ съ нагибаніемъ молодого и стараго дерева,—что теперь уже поздно чему-нибудь учиться, а затѣмъ убилъ его, зато, что онъ и самъ ничему не училъ его, и другимъ не позволялъ учить. Потомъ онъ убилъ еще проѣзжаго священника, но, наконецъ, ему опротивѣла эта жизнь, и онъ поступилъ къ одному помѣщику на службу.

Здѣсь послали его однажды въ городъ за мясомъ, но, когда открыли корзину, то нашли, вмѣсто мяса, голову священника. Въ виду этого чуда, разбойникъ признался въ своихъ преступленіяхъ, послѣ чего ему присудили привязать на спину кожаные мѣшки съ камнями и носить ихъ до тѣхъ поръ, пока они сами не спадутъ съ него.

Такъ скитался онъ по свѣту съ этими мѣшками 5 лѣтъ и, наконецъ, зашелъ однажды въ село, гдѣ былъ моръ, такъ что некому

было отбывать панщину. И вотъ видитъ онъ, что пьяный прикащикъ пошелъ на кладбище и билъ палкой по могиламъ, сгоняя на панщину покойниковъ. Возмущенный этимъ кощунствомъ, онъ убилъ прикащика, и въ ту-же минуту съ него спали мѣшки, а самъ онъ разсыпался прахомъ.

Напечатано на стр. 4—6 нашей статьи „Очерки по исторіи рус. нар. словесности. I. Легенда о панщинѣ“, спеціально посвященной изслѣдованію литературной исторіи данной легенды. Тамъ-же сведена и литература предмета, которую, для бóльшаго удобства справокъ, приводимъ здѣсь снова, дополняя ее рядомъ новыхъ, обнаруженныхъ нами лишь впослѣдствіи, библіографическихъ данныхъ:

Гнатюкъ: Легенды, I, 211, II, 143—145; Онищукъ: Мат. гуц. демон., 14—15, 116—117; Драгомановъ: Преданія, 131—132; его-же: Розвідки, IV, 99—100; „К. Ст.“, 1884, X, 175; „Этн. Об.“, XVII, 78—79; „Mat. antrop.“, II, 98—99; Шейнъ: Матеріалы, II, 371—373; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 311—312, IV, 27; Federowski: Lud białor., II, 310—311; Аѳанасьевъ: Легенды, 94—97; Садовниковъ: Сам. ск., 294—295, 299—301; „Сб. Кавк.“, VII, 2, 51—53, XVI, 1, 198—203, XXVIII, 2, 22—24; Ристић-Лончарски: Срп. прип., 8—12; Grimm: K. H. M., II, 475—477.

Параболу о нагибаніи молодого и стараго дерева см.: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 20; Гнатюкъ: Легенды, II, 139—140; „Zbiór wiad.“, V, 243; Grimm: K. H. M., II, 419.

Мотивъ объ явленіи убійцѣ головы или крови его жертвы см. еще: Ю. А. Яворскій: Очерки, II, 47; Гнатюкъ: Легенды, II, 114—115; S. Barącz: Bajki, 155; Kolberg: Pokucie, IV, 197—198; Садовниковъ: Сам. ск., 301—302; Ончуковъ: Сѣв. ск., 458; Luzel: Lég. chrét., II, 187—193; Sébillot: Tradit. H.-Bret., I, 265—266; Köhler: Kl. Schr., I, 154—155.

Мотивъ о покаянныхъ веригахъ см. № 11 и 43.

15.

Когда лучше страдать: съ молоду или на старость?

Зажиточные молодые супруги, вслѣдствіе постоянныхъ неудачъ въ хозяйствѣ, со временемъ совсѣмъ обѣднѣли. Тогда они обратились за совѣтомъ къ ворожеѣ, но сама она ничего имъ не сказала, только ея знахарь (домовой?) спросилъ ихъ, въ какомъ возрастѣ они предпочитаютъ бѣдствовать? Мужъ хотѣлъ отложить это на старость или хоть на средніе года, но жена настояла на томъ, чтобы отбыть всю бѣду сейчасъ, въ молодости.

Съ этимъ и пошли они въ свѣтъ. Однажды повстрѣчался имъ на дорогѣ какой-то баринъ въ каретѣ, который, бросивъ мужу кошелекъ съ деньгами, увезъ жену. Потомъ и деньги эти похитилъ воронъ, послѣ чего мужъ долго скитался по свѣту въ одиночествѣ и нуждѣ.

Наконецъ, въ одномъ городѣ ему удалось поступить на работу въ артель плотниковъ, съ которой онъ со временемъ пришелъ строить домъ и къ тому барину, который увезъ его жену. Здѣсь, срубывая въ лѣсу дубы на домъ, онъ нашелъ на одномъ изъ нихъ свои, похищенныя ворономъ, деньги. Такъ какъ барина не было дома, то плотники пошли съ этими деньгами на судъ къ барынѣ, и тутъ мужъ и жена узнали другъ друга. Въ то-же время пришло извѣстіе о смерти барина, послѣ чего соединившіеся вновь супруги остались полными хозяевами въ его имѣніи.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 184—192; его-же: Етн. мат. Уг. Р., I, 82—103, III, 83—84; S. Barącz: Bajki, 13—14; Рудченко. Ю.-р. сказки, I, 161—163; Чубинскій: Труды, II, 539—540; Малинка: Сб. мат., 308—309; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 273—276; Шейнъ: Матеріалы, II, 159—161; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 330—334, IV, 45—46; Добровольскій: Смол. сб., I, 530—532; „Сборн. Кавк.", VII, 2, 213—219, XVIII, 3, 166—167; „Mat. antrop.", V, 48—49; Kolberg: Lud, XXI, 198—200; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 314—318; „Arch. f. slav. Phil.", XIX, 254—255, XXI, 294, XXVI, 461; Поливка: Бѣлѣжки, 23; „Č. Lid", XI, 444; Dobšinský: Prostonár. pov., IV, 39—42; Krauss: Sagen u. M. Südsl., II, 132—138; Шапкаревъ: Сборн. умотв., IX, 300; Strausz: Die Bulgaren, 106—107, 109; „Zs. Ver. Vk.", VI, 68; Lidzbarski: Neuaram. Hs., 108—113, 195—198; Rosen: Tuti-Nameh, II, 269—277; Oesterley: Gesta Rom., 444—451, 730; Köhler: Kl. Schr., II, 245—255, 351—354.

16.

Какъ чертъ соблазнилъ праведника въ церкви.

Одинъ парень до 20 лѣтъ не ходилъ въ церковь, только молился дома. Наконецъ, однажды, по настоянію родителей, онъ отправился въ церковь, причемъ по дорогѣ перешелъ черезъ

рѣку по верху воды, какъ по суху. Во время службы онъ увидѣлъ въ углу церкви чертенка, который записывалъ на шкурѣ людскіе грѣхи, а записавъ ее всю, хотѣлъ растянуть ее зубами и при этомъ перекувыркнулся вверхъ ногами. Парень засмѣялся, послѣ чего уже больше не видѣлъ чертенка, а на обратномъ пути замочился уже въ водѣ по колѣни, такъ какъ согрѣшилъ въ церкви и, такимъ образомъ, потерялъ свою святость.

Напечатано въ „Житьѣ и Словѣ“, 1894, II, 349. Подробный историко-литературный обзоръ данной легенды сдѣланъ нами въ особомъ докладѣ, прочитанномъ 24 сентября и 8 октября 1906 г. въ Кіевскомъ Историческомъ О-вѣ Нестора-лѣтописца п. з.: „Три старца“ Л. Н. Толстого и ихъ народно-литературная родня“. См. „Чтенія въ Ист. О-вѣ Нестора-лѣтописца“, XIX—4, 1, 97—102.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 88—89, 239—240; его-же: Знадоби, II—1, 38; „Ж. і Сл.“, II, 349—350; Драгомановъ: Преданія, 140—143; Гринченко: Этн. мат., I, 73—74, II, 152—154; „К. Ст.“, 1888, XI, 267—268; Веселовскій: Zwei kleinruss. Legenden zu Rabelais—„Russ. Revue“, 1874, V, 288—290; „Этн. Об.“, V, 155—156, XXVIII, 104—105; Добровольскій: Смол. сб., I, 318; Federowski: Lud białor., I, 19, 34, II, 125—126; Сержпутовскій: Ск. бѣл.-полѣш., 101—103, 168—170; Шейнъ: Матеріалы, II, 373—376; „Ж. Ст.“, II, 156; „Zbiór wiad.“, V, 221, XVIII, 485; Kolberg: Lud, VIII, 143—144; Świętek: Lud nadr., 461—462; Toeppen: Abergl. Mas., 123—124; Grohmann: Sagen Böhm., 75; Černy: Myth. byt., 234—235; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 105; Поливка: Бѣлѣжки, 11; „Arch. f. sl. Phil.“, XIX, 261, XXI, 266, 280; Pauli: Schimpf u. Ernst, 209, 510.

Мотивъ о чертѣ, записывающемъ въ церкви людскіе грѣхи, см. еще: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., III, 43; „Ж. і Сл.“, II, 352; Kolberg: Pokucie, IV, 201; „Этн. Об.“, XXI, 88; Federowski: Lud białor., I, 18, 250, II, 220; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 328; „Zbiór wiad.“, VII, 64—65; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 249—250, II, 232—233; „Sl. Pohl.“, 1901, X, 598; Bolte: Der Teufel in der Kirche—„Zs. f. vergl. Lit.-gesch.“, 1897, N. F., XI, 249—266.

Мотивъ о хожденіи по верху воды вообще см.: Гнатюкъ: Легенды, I, 14, II, 137; его-же: Етн. мат. Уг. Р., IV, 35; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 44, 56, 61, 125; Federowski: Lud białor., I, 11; „Ж. Ст.“, XII, 125; Ончуковъ: Сѣв. ск., 107; „Mat. antrop.“, X, 277; Петровъ: Прологъ, 126; Пономаревъ: Памятники, IV, 59, 182—183; Франко: Св. Климент у Корсуні, 286; Шестаковъ: Изслѣдованія, 91—92; Migne: Curs. patr. lat., LXXIII, 1000.

17.

Какъ выходитъ душа изъ тѣла.

Служилъ солдатъ въ войскѣ 12 лѣтъ, потомъ обошелъ весь свѣтъ и все узналъ, кромѣ одного—какъ душа выходитъ изъ тѣла? Возвратившись домой, онъ, по совѣту священника, постился цѣлый годъ на хлѣбѣ и водѣ, затѣмъ исповѣдался и пошелъ къ одному умирающему, чтобы узнать, какъ будетъ выходить его душа? Тутъ онъ увидѣлъ, что въ окно влетѣлъ сѣрый голубь, сѣлъ на лицо умирающаго и въ поцѣлуѣ принялъ его душу. Потомъ опять пошелъ онъ къ одной умирающей женщинѣ и увидѣлъ здѣсь чернаго голубя, который влетѣлъ черезъ трубу и сталъ бить и клевать ее въ лицо. Священникъ объяснилъ ему, что въ первомъ случаѣ выходила изъ человѣка душа праведная, душа же той женщины была грѣшная, а потому забралъ ее діяволъ.

Параллели: Въ народной словесности намъ извѣстна только одна, болѣе или менѣе сходная, великорусская легенда—въ сборникѣ Аѳанасьева, стр. 87—88, причемъ здѣсь, однако, вмѣсто голубей, являются за душами просто добрые и злые ангелы смерти. Повидимому, данная легенда только случайно проникла въ русскую народную словесность—изъ книжныхъ, духовно-повѣствовательныхъ источниковъ, въ родѣ Патериковъ, Прологовъ и другихъ подобныхъ сборниковъ, въ которыхъ она встрѣчается довольно часто. См. напр.: Петровъ: Прологъ, 122—123, 135—137; Владиміровъ: Вел. Зерцало, 101—103; его-же: Къ изсл. о „Вел. Зерц.", 63—65; Migne: Curs. patr. lat., LXXIII, 1011.

Что же касается, въ частности, символическаго представленія объ ангелахъ смерти въ образѣ птицъ, то оно, являясь тоже, по всей вѣроятности, отраженіемъ книжной, духовной традиціи, въ то-же время распространено въ народной словесности довольно широко и прочно. См. напр.: Гнатюкъ: Русины Пряш., 63; его-же: Етн. мат. Уг. Р., III, 83; Драгомановъ: Розвідки, IV, 85—86, 88; Владиміровъ: Др. р. лит., 169; Luzel: Lég. chrét., I, 172—173, 185—186, 200—202, 278—279, II, 18—29.—Въ общемъ, представленіе это находится, безъ сомнѣнія, въ прямой связи съ общимъ народно-поэтическимъ и легендарнымъ образомъ души-птицы. См. напр.: Аѳанасьевъ: Поэт. воззр., III, 214—226; Веселовскій: Слово о 12 снахъ Шахаиши, 15; Котляревскій: Сочиненія, III, 192—193; Перетцъ: Изсл. и мат., I—1, 260—264; Драгомановъ: Розвідки, IV, 115; Клингеръ: Животное, 47—100; Liebrecht: Gerv. v. Tilbury, 114—116; Grimm: D. Myth., II, 690—691; Federowski: Lud białor., I,

219; Kaindl: Die Seele—„Globus“, LXVII, 357—358; Negelein: Seele als Vogel—„Globus“, LXXIX, 357—361, 381—384; Dähnhardt: Natursagen, III, 476—486.

18.

Въ гостяхъ у мертвеца.

Два парня, любившіе одну и ту-же дѣвушку, условились между собою, что въ случаѣ, если одинъ изъ нихъ умретъ раньше, другой долженъ позвать его изъ могилы на свою свадьбу. Вскорѣ одинъ парень дѣйствительно умеръ, другой же сталъ готовиться къ свадьбѣ, причемъ пригласилъ на свадьбу всѣхъ своихъ знакомыхъ, а про умершаго товарища совсѣмъ забылъ. Только по дорогѣ къ вѣнчанію онъ вспомнилъ вдругъ о своемъ уговорѣ и побѣжалъ на кладбище, чтобы пригласить еще мертваго товарища на свадьбу. Могила раскрылась, и онъ вошелъ въ нее и пригласилъ покойника, послѣ чего тотъ угостилъ его виномъ и булками. Когда же онъ вышелъ изъ могилы, то не узналъ уже села ни людей. Всѣ его близкіе и знакомые уже поумирали, такъ какъ съ тѣхъ поръ прошло 30 лѣтъ. А затѣмъ, исповѣдавшись, и самъ онъ разсыпался прахомъ.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 134—139; его-же: Знадобы, II—2, 40—41; Гринченко: Этн. мат., I, 287—291; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 319; Ciszewski: Krakowiacy, I, 171—172; „Arch. f. sl. Phil.“, XVI, 319, XXI, 270; Müllenhoff: Sagen, 96, 413; Bartsch: Sagen Meklenb., I, 282—283; Pauli: Schimpf u. Ernst, 319—320.

Мотивъ о чудесномъ провожденіи большого промежутка времени вообще см.: „Ж. і Сл.“, II, 187—188, III, 373—374; Франко: Карп.-рус. письм., 117, 121; Гнатюкъ: Легенды, I, 161—162, II, 52—53, 66—70, 134—139; Kaindl: Die Seele—„Globus“, LXVII, 360; Аѳанасьевъ: Легенды, 117—118, 123—128; его-же: Сказки, I, 209, II, 82; Ончуковъ: Сѣв. ск., 287; Ровинскій: Р. нар. картинки, I, 160, III, 61—64, IV, 163, 533—534; Сумцовъ: Пушкинъ, 169—172; Владиміровъ: Вел. Зерцало, 24, 103; Federowski: Lud białor., II, 289, 296—299; Трейландъ: Лат. ск., 162—163; „Zbiór wiad.“, V, 218—219; A. G.: Nár. prip. Sošk., III, 53—56; „Arch. f. sl. Phil.“, XVII, 577, XXIX, 472; Grimm: K. H. M., I, 207—208; Pauli: Schimpf u. Ernst, 320—321, 537, 562; Bebel: Schwänke, II, 62—63, 144; v. d. Hagen: Gesammtaben-

teuer, III, 609—623; Liebrecht: Zur Volkskunde, 27—29; его-же: Gerv. v. Tilbury, 89; Wesselsky: Mönchslatein, 193—194, 257; „Germania“, I, 12, III, 431; Köhler: Kl. Schr., II, 224—241, 427—4...

19.

Нерожденныя дѣти.

Одна женщина сдѣлала себя посредствомъ колдовства безплодной, а затѣмъ, раскаявшись, все ходила къ исповѣди, но ни одинъ священникъ не хотѣлъ отпустить ей этого грѣха. Наконецъ, мѣстный священникъ велѣлъ ей провести 3 ночи въ церкви: если съ ней тамъ ничего не случится, то значитъ, что грѣхъ ей прощенъ.

Въ первую ночь не видѣла она въ церкви ничего. Во вторую—вышла изъ-подъ пола гусыня съ гусятами, походила вокругъ нея и молча исчезла. Наконецъ, на третью ночь гуси—это были ея нерожденныя дѣти—бросились на нее съ упреками и стали клевать и рвать ее, пока не разорвали ее въ клочки.

Напечатано, съ историко-литературнымъ обзоромъ параллелей, въ „Живомъ Словѣ“, 1899 г., I, 47—49, IV, 231. Тому-же легендарному сюжету, въ связи съ духовными стихами о грѣшной дѣвѣ, посвящена нами особая статья: „Очерки по ист. рус. нар. словесности. II. Духовный стихъ о грѣшной дѣвѣ и легенда о нерожденныхъ дѣтяхъ“, Кіевъ, 1905.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 128—129; Садовниковъ: Сам. ск., 247; „Ж. Ст.“, VIII, 233; Federowski: Lud białor., II, 129; „Č. Lid“, IX, 258; Grundtvig: Dän. Vm., II, 258—270; Ortoli: Contes Cors., 5—8; Luzel: Lég. chrét., II, 207—210; „Germania“, XXVIII, 114; Bolte: Lenaus Gedicht Anna—„Euphorion“, 1897, IV, 323—333; „Zs. Ver. Vk.“, X, 436—438, XIV, 114—117.

20.

Скатерть, баранчикъ и коробъ.

Бѣдный братъ попросилъ у богатаго сала. Тотъ далъ ему кусокъ, но сказалъ при этомъ: „неси къ черту“! Такъ бѣднякъ и понесъ сало къ черту.

У большой рѣки онъ встрѣтилъ старика, который перенесъ его черезъ воду, а затѣмъ велѣлъ ему требовать отъ чертей за сало не что другое, какъ только барашка, коробъ и скатерть, да еще 3 горсти шкварокъ. Бѣднякъ сдѣлалъ такъ, и черти дали ему все это. На обратномъ пути тотъ-же старикъ перенесъ его опять черезъ рѣку, причемъ объяснилъ ему также чудесныя свойства полученныхъ имъ предметовъ, изъ которыхъ барашекъ могъ трусить изъ себя деньги, скатерть развертывала всяческія угощенія, а изъ короба выскакивали въ защиту владѣльца молодцы съ палками; шкварки же старикъ велѣлъ ему нести въ сумкѣ домой.

По дорогѣ бѣднякъ заснулъ, проснувшись же, увидѣлъ возлѣ себя цѣлое стадо барановъ и овецъ, которые всюду бѣжали за нимъ; это были человѣческія души, вынесенныя имъ въ видѣ шкварокъ изъ ада и превратившіяся теперь въ барановъ и овецъ. Тутъ снова явился ему тотъ-же старикъ—это былъ самъ Господь—и, поставивъ его на свою ногу, показалъ ему лѣстницу, по которой всѣ эти души поскакали въ небо, а затѣмъ обѣщалъ взять по смерти и его тоже въ свое царство.

Придя домой, бѣднякъ позвалъ къ себѣ богатаго брата, угостилъ его со своей скатерти и далъ ему денегъ отъ барашка, разсказавъ при этомъ все, что съ нимъ произошло. Завистливый богачъ донесъ объ этомъ барину, который отнялъ у бѣдняка скатерть и барашка, но затѣмъ, подъ ударами палокъ изъ его короба, долженъ былъ возвратить ему все обратно.

Параллели: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 81—96, V, 202—209; Чубинскій: Труды, II, 344—354; Манжура: Сказки, 55—57, 74—76; Рудченко: Сказки, II, 125—139; Малинка: Сборникъ мат., 309—310; Ястребовъ: Матеріалы, 129—130; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 161—165; Романовъ: Бѣлор. сборникъ, III, 271—283, 402, IV, 205—206; Сумцовъ: Разб. Ром., 66—67; Добровольскій: Смол. сборникъ, I, 585—590, 597—606; Federowski: Lud białor., I, 95—96,

161—162, II, 144—145; Ровинскій: Р. нар. карт., I, 217—221, IV, 181—182; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 304—313; Худяковъ: Великор. ск., II, 49—54; его-же: Матеріалы, 18—20, 38—39; Садовниковъ: Сам. ск., 136—139; Иваницкій: Мат. волог., 188—189; Ончуковъ: Сѣв. ск., 66—68, 272—274, 320; „Ж. Ст.“, XX—1, 98; „Этн. Об.“, XII, 59, XXXVII, 127—128; „Сб. Кавк.“, XV, 2, 168—170, XXVI, 2, 216—221, XXVII, 5, 8—13; „Zbiór wiad.“, V, 189—190, 200—203, IX, 84—86, XI, 110—111, 288—289, XV, 27—28, XVI, 51—52; „Mat. antrop.“, II, 79—80, V, 222—224, VI, 375—376, X, 257—258; Kolberg: Lud, III, 112—113, 145—146, VIII, 127—128, XIV, 22—29, 212—217; его-же: Przemyskie, 218—226; Ciszewski: Krakowiacy, I, 166—170; Chełkowski: Pow. Przasn., I, 166—170; „Wisła“, VIII, 531—535; Gliński: Baj. pol., I, 202—212, IV, 101—115; Toeppen: Abergl. Mas., 147—148; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 37—39, 74—77; Dobšinský: Prostonár. pov., I, 17—31, III, 59—64; „Slov. Pohl.“, 1896, 322—324; Красић: Нар. прип., I, 15—21; A. G.: Nár. prip. Sošk., III, 45—49; „Národop. Sb.“, III, 122, 126, IV—V, 134, VII, 129; „Arch. f. slav. Phil.“, XVII, 577, XXI, 299—300, XXVI, 469, XXXI, 277, XXXIII, 597; Schleicher: Lit. M., 105—108; Leskien-Brugmann: Lit. M., 464—467, 488—490, 573; „Ung. Revue“, VIII, 332; Schott: Wal. M., 204—213; Stier: Ung. M., 79—83; Schmidt: Griech. M., 114—115; Gonzenbach: Sicil. M., I, 335—339, II, 235; Basile: Pentamerone, I, 15—27; Ortoli: Contes Cors., 171—178; Carnoy: Litt. or. Picard., 308—315; Sébillot: Litt. or. H.-Bret., 213—217; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказокъ—„Сб. Миллера“, 190; Потанинъ: Очерки, IV, 357—358, 538; „Germania“, XIV, 84—85; Grimm: K. H. M., I, 185—192, III, 65—66; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 349—361; Köhler: Kl. Schr., I, 47, 67.

Мотивъ о ношеніи милостыни къ черту или къ Богу см. еще: Гнатюкъ: Легенды, II, 174—179; „Ж. і Сл.“, IV, 97—100; Драгомановъ: Преданія, 49—50; Гринченко: Этн. мат., I, 179—181, II, 83—85; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 271—273; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 320—321; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 133—134; Köhler: Kl. Schr., I, 67.

Мотивъ о душахъ въ видѣ шкварокъ и овецъ см.: Гнатюкъ: Легенды, I, 59; его-же: Знадобы, II—1, 40—41; его-же: Етн. мат. Уг. Р., III, 7, VI, 36—37; Federowski: Lud białor., I, 226; „Этн. Об.“, XVIII, 112—113; „Zbiór wiad.“, V, 219—220, XVIII, 482—483; „Mat. antrop.“, V, 108, VI, 377, 387, XI, 39; „Wisła“, VII, 31—32; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 280; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 178—182.

21.

Волшебный конь.

У одного человѣка было 12 сыновей. За годъ службы у барина они получили по коню, причемъ младшій сынъ, глупый, выбралъ себѣ самаго плохого коня. Затѣмъ сыновья просили отца найти имъ въ жены 12 сестеръ. Старикъ встрѣтилъ на дорогѣ барыню, у которой оказалось 12 дочерей; она тотчасъ согласилась отдать ихъ въ жены его сыновьямъ, причемъ дураку была опредѣлена самая младшая изъ нихъ, лежавшая еще, несмотря на свои 17 лѣтъ, въ колыбели.

Поѣхали братья къ барынѣ свататься. Тутъ конь дурака открылъ имъ, что они ѣдутъ къ вѣдьмѣ, и научилъ ихъ, какъ вести себя, чтобы она ихъ не съѣла: не отдавать коней ея слугамъ, а изъ 3-хъ хлѣбовъ и 3-хъ бутылокъ вина, которые она вышлетъ имъ на встрѣчу, съѣсть только 2 хлѣба и выпить только 2 бутылки, не уронивъ при этомъ ни одной крохи или капли на землю. Братья все это исполнили. Послѣ ужина вѣдьма уложила ихъ спать попарно съ дочерьми, дурака же положила къ младшей дочери въ колыбель. По совѣту коня, братья перемѣнились мѣстами съ дочерьми вѣдьмы, вслѣдствіе чего послѣдняя, вмѣсто имъ, отрубила въ потьмахъ головы своимъ дочерямъ, пощадивъ только невѣсту дурака, а затѣмъ улетѣла на границу къ колдунамъ. Тогда братья, снова предупрежденные конемъ, стали убѣгать, но вѣдьма, возвратившись съ границы, погналась за ними, сѣвъ на своего золотого коня и взявъ перо золотой утки и золотой волосъ младшей дочери, чтобы освѣщать себѣ путь. Однако, братья успѣли ускакать черезъ границу и возвратились благополучно домой, только младшій отсталъ и спрятался въ кустахъ; но вѣдьма его не замѣтила и вернулась ни съ чѣмъ, потерявъ притомъ золотые перо и волосъ, а конь ея потерялъ золотую подкову.

Вопреки совѣтамъ своего коня, дуракъ поднялъ утерянныя вѣдьмой золотыя вещи, а затѣмъ поступилъ на службу къ одному барину. Въ конюшнѣ онъ, вмѣсто фонаря, повѣсилъ золотое перо, въ виду чего баринъ велѣлъ ему достать золотую утку, съ которой было это перо. Съ помощью коня дуракъ похитилъ утку у вѣдьмы изъ-за 3-хъ дверей. Затѣмъ, узнавъ о

золотой подковѣ, которую дуракъ, въ свою очередь, повѣсилъ въ конюшнѣ, баринъ велѣлъ ему привести потерявшаго ее коня. Дуракъ опять поѣхалъ къ вѣдьмѣ, поставилъ своего коня, по его указанію, передъ ея домомъ въ яму по колѣни и покрылъ его 12-ю шкурами, просмоленными смолою изъ 12-ти бочекъ; когда его конь заржалъ 3 раза, прибѣжалъ къ нему, сорвавъ своихъ 3 цѣпи, конь вѣдьмы, вонзился зубами въ шкуры и застрялъ въ нихъ, послѣ чего дуракъ уже легко привелъ его къ барину. Наконецъ, баринъ узналъ также о свѣтившемъ въ конюшнѣ золотомъ волосѣ и велѣлъ дураку привезти ему самую дѣвицу, которой принадлежалъ этотъ волосъ. На своемъ волшебномъ конѣ дуракъ увезъ у вѣдьмы также и ея дочку, вмѣстѣ съ колыбелью, но не хотѣлъ уже отдать ее барину, такъ какъ это была его невѣста.

Тогда баринъ велѣлъ надоить большой котелъ молока и вскипятить его, чтобы дуракъ выкупался и погибъ въ немъ. Но тотъ привелъ своего коня къ котлу, и какъ только послѣдній на него 3 раза фыркнулъ, молоко сейчасъ остыло, такъ что онъ окунулся въ него безъ малѣйшаго вреда и вышелъ еще лучшимъ молодцомъ, чѣмъ былъ прежде. Тогда баринъ, желая помолодѣть, въ свою очередь, прыгнулъ въ котелъ, но конь снова трижды фыркнулъ, молоко закипѣло, и баринъ сварился въ немъ на смерть. Послѣ этого дуракъ женился на своей невѣстѣ и остался хозяиномъ въ имѣніи барина.

Волшебный же конь сталъ теперь просить своего хозяина, чтобы онъ вывелъ его въ поле и застрѣлилъ, такъ какъ иначе и самъ онъ жить не будетъ; когда же тотъ, уступая его настояніямъ, застрѣлилъ его, онъ разсыпался прахомъ и развѣялся по вѣтру.

Параллели: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 64—68; Роздольскій: Казки, II, 61—65, 85—86, 124—129, 149—150; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., V, 209—229; Драгомановъ: Преданія, 286—290, 333—338; Чубинскій: Труды, II, 36—40, 290—293; Манжура: Сказки, 46—47; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 128—135; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 228—250, VI, 288—297, 362—370; Шейнъ: Матеріалы, II, 51—52, 276—283; Weryho: Pod. białor., 26—31; Federowski: Lud białor., II, 293—295; Добровольскій: Смол. сб., I, 632—633; „Этн. Об.“, XXI, 143—145, XXII, 106; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 263—268; Эрленвейнъ: Нар. ск., 39—43; Худяковъ: Великор. ск., I, 100—103, III, 126—129; его-же: Матеріалы, 121—127; Садовниковъ: Сам. ск., 73—77, 190—197; Смирновъ: Систем. указатель

—„Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, XVII—3, 158—161; „Сб. Кавк.“, XIV, 2, 97—102 XVIII, 3, 72—78, XXVIII, 2, 120—124, XXXIII, 3, 69—74, XLII, 2, 15—20; Kolberg: Pokucie, IV, 132—144; его-же: Chełmskie, II, 95—98; его-же: Lud, VIII, 33—35, XIV, 57—62, XIX, 234—236; „Zbiór wiad.“, V, 252—254, XI, 113—118, 264—266; „Mat. antrop.“, VI, 411—413; Nowosielski: Lud ukr., I, 327—338; Gliński: Baj. pol., II, 5—42, IV, 54—74; „Lud“, II, 46—53; „Wisła“, VIII, 524—531; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 153—155, 436—443, 453—457, II, 159—163, 328—336; Leskien-Brugmann: Lit. M., 360—363, 526—530; Němcova: Nár. báchorky, II, 171—185; Václavek: Pohádky, II, 33—42; „Národop. Sb.“, III, 101; Поливка: Бѣлѣжки, 4; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 341—351; Шапкаревъ: Сборн. умотв., VIII, 5—7; „Arch. f. sl. Phil.“, I, 276—279, V, 64—66, 75—78, XIX, 250, 258, XXXI, 599; Grimm: K. H. M., II, 191—195; Bartsch: Sagen Meklenb., I, 483—486; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 37—41, 81—85; „Zs. f. öst. Vk.“, II, 189, 223, IV, 159; Grundtvig: Dän. Vm., II, 4—23; Gonzenbach: Sic. M., I, 201—205, II, 149—155, 254—256; Schott: Wal. M., 184—193; Miklosich: Mundarten Zig., IV, 306—309; Radloff: Proben, IV, 443; „Orient u. Occident“, II, 300—301; Köhler: Kl. Schr., I, 195—196, 305—308, 411, 413—414, 464, 467—469, 542, 546—551. См. также слѣдующій № 22.

Мотивъ о женитьбѣ нѣсколькихъ братьевъ на невѣстахъ—сестрахъ см. еще: „Наука“, 1896, VIII—XI, 603—606; Чубинскій: Труды, II, 409—410; Federowski: Lud białor., II, 177; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 88—89; „Сб. Кавк.“, XIII, 2, 308, XIV, 2, 205, XVIII, 1, 64—69, XXVII, 2, 129—130, XXIX, 4, 5, XXXIII, 3, 43—44; Świętek: Lud nadr., 337—338; „Arch. f. sl. Phil.“, XXI, 297; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 148—150; Stier: Ung. M., 28—34; Radloff: Proben, IV, 443—447; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказокъ—„Сб. Миллера“, 190, 214.

Мотивъ о перемѣнѣ мѣстъ или головныхъ уборовъ съ дочерьми вѣдьмы см. еще: „Наука“, 1896, VIII—XI, 604—605; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 89; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, VIII—4, 354; „Národop. Sb.“, IV—V, 150, VI, 220; Carnoy: Litt. or. Picard., 257—260; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 124—126, 499—501.

Мотивъ о купаньи въ кипящемъ молокѣ см. еще: Роздольскій: Казки, I, 81; Рудченко: Сказки, I, 95; Чубинскій: Труды, II, 11, 14, 303; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 246; Nowosielski: Lud ukr., I, 276—277; Шейнъ: Матеріалы, II, 46—47, 397; Němcova: Nár. báchorky, I, 28—29; „Arch. f. sl. Phil.“, XIX, 250, 261.

22.

Джунджаловичъ и сыроѣдъ.

У одного богача было 12 сыновей, которыхъ онъ хотѣлъ женить только на 12-ти сестрахъ. Братья нашли 12 дочерей у одноглазаго сыроѣда, который тутъ-же уложилъ ихъ спать попарно, причемъ парни имѣли на головахъ шапки, а дѣвушки—платки. Старшій братъ, Джунджаловичъ, слышалъ ночью, какъ сыроѣдъ сговаривался съ женой, чтобы ихъ во снѣ зарѣзать; тогда онъ переложилъ шапки съ братьевъ на дочерей сыроѣда, а платки послѣднихъ—на братьевъ. Такимъ образомъ, сыроѣдъ съ женой порѣзали въ потьмахъ своихъ дочерей, братья же благополучно убѣжали домой.

Но Джунджаловичъ возвратился назадъ къ сыроѣду, чтобы зарѣзать его жену. Тотъ, въ свою очередь, хотѣлъ его зарѣзать, но онъ предложилъ ему откормить его прежде орѣхами, булками и сахаромъ, чтобы изъ него вышло жирное жаркое. Сыроѣдъ откормилъ его хорошо и велѣлъ женѣ зажарить его въ печи, а самъ пошелъ звать гостей на пиръ. Притворяясь неповоротливымъ при посадкѣ въ печь, Джунджаловичъ втолкнулъ туда и сжарилъ жену сыроѣда, которую затѣмъ, не узнавъ, съѣли мужъ и его гости, а самъ снова бѣжалъ.

Затѣмъ онъ, однако, возвратился къ сыроѣду еще разъ, чтобы закопать его самого въ землю. Онъ сталъ рубить передъ его домомъ ель и объяснилъ ему, что это онъ дѣлаетъ гробъ, въ который хочетъ забить Джунджаловича. Съ помощью сыроѣда онъ сколотилъ изъ ели гробъ, оковалъ его крѣпко у кузнеца, а затѣмъ предложилъ сыроѣду испробовать его прочность, чтобы Джунджаловичъ не вырвался изъ него. Когда же сыроѣдъ ложился въ гробъ, онъ забилъ его тамъ и пустилъ по водѣ.

Параллели: Kolberg: Pokucie, IV, 53—58, 141—144; „Сборн. Кавк.“, II, 2, 133—137, IX, 2, 162—167, XLII, 2, 79—81; „Mat. antrop.“, VIII, 154—159; Трейландъ: Лат. ск., 204—211; A. G.: Nár. prip. Sošk., III, 74—79; „Národop. Sb.“, VI, 220; Красић: Нар. прип., II, 16—20; Шапкаревъ: Сборн. умотв., IX, 347—349; „Arch. f. sl. Phil.“, I, 282—283; Hahn: Griech. u. alb. M., II, 178—183; Basile: Pentamerone, I, 346—354; Gonzenbach: Sic. M., II, 143—149, 254—256; Vinson: Folklore basque, 81—92; Carnoy: Litt. or. Picard., 241—251; Köhler:

Kl. Schr., I, 305—308, 414, 546—551.—См. также—въ особенности, относительно начальнаго мотива о женитьбѣ 12 братьевъ на 12 дочеряхъ сыроѣда—выше № 21.

Вообще о людоѣдахъ-песиглавцахъ, къ разряду которыхъ, повидимому, слѣдуетъ отнести также и нашего одноглазаго сыроѣда, см.: Драгомановъ: Розвідки, I, 152—155; Веселовскій: Изъ ист. ром. и пов., I, 453—476.—См. также ниже—№ 54.

Мотивъ о бросаніи въ печь жены или дочери людоѣда см. еще: „Ж. і Сл.“, III, 376; Роздольскій: Казки, I, 68; Онищукъ: Мат. гуц. демон., 138—139; S. Barącz: Bajki, 236; Драгомановъ: Преданія, 354—355; Мордовцевъ: Малор. сб., 368; Кулишъ: Записки, II, 18; Малинка: Сб. мат., 273; Шейнъ: Матеріалы, II, 47—48, 72—73, 275—276; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 265—266, 268, 269—270; Добровольскій: Смол. сб., I, 499—500; Federowski: Lud białor., II, 64, 171—173; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 90—95, 100; Ончуковъ: Сѣв. ск., 101, 191—192; „Сб. Кавк.“, XV, 2, 134; Веселовскій: Поэтика, II—1, 19; „Zbiór wiad.“, II, 152—153, V, 231, XVIII, 317—318; „Mat. antr.“, V, 120; Ciszewski: Krakowiacy, I, 77—78, 162; Трейландъ: Лат. ск., 68, 105—106; Němcova: Nár. báchorky, I, 310; Václavek: Pohádky, I, 67—68; Dobšinský: Prostonár. pov., V, 79—81; „Národop. Sb.“, III, 117; „Arch. f. sl. Phil.“, XIX, 244—245, 250—251; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 162—164; Grimm: K. H. M., I, 85—86; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 115—126; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 77—78, II, 110—111; Остроумовъ: Сарты, II, 4—5, 10—11; Буслаевъ: Очерки, I, 32; Köhler: Kl. Schr., I, 414.

Мотивъ о плѣненіи подъ предлогомъ примѣрки гроба см. еще: Ю. А. Яворскій: Преданіе о смерти Костя Джуловича и его источники—„Научно-лит. Сборн. Гал.-рус. Матицы“, 1901, I—2, 171—176; Аѳанасьевъ: Легенды, 58—60; Ждановъ: Сочиненія, I, 650—658; Миллеръ: Очерки, I, 377—386; Шамбинаго: Старины о Святогорѣ и поэма о Калеви-поэгѣ —„Журналъ М. Н. Пр.“, 1902, I, 50—52; Ciszewski: Krakowiacy, I, 162; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 211—212, II, 57; „Národop. Sb.“, VI, 220; Gonzenbach: Sic. M., I, 200—201; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 78; „Arch. f. sl. Phil.“, I, 273; Weil: Bibl. Leg., 189—190; Köhler: Kl. Schr., I, 305—307, 410, 414, 546—551; Dähnhardt: Natursagen, III, 505.

23.

Волшебный волкъ.

а). У царя была золотая груша, но каждую ночь золотая птица похищала съ нея плоды. Въ то-же время къ царской дочери посватались три брата-царевича,—два умныхъ и третій дуракъ,—и царь обѣщалъ отдать ее въ жены тому изъ нихъ, кто достанетъ ему эту птицу.

Царевичи поѣхали за птицей, причемъ дуракъ взялъ съ собою также собаку и кота. Въ пути, во время ночевокъ въ лѣсу, къ дураку все подходилъ волкъ, чтобы его съѣсть, но онъ, вмѣсто себя, отдалъ ему въ первую ночь—собаку, на другую—кота, а на третью—коня.

Послѣ этого волкъ сталъ служить дураку. Сперва онъ повезъ его на себѣ къ замку, гдѣ находилась золотая птица, и велѣлъ ему, не трогая послѣдней, взять другую, маленькую птичку, за которой уже сама полетитъ и золотая. Однако, дуракъ не послушался и сразу схватилъ клѣтку съ золотой птицей, но тутъ-же зазвонили звонки, и онъ былъ пойманъ сторожами. Царь этого замка велѣлъ ему достать золотого пса, взамѣнъ за котораго онъ обѣщалъ ему дать птицу. Дуракъ поѣхалъ опять на волкѣ въ другой замокъ, но снова ослушался его наставленій и схватилъ, вмѣсто паршиваго пса, сразу золотого, такъ что попался снова. Этотъ царь, въ свою очередь, велѣлъ ему достать, взамѣнъ за пса, золотого коня. Тутъ ужъ волкъ взялся самъ привести этого коня, лишь-бы дуракъ во время вспомнилъ о немъ: „Гей, гей, милый Боже, гдѣ мой волкъ?“ Волкъ досталъ коня, но не велѣлъ отдавать его царю, а самъ принялъ его видъ, такъ что дуракъ вымѣнялъ у царя за золотого пса не настоящаго коня, а волка, который затѣмъ, по произнесеніи имъ тѣхъ-же словъ, возвратился къ нему назадъ. Такимъ же обманнымъ образомъ вымѣняли они у другого царя золотую птицу, послѣ чего волкъ оставилъ дураку золотыхъ животныхъ и птицу и, запретивъ ему останавливаться по дорогѣ, разстался съ нимъ.

Однако, дуракъ опять не послушался совѣта волка и, встрѣтивъ около одной корчмы своихъ братьевъ, остановился съ ними. Братья, увидѣвъ у него золотыхъ животныхъ и птицу, которой они не успѣли достать, отняли ихъ, а его убили и бросили въ ровъ. Здѣсь нашелъ его, однако, волкъ, который тутъ-же, взамѣнъ за пойманнаго имъ вороненка, получилъ отъ вороны немного живой воды, оживилъ ею мертваго и далъ ему скрипку, чтобы онъ шелъ на свадьбу къ братьямъ.

Между тѣмъ, на свадьбѣ, которую справлялъ одинъ изъ братьевъ дурака съ дочерью царя, было очень печально, словно на похоронахъ. Когда же явился дуракъ и заигралъ на своей скрипкѣ, то всѣ развеселились, а затѣмъ, когда онъ разска-

залъ о своихъ приключеніяхъ и обличилъ коварство братьевъ, царь выдалъ дочь за него, а его братьевъ велѣлъ разстрѣлять.

б). У царя было три сына: два умныхъ, а третій дуракъ. Такъ какъ въ царскомъ саду каждую ночь кто-то обрывалъ черешни, то царь велѣлъ сыновьямъ по очереди сторожить ихъ. Оба умныхъ сына проспали всю ночь и не поймали вора. Только дуракъ, обложившись терновникомъ, не уснулъ, такъ что увидѣлъ золотую птичку, которая прилетала клевать черешни; но онъ не успѣлъ поймать ее, а только вырвалъ у нея хвостъ, который и показалъ утромъ отцу. Послѣдній же велѣлъ тогда сыновьямъ достать ему и самую птицу.

Братья поѣхали, но дуракъ, взявшій самую плохую лошадь, скоро отсталъ отъ нихъ, а затѣмъ, отдавъ лошадь на съѣденіе голодному волку, вскочилъ на послѣдняго и велѣлъ везти себя къ золотой птицѣ. Волкъ привезъ его къ замку, въ которомъ находилась эта птица, но совѣтовалъ брать ее одну, безъ клѣтки. Дуракъ не послушался, а хотѣлъ взять также и золотую клѣтку, которая произвела при этомъ такой шумъ, что сторожа проснулись и схватили его, однако, потомъ обѣщали дать ему птицу, если онъ привезетъ имъ взамѣнъ золотую бричку. Онъ поѣхалъ тогда на волкѣ за бричкой, но опять былъ схваченъ сторожами, такъ какъ, вопреки совѣту волка, хотѣлъ захватить, кромѣ брички, еще и серебряное сѣдло. Здѣсь потребовали отъ дурака взамѣнъ за бричку—золотыхъ лошадей, которыхъ онъ, однако, опять не досталъ, такъ какъ снова нарушилъ совѣтъ волка и пытался взять вмѣстѣ съ ними и уздечки. Однако, эти сторожа, въ свою очередь, обѣщали отдать ему лошадей, если онъ достанетъ имъ золотую дѣвицу. Въ этотъ разъ онъ уже послушался волка и счастливо унесъ дѣвицу, не тронувъ ея золотой короны. На обратномъ пути ему отдали золотыхъ лошадей, не взявъ дѣвицы, затѣмъ отдали бричку, не взявъ лошадей, а наконецъ, даромъ же отдали ему и золотую птицу.

Послѣ этого дуракъ разстался съ волкомъ и поѣхалъ домой. По дорогѣ онъ встрѣтилъ своихъ двухъ братьевъ и принялъ ихъ въ бричку, послѣ чего тотчасъ все, предчувствуя бѣду, осоловѣло: и дѣвица, и птица, и лошади, и бричка. Дорогой

братья срубили дураку голову и бросили ее въ одну сторону, а туловище въ другую, и поѣхали домой. Однако, волкъ нашелъ голову и туловище дурака, сложилъ ихъ вмѣстѣ и помазалъ своими мазями, и муракъ ожилъ. Тогда они пошли вмѣстѣ къ царю. Тамъ на дворѣ волкъ велѣлъ дураку сдвинуть плиту, послѣ чего онъ обратился въ человѣка и оказался принцемъ, котораго злая волшебница превратила на тысячу лѣтъ въ волка, а теперь дуракъ освободилъ отъ заклятья. Затѣмъ они вошли оба во дворецъ къ царю, гдѣ старшій братъ уже праздновалъ свадьбу съ золотой дѣвицей, но при этомъ все было грустно; когда же появились они оба, все сразу развеселилось. Они разсказали царю о предательствѣ братьевъ, послѣ чего дуракъ женился на золотой дѣвицѣ, а братья его были изгнаны прочъ.

Параллели: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., IV, 76—84, V, 34—43; S. Barącz: Bajki, 183—186; Kolberg: Pokucie, IV, 113—118; его-же: Lud, VIII, 48—52; Рудченко: Сказки, I, 153—156; Чубинскій: Труды, II, 297—300; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 250—253; Federowski: Lud białor., II, 42—44, 58—62; Weryho: Pod. białor., 38—42; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 258—263, 266—267; Худяковъ: Великор. ск., I, 1—7; Ончуковъ: Сѣв. ск., 235—238; Ровинскій: Р. нар. карт., I, 136—147, IV, 159—161; Смирновъ: Сист. указат.—„Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, XVII—3, 161—163; „Сб. Кавк.“, XXXIII, 3, 35—40; „Zbiór wiad.“, VII, 70—73, VIII, 306—308, XI, 96—98, XII, 51—54; „Mat. antr.“, V, 142—146, 238—239, VI, 167—169, X, 253—254; Chełkowski: Opow. Przasn., I, 202—214; Ciszewski: Krakowiacy, I, 186—188; Gliński: Baj. pol., I, 11—31; Трейландъ: Лат. ск., 211—229; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 24—30, 267—271; Leskien-Brugmann: Lit. M., 363—375, 530—537; Beneš-Třebizský: Nár. poh., 61—72; „Národop. Sb.“, IV—V, 176, VI, 222, VII, 220; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 12—19; „Arch. f. sl. Phil.“, XVII, 578, XXXI, 274; Sébillot: Litt. or. H.-Bret., 56—64; Schott: Wal. M., 253—262; Radloff: Proben, I, 42—59, IV, 146—154; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказокъ—„Сб. Миллера“, 192; „Or. u. Occ.“, II, 685—686; Büttner: Märch. Suaheli, 113—125; Grimm: K. H. M., I, 290—298, III, 98—100, 308; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 503—515; Köhler: Kl. Schr., I, 110, 264—265, 537—541.

Мотивъ о воронѣ, приносящемъ живую воду, см. еще: Роздольскій: Казки, I, 35; „Наука“, 1894, I—II, 52; Гринченко: Этн. мат., I, 162—163; Ястребовъ: Матеріалы, 148; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 112; Шейнъ: Матеріалы, II, 51—52, 79, 91, 177; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 43—44, 72, 139, 231, 237—238, 250, VI, 12, 228, 318, 330—331; Добро-

вольскій: Смол. сб., I, 409—410, 452—453; Weryho: Pod. białor., 30—31; Federowski: Lud białor., I, 113, 126, II, 40—41, 61, 85, 116; Худяковъ: Великор. ск., I, 18—19, II, 42—43, III, 128—129; Эрленвейнъ: Нар. ск., 10, 62, 137, 166; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 145—146, 262, 278, II, 12; Ончуковъ: Сѣв. ск., 22—23, 267; Миллеръ: Очерки, I, 226; Костомаровъ: Памятники, II, 321; „Zbiór wiad.", XII, 30; Трейландъ: Лат. ск., 228; Grundtvig: Dän. Vm., II, 20—21; Radloff: Proben, II, 196—199.

24.

Герой освобождаетъ три царевны.

а). Сынъ кузнеца до 8-ми лѣтъ сосалъ материнскую грудь и сидѣлъ за печкою, а затѣмъ, призвавъ своихъ крестныхъ родителей, вдругъ соскочилъ съ печки, причемъ, отъ своей великой силы, погрязъ по колѣни въ землю. Послѣ этого, взявъ съ собою желѣзную палку въ 3 цэтнара и цѣпь въ 50 саженъ, онъ пошелъ въ свѣтъ.

Въ одномъ селѣ онъ увидѣлъ въ церкви гробъ, висѣвшій въ воздухѣ, узнавъ же, что въ немъ лежитъ несостоятельный должникъ, онъ уплатилъ за мертваго всѣ долги, послѣ чего гробъ опустился на землю и былъ похороненъ.

Сынъ кузнеца пошелъ дальше и встрѣтилъ въ лѣсу двухъ разбойниковъ, съ которыми и поселился вмѣстѣ въ лѣсной хатѣ. Два раза ходилъ онъ съ однимъ изъ товарищей на охоту, между тѣмъ, какъ другой оставался варить обѣдъ, и оба раза приползало въ хату малое дитя, съѣдало весь обѣдъ, выдирало у повара полосу кожи изъ спины и вѣшало ее на стѣнѣ, а затѣмъ куда-то исчезало. Наконецъ, сынъ кузнеца остался уже самъ варить обѣдъ, когда же опять явилось дитя и потребовало ѣсть, онъ избилъ его своей желѣзной палкой такъ, что оно еле убѣжало, оставляя кровавый слѣдъ по землѣ, въ свою нору.

Взявъ палку и цѣпь, герой пошелъ съ обоими товарищами по слѣдамъ къ норѣ, въ которой скрылось дитя. Такъ какъ товарищи не хотѣли спуститься въ нее, то онъ самъ спустился туда на цѣпи и увидѣлъ, что это былъ адъ, а въ числѣ діяволовъ находилось и то малое дитя, которое являлось въ ихъ хату. Тутъ онъ сталъ избивать чертей своей палкой,

пока они не отдали ему трехъ царевенъ, похищенныхъ ими со свѣта. Затѣмъ онъ привязалъ къ цѣпи корыто, въ которомъ товарищи его подняли наверхъ всѣхъ трехъ царевенъ, послѣ чего, предчувствуя измѣну, онъ не сѣлъ въ него самъ, а положилъ туда камень, который коварные товарищи, поднявъ на половину, сбросили внизъ, а сами съ царевнами ушли въ свою хату.

Оставленный въ аду, сынъ кузнеца снова принялся избивать чертей, чтобы они вынесли его на свѣтъ. Выбравшись, такимъ образомъ, наверхъ, онъ нашелъ товарищей въ той-же хатѣ, но царевенъ діяволы снова похитили и унесли на стеклянную гору. Онъ пошелъ съ товарищами къ этой горѣ, велѣлъ зашить себя, вмѣстѣ съ палкой и цѣпью, въ лошадиную шкуру и, притаившись, лежалъ такъ, пока не прилетѣла къ нему большая птица и унесла его на верхъ горы, гдѣ были ея птенцы. Когда птица проклевала въ шкурѣ дыру, онъ отогналъ ее палкой и вышелъ изъ шкуры, а затѣмъ вновь освободилъ царевенъ отъ діявола и опустилъ ихъ на цѣпи на землю, самъ же долженъ былъ остаться на горѣ, такъ какъ одному нельзя было спуститься внизъ. Вдругъ прилетѣла маленькая птичка и, распустивъ огромныя крылья, снесла его на себѣ на землю, послѣ чего открылась ему, что она—душа того бѣдняка, за котораго онъ заплатилъ въ церкви долги.

Между тѣмъ, царевны съ товарищами героя, въ увѣренности, что онъ уже не вернется со стеклянной горы, отправились къ своему отцу—царю и готовились уже играть съ ними свадьбу. Тутъ, однако, явился къ нимъ вдругъ сынъ кузнеца, который и женился на оставшейся ему вѣрной младшей царевнѣ.

б). У царя и царицы не было дѣтей. Однажды ворожея принесла рыбу, съѣвъ которую царица родила трехъ дочерей, а кухарка—отъ остатковъ—одного сына. Но ворожея продала дочерей царицы діяволамъ, которые и унесли ихъ ночью къ себѣ.

Когда сынъ кухарки подросъ, онъ пошелъ отыскивать царевенъ. По дорогѣ онъ встрѣтился съ двумя рабочими и взялъ ихъ съ собою. Въ лѣсу они встрѣтили, одного за другимъ, трехъ мужиковъ, обладавшихъ чудеснымъ нюхомъ, и тѣ ука-

зали имъ мѣстопребываніе царевенъ—на западѣ, въ глубокомъ колодцѣ подъ землей. Прійдя къ этому колодцу, кухаркинъ сынъ велѣлъ товарищамъ опустить себя на канатѣ внизъ и ждать его 3 дня.

Подъ землею онъ нашелъ сперва старшую царевну и попросилъ дать ему то, что ея мужъ—діяволъ ѣстъ и пьетъ: полъ вола и полъ бочки пива. Съѣвъ и выпивъ все это, онъ засѣлъ подъ мостомъ, черезъ который долженъ былъ проѣзжать діяволъ, и убилъ его. Затѣмъ онъ пошелъ къ средней сестрѣ, съѣлъ у нея цѣлаго вола и выпилъ цѣлую бочку пива, послѣ чего убилъ также и ея мужа на мосту. Наконецъ, у самой младшей царевны онъ съѣлъ двухъ воловъ и выпилъ двѣ бочки пива, затѣмъ подъ мостомъ переставилъ бочки съ водою и, во время боя съ діяволомъ, самъ напился сильной воды, а ему предоставилъ слабую, послѣ чего уже легко справился съ нимъ тоже. Потомъ онъ отвелъ царевенъ къ колодцу, черезъ который его товарищи вытащили ихъ на канатѣ наверхъ, а вмѣсто себя, привязалъ къ канату камень, который они подняли до половины и затѣмъ пустили внизъ, сами же съ царевнами пошли къ ихъ отцу—царю. А кухаркинъ сынъ, между тѣмъ, пробродивъ подъ землею 3 дня, подстерегъ ночью летучаго оленя и вылетѣлъ на немъ на свѣтъ, причемъ захватилъ съ собою изъ ямы башмаки, вуаль и кружево царевенъ, а кромѣ того, получилъ отъ оленя три волшебныхъ волоска.

Возвратившись въ городъ, гдѣ жилъ царь съ царевнами, кухаркинъ сынъ поступилъ на работу къ кузнецу, причемъ неоднократно проявлялъ такую необыкновенную силу, что всѣ стали его бояться: такъ, однимъ ударомъ огромнаго молота онъ вбилъ наковальню въ землю, а затѣмъ вытащилъ ее одной рукой назадъ; то опять унесъ на плечахъ, не заплативъ ничего, все желѣзо изъ лавки, а другой разъ—всѣ мѣшки съ мукою.

Между тѣмъ, старшая царевна объявила большую награду тому, кто сошьетъ ей такіе башмаки, какіе она носила подъ землею. По настоянію работника, кузнецъ взялся сшить ихъ, а затѣмъ отнесъ царевнѣ тѣ башмаки, которые тотъ вынесъ изъ-подъ земли, въ виду чего не только получилъ обѣщанную награду, но также былъ приглашенъ, вмѣстѣ со своимъ работникомъ, на свадьбу царевны съ однимъ изъ вытянувшихъ ее изъ ямы рабочихъ. Въ день свадьбы кухаркинъ сынъ вынулъ черный оленій волосъ и сейчасъ сталъ бариномъ на черномъ

конѣ, отбилъ царевну отъ рабочаго и самъ повѣнчался съ ней, а затѣмъ опять сѣлъ на коня и ускакалъ обратно къ кузнецу. Черезъ нѣкоторое время объявила опять средняя царевна награду тому, кто сплететъ ей такой вуаль, какой она имѣла въ ямѣ. Кухаркинъ сынъ послалъ ей черезъ кузнеца ея вуаль и былъ также приглашенъ на ея свадьбу съ вторымъ рабочимъ, затѣмъ вынулъ сѣрый волосъ оленя и сдѣлался бариномъ въ сѣромъ мундирѣ на сѣромъ конѣ, повѣнчался съ царевной и ускакалъ опять къ кузнецу. Наконецъ, младшая царевна, которая должна была выйти замужъ за царевича, объявила тоже, что выйдетъ за того, кто сплететъ ей такое кружево, какое было у нея подъ землей. Кухаркинъ сынъ отослалъ ей кружево, а затѣмъ, въ день свадьбы, вынулъ послѣдній, бѣлый волосъ оленя и сдѣлался бариномъ на бѣломъ конѣ, нагналъ свадебный поѣздъ на дорогѣ, открылся во всемъ и, вмѣсто царевича, обвѣнчался съ царевной, съ которой уже и остался на царствѣ. Обѣихъ же старшихъ царевенъ онъ отдалъ въ жены рабочимъ, которые ихъ вытащили изъ ямы, но въ то-же время, за измѣну, изгналъ этихъ послѣднихъ вонъ изъ страны.

Параллели: Роздольскій: Казки, II, 33—35, 49—55; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., V, 162—165, 172—176; „Наука“, 1897, IV—V, 283—290: Kaindl-Manastyrski: Die Rutenen, II, 75—94; Драгомановъ: Преданія, 255—256; Манжура: Сказки, 18—21, 43—45; Чубинскій: Труды, II, 207—214, 231—235; Гринченко: Этн. мат., I, 181—183; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 70—73, 78—92, 95—99, 102—110, VI, 318—327, 340—354, 356—360; Сумцовъ: Разб. Ром., 82—83; Шейнъ: Матеріалы, II, 86—88, 102—116, 149—151; Добровольскій: Смол. сб., I, 410—416, 630—631; Federowski: Lud białor., I, 132—135, II, 87—90, 332—333; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 125—141, 170—181, 217—219; Худяковъ: Великор. ск., I, 7—14, II, 14—33, 40—43, III, 1—6; его-же: Матеріалы, 101—118; Эрленвейнъ: Нар. сказки, 13—22, 125—126, 163—167; Иваницкій: Мат. волог., 172—174; Ончуковъ: Сѣв. ск., 94—97, 213—219, 510—514; Ровинскій: Р. нар. карт., I, 183—187; Веселовскій: Разысканія, XXII, 158—161; „Этн. Об.“, XII, 60, XIX, 217—219, XXII, 109, XXXIV, 155; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, VIII—4, 349, IX—1, 434—435, XII—3, 377, 380—381; „Сб. Кавк.“, VI, прил., 7—28, VII, 1, 128—141, IX, 2, 189—199, X, 2, 283—287, 3, 54—61, XIII, 2, 65—70, 107—116, 123—126, XIV, 2, 102—134, XV, 2, 29—45, XVIII, 3, 47—48, 393—402, XXI, 2, 1—8, XXXV, 2, 80—85, XXXVI, 3, 157—182, XLII, 2, 71—79, 91—101; Kolberg: Lud, III, 113—115, VIII, 76—81, XIV, 94—99, 103—113, XVII, 183—185; Ciszewski: Krakowiacy, I, 153—159; Chełkowski: Pow. Przasn., I, 214—232; „Lud“,

VI, 348-350; „Wisła“, XI, 295—297, 455—457; „Zbiór wiad.“, VII, 78—79, IX, 97—99, XI, 104—106, XV, 3—9; „Mat. antr.“, V, 7—9, 34—35, 211—214, VI, 148—150, X, 267—269, XI, 40—42; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 4—23, 138—141, 304—317, 353—363, II, 73—76, 284—286, 289—291; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 393—395, II, 353—362; его-же: Anthrophyteia, III, 284—290; Добросављевић: Приповетке, 56—61; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 43—49; Strohal: Hrv. pripov., I, 93—94, 100—101, 105—106; Шапкаревъ: Сборн. умотв., VIII, 290—293; „Č. Lid“, V, 80—83, VI, 197—198, 239—244, 597—598; Němcova: Nár. báchorky, I, 31—39, II, 196—210; „Národop. Sb.“, III, 102; „Arch. f. slav. Phil.“, V, 27—32, XIX, 252—254, XXI, 268—269, 298, XXVI, 465, 468, XXXI, 267, 273; Трейландъ: Лат. ск., 62—67, 144—157; Schleicher: Lit. M., 128—140; Leskien-Brugmann: Lit. M., 407—410; Grimm: K. H. M., II, 29—34, 323—330, III, 158—166, 245; Müllenhoff: Sagen, 437—442; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 66—70; „Germania“, XXXIII, 226—231; Gonzenbach: Sic. M., II, 7—13, 24—39, 50—52, 238—240; Sébillot: Litt. or. H.-Bret., 81—85; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 185—191, II, 49—62, 294—295; Carnoy-Nicolaides: Trad. pop. de l'Asie Min., 75—90; Schott: Wal. M., 135—138; Miklosich: Mundarten Zig., IV, 281—285, 288—292; „Ung. Revue“, IX, 35; Гомбоевъ: Шидди-Куръ, 21—26; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказ.—„Сб. Миллера“, 188—189, 193; Потанинъ: Очерки, IV, 194—198, 529—530, 782—787; „Or. u. Occ.“, II, 297—300; Landau: Die Quellen d. Dekameron, 330—331; Köhler: Kl. Schr., I, 68, 191—195, 292—296, 326, 437, 543—546.

Мотивъ о сиднѣ, встающемъ вдругъ на ноги, заимствованъ здѣсь, повидимому, изъ былинной традиціи о чудесномъ исцѣленіи Ильи Муромца. Ср. напр.: Миллеръ: Очерки, I, 362—391; Буслаевъ: Нар. поэзія, 106; Ровинскій: Р. нар. карт., IV, 6; Веселовскій: Мелкія замѣтки къ былинамъ—„Ж. М. Н. Пр.“, 1890, III, 6—18; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 217, 246, 249—251; Садовниковъ: Сам. ск., 56; Иваницкій: Мат. вологод., 168; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 259, IV, 17; Добровольскій: Смол. сб., I, 397; „Этн. Об.“, XII, 122; Сумцовъ: Очерки, 125, Трейландъ: Лат. ск., 144—145; „Arch. f. slav. Phil.“, XXI, 283.

Мотивъ о благодарномъ мертвецѣ вообще см.: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., IV, 77—82; Роздольскій: Казки, II, 70—71, 107—110; Шейнъ: Матеріалы, II, 66—68: Добровольскій: Смол. сб., I, 165; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 313—317, IV, 143—146, VI, 468; Сумцовъ: Разб. Ром., 56; Weryho: Pod. białor., 45—48; Federowski: Lud białor., II, 209; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 253; Худяковъ: Великор. ск., III, 166; Садовниковъ: Сам. ск., 42—47; Ончуковъ: Сѣв. ск., 370—375, 423—425; Ровинскій: Р. нар. карт., I, 149-155; „Ж. Ст., IV, 15—16; „Сборн. Кавк.“, IX, 2, 199—207, XXIII, 3, 8—13, XLII, 2, 30—37, 39—42; Kolberg: Lud, XIV, 179—181; „Mat. antr.“, V, 127—129, VI, 333—335; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 432—436, 448—449; Трейландъ: Лат. ск., 249—261; „Č. Lid“, IX, 96—99; Němcova: Nár. báchorky, II, 142; „Летопис Мат. Срп.“, CCIX, 60—73; Шапкаревъ:

Сб. умотв., VIII, 131—134, 263—265, IX, 455—457; Поливка: Бѣлѣжки, 12—13; „Národop. Sb.“, VI, 217; „Arch. f. slav. Phil.“, II, 632—633, V, 40—44, XIX, 251; Luzel: Lég. chrét., I, 75—77; Bladé: Contes gasc., II, 67—90; „Germania“, III, 199, XII, 55, XXVI, 199—203; v. d. Hagen: Gesammtabenteuer, I, 101—128; Grimm: K. H. M., III, 289; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 504—511; Landau: Die Quellen d. Dekameron, 210—211; „Or. u. Occ.“, II, 174—176, 322—329, III, 93, 199—209; Benfey: Pantschatantra, I, 219—221; Simrock: Der gute Gerhard u. die dankbaren Toten, 1856; Дроздовъ: Типъ благодарнаго умершаго—„Труды К. Дух. Ак.“, 1901, VII; Köhler: Kl. Schr., I, 5—32, 80—81, 131, 220—228, 424—428, 441—444, II, 263—265, 568.

Мотивъ о стекляной горѣ см. ниже—№ 28.

Мотивъ о зашиваніи героя въ шкуру, въ которой его затѣмъ птица выноситъ на верхъ горы, см.: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 15; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 65—67; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 315, II, 118—119, 166—167; Эрленвейнъ: Нар. сказки, 160; Пыпинъ: Очеркъ, 224, 226—227; Лопаревъ: Слово о нѣкоемъ старцѣ, 18—19; „Сб. Кавк.“, XVI, 1, 26, XLII, 2, 40—41; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 252; Поливка: Бѣлѣжки, 20; Gonzenbach: Sic. M., I, 30; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 132—133; „Zs. Ver. Vk.“, VI, 61; Köhler: Kl. Schr., I, 260; Клингеръ: Сказ. мот. Герод., 165.

Мотивъ о чудесномъ рожденіи отъ вкушенія рыбы см.: Роздольскій: Казки, II, 52; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 39, V, 230; S. Barącz: Bajki, 175; Чубинскій: Труды, II, 252, 256—257; Рудченко: Сказки, I, 81; Манжура: Сказки, 24—25, 28, 33; Nowosielski: Lud ukr., I, 254—258; Драгомановъ: Розвідки, III, 245—246; Шейнъ: Матеріалы, II, 102; Добровольскій: Смол. сб., I, 405, 416—417; Романовъ: Бѣлор. сборн., III, 110—111, VI, 248, 255—256, 262—263; Сумцовъ: Разб. Ром., 80—81; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 154, 160, 162, 170; Худяковъ: Великор. ск., II, 43; Эрленвейнъ: Нар. ск., 8—9, 92; Иваницкій: Мат. вологод., 170; Ончуковъ: Сѣв. ск., 79; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, XII—3, 383; Веселовскій: Разысканія, XXII, 162; его-же: Поэтика, II—1, 45, 58—59; „Zbiór wiad.“, III, 69—70, XV, 10; „Mat. antrop.“, X, 262, XI, 36; „Lud“, V, 170; Kolberg: Lud, VIII, 63—64; Трейландъ: Лат. ск., 205; Leskien-Brugmann: Lit. M., 385—386, 546—547; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 465—466; „Arch. f. slav. Phil.“, XVII, 573, XIX, 253, XXI, 298, XXXI, 266; Grundtvig: Dän. Vm., I, 279; Basile: Pentamerone, I, 124—125; Gonzenbach: Sic. M., I, 269—270; Bladé: Contes gasc., I, 277—279; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 166, II, 267—268; „Or. u. Occ.“, II, 118—120; Grimm: K. H. M., I, 427; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 534—545; Köhler: Kl. Schr., I, 179—180, 368—369, 387.— О чудесныхъ рожденіяхъ вообще (отъ вкушенія различныхъ фруктовъ, цвѣтовъ, зеренъ, воды и т. д.) см.: Ю. А. Яворскій: Die Mandragora im südruss. Volksglauben—„Zs. f. österr. Vk.“, II, 360; Игн. изъ Никловичъ: Казки, 61; Роздольскій: Казки, II, 32—33; Kaindl-Manastyrski: Die Ruthenen, II, 79; Чубинскій: Труды, I, 212; Малинка: Сб. мат., 294, 297; Гринченко:

Этн. мат., II, 259—260; Драгомановъ: Преданія, 260, 432; его-же: Розвідки, III, 140—141, 244—248; Шейнъ: Матеріалы, II, 68, 86, 89; Добровольскій: Смол. сб., I, 625; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 142—152; Садовниковъ: Сам. ск., 133; Ончуковъ: Сѣв. ск., 17; „Сб. Дашк.“, III, 166—167; Буслаевъ: Очерки, I, 325; Веселовскій: Разысканія, II, 121, X, 418—423, его-же: Поэтика, II—1, 58—62; „Этн. Об.“, XVI, 190, XXII, 119—120, LI, 7; „Сб. Кавк.“, II, 2, 121, III, 2, 118—119, VII, 1, 143, 2, 141—142, 164—165, IX 2, 189—190, X, 2, 249—251, 3, 56, XVIII, 3, 17, 23, XX, 2, 17—19, XXI, 2; 225—238, XXVI, 2, 26; „Zbiór wiad.“, V, 224; Kolberg: Lud, VIII, 52; Němcova: Nár. báchorky, I, 45—46; Sobotka: Rostlinstvo, 153—154; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 19—20, IX, 334, 469; Трейландъ: Лат. ск., 193; Leskien-Brugmann: Lit. M., 542—547; Krauss: Die Zeugung, I, 259, 263, 267; „Ung. Revue“, VIII, 330, IX, 34; Schott: Wal. M., 263—265; Cavallius-Stephens: Schwed. M., 79—80; Schmidt: Griech. M., 104, 120; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 79, 90, II, 33—34, 186, 197, 214—215; Basile: Pentamerone, I, 239—240; Pedersen: Zur alb. Vk., 20; Остроумовъ: Сарты, II, 3, 9—10; Benfey: Pantschatantra, I, 266; Liebrecht: Gerv. v. Tilbury, 68—73; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 534—545; Köhler: Aufsätze, 27—28; его-же: Kl. Schr., I, 175, 179—180, 369, 387, 512, II, 241.

25.

Медвежье-ушко.

Мужъ съ женой пошли въ лѣсъ. Тамъ медвѣдь похитилъ жену, а затѣмъ жилъ съ нею 3 года, причемъ у нея родился мальчикъ—Медвежье-ушко. На четвертый годъ она послала медвѣдя принести ей решетомъ воды, а сыну тѣмъ временемъ велѣла испытать свою силу—потрясти дубъ, но, когда онъ потрясъ, то посыпались только вѣтки. Тогда она ростила сына еще 3 года, а затѣмъ снова послала медвѣдя съ решетомъ за водой, а сыну велѣла потрясти дубъ, но теперь онъ оказался уже достаточно сильнымъ и повалилъ дубъ на землю. Тогда они стали убѣгать, а когда медвѣдь нагналъ ихъ, то мальчикъ убилъ его, послѣ чего они уже спокойно вернулись къ ея мужу—помѣщику и остались при немъ на хозяйствѣ.

По веснѣ нужно было вывозить навозъ; Медвежье-ушко велѣлъ убить нѣсколько воловъ и сшить изъ ихъ шкуръ мѣшокъ, въ которомъ и вынесъ весь навозъ на поле. Потомъ также велѣлъ продать лошадей и самъ вспахалъ все поле. Тогда баринъ, испугавшись его силы и желая избавиться отъ него,

велѣлъ ему копать колодецъ, а затѣмъ, когда онъ работалъ въ немъ, бросить на него сверху тяжелый желѣзный колоколъ; но онъ только подулъ, и колоколъ вылетѣлъ наверхъ.

Послѣ этого Медвежье-ушко ушелъ въ свѣтъ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ, одного за другимъ, трехъ мужиковъ, которые назывались Ломи-лѣсъ, Разсунь-гора и Заставъ-вода, и взялъ ихъ всѣхъ трехъ съ собою. Дорогой Ломи-лѣсъ проломалъ непроходимый лѣсъ, Разсунь-гора отодвинулъ въ сторону гору, а Заставъ-вода запрудилъ большую воду, послѣ чего они пришли въ лѣсную хату и стали въ ней жить. Утромъ трое отправились на охоту, а Ломи-лѣсъ остался варить обѣдъ, какъ вдругъ пришла бѣда и избила его, а затѣмъ ушла прочъ. То-же самое случилось на другой день съ Разсунь-горой, а на третій—съ Заставъ-водой. Тогда уже остался дома Медвежье-ушко, а когда пришла къ нему бѣда, онъ поймалъ ее, избилъ и бросилъ въ оврагъ. Когда же вернулись товарищи съ охоты, они всѣ вмѣстѣ полѣзли въ оврагъ добивать бѣду, но встрѣтили тамъ много другихъ бѣдъ, которыя и убили ихъ всѣхъ на-смерть.

Параллели: Основной сюжетъ сказки—о богатырѣ, освобождающемъ изъ-подъ земли похищенныхъ чертями или драконами женщинъ,—въ данномъ случаѣ, къ сожалѣнію, сильно спутанный и оборванный на половинѣ, см. выше—№ 24.

Мотивъ о происхожденіи богатыря отъ связи женщины съ медвѣдемъ или мущины съ медвѣдицей см.: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 33–39; Kolberg: Pokucie, IV, 177—178; Драгомановъ: Преданія, 255; Гринченко: Этн. мат., I, 181; Шейнъ: Матеріалы, II, 110—111; Романовъ: Бѣлор. сб., VI, 60, 340; Federowski: Lud białor., II, 332; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 175, 179, 202, 205; Садовниковъ: Сам. ск., 150; Ончуковъ: Сѣв. сказки, 94, 213—214; „Сб. Кавк.", XIV, 2, 125, XIX, 2, 1, XXXVI, 3, 158; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", VIII—4, 345; „Lud", VII, 143; „Mat. antr.", V, 174; „Караџиђ", III, 69; Krauss: Anthropophyteia, III, 284; Трейландъ: Лат. ск., 152; Hahn: Griech. u. alb. M., II, 72; Sébillot: Litt. or. H.-Bret., 81; Grimm: K. H. M., III, 339—341; „Arch. f. slav. Phil.", XIX, 250, 253, XXI, 268—269, 298, XXVI, 465, XXXI, 267, 273; Köhler: Kl. Schr., I, 68, 543—544.

Мотивъ объ испытаніи силы посредствомъ вырыванія деревьевъ см.: Роздольскій: Казки, II, 49, 146; Kolberg: Pokucie, IV, 178; Шейнъ: Матеріалы, II, 111; „Lud", VII, 143; „Zbiór wiad.", XV, 9; Dobšinský: Prostonár. pov., V, 52; Grimm: K. H. M., II, 20—21; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 66.—Ср. также испытаніе силы послѣ исцѣленія Ильи Муромца—Миллеръ: Очерки, I, 362—391.

Мотивъ о товарищахъ-силачахъ см.: Роздольскій: Казки, II, 33—34, 49; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., V, 162; Kaindl-Manastyrski: Die Rutenen, II, 82—84; Драгомановъ: Преданія, 256—257 Гринченко: Этн. мат., I, 181—182; Шейнъ: Матеріалы, II, 86, 112 Романовъ: Бѣлор. сб., III, 70, VI, 125, 136—137, 147—148, 320—321, 340, 356; Добровольскій: Смол. сб., I, 410—411; Federowski: Lud białor., II, 186, 332; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 176, 178—180; Худяковъ: Великор. ск., II, 40—41; Эрленвейнъ: Нар. ск., 125; Ончуковъ: Сѣв. ск., 96, 215—216; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, XII—3, 383, 385; „Сб. Кавк.“, VI, прил., 21—22, IX, 2, 192—193, X, 3, 57, XIV, 2, 128—129, XVIII, 3, 394, XXI, 2, 4, XXXVI, 3, 166—168, XLII, 2, 72—73; Kolberg: Lud, VIII, 77—78, XIV, 95—96, XVII, 183; Ciszewski: Krakowiacy, I, 153—157; Трейландъ: Лат. ск., 146—148, 151—152, 155—156; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 67—68; Sébillot: Litt. or. H.-Bret., 81—83; Grimm: K. H. M., II, 326; „Arch. f. slav. Phil.“, XIX, 253, XXI, 268—269, 298, XXVI, 468; Köhler: Kl. Schr., I, 293—294, 543—544.

Мотивъ о силачѣ-работникѣ см. дальше—№ 81.

26.

Сынъ трактирщика.

Сынъ трактирщика не хотѣлъ учиться своему дѣлу, а по смерти отца и совсѣмъ бросилъ его и ушелъ въ свѣтъ, взявъ съ собою только свою любимую собаку. Въ лѣсу охотникъ застрѣлилъ его собаку, но Богъ, трикратно явившійся ему въ видѣ странника, видя его искреннее горе, подарилъ ему взамѣнъ за нее своихъ трехъ собакъ—ангеловъ, а также свистокъ, чтобы призывать ихъ въ бѣдѣ на помощь.

Съ этими собаками онъ пошелъ дальше и попалъ въ лѣсу въ разбойничій дворъ, хозяинъ котораго, подъ видомъ обученія его трактирному дѣлу, повелъ его черезъ комнаты, наполненныя разнымъ оружіемъ, а наконецъ, въ послѣдней изъ нихъ, заваленной порѣзанными людьми, подвелъ его къ наковальнѣ и тутъ хотѣлъ его тоже убить. Тогда сынъ трактирщика свиснулъ 3 раза, послѣ чего сейчасъ прибѣжали его собаки и стали рвать разбойника, который, пытаясь откупиться, отдалъ ему волшебную табакерку, сворачивавшую мгновенно, по мысли владѣльца, любую голову. Тѣмъ не менѣе, собаки тутъ-же разорвали разбойника и его жену, а затѣмъ еще другихъ 24 разбойниковъ, которые скрывались въ особой комнатѣ.

Послѣ этого собаки открылись ему, что они—духи, и, обѣщавъ являться къ нему на троекратный свистокъ, исчезли.

А сынъ трактирщика пошелъ одинъ дальше и пришелъ въ городъ, въ которомъ сатана каждый день съѣдалъ по человѣку; а такъ какъ сегодня очередь дошла до царской дочери, то ее какъ разъ понесли въ торжественной процессіи къ нему на съѣденіе. Когда ее оставили тамъ одну, сынъ трактирщика подошелъ вмѣстѣ съ нею къ сатанѣ, покрутилъ своей табакеркой и свернулъ ему голову на-смерть. Благодарная царевна назвала его своимъ женихомъ, но, по его желанію, отложила свадьбу на годъ и дала ему на память половину своего кольца и платочка. Послѣ этого они разстались, какъ вдругъ на царевну бросился цыганъ съ ножомъ и, подъ угрозой смерти, заставилъ ее признать его своимъ избавителемъ и женихомъ, причемъ, однако, свадьба опять-таки была ею отложена на годъ.

Ровно черезъ годъ вернулся въ городъ сынъ трактирщика, но, узнавъ о предстоящей свадьбѣ царевны съ цыганомъ, не пошелъ сейчасъ въ царскій дворецъ, а переодѣлся нищимъ и зашелъ въ трактиръ, причемъ побился здѣсь съ хозяиномъ объ закладъ на его трактиръ, что завтра онъ, а не цыганъ, обвѣнчается съ царевной. На слѣдующій день онъ пошелъ къ царевнѣ, которая съ радостью его признала и, примѣривъ обѣ половинки кольца и платочка, разсказала все царю. Тогда цыгана привязали къ конскимъ хвостамъ на растерзаніе, сынъ же трактирщика женился на царевнѣ, а кромѣ этого, хотя онъ у своего отца и не хотѣлъ учиться трактирному дѣлу, выигралъ въ закладъ хорошій трактиръ.

Параллели: Federowski: Lud białor., I, 122—123; Kolberg: Przemyskie, 205—209; его-же: Lud, XIV, 86—93, 113—115; „Zbiór wiad.“, XVI, 45—46; „Mat. antr.“, V, 197—203, 205—211; Świętek: Lud nadr., 344—346; Václavek: Pohádky, I, 56—58; Leskien-Brugmann: Lit. M., 386—389; Schleicher: Lit. M., 4—6; Vinson: Folklore basque, 58—60; „Germania“, XX, 317—320; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 101—107; Grimm: K. H. M., I, 314—329; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 531—551; Köhler: Kl. Schr., I, 303—304, 326.

Мотивъ объ освобожденіи героемъ царевны отъ змѣя или діявола вообще см.: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 18—19, 94—96; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., IV, 104—110, V, 94—96; Роздольскій: Казки, II, 35—37, 45—47; Kolberg: Pokucie, IV, 85—89, 105—106; S. Barącz: Bajki, 241—242; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 148—149; Драгомановъ:

Преданія, 284—286; Рудченко: Сказки, I, 126—129; Романовъ: Бѣлор. сборн., III, 44—45, 54—55, 76—77, 138—140, 254—259, VI, 375—376, 385—392; Сумцовъ: Разб. Ром., 80, 82; Добровольскій: Смол. сб., I, 482—488, 506—508; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 212—214, 270—271, 280—281, II, 12, 16; Худяковъ: Великор. ск., III, 157—159; Эрленвейнъ: Нар. ск., 11—13; Иваницкій: Мат. волог., 175—176; Садовниковъ: Сам. ск., 30—31; Ончуковъ: Сѣв. ск., 18—21, 41—43; „Zbiór wiad.", XI, 88—89; „Mat. antr.", V, 24—25, 53—54, VI, 379—380; „Wisła", I, 307—309; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 340—343, 380—384; Трейландъ: Лат. ск., 194—195, 200—201, 205—206; Schleicher: Lit. M., 57—62; Němcova: Nár. báchorky, II, 55—63; Václavek: Pohádky, I, 54—58; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 30—33; „Arch. f. slav. Phil.", II, 638; Gonzenbach: Sic. M., I, 274—276, 302—304, II, 230; Stier: Ung M., 4—10; Cavallius-Stephens: Schwed. M., 59—77, 82—88, 108—116; Schott: Wal. M., 140—144; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 308, II, 55—57; Carnoy-Nikolaides: Trad. pop. Asie Min., 80—85; Liebrecht: Zur Volkskunde, 65—73; Köhler: Kl. Schr., I, 303—305, 326; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 531—551.—Ср. также: Кирпичниковъ: Св. Георгій и Егорій Храбрый, 1879; Веселовскій: Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ—Разысканія, II и XXII; Рыстенко: Легенда о св. Георгіи и драконѣ въ византійской и славяно-русской литературахъ, 1909.—См. также ниже—№ 31 б.

Мотивъ о чудесныхъ собакахъ, помогающихъ герою, см. еще: Гнатюкъ: Ент. мат. Уг. Р., IV, 27—34; Рудченко: Сказки, I, 120—129; Ястребовъ: Матеріалы, 142—143; Малинка: Сб. мат., 279—282; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 76—77; Federowski: Lud białor., I, 120—123; Эрленвейнъ: Нар. ск., 49—50; Худяковъ: Матеріалы, 88—89; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 4—5, 15—16; Němcova: Nár. báchorky, II, 48—67; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 28—31; Красић: Нар. прип., II, 9—16; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 330—331; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 13—14, 230—232; „Ung. Revue", VI, 692—695; Cavallius-Stephens: Schwed. M., 235—254, 375—377; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 531—553; Köhler: Kl. Schr., I, 303—305, 326.—Ср. также помогающихъ звѣрей—ниже № 29, 30 и 31 б.

Мотивъ о разбойничьемъ домѣ см. также ниже—№ 27 и 29.

Мотивъ о закладѣ съ трактирщикомъ см. еще: Federowski: Lud białor., I, 123; Václavek: Pohádky, I, 57—58; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 30—31; Schleicher: Lit. M., 59—60; Cavallius-Stephens: Schwed. M., 112—116.—См. также ниже—№ 31 б.

27.

Таинственный рыцарь.

Понесъ мальчикъ своему отцу обѣдъ въ поле, но потерялъ оставленные имъ по дорогѣ слѣды изъ соломы, заблудился въ лѣсу и попалъ во дворъ къ 12-ти разбойникамъ, которые и оставили его у себя для услугъ, но запретили ему при этомъ открывать дверь, которая была завязана лыкомъ. Но однажды, въ отсутствіе разбойниковъ, мальчикъ открылъ эту дверь и увидѣлъ за нею 3-хъ коней—чернаго, сѣраго и бѣлаго. По ихъ совѣту, онъ взялъ съ окна 3 яблока, сѣлъ на коней и убѣжалъ. Когда же разбойники стали его догонять, онъ бросилъ назадъ одно яблоко, изъ котораго сдѣлался лѣсъ на 100 миль, потомъ другое, изъ котораго разлилась огромная рѣка, а наконецъ, третье, изъ котораго поднялся огонь на 100 миль, такъ что разбойники должны были возвратиться ни съ чѣмъ. Послѣ этого кони разстались съ нимъ, но предварительно дали ему свистокъ, посредствомъ котораго онъ могъ бы, въ случаѣ нужды, призвать ихъ на помощь.

Затѣмъ молодецъ пошелъ въ городъ, гдѣ поступилъ на службу къ королю и сталъ носить дрова. Между тѣмъ, началась война, и непріятель сталъ одолѣвать короля. Тогда молодецъ призвалъ свисткомъ своихъ коней, одѣлся въ привезенныя ими желѣзныя латы, сѣлъ на чернаго коня и одинъ разбилъ непріятельское войско, а въ награду за это попросилъ у короля письменное обѣщаніе—дать ему старшую дочь въ жены; затѣмъ онъ незамѣтно вернулся во дворецъ и сталъ снова носить дрова. Во вторую войну дровоносъ надѣлъ серебряныя латы и сѣлъ на сѣраго коня, снова побѣдилъ враговъ и взялъ отъ короля письменное обѣщаніе—выдать за него среднюю дочь, послѣ чего опять незамѣтно вернулся къ своей работѣ. Наконецъ, въ третью войну самъ король попалъ въ плѣнъ, но дровоносъ, надѣвъ золотыя латы и сѣвъ на бѣлаго коня, разбилъ опять непріятеля и освободилъ короля, причемъ, однако, и самъ былъ раненъ въ ногу, которую король тутъ-же перевязалъ ему своимъ платкомъ; получивъ опять отъ короля письменное обѣщаніе - отдать ему въ жены младшую царевну, онъ снова, неузнанный никѣмъ, вернулся на свою службу. Здѣсь,

однако, служанка замѣтила на его ногѣ царскій платокъ и донесла объ этомъ королю, который потребовалъ отъ него по этому поводу объясненій. Тогда онъ, не скрываясь больше, призвалъ своихъ коней, надѣлъ золотыя латы, серебряную шапку и желѣзные сапоги и показалъ королю три его записи и платокъ, послѣ чего женился на младшей царевнѣ, а двумъ другимъ возвратилъ ихъ записи обратно.

Параллели: Роздольскій: Казки, II, 58—60; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 106–112, V, 57–60, 71–72; S. Barącz: Bajki, 98—100; Чубинскій: Труды, II, 216–219, 223–226; Рудченко: Сказки, I, 105—109, 112—115; Гринченко: Этн. мат., I, 152—155; Манжура: Сказки, 11—14, 40—43: Лесевичъ: Опов. Чмихала, 15—29; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 145—147, 151—154, VI, 29—36, 83—88; Добровольскій: Смол. сб., I, 476—477: Federowski: Lud białor., I, 95—96, II, 54—55; Аѳанасьевъ: Легенды, 101—104; его-же: Сказки, I, 110—111, 113, 117—118, II, 209—222; Худяковъ: Великор. ск., I, 21—25; его-же: Матеріалы, 37—38, 49, 90—94; Эрленвейнъ: Нар. ск., 161—163; Садовниковъ: Сам. ск., 77—80; Ровинскій: Р. нар. карт., I, 162—169; Ждановъ: Р. был. эпосъ, 311—318; „Сб. Кавк.", VII, 1, 150—156, XV, 2, 100—103, XVIII, 3, 384—386, XXI, 2, 216—221, XXVI, 2, 46–50, XXXV, 2, 88—92; Ciszewski: Krakowiacy, I, 84—86, 180—182; Świętek: Lud nadr., 346—352; „Zbiór wiad.", XI, 291—292; „Mat. antr.", V, 178—179, VI, 362—363, 403—404; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 61—64, 386—388, II, 24—28; Němcova: Nár. báchorky, I, 172—177, 268—274; „Č. Lid", VII, 44—46; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 221—223; Strohal: Hrv. prip., I, 101—104; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 167—169, 252—255; „Arch. f. sl. Phil.", XXI, 300; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 44—46; Müllenhoff: Sagen, 420–426; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 258—261. Grimm: K. H. M., II, 246–250, III, 218—219; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 183—185; Liebrecht: Zur Volkskunde, 106—107; Köhler: Kl. Schr., I, 330—334, 388.—Ср. также ниже—№ 28 и 40.

Мотивъ о бѣгствѣ съ бросаніемъ разныхъ предметовъ—преградъ см. еще: Гнатюкъ: Легенды, II, 91; его-же: Етн. мат. Уг. Р., V, 111, 120; Роздольскій: Казки, II, 59, 62; „Наука", 1895, I—III, 159—160, 1896, VIII—XI, 605—606; Чубинскій: Труды, II, 142—143; Рудченко: Сказки, I, 119—120; Ястребовъ: Матеріалы, 155—156; Гринченко: Этн. мат., II, 346—347; Малинка: Сб. мат., 279; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 51, 60, 63—64, 178—180; Добровольскій: Смол. сб., I, 459—460, 505; Weryho: Pod. białor., 57—58; Federowski: Lud białor., I, 120, II, 68, 107, 111, 142, 327; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 69—70, 81, 84, 89, 100, 277, II, 4, 73, 75, 80—81; Худяковъ: Великор. ск., I, 3—5, II, 85; его-же: Матеріалы, 28—29, 37, 84—85, 90—92, 95, 100; Эрленвейнъ: Нар. ск., 117—118; Садовниковъ: Сам. ск., 17; Ончуковъ:

Сѣв. ск., 30, 148, 190, 310; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, XII—3, 375; „Сб. Кавк.“, VI, 2, 138—140, XVIII, 3, 41, XXXIII, 3, 28—29, XXXV, 2, 132—133, XLII, 2, 88—90; Kolberg: Lud, VIII, 24; Toeppen: Abergl. Mas., 146; „Lud“, V, 172; „Zbiór wiad.“, XI, 290—291; „Mat. antr.“, V, 242, X, 251; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 280; Трейландъ: Лат. ск., 227—228, 239; Leskien-Brugmann: Lit. M., 379—385; „Č. Lid“, VII, 44; Václavek: Pohádky, I, 74—77; A. G.: Nár. prip. Sošk., III, 72; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 347—348, II, 96—97; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 165—166, 168, 204—205; Поливка: Бѣлѣжки, 14—15, 17; „Arch. f. sl. Phil.“, V, 22, XIX, 245, XXVI, 470, XXXI, 264; „Germania“, XV, 178, 183; „Zs. Ver. Vk.“, VI, 165; Grudtvig: Dän. Vm., I, 25—26, 56—57; Gonzenbach: Sic. M., I, 243, II, 55—56; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 66, II, 34—36; Stier: Ung. M., 33; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказокъ—„Сб. Миллера“, 200; Остроумовъ: Сарты, II, 18—19; Radloff: Proben, III, 383; Потанинъ: Очерки, IV, 240, 342, 350; Клингеръ: Сказ. мот. Герод., 95—97; Grimm: K. H. M., I, 399; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 97—98, 115—121; Köhler: Kl. Schr., I, 163, 166, 168, 171—174, 195, 433.— См. также ниже—№ 42.

28.

Стеклянная гора.

а). У крестьянина было три сына: два умныхъ, а третій дуракъ. Когда онъ умиралъ, то велѣлъ сыновьямъ 3 ночи по очереди караулить на его могилѣ. Оба старшихъ брата послали за себя дурака, такъ что всѣ 3 ночи ходилъ на могилу лишь онъ одинъ, причемъ получилъ отъ явившагося ему отца 3 волшебныхъ волоска.

Въ то время царь объявилъ по всему царству, что тотъ, кто поднимется на стеклянную гору, будетъ его зятемъ. Многіе юноши, въ томъ числѣ и старшіе братья дурака, пытались взобраться на гору, но безуспѣшно. Тогда дуракъ вынулъ черный волосъ, и предъ нимъ явился черный конь и черная одежда, съ которыми онъ и взъѣхалъ на гору, но потомъ вернулся домой и снова принялъ прежній видъ. Во второй разъ опять никто не успѣлъ взобраться на гору, только дуракъ, вынувъ красный волосокъ, снова выѣхалъ на нее на красномъ конѣ и въ красной одеждѣ, причемъ царевна надѣла ему на палецъ перстень, съ которымъ онъ снова скрылся домой. Въ третій разъ

дуракъ выѣхалъ на гору на сѣромъ конѣ и въ сѣромъ платьѣ, но болѣе уже не скрывался, а наоборотъ, потребовалъ обѣщанной награды за свой троекратный подвигъ, показалъ перстень, а затѣмъ уже женился на царевнѣ и самъ сталъ царемъ.

б). Семь братьевъ, изъ которыхъ шесть было умныхъ, а седьмой дуракъ, нанялись у одного барина на службу. Пошли умные братья пасти барановъ и встрѣтили по дорогѣ нищаго, но не дали ему хлѣба; въ лѣсу всѣ бараны разбѣжались, и братья вернулись вечеромъ ни съ чѣмъ. Тогда дуракъ пошелъ искать барановъ; по дорогѣ онъ встрѣтилъ того-же нищаго и далъ ему хлѣба, за что получилъ отъ него чудесную скрипку, съ помощью которой онъ собралъ всѣхъ барановъ и пригналъ ихъ домой. Потомъ опять послалъ баринъ умныхъ братьевъ стеречь лугъ отъ потравы, гдѣ къ нимъ ночью прилетѣла, прося хлѣба, сначала макотра, затѣмъ ложка и, наконецъ, миска, но они не дали имъ ничего; когда же они заснули, набѣжали какія-то лошади и потравили всю траву. На другую ночь пошелъ уже дуракъ на лугъ, причемъ онъ далъ хлѣба и макотрѣ, и ложкѣ, и мискѣ, а тѣ потомъ за это 3 раза его разбудили и дали ему каждая по золотой уздечкѣ, на которыя онъ затѣмъ поймалъ и привелъ домой трехъ коней.

Между тѣмъ, царь выстроилъ стеклянную гору и объявилъ, что тотъ, кто выѣдетъ на нее, женится на его дочери. Никто не могъ этого сдѣлать, только дуракъ, сѣвъ на одного изъ коней съ золотой уздечкой, выѣхалъ на гору, въ виду чего онъ потомъ и женился на царевнѣ.

Параллели: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 46—49; Роздольскій: Казки, I, 11—13, 36—39, II, 136—141; Драгомановъ: Преданія, 262—267; Чубинскій: Труды, II, 269—281; Гринченко: Этн. мат., I, 170—175; Малинка: Сб. мат., 300—302; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 169—175; Добровольскій: Смол. сб., I, 590—597; Романовъ: Бѣлор. сб., VI, 470—477; Weryho: Pod. białor., 75—77; Federowski: Lud białor., II, 90—96; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 287—301; Худяковъ: Великор. ск., II, 55—58; Ончуковъ: Сѣв. ск., 178—185; „Сб. Кавк.“, XLII, 2, 1—9; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, VIII—4, 349, IX—1, 440; Смирновъ: Систем. указатель—„Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, XVII—3, 154—158; Kolberg: Przemyskie, 209—211; его-же: Lud, III, 127—129, VIII, 1—6, XIV, 3—7;

Ciszewski: Krakowiacy, I, 186—188, 192—195; Świętek: Lud nadr., 354—357; Toeppen: Abergl. Mas., 148—150; „Zbiór wiad.", XI, 283—285, XII, 17—19, XIII, 202, XVI, 79—81, XVIII, 298—302, 327—331; „Mat. antr.", V, 219—222, VI, 169—171, 343—346, 356—360, VIII, 159—162, X, 259—260; „Wisła", VII, 32—34; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 84, 220—224, II, 281—284; Трейландъ: Лат. ск., 223—233; Leskien-Brugmann: Lit. M., 483—485, 574—575; Dobšinský: Prostonár. pov., VII, 31—38; A. G.: Nár. prip. Sošk., III, 16—26; Tille: Literárni studie, I; „Národop. Sb.", VI, 221; Красић: Нар. прип., II, 20—23; Шапкаревъ: Сборн. умотв., VIII, 124—131; „Arch. f. sl. Phil.", V, 21—22, XVII, 578, XXI, 268, XXXI, 271—272; „Zs. f. öst. Vk.", II, 222; „Zs. Ver. Vk.", VIII, 192—196; „Germania", XV, 184—185; Bartsch: Sagen Meklenb., I, 492—493; Stier: Ung. M., 91—95; Köhler: Kl. Schr., I, 551—552.—Общій мотивъ о скрывающемся дуракѣ-героѣ см. также № 27 и 40.

Мотивъ о караулѣ на могилѣ отца см. еще: Эрленвейнъ: Нар. ск., 145—146; „Сб. Кавк.", XIII, 2, 116—117; Gliński: Baj. pol., I, 32—57; „Slavia", 95—98; „Ung. Revue", VIII, 330—331.

Мотивъ о волшебныхъ волоскахъ см. еще: „Ж. і Сл.", III, 58; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 18—20; Kolberg: Pokucie, IV, 109—112; Рудченко: Сказки, I, 105; „Сб. Кавк.", XVIII, 3, 74, XIX, 2, 3—4, XXI, 2, 216; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 93.—См. также № 24 б. и 46.

Мотивъ о стекляной горѣ см. также выше—№ 24 а.

Мотивъ о волшебной скрипкѣ или свирѣли см. также № 44 и 55.

29.

Невѣрная мать.

Мать съ сыномъ были очень бѣдны и пошли въ свѣтъ. По дорогѣ сынъ нашелъ чудесный ремешокъ, дававшій своему владѣльцу, согласно надписи на немъ, великую силу и счастье, въ виду чего онъ тутъ-же и надѣлъ его на себя.

Въ лѣсу они зашли въ разбойничій домъ, четыре комнаты котораго были полны всякимъ оружіемъ, въ пятой же спали 12 разбойниковъ; тутъ молодецъ выбралъ себѣ лучшее оружіе, поубивалъ всѣхъ разбойниковъ и смелъ ихъ въ погребъ, запретивъ матери открывать его, послѣ чего они уже остались въ этомъ домѣ.

Но однажды, когда сынъ ушелъ на охоту, мать открыла погребъ, а оттуда выскочилъ одинъ ожившій разбойникъ, который затѣмъ, взявъ съ окна мазь, оживилъ ею всѣхъ своихъ товарищей. Потомъ разбойники велѣли матери притвориться больной и попросить сына—принести ей цѣлебныхъ яблокъ, растущихъ между двухъ горъ. По пути за яблоками сынъ заѣхалъ къ одной барынѣ, которая его полюбила и сообщила ему, что тѣ горы весь день движутся, достать же яблоки можно лишь въ 12 ч. дня или ночи, когда горы останавливаются на мгновеніе. Получивъ отъ нея-же коня, онъ поѣхалъ туда и въ указанный часъ проскочилъ между горъ, но не могъ сорвать отдѣльныхъ яблокъ, а вырвалъ цѣлую яблоню съ корнями, послѣ чего выскочилъ назадъ, такъ что вновь сомкнувшіяся горы лишь прищемили хвостъ его коню. На обратномъ пути онъ отдалъ яблоки той барынѣ, а только одно отвезъ матери. Тогда мать, по наущенію разбойниковъ, потребовала отъ него еще живой воды. По совѣту той-же барыни, онъ подстерегъ, пока змѣя, сторожившая источникъ, въ 12 ч. перестала дышать огнемъ, зачерпнулъ живой воды въ кувшинъ и затѣмъ отдалъ ее барынѣ, а матери отвезъ лишь небольшую стклянočку на лѣкарство. Послѣ этого опять разбойники подучили мать послать сына за львинымъ молокомъ. Встрѣтивъ львицу, онъ хотѣлъ въ нее стрѣлять, но она сама дала ему своего молока, а также свистокъ, на который должны сбѣгаться къ нему на помощь всѣ звѣри. Наконецъ, по новому уговору съ разбойниками, мать предложила ему выкупаться, когда же онъ раздѣлся, разбойники схватили его чудесный ремешокъ, а затѣмъ уже легко убили его, порубили и выбросили въ мѣшкѣ на дворъ.

Между тѣмъ, барыня, обезпокоенная долгимъ отсутствіемъ молодца, стала разыскивать его, нашла его порубленный трупъ и взбрызнула его живой водой и сокомъ чудесныхъ яблокъ, послѣ чего онъ сразу ожилъ. Затѣмъ они, превратившись въ голубей, полетѣли къ разбойникамъ и сѣли на деревѣ возлѣ ихъ двора. Желая ихъ поймать, атаманъ разбойниковъ, согласно пѣнію голубки, раздѣлся и положилъ ремешокъ на землю, а самъ полѣзъ за ними на дерево, но они сейчасъ схватили ремешокъ и улетѣли. Затѣмъ, опоясавшись ремешкомъ, молодецъ возвратился къ разбойникамъ и созвалъ свисткомъ звѣрей, которые тутъ-же поразрывали и пожрали всѣхъ разбойниковъ. Послѣ этого онъ опрокинулъ и домъ съ невѣрною ма-

терью, которая въ немъ погибла, а самъ женился на своей барынѣ.

Параллели см. ниже—при № 30.

30.

Невѣрная жена.

Одна женщина, задумавъ, по подговору діявола, за котораго она хотѣла выйти замужъ, извести своего мужа, послала его, притворяясь больной, въ чертовскую мельницу, за мукой изъ-за 12-го камня.

Мужикъ отправился туда съ 3-мя своими собачками, безпрепятственно прошелъ черезъ 12 желѣзныхъ дверей и набралъ муки, а затѣмъ благополучно возвратился домой, потерявъ только своихъ собачекъ, которыя остались на мельницѣ за 12-ю дверьми.

Дома діяволъ, не скрываясь болѣе, велѣлъ ему развести огонь подъ котломъ со смолою, въ которомъ онъ собирался сварить его, но онъ, чтобы затянуть дѣло, сначала смочилъ топливо водою, вслѣдствіе чего оно плохо горѣло, потомъ, когда смола все-таки закипѣла, выпросилъ у діявола отсрочку для молитвы, а затѣмъ уже сталъ медленно раздѣваться, чтобы лѣзть въ котелъ; при этомъ все время прилетали къ нему птички и сообщали ему о постепенномъ освобожденіи его собачекъ изъ-за желѣзныхъ дверей. И дѣйствительно, пока онъ раздѣвался, собачки прогрызли послѣднія двери, прибѣжали къ нему и тутъ-же разорвали діявола.

Затѣмъ собачки велѣли мужику убить и невѣрную жену, но онъ ее пожалѣлъ и оставилъ. Когда же онъ легъ спать, жена вложила ему въ ухо зубъ діявола, вслѣдствіе чего онъ умеръ, а затѣмъ вынесла его въ лѣсъ на сосну. Собачки нашли тѣло, призвали сначала волка, а затѣмъ, когда тотъ оказался слишкомъ слабымъ, медвѣдя—свалить сосну, велѣли зайцу вытянуть зубъ изъ уха хозяина, и тотъ сразу ожилъ.

Пожалѣвъ опять жену, мужъ еще не убивалъ ея, только заперъ въ погребъ и поставилъ предъ ней для испытанія

2 ушата: одинъ порожній, чтобы она, въ случаѣ раскаянья, наполнила его слезами, а другой съ угольями, которые она должна съѣсть, если еще тоскуетъ по діяволѣ. На утро оказалось, что она ничего не наплакала, а наоборотъ, съѣла всѣ уголья дочиста, въ виду чего мужъ велѣлъ собачкамъ разорвать ее и выбросилъ ее въ оврагъ къ діяволу.

Параллели: Общій сюжетъ о невѣрной женѣ, сестрѣ или матери см.: „Наука“, 1894, I—II, 45—55; Роздольскій: Казки, II, 19—24, 45—46; Гнатюкъ: Легенды, II, 91—92; его-же: Етн. мат. Уг. Р., III, 54—56, IV, 27—34, V, 67—73, 76—96; Драгомановъ: Преданія, 300—304; Кулишъ: Записки, II, 48—57; Чубинскій: Труды, II, 143—167, 285—290; Рудченко: Сказки, I, 120—141; Манжура: Сказки, 34—39; Гринченко: Этн. мат., I, 155—159, II, 269—271; его-же: Изъ устъ народа, 333—341, 447; Малинка: Сб. мат., 280—282; Добровольскій: Смол. сб., I, 495—498; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 38—70; Сумцовъ: Разб. Ром., 78—79; Weryho: Pod. białor., 19—24; Federowski: Lud białor., I, 120—124, II, 64—67, 69—74, 85—87, 314—315; Худяковъ: Великор. ск., I, 42—44, III, 25—29; его-же: Матеріалы, 85—89; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 5—21; Эрленвейнъ: Нар. ск., 49—50; Садовниковъ: Сам. ск., 68—72; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, VIII—4, 347—348, XII—3, 374, 378, 389; Смирновъ: Систем. указатель—„Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, XVII—3, 163—175; „Сб. Кавк.“, X, 2, 78—79, 265—277, XVIII, 3, 16—20, XXI, 2, 8—12, XXVI, 2, 109—114, XXXIII, 3, 19—23, XLII, 2, 126—135; „Этн. Об.“, XXII, 104; Буслаевъ: Очерки, I, 324—327; Пыпинъ: Для люб. кн. стар., 70—71; Сиповскій: Рус. повѣсти, 90—107; Kolberg: Pokucie, IV, 64—73; его-же: Chełmskie, II, 115—117; Ciszewski: Krakowiacy, I, 89—98; „Zbiór wiad.“, V, 240—242, VII, 18—20, XI, 119—122; „Mat. antr.“, V, 22—25, VI, 338—340; „Wisła“, II, 15—20, VII, 36—37, VIII, 249—253; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 382—385; Leskien-Brugmann: Lit. M., 389—394, 396—404, 548—553; Schleicher: Lit. M., 54—57; „Č. Lid“, V, 562—565; Němcova: Nár. báchorky, II, 48—67; „Národop. Sb.“, II, 105, IV—V, 143; Dobšinský: Prostonár. pov., V, 52—65; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 28—33, 41—43; Красић: Нар. прип., I, 25—29, II, 40—46; Шапкаревъ: Сб. умотв., IX, 350—351, 406—409, 463—469; Поливка: Бѣлѣжки, 27, 32, 36; „Arch. f. sl. Phil.“, XIX, 242, XXI, 283, XXIX, 471; Müllenhoff: Sagen, 416—420; Cavallius-Stephens: Schwed. M., 235—254, 375—377; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 82—85, 176—180, 215—217, II, 188—190, 279—284; Schott: Wal. M., 265—279; Miklosich: Mundarten Zig., IV, 312—316; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказ.—„Сб. Миллера“, 202—203; Потанинъ: Очерки, II, 175—177, IV, 399—401; Radloff: Proben, III, 321—332; Köhler: Kl. Schr., I, 303—305; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 551—553.—См. выше—№ 29.

Чудесный ремешокъ, дающій непобѣдимую силу, ср. съ подобными же волшебными предметами въ № 33 и 40.

Разбойничій домъ см. выше—№ 26 и 27.

Мотивъ о движущихся горахъ — симплегадахъ см. еще: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 92—93; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., V, 262; Аѳанасьевъ: Поэт. воззр., II, 350—354; его-же: Сказки, II, 18; Худяковъ: Великор. ск., III, 40—41; „Этн. Об.", XXI, 9; Шапкаревъ: Сборн. умотв., VIII, 226, 228, IX, 408; Поливка: Бѣлѣжки, 18; Köhler: Kl. Schr., I, 367, 397, 572.

Мотивъ о чертовской мельницѣ см. еще: Аѳанасьевъ: Поэт. воззр., I, 295; его-же: Сказки, II, 18.

Мотивъ о чудесныхъ собакахъ см. также выше—№ 26.

31.

Чудесная птица.

а). Одному рыбаку не везло въ ловлѣ рыбъ, и онъ рѣшилъ стать птицеловомъ. Въ лѣсу онъ поймалъ птичку, которая каждый день несла ему по алмазу, такъ что онъ вскорѣ очень разбогатѣлъ и сталъ посылать своихъ дѣтей въ школу.

Учитель этой школы, вывѣдавъ отъ дѣтей о причинѣ внезапнаго богатства ихъ отца, велѣлъ рыбаку зарѣзать для него чудесную птичку, за что обѣщалъ женить своего сына на его дочери. Рыбакъ согласился и къ свадьбѣ зарѣзалъ для учителя птичку, но, когда всѣ изъ дому ушли на вѣнчаніе, старшій мальчикъ его съѣлъ въ кухнѣ птичку, а младшій выпилъ наваръ изъ нея, послѣ чего они оба, боясь учителя, бѣжали.

По дорогѣ они встрѣтили женщину, которая приняла ихъ къ себѣ на службу. Утромъ хозяйка увидѣла подъ головой старшаго мальчика, который съѣлъ птичку, 3 милліона денегъ, но, какъ только онъ всталъ, деньги исчезли, такъ какъ они не давались никому, лишь ему одному. Затѣмъ мальчики, недовольные службой, отправились дальше.

Черезъ нѣкоторое время пришли они къ одному барину, дочери котораго въ нихъ влюбились и взяли ихъ себѣ въ мужья. Однако, вскорѣ младшая изъ нихъ вдругъ не взлюбила своего мужа и, желая его погубить, послала его въ чертовскій городъ за деньгами.

Тотъ пошелъ и, встрѣтивъ по дорогѣ Мѣсяца, Солнце, Вѣтра, Мороза и Дождя, взялъ ихъ всѣхъ съ собою. Въ чертовскомъ городѣ черти потребовали отъ него, прежде чѣмъ дать ему деньги, сперва вычерпать и осушить море, что тутъ-же сдѣлалъ за него Вѣтеръ; затѣмъ—до утра вспахать это мѣсто и посѣять на немъ пшеницу, сжать ее и сложить въ копны, что они исполнили общими силами; потомъ—опять наполнить жниво водой по-прежнему, что сдѣлалъ за него Дождь; наконецъ, черти предложили молодцу пообѣдать на раскаленной желѣзной печкѣ, которая, однако, сейчасъ, какъ только Морозъ положилъ на нее свою руку, совсѣмъ остыла. Послѣ этого черти уже ушли изъ своего города и оставили молодцу всѣ свои деньги.

Но онъ уже не возвращался болѣе къ своей женѣ, а построилъ себѣ новый городъ и остался въ немъ царемъ, благодаря тому, что выпилъ наваръ съ чудесной птички.

———

б). Одинъ бѣдный человѣкъ поймалъ въ лѣсу птичку съ золотыми перьями и посадилъ ее въ клѣтку. Въ это время проѣзжалъ туда баринъ съ сыномъ, увидалъ птичку и прочелъ у нея на крылышкахъ, что тотъ, кто ее съѣстъ, будетъ каждое утро находить подъ собою 2 дуката. Баринъ хотѣлъ купить птичку, но бѣднякъ согласился отдать ее только тогда, когда тотъ обѣщалъ дать ему порядочный кусокъ земли и содержать его при себѣ до смерти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сынъ барина женился на дочери бѣдняка.

Послѣ свадьбы поваръ зарѣзалъ и зажарилъ для барина золотую птичку, но два мальчика бѣдняка случайно перехватили и съѣли ее пополамъ. Узнавъ объ этомъ, баринъ велѣлъ охотнику отвести мальчиковъ въ лѣсъ, убить ихъ и принести ему ихъ глаза, однако, тотъ отпустилъ ихъ въ свѣтъ, а барину принесъ глаза собаки.

Братья же пошли и, проблуждавъ 2 дня въ лѣсу, зашли къ одной женщинѣ, которая приняла ихъ на ночь, а затѣмъ, найдя утромъ подъ каждымъ изъ нихъ по 2 дуката, задержала ихъ у себя совсѣмъ, причемъ, пользуясь тѣмъ, что они ничего не знали о своемъ счастьи, подбирала за ними каждое утро дукаты и, такимъ образомъ, со временемъ очень разбогатѣла. Однако, спустя нѣкоторое время, боясь наказанія за разбитый горшокъ молока,

мальчики убѣжали въ лѣсъ и, найдя тутъ утромъ подъ собою дукаты, отправились въ городъ и купили себѣ въ звѣринцѣ 2 волковъ, 2 медвѣдей и 2 львовъ. Послѣ этого они разошлись въ разныя стороны, раздѣливъ предварительно между собой звѣрей и воткнувъ въ дуплистую вербу ножъ, чтобы въ случаѣ нужды узнать, смотря по его чистотѣ или ржавчинѣ, живъ ли еще другой братъ или нѣтъ?

Старшій братъ зашелъ прежде всего въ трактиръ и накормилъ въ немъ своихъ звѣрей, причемъ медвѣдь похитилъ у трактирщика пузырекъ съ живительнымъ лѣкарствомъ.

Затѣмъ молодецъ пришелъ со своими звѣрями въ столичный городъ, въ которомъ змѣй поѣдалъ людей, а въ этотъ день была обречена на съѣденіе царская дочь. Онъ засѣлъ подъ скалой, гдѣ жилъ змѣй, а затѣмъ, когда привели и оставили тамъ царевну и змѣй вышелъ къ ней, онъ напустилъ на него своихъ звѣрей, а самъ отрубилъ ему саблей всѣ 12 головъ, вырѣзалъ изъ нихъ языки и спряталъ ихъ. Благодарная царевна обѣщала выйти за него въ теченіе года замужъ, въ знакъ чего дала ему половину своего кольца и платочка. Послѣ этого молодецъ легъ спать, но этимъ воспользовался кучеръ царевны, подобралъ головы змѣя, убилъ молодца, а царевну принудилъ признать его своимъ избавителемъ и женихомъ, причемъ, однако, свадьба, по ея настоянію, была тоже отложена на годъ.

Между тѣмъ, звѣри нашли тѣло своего хозяина и оживили его лѣкарствомъ, которое медвѣдь похитилъ у трактирщика, но, такъ какъ они при этомъ неправильно приложили отрубленную голову къ туловищу, то медвѣдь снова отрубилъ ему ее во снѣ, а затѣмъ ужъ приложилъ ее, какъ слѣдуетъ, къ тѣлу и вновь оживилъ его.

Послѣ этого молодецъ скитался со своими звѣрями по свѣту, но черезъ годъ вернулся назадъ въ тотъ-же городъ, гдѣ уже готовилась свадьба царевны съ кучеромъ. Въ трактирѣ онъ побился съ трактирщикомъ объ закладъ на его трактиръ, что они будутъ ѣсть кушанья со свадебнаго пира, и дѣйствительно, по запискѣ, отнесенной волкомъ царевнѣ, тотчасъ получилъ съ царскаго стола различныя кушанья, но потомъ, видя отчаяніе трактирщика, подарилъ ему выигранный трактиръ назадъ. Затѣмъ, по приглашенію царевны, молодецъ явился на ея свадьбу, гдѣ тотчасъ, благодаря ея кольцу и платочку и

вырѣзаннымъ языкамъ змѣя, былъ раскрытъ обманъ кучера, послѣ чего послѣдній былъ растерзанъ лошадьми, а молодецъ женился на царевнѣ.

Послѣ свадьбы молодецъ увидѣлъ однажды ночью на сосѣдней горѣ свѣтъ, отправился туда и попалъ къ Бабѣ-Ягѣ, которая тутъ-же, ударами волшебнаго прутика, превратила его и звѣрей въ камни.

Между тѣмъ, младшій братъ, узнавъ, по ржавчинѣ на ножѣ, о смерти брата, отправился искать его и пришелъ со своими звѣрями къ царевнѣ—его женѣ. Вслѣдствіе большого сходства братьевъ, царевна, какъ и всѣ вообще, приняла его за своего мужа и легла съ нимъ спать, но онъ положилъ по серединѣ кровати саблю и не тронулъ ея. Потомъ, увидѣвъ тоже свѣтъ на горѣ, онъ пошелъ туда, нашелъ окаменѣвшіе трупы брата и его звѣрей, а затѣмъ, не дожидаясь удара прутикомъ, затравилъ Бабу-Ягу своими звѣрями и велѣлъ ей достать живой воды. Она повела его сперва къ источнику съ мертвой водой, въ которой его палка сразу загорѣлась, а потомъ только указала ему живую воду, въ которой палка тотчасъ распустилась и расцвѣла. Этой водой молодецъ тутъ-же оживилъ брата и его звѣрей, послѣ чего всѣ звѣри вмѣстѣ разорвали Бабу-Ягу въ клочки.

По дорогѣ домой младшій братъ подразнилъ старшаго, что онъ спалъ эту ночь съ его женой, за что тотъ отрубилъ ему саблей голову, но затѣмъ, узнавъ отъ жены всю правду, воскресилъ его, по указанію звѣрей, водой изъ живого источника.

Послѣ этого, въ виду своего полнаго сходства, братья сговорились не открывать во дворцѣ, кто изъ нихъ настоящій царскій зять, такъ что даже царевна не могла узнать своего мужа. Тогда она привязала себѣ подъ мышку пузырь съ кровью, ударила въ него ножемъ и упала, обливаясь кровью, какъ мертвая, въ виду чего ея мужъ въ отчаяніи сталъ упрекать себя за глупую шутку и, такимъ образомъ, выдалъ себя передъ поднявшейся невредимо женой.

Съ тѣхъ поръ они уже жили счастливо вмѣстѣ, а младшаго брата и родителей богато одарили деньгами.

Параллели: Основной сюжетъ варіанта **а** и первой части варіанта **б**—о чудесной птицѣ, отъ вкушенія которой герой становится царемъ или находитъ подъ собою каждое утро червонцы,—см.: Игн. изъ Никло-

вичъ: Казки, 31—35; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., IV, 42—48; Драгомановъ: Преданія, 363—366; Чубинскій: Труды, II, 424—426; Ястребовъ: Матеріалы, 148—152; Гринченко: Этн. мат., II, 247—253; Манжура: Сказки, 52—54; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 205—213; Добровольскій: Смол. сб., I, 561—563; Худяковъ: Великор. ск., I, 103—107, III, 154—159; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 333—339; Эрленвейнъ: Нар. ск., 46—47; Садовниковъ: Сам. ск., 108—110; Иваницкій: Мат. волог., 166—168; Ончуковъ: Сѣв. ск., 170—173; Ровинскій: Р. нар. карт., I, 239—243, IV, 185—186; Сиповскій: Очерки, I—2, 233; „Ж. Стар.", XI, 75—77; „Сб. Кавк.", XXVIII, 2, 80—89, XXXV, 2, 101—105; Смирновъ: Систем. указатель—„Изв. 2 Отд. Ак. Н.", XVII—3, 137—141; „Zbiór wiad.", IX, 89—94; „Mat. antr.", VI, 371—375, 405—407, VIII, 178—182; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 85—88, 166—168; „Lud," V, 183; Němcova: Nár. báchorky, I, 192—205; Václavek: Pohádky, II, 19—32; „Slavia", 26—27; „Č. Lid," VIII, 147—148; „Slov. Pohl"., 1899, 428—437; Војиновић: Приповијетке, 18—25; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 187—189; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 256—259, IX, 444—448, 538—545; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 19—24; Polivka: O zlatém ptáčku a dvou chudých chlapcích—„Národop. Sb.", VI, 94—143; „Arch. f. sl. Phil.", I, 273—275, XVI, 318, XIX, 266, XXI, 282, XXXI, 271; „Zs. öst. Vk.", IV, 159; Bartsch: Sagen Meklenb., I, 474—477; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 19—23; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 227—233; Grimm: K. H. M., I, 311—334, III, 102—107, 307, 327; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 528—556; Miklosich: Mundarten Zig., IV, 297—300; Radloff: Proben, IV, 477—482; Потанинъ: Очерки, IV, 535—539, 923; Lidzbarski: Neuaram. Hs., 253—257; Rosen: Tuti-Nameh, II, 291—306; Яворовскій: Сказки попугая, 61—86; Köhler: Kl. Schr., I, 409—410.

Къ второй части варіанта б, представляющей самостоятельную сказку о двухъ похожихъ братьяхъ, см.: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 92—96; Роздольскій: Казки, II, 76—81; S. Barącz: Bajki, 175—178; Манжура: Сказки, 28—33; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 107—113; Nowosielski: Lud. ukr., II, 310—327; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 137—142, VI, 60—67, 382—394; Добровольскій: Смол. сб., I, 480—495; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 211—217; Эрленвейнъ: Нар. ск., 9—13; Ончуковъ: Сѣв. ск., 16—23; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", IX—1, 428, XII—3, 375, 380; „Сб. Кавк.", II, 2, 121—128, XVIII, 3, 383—387, XXXIII, 3, 17—27; „Lud", V, 170—171; „Zbiór wiad.", II, 144—147, XI, 84—87, XV, 10—19; „Mat. antr.", X, 262—265, XI, 36—39; Ciszewski: Krakowiacy, I, 47—51; Václavek: Pohádky, I, 51—61; „Národop. Sb.", VI, 212, VII, 218; Красић: Нар. прип., I, 37—42; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 415—419, 466—469; „Arch. f. sl. Phil.", XVII, 573; Трейландъ: Лат. ск., 193—196, 200—206; Bartsch: Sagen Meklenb., I, 475—477; Grimm: K. H. M., I, 313—334, 427—430, III, 102—107, 144—145; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 528—556; Cavallius-Stephens: Schwed. M., 347—357; Grundtvig: Dän. Vm., I, 277—328; Basile: Pentameron, I, 97—109, 131—133; Gonzenbach: Sic. M., I, 276—280, II, 230; Bladé: Cont. gasc., I, 279—286; Stier: Ung. M.,

1—14; „Or. u. Occ.", II, 115—120; Köhler: Kl. Schr., I, 175—181, 303—305, 347, 368—369, 387—388.

Мотивъ о чудесныхъ товарищахъ, помогающихъ герою исполнить неразрѣшимыя задачи, см. еще: Ю. А. Яворскій: Notizen zur Gesch. d. Märchen u. Schwänke—„Der Urquell", II, 197—198; Игн. изъ Никловичъ: Казки, 72—75; „Наука", 1896, I—III, 133—139, 1897, I—III, 142—146; Роздольскій: Казки, II, 55—57; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 48—51, 56—58, 60—61, IV, 62—64, V, 4—16, 149—151; S. Bar ącz: Bajki, 63—64, 91—92; Kolberg: Pokucie, IV, 101; Драгомановъ: Преданія, 274—278; Манжура: Сказки, 26—27; Nowosielski: Lud ukr., I, 270—276; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 118—119, 131—132, VI, 261—262, 272—276, 283—285, 429—432; Добровольскій: Смол. сб., I, 429—432, 441—443; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 166—167, 169, 183—188, II, 57—58; Худяковъ: Великор. ск., I, 118—121; Ончуковъ: Сѣв. ск., 83—84; Лобода: Р. былины о сватовствѣ, 11—14; „Этн. Об.", XII, 42; „Сб. Дашк.", III, 151—153; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", IX—1, 433; „Сб. Кавк.", X, 3, 57, XIV, 2, 206—208, XVIII, 1, 64—69, XIX, 2, 4—7, XXVI, 2, 37—40, XXVII, 2, 131—137, XXXVI, 3, 189—194; „Zbiór wiad.", IX, 81—84, XVIII, 401—403; „Mat. antr.", V, 166—167, 187—190, VI, 382—383, X, 258; Ciszewski: Krakowiacy, I, 189—190; Beneš-Třebizsky: Nár. poh., 94—99; „Č. Lid", VI, 200; Добросавльевић: Приповетке, 78—81; Krauss: Anthropophyteia, II, 161—162; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 14—16, IX, 399—400; Поливка: Бѣлѣжки, 5; „Národop. Sb.", VI, 213; „Arch. f. sl. Phil.", II, 639—640, XXVI, 465—466; „Zs. Ver. Vk.", XV, 456—457; „Germania", XV, 186—187; „Ung. Revue", V, 735—739; Grimm: K. H. M., I, 351—352, 375—380, II, 229—235, III, 120—123; Bladé: Cont. gasc., III, 18—22, 38—40; Carnoy-Nicolaides: Trad. pop. Asie Min., 49—56; Radloff: Proben, IV, 460—469; Потанинъ: Очерки, IV, 201—203, 503—504, 787—788; „Or. u. Occ.", II, 296—299; Köhler: Kl. Schr., I, 92—93, 134, 191—194, 298—303, 389—391, 396—397, 431, 438—440, II, 591—592; Benfey: Das Märchen von d. Menschen mit d. wunderbaren Eigenschaften — Kl. Schriften, II—3.

Мотивъ о ножѣ, ржавѣющемъ въ случаѣ смерти одного изъ братьевъ, см. еще: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 37, 92; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 162, 212, 216—217, 229, 231—232; Садовниковъ: Сам. ск., 32; Ончуковъ: Сѣв. ск., 584; „Mat. antr.", VI, 378; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 1; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 534—546; Трейландъ: Лат. ск., 128, 193—194; „Or. u. Occ.", II, 119—120; Köhler: Kl. Schr., I, 180—181.

Мотивъ о мечѣ или ножѣ между мужчиной и женщиной на кровати см. еще: Гнатюкъ: Легенды, I, 39, II, 229; его-же: Етн. мат. Уг. Р., I, 35, IV, 67; „Сб. Кавк.", XLII, 2, 138; Веселовскій: Изъ ист. ром. и пов., II, 199, 231; Ждановъ: Р. был. эпосъ, 166; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказокъ—„Сб. Миллера", 194; Grimm: K. H. M., III, 311; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 534—555; Köhler: Kl. Schr., II, 443—444; Wesselsky: Mönchslatein, 152, 241.

Мотивъ о притворномъ самоубійствѣ, съ цѣлью обнаруженія настоящаго мужа или родственника, см. еще: Weryho: Pod. białor., 58—59; „Mat antr.“, V, 242.

Мотивъ объ испытаніи живой воды см. еще: Аѳанасьевъ: Сказки, I, 343, 349, 351.

Мотивъ о неразрѣшимыхъ задачахъ см. также ниже—№ 41 и 98.

Мотивъ о звѣряхъ, помогающихъ герою, см. также № 26, 29 и 30.

Мотивъ о закладѣ съ трактирщикомъ см. также № 26.

Мотивъ объ освобожденіи героемъ дѣвицы отъ змѣя или діявола см. также № 26.

32.

Чудесная рыба.

Однажды рыбакъ поймалъ краснoперую рыбу безъ хвоста, но затѣмъ, когда она обѣщала ему горшокъ каши, отпустилъ ее на свободу; тѣмъ не менѣе, каши дома у него не оказалось. То-же самое произошло и въ другой разъ, на третій же разъ рыба обѣщала ему не только каждый день горшокъ каши, но также исполненіе всякаго его желанія по словамъ: „Божьей властью на помощь!“

Рыбакъ сейчасъ пожелалъ себѣ возокъ-самокатъ и поѣхалъ на немъ. Затѣмъ, увидѣвъ въ окнѣ царевну, запертую тамъ отцомъ, пожелалъ, чтобы она забеременѣла и родила ему мальчика. Въ 7 лѣтъ мальчикъ сталъ говорить, а когда царь собралъ весь народъ и велѣлъ мальчику узнать своего отца, онъ указалъ прямо на рыбака. Тогда царь бросилъ рыбака и царевну съ сыномъ въ темницу и морилъ ихъ тамъ голодомъ, однако, по желанію рыбака, тутъ-же явился горшокъ каши, потомъ стали окна въ темницѣ, а наконецъ, и сами они мгновенно перенеслись въ великолѣпный дворецъ, который вдругъ явился для нихъ на высокой горѣ.

Однажды царевнѣ захотѣлось увидѣть своего отца, въ виду чего, по слову рыбака, сдѣлалась отъ ихъ дворца до царскаго прямая дорога, по сторонамъ которой стояли клѣтки съ птицами и цвѣли розы. Когда царь увидѣлъ новую дорогу, онъ поѣхалъ по ней, но у него не хватило хлѣба, вслѣдствіе чего онъ вернулся, взялъ запасу на 2 года и поѣхалъ снова, причемъ

однажды, когда онъ попытался по дорогѣ взять одну клѣтку съ птицей, кто-то невидимый ударилъ его по лицу. На самую гору царь, по слову зятя, полѣзъ на колѣняхъ, такъ что у него потекла кровь.

Въ гостяхъ у дочери и зятя прожилъ царь 3 года, но они ему не открылись. Потомъ же, по желанію зятя, онъ мгновенно былъ перенесенъ въ свой дворецъ, дорога же провалилась въ болото. А рыбакъ съ царевной и сыномъ оставались въ своемъ дворцѣ до самой смерти.

Параллели: „Наука", 1894, I—II, 42—45; Чубинскій: Труды, II, 88—90; Рудченко: Сказки, II, 85—89; Романовъ: Бѣлорус. сб., VI, 254—255; Federowski: Lud białor., I, 175—176, II, 37—38, 93—94; Ровинскій: Р. нар. картинки, I, 204—213, IV, 179—180; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 250—258; Худяковъ: Матеріалы, 20—22, 39; „Ж. Стар.", VIII, 109—110, XII, 469—470; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", VIII—4, 345—346, 349—350; Смирновъ: Систем. указатель — „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", XVII—3, 141—143; „Сборн. Кавк.", XV, 2, 45—47, XXXVII, 2, 48—50; Kolberg: Lud, XIV, 51—56, 62—68; Ciszewski: Krakowiacy, I, 190—192; Gliński: Baj. pol., I, 161—171; „Mat. antr.", V, 116—119, X, 261, XI, 44—46; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 28—34; Шапкаревъ: Сборн. умотв., VIII, 169—171; Поливка: Бѣлѣжки, 15; „Národop. Sb.", IV—V, 145, VI, 224—225, VII, 221; „Arch. f. sl. Phil.", XXVI, 463; Müllenhoff: Sagen, 431—432; Grundtvig: Dän. Vm., I, 115—124; Basile: Pentameron, I, 43—55; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 103—109; Luzel: Lég. chrét., II, 59—66; Radloff: Proben, IV, 7—10, 405—407; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 485—489; Köhler: Kl. Schr., I, 405, 587—588.

Ср. также родственную, обработанную Пушкинымъ, сказку о рыбакѣ и рыбкѣ: Ю. А. Яворскій: Къ исторіи Пушкинскихъ сказокъ, 17; Майковъ: Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ Пушкина и ея источники — „Ж. М. Н. Пр.", 1892, V, 146—157; Сумцовъ: Пушкинъ, 287—299; „Ж. Стар.", III, 91—95; Polivka: Rybař a zlatá rybka—„Národop. Sb.", I, 49—63; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 138—148.

33.

Платокъ, шляпа и топоръ.

Въ одномъ городѣ кто-то каждую ночь воровалъ у министра деньги изъ кассы, караульныхъ же солдатъ всѣхъ убивалъ. Наконецъ, вызвался сторожить младшій изъ 3-хъ братьевъ, взявъ съ собою освященное колесо съ золотыми буквами и

освященный мѣлъ. На посту онъ сталъ на этомъ колесѣ и не сходилъ съ него, хотя ночью поднялся страшный вихрь и шумъ и посыпало на него огнемъ. Тутъ пришла къ нему какая-то барыня, которой онъ позволилъ спать въ будкѣ, а въ 12 ч. ее разбудилъ, за что она подарила ему платокъ-невидимку. То-же самое повторилось и на другую ночь, причемъ барыня оставила ему на этотъ разъ шляпу, которая, если только повернуть ее на головѣ влѣво, давала владѣльцу множество войска. На третью ночь надлетѣли и все каркали надъ нимъ вороны, а пламя обжигало ему волосы и брови, барыня же, уходя, оставила ему топоръ, изъ котораго, если потрусить его, всегда сыплются деньги.

Сдѣлавшись, такимъ образомъ, обладателемъ трехъ такихъ волшебныхъ предметовъ, солдатъ покинулъ свою службу и отправился къ другому царю, который объявилъ, что тотъ, кто проиграетъ съ его дочерью цѣлую ночь въ карты, женится на ней. На деньги изъ волшебнаго топора солдатъ игралъ съ царевной до 3 ч. ночи, но затѣмъ послѣдняя, видя, что не можетъ обыграть его, напоила его снотворнымъ напиткомъ и подмѣнила ему топоръ другимъ, поддѣльнымъ, послѣ чего онъ скоро проигралъ всѣ деньги и былъ избитъ и выгнанъ вонъ. Тогда онъ, съ помощью волшебной шляпы, собралъ большое войско и пошелъ приступомъ на царскій дворецъ, но царевна лестью заманила его въ свою комнату и отняла шляпу, а его снова велѣла избить и прогнать. Тогда солдатъ, накрывшись платкомъ-невидимкой, пробрался во дворецъ подъ столъ и сталъ опрокидывать царскія кушанья, но часовой высмотрѣлъ его и сорвалъ съ него платокъ, послѣ чего его опять побили и прогнали прочь.

Тутъ уже солдатъ пошелъ и поступилъ на службу къ одному барину, который, уѣзжая изъ дому, запретилъ ему входить въ одну комнату, что завязана лыкомъ. Однако, онъ все-таки пошелъ туда и увидѣлъ по серединѣ комнаты столикъ, въ ящикѣ котораго онъ нашелъ коробку съ домовымъ своего барина. Взявъ эту коробку съ собою, онъ опять пошелъ въ тотъ городъ, гдѣ жила коварная царевна. Ночью онъ велѣлъ домовому принести къ себѣ царевну въ кровать, что тотъ сейчасъ и исполнилъ, на утро же отнесъ ее назадъ во дворецъ. Чтобы узнать, куда ее уносятъ, царь велѣлъ на другую ночь насыпать ей въ кровать маку, который, разсыпаясь, указалъ-бы дорогу, но домовой понесъ ее по такимъ дебрямъ, что нельзя было открыть

слѣда. На третью ночь приставили къ ней стражу, но домовой потушилъ лампы, побилъ часовыхъ и опять унесъ царевну къ солдату, на утро же отнесъ ее обратно. Тогда уже царь объявилъ, что тотъ, кто бралъ къ себѣ ночью его дочь, женится на ней, въ виду чего солдатъ открылся ему, а затѣмъ уже и женился на царевнѣ.

Параллели: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., IV, 38—42; Гринченко: Этн. мат., II, 253—257; Малинка: Сб. мат., 302—304; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 181—195; Сумцовъ: Разб. Ром., 83; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 328—333; Худяковъ: Великор. ск., I, 40—42; Эрленвейнъ: Нар. ск., 78—82; Иваницкій: Мат. волог., 177—178; „Ж. Стар.", VIII, 105—106; „Этн. Об.", LIII, 101—108; „Сб. Кавк.", XXIII, 3, 35—38, XXXV, 2, 99—101, XLII, 2, 65—68; „Пам. Древн. Письм.", 1879, II, 140—147; „Mat. antr.", V, 45—47, 139—142; „Wisła", VIII, 531—535; Chełkowski: Pow. Przasn., I, 103—112; Ciszewski: Krakowiacy, I, 184—186; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 299—306; Трейландъ: Лат. ск., 196—199; „Č. Lid", VI, 194—195, 237—239; Václavek: Několik pohádek, 39—41; Ристић-Лончарски: Нар. прип., 83—90; „Arch. f. slav. Phil.", XXVI, 460—461; „Zs. öst. Vk.", II, 221, III, 376, IV, 160; Carnoy: Litt. or. Picard., 292—307; „Or. u. Occ.", II, 124—125; Grimm: K. H. M., I, 274—280, II, 173—180, III, 90—94, 201—205; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 464—485; Köhler: Kl. Schr., I, 186—187; Oesterley: Gesta Rom., 466—470, 731.

Мотивъ о домовомъ или чертѣ, носящемъ дѣвицу къ герою, см.: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., V, 190—194; Добровольскій: Смол. сб., I, 556—559; A. G.: Nár. prip. Sošk., III, 56—60; Radloff: Proben, IV, 275—276; Grimm: K. H. M., II, 152—153, III, 196—197.— Ср. также любовный заговоръ у Чубинскаго: Труды, I, 91.—О домовомъ вообще см. выше—стр. 251—255.

34.

Собака, кошка и змѣя.

Выслужилъ парень за годъ 3 гроша и пошелъ съ ними въ свѣтъ. По пути онъ выкупилъ за одинъ грошъ у мужика собаку, которую тотъ собирался убить, затѣмъ за другой грошъ—кошку, которую другой мужикъ несъ топить, наконецъ, за послѣдній грошъ—змѣю, которую били мальчики. Послѣдняя велѣла ему взять ее къ себѣ на шею и нести къ ея отцу, въ награду же требовать у него не что иное, какъ только волшебный камышекъ изъ-подъ его языка, отъ котораго, если только повернуть его подъ языкомъ, исполняются всѣ желанія.

Получивъ этотъ камышекъ, парень пошелъ дальше и встрѣтилъ у большого болота толпу господъ, которымъ царь объявилъ, что выдастъ свою дочь за того, кто перейдетъ черезъ это болото. Парень взялъ 2 доски и, переставляя ихъ впереди себя, перешелъ черезъ болото къ царю. Однако, тотъ велѣлъ ему еще построить за ночь дворецъ въ 3 этажа, а въ немъ 12 погребовъ и въ каждомъ изъ нихъ по столику. Тутъ, благодаря камышку, явились къ нему 3 черта, которые до утра исполнили эту задачу, послѣ чего уже царь отдалъ ему свою дочь въ жены.

Черезъ нѣкоторое время жена вывѣдала у него тайну о камышкѣ, а затѣмъ во время сна вынула у него камышекъ и положила его себѣ подъ языкъ, когда же къ ней явились 3 черта, то приказала имъ соединить ее съ прежнимъ любовникомъ и отнести ихъ обоихъ вмѣстѣ, съ цѣлымъ дворцомъ, за море, а мужа оставить одного, лишь съ его собакой и кошкой, на мѣстѣ.

Покинутый мужъ пошелъ и нанялся гдѣ-то на службу, а его собака и кошка отправились искать камышекъ. Переправившись черезъ море, они пришли къ царевнѣ и стали здѣсь ловить крысъ, которыя, чтобы избавиться отъ этихъ преслѣдованій, заставили царевну во снѣ, посредствомъ щекотанія въ носу испачканнымъ хвостомъ, выплюнуть камышекъ на землю, а затѣмъ отдали его сейчасъ кошкѣ. Взявъ камышекъ въ ротъ, кошка пустилась вмѣстѣ съ собакой въ обратный путь, однако, на морѣ, отвѣчая на вопросъ собаки, уронила камышекъ въ воду. Выйдя на берегъ, она бросилась ловить рыбъ, пока одна краснопёрая рыбка безъ хвоста не принесла ей камышка обратно, послѣ чего они уже благополучно доставили его своему хозяину.

Получивъ опять свой камышекъ, мужъ тотчасъ велѣлъ явившимся къ нему тремъ чертямъ принести къ нему назадъ его дворецъ съ женой, но послѣднюю прогналъ прочь, а самъ уже остался жить во дворцѣ.

Параллели: Роздольскій: Казки, I, 13—17, II, 39—44, 95—98; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., V, 197—202; S. Barącz: Bajki, 95—97, 113—120; Чубинскій: Труды, II, 52—63; Гринченко: Этн. мат., I, 195—198; Манжура: Сказки, 56—57; его-же: Малор. сказки—„Харьк. Сб.“, VI, 163—164; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 135—144; Малинка: Сб.

мат., 311—315; Шейнъ: Матеріалы, II, 15—18; Добровольскій: Смол. сб., I, 607—615; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 345—350, VI, 404—412; Federowski: Lud bialor., II, 75—81; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 316—328; Эрленвейнъ: Нар. ск., 98—101; Худяковъ: Великор. ск., I, 35—40, III, 61—65; Садовниковъ: Сам. ск., 41—50; Ончуковъ: Сѣв. ск., 153—157; „Ж. Стар.", XI, 79—80; „Этн. Об.", XXII, 123; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", IX—1, 437; Смирновъ: Систем. указатель — „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", XVII—3, 146—154; „Сб. Кавк.", XV, 2, 179—184, XXXVI, 3, 194—208; „Zbiór wiad.", IX, 94—97, XVI, 43—44, XVIII, 339—344; „Mat. antr.", V, 92—96; „Lud", II, 56—62; „Wisła", VII, 152—155; Kolberg: Pokucie, IV, 281—286; его-же: Lud, III, 139—141; Ciszewski: Krakowiacy, I, 115—116; Gliński: Baj. pol., II, 101—114; Świętek: Lud nadr., 361—362; Václavek: Pohádky, I, 28—29; „Č. Lid", VI, 377—378; „Národop. Sb.", I, 144, II, 10—11, III, 116, 122; „Sl. Pohl.", 1896, 221—227; „Zb. Južn. Sl.", I, 124—128; Стефановић: Срп. прип., 50—56, 111—129; Krauss: Sagen u. M. Südsl., II, 163—168; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 155—159, IX, 303; Поливка: Бѣлѣжки, 14, 23; „Arch. f. slav. Phil.", V, 26—27, 38—40, XVII, 575, XIX, 244, 248, 263, XXI, 269, XXVI, 462; Leskien-Brugmann: Lit. M., 460—464, 572—573; „Zs. öst. Vk.", II, 221, III, 189, 377, VII, 95, 98; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 109—114; Carnoy-Nicolaides: Trad. pop. Asie Min., 63—74; „Сб. Миллера", 174; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказ.—„Сб. Миллера", 201; Гомбоевъ: Шидди-Куръ, 62—67; Radloff: Proben, I, 88—117, III, 396—402, IV, 162—164; Клингеръ: Сказ. мот. Герод., 119, 124; Köhler: Kl. Schr., I, 63, 398, 437, 440—441; Dähnhardt: Natursagen, IV, 147—160.—Ср. также ниже—№ 35.

Мотивъ о благодарной змѣѣ вообще см. еще ниже—№ 38.

35.

Чудесная свѣча.

Бѣдный человѣкъ записалъ чертямъ свою душу, послѣ чего получилъ отъ нихъ волшебную свѣчу, отъ которой, если зажечь ее, исполняются всѣ желанія. Съ помощью послѣдней онъ сразу разбогатѣлъ и сдѣлался войтомъ.

Однажды зашелъ къ нему жидъ-тряпочникъ и вывѣдалъ у него тайну его успѣха, а затѣмъ, въ другой разъ, воспользовавшись его отсутствіемъ, купилъ у его жены, вмѣстѣ съ тряпками, и самую свѣчу, благодаря которой тутъ-же самъ сдѣлался войтомъ, а его пустилъ съ сумой.

Пошелъ человѣкъ со своей собачкой въ свѣтъ. По дорогѣ собачка вырыла кольцо, благодаря которому, когда человѣкъ

повернулъ его на пальцѣ, явился къ нему чертъ, возвратившій ему затѣмъ и чудесную свѣчу, и прежнее богатство и званіе войта. Коварный же жидъ былъ казненъ.

Параллели: Роздольскій: Казки, II, 28—32; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 26—29, IV, 154—159, V, 194—196; S. Bącz: Bajki, 88—89, 113—120, 188; Добровольскій: Смол. сб., I, 524—525, 557—559; „Zbiór wiad.", V, 247—248; Kolberg: Lud, III, 133—136; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 177—181; Dobšinský: Prostonár. pov., II, 74; A. G.: Nár. prip. Sošk., II, 20—33, III, 56—60; „Č. Lid", XI, 291—294; „Zs. öst. Vk.", II, 188; Grimm: K. H. M., II, 150—154, III, 196—197.—Ср. также выше—№ 34.

36.

Охъ.

Въ лѣсу, въ большомъ дубѣ, жилъ чертъ по имени Охъ, у котораго въ ученіи было 11 учениковъ. Къ нему привелъ одинъ отецъ своего глупаго сына, котораго Охъ тоже принялъ въ ученіе, но поставилъ при этомъ условіе, что черезъ годъ, если отецъ его не узнаетъ, онъ оставитъ его у себя совсѣмъ.

По уходѣ отца Охъ зажегъ 4 сажени дровъ и бросилъ мальчика въ огонь, гдѣ тотъ превратился въ яйцо, а затѣмъ, когда онъ бросилъ имъ объ землю, сдѣлался опять мальчикомъ, но оказался еще недостаточно умнымъ. Тогда Охъ зажегъ 6 саженей дровъ и бросилъ его снова въ огонь, послѣ чего онъ превратился въ орѣхъ, а затѣмъ, отъ удара объ землю, сдѣлался опять мальчикомъ. Такъ какъ онъ, однако, еще не былъ достаточно умнымъ, то Охъ зажегъ еще 8 саженей дровъ и бросилъ его третій разъ въ огонь, такъ что онъ превратился въ маковое зерно, изъ котораго опять вышелъ мальчикомъ, причемъ, однако, уже былъ мудрѣе самого Оха.

Послѣ этого Охъ заперъ своего ученика за 12 дверей, но тотъ обратился въ муху, вылетѣлъ въ замочную скважину и предупредилъ отца, что Охъ при опознаніи превратитъ его и другихъ 11 учениковъ въ 12 одинаковыхъ лошадей, въ 12 утокъ, въ 12 собакъ и въ 12 мухъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ также указалъ отцу примѣты, по которымъ онъ можетъ узнать его.

Затѣмъ онъ возвратился такимъ же образомъ назадъ къ Оху, а на другой день отецъ, по условленнымъ примѣтамъ, узналъ сына и взялъ его съ собою домой.

Дома сынъ превратился въ золотого коня и велѣлъ отцу продать себя за 9 сотенъ, но безъ узды. Между тѣмъ, отецъ продалъ его Оху вмѣстѣ съ уздой, а тотъ привязалъ его въ конюшнѣ такъ туго, что онъ едва задними ногами доставалъ до земли. Когда, однако, Охъ куда-то ушелъ, остальные его ученики освободили коня, который тутъ-же, топнувъ ногою, превратился въ муху и улетѣлъ къ отцу.

Черезъ нѣкоторое время онъ превратился опять въ золотую птицу въ золотой клѣткѣ и велѣлъ отцу продать себя за 5 сотенъ, но безъ клѣтки. Однако, отецъ снова продалъ его Оху съ клѣткою, а тотъ заперъ его у себя въ желѣзную клѣтку, но ученики опять выпустили его на свободу. Превратившись въ муху, онъ снова улетѣлъ къ отцу, избѣжавъ погони Оха.

Послѣ этого онъ превратился въ желѣзную перчатку (?), которой Охъ уже не хотѣлъ купить, въ виду чего отецъ продалъ ее за 3 сотни старому солдату. Ночью же онъ сдѣлался опять человѣкомъ и пошелъ въ свѣтъ.

Напечатано, съ указаніемъ важнѣйшей литературы предмета, въ „Живой Старинѣ“, VII, 443—445. Ср. нашу же рецензію на ст. Ю. И. Поливки—тамъ-же, X, 589—591.

Параллели: Гнатюкъ: Знадобы, I, 169; его-же: Етн. мат. Уг. Р., II, 30—33; Драгомановъ: Преданія, 326—328; Чубинскій: Труды, II, 368—379; Рудченко: Сказки, II, 107—114; Мордовцевъ: Малор. сб., 359—361; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 48—54; Nowosielski: Lud ukr., I, 301—304; Шейнъ: Матеріалы, II, 57—60; Добровольскій: Смол. сб., I, 615—619; Federowski: Lud białor., I, 91—93, 136, II, 78—79, 145—149; Худяковъ: Великор. ск., I, 65—69, III, 71—76; Эрленвейнъ: Нар. ск., 87—91; Садовниковъ: Сам. ск., 212—217; Иваницкій: Мат. волог., 182—184; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 127—136; „Ж. Стар.“, V, 456—459, IX, 140—143; „Этн. Об.,“ XXVIII, 131, XXXIV, 167—168, LVI, 1—24; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, VIII—4, 348, 352—353; „Сб. Кавк.“, VI, 2, 197—200, VII, 1, 125—128, 2, 110—117, X, 2, 322—324, XVIII, 3, 23—26, XLII, 2, 151—156; Ждановъ: Р. был. эпосъ, 178—180; „Zbiór wiadom.“, V, 254—255, XI, 107—109, 241—243, XII, 38—40, XVI, 68—70; „Mat. antr.“, V, 21—22, X, 255—256; „Wisła“, XIV, 270—272; Kolberg: Lud, III, 136—138, XIV, 46—51; Ciszewski: Krakowiacy, I, 73—75; Gliński: Baj. pol., I, 172—185; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 417—421, II, 58—60, 385—389; Трейландъ: Лат. ск., 50; „Č. Lid“, VI, 182—184, IX, 91—94; „Národop. Sb.“, VII,

222; „Slov. Pohl.“, 1896, 328—330; Václavek: Pohádky, II, 71; „Slavia“, 22—23; Krauss: Sagen u. M. Südsl., II, 243—245; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 262—263, IX, 315—316, 349, 450—452; Strausz: Die Bulgaren, 273—274; Поливка: Магьосникътъ и неговиятъ ученикъ, 1898; „Arch. f. slav. Phil.“, XVII, 574, XIX, 242, XXVI, 459; „Zs. Ver. Vk.“, XV, 455; Grimm: K. H. M., I, 366—368, III, 117—119, 287—288; Müllenhoff: Sagen, 466—467; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 51—53; Schott: Wal. M., 193—198; Hahn: Griech. u. alb. M., II, 34—38; Stier: Ung. M., 102; Gonzenbach: Sic. M., I, 93, 139—140; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказ.—„Сб. Миллера“, 195, 210; „Or. u. Occ.“, III, 374—375; Потанинъ: Очерки, IV, 198—199, 531—533; Radloff: Proben, IV, 157—160; Гомбоевъ: Шидди-Куръ, 7—9; Köhler: Kl. Schr., I, 138—140, 556—558; Dähnhardt: Natursagen, III, 460—462; Cosquin: Les Mongols et leur prétendu rôle dans la transmission des contes indiens vers l'Occident européen, 1912.

Мотивъ о чертовской школѣ см.: Jagić: Die südslav. Volkssagen von d. Grabancijaš dijak u. ihre Erklärung—„Arch. f. slav. Phil.“, II, 437—481, IV, 611, VII, 281—290; „Сб. Кавк.“, XVIII, 3, 348—349; Václavek: Pohádky, II, 72; Müllenhoff: Sagen, 192—193; Grundtvig: Dän. Vm., II, 280—308: Vinson: Folklore Basque, 6; „Albina Carpatilor“, III, 54; Schmidt: Das Jahr Rum., 16; Graf: Naturgesch. d. Teufels, 249—250.

Къ мотиву о превращеніи мальчика въ яйцо вообще см.: Ю. А. Яворскій: Omne vivum ex ovo, 1909.

Мотивъ о превращеніяхъ во время борьбы или погони вообще см.: Чубинскій: Труды, V, 574—575, 704; Манжура: Сказки, 27; Перетцъ: Малор. вирши и пѣсни, II, 119; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 119, IV, 114, 118; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 167, 189, 195; Худяковъ: Великор. ск., III, 18—19; Ончуковъ: Сѣв. ск., 4—7; „Ж. Стар.“, XII, 240; „Этн. Об.“, II, 9, XXVIII, 131; Пыпинъ: Очеркъ, 109, 294—295; его-же: Памятники, III, 67; Тихонравовъ: Лѣтописи, IV, 118; Сиповскій: Русск. повѣсти, 12, 19—20; Веселовскій: Сол. и Китовр., 232—233; его-же: Разысканія, VI, 43—44, 67—78, X, 430—432, XIII, 198—199; Буслаевъ: Нар. поэзія, 33—34; Миллеръ: Очерки, I, 184—185; Шамбинаго: Къ лит. ист. старинъ о Вольгѣ—„Ж. М. Н. Пр.“, 1905, XI, 140—145; Kolberg: Mazowsze, II, 54—56, III, 247, IV, 274—275; его-же: Lud, I, 134—135, IV, 19—20, XII, 97—100, XXI, 27—28, XXII, 102—103; Świętek: Lud nadr., 193; Трейландъ: Лат. ск., 50; Stier: Ung. M., 102; Petriceicu-Hasdeu: Cuvinte din bětrânū, 501—566, 694—705; Radloff: Proben, IV, 33.—Ср. также ниже—№ 41 и 98.

Мотивъ объ уздѣ, какъ орудіи или оберегѣ превращенія человѣка въ лошадь, см. еще: Гнатюкъ: Русины Пряш., 56; его-же: Етн. мат. Уг. Р., III, 41—42; „Сб. Кавк.“, XIII, 2, 11; Krauss: Slav. Volksforschungen, 52—53; Трейландъ: Лат. ск., 125.—См. также ниже—№ 37.

37.

Птичій языкъ.

Пошелъ парень искать службы и встрѣтилъ діявола, который сначала, узнавъ, что онъ грамотенъ, не хотѣлъ его принять на службу, но затѣмъ, когда онъ забѣжалъ впередъ и притворился неграмотнымъ, взялъ его съ собой и поручилъ ему стирать пыль съ книгъ и кормить коня впроголодь, а самъ уѣхалъ на цѣлый годъ изъ дому. Но парень прочелъ всѣ книги и выучился изъ нихъ понимать языкъ животныхъ, коня же холилъ и кормилъ вдоволь. Незадолго до возвращенія діявола конь велѣлъ парню накормить себя получше, чтобы онъ могъ бѣжать съ нимъ отъ діявола, который по возвращеніи превратилъ-бы и парня въ коня, какъ превратилъ когда-то и его самого. Затѣмъ конь вывезъ парня за границу, послѣ чего, когда тотъ снялъ съ него узду, сдѣлался сѣдымъ старикомъ, а уходя, запретилъ ему говорить кому-либо, даже собственной женѣ, правду о своемъ чудесномъ знаніи.

Парень пошелъ и встрѣтилъ 3-хъ купцовъ съ сукнами, къ одному изъ которыхъ онъ и нанялся на службу. Когда купцы, по случаю яснаго дня, рѣшили провѣтрить на солнцѣ свои сукна, новый слуга, узнавъ изъ разговора птицъ о предстоящемъ ливнѣ, убѣдилъ своего хозяина не раскладывать сукна, а наоборотъ, поскорѣе заѣхать въ корчму; другіе два купца не повѣрили, и дождь совершенно промочилъ ихъ и ихъ товары. Ночью парень опять подслушалъ разговоръ птицъ о томъ, что въ корчму ударитъ вскорѣ молнія, предупредилъ объ этомъ своего хозяина и выѣхалъ съ нимъ изъ корчмы, которая тутъ-же загорѣлась. Наконецъ, на ночлегѣ въ лѣсу парень снова услышалъ отъ птицъ, что дома у его хозяина разбойники украли дочь, а жена его съ горя хочетъ повѣситься. По указанію слуги, купецъ поспѣшилъ домой и предотвратилъ самоубійство жены, самъ же парень отправился въ лѣсъ къ разбойникамъ и освободилъ дѣвушку, на которой онъ затѣмъ и женился.

Однажды жена стала допрашивать мужа — откуда у него такое знаніе будущаго? Тотъ не хотѣлъ открыть ей правду, говоря, что долженъ-бы умереть, но жена все-таки настаивала. Тогда мужъ передъ смертью пошелъ еще осмотрѣть свое хозяйство и тутъ услышалъ, какъ пѣтухъ, клюя куръ, говорилъ

имъ, что онъ не такъ глупъ, какъ ихъ хозяинъ, и сумѣетъ управиться съ ними. Пристыженный мужъ побилъ тогда свою жену, послѣ чего она уже оставила его въ покоѣ.

Параллели: Основной разсказъ—о человѣкѣ, пріобрѣвшемъ (отъ змѣи, изъ волшебныхъ книгъ и т. п.) знаніе языка животныхъ, благодаря которому онъ узнаетъ будущее и предотвращаетъ угрожающія ему или его хозяину или другу опасности, а наконецъ, въ одной группѣ варіантовъ, избавляется также отъ опаснаго для него любопытства жены,—вообще см.: Гнатюкъ: Легенды, I, 215; его-же: Етн. мат. Уг. Р., II, 96—101; Роздольскій: Казки, II, 86—88; „Наука", 1897, I—III, 135—141; Сабовъ: Христоматія, 212; S. Barącz: Bajki, 124; Драгомановъ: Преданія, 75—76, 311—313; Манжура: Сказки, 72—73; Гринченко: Этн. мат., II, 121—122; „Кiев. Стар.", XLIX, 2, 109—111; Романовъ: Бѣлор. сб., IV, 140—142, 217—219; Добровольскій: Смол. сб., I, 354—355; Federowski: Lud białor., II, 38—39; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 124—127; Худяковъ: Великор. ск., I, 135—144; Владиміровъ: Введеніе, 163; Ровинскій: Р. нар. карт., I, 258—260, IV, 190—191; „Ж. Стар.", IX, 195; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", VIII—4, 346; „Изв. Каз. О-ва Археол.", XIV—3, 251—258; „Сб. Кавк.", VII, 2, 98—110, IX, 2, 181—183, XVIII, 2, 151—154, XXIV, 2, 72—81; „Lud", IV, 299—304; „Wisła", II, 179, 474—475, VI, 134—137; „Zbiór wiad.", XI, 43—44, XVI, 4—5, XVIII, 479; „Mat. antr.", IV, 115, VI, 352—353, VIII, 169—172, X, 281—282; Kolberg: Lud, VIII, 216—218; „Č. Lid", VIII, 150—151; Dobšinský: Prostonár. pov., III, 83—86; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 439—444; его-же: Slav. Volksforschungen, 72—73; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 249—252, IX, 306—307, 321—322, 377—378; Поливка: Бѣлѣжки, 20, 24; „Národop. Sb.", II, 100, III, 102, 122, IV—V, 134; „Arch. f. slav. Phil.", VII, 318, XXI, 278—279, 300, XXIX, 474; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 218—219; Pedersen: Zur alb. Vk., 82—88; Fleury: Litt. or. B.-Normandie, 123—124; „Zs. Ver. Vk.", VI, 339; Grimm: K. H. M., I, 93, 172—174, III, 27, 289, 364—367; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 131—134; Radloff: Proben, IV, 492—495; Rosen: Tuti-Nameh, II, 238—241; Benfey: Ein Märchen von d. Thiersprache—„Or. u. Occ.", II, 33—171; его-же: Kl. Schr., II—3, 234—286; Oesterley: Gesta Rom., 208, 213, 221, 230; Liebrecht: Gerv. v. Tilbury, 155; Клингеръ: Животное, 162; Köhler: Kl. Schr., II, 336, 340, 342, 610—611, III, 539.—См. также ниже—№ 38 и въ особенности—№ 96.

Мотивъ о наймѣ діяволомъ неграмотнаго слуги см. еще: „Zbiór wiad.", XI, 107—109; Трейландъ: Лат. ск., 49—50; Grimm: K. H. M., III, 117—118.

Мотивъ объ освобожденіи отъ волшебнаго превращенія посредствомъ снятія узды см. выше—№ 36.

